

Николай Васильевич Гоголь

Письма 1842-1845 годов

Содержание

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ. <Между 1 и 7 января 1842. Москва.>	0024
П. А. ПЛЕТНЕВУ Генваря 7 <1842. Москва> . .	0026
В. Ф. ОДОЕВСКОМУ <Около 24 января 1842. Москва.>	0032
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ <Между 24 и 27 января 1842. Москва.>	0034
В. Ф. ОДОЕВСКОМУ 27 генваря <1842>. Москва	0035
М. П. БАЛАБИНОЙ <Январь 1842. Москва.> . .	0036
П. А. ПЛЕТНЕВУ Февраля 6-го <1842. Москва>	0038
Н. М. ЯЗЫКОВУ Февраля 10 <1842. Москва> . .	0042
М. П. ПОГОДИНУ <Январь—первая половина февраля 1842. Москва.>	0044
П. А. ПЛЕТНЕВУ Февраля 17 <1842. Москва> .	0045
М. П. БАЛАБИНОЙ <17 февраля 1842. Москва.>	0047
М. П. ПОГОДИНУ <Около 24 февраля 1842. Москва.>	0052
М. П. ПОГОДИНУ <24 февраля 1842. Москва.>	0053
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Москва. Февраль 24 <?1842>	0054
М. П. ПОГОДИНУ <Вторая половина февраля 1842.	

Москва.>	0056
С. С. УВАРОВУ <Между 24 февраля и 4 марта 1842 Москва.>	0057
М. А. ДОНДУКОВУ-КОРСАКОВУ <Между 24 февраля и 4 марта 1842. Москва.>	0061
П. А. ПЛЕТНЕВУ <4 марта 1842. Москва.>	0064
М. П. ПОГОДИНУ <Конец февраля—начало марта 1842. Москва.>	0066
М. П. ПОГОДИНУ <Конец февраля—начало марта 1842. Москва.>	0067
М. П. ПОГОДИНУ <Конец февраля—начало марта 1842. Москва.>	0068
М. П. ПОГОДИНУ <Между 1 и 11 марта 1842. Москва.>	0069
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ 13 марта <1842. Москва>	0070
М. П. ПОГОДИНУ <Между 7 и 14 марта 1842. Москва.>	0072
М. П. ПОГОДИНУ <Около 14 марта 1842. Москва.>	0073
М. П. ПОГОДИНУ <16 марта 1842. Москва.>	0074
П. А. ПЛЕТНЕВУ 17 марта <1842>. Москва	0075
М. И. ГОГОЛЬ 22-го марта <1842. Москва>	0081
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Марта 25 <1842. Москва>	0083
П. А. ПЛЕТНЕВУ 27 марта <1842. Москва>	0084
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Марта 30 <1842. Москва>	0085

Н. М. ЯЗЫКОВУ Москва. Марта 30/Апреля 11 <1842>	0089
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ 4 апреля 1842. Москва	0092
М. П. ПОГОДИНУ <Март—начало апреля 1842. Москва.>	0093
М. П. ПОГОДИНУ <Март—начало апреля 1842. Москва.>	0094
М. П. ПОГОДИНУ <Март—начало апреля 1842. Москва.>	0095
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ 9 апреля <1842. Москва>	0096
П. А. ПЛЕТНЕВУ Москва. 10 апреля <1842> . .	0098
А. В. НИКИТЕНКО <10 апреля 1842. Москва.>	0100
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Апреля 15 <1842. Москва> . . .	0103
М. П. ПОГОДИНУ <Вторая половина апреля (до 28- го) 1842. Москва.>	0105
М. П. ПОГОДИНУ <Вторая половина апреля (до 28- го) 1842. Москва.>	0106
М. П. ПОГОДИНУ <30 апреля 1842. Москва.>	0107
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <9 мая 1842. Москва.>	0108
В. А. ЖУКОВСКОМУ <10 мая 1842. Москва.> .	0111
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Москва. Мая 11 <1842>	0113
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ 15 мая <1842. Москва>	0115
А. А. ИВАНОВУ Мая 16 <1842. Москва>	0118
П. М. ЯЗЫКОВУ Москва. 18 мая 1842	0121
М. П. ПОГОДИНУ <Между 10 и 22 мая 1842. Москва.>	0123

М. П. ПОГОДИНУ <Между 10 и 22 мая 1842. Москва.>	0124
ИННОКЕНТИЮ (И. А. БОРИСОВУ) Москва. Мая 22 <1842>	0125
М. П. ПОГОДИНУ <Между 17 и 23 мая 1842. Москва.>	0127
М. П. ПОГОДИНУ <Между 17 и 23 мая 1842. Москва.>	0128
В. И. УСАЧЕВУ <Между 17 и 23 мая 1842. Москва.>	0129
Н. М. ЯЗЫКОВУ <Между 18 и 23 мая 1842. Москва.>	0130
С. Т. АКСАКОВУ <Октябрь 1841—23 мая 1842. Москва.>	0131
М. П. ПОГОДИНУ <Октябрь 1841—23 мая 1842. Москва.>	0132
М. П. ПОГОДИНУ <Февраль—23 мая 1842. Москва.)	0133
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Май—4 июня 1842. С.-Петербург.>	0134
Е. В. ПОГОДИНОЙ 1842. СПб. 4 июня	0135
С. Т. АКСАКОВУ СПб. Июня 4 <1842>	0136
М. И. ГОГОЛЬ СПб. 4 июня <1842>	0138
С. П. ШЕВЫРЕВУ <С.-Петербург. 4 июня 1842.>	0139
В. Ф. ОДОЕВСКОМУ <1833—4 июня 1842. С.-Петербург.>	0141
В. А. ЖУКОВСКОМУ Июня 26 <н. ст. 1842>. Берлин	

.....	0142
В. А. ЖУКОВСКОМУ <Гастейн. 20 июля н. ст. 1842.>	0148
.....	0148
П. В. НАЩОКИНУ Гастейн. Июль 20/8 <1842>	0151
Д. Е. БЕНАРДАКИ <Около 20 июля н. ст. 1842. Гастейн.>	0164
НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ <Около 20 июля н. ст. 1842. Гастейн.>	0171
С. Т. АКСАКОВУ Гастейн. Июля 27/15 <1842>	0175
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Гастейн. Июля 27/15 <1842>	0179
.....	0179
А. А. ИВАНОВУ Гастейн. Июля 20 <ст. ст. 1842>	0184
.....	0184
Н. М. ЯЗЫКОВУ Мюнхен. Августа 5 <1842>	0186
С. П. ШЕВЫРЕВУ Августа 15 <н. ст. 1842>. Гастейн	0189
.....	0189
С. Т. АКСАКОВУ Гастейн. 18/6 августа <1842>	0194
А. П. ЕЛАГИНОЙ <?> <Около 18 августа н. ст. 1842. Гастейн.>	0210
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ Гастейн. Августа 22/10 <1842>	0211
А. А. ИВАНОВУ <Август н. ст. 1842. Гастейн.>	0213
А. А. ИВАНОВУ Гастейн. Августа 30 <н. ст. 1842>	0215
.....	0215
М. И. ГОГОЛЬ Гастейн. Сентября 1/Августа 19 1842	0219
.....	0219
М. В. ГОГОЛЬ <Август—сентябрь н. ст. 1842. Гастейн.>	0223
.....	0223

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Гастейн, 10 сентября/29 августа <1842>	0227
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ <Июль—сентябрь 1842. Гастейн?>	0230
ГАРТМАНУ <13 октября н. ст. 1842. Рим.> . . .	0234
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Рим. Октябрь 22/10 <1842> . . .	0236
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ Рим. Октября 23/11 <1842>	0241
А. В. НИКИТЕНКО Рим. Октября 30 <н. ст.> 1842 . . .	0246
В. А. ЖУКОВСКОМУ Рим. Ноябрь 1 <н. ст. 1842> . . .	0250
М. П. БАЛАБИНОЙ Рим. Ноября 2 <н. ст.> 1842	0251
П. А. ПЛЕТНЕВУ Рим. Ноября 2 <н. ст. 1842> .	0254
С. П. ШЕВЫРЕВУ Рим. Ноябрь <12 н. ст. 1842>	0258
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Рим. Ноябрь 26/14 <1342>	0262
М. С. ЩЕПКИНУ <26 ноября н. ст. 1842. Рим.>	0267
П. А. ПЛЕТНЕВУ Рим. 28 ноября <н. ст. 1842>	0268
М. С. ЩЕПКИНУ Рим. Ноября 28 <н. ст. 1842>	0271
А. О. СМИРНОВОЙ Рим. Ноября 29 <н. ст. 1842>	0275
О. С. АКСаКОВОЙ <Около 29 ноября 1842. Рим.> . . .	0277
К. С. АКСаКОВУ <Около 29 ноября н. ст. 1842.	

Рим.>	0280
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Ноябрь 1842.>	0286
НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ <Ноябрь 1842. Рим.>	0288
М. С. ЩЕПКИНУ <3 декабря н. ст. 1842. Рим.>	0290
А. О. СМИРНОВОЙ <17 декабря н. ст. 1842. Рим.> .. 0296	
НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ <Вторая половина 1842.>	0298
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Генваря 5 <1843>/Декабря 24 <1842>. Рим.	0299
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Февраля 6/18. Рим <1843> ... 0302	
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ Рим. 26/14 февраля <1843>	0304
С. П. ШЕВЫРЕВУ Февраля 28 <н. ст. 1843>. Рим. 0318	
С. П. ШЕВЫРЕВУ Марта 2 <н. ст. 1843>. Рим. .	0337
С. Т. АКСАКОВУ Рим. Март 18 <н. ст. 1843> ..	0341
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Около 20 марта 1843. Рим.>	0353
В. А. ЖУКОВСКОМУ Рим. Март 28 <н. ст. 1843> 0355	
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Марта 28/16 <1843>. Рим. 0357	
С. П. ШЕВЫРЕВУ Апрель 7 <н. ст. 1843>. Рим.	0359
С. Т. АКСАКОВУ <7 апреля н. ст. 1843. Рим.> .	0365
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Апреля 15/3 <1843. Рим>	

- Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Рим 17/5 апреля <1843> 0369
- Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Рим. 19 апреля <н. ст. 1843>
 0376
- М. И. ГОГОЛЬ <Вторая половина марта—апрель
 1843. Рим.> 0379
- О. С. АКСАКОВОЙ <Апрель н. ст. 1843. Рим.> .0403
- НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ <Октябрь
 1837—апрель 1843.> 0406
- В. А. ЖУКОВСКОМУ Флоренция. Мая 5-го <н. ст.
 1843> 0407
- А. А. ИВАНОВУ Гастейн. 17 мая <н. ст. 1843> .0411
- С. П. ШЕВЫРЕВУ Гастейн, мая 17 <н. ст. 1843>
 0416
- Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Гастейн, 18 мая <н. ст. 1843>
 0420
- С. Т. АКСАКОВУ Гастейн, мая 24 <н. ст. 1843> 0422
- К. С. АКСАКОВУ <24 мая н. ст. 1843. Гастейн.>
 0426
- Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Мюнхен. Мая 28 <н. ст. 1843>
 0428
- Н. М. ЯЗЫКОВУ Мая 28 <н. ст. 1843. Мюнхен>
 0434
- Н. М. ЯЗЫКОВУ 10 июня <н. ст.> 1843. Суббота.
 Вистбаден 0438
- Н. М. ЯЗЫКОВУ 18 июня <н. ст. 1843. Эмс> ... 0440
- А. О. РОССЕТУ 1843. 18 июня <н. ст.> Эмс. ... 0446
- А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <20 июня н. ст. 1843. Эмс.>

.....	0448
О. С. АКСАКОВОЙ 20 июня <н. ст. 1843>.	
Дюссельдорф.....	0463
А. О. СМИРНОВОЙ Баден-Баден <4 июля н. ст. 1843>.....	0466
Н. М. ЯЗЫКОВУ Баден-Баден. 8 июля <н. ст. 1843>	0469
С. Т. АКСАКОВУ Баден. 24 июля <н. ст. 1843>.	0473
С. Т. АКСАКОВУ Дюсс<ельдорф>. 30 августа <н. ст. 1843>.....	0477
Н. Д. БЕЛОЗЕРСКОМУ Августа 30 <н. ст.>. Дюссельдорф. 1843.....	0479
А. А. ИВАНОВУ Дюссельдорф. 1 сент<ября н. ст. 1843>.....	0481
С. П. ШЕВЫРЕВУ 1843. Дюссельдорф. 1 сентября <н. ст.>.....	0484
Н. М. ЯЗЫКОВУ Дюссельдорф. 1 сент<ября н. ст. 1843>.....	0487
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Дюссельдорф. Сентябрь 3 <н. ст. 1843>.....	0488
С. П. ШЕВЫРЕВУ Дюссельдорф, сентября 20 <н. ст. 1843>.....	0490
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Дюссельдорф. Сентябрь 24 <н. ст. 1843>.....	0496
М. И. ГОГОЛЬ 1 октября <н. ст.> 1843. Дюссельдорф.....	0502
Н. М. ЯЗЫКОВУ Дюссельд<орф>. Октября 5 <н. ст. 1843>.....	0506

П. А. ПЛЕТНЕВУ Дюссельдорф. 6 окт<ября н. ст. 1843>	0510
С. П. ШЕВЫРЕВУ Дюссельдорф. Октября 6 <н. ст. 1843>	0516
М. П. ПОГОДИНУ <Около 2 ноября н. ст. 1843. Дюссельдорф.>	0523
Н. М. ЯЗЫКОВУ Дюссельдорф. Ноябрь<я> 4 дня <н. ст. 1843>	0537
В. А. ЖУКОВСКОМУ Ницца. Суббота 2 декабря <н. ст. 1843>	0550
НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ <1837–1843.> ..	0554
П. И. РАЕВСКОЙ <1842–1843.>	0555
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Ницца. Генвар<я> 1 <1844>./Декаб<ря> 20 [В подлиннике: Декаб<ря> 21 <ошибочно?>] <1843>	0558
Н. М. ЯЗЫКОВУ Ницца. Генваря 2 <1844>./Декабря 21 <1843>	0561
В. А. ЖУКОВСКОМУ Ницца. Генв<аря> 8 <н. ст. 1844>	0566
А. А. ИВАНОВУ Ницца. Генварь <10 н. ст.> 1844 года	0570
С. Т. АКСаКОВУ, М. П. ПОГОДИНУ И С. П. ШЕВЫРЕВУ Генварь, 1844-го г. Ницца	0575
С. П. ШЕВЫРЕВУ Ницца. Февраль 2 <н. ст.> 1844	0578
С. Т. АКСаКОВУ 1844. Ницца. Февраль 10/Январь 29 [В подлиннике: Генварь 30 <ошибочно?>] ..	0586
П. В. АННЕНКОВУ Февраля 10 <н. ст.> Ницца. 1844	

.....	0588
М. П. ПОГОДИНУ <14 февраля н. ст. 1844. Ницца.>	
.....	0594
А. О. СМИРНОВОЙ <15 февраля н. ст. 1844. Ницца.>	0600
Н. М. ЯЗЫКОВУ Февраля 15 <н. ст.>. Ницца. 1844	0601
А. О. РОССЕТУ <Февраль (?) 1844. Ницца.>	0612
С. П. ШЕВЫРЕВУ Ницца. Март 12 <н. ст.> 1844	0615
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Ницца. <Около 15 марта н. ст. 1844.>	0622
А. А. ИВАНОВУ Ницца. Марта 18 <н. ст. 1844>	0628
А. О. СМИРНОВОЙ Aix. Марта 20 <н. ст. 1844>	0634
Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Стразбург. Вторник, 26 марта <н. ст. 1844>	0637
А. О. СМИРНОВОЙ Вторник, 26 марта <н. ст. 1844>. Стразбург	0641
Н. М. ЯЗЫКОВУ М<есяца> апреля 2 <н. ст. 1844>. Дармшт<адт>	0644
М. И. ГОГОЛЬ <6 апреля н. ст. 1844. Дармштадт.>	0649
А. О. СМИРНОВОЙ Дармштадт <7 апреля н. ст. 1844.>	0652
Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Франкфурт. 12 апреля <н. ст. 1844>	0657
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Франкфурт, 12-го апреля <н. ст. 1844>	0660

С. М. СОЛЛОГУБ <12 апреля н. ст. 1844. Франкфурт.>	0663
С. И. СОЛЛОГУБ <12 апреля 1844 н. ст. Франкфурт.>	0666
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ Франкфурт <13 апреля н. ст. 1844>	0669
В. А. ПЕРОВСКОМУ <20 апреля н. ст. 1844. Франкфурт.>	0675
А. О. СМИРНОВОЙ Франкфурт. Апреля 20 <н. ст. 1844>	0679
П. В. АННЕНКОВУ Франкфурт. Мая 10 <н. ст. 1844>	0688
С. Т. АКСАКОВУ 16 мая <н. ст. 1844>. Франкфурт... 0694	
А. О. СМИРНОВОЙ Франкфурт, 16 мая <н. ст. 1844>	0702
В. А. ЖУКОВСКОМУ Мая 23 <н. ст. 1844. Баден> ... 0716	
В. А. ЖУКОВСКОМУ Баден-Баден. Мая 29 <н. ст. 1844>	0718
А. О. СМИРНОВОЙ <30 мая н. ст. 1844 Франкфурт.>	0720
А. В. И Е. В. ГОГОЛЬ <Октябрь 1843—май 1844.> ... 0721	
А. В., Е. В. И О. В. ГОГОЛЬ <Январь—май н. ст. 1844.>	0725
М. И. ГОГОЛЬ Франкфурт на Майне. Июнь 12 <н. ст. 1844>	0731

- М. И. ГОГОЛЬ Франкфурт. <15 июня н. ст. 1844> . . .
0747
- А. В. ГОГОЛЬ Франкфурт. 15 июня <н. ст. 1844>
0751
- Н. М. ЯЗЫКОВУ Франкфурт. 15 июнь <н. ст. 1844>
. 0754
- В. А. ЖУКОВСКОМУ Баден-Баден. Середа <20 июня
н. ст. 1844> 0757
- М. П. БАЛАБИНОЙ Франкфурт. 12 июля <н. ст.
1844> 0760
- Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Франкфурт. 13 <июля н. ст.
1844 г.> 0763
- М. П. ПОГОДИНУ <Франкфурт. 13 июля 1844 г. н.
ст.> 0765
- Н. М. ЯЗЫКОВУ Франкф<урт>. 14 июля <н. ст.
1844> 0767
- С. М. СОЛЛОГУБ Франкфурт, 24 июля 1844 <н. ст.>
. 0771
- В. А. ЖУКОВСКОМУ Остенде. 30 июля <н. ст. 1844>
. 0773
- В. А. ЖУКОВСКОМУ Остенде. 6 августа <н. ст.
1844> 0775
- А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ Остенде. Августа 15 <н. ст.
1844> 0779
- А. О. СМИРНОВОЙ Остенде. 26 августа <н. ст.
1844> 0782
- В. А. ЖУКОВСКОМУ Остенде. 1 сентября <н. ст.
1844> 0790

М. П. ПОГОДИНУ Остенде. 1 сентября <1844. н. ст.>	0792
Н. М. ЯЗЫКОВУ <Первая половина сентября н. ст. 1844. Остенде.>	0795
Е. В. ГОГОЛЬ Остенде. Сентября 15 <н. ст. 1844> . . . 0797	
А. П. ТОЛСТОМУ Брюсель, 16 сент<ября н. ст. 1844>	0801
А. О. СМИРНОВОЙ 24 сентября <н. ст. 1844>. Франкф<урт>	0804
С. М. СОЛЛОГУБ Франкфурт, 24 сентября <н. ст.> 1844	0809
Н. М. ЯЗЫКОВУ Франкфурт. 1 октября <н. ст. 1844>	0814
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ 1844. Октября 2 <н. ст. Франкфурт>	0816
С. П. ШЕВЫРЕВУ Франкфурт. Октябрь <3 н. ст. 1844>	0818
Л. К. И А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ Франкф<урт>, 12 октября <1844>	0820
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ 1844. Франкфурт, 16 окт<ября н. ст.>	0822
П. А. ПЛЕТНЕВУ Francf. s/M 24 октября <н. ст. 1844>	0824
А. О. СМИРНОВОЙ Франкфурт. 24 октября <н. ст. 1844>	0829
И. Е. БЕЦКОМУ <Между 1 и 26 октября н. ст. 1844. Франкфурт.>	0842

А. А. ИВАНОВУ 26 октября <н. ст. 1844>. Фр<анкфурт>	0843
Н. М. ЯЗЫКОВУ 26 октябр<я н. ст. 1844>. Франкф<урт>	0845
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ 26 октября <н. ст. 1844. Франкфурт>	0851
А. О. СМИРНОВОЙ 3 ноября <н. ст. 1844>. Франк<фурт>	0854
С. Т. АКСАКОВУ 12 ноября <н. ст. 1844. Франкфурт>	0862
Н. М. ЯЗЫКОВУ <12 ноября н. ст. 1844. Франкфурт.>	0864
А. М. ВЪЕЛЬГОРСКОРОЙ <Между 7 и 23 ноября 1844 н. ст. Франкфурт.>	0872
А. М. ВЪЕЛЬГОРСКОЙ Франкф<урт>. 23 ноября <н. ст. 1844>	0873
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ Франкфурт. Декабря 1 <н. ст. 1844>	0876
Н. М. ЯЗЫКОВУ Декабря 2 <н. ст. 1844. Франкфурт>	0880
М. И. ГОГОЛЬ 12 декабря [В подлиннике: сентября] 1844. Франкфурт <н. ст.>	0885
П. А. ПЛЕТНЕВУ <Между 1 и 14 декабря н. ст. 1844. Франкфурт.>	0888
С. П. ШЕВЫРЕВУ 14 декабря <н. ст. 1844>. Франкфурт	0914
М. П. ПОГОДИНУ Франкф<урт>. 20 декабря <н. ст. 1844>	0933

С. Т. АКСАКОВУ Франкфурт. Декабря 22 <н. ст. 1844>	0939
Л. К. И А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ Франкфурт. 24 декабря <1844>	0956
Ю. Ф. САМАРИНУ <24 декабря н. ст. 1844 Франкфурт.>	0957
А. О. СМИРНОВОЙ 24 декабря <н. ст. 1844. Франкфурт>	0959
Н. М. ЯЗЫКОВУ Франкф<урт>. 26 декабря <н. ст. 1844>	0980
Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Франкф<урт>. 28 декаб<ря н. ст. 1844>	0990
А. О. СМИРНОВОЙ 1844. Декабря 28 <н. ст. Франкфурт>	0993
Н. М. ЯЗЫКОВУ 1845. Генварь 2 <н. ст. Франкфурт>	1029
А. А. ИВАНОВУ 1845 год. Генварь <9 н. ст.>. Франкф<урт>	1042
В. А. ЖУКОВСКОМУ На 1845 год. <11 января н. ст. 1845. Франкфурт>	1046
Н. М. ЯЗЫКОВУ Франкфурт. 15 [13] <11> генвар<я> <н. ст. 1845>	1050
В. А. ЖУКОВСКОМУ Париж. Генваря 12 <ст. ст. 1845>	1053
Н. М. ЯЗЫКОВУ <Начало февраля н. ст. 1845. Париж.>	1056
В. А. ЖУКОВСКОМУ Париж. Генваря 28 <ст. ст. 1845>	1057

Н. М. ЯЗЫКОВУ Париж. Февраля 12 <н. ст. 1845> . . .	
1059	
А. О. СМИРНОВОЙ 1845. Париж. Февраль 24 <н. ст.>	1062
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ <Конец февраля н. ст. 1845. Париж.>	1068
Ф. Н. БЕЛЯЕВУ <5 марта н. ст. 1845. Франкфурт.>	1070
Л. К. И А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ 5 марта <н. ст. 1845. Франкфурт>	1072
А. П. ТОЛСТОМУ 5-го марта <н. ст. 1845. Франкфурт>	1074
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ 1845. Франкфурт. 14 февраля <14 марта н. ст.>	1078
Н. М. ЯЗЫКОВУ Марта 15 <н. ст. 1845>. Франкфурт	1080
А. О. СМИРНОВОЙ Франкф<урт> s/М. февраля <марта> 15 <н. ст.> 1845	1083
А. П. ТОЛСТОМУ Франк<фурт>. 1845. Март 29 <между 20 и 28 марта н. ст.>	1087
А. П. ТОЛСТОМУ Марта 28 <н. ст. 1845>. Фран<кфурт>	1092
А. О. СМИРНОВОЙ Франкф<урт>. 2 апре<ля н. ст. 1845>	1096
Н. М. ЯЗЫКОВУ Апреля 5 <н. ст. 1845>. Франкф<урт>	1104
А. О. РОССЕТУ Франкфурт. 1 мая <н. ст. 1845>	1115

- Н. М. ЯЗЫКОВУ Франкфурт. 1 мая <н. ст. 1845> . . .
1118
- С. Т. АКСАКОВУ Франкфурт. 2 мая <н. ст. 1845> . . .
1122
- С. С. УВАРОВУ <Конец апреля 1845. Франкфурт.> . . .
1124
- А. О. СМИРНОВОЙ Франкф<урт. 11 мая н. ст. 1845>
. 1128
- Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Мая 17 <н. ст. 1845>.
Франк<фурт> 1133
- В. А. ЖУКОВСКОМУ Вторник. <20 мая н. ст. 1845.
Гомбург> 1135
- П. А. ПЛЕТНЕВУ Франкф<урт>. Мая 24 <н. ст. 1845>
. 1137
- И. И. БАЗАРОВУ <Весна 1845. Франкфурт.> . . 1138
- А. О. СМИРНОВОЙ Гомбург. Июнь 4 <н. ст. 1845> . . .
1139
- Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ 5 июня <н. ст. 1845.
Гомбург> 1144
- Н. М. ЯЗЫКОВУ 5 июня <н. ст. 1845>. Гомбург,
близ Франкф<урта> 1146
- А. А. ИВАНОВУ Франкф<урт>. Июня 18 <н. ст.>
1845 1151
- А. О. СМИРНОВОЙ Гомбург. [Франкфурт] 18
<июня н. ст. 1845> 1153
- А. О. СМИРНОВОЙ Берлин. 5 июля <н. ст. 1845> . . .
1156
- В. А. ЖУКОВСКОМУ Берлин. Июль 14 <н. ст. 1845>

.....	1160
А. О. СМИРНОВОЙ Берлин. 15 июля <н. ст. 1845> ..	
1167	
В. А. ЖУКОВСКОМУ Карлсбад. 24 июля <н. ст.	
1845>	1170
А. О. СМИРНОВОЙ 25 июля <н. ст. 1845. Карлсбад>	
.....	1173
Н. М. ЯЗЫКОВУ Карлсбад. 25 июля <н. ст. 1845> ...	
1179	
М. И. ГОГОЛЬ Карлсбад. Июля 28 <н. ст. 1845>	
1184	
А. О. СМИРНОВОЙ Карлсбад. 28 июля <н. ст. 1845>	
.....	1187
А. П. ЕРМОЛОВОЙ Карлсбад. Август 3 <2 н. ст.	
1845>	1197
В. А. ЖУКОВСКОМУ Греффенберг. 11 сентября <н.	
ст. 1845>	1199
А. О. СМИРНОВОЙ Фрейвальдау, то же, что	
Греффенберг. 11 сент<ября н. ст. 1845>	1200
С. М. СОЛЛОГУБ Сентябрь 11 <н. ст. 1845>.	
Фрейвальдау	1203
В. А. ЖУКОВСКОМУ Греффенб<ерг>. 12 сентября	
<н. ст. 1845>	1205
М. И. ГОГОЛЬ Греффенберг. 15 сентября <н. ст.	
1845>	1212
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Середина сентября н. ст.	
1845. Греффенберг.>	1214
А. Г. ТОЛСТОЙ Сентябрь 21 <н. ст. 1845>.	

Греффенб<ерг>	1216
С. Т. АКСАКОВУ <Конец сентября н. ст. 1845. Греффенберг.>	1218
А. Г. ТОЛСТОЙ <Конец сентября н. ст. 1845. Греффенберг.>	1219
А. П. ТОЛСТОМУ Дрезден. 1 октября [В подлиннике: сентября <описка>] <н. ст. 1845>	1221
А. А. ИВАНОВУ Верона. 9 октября <н. ст. 1845>	1226
Л. К. И А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ Октября 24 <н. ст. 1845>. Рим	1228
М. И. ГОГОЛЬ Октября 24 <н. ст. 1845. Рим>	1230
А. О. СМИРНОВОЙ Октября 24 <н. ст. 1845>. Рим	1232
С. М. СОЛЛОГУБ <Около 24 октября 1845. Рим.>	1234
А. О. СМИРНОВОЙ Октября 27 <н. ст. 1845>. Рим	1235
В. А. ЖУКОВСКОМУ Рим. 28 октября <н. ст. 1845>	1238
С. Т. АКСАКОВУ Рим. Октяб<ря> 29 <н. ст. 1845>	1241
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ 29 октября <н. ст. 1845>. Рим	1245
С. М. СОЛЛОГУБ <Лето—октябрь 1845. Рим.>	1249
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Окт<ября> 30 <н. ст. 1845. Рим>	1251

Н. М. ЯЗЫКОВУ Рим. 30 окт<ября н. ст. 1845>	1253
А. П. ТОЛСТОМУ Октябрь 31 <н. ст. 1845. Рим>	1255
С. П. ШЕВЫРЕВУ Рим. Ноябрь 20 <н. ст. 1845>	1258
К. С. АКСАКОВУ <Около 20 ноября н. ст. 1845. Рим.>	1265
С. Т. АКСАКОВУ Рим. 25 ноября <н. ст. 1845> .	1268
В. А. ЖУКОВСКОМУ Ноябрь 28 <н. ст. 1845>. Рим. . .	1272
П. А. ПЛЕТНЕВУ Рим. 28 ноябрь <н. ст. 1845> .	1279
М. И. ГОГОЛЬ Декабрь 8 <н. ст. 1845>. Рим. . .	1282
А. В., Е. В. И О. В. ГОГОЛЬ <Октябрь—начало декабря 1845. Рим.>	1285

Николай Васильевич Гоголь

ПИСЬМА 1842–1845 ГОДОВ

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ. <Между 1 и 7 января 1842. Москва.>

Принимаюсь за перо писать к тебе и не в силах. Я так устал после письма только что конченного к Алексан<дре> Осиповне, что нет мочи. Часа два после того лежал в постеле и всё еще рука моя в силу ходит. Но ты всё узнаешь из письма к Александре Осиповне, которое [В подлиннике: которой] доставь ей сейчас же, отвези сам, вручи лично. Белинский сейчас едет. Времени нет мне перевести дух, я очень болен и в силу двигаюсь. Рукопись моя запрещена. Проделка и причина запрещения всё смех и комедия. Но у меня вырывают мое последнее имущество. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись государю. [Вот <она>] Ее вручат тебе при сем письме. [Ее вручит тебе Белинский] Прочтите ее вместе с Плетневым и Александр<ой> Осиповной и обдумайте, как обделать лучше дело. Обо всем этом не сказывайте до времени никому. Какая тоска, какая досада, что я не могу быть лично в Петербурге!

Но я слишком болен. Я не вынесу дороги. Употребите все силы! Ваш подвиг будет благороден. Клянусь, ничто не может быть благороднее! Ради святой правды, ради Иисуса употребите все силы!

Прощай, обнимаю тебя бессчетно. Плетнев и Смирнова прочтут тебе свои письма. Ты всё узнаешь. Кроме их не вручай никому моей рукописи.

Да благословит тебя бог!

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Генваря 7 <1842. Москва>

Расстроенный и телом и духом пишу к вам. Сильно хотел бы ехать теперь в Петербург, мне это нужно, это я знаю, и при всем том не могу. Никогда так не впору не подвернулась ко мне болезнь, как теперь. Припадки ее приняли теперь такие странные образы... но бог с ними, не об болезни, а об цензуре я теперь должен говорить. Удар для меня никак неожиданный: запрещают всю рукопись. Я отдаю сначала её цензору Снегиреву, который несколько толковее других, с тем, что если он находит в ней какое-нибудь место, наводящее на него сомнение, чтоб объявил мне прямо, что я тогда посылаю ее в Петербург. Снегирев чрез два дни объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной, и в отношении к цели и в отношении к впечатлению, производимому на читателя, и что кроме одного незначительного места: перемены двух-трех имен (на которые я тот же час согласился и изменил) —

нет ничего, что бы могло навлечь притязанья цензуры самой строгой. Это же самое он объявил и другим. Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет. Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию: ибо [потому что] обвинения все без исключения были комедия в высшей степени. Как только, занимавший место президента, Голохвостов услышал название: Мертвые души, закричал голосом древнего римлянина: — Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья. В силу наконец мог взять в толк умный президент, что дело идет об ревижских душах. Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензора, что мертвые значит ревижские души, произошла еще бóльшая кутерьма. — Нет, закричал председатель и за ним половина цензоров. Этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревижская душа — уж этого нельзя позволить, это значит

против крепостного права. Наконец сам Снегирев, увидев, что дело зашло уже очень далеко, стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет, что даже нет обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям, что здесь совершенно о другом речь, что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя и на всеобщей ералаше, которую [на всеобщем ералаше, который] произвела такая странная покупка, что это ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных. Но ничего не помогло.

«Предприятие Чичикова, [Но предприятие Чичикова] — стали кричать все, — есть уже уголовное преступление». «Да впрочем и автор не оправдывает его», — заметил мой цензор. «Да, не оправдывает! а вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души». Вот какие толки! Это толки цензоров-азиатцев, то есть людей старых, выслужившихся и сидящих дома. Те-

перь следуют толки цензоров-европейцев, возвратившихся из-за границы, людей молодых. «Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков (сказал один из таких цензоров, именно Крылов), цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого, хотя, конечно, эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но всё же это имя душа, душа человеческая, она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет». Это главные пункты, основываясь на которых произошло запрещение рукописи. Я не рассказываю вам о других мелких замечаниях, как то: в одном месте сказано, что один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. «Да ведь и государь строит в Москве дворец!» — сказал цензор (Каченовский). Тут по поводу [Словом тут по поводу] завязался у цензоров разговор единственный в мире. Потом произошли другие замечания, которые даже совместно пересказывать, и наконец дело кончилось тем, что рукопись объявлена запрещен-

ною, хотя комитет только прочел три или четыре места. Вот вам вся история. Она почти невероятна, а для меня в добавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить в человеке. Цензора не все же глупы до такой степени. Я думаю, что против меня что-нибудь есть. Но дело, между прочим, для меня слишком сурьезно. Из-за их комедий или интриг мне похмелье. У меня, вы сами знаете, все мои средства и всё мое существование заключены в моей поэме. Дело клонится к тому, чтобы вырвать у меня последний кусок хлеба, выработанный семью годами самоотвержения, отчуждения от мира и всех его выгод, [приманок] другого я ничего не могу предпринять для моего существования. Усиливающееся болезненное мое расположение и недуги лишают меня даже возможности продолжать далее начатый труд. Светлых минут у меня не много, а теперь просто у меня отымаются руки. Но что я пишу вам, уже не помню, я думаю, вы не разберете вовсе моей руки. Дело вот в чем. Вы должны теперь действовать соединенными силами и доставить рукопись к государю. Я об этом пишу [писал] к Алексан-

дре Осиповне Смирновой. Я просил ее через великих княжен или другими путями, это ваше дело, об этом вы сделаете совещание вместе. Попросите Алек<сандру> Осипов<ну>, чтобы она прочла вам мое письмо. Рукопись моя у князя Одоевского. Вы прочитайте ее вместе человека три-четыре, не больше. Не нужно об этом деле производить огласки. Только те, которые меня очень любят, должны знать. Я твердо полагаюсь на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами [Далее было: заикаться] тратить больше слов! Обнимаю сильно вас, и да благословит вас бог! Если рукопись будет разрешена и нужно будет только для проформы дать цензору, то, я думаю, лучше дать Очкину для подписанья, а впрочем, как найдете вы. Не в силах больше писать.

Весь ваш Гоголь.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ
<Около 24 января 1842.
Москва.>

Что ж вы все молчите? что нет никакого ответа? Получил ли ты рукопись? Получил ли письма? Распорядились ли вы как-нибудь? Ради бога не томите. Гр. Строганов теперь велел сказать мне, что он рукопись пропустит, что запрещение и пакость случились без его ведома, и мне досадно, что я не дождался этого неожиданного для меня оборота, мне не хочется также, чтобы цензору был выговор. Ради бога обделайте так, чтобы всем было хорошо, и пожалуйста не медлите. Время уходит, время, в которое расходятся книги. Прощай, целую тебя несколько раз. Ради бога не томите меня. Здоровье мое и без того очень плохо.

Весь твой Гоголь.

Письмо это тебе вручит Аркадий Тимофеевич Аксаков. Он через неделю едет назад в Москву, стало быть, рукопись можно вручить

ему, если дело кончено. Я бы готов напечатать в Петербурге, но там напечатанье дороже станет. Обо всем этом переговорите, [Далее вписано и зачеркнуто: Даже у меня нет в Москве] и еще умоляю вас — не томите меня. [Далее начато: но для]

На обороте: Его сиятельству князю Владимиру Федоровичу Одоевскому.

На Литейной в доме Шлипенбаха.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ
<Между 24 и 27 января 1842.
Москва.>

Я не писал к тебе, милый Николай, потому что не был в силах. Так устал от писем и всяких тревог душевных и телесных и, от болезни моей, которой припадки были теперь сильнее, нежели когда-нибудь, что руки не поднимаются. Целую тебя горячо и сильно несколько раз. Ты слышал, я думаю, уже обо всем. Наведайся к Плетневу и узнай от него, что и как рукопись моя, и чтобы они мне [меня] присылали ее как можно скорее, если дело сделано — и типография и бумага ожидают. Уведоми меня хоть строчкой. Никто ко мне не [Никто не] пишет. Или Белинский неверный человек и не передал им во-время писем и тетради. Я писал к нему и Одоевскому.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ
27 генваря <1842>. Москва

Сейчас я только получил письмо от Александры Осиповны. Оно меня очень успокоило. Благодарю ее и всех вас много-много. В теперешнюю минуту такое участие для меня очень дорого. Я бодрю себя как могу, стараюсь выходить из дому и принимать сколько в силах лучшую физиогномию. Я писал тебе через Аркадия Тимофеевича Аксакова. Я уведомлен, что здесь хотят пропустить, но это, кажется, только слова, полагаться нельзя. Во всяком случае действуйте как следует, и если что будет готово, то можно вручить для передачи мне, Аксакову. Он пробудет в Петербурге пять или шесть дней. Обнимаю тебя.

Твой Гоголь.

М. П. БАЛАБИНОЙ

<Январь 1842. Москва.>

Хотел несколько строк напишу к вам. А не хотел — право, не хотел браться за перо. Из этой ли снежной берлоги выставлять нос, и еще писать? Медведи обыкновенно в это время заворачивают свой нос поглубже в шубу и спят. Вы уже знаете, какую глупую роль играет моя странная фигура в нашем родном омуте, куда я не знаю, за что попал. С того времени, как только ступила моя нога в родную землю, мне кажется, как будто я очутился на чужбине. Вижу знакомые, родные лица; но они, мне кажется, не здесь родились, а где-то их в другом месте, кажется, видел; и много глупостей, непонятных мне самому, чудится в моей ошеломленной голове. Но что ужасно — что в этой голове нет ни одной мысли, и если вам нужен теперь болван, для того, чтобы надевать на него вашу шляпку или чепчик, то я весь теперь к вашим услугам. Вы на меня можете надеть и шляпку, и всё, что хотите, и можете сметать с меня пыль, мести у

меня под носом щеткой, и я не чихну, и даже не фыркну, не пошевелюсь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Февраля 6-го <1842. Москва>

Из письма Прокоповича я узнал, между прочим, что вы хотите рукопись отдать Уваро<ву>. Отсоветуйте это делать. [Ради бога, этого не делайте] Уваро<в> был всегда против меня, хотя я совершенно не знаю, чем возбудил его нерасположение. Оно, казалось, началось со времен Ревизора. Иначе действовать при теперешних обстоятельствах тоже, кажется, нельзя, и потому прекратите это дело. Я вижу, не судьба моему творенью [ей] теперь быть напечатану. Да к тому, прошло и время. Я умею покориться. Я попробую еще выносить нужду, бедность, терпеть. А ваше великодушное участие не потеряло чрез то нисколько цены; скажите это всем: Александре Осиповне, графу Вельегорскому, кн. Одоевскому, князю Вяземскому. Я умчу это движенье души в недре моего признательного сердца всюду, куда бы ни завлекла меня моя скитающаяся судьба. Оно будет вечно свежить меня и пробуждать любовь к прекрасным сокрови-

щам, хранящимся в России. Нет, отчаянье не взойдет в мою душу. Непостижим вышний произвол для человека, и то, что кажется нам гибелью, есть уже наше спасенье. Отложим до времени появленье в свет груды моего. И теперь уже я начинаю видеть многие недостатки, и когда сравню сию первую часть с теми, которые имеютя быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнее, третье углубить. О, как бы мне нужен был теперь тихий мой угол в Риме, куда не доходят [не доходили бы] до меня никакие тревоги и волненья! Но что ж делать: у меня больше никаких не оставалось средств. Я думал, что устрою здесь дела и могу возвратиться — вышло не так. Но я тверд. Пересиливаю, сколько могу, и себя и болезнь свою. Неотразима вера моя в светлое будущее, и неведомая сила говорит мне, что дадутся мне средства окончить труд мой. Передайте мою признательность, мою сильную признательность всем. Успокойте их, скажите им, что они уже много сделали для меня. Клянусь, это знает и чувствует одно только мое сердце. Их великодушие, может быть,

мне понадобится еще впереди. Ради бога, успокойте их, а рукопись возвратите мне. Но прежде самое главное, прочтите ее вместе, т. е. впятером, и пусть каждый из вас тут же карандашом на маленьком лоскутке [на маленькой записочке] бумажки напишет свои замечания, отметит все погрешности и несообразности. Грех будет тому, кто этого не делает. Мне всё должно говорить; мне больше, нежели кому другому, нужно [до<лжно>] указывать мои недостатки. Но вы сами можете понять всё это. Пусть все эти лоскуточки они передадут вам, а вы их немедленно препроводите ко мне. Эту небольшую записочку вручите Александре Осиповне. Да хранит вас всех небо! Оно сохранит вас за благородную прелесть ваших душ.

Вечно ваш Гоголь.

Р. С. Будет ли в Современнике место для статьи около семи печатных листов, и согласитесь ли вы замедлить выход этой книжки, выдать [то есть выдать] ее не в начале, а в конце апреля, т. е. к празднику? Если так, то

я вам пришлю в первых числах апреля. Уведомьте.

На обороте: Петру Александровичу Плетневу. Старое письмо.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Февраля 10 <1842. Москва>

Я получил от тебя письмо, писанное ко мне от 16 декабря, и за неделю пред сим получил пару твоих стихотвор<ений>, чудных стихотвор<ений>, которые дунули на всех свежестью и силою; все были восхищены ими. Впрочем, об этом, вероятно, не преминут уведомить тебя все тебя любящие. Я скажу только, что кроме всего прочего сила языка в них чудная. Так и подмывает, и невольно произносишь: Исполин наш язык! Я писал к тебе мало в прежнем письме, потому что был не расположен. Я был болен и очень расстроен, и признаюсь [Далее было: ни о чем] не в мочь было говорить ни о чем. Меня мучит свет и сжимает тоска, и, как ни уединенно я здесь живу, но меня всё тяготит: и здешние пересуды, и толки, и сплетни. Я чувствую, что разорвались [уже разорвались] последние узы, связывавшие меня со светом. Мне нужно уединение, решительное уединение. О! как бы весело провели мы с тобой одни вдвоем за

нашим чудным кофеем по утрам, расходясь на легкий, тихий труд и сходясь на тихую беседу за трапезой и ввечеру. [Далее начато: Я думал, что присутствие мое тут нужно, что я могу быть чем-нибудь полезен] Я не рожден для треволнений и чувствую с каждым днем и часом, что нет выше удела на свете, как звание монаха. Я приеду сам за тобою. Мы отправимся вместе с Петром Михайловичем и Балдовым. Здоровье мое сделалось значительно хуже. Мне советуют ехать в Гастейн, как кстати!

Прощай, пожимаю сильно твою руку. Я бываю часто у Хомяковых. Я их люблю, у них я отдыхаю душой. Прощай, будь здоров, бодр и не горюй ни об чем. Обнимаю и целую тебя и стораю нетерпением то и другое произвести лично.

Твой Н. Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ
<Январь—первая половина
февраля 1842. Москва.>

Всё так, и прекрасно, живо и верно. Это лучшая статья из того, что я читал из твоих путешествий.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Февраля 17 <1842. Москва>

Я получил ваше уведомление о том, что рукопись пропускается. Дай бог, чтоб это было так. Но я еще не получил ее, хотя три [два] дни уже прошло после получения вашего письма. Я немножко боюсь, [Далее было: признаюсь] что она попала к Никитенке. Он, кроме своих цензорских должностных взглядов, понимает званье цензора в смысле древних цензоров римских, то есть [Далее было: смо<трит>] наблюдателей за чистотою нравов, и потому многие мои выраженья пострадают сильно от него. Словом, я не смею еще предаваться надежде, пока вовсе не окончится дело. Дай бог, чтоб оно было хорошо. Я уже ко всему приготовился и чуть не послал было к вам письма, которое нарочно прилагаю вам при сем. Вы можете во всяком случае прочесть его всем, к кому оно имеет отношение. Нельзя ли на Никитенку подействовать со стороны каких-нибудь значительных людей, [Далее было: что<бы>] приободрить и при-

шпорить к большей смелости?

Добрый граф Вьельгорский! как я понимаю и знаю его душу! Но изъяснить каким бы то ни было [каким-нибудь] образом чувства мои было бы смешно и глупо с моей стороны. Он слишком хорошо понимает, что я должен чувствовать. Хорошо бы было, если бы на сих днях я получил мою поэму. Время уходит. В другом письме моем вы начитаете [увид<ите>] просьбу о позволении въехать в ваш Современник. Извините, что так дурно пишу, перо подчинено ножницами, а не ножиком, который неизвестно куды запропастился. Отдайте прилагаемое [это] письмо Мар<ии> Петр<овне> Балабиной. Обнимаю вас.

Ваш Гоголь.

М. П. БАЛАБИНОЙ

<17 февраля 1842. Москва.>

Мне Плетнев сделал за вас выговор, что я не отвечал вам на ваше письмо. Но я вам писал. Правда, это было не письмо, а маленькая записочка, но другого ничего [другой я] не в силах я был тогда сделать, я был тогда болен и слишком расстроен. Но господин, с которым я послал ее в Петербург, вероятно, где-нибудь плотно пообедавши, выронил ее на улице и не посмел предстать к вам с извинением. Иначе я не могу себе изъяснить, почему вы ее не получили. Я был болен, очень болен и еще болен доныне внутренно: болезнь моя выражается такими странными припадками, каких никогда со мной еще не было. Но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напомнило мне ужасную болезнь мою в Вене, а особливо когда я почувствовал то подступившее к сердцу волнение, которое всякий образ, пролетающий в мыслях, обращало в исполина, всякое незначительно-приятное чувство превращало в такую страшную

радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потом следовали обмороки, наконец совершенно сомнамбулическое состояние. И нужно же в довершение всего этого, когда и без того болезнь моя была невыносима, получить еще неприятности, которые и в здоровом состоянии человека бывают потрясающи. [невыносимы] Сколько присутствия духа мне нужно было собрать в себе чтобы устоять! И я устоял. Я креплюсь сколько могу, выезжаю даже из дому, не жалуясь и никому не показывая, что я болен, хотя часто, часто бывает не под силу. Теперь я вижу, что мне совсем не следовало бы [В подлиннике: было] приезжать к вам, что почти не нужно было мое<го> личного присутствия, и без меня верно бы всё так же [шло]. [так же или даже получше устроились бы дела мои] А главное, что хуже всего, я не в силах здесь заниматься трудом, который для меня есть всё. Зато с каким нетерпением ожидаю весны! Но однако ж до отъезда моего я буду у вас. Буду веселее, лучше, нежели был у вас в прошлом году, не так

бестолков, не так странен, не так глуп. Но покаместь я всё еще нездоров, меня томит и душит всё и самый воздух. Я был так здоров, когда ехал в Россию, думал, что теперь удастся прожить в ней поболее, узнать те стороны ее, которые были доселе мне не так коротко знакомы — всё пошло как кривое колесо, по словам пословицы. Скажите вашей маминьке, что мне было передано ее участие, изъявленное ею в письме к одной приятельнице, что оно было мне очень кстати, оно пролило какое-то тихое утешение в мои трудные минуты, оно мне показалось чем-то похожим на светлое предвестие ясного будущего. Я очень, очень много благодарю за него. Может быть, самое длинное письмо ко мне не было бы мне так утешительно тогда, как те коротенькие слова. Итак, вот вам покаместь известия обо мне и о припадках моей болезни, вероятно не похожей на вашу, если только вы до сих пор хвораете, от чего да избавит вас бог. Вам пора быть здоровым, и я хочу вас застать не за Жан-Поль Рихтером, а за Шекспиром и Пушкиным, [Вальтер Скоттом] которые читаются только в здоровом расположении духа, но эту

песню, я думаю, вы слышите часто и без меня. Я вам сделаю один вопрос. Приходило ли вам когда-нибудь желание, [когда-нибудь в мысль] непреодолимое сильное желание читать евангелие? Я не понимаю то желание, которое похоже на долг и которое всякий положил себе иметь, нет, сердечный порыв... но оставляю неоконченную мою речь. Есть чувства, о которых не следует говорить, и произносить о них что-нибудь уже значит профанировать их.

Посоветуйте вашему брату Викт<ору> Петр<овичу> не оставлять живописи. У него есть решительный талант. Талант есть божий дар, и горе тому, кто пренебрежет им! Посоветуйте ему непременно сделать копии с Каналета, находящегося в Эрмитаже, а потом и с Клод Лорена, если будет возможность. Эти две противоположности сильно разовьют его и введут его во многие тайны искусства. Извините, что я решаюсь перенести строки письма моего с этой почтительной четвертушки на сию короткую и дружескую осьмушку. Впрочем, мы с вами, кажется, очень коротки,

то есть я разумею: оба невысокого роста. Надобно вам сказать, что начало письма этого писалось совершенно в другом расположении духа и начато было уже неделю назад. Теперь, сегодня, я получил письмо от Плетнева с известием, что дело мое идет, кажется, лучше. Дай бог! Но я уже был ко всему приготовлен, и к удаче и к неудаче, благодаря провиденью, ниспославшему мне чудную силу и твердость. Прощайте, будьте здоровы. Я молюсь душевно, да снизойдет вам в душу святая ясная тишина. [Далее было: Ибо во сколько раз небо выше, чем земля, во столько раз тихий <?> торжественный душевный покой выше вечного волнения.] Перецелуйте всё ваше семейство, всех, а говорить им, что я их люблю, я почитаю лишним.

Весь ваш Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ
<Около 24 февраля 1842.
Москва.>

Поздравляю от всей души и сердца. Да будет
над ним благодать божья!

М. П. ПОГОДИНУ

<24 февраля 1842. Москва.>

С библиотекой поздравлю, когда узнаю, в чем именно она состоит. А впрочем, верно в ней много добра, когда ты обрадовался.

Из Петербурга известий никаких, я уже раскаиваюсь, что не сделал так, как тобою говорено, т. е. что не отправил к Плетневу письма к Уварову, а впрочем, об этом с тобою поговорю.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Москва. Февраль 24 <?1842>

Я получил твое уведомление, но такое же самое назад тому полторы недели я получил уже от Плетнева, и с тем вместе было сказано, чтобы я готовился к печати, что на днях мне пришлетя рукопись; а между тем уже две недели прошло. Не затеялась ли опять какая-нибудь умная история? Пожалуйста, зайди к Плетневу и разведай. И попроси его, чтобы он был так добр и заехал бы сам к [заехал бы к] Уварову и князю Дундукову-Корсакову, последний был когда-то благосклонен ко мне. Пусть он объяснит им, что всё мое имущество, все средства моего существования заключаются в этом, что я прошу их во имя справедливости и человечества, потому что я и без того уже много терпел и терплю, меня слишком истомили, измучили эти [В подлиннике: этой] истории, и что я теряю много уже чрез одни проволочки, давно лишенный всяких необходимых <средств?>. Словом, пусть он объяснит им это. <Неужели> они будут так

бесчувственны? Здоровье мое идет пополам: иногда лучше, иногда хуже. Но я устал крепко всеми силами и, что всего хуже, не могу совсем работать. Чувствую, что мне нужно быть подальше от всего житейского дрязгу: он меня томит. Прощай. Целую тебя.

Твой Г.

М. П. ПОГОДИНУ
<Вторая половина февраля
1842. Москва.>

Будет готово к четвергу.

С. С. УВАРОВУ
<Между 24 февраля и 4
марта 1842 Москва.>

Милостивый государь

Сергий Семенович!

Не получая дозволенья цензуры на печатанье моего сочинения, я прибегаю к вашему покровительству.

Всё мое имущество и состояние заключено в труде моем. Для него я пожертвовал всем, обрек себя на строгую бедность, на глубокое уединение, терпел, переносил, пересиливал сколько мог свои болезненные недуги в надежде, что, когда совершу его, отечество не лишит меня куска хлеба и просвещенные соотечественники преклонятся ко мне участием, оценят посильный дар, который стремится всякий русский принести своей отчизне. Я думал, что получу скорее ободрение и помощь от правительства, доселе благородно

ободрившего все благородные порывы, и что же?..

Вот уже пять месяцев меня томят странные мистификации цензуры, то манящей позволением, то грозящей запрещением, и наконец я уже сам не могу понять, в чем дело, и чем моя рукопись могла навлечь неблаговоление, и в чем могут состоять обвинения, в силу которых она задерживается. И между тем никто не хочет взглянуть на мое положение, никому нет нужды, что я нахожусь в последней крайности, что проходит время, в которое книга имеет сбыт и продается, и что таким образом я лишаясь средств продлить свое существование, необходимое для окончания труда моего, для которого одного я только живу на свете. Неужели и вы не будете тронуты моим положением? Неужели и вы откажете мне в своем покровительстве? Подумайте: я не предпринимаю дерзости просить вспомоществования и милости, я прошу правосудия, я своего прошу: у меня отнимают мой единственный, мой последний кусок хлеба. Почему знать, может быть, несмотря на мой труд-

ный и тернистый жизненный путь, суждено бедному имени моему достигнуть потомства. И ужели вам будет приятно, когда правосудное потомство, отдав вам должное за ваши прекрасные подвиги для наук, скажет в то же время, что вы были равнодушны к создателям русского слова и не тронулись положением бедного, обремененного болезнями писателя, не могшего найти себе угла и приюта в мире, тогда как вы первые могли бы быть его заступником и меценатом. Нет, вы не сделаете этого, вы будете великодушны. У русского вельможи должна быть русская душа. Вы дадите мне решительный ответ ваш на сие письмо, излившееся прямо из глубины моего сердца.

С чувством совершенного почтения и такой же преданности имею честь быть

Вашего высокопревосходительства

милостивого государя

покорнейший слуга

Николай Гоголь.

**М. А. ДОНДУКОВУ-
КОРСАКОВУ**
**<Между 24 февраля и 4
марта 1842. Москва.>**

Милостивый государь

князь Михаил Александрович!

К величайшему сожалению, мне не удалось быть у вас в бытность вашего сиятельства в Москве. Один раз Чертков, Александр Дм<итриевич>, с которым мы условились ехать вместе, не заехал за мною по причине какого-то помешательства, а потом овладела мною моя обыкновенная периодическая болезнь, во время которой я остаюсь почти в неподвижном состоянии в своей комнате иногда в продолжение двух-трех недель. Впрочем, как я рассудил потом, проезд мой к вам был бы лишним. Дело мое уже вам известно. Я знаю, душа у вас благородна, и вы верно будете руководствоваться одним глубоким чувством справедливости, дело мое пра-

во, и вы никогда не захотите обидеть человека, который в чистом порыве души сидел несколько лет за своим трудом, для него пожертвовал всем, терпел и перенес много нужды и горя и который ни в каком случае не позволил бы себе написать ничего противного правительству, уже и так меня глубоко облагодетельствовавшему. Итак, и теперь я не прилагаю к вам никаких ненужных просьб моих, но если дело уже кончено, моя рукопись послана ко мне и вы были моим справедливым и вместе великодушным заступником — то много, много благодарю вас. Вы не можете взвесить всей моей благодарности к вам, но если бы вы снизошли в глубину моей души, если бы увидели там все томления, которыми меня мучили пять месяцев, отняв чрез то все необходимые средства мои, тогда вы бы поняли, как велика благодарность. Это чувство всегда глубже всех других я чувствовал в моем сердце, а теперь более нежели когда-либо.

С совершенным почтением и такою же преданностью имею честь быть

Вашего сиятельства
милостивого государя
покорный слуга
Николай Гоголь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
<4 марта 1842. Москва.>

Хотя письмо ваше (от 24 ф<евраля>), которое я получил сегодня (4 марта), и льстит мне скорою присылкой рукописи, но я так уже [я у<же>] истомлен неожиданными рассрочками, и притом с моей рукописью такие происходят чудеса, что я того и жду, что опять какая-нибудь случится загвоздка. [Далее начато: Если что]

На всякий случай, если что-нибудь случится, я прилагаю письмо к Уварову. Погодин, которому я показывал его, говорит, что оно убедительно, справедливо и, верно, возымеет действие. Оно было написано до получения вашего письма, когда я изнывал от ожидания бедной моей рукописи. Итак, если только окажется надобность, то вы это письмо вручите ему, если ж нет, пусть остается у вас до времени моего приезда. Посылаю также письмо к князю Дундукову. Я хотел у него быть в Москве, но случившееся одно обстоятельство,

а потом моя периодическая болезнь, подвернувшаяся [случившаяся] не в пору, помешали. Письмо это ему отдайте во всяком случае. [всё равно ему следует отдать] Оно вместе и просительное и благодарственное. Иначе с моей стороны было бы невежливо. А на остальную, неофициальную половину вашего письма я буду отвечать вам в скором времени. Прощайте. Покамест я спешу скорее отправить это письмо на почту. А Никитенке [Никитенку] передайте мою искреннюю благодарность и особенно, если он так будет добр и умен, что оставит в покое мои бедные выражения, которые решительно никому зла не делают.

М. П. ПОГОДИНУ
<Конец февраля—начало
марта 1842. Москва.>

Дай пожалуйста сколько-нибудь в зачет [В подлиннике: зачет] писцу нашему денег. Он ко мне прислал эту записку. У меня нет ни копейки. Он тебе за них напишет. [Далее начато: и]

Потом еще пришли, если принесут к тебе, корректуру.

М. П. ПОГОДИНУ
<Конец февраля—начало
марта 1842. Москва.>

Я не был у Усачева, потому что ты сказал, что заплатишь ему деньги, потому что теперь у тебя есть.

Вопроса: а бедный писарь! я немножко не понял. Разве ты не дал ему? У меня ничего нет. Я едва мог заплатить то, что ему следует.

Что же корректура, я ее ожидаю?

Как здоровье? Твое и Елисаветы Васильевны и Саши?

М. П. ПОГОДИНУ
<Конец февраля—начало
марта 1842. Москва.>

Ищерь — горячий уголь, коренное русское слово.

Я не знаю, почему Шевырев переправил *ricino*, у меня было *olio di rigido*. [Далее было: то есть горчичное масло.] Впрочем, он верно имел резон.

Склоне пусть его так и останется.

М. П. ПОГОДИНУ
<Между 1 и 11 марта 1842.
Москва.>

Пожалуйста пришли мне вторую корректуру вместе с черновою. Мне непременно нужно будет ее сверить, потому что поправки были важные.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

13 марта <1842. Москва>

Вот уже неделя прошла со времени получения твоего письма и почти две недели с тех пор, как оно тобою написано, а между тем я до сих пор не получаю моей рукописи. Я не предчувствовал нимало скорого разрешенья и, читая твое письмо, я и не думал предаваться такой надежде. Мне было только несколько жалко, что ты уже праздновал и простодушно предался мысли, что всё уже кончено, тогда как я чувствовал, что еще не всё кончено. А время между прочим всё уходит и становится невозможным ее печатанье. Итак, ты видишь, что и в Петербурге может завариться путаница из простого дела. Но что бы ни было, ничем я не могу смутиться и ничто не в силах поколебать меня, и так же далек я от отчаяния, как далек от радости. Узнай о причине всего и уведоми меня. В «Москвитянине» не повесть моя, а небольшой отрывок. Я велел набрать десятков экземпляров, — и ты получишь свой от Плетнева. Это единственная

[единственная моя] вещь, которая у меня была годная для журнала. Погодину я должен был дать что-нибудь, потому что он для меня много делал. Плетневу я тоже должен, хотя до сих пор еще не выполнил. Прощай. Обнимаю тебя. Поцелуй за меня жену и всех детей своих. И будь здоров.

Твой Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ
<Между 7 и 14 марта 1842.
Москва.>

Не забудь отправить записку и сказать, что-
бы к субботе непременно было готово.

М. П. ПОГОДИНУ
<Около 14 марта 1842.
Москва.>

Ради бога пусть отпечатают во что бы то ни было. Что за несчастье такое!

Рукою Погодина: Да ведь они пишут только, что нынче не будет готово, а завтра-то непременно.

Хорошо. Я получил из Симбирска от Языкова статью Н. Языкова драматическую.

М. П. ПОГОДИНУ
<16 марта 1842. Москва.>

Павлова тебе велела сказать, что Орлова хопронят сегодня в Девичьем монастыре.

Ермолаевич (Великопольский) просит от тебя какой-то немецкой книги, о которой он тебе писал.

Писем нет никаких?

П. А. ПЛЕТНЕВУ

17 марта <1842>. Москва

Вот уже вновь прошло три недели после письма вашего, в котором вы известили меня о совершенном окончании дела, а рукописи нет как нет. Уже постоянно каждые две недели я посылаю каждый день осведомиться на почту, в университет и во все места, куда бы только она могла быть адресована, — и нигде никаких слухов! Боже, как истомили, как измучили меня все эти ожидания и тревоги! А время уходит, и чем далее, тем менее вижу возможности успеть с ее печатаньем. Уведомьте меня, ради бога, что случилось, чтобы я хотя по крайней мере знал, что она не пропала на почте и чтобы знал, что мне предпринять.

Я силился написать для Современника статью во многих отношениях современную, мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме трех беспутных страниц, которые тот же час истребил. Но как бы то ни

было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова. Посылаю вам повесть мою: Портрет. Она была напечатана в Арабесках; но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее, вы увидите, что осталась одна только канва прежней повести, что всё вышито по ней вновь. В Риме я ее переделал вовсе или, лучше, написал вновь, вследствие сделанных еще в Петербурге замечаний. Вы, может быть, даже увидите, что она более, чем какая другая, соответствует скромному и чистому направлению вашего [вашему] журнала. Да, ваш журнал не должен заниматься тем, чем занимается торопящийся шумный современный свет. Его цель другая. Это благоуханье цветов, растущих уединенно на могиле Пушкина. Рыночная толпа не должна знать к ней [к нему] дороги, с нее довольно славного имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходить-ся с тем, чтобы безмолвно пожать друг другу руку и предаться хоть раз в год тихому размышлению. Вы говорите, что я бы мог достойно подвизаться на журнальном поприще, но что у меня для этого нет терпенья. Нет, у меня нет для этого способностей. Отвлечен-

ный писатель и журналист так же не могут соединиться в одном человеке, как не могут соединить<ся> теоретик и практик. Притом каждый писатель уже означен своеобразным выражением таланта, и потому никак нельзя для них вывести общего правила. Одному дан ум быстрый схватывать мгновенно все предметы мира в минуту их представления. Другой может сказать свое слово, только глубоко обдумавши, иначе его слово будет глупее всякого обыкновенного слова, произнесенного самым обыкновенным человеком. Ничем другим не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится. Труд мой занял меня совершенно всего, и оторваться от него на минуту есть уже мое несчастье. Здесь, во время пребывания моего в Москве, я думал заняться отдельно от этого труда, написать одну, две статьи, потому что заняться чем-нибудь важным я

здесь не могу. Но вышло напротив: я даже не в силах собрать себя.

Притом уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстает мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною. Притом здесь, кроме могущих смутить меня внешних причин, я чувствую физическое препятствие писать. [а. Притом я чувствую здесь физическую невозможность писать б. Притом здесь кроме внешних причин я чувствую физическое препятствие писать] Голова моя страдает всячески: если в комнате холодно, мои мозговые нервы ноют и стынют, и вы не можете себе представить, какую муку чувствую я всякий раз, когда стараюсь в то время пересилить себя, взять [и взять] власть над собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этот искусственный жар меня душит совершенно, малейшее напряжение производит в

голове такое странное сгущение всего, как будто бы она хотела треснуть. В Риме я писал пред открытым окном, обвеваемый благотворным [благотворным д<ля>] и чудотворным для меня воздухом. Но вы сами в душе вашей можете чувствовать, как сильно могу я иногда страдать в то время, когда другому никому не видны мои страданья. Давно остывши и угаснув для всех волнений и страстей мира, я живу своим внутренним миром, и тревога в этом мире может нанести мне несчастье, выше всех мирских несчастий. Участье ваше мне дорого, не оставьте письмо мое без ответа, напишите сейчас вашу строчку. Повесть не разделяйте на два нумера, но поместите ее всю в одной книжке и отпечатайте для меня десяток экземпляров. [Далее было: Поправьте погрешности.] Скажите, как вы нашли ее (мне нужно говорить откровенно)? Если встретите погрешности в слогe, исправьте. Я не в силах был прочесть ее [Далее начато: вн<имательно>] теперь внимательно. Голова моя глупа, [забита] душа не спокойна. Боже, думал ли я вынести столько томлений в этот проезд мой в Россию! Посылаю вам от-

дельные брошюры статьи, напечатанной в Москвитянине, разошлите по адресам. А две неподписанные я определил: одну для наследника. Он был в Риме. Она ему напомнит лучшее время его путешествия, когда он так весело предавался общей веселости в карнавале и был участником [Далее начато: мн<огого>] во многом хорошем. А другой экземпляр для в<еликой> к<нягини> Марьи Николаевны. Велите переплести их в хорошенькую папку. Последней я почитаю ныне священным долгом представить ее. Два другие экземпляры дайте кому найдете приличным — а не то Прокоповичу.

М. И. ГОГОЛЬ

22-го марта <1842. Москва>

Я долго не писал к вам потому, что был совершенно не в силах, и никому во всю бытность теперешнюю мою в Москве я не писал почти. Здоровье мое в странном положении, иногда я просто не в силах даже подумывать о чем-либо. И что всего хуже, мной овладело то тягостное и тоскливое состояние духа, которое и прежде, [Далее начато: ов<ладевало>] и в первый мой приезд в Россию, [и в первый раз] мной было овладело.

Влияние ли климата или что другое, но дурно то, что это действует на мои умственные занятия, и я до сих пор не в силах [и я даже не в силах] привести в порядок дел своих. Как было я чувствовал себя хорошо весь год, проведенный в Риме, так теперь нехорошо. Но государь милостив и благоволил [кажется, благоволил] меня причислить к нашему посольству в Риме, где я буду получать жалованье, достаточное для моего содержания. А до

тех <пор> потерпим. А в ось бог устроит всё к лучшему. Во всяком случае я непременно увижусь с вами. Как это будет, я еще не знаю до сих пор, потому <что> еще нет никакой перемены в моих делах. Но как только получу какие-нибудь средства и возможность, уведомлю вас заблаговременно.

Прощайте, да хранит вас бог.

Ваш сын Николай.

Припасите мне полдюжины рубашек простых. И полдюжины исподнего из холста потолще, чем на рубашках, чем толще, тем лучше.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Марта 25 <1842. Москва>

Не могу решительно постичь, что сделалось. Ни что могло сделаться с моей рукописью. Если бы вновь какое препятствие, об этом дали бы мне знать письмом. Ты бы первый, вероятно, уведомил меня; но вот уже почти месяц от числа, в которое было пущено твое последнее письмо. Уже четвертая неделя поста к концу, уже нет никакой возможности приступить к печатанью. Боже, какая странная, непостижимая судьба! И я сижу без всего, [без всякой] без всяких средств, и нет впереди тоже никаких средств, даже надежды. Что же с нею сделалось? Разве пропала на почте? Ради бога, не мучь меня хотя ты и дай мне какой-нибудь ответ. Всё он будет лучше, чем совершенная неизвестность.

Твой Гоголь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
27 марта <1842. Москва>

Голова моя совершенно пошла кругом. Вчера я получил письмо от Прокоповича, которым он уведомляет меня, что вы послали рукопись еще четвертого марта, в среду на первой неделе поста. Ради бога, уведомьте, с кем вы послали ее и точно ли она была принята на почту и кем. Боже, какая странная участь! Думал ли я, что буду таким образом оставлен без всего? Время ушло, и я без копейки, без состоянья выплатить самые необходимые долги, которых не выплатить бесчестно, без возможности собрать сколько-нибудь на дорогу. Непостижимое стечение бед! Я не знаю даже, где отыскивать следы моей рукописи. Разрешите хотя это по крайней мере, чтобы я знал наверное, пропала ли она или нет.

Весь ваш Н. Гоголь.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Марта 30 <1842. Москва>

После получения письма твоего я неделю [я три] еще прождал, думая, не получу ли как-нибудь уведомления об этом неизъяснимом для меня происшествии, и, наконец, пишу к тебе. Вот уже 30 марта, а рукописи всё нет как <нет>. Всякий день я посылаю разведывать на почту, и всё бесплодно. Что со мною [Далее было: так <?>] делают, так пусть им бог за это простит. Тебе легко произносить подобное утешение: рукописи-де моей все равно хоть к июню выйти, она равно разойдетя. Она, конечно, разойдетя больше, чем всякая иная книга. Но я беру расход ее не в сравнении с другими книгами, а в сравнении [Далее было: с ней самой] или в отношении к ней же самой. Выйди она зимой, мне бы оставалось четыре или пять месяцев продажи, время, в которое, по моему расчету, успело бы выпродаться всё первое издание, и могло бы к [Далее было: как] маю месяцу накопиться денег, сколько мне нужно на дорогу. А теперь

разве только к зиме может что-нибудь набраться, да и это всё должно пойти в уплату прошедшего времени. Потому что всё же таки воздухом нельзя [Далее было: мне] жить, и я должен теперь издерживать [издерживаться] грядущие прибитки. Притом, неужели ты до сих <пор> не можешь понять всю разницу зимнего времени от летнего? Как можно сказать: пора на такое-то сочинение не существует! Пора существует на всё. Что такое-то сочинение разошлось много [почти] летом — это не говорит в пользу твоего мнения; это значит только, что зимою разошло б его вдвое более. Подумай только, что размен мыслей, новостей и впечатлений у нас производится только зимою. Зимой всё соединяется в общества, в города; всё расходится быстро, всё узнается всеми до последней мелкой сплетни. Летом всё гаснет и дремлет; сообщенья людей исчезают: один на Кавказе, другой за границей, третий зарылся в деревенское захолустье. Слухи движутся лениво, новости и вести едва доносятся; шум и крики, способствующие огласке, умолкают все. Сообщенья нет: все разъед<ин>ено. Как же ты хочешь, чтобы

могли быть эти два противоположные времена равно благоприятны расходу книги какой бы то ни было. Разница видна, и тебе пора это знать, потому что тебе предстоит деятельность по этой части, а каким образом и как, мы об этом поговорим сурьезно. Но клянусь: это непостижимо, что делается с моей рукописью. Это во всех отношениях чудеса, и всякий другой мог бы давно сойти с ума. Я сам дивлюсь, как у меня не переверотилось всё в голове. Если бы я знал, по крайней мере, где она, в каких руках, всё бы это было бы хотя сколько-нибудь утешительней. И ты сам сказал так неясно: Плетнев велел сказать, что она отправлена в середу на первой неделе поста, но каким образом, им ли самим или из цензурного комитета, и как отправлена, по почте или с оказией — ничего этого не сказал.

Если выйдет какой-нибудь случай, что я не успею извернуться с обстоятельствами своими, то приготовь мне около пяти тысяч денег. Мы сделаемся в Петербурге. Ты их в октябре всех получишь. Там я тебе расскажу обстоя-

тельно, какую обделал я для тебя жизненную
верную дорогу. Не покупай дома и береги
деньги: ты будешь получать двадцатый, если
не тридцатый, процент верно.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

**Москва. Марта 30/Апреля 11
<1842>**

Письма моего ты не понял. Я сам виноват, я написал его непонятно, потому что, признаюсь, мне не хотелось, мне было страх как тяжело обнаружить пред тобою мое положение. Неужели ты думаешь, что в самом деле меня могут смутить какие бы то ни было сплетни? Да я, пожалуй, сам про себя готов выдумать такие сплетни, каких им и не приснится никому. Но сплетнями я назвал много всяких гадостей, о которых не хотелось распространяться, таких странных, непонятных, непостижимых гадостей, что, клянусь, теперь, как я рассмотрю их, я в них вижу какое-то необыкновенное чудо, начертанное для меня свыше провиденьем не без особенной цели. Иначе изъяснить себе их почти невозможно. Можно бы не смутиться, если бы эти гадости состояли просто из одних пошлых толков. Но эти гадости, сплетни или каверзы, [Далее начато: пош<лые>] или как хочешь [В подлин-

нике: хочь <описка?>] вообрази себе их, лишали меня всего, грозили отнять [а. грозили и отняли б. Далее начато: на некоторое время меня] даже мои бедные средства существования. Эти гадости довели меня до последней крайности нужды, заставили меня быть бесчестным перед теми, у которых я взял деньги с обещанием выплатить в назначенное время, которых чрез то, может быть, лишил многого... Согласись, тут было чем смутиться. Дольше еще не кончились вполне дела мои. Дольше я еще не имею довольно Духу описать и рассказать всё это в письме. Признаюсь, мне тяжело было смутить и тебя весьма многим. Я назвал их неопределенно сплетнями. Мне тяжело было представить тебе иное в печальном виде — которым я манил тебя, как светлым. Скажу только тебе, что состояние мое до сих пор еще тягостно и что припадки, которые было совершенно оставили меня вне России, теперь возвратились. И потому как благодати жду счастливого отъезда. Верю в высший произвол и чую, что слетит последнее мутное, [всё мутное] что было на душе моей, и тогда я расскажу тебе всё. Прощай. Обни-

маю и целую тебя.

Твой Гоголь.

Я получил на днях от Петра Мих<айловича письмо>. Извещает меня, чтобы я был готов в дорогу.

Получил ли ты от к<н>. Вяземского статью мою, помещенную в Москвитяине, под заглавием Рим, которую я велел для тебя отпечатать отдельно?

На обороте: В Ганау близ Франкфурта (на Майне).

Sr. Hochwohlgeboren Herrn Baron von Jasykow in Hanau (in Hessen).

Wohnhaft im Gasthof zum Riesen.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

4 апреля 1842. Москва

Прости меня! я не писал к тебе. Не в силах. Ничего я не могу делать. Если бы ты знал, как тяжело здесь мое существование! Я уж несколько раз задавал себе вопрос: зачем я сюда приехал, и не наделал ли я в двадцать раз хуже, желая поправить дело и сделать лучше? Покоя нет в душе моей. Я не знаю даже, обрадовался ли бы я тебе.

Я толковал здесь об твоих делах, и все говорят в одно: что за глаза это не делается, что для этого нужно тебе приехать и жить здесь, и мне кажется, ты сделал точно дурно, что не приехал; но летом нельзя этого сделать — нужно ожидать зимы. Я был бы уже много счастлив, если бы по крайней мере ты был счастлив.

М. П. ПОГОДИНУ

**<Март—начало апреля 1842.
Москва.>**

Пусть Усачев пришлет свою бумагу в типографию и ожидает меня завтра к нему в три часа. Я ему привезу, если не всё, то часть. [хотя часть]

Я получил от Языкова вновь подтверждение поскорее напечатать брошюрку об га-стейнских водах.

М. П. ПОГОДИНУ

**<Март—начало апреля 1842.
Москва.>**

Я буду у него сегодня и постараюсь кончить
дело.

М. П. ПОГОДИНУ

<Март—начало апреля 1842.

Москва.>

Бог с тобою и твоей гордостью. Не беспокой
меня в теченье двух недель по крайней
мере. Дай отдохновенье душе моей!

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

9 апреля <1842. Москва>

Рукопись получена 5 апреля. Задержка произошла [Далее было: от] не на почте, а от Цензурного комитета. Уведомивши Плетнева, что отправлена 7 марта, Ценз<урный> ком<итет> солгал, потому что 9-го только подписана она цензором. Выбросили у меня целый эпизод Копейкина, для меня очень нужный, более даже, нежели думают они. Я решился не отдавать его никак. Переделал его теперь так, что уж никакая цензура не может придраться. Генералов и всё выбросил и посылаю его к Плетневу для передачи цензору. Пожалуйста, наведайся к нему и узнай.

Больше всего для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься, и потому задержка мне весьма повредит. Мне странно, что ты не получил экземпляра «Рима», тогда как Плетнев прежде всего должен был доставить тебе, потому что ты виновник был того, что и другим досталось по экземпляру. Из-за

тебя я велел отпечатать пятнадцать брошюр отдельно. Да что же ты меня не уведомишь и не расскажешь о слухах и толках? Ты хоть и уединенно живешь, но всё же до тебя доходит кое-что. Теперь рукопись моя, вероятно, таскалась по рукам многих, стало быть, о ней говорят. Я же страх люблю слышать все толки, особенно жесткие толки и взгляды с неблагоприятных сторон. Они мне теперь все нужны до последнего. Прощай, душа моя. Целую тебя; жду с нетерпением времени свиданья и встречи, чтоб о многом поговорить с тобой.

Твой Гоголь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Москва. 10 апреля <1842>

Уничтожение Копейкина меня сильно смутило! Это одно из лучших мест в поэме, и без него — прореха, которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его, чем лишиться вовсе. Я выбросил весь генералитет, характер Копейкина означил сильнее, так что теперь видно ясно, что он всему причиною сам и что с ним поступили хорошо. Присоедините ваш голос и подвиньте кого следует. Вы говорите, что от покровительства высших нужно быть подальше, потому что они всякую копейку делают алтыном. Клянусь, я готов теперь рублем почитать всякую копейку, которая дается на мою бедную рукопись. Но я думаю даже, что один Никитенко может теперь ее пропустить. Прочитайте, вы увидите сами. Третьего дня я получил от него письмо, из которого видно, что он подвигнут ко мне учащем. Передайте ему при сем прилагаемый ответ и листы Копейкина и упросите без малейшей задержки

передать вам для немедленной пересылки ко
мне, ибо печатанье рукописи уже началось.

Весь ваш Гоголь.

А. В. НИКИТЕНКО
<10 апреля 1842. Москва.>

Милостивый государь Александр Васильевич!

Благодарю вас за ваше письмо. В нем видно много участия, много искренности и много того, что прекрасно и благородно волнует человека. Да, я не могу пожаловаться на цензуру: она была снисходительна ко мне, и я умею быть признательным. Но, признаюсь, уничтожение Копейкина меня много смутило. Это одно из лучших мест. И я не в силах ничем залатать ту прореху, которая видна в моей поэме. Вы сами, одаренные эстетическим вкусом, который так отразился в письме вашем, вы сами можете видеть, что кусок этот необходим, не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим, и кто в душе художник, тот поймет, что без него остается сильная прореха. Мне пришло на мысль: может быть, цензура устрашилась генералитета. Я

переделал Копейкина, я выбросил всё, даже министра, даже слово: «превосходительство». [даже слова: «превосходительство» теперь нет] В Петербурге за отсутствием всех остается только одна временная комиссия. Характер Копейкина я вызначил сильнее, так что теперь ясно, что он сам причиной своих поступков, а не недостаток сострадания в других. Начальник комиссии даже поступает с ним очень хорошо. Словом, всё [оно] теперь в таком виде, что никакая строгая цензура, по моему мнению, не может найти предосудительного в каком бы ни было отношении. Молю вас возвратить мне это место, и скорее сколько возможно, чтобы не задержать печатанья. У Плетнева вы возьмите рукопись и передайте ее потом ему же для пересылки ко мне. Ничего вам не скажу более, ибо вы сами в письме вашем сказали, что понимаете меня, стало быть, поймете и благодарность мою.

Истинно преданный вам Н. Гоголь.

Апреля 10. 1842. Москва.

На обороте: Его высокоблагородию Алек-
сандру Васильевичу Никитенке.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Апреля 15 <1842. Москва>

Что же ты замолчал? Теперь переписка завязалась между нами и потому не должна уже прерываться никогда. Она обратилась в дельную, а это — ручательство за ее долговременность и аккуратность. Прежде всего: к Плетневу о Копейкине. Я боюсь, чтобы не затянулось, а без Копейкина я не могу и подумать выпустить рукописи. Скажи, что я молю отстаивать во что бы то ни было. Просто страм цензуре, потому что теперь в том виде, как я переделал и послал к Плетневу, никакая цензура не может сделать привязки. Если имя Копейк<ин>а их остановит, то я готов его назвать Пяткиным и чем ни попало. Впрочем, имя Копейкина везде в других местах оставила цензура. Теперь второе: рукопись моя, без сомнения, уже побывала во многих руках в Петербурге, стало быть, о ней носятся толки. Пожалуйста, разведай, как и что говорят о ней, и, если можно, [Далее начато: а. с сохра<нењем> б. пере<скажи> в. скажи] переска-

жи мне с сохраненьем самой физиогномии замечаний. Это мне очень нужно и полезно. Наконец, третье: навести тебя на движенъе и на деятельную работу могу только один я, а каким образом, об этом поговорим при встрече, и ты почувствуешь истину слов моих. Печатанье мое шло бы успешно, но праздники помешают: в продолжение почти полторы недели нельзя никакими силами заставить здесь наборщиков работать. Прощай, целую тебя. Пиши и не ленись. Ты видишь, что теперь письма пишутся почти сами собой.

М. П. ПОГОДИНУ

**<Вторая половина апреля (до
28-го) 1842. Москва.>**

Перфильев просит тебя сегодня в три часа Победать, где будет Одоевский. Я бы и сам поехал, но кажется мои ноги не пустят. Так распухли и разболелись, что не могу натащить других сапогов кроме спальных.

М. П. ПОГОДИНУ
<Вторая половина апреля (до
28-го) 1842. Москва.>

Посылаю послание Языкова.

А насчет Мертвых душ: ты бессовестен, неумолим, жесток, неблагоразумен. Если тебе ничто и мои слезы, и мое душевное терзанье, и мои убеждения, которых ты и не можешь и не в силах понять, то исполни по крайней мере ради самого Христа, распятого за нас, мою просьбу: имей веру, которой ты и не в силах и не можешь иметь ко мне, имей ее хоть на пять-шесть месяцев. Боже! Я думал уже, что я буду спокоен хотя до моего выезда. Но у тебя всё порыв! Ты великодушен на первую минуту и чрез три минуты потом готов повторить прежнюю песню. Если б у меня было какое-нибудь имущество, я бы сей же час отдал бы всё свое имущество с тем только, чтобы не помешать до времени моих произведений.

М. П. ПОГОДИНУ
<30 апреля 1842. Москва.>

Я до сих пор не получил из Петербурга Ко-
пейкина. Печатанье чрез это остано-
вилось. Всё почти уже готово. Какой медлитель-
ный Никитенко, просто нет мочи. Ну хоть бы
дал знать одной строчкой. Пожалуйста, до-
бейся толку. Еще: постарайся быть к 9 мая
здесь. Этот день для меня слишком дорог, и я
бы хотел тебя видеть в этот день здесь. Про-
щай! Обнимаю тебя.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ <9 мая 1842. Москва.>

Из письма твоего (я получил его сегодня, 9 мая, в день моих именин, и мне казалось, как будто я увидел тебя самого) — из письма твоего вижу, что ты не получил двух моих писем: одного, отправленного того же дня по получении твоего, и другого — месяцем после. Я адресовал их обоим в Белгород на имя сестры, так, как ты сам назначил, сказавши, что останешься в нем долго.

Но нечего пенять [В исходном тексте: жалеть (опечатка?)] на то, что мы не увидались с тобой и в сев раз! Так, видно, нужно! По крайней мере, я рад и спокоен, получивши твое письмо; в нем слышится ясное спокойствие души. Слава богу! труднейшее в мире приобретено, прочее всё будет в твоей власти. И потому дождемся полного свидания, которое торжественно готовит нам будущее.

Ответа не жду на это письмо в Москве, по-

тому что через полторы недели от сего числа еду. Это будет мое последнее и, может быть, самое продолжительное удаление из отечества: возврат мой возможен только через Иерусалим. Вот всё, что могу сказать тебе.

Посылаю тебе отрывок под названием «Рим», который я нарочно тиснул в числе 10 экз<емпляров> отдельно. Как он тебе покажется и в чем его грехи, обо всем этом напиши. Ты знаешь сам, что я всегда уважал твои замечания и что они мне нужны.

Письма адресуй в Рим на имя банкира барона Валентини (Piazza Apostoli nel suo proprio palazzo). Если не получишь ответа, не слушайся и пиши вслед затем другое. Всё пиши, что ни делается с тобою, потому что всё это для меня интересно. Я напишу потом вдруг. Если же тебе захочется получить ответ еще до сентября месяца (европейского), то адресуй в Гастейн, что в Тироле, откуда в сентябре я выеду в Рим.

Через неделю после этого письма ты полу-

чишь отпечатанные «Мертвые души», преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования. Но довольно.

Крепись и стой твердо: прекрасного много впереди! Если же что в жизни смутит тебя, наведет беспокойство, сумрак на мысли, вспомни обо мне, и при одном уже твоём напоминании отделится сила в твою душу! Иначе не сильна дружба и вера, обитающая в твоей душе!

Прощай, обнимаю тебя. Будь здоров. Вместе с письмом сим несется к тебе благословенье и сила.

Твой Гоголь.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

<10 мая 1842. Москва.>

Здоровы ли вы? что делаете? я буду к вам. Ждите меня! Много расскажу вам прекрасного. Если вы смущаетесь чем-нибудь и что-нибудь земное и преходящее вас беспокоит, то будете отныне тверды и светлы верою в грядущее. Всё в мире ничто пред высокой любовью, которую содержит бог к людям. Благословенье снизойдет на вас и на вашу подругу. До свиданья! ждите меня!

Ваш Гоголь.

Напишите какой-нибудь ответ Иванову об его деле. Он в затруднительном положении. Клянусь, он боле, чем кто другой, достоин помощи!

На обороте: В Дюссельдорф (в Пруссии).

à son Excellence Monsieur

monsieur de Joukovsky

à Dusseldorf (en Prussie Rhenane).

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Москва. Мая 11 <1842>

Ты удивляешься, я думаю, что до сих пор не выходят «Мертвые души». Всё дело задержал Никитенко. Какой несносный человек! Более полутора месяца он держит у себя листки Копейкина и хоть бы уведомил меня одним словом, а между тем все листы набраны уже неделю тому назад, и типография стоит, а время это мне слишком дорого. Но бог с ними со всеми! Вся эта история есть пробный камень, на котором я должен испытать, в каком отношении ко мне находятся многие люди. Я пожду еще два дни и, если не получу от [Далее было: несносного] Никитенка, обращусь вновь в здешнюю цензуру, тем более, что она чувствует теперь раскаяние, таким образом поступивши со мною. Не пишу к тебе ни о чем, потому чрез недели две буду, может быть, сам у тебя, и мы поговорим обо всем и о деле, от которого, как сам увидишь, много будет зависеть твое положение и твоя деятельность. [Далее было: но] Я получил письмо от

Белин<ского>. Поблагодари его. Я не пишу к нему, потому что, как он сам знает, обо всем этом нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сделаем в нынешний проезд мой чрез Петербург. Прощай. Будь здоров, тверд и крепок духом, и надейся на будущее, которое будет у тебя хорошо, если только ты веришь мне, дружбе и мудрости, которая недаром дается человеку.

Твой Гоголь.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

15 мая <1842. Москва>

Благодарю тебя именно за то, что ты в день 9 мая написал письмо ко мне. Это было движенье сердечное: оно сквозит и слышно в твоих строках. Я хорошо провел день сей, и не может быть иначе: с каждым годом торжественней и торжественней он для меня становится. Нет нужды, что не сидят за пиром пирававшие прежде; они присутствуют [Далее начато: за] со мной неотразимо, и много присутствует с ними других, дотоле не бывавших на пире. Ничтожна грусть твоя, которая на мгновенье осенила тебя в сей день; она была поддельная, ложная грусть: ибо ничего, кроме просветленья мыслей и предчувствий чудесного грядущего, не должен заключать сей день для всех, близких моему сердцу. Обманула тебя, как ребенка, мысль, что веселье твое уже сменилось весельем нового поколенья. Веселье твое еще и не начиналось. Запечатлей же в сердце сии слова: ты узнаешь и молодость, и крепкое, разумное мужество, и

мудрую старость. Узнаешь их прекрасно, постепенно, торжественно-спокойно, как непостижимой божьей властью я чувствую отныне всех их разом в моем сердце. Девятого же мая я получил письмо от Данилевского. Оно меня утешило. Я за него спокоен. Три-четыре слова, посланные мною еще из Рима, низвели свежесть в его душу. Я и не сомневался в том, чтобы не настало, наконец, [Далее было: время] для него время силы и деятельности. Он светло и твердо стоит теперь на жизненной дороге. Очередь твоя. Имей в меня каплю веры, и живящая сила отделится в душу твою. Я увижу тебя скоро. Может быть, через две недели. Книга тоже выдет к тому времени, всё почти готово. Прощай. До свиданья.

Твой Гоголь.

О книге можно объявить. Постарайся об этом. Попроси Белинского, чтобы сказал что-нибудь о ней в немногих словах, как может сказать не читавший ее. Отправься также к Сенковскому и попроси от меня поместить в литературных новостях известие, [объяв<ле-

ние>] что скоро выдет такая-то книга, тако-го-то, и больше ничего. В этом, кажется, никто из них не имеет права отказать. Я думаю, я все экземпляры, назначенные в Петербург, отправлю к тебе, и потому ты объяви это заранее книгопродавцам, чтобы они говорили заранее, сколько каждому нужно экземпляров. На комиссию я никогда не отдавал своих книг, и потому ты можешь <объявить?>, что деньги они должны будут тебе внести в минуту получения книг, без чего они не будут им выданы. Прощай!

А. А. ИВАНОВУ
Мая 16 <1842. Москва>

Я получил ваше письмо и отвечаю вам только теперь, потому что прежде никак не мог по многим разным весьма хлопотливым обстоятельствам. Насчет вашего дела я советую все-таки прежде дожждаться ответа на представление Жуковского. Моллер пусть своим чередом скажет Юрьевичу, Юрьевич государю наследнику. Нужно только, чтобы ваше имя было известно как следует и кому следует, нужно, чтобы на вашей стороне была гласность. А входить официально с новой просьбой, основанной на новых уже причинах, мне кажется, неловко. Почему вы не написали еще раз к Жуковскому? Верно, опасаетесь наскучить. Напишите теперь же и скажите ему, что я велел вам непременно это сделать. Вы должны помнить, что Жуковскому никогда нельзя наскучить в справедливом деле. И потому мой совет все-таки дожждаться ответа на представление Жуковского. Теперь поговорим о другом. Вы упомянули в письме,

что хлопчете о доставлении вам работы: копии с Рафаэлева фреска. А по моему мнению, вам нужна теперь не копия с фреска, все-таки более или менее поврежденного и выполненного быстро, но копия с окончательнейшего произведения Рафаэля. Вы теперь в вашей картине приближаетесь к окончательной обработке, и потому вам нужно теперь приобрести высокую чистоту и полную окончательность кисти. Заказ вам есть, если хотите только воспользоваться. Напишите копию с Мадонны di Foligno. Она будет вам хорошо заплачена, в этом я уверен. [Далее начато: А до того времени] Но об этом, так же, как и об первом деле, мы переговорим с вами лично. Понимаете ли? Это значит — сею же осенью, может быть, мы с вами увидимся. К Жуковскому непременно напишите. Нужно прежде всего иметь от него ответ, чтобы знать, каким образом и как лучше действовать. А главное, мужайтесь и крепитесь. Нет дела, а тем более справедливого, в котором бы нельзя успеть, если только будем [нужно только] иметь [иметь хоть] твердости и присутствия духа хотя на полвершка побольше куриного.

Распоряжения ваши Шаповалову насчет моих работ все хороши, и не может [не могут] быть иначе: ибо мысли наши в этом деле совершенно сходны, и вы всегда можете действовать полномочно, будучи уверены заранее, что всё, что ни вздумается вам, придется по мне. Об одном только прошу, чтобы мои работы не отвлекли его от важнейших, и потому пусть он займется ими тогда только, когда решительно ничего нужнейшего и полезнейшего для него не случится. Прощайте! Будьте здоровы! Впереди всё будет прекрасно. Это я вам давно сказал. Если захотите теперь после получения вашего письма писать ко мне, то адресуйте в Гастейн.

На обороте: В Рим (в Италии).

Al Signore

Signore Alessandro Ivanoff (Russo).

Roma. Via Condotti. Caffè greco, vicino alla Piazza di Spagna. Rome (en Italie).

П. М. ЯЗЫКОВУ
Москва. 18 мая 1842

Я получил письмо ваше, заключающее полное решение не ехать. Как ни грустно мне это было, но вы правы и чувствую сам, что вам нужно остаться и вы должны это сделать. Итак, да хранит вас бог и подаст вам силы и успехи во всем. Знакомство наше завязалось уже слишком прочно и потому не говорю ни о чем больше. Не забывайте только меня и пишите ко мне. Посылаю вам Мертвые души, они вам будут напоминать обо мне. Да зачем вы не прислали мне ничего на дорогу? Слов и всяких заметок теперь у вас, без сомнения, набралось вдоволь. [Далее начато: Перепишите] Велите переписать всё, что ни набралось, на тоненькую почтовую бумагу и пошлите в письме к Никол<аю> Мих<айловичу>, если не поместятся за одним разом, за двумя. Прощайте! Надеюсь, не медлить в дороге и спешить как можно.

Сгораю нетерпением видеть старика. Про-

щайте, обнимаю вас всею душою! Не забывайте, и пишите ко мне.

Весь ваш Гоголь.

М. П. ПОГОДИНУ
<Между 10 и 22 мая 1842.
Москва.>

Пожалуйста напиши две строки к квартальному, чтобы он написал мне свидетельство о неимении препятствий. Иначе опять пропал день, а мне сегодня же нужно хлопотать в канцелярии о пашпорте.

М. П. ПОГОДИНУ
<Между 10 и 22 мая 1842.
Москва.>

Аксаков присылает тебе эту записку.

Чертков велел сказать, что он был у Цын-ского, но не застал его.

**ИННОКЕНТИЮ (И. А.
БОРИСОВУ)**
Москва. Мая 22 <1842>

За несколько часов до отъезда спешу написать к вам несколько строк. Полный душевного и сердечного движения, жму заочно вашу руку; и силой вашего же благословения благословляю вас! Неослабно и твердо протекайте пастырский путь ваш! Всемогущая сила над нами. Ничто не совершается без нее в мире. И наша встреча была назначена свыше. Она залог полной встречи у гроба господа. Не хлопчите об этом и не думайте, как бы ее [это] устроить. Всё совершится само собою. Я слышу в себе, что ждет нас многозначительное свиданье. Посылаю вам труд мой. Взгляните на него дружелюбно. Это бледное начало того труда, который, светлой милостью небес будет много не бесполезен. Прощайте! примите мое душевное сильное лобзанье. Если же почувствуете когда желанье внутреннее писать ко мне, напишите в Рим [Далее было: *Poste <restante>*] (на имя банкира Вален-

тини Piazza Apostoli). В Риме я пробуду никак не менее двух лет, то есть пока не кончу труд, а там в желанную дорогу! Прощайте! Вы меня не позабудете, я знаю. Обнимите за меня Максимовича, если увидите, и вручите ему прилагаемый при сем <экземпляр>. Другой экземпляр книги доставит вам маминька моя лично, которую благословите вашим благословением. Ваш образ, которым вы благословили меня, всегда со мною!

М. П. ПОГОДИНУ
<Между 17 и 23 мая 1842.
Москва.>

Нет, не могу, ради бога переговоры и от него узнай, [В подлиннике: переговоры от него и узнай (описка?)] чего он хочет. Если экземпляр, то пусть отнесет в контору прежде деньги и потом возьмет сколько их нужно завтра.

А дальнейшие все дела будут принадлежать Шевыреву. Я не могу видаться с книгопродавцами. Я уже давно так положил.

М. П. ПОГОДИНУ
<Между 17 и 23 мая 1842.
Москва.>

Нет, не брал.

В. И. УСАЧЕВУ
<Между 17 и 23 мая 1842.
Москва.>

Прошу покорнейше г. Усачева обменять на-
ходящийся у него билет сохранной казны,
данный мною в уплату за бумагу, ценой в ты-
сячу рублей с процентами, на прилагаемый
[В подлиннике: прилагаемую] при сем равной
цены.

Н. Гоголь.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
<Между 18 и 23 мая 1842.
Москва.>

Петр Михалыч не едет. Но я еду к тебе с погромной свитой. Несу тебе и свежесть, и силу, и веселье, и кое-что под мышкой. Жди меня и не уезжай без меня никак. Клянусь, слетит с тебя последнее пасмурное облако, ибо я сильно, сильно хочу тебя видеть, как никогда доселе не алкал; а что сильно, то не может быть никогда вяло или скучно. Обнимаю тебя заочно, пока не обниму всего и крепко как следует лично. Прощай, до свиданья.

На обороте: Николаю Михайловичу Языкову.

С. Т. АКСАКОВУ

<Октябрь 1841—23 мая 1842.

Москва.>

Прошу вас покорнейше, дорогой Сергей Тимофеевич, отправить эти два письма к Томашевскому для отправки за границу. Как ваше здоровье и что делается в желудке? И сходили ли на низ, и кстати что делает столяр?

М. П. ПОГОДИНУ

<Октябрь 1841—23 мая 1842.

Москва.>

Чертков просил тебя [Далее начато:
за<йти?>] к нему обедать.

Зайди пожалуйста на одну минуту ко мне.

М. П. ПОГОДИНУ
<Февраль—23 мая 1842.
Москва.)

Хорошо, пусть придет подъемщик. Я думал, что достаточно записки к Ивану Яковлевичу, а когда лучше подъемщик, то пусть подъемщик.

Письмо к Аксакову написано хорошо.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
<Май—4 июня 1842. С.-
Петербург.>

Благодарю вас от всего сердца за память обо мне и за молитвы. Здоровье мое, слава богу, кое-как плетется. Тружусь, работаю с молитвою и стараюсь не быть свободным ни минуты. Испытав на опыте, что в праздные минуты к нам ближе искуситель, а бог далее, я теперь занят так, что не бывает даже времени написать письмо к близкому человеку. Знаю, что близкий человек простит, потому и не извиняюсь. Работать нужно много особенно тому, кто [Далее было: мало] пропустил лучшее время своей юности и мало сделал запасов на старость. Бог да хранит вас и да наградит вас за то, что не забываете меня своими молитвами.

Признательный к вам Н. Гоголь.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

Е. В. ПОГОДИНОЙ
1842. СПб. 4 июня

Пишу [Далее было: к ва<м>] письмо к вам. Ибо Михаила Петровича, вероятно, уже нет в Москве. Обнимаю вас заочно. Не стану говорить о том, что я еще сильнее и глубже [лучше] люблю друзей моих по мере того, как отдаляюсь от них. Вы должны это чувствовать и верить словам моим. Сердце женщины меньше подвержено недоверчивости и сомнениям, как мужчины. Передайте мое душевное и сердечное объятие Михаилу Петровичу в первом письме и скажите ему, что кто один раз вошел в мою душу, даже хотя бы он меньше его на то имел право, тот уже останется вечно там, и нет человеческих сил, властных его оттуда исторгнуть. Прощайте. Передайте поклон маминькам вашим и перещелуйте ваших малюток.

Ваш Гоголь.

Я выезжаю отсюда завтра.

С. Т. АКСАКОВУ

СПб. Июня 4 <1842>

Я получил ваше письмо еще в начале моего приезда в Петербург, милый друг мой, Сергей Тимофеевич. Теперь пишу вам несколько строк перед выездом. Хлопот было у меня довольно. Никак нельзя было на [при]здешнем бестолковье сделать всего вдруг. Кое-что я оканчивать [выполнять] оставил Прокоповичу. Он уже занялся печатаньем. Дело, кажется, пойдет живо. Типографии здешние набирают в день до шести листов. Все четыре тома к октябрю выйдут непременно. Экземпляр Мерт<вых> душ еще не поднесен царю. Всё это уже будет сделано по моем отъезде. Обнимаю вас несколько раз. Крепки и сильны будьте душой! ибо крепость и сила почиет в душе пишущего сии строки, а между любящими душами всё передается и сообщается от одной к другому, и потому сила отделится от меня несомненно в вашу душу. Верующие во светлое увидят светлое, темное существует только для неверующих.

Прощайте, обнимите Константина Сергеевича и передайте мое сердечное рукопожатье Ольге Семеновне, а с ним вместе и всему вашему семейству. Обнимите также всех моих знакомых, всех, кого я видел и с кем был в Москве. Прощайте. Пишите в Гастейн.

М. И. ГОГОЛЬ
СПб. 4 июня <1842>

Пишу к вам из Петербурга за несколько минут пред отъездом. Доехал я благополучно.хлопот мне было много, еще до сих пор всего не могу кончить. Лето и плохое время для всех вообще дел несколько замедлило мои распоряжения, но авось бог поможет, и без меня всё устроится относительно уплаты моих долгов и продажи книг. Не унывайте и вы и будьте всегда светлы душой. Помните, что всё, что ни посылается, посылается от бога и для нашего же счастья. Прощайте! Обнимаю вас, посылаю вам мое благословенье и всем моим сестрам. Пока можете адресовать мне письмо в Гастейн в Тироле.

Ваш сын Н<иколай>.

Напишите мне, видели ли вы в Харькове Иннокентия и вручили ли ему письмо мое и книги.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
<С.-Петербург. 4 июня 1842.>

Пишу к тебе за несколько минут до моего отъезда. Ухлопотался сильно и едва кое-как обделал главные дела. Прокопович занялся ревностно изданием сочинений моих в 4 томах. Выдут все томы к октябрю. [Далее начато: Мне пон<адобились?>] Об Мертвых душах Прокопович пишет тебе отчет. Я взял у него из вырученных денег 500 рублей для себя, которые понадобятся мне сильно. Впрочем, они пополнятся скоро царским подарком, который, говорят, после [Далее начато: моей] моего отъезда последует. Но это всё далеко<ко>нько от дела. Обнимаю тебя. Образ твой предо мною! Твое нежное участие и дружба и прекрасная душа впечатлелись неизгладимо и вечно в мою душу. Прощай, да хранит небо светлость и торжественный покой души твоей, выше чего нет ничего в мире. Посылаю тебе сердечный поцелуй мой. Из Гастейна напишу к тебе.

Твой Гоголь.

На обороте: Степану Петровичу Шевыреву.

**В. Ф. ОДОЕВСКОМУ
<1833—4 июня 1842. С.-
Петербург.>**

Я был и приносил страшную тетрадищу подмышкой; а вас всё нет дома.

Гоголь.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Июня 26 <н. ст. 1842>. Берлин

В силу выбрался я из России и опоздал. Пишу к вам на дороге в Гастейн, куда велят мне ехать купаться. Еще вчера я думал было ехать к вам прежде в Дюссельдорф, но, взглянув на дорожную карту, с ужасом заметил, что кругу приходится более, нежели вдвое. Но ни болезнь, ни усталость, ниже самое положение кошелька моего не отвлекли бы меня от такого предприятия, если бы не мысли, пришедшие мне вслед за тем в голову и поколебавшие меня: ведь мне неизвестны, подумал я, ваши распоряжения. Ну, что, если я приеду в Дюссельдорф, усталый, измученный, и не найду вас там, и должен вместо вас опять насладиться надоевшими до смерти видами Рейна, городом Франкфуртом и прочим добром? В Петербурге же мне сказывали, что вы, для здоровья жены вашей, собирались куда-то на воды. И притом мне не хотелось кое-как, впопыхах и наскоро видеться с вами. Мне не хотелось, чтобы свиданье наше было

похоже на свиданье прошлого году, когда у вас много было забот и развлечений и вместе с тем сосредоточенной в себя самого жизни, и было вовсе не до меня, и когда мне, тоже [Далее было: было не под силу лететь с светлой душой] подавленному многими ощущеньями, было не под силу лететь с светлой душой к вам навстречу. Душе моей тогда были сильно нужны пустыня и одиночество. Я помню, как, желая передать вам сколько-нибудь блаженство души моей, я не находил слов в разговоре с вами, издавал одни только бессвязные звуки, похожие на бред безумия, и, может быть, до сих пор осталось в душе вашей недоумение, за кого принять меня и что за странность произошла внутри меня. Но и теперь я ничего вам не скажу, и о чем говорить? Скажу только, что с каждым днем и часом становится светлей и торжественней в душе моей, что не без цели и значенья были мои поездки, удаленья и отлученья от мира, что совершалось незримо в них воспитанье души моей, что я стал далеко лучше того, каким запечатлелся в священной для меня памяти друзей моих, что чаще и торжественней

льются душевные мои слезы и что живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях. Много труда и пути и душевного воспитанья впереди еще! Чище горного, снега и светлей небес должна быть душа моя, и тогда только я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существованья.

Вот всё, что могу сказать вам! и вместе с тем силою стремлений моих, силою слез, силою душевной жажды быть достойну того, благословляю вас. Благословенье это не бес-сильно, и потому с верой примите его. О житейских мелочах моих не говорю вам ничего, их почти нет, да, впрочем, слава богу, их даже и не чувствуешь и не слышишь. Посылаю вам Мертвые души. Это первая часть. Вы получите ее в одно время с письмом по почте, по уверению здешнего почтового начальства, в три дни. Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы, но все однако же не

могу не видеть ее малозначительности в сравнении с другими, имеющими последовать ей частями. Она в отношении к ним всё мне кажется похожею на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах, а без сомнения в ней наберется не мало [не мало еще] таких погрешностей, которых я пока еще не вижу. Ради бога, сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше. Вы знаете сами, как мне это нужно. Не соблазняйтесь даже счастливым выраженьем, хотя бы оно показалось на первый вид достаточным выкупить погрешность. Не читайте без карандаша и бумажки, и тут же на маленьких бумажных лоскутках пишите свои замечанья. Потом, по прочтении каждой главы, напишите два-три замечанья вообще обо всей главе. Потом о взаимном отношении всех глав между собою и потом, по прочтении всей книги, вообще обо всей книге, и все эти замечания, и общие и частные, соберите вместе, запечатайте в пакет и отправьте мне. Лучшего подарка мне нельзя теперь сделать ни в каком отно-

шении. Напишите мне, когда придется вам особенная и сильная потребность меня видеть. Я приеду, несмотря ни на издержки, ни на хворость, ни на скуку немецкого пути. Дайте мне отчет и адрес, когда и где, в каких местах вы будете в продолжение этого года, чтобы я знал наперед, откуда будет мне удобнее, ближе и лучше к вам проехать. Но лучше всего, если бы вы провели эту зиму в Риме. Это было бы особенно благодетельно для здоровья вашей супруги, не говоря уже о том, что теперешняя жизнь ваша [Далее начато: в Р<име>] была бы куды полнее тогдашнего мгновенного вашего пребывания в Риме. Туда переселим мы и Языкова, которому римский воздух будет во всех отношениях благотворен. А пока посылаю вам вместе с Мертвыми душами статью мою Рим, помещенную [напечатанную] в Москвитяине, которую я для вас отпечатал отдельною брошюрою.

Прощайте! молюсь душою о всем, что мило и дорого вашему сердцу. Будьте светлы, ибо светло грядущее; и чем темней помрачается на мгновенье небосклон наш, тем ра-

достней должен быть взор наш, ибо потемневший небосклон есть вестник светлого и торжественного прояснения. [ибо тем ближе к нам радость] Безгранична, бесконечна, беспредельней самой вечности беспредельная любовь бога к человеку. Прощайте! Покамест напишите мне только два слова, что письмо это и книги получены вами исправно. Адресуйте в Гастейн близ Зальцбурга.

Ваш Гоголь.

На обороте: Sr. Excellenz Dem Hrn Wassilj von Schukowskj, General im Königl<ichen> Russ<ischen> Dienste.

In Düsseldorf.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
<Гастейн. 20 июля н. ст.
1842.>

Я получил три строки руки вашей [ваши три строки] из Дюссельдорфа. Благодарю вас и за них, но если бы вы к ним прибавили хотя одну строчку о Мертвых душах, какое бы сильное добро принесли вы мне и сколько радости было бы в Гастейне! До сих пор я еще ничего не слышал, что такое мои Мертвые души и какое производят впечатление, кроме кое-каких безотчетных похвал, которые, клянусь, никогда еще не были мне так досадны и несносны, как ныне. Грехов, указанья грехов желает и жаждет теперь душа моя! Если б вы знали, какой теперь праздник совершается внутри меня, когда открываю в себе порок, дотоле не примеченный мною. Лучшего подарка никто не может принести мне. Итак, во имя всего драгоценного и святого, не откладывайте до другого времени и напишите теперь же так, как <бы> вы сказали всё, что на душе и сердце у вас. Вы одни можете мне ска-

зять всё, не останавливаясь какою-то внутренней застенчивостью или боязнью в чем-нибудь оскорбить авторское самолюбие. Атакуйте, напротив того, самые чувствительнейшие нервы — это мне нужно слишком. Но уже вы прочли мою книгу, Уже, может быть, многое изгладилось из вашей памяти, уже будут короче и легче ваши замечания. Нет нужды, пожертвуйте для меня временем, прочтите еще раз или хотя пробежите многие места. Клянусь, это время не будет пропавшее даром! Оно будет отдано на слишком доброе дело. Итак, я жду.

Скажите Елисавете... но я вспомнил, что я не знаю отчества жены вашей, [ее отчества] а мне хотелось в эту минуту назвать ее русским обычаем, скажите, что я вас не воображаю иначе как вместе, что очень люблю ее и много благодарю за поклон мне. Прощайте, адресуйте письмо в Гастейн, [еще в Гастейн] оно еще меня застанет, а впрочем, не позабудьте, что письмо ваше шло сюда целых восемь дней. Около двенадцатого или 13 августа я отсюда еду. Стало быть, для вас последний

срок [Далее начато: к] отправления письма 5-е августа. Если же просрочите, то адресуйте в Венецию. Но авось вы будете так великодушны и не просрочите.

Ваш Гоголь.

20 июля. Гастейн.

На обороте: à son Excellence Monsieur

Monsieur de Joukovsky.

à Düsseldorf.

П. В. НАЦОКИНУ
Гастейн. Июль 20/8 <1842>

Вы, может быть, удивитесь, Павел Войнович, что я до сих пор не уведомил [молчал и не уведомил] вас о разговоре, который я имел об вас в Петербурге с Бенардаки. Но мне прежде хотелось всё обдумать на месте и на просторе, а не отделаться двумя строчками с дороги кое-как и впопыхах, тем более, что дело, как вы увидите сами, стоит того. Теперь я сижу на месте, в Гастейне, и пишу к вам.

Вы знаете уже причины, вследствие которых я хлопочу о вас. Это не вследствие дружеских отношений наших, не вследствие одного личного уважения качеств души вашей; но вследствие ваших сведений, познания людей и света, верного взгляда на вещи и ясного, светски просвещенного, опытного ума, которые должны быть употреблены в дело, и был бы грех [и я бы почел за грех] на душе моей, если бы с своей стороны я не способствовал к тому.

Я давно размышлял об вашей участи и о крайности теперешнего вашего положения, хотя вам не говорил об этом. К служебным казенным местам путь вам закрыт — это я видел ясно. Вы провели по примеру многих бесшумно и шумно вашу первую молодость, оставив за собою в свете название повесы. Свет остается навсегда при раз установленном [установленном же] от него же названии. Ему нет нужды, что у повесы была прекрасная душа, что в минуты [в минуту] самых повесничеств сквозили ее благородные движения, что ни одного бесчестного дела не было им сделано, что бывший повеса уже давно умудрен опытом и жизнью, что он уже не юноша, но отец семейства, выполняющий строго свои обязанности [Далее начато: в минуты, которые] к богу и к людям и приобретший себе твердого вожатая в вере, которого часто не бывает вовсе у тех, которые произносят суд над другими. Но свету нет нужды до этого; это не принимается в строку, и название пустого человека, придаваемое всякому неслужившему, заграждает ему путь навеки к казенным местам. Вот почему я думал, что вам лучше

всего нужно сойтись с Бенардаки, человеком понимающим глубже вещи, нежели другие, владеющим ясным, верным взглядом и умом глубоко практическим, стало быть, оценивающим вас более, чем другие.

Я ему рассказал всё, ничего не скрывая, что вы промотали всё свое имение, что провели безрасчетно и шумно вашу молодость, что были в обществе знатных повес и игроков и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не изменили ни разу ее благородным движениям, умели приобрести невольное уважение достойных [многих достойных] и умных людей и с тем вместе самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшего ее к вам преимущественно перед другими до конца своей жизни. И будучи низринуты в несчастье, в самые крайние положения, от которых бы закружилась и потерялась у всякого другого голова, вы не впали в отчаяние, не прибегнули ни к одному бесчестному средству, которое бы могло вас выпутать из крайности, не вдалились ни в один из тех пороков, в которые способен вдаться русский, приведен-

ный в отчаяние, что умели вынести с высоким христианским терпением испытания, умели благословлять свои несчастья и несете свой крест с тою покорностью и верой, какая не является ныне. И в заключение сказал я, что если у него есть такое место, на которое потребовался бы честнейший и благороднейший человек, то он никого другого не употребил бы для этого с такою пользою, как вас. Он слушал меня со вниманием, и когда я кончил, он сделал такое предложение, которого я, признаюсь, совсем не ожидал: именно, не хотите ли вы быть наставником его сына? Зная, что вы никогда не имели в виду подобного места и не готовили себя на то, зная вместе с тем, что в свете на подобные места требуются [считаются] семинаристы и студенты, знакомые более со школой и наукой, а не со светом и людьми, которые занимают такие места на время, пока не отыщется лучшее и выгоднейшее занятие, из насущного куска хлеба, зная [знаю] это, я уже готовил было за вас решительный отказ. Но несколько слов, сказанных им тут же, объяснили мне достаточно его образ мыслей насчет воспитания. В словах и в

самом голосе, с каким они были произнесены, был слышен отец, понимающий всю важность душевного внутреннего образования, [душевного воспит<анья>] а не наружного и блестящего. И, признаюсь, после таких слов уважение мое возросло к нему еще более, и я вслед за ним делаю теперь такое же предложение с своей стороны: не хотите ли быть воспитателем его сына?

Качества, которые у вас я для этого вижу, суть вот какие: об науках и учении вам заботиться нечего, для этого у него будут профессора и, без сомнения, лучшие, какие найдутся. Но вы можете действовать на него другою стороною. Вы можете внушить ему с самых юных лет познание людей и света в настоящем их виде. Уже одно множество происшествий, случившихся в виду и на глазах ваших, истории разорившихся владельцев, множество нечаянных случаев и событий, которые рассказываете вы так живо в увлекательно и с такою верностью, в которых так отражается наш современный русский барин и человек, со всей своей оплошностью и недо-

статками, которых виною всегда почти сам, одни эти живые рассказы уже могут подействовать глубоко на душу и сильнее всяких теорий и наставлений книжных заставят увидеть и свои обязанности и долг. Испытанные несчастиями и крушениями, вы можете одни сообщить твердость душе его, которой не в силах сообщить ни один, не изведавший сам горя. Вы более, нежели кто другой, можете водрузить в его душу неколебимую веру в бога, потому что [Далее было: внушила] получили сами ее не внушеньями от других и преданьями, но нашли ее сами в глубине души своей среди горнила бедствий, и потому вы одни только можете внушить ему истинное мужество: не упасть духом в неудачах и не бледнея встречать несчастия. Кроме того:

Вы имеете на своей стороне светлую ровность характера, которая между прочим необходимое условие для воспитанника. Вы не можете ни в каком случае предаться минутному увлечению гнева, что обыкновенно [отчасти] портит характер. Вы можете скоро заставить полюбить себя, а путем любви можно пере-

дать много прекрасного в душу. Вы можете мало-помалу внушить ему желанье наблюдать людей и чрез то узнавать дурные и хорошие стороны. Не владея подробными знаниями в науках, вы имеете о них вообще светлые идеи и верные понятия. Вы в простых разговорах можете ему доставить то, чего не доставит ученый педант, потому что от него сокрыта тайна быть интересным для людей всех возрастов. Вы можете видеть уже сами, что ваше воспитание отнюдь не должно походить на так называемое гувернерское. Оно должно быть ближе к душе и к сердцу, всё в разговорах, а не в книгах. Жизнь, живая жизнь должна составить ваше учение, а не мертвая наука. Наблюдая за ним вашим светлым умом, вы более, чем кто другой, можете открыть в нем главную склонность, стихию, предмет, к которому внушил бог стремление ему в душу преимущественно пред другими. И тогда вы должны обратить внимание на эту способность и на предмет, к которому она влечется, то есть представить ему сколько возможно в заманчивой перспективе предмет и возбудить в высшей степени к нему лю-

бопытство. А там уж он с своим профессором может погрузиться в него, как в науку. Вы это можете сделать, [Далее было: легко, наводя] то есть узнать главную способность, наводя разговор на всё, но этого не может сделать [Далее было: никто] ученый или профессор, занятый односторонностью науки, ниже частный человек, не ознакомленный с разными сторонами жизни и людей. Вы знакомы с лучшими [с лучшими нашими] художниками и артистами и проводили часто среди их время, а потому можете знакомить его и с этою стороною. Искусства и художества много возвышают душу. Наконец вы можете передать ему настоящую простоту светского обращения, чуждую высокомерия и гордости или изменчивой неровности какая бывает в человеке, вечно сомневающимся как ему быть с другими, что немаловажно тоже, потому что ему предстоит поприще просторное в свете, а уменье обращаться непринужденно и просто всегда привлекает других. Итак, вот те качества, которые я у вас вижу, качества, говорящие за возможность вашу заняться таким делом.

Недостатки ваши могут быть разве только в неподвижности и лени, одолевающей русского человека во время продолжительного бездействия, и в трудности подняться на дело. Но в той же русской природе есть способность, поднявшись на дело, совершить его полно и окончательно, русский сидень делает в малое время больше, чем какой-нибудь труженик, работающий всю жизнь. К тому же бездействие не составляет вашего характера.

Итак, [Итак, я прошу вас] обратите всё внимание ваше, рассмотрите и сообразите это предложение. Прежде всего вспомните, что вы совершите подвиг, угодный богу. Нет лучше дела, как образовать прекрасного человека. Вспомните, что тому, кого вы образуете, предстоит поприще большое, может быть даже государственное. Уже одни его богатства дадут ему всегда возможность иметь сильное влияние в России. Поэтому вы можете быть творцом многих прекрасных дел. Отец его приобрел богатства сии силою одного ума и глубоких соображений, а не удачами и слепым счастьем, и потому они не должны быть

истрачены втуне. Они должны быть употреблены на прекрасные дела. Может быть, счастье многих будет зависеть от вас. Рассмотрите [Подумайте и рассмотрите] внимательно свою жизнь [самого себя] и вспомните, что всё, что ниспосылается к нам богом, всё сниспосылается с великою целью. Бедствия, испытания, [Бедствие, несчастья] доставшиеся на вашу долю, самая эта твердость души, приобретенная вами, всё это дано вам для того, чтобы вы употребили его в дело. Теперь предстоит вам это дело: приобретенное добро вы должны передать другому. Вы умели терпеть посланные вам злоключения, умели не роптать, находили даже возможность протянуть руку помощи другому, как ни горька была ваша собственная участь. Но вы еще не наложили на себя разу никакого подвига, свидетельствовавшего бы ваше самопожертвованье и любовь христианскую к брату, не предприняли дела во имя бога, [Далее было: то вам] внутренне угодного богу, без чего все наши действия суть только оборонительные, а не наступательные. Вам предстоит теперь этот подвиг. Если вы предпримете его во имя бога,

с высоким самопожертвовани­ем, как дело святое, то подадутся вам с вышины и силы и помощь, и всё, что было трудного, обратится вам в легкое и удобоисполнимое, и много наслаждений вкусите вы в глубине души вашей. Потому что всё, предпринимаемое нами с такими, мыслями и с такой верою, награждается чудными внутренними наслаждениями, которых и тени не обретет человек во внешнем мире.

Насчет условий я ничего вам не скажу, как только то, что Бенардаки очень понимает всю важность воспитания сына, что он знает ваше положение, что вы и ваши дети будут обеспечены и что он лучше, нежели кто другой, может чувствовать, чем вознаградить вас.

Итак, [Само] рассмотрите это дело, рассмотрите глубоко себя, и дайте мне ваш чистосердечный, искренний [искренний, впрочем] ответ. Впрочем, он не может не быть чистосердечен. Я знаю вас и знаю, что вы ни в каком случае не захотите взяться за то, [Далее

было: в чем вы] где вы почувствуете свое несостояние сделать пользу, как ни велика бы была крайность, вам угрожающая.

Помните, что вы должны будете переехать в Петербург, может быть несколько изменить ваш образ жизни, может быть даже несколько съежиться в первый год. Петербург и Москва две разные вещи. Впрочем, вы сами знаете это хорошо, и вас не подобные обстоятельства могут остановить. Я не смею вам советовать ехать теперь же в Петербург для свидания с Бенардаки, потому что не знаю, может быть, в крайности вашего положения эта незначительная поездка будет для вас значительна; но признаюсь, мне бы желалось очень, чтобы вы с ним поскорее познакомились. Будьте с ним просты, как вы есть, и всё нараспашку, не скройте ничего, ни положения вашего, ни образа мыслей, ни характера, одним словом, чем скорее он вас узнает, тем и для вас и для него лучше. Он мне дал слово действовать тоже с своей стороны откровенно во всем. Итак, не замедлите и напишите поскорее ваш ответ. Я буду ждать его нетерпе-

ливо. Как мое письмо к вам, так и ответ ваш я перешлю Бенардаки, ибо в этом деле, вы должны чувствовать сами, мы все трое должны действовать чистосердечно и добросовестно как только возможно больше. Итак, помолитесь богу, и он вразумит вас.

На всякий случай вот вам адрес Б<енардаки>. На Гагаринской пристани, в доме Неклюдова, Дмитрию Егорьевичу. Мне пишите прямо в Венецию *Poste restante*.

На обороте: *à Moscou (en Russie)*.

Павлу Войновичу Нащокину.

В Москве. У Старого Пимена в доме Ивановой.

Д. Е. БЕНАРДАКИ
<Около 20 июля н. ст. 1842.
Гастейн.>

Посылаю вам копию с письма, которое я теперь только послал к Павлу Воиновичу [В подлиннике: Ивановичу] Нащокину. Рассмотрите ее заблаговременно и скажите, всё ли в нем как следует и согласны ли мои мысли с вашими. [а. Посылаю его вам для того именно, чтобы знать заблаговременно ваши мысли. Мне казалось, что оно согласно с вашими мыслями, если же в чем нет, то напишите мне. б. Рассмотрите ее заблаговременно и скажите, согласны ли мои мысли и в чем с вашими, и что [1. я упустил 2. следует прибавить] мною упущено из виду.]

Решитесь ли вы так или иначе [а. Сойдетесь ли вы или нет с Нащокиным б. Решитесь ли вы одним] насчет образования вашего сына, но во всяком случае я почитаю необходимым сообщить вам при сем случае два-три слова. Предмет этот я считаю слишком важ-

НЫМ, и потому замечанья эти я считаю долгом сообщить, хотя бы они вам были уже знакомы. [а. Верьте, что я принимаю живое участие в воспитаньи вашего сына, ибо уверен слишком сильно, что ему более, нежели кому другому [1. должно быть 2. следу<ет>] нужно <...> Кроме того, я считаю с своей стороны обязанностью сообщить Вам мои мысли по сему предмету. б. Пока что позвольте мне еще слова два сказать вам относительно воспитания вашего сына [которое, скажу вам откровенно]. Вы уже знаете, что оно меня интересует, по причинам тоже вам известным. Еще позвольте вам сообщить мои мысли по сему предмету] Бог наградил меня способностью чувствовать [Далее было: многое] глубоко и чисто многое из того, что другому доставляет только тяжелые мучения (впрочем, на свете бывает много таких людей, которых и опыт не выучит ничему [В подлиннике: никому <описка?>]) Поэт<ому я> вам скажу одну важную мы<сль> относительно воспитания, превращен<ного> в гонку. Ваш сын, кажется, уже находится в тех летах, когда, кто имеет в себе способности, становится живее к принятию

всего. В эти годы имеют обычай загромаживать множеством наук и предметов и, чем более видят восприимчивости, тем более подносят ему [подносят ему разнородного] со всех сторон. Нужно, чтобы наука памяти не отнимала свободы мыслить. Теперь слишком загро^{ма}жива^{ют} ум множеством самых разнородных наук, и никто не чувствует страшного вреда, что уже нет времени и возможности помыслить и оглянуть [обсмотреть] взором наблюдателя самое приобретенное знание. [Далее было: а. Такое положение, как путешественника, который б. Такая невыгода, как невыгода путешественника, который [идет] одною спешит дорогою и не оглядывается по сторонам. Он уйдет далее, это правда, [нежели другой] чем тот, который]

Нынешнее обилие предметов, которые торопят вложить [В подлиннике: внушить] в наше детище, [Далее было: похоже] не давая ему перевести духу и оглянуться, превращает его в путника, который спешит бегом по дороге, не глядя по сторонам и не останавливается нигде, чтобы оглянуться назад. Это правда,

что он уйдет дальше вперед, чем тот, который останавливается на каждом возвышенном месте, но зато знает твердо, в каких местах лежит его дорога [Но зато последний обзрит и дорогу, и окрестности, дорогу, которая позади, и дорогу, которая впереди, [но и] может ясно увидеть, что можно [сделать путь короче.] и где именно есть путь в двадцать раз короче. Это важная истина.

Я в этом году особенно заметил увеличившуюся сложность наук. Старайтесь, чтобы всякая наука ему была сообщаемая сколько возможно в соприкосновении с жизнью. Теперь слишком много обременяют голову, слишком сложно, слишком обширно, едва успевают перечесть и внести в память. Зато в три года теперь не остается почти ничего в голове. Я нередко наблюдал в последнее <время, как> [И я видел уже <как>] многие, считавшиеся лучшими и показывавшие способности, делались препустыми людьми. И лучшими бывают часто те, которые почти выгнаны из заведен<ий> за небрежность и неуспехи.

Зато теперь реже явление необыкновенных умов, гениев. Самые изобретения теперешние гораздо менее и ничтожнее прежних, и прежние изобретения, произведенные людьми менее учеными, гораздо колоссальнее. [Далее начато: Поколения изобретателей] Их остановили ремесла, и не являются теперь давно те умы, действительно <?> самородные и обязанные самому себе своим образованием, <как> какой-нибудь простой пастух, <который> открывает силу целительного действия воды и разрешает, что и как нужно.

Еще надобна осторожность в отношении к языкам. Знать несколько языков [Языков знать несколько] недурно, [Приписано сверху: но нужно, чтобы сильно первенствовал] но вообще многоязычие вредит сильно оригинальному и национальному развитию мысли. Ум невольно начинает мыслить не в духе своем, национальном, природном и чрез то становится бледнее [менее становится чувствитель<ным>] и с тем <теряет> живость постигать предмет. [и менее постигающим]

Эта мысль не моя, но я совершенно согла<сен> с нею. [с нею согла<сен>] [Притом в России с каждым годом чувствуется], что меньше необходимо подражания! [Далее было: а. Одно душевное участие заставило меня б. Я почитаю долгом сообщить эти два замечания, но, впрочем, вы, может быть, и без меня чувствуете их важность. Воспитание [для] слишком глубокая и важная <вещь> для всех, а воспитание вашего сына, по моему <...> Повторяю опять, ему нужно более, чем кому-нибудь другому, быть воспитанным хорошо в. Если же я пишу вам, я счел долгом и обязанностью сообщить г. Вам [я говорю откровенно] и прямо сообщаю [мое мнение], ибо знаю, что я] Вот что пока я счел долгом сказать вам, [обязанностью вам заме<тить> Далее было: для дальнейших соображений] хотя может быть вы сами уже это чувствуете. Но воспитание сына вашего <меня> интересует и вы [вы уже] можете понимать почему. Вследствие этого я прошу вас [И потому вы меня обяжете, если будете] уведомлять обо всем, что вы предпримите для него. [Далее было: Почему

знать, может быть, бог вразумит [меня быть полезным вам лучше] истинно полезным советом малого человека] Прощайте. Молю вас, не позабудьте уведомить меня двумя словами, чтобы знать, что письмо дошло исправно в ваши руки.

Весь ваш Гоголь.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ <Около 20 июля н. ст. 1842. Гастейн.>

<...> И если [Далее было: вам] найдете истину замеченн<ой> и вы <себя> почтете обязанным мне, то я человек корыстолюбивый и сейчас же потребую от вас благодарности. В благодарность вы должны мне сказать несколько слов об Мертвых душах. Я никак не требую [Далее было: вас] определения настоящего достоинства и значения и<x>, но я требую от вас вот чего. Вы вообразите, что я трактирщик в каком-нибудь европейском отеле и даю [общий стол] или table d'hôte. В столе моем 20 блюд, а может быть, и больше. Естественно, что все блюда не одинаково хороши [Далее начато: и что никто не бу<дет>] или по крайней мере, само собою разумеется, что всякий себе выбирает [что все бе<рут>] и ест только те блюда, которые ему нравятся, — и об этом он может сказать прямо хозяину: У тебя есть и такие и такие блюда, но мне нравятся вот какие, они

мне пришлись более по моему вкусу, и это нимало не обидит хозяина. Итак, я вас только прошу о том, чтобы вы сказали: вот что в вашем творении по моему вкусу пришлось более, вот какие места. Это вы можете сказать! Или же позвольте: я вам еще должен сказать два слова о себе. Хотя мы понимаем во многом друг друга, но, вероятно, во многих оттенках характера наши наклонности и движения не обнажены друг перед другом. [я со своей стороны от всей души хотел бы [скрыть] сбросить пред вами всякий] Итак, постараемся сбрасывать то, что скрываем друг <от друга>. Вот вам между прочим одна важ<ная> моя черта. Я пережил годы юности, [Далее было: и многих желаний] миновал увлечения славолюбивые, удалился давно от света для того, чтобы воспитываться в глубине души своей для других, и воспитанью моему еще далеко до конца. Я равнодушен [Далее было: к хвале] давно к тому, что щекотит славой, я смотрю на себя как на постороннего, и нет для меня желаннее и прекраснее исхода теперь, как увидеть свою ошибку, недостатки, погрешности. [Далее приписано: Итак, вам

скажу, что радостней нет для меня чувства, как когда я] Увидевши свои недостатки и погрешности, человек уже вдруг становится выше самого себя. [Далее начато: ибо становится] Нет зла, которого бы нельзя было исправить, но нужно увидеть, в чем именно состоит зло. Я говорю вам это откровенно, прямо из глубины, и вы поймете, что это не может быть неоткровен<ным>. [Далее начато: а. Почему я требовал б. В моем поприще] Творения мои тем отличаются от других произведений, что в них все могут быть судьи, все читатели от одного до другого, потому что предметы взяты из жизни, обращающейся вокруг каждого. Многие мнения [Но суждения многие] я знаю вперед. Я наперед знаю, что скажут обо мне печатно в таком-то и таком-то журнале, но мнения людей, глубоко практических, знающих жизнь, имевших много опытов [Далее было: и поверивших их] и много ума, обративших [подвергнувших] все их в пользу себе, для меня дороже [Далее начато: и вы можете<те>] книжных теорий, знаемых мною наизусть. Вот почему я приставал к вам. Но я на вас не наседаю; это вы можете сделать по-

сле и когда вздумаете. [Далее было: а. Сказан<ную> б. Но вы можете это отложить в. Сказанную мною черту [хорошо] вы можете применить ко многому и помнить вечно.] Но я должен был вам непременно при этом обнаружить черту моего характе<ра>, которую вы можете применить и ко всему другому. Помните, [Вы по<мните>] всё то, что может оскорбить тонкую <натуру> раздражительно-го человека, то, напротив, приносит наслаждение мне, <так> что мне можно говорить всё, чего никак нельзя сказать никому другому.

С. Т. АКСАКОВУ

Гастейн. Июля 27/15 <1842>

Здоровы ли вы, Сергей Тимофеевич, и что делаете со всеми вашими? Напишите мне об этом две-три строчки: это мне нужно. Вы, верно, знаете и чувствуете, что я об вас думаю часто. Из Москвы никто не догадался написать мне в Гастейн, и я слышу чрез то какую-то пустоту, [пустоту какую-то] которая мне несколько мешает вдыхать в себя полную жизнь. Я пробуду в Гастейне вместе с Языковым еще недели три, и в конце августа хотим ехать в Венецию, где пробудем недели две, если не больше; и потому вы адресуйте, если почувствуете благодатное желание писать, прямо в Венецию, Poste restante. Напишите мне всё: как вы проводите время, хороша ли дача, хороша ли рыбная ловля и веселятся ли как следует ваши дети. Ольге Семеновне скажу, что буду писать к ней, что предмет письма очень светел и потому прошу ее быть как можно светлее до самого получения письма.

Да, кстати о письмах. Пошлите кого-нибудь на квартиру Нащокина [Далее было: узнать] (у Старого Пимена, в доме Ивановой) узнать, получено ли им письмо мое. Письмо это очень нужно и касается прямо его дела, а потому мне хотелось бы, чтобы оно было получено во всей исправности.

А моему милому Константину Сергеевичу напишу тоже письмо, несколько нужное для нас обоих. Сделайте милость, обнимите всех, кого увидите из моих знакомых. Если Павловы точно едут, то вы мне сделаете большую услугу присланьем чрез них некоторых книг, а именно: Памятник веры, такой совершенно, как у Ольги Семеновны, и Статистику России Андросова, и еще если есть какое-нибудь замечательное сочинение статистическое о России вообще или относительно [или касается] частей ее, вышедшее в последних годах, то хорошо бы очень присовокупить его к ним. Кажется, вышел какой-то толстый том от мин<истерства> внут<ренних> дел.

А Григория Сергеевича попрошу присы-

лать мне реестр всех сенатских дел за прошлый год с одной простой отметкой: между какими лицами завязалось дело и о чем дело. Этот реестр можно присылать частями при письмах ваших. Это мне очень нужно. Да, чуть было не позабыл еще попросить о книге Кошихина, при царе Алексее Михайловиче. Я прошу вас записать Цену их, чтобы я знал, сколько вам должен. Я уверен, что Павловы не откажутся привезть мне их. Обнимите их от меня обеих. Они, верно, не сомневаются в том, что я очень хотел бы их увидеть. Около октября 1-го я надеюсь быть в Риме. Прощайте. Не забывайте меня и пишите. Посылаю вам мой душевный поцелуй.

Ваш Гоголь.

Из Петербурга я писал письма к вам, к Елизавете Васильевне Погодиной и к Надежде Николаевне Шереметьевой. Если Вам случится увидеть последнюю, скажите, что я буду к ней еще писать скоро, и дайте ей мой адрес.

На обороте: Moscou (en Russie).

Антону Францевичу Томашевскому.

В Москве. Для передачи Сер<гею> Т<имофе-
евичу> Аксакову.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Гастейн. Июля 27/15 <1842>

Я к тебе еще не посылаю остальных двух Лоскутков, потому что многое нужно переправить, особливо в Театральном разъезде после представления новой пьесы. Она написана сторяча, скоро после представления «Ревизора», и потому немножко нескромна в отношении к автору. Ее нужно сделать несколько идеальней, т. е. чтобы ее применить можно было ко всякой пьесе, задирающей общественные злоупотребления, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, как написанную по случаю «Ревизора».

При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в Тарасе Бульбе много есть погрешностей писца. Он часто любит букву и; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуста, поправь [Далее было: а. вычер<кни?> б. переправь та<к>]

езде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо, — всё будет хорошо. Да вот что самое главное: в нынешнем списке слово: слышу, произнесенное Тарасом пред казнь Остапа, заменено словом: чую. Нужно оставить по-прежнему, т. е.: Батюшко, где ты? Слышишь ли ты это? Слышу. Я упустал из виду, что к этому слову уже привыкли [привыкла большая] читатели и потому будут недовольны переменою, хотя бы она была и лучше. Да, пожалуйста, попроси Белинского отпечатать для меня [Далее было: листки] особенно [Далее было: один экземпляр] листки критики «Мертвых душ», если она будет в «Отечест^{венных} запис^{ках}», на бумаге, если можно, потонее, чтобы можно было прислать мне ее прямо в письме, и присылай мне по листам, по мере того, как будет выходить. Еще: я совсем позабыл, что «Ревизор» без конца. Писец не разобрал примечания об немой сцене и оставил чистое место. Вот конец.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ.

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по имянному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к [Было: как] себе. Он остановился в гостинице.

(Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменявши положенье, остается в окаменении).

НЕМАЯ СЦЕНА.

Городничий посередине в виде столпа с распростертыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его: жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям. За ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого

края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выраженьем лица, относящимся прямо к семейству городничего.

По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший несколько голову на бок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья, с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнести: Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движениями рук друг к другу, [Далее было: и с выпученными] разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая [Было начато: неподвижная] группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

КОНЕЦ

Все эти слова, само собою разумеется, надобно напечатать курсивом.

Еще к статье «Характеры и костюмы», которая предшествует комедии, нужно прибавить на конце следующее.

Гг. актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумленья должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Прощай. Целую тебя и обнимаю несколько раз. Пиши, хоть по несколько строк, но пиши. Адресуй первое [это] письмо в Венецию, Poste restante, следующее — в Рим. В Венеции я пробуду до 1-х чисел сентября.

Твой Гоголь.

А. А. ИВАНОВУ
Гастейн. Июля 20 <ст. ст.
1842>

Извините, что не отвечал вам сейчас по получении вашего письма, которое между прочим несколько опечалило меня известием вашим о глазной вашей болезни. Но я надеюсь, что вам лучше, и гораздо лучше. Это ослепление периодическое и случается со многими, но оно всегда временное, а потому от него не остается и следа. Я сам один раз сильно был болен, но потом, [Далее было: не осталось и следа] слава богу, эта болезнь не возвращалась никогда.

С Жуковским я разъехался, однако же написал к нему. Может быть, приведет случай и столкнуться, но теперь не знаю, потому что расстояние слишком велико ехать [и ехать] мне к нему, нужно много дать крюку. Я уговариваю его сильно приехать на зиму в Рим, недурно, если бы он на это подался. В Гастейне я пробуду, может быть, еще недели три, по-

том в Венецию недели на две. Со мною едет также и наш известный поэт Н. Языков, который, я думаю, тоже проживет зиму в Риме, по причине своей хворости. Прощайте! будьте совершенно спокойны духом и принимайтесь не иначе за картину, как когда совершенно перестанут болеть глаза.

Вам преданный Н. Гоголь.

На обороте: al Signor

Signor Alessandro Ivanoff (Russo).

Roma, nell Caffè greco sulla Via Condotti, vicino alla Piazza di Spagna.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Мюнхен. Августа 5 <1842>

Иду на почту с тем, чтобы взять оттуда письмо твое (которое уже должно быть там) и бросить на место его сие, которое да пойдет тоже за письмо.

В Мюнхене жарко и душно — в сем да будет заключено первое слово. Того же дни я вспомнил о Гастейне. Комната у меня великолепна, голубец неподдельный, но солнце меня тревожит всё утро. Табльдот для немецких табльдотов королевский, но кофий смотрит подлецом — это статья тоже немаловажная. В Мюнхене много замечательного. [Далее начато: Единственный уже город, потому что составляет] Замечательно уже то, <что> в нем живет король, один из всех европейских королей, окруживший себя художествами и искусством, а не псарней, <...>, шагистикой, кроением мундиров и прочим. В архитектуре много замечательного, хотя много также и обезьянства, и вообще отсутствие оригиналь-

ности. Но расписывающиеся среди города фрески, [фрески среди] на стенах, среди немецкого города, среди трактиров и пивных бочек — это точно что-то замечательное. Общество здесь почти то же, что и в Гастейне, но как-то не так обходительно: Полежаев, Храповицкий, Сопиков хотя и принимают, но не с таким радушием, нет той непринужденности в оборотах и поступках. Ходаковский тоже, хотя и навевается чаще, но есть в нем что-то черствое, городское, слишком щеголеват, не так нараспашку, как в Гастейне, и еще беда: завел он дружбу страшную с помещиком, которого мы в Гастейне никогда не видали, и я сам даже не помню хорошо [не помню впол<не>] его фамилии, Пыляков, кажется, или Пылинский. Подлец, какого только ты можешь себе представить. Подобного нахальства в поступках и наглости я не видал давно: лезет в самый рот. Тепляков здесь тоже несносен, его бы следовало скорее назвать Допекаевым. Нет, Гастейн наш — рай. В четверг я уже буду на высотах его. Закажи для меня комнату, во имя всех святых, без солнца по утрам. Здесь я не в силах даже письма на-

писать, а не то, чтобы предаться как следует размышлению об руку [обня<вшись>] с заседателем и потом отправиться в нижний земский суд, разумею к генералу Говену. Впрочем, Мюнхен свое дело сделал: он мне был необходим для того, чтобы вновь осветлить и сделать приятным Гастейн, огаженный дождями и помещением у шульмейстера, и для того, чтобы нам вновь встретиться как после годовой разлуки, что как известно тоже имеет свои приятности. Покамест прощай! Обнимаю тебя. Чернила, как видишь, еще бледнее тех, которыми нас угощал школьный мастер.

На обороте: à Monsieur

Monsieur de Jasikoff.

à Bad Gastein.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Августа 15 <н. ст. 1842>.
Гастейн

Пишу к тебе под влиянием самого живого о тебе воспоминанья. Во-первых, я был в Мюнхене, вспомнил пребывание твое, барона Моля, переписку нашу, серебряные облатки, [В подлиннике: серебрянные оплатки] смутившие спокойствие невозмущаемого городка Дахау. Потом в Гастейне у Языкова нашел я Москвитянин за прошлый год и перечел с жадностью все твои рецензии и критики — это [и это] доставило мне много наслаждений и родило весьма сильную просьбу, которую, может быть, ты уже предчувствуешь. Грех будет на душе твоей, если ты не напишешь разбора Мертвых душ. Кроме тебя вряд ли кто другой может правдиво и как следует оценить их. Тут есть над чем потрудиться; поприще двойственное. Во-первых, определить [дай определить] и дать значение сочинению, вследствие твоего собственного эстетического мерила, и потом рассмотреть впечатления,

произведенные им на массу публики, дать им поверку и указать причины таких впечатлений. (Первые впечатления, я думаю, должны быть неприятны, по крайней <мере> мне так кажется уже вследствие самого сюжета, а всё то, что относится к достоинству творчества, всё то не видится вначале). Притом тут тебе более, нежели где-либо, предстоит полная свобода. Узы дружбы нашей таковы, что мы можем прямо в глаза указать друг другу наши собственные недостатки, не опасаясь затронуть какой-нибудь щекотливой и самолюбивой струны. Во имя нашей дружбы, во имя правды, которой нет ничего святее в мире, и во имя твоего же душевного, верного чувства, я прошу тебя быть как можно строже. Чем более отыщешь ты и выступишь моих недостатков и пороков, тем более будет твоя услуга. [Далее начато: Есл<и>] Я знаю, есть в любящем нас человеке нежная внутренняя осторожность пройти мимо того, что кажется слишком чувствительно и щекотливо. Я вспомнил, что в некотором отношении я подал даже, может быть, сам повод думать друзьям моим обо мне, как о самолюбивом чело-

веке. Может быть, даже самые кое-какие лирические порывы в Мертвых душах... Но в сторону всё это, верь в эту минуту словам моим: нет, может быть, в целой России человека, так жадного узнать все свои пороки и недостатки! Я это [Далее было: в полном] говорю в сердечном полном излиянии, и нет жи в моем сердце. Есть еще старое поверье, что пред публикую нужно более скрыть, чем выставить слабые стороны, [недостатки] что это охлаждает читателей, отгоняет покупателей. Это неправда. Голос благородного беспристрастия долговечней и доходит равно во все души. Если же уменьшится чрез то тридцать, сорок или сотня покупателей, [Далее было: польз<a>] то это еще не беда, это временное дело и вознаградится [не беда, при том всё это вознаградится] с барышом впоследствии. Еще: будь так добр и вели тиснуть один экземпляр (если будет критика печататься в Москвитяине) отдельно на листках потонее, чтобы можно было всю критику прислать мне прямо в письме; если не уместится в одном, можно разместить на два, на три и дать часть другим, которые будут пи-

сать ко мне письма. Прощай! Целую тебя поцелуем души. В нем много любви, а любовь развивается и растет вечно. Передай мой душевный поклон Софье Борисовне и поцелуй Бориса. Если будешь писать скоро после получения письма моего, то адресуй в Венецию, [Далее было: после] но вернее прямо в Рим. Я вспомнил насчет распределения уплаты моих долгов: может быть, никто не захочет получить первый, отговариваясь, что ему не так нужно. И потому вот непременно́й порядок. Погодину полторы тысячи, я полагаю, заплачено. Затем следует заплатить Свербееву, потом неизвестному, кому именно не знаю, Аксаков мне не сказал, потом Павлову. Потом Хомякову, а вторая серия как следует по писанному. Этот порядок ни на чем не основан, даже не на алфавите, а просто зажмурия глаза, и потому каждый не может отказываться.

Языков тебе кланяется.

На обороте: à Moscou (en Russie).

Его высокоблагородию Степану Петровичу

Шевыреву.

В Дегтярном переулке близ Тверской в
собств<енном> доме. В Москве.

С. Т. АКСАКОВУ

Гастейн. 18/6 августа <1842>

Я получил ваше милое письмо и уже несколько раз перечитал его. Вы уже знаете, что я уже было соскучился, не имея от вас никакой вести, и написал вам формальный запрос; но теперь, слава богу, письмо ваше в моих руках. Что же сделалось с тем, что писала, как видно из слов ваших, Ольга Семеновна, — я никак не могу понять; оно не дошло ко мне. Все ваши известия, всё, что ни заключалось в письме вашем, всё до последнего слова и строчки, было для меня любопытно и равно приятно, начиная с вашего препровождения времени, уженья в прудах и реках, и до известий ваших о «Мертвых душах». Первое впечатление их на публику совершенно то, какое подозревал я заране. Неопределенные толки; поспешность быстрая прочесть и ненасыщенная пустота после прочтенья; досада на видимую непрерывную мелочь событий жизни, которая становится невольно насмешкой и упреком. Всё это я знал заране. Бедный

читатель с жадностью схватил в руки книгу, чтобы прочесть ее, как занимательный, увлекательный роман, и, утомленный, опустил руки и голову, встретивши никак не предвиденную скуку. Всё это я знал. Но при всем этом подробные известия обо всем этом мне всегда слишком интересно слышать. Многие замечания, вами приведенные, были сделаны не без основания теми, которые их сделали. Продолжайте сообщать и впредь, как бы они ни казались ничтожны. Мне всё это очень нужно. Само по себе разумеется, что приятнее всего было мне читать отчет ваших собственных впечатлений, хотя они были мне отчасти известны. Бог одарил меня проницательностью, и я прочел в лице вашем во время чтения почти всё, что мне было нужно. Я не рассердился на вас за неоткровенность. Я знал, что у всякого человека есть внутренняя нежная застенчивость, воспреещающая ему сделать замечания насчет того, что, по мнению его, касается слишком тонких, чувствительных струн, прикосновение к которым как бы то ни было, но всё же сколько-нибудь раздражает самое простительное самолюбие. Самая

искренняя дружба не может совершенно изгладить этой застенчивости. Я знаю, что много еще протечет времени, пока узнают меня совершенно, пока узнают, что мне можно всё говорить и более всего то, что более всего трогает чувствительные струны, — так же, как я знаю и то, что придет наконец такое время, когда все почувят, что нужно мне сказать и то, что <заключается> в собственных душах, не скрывая ни одного из движений, хотя эти движения не ко мне относятся. Но отнесем будущее к будущему и будем говорить о настоящем. Вы говорите, что молодое поколение лучше и скорее поймет. Но горе, если бы не было стариков. У молодого слишком много любви к тому, что восхитило его; а где жаркая и сильная любовь, там уже невольное пристрастие. Старик прежде смотрит очами рассудка, чем чувства, и чем меньше подвигнуто его чувство, тем ясней его рассудок, и может сказать всегда частную, по-видимому мало-важную и простую, ко тем не менее истинную правду. Если бы сочиненье мое произвело равный успех и эффект на всех — в этом была бы беда. Толков бы не было: всякий,

увлеченный важнейшим и главным, считал бы неприличным говорить о мелочах, считал бы мелочами замечания о незначительных уклонениях, о всех проступках, по-видимому ничтожных. Но теперь, когда еще не раскусили, в чем дело, когда не узнали важного и главнейшего, когда сочинение не получило определенного, недвижимого определения — теперь нужно ловить толки и замечания: после их не будет. Я знаю, что самые близкие люди, которые более других чувствуют мои сочинения, я знал, что и они все почти ощутят разные впечатления. Вот почему прежде всего я положил прочесть вам, Погодину и Константину, как трем различным характерам, разнородно примущим первые впечатления. То, что я увидел в замечании их, в самом молчании и в легком движении недоуменья, ненароком и мельком проскальзывающего по лицам, то принесло мне уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мне несравненно большую пользу, если бы застенчивость не помешала каждому рассказать вполне характер своего впечатления. Человек, который отвечает на вопрос огражда-

ющими словами: «Не смею сказать утвердительно, не могу судить по первому впечатлению», делает хорошо: так предписывает правдивая скромность; но человек, который высказывает в первую минуту свое первое впечатление, не опасаясь ни компрометировать себя, ни оскорбить нежной разборчивости и чувствительных струн друга, тот человек великодушен. Такой подвиг есть верх доверия к тому, которому он вверяет свои суждения и которому вместе с тем вверяет, так сказать, самого себя. Иными людьми овладевает просто боязнь показаться глупее; но мы позабыли, что человек уже так создан, чтобы требовать вечной помощи других. У всякого есть что-то, чего нет у другого; у всякого чувствительнее не та нерва, чем у другого, и только дружный обмен и взаимная помощь могут дать возможность всем увидеть с равной ясностью и со всех сторон предмет.

Я был уверен, что Кон<стантин> Сер<геевич> глубже и прежде поймет, и уверен, что критика его точно определит значение поэмы. Но, с другой стороны, чувствую заочно,

что Погодин был отчасти прав, не поместив ее, несмотря на несправедливость этого дела. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человек может встретить слишком сильную оппозицию в старых. Уже вопрос: почему многие не могут понять «Мертвых душ» с первого раза? — оскорбит многих. Мой совет — напечатать ее зимою, после двух или трех других критик. Недурно также рассмотреть, не слышится ли явно: Я первый понял. Этого слова не любят, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на стороне прежде понявших. Люди не понимают, что в этом нет никакого греха, что это может случиться с самым глубоко образованным человеком, как случается всякому, в минуты хлопот и мыслей о другом, прослушать замечательное слово. Лучше всего, если бы Кон<стантин> Сер<геевич> прислал эту критику мне в Рим, переписавши ее на тоненькой бумажке для удобного вложения в письмо. Я слишком любопытен читать ее. Ваше мнение: нет человека, который бы понял с первого раза «Мертвые души», совершенно справедливо и должно распростра-

ниться на всех, потому что многое может быть понятно одному только мне. Не пугайтесь даже вашего первого впечатления, что восторженность во многих местах казалась вам доходившею до смешного излишества. Это правда; потому что полное значение лирических намеков может изъясниться только тогда, когда выйдет последняя часть. Вере Сергеевне скажите, что я был тоже доволен, увидевши в Петербурге ее друга К<арташевскую> и не жалею даже о кратковременности нашего свидания. Есть души, что самоцветные камни; они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже готовыми и обделанными. Их видит издали зоркий глаз ювелира, только замечает их место, сказавши: слава богу! и спешит к тем, где нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько-нибудь огранить, дабы видел всякий, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вековыми накопленьями всего. Слова и мнения ее вы также выпишите и пришлите мне, хотя натурально нужно, чтобы она никак не знала этого. Всё то, что идет прямо от души и сердца, мне так же

нужно знать, как и всё то, что идет от рассудка.

Вас устрашает мое длинное и трудное путешествие. Вы говорите, что не можете понять ему причины, вы говорите, что несколько раз хотели спросить меня и всё останавливались, не решаясь навязываться самому на доверенность. Зачем же вы не спросили? Никогда душевная жажда спросить не должна оставаться в груди. Никогда сердечный вопрос не может быть докучен или не у места. Самое большее было бы то, что я ответил бы вам на это молчанием, но если молчание это светло и выражает спокойствие душевное, то, стало быть, оно уже ответ и ничем другим не мог выразиться этот ответ. А вопрос ваш все-таки был бы мне приятен, потому что он вопрос друга. И что бы мог я вам отвечать? разве произнес бы слова только: Так должно быть! Рассмотрите меня и мою жизнь среди вас. Что вы нашли во мне похожего на ханжу или хотя на это простодушное богомольство и набожность, которою дышит наша добрая Москва, не думая о том, чтобы быть лучшею?

Разве нашли вы во мне слепую веру во все без различия обычаи предков, не разбирая, на лжи или на правде они основаны, или увлечение новизною, соблазнительной для многих современностью и модой? Разве вы заметили во мне юношескую незрелость или живость в мыслях? Разве открыли во мне что-нибудь похожее на фанатизм и жаркое, вдруг рождающееся, увлечение чем-нибудь? И если в душе такого человека, уже по самой природе своей более медлительного и обдумывающего, чем быстрого и торопящегося, который притом хоть сколько-нибудь умудрен и опытом, и жизнью, и познанием людей и света, если в душе такого человека родилась подобная мысль, мысль предпринять это отдаленное путешествие, то, верно, она уже не есть следствие мгновенного порыва, верно, уже слишком благодетельна она, верно, далеко оглянута она, верно, и ум, и душа, и сердце соединились в одно, чтобы послужить такой мысли. Но если б даже и не могло заключиться в ней никакой обширной цели, никакого подвига во имя любви к братьям, никакого дела во имя Христа, то разве вся жизнь моя не

стоит благодарности, разве небесные минуты тех радостей, которые я слышу, не вызывают благодарности, разве прекрасная жизнь тех прекрасных душ, с которыми встретила душа моя, не вызывает благодарности? Разве любовь, обнявшая мою душу и возрастающая в ней более и более с каждым днем, не стоит благодарности? Разве в сих небесных торжественных минутах не присутствует Христос? Разве в сем высоком союзе душ не присутствует Христос? Разве эта любовь не есть уже сам Христос? Разве всё, что отрывается от земли и земного, не есть уже Христос, разве в любви, сколько-нибудь отделившейся от чувственной любви, уже не слышится мелькнувший край божественной одежды Христа? И сие высокое стремление, которым стремятся прекрасные души одна к другой, влюбленные в одни свои божественные качества, а не земные, не есть ли уже стремление ко Христу? «Где вас двое, там есть церковь моя». Или никто не слышит сих божественных слов? Только любовь, рожденная землей и привязанная к земле, только чувственная любовь, привязанная к образам человека, к лицу, к видимо-

му, стоящему перед нами человеку, та любовь только не зрит Христа. Зато она временна, подвержена страшным несчастьям и утратам. И да молится вечно человек, чтобы спасли его небесные силы от сей ложной, превратной любви! Но любовь душ — это вечная любовь. Тут нет утраты, нет разлуки, нет несчастий, нет смерти. Прекрасный образ, встреченный на земле, тут утверждается вечно; всё, что на земле умирает, то живет здесь вечно, то воскрешается ею, сей любовью, в ней же, в любви, и она бесконечна, как бесконечно небесное блаженство. Как же вы хотите, чтобы в груди того, который услышал высокие минуты небесной жизни, который услышал любовь, не возродилось желание взглянуть на ту землю, где проходили стопы того, кто первый сказал слово любви сей человекам, откуда истекла она на мир? Мы движемся благодарностью к поэту, подарившему нам наслаждения души своими произведениями; мы спешим принести ему дань уважения, спешим посетить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стоит уважения и самый великий прах его.

Сын спешит на могилу отца, и никто не спрашивает его причине, чувствуя, что дарованье жизни и воспитанье стоят благодарности. Одному только тому, кто рай блаженства низвел на землю, кто виной всех высоких движений, тому только считается как-то странным поклониться в самом месте его земного странствия. По крайней мере, если кто из среды нас предпримет такое путешествие, мы уже как-то с изумлением таращим на него глаза, меряем его с ног до головы, как будто бы спрашивая, не ханжа ли он, не безумный ли он? Признайтесь, вам странно показалось, когда я в первый раз объявил вам о таком намерении? Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и речей, и жизни, одним словом, всему тому, что составляет мою природу, кажется неприличным такое дело. Человеку, не носящему ни клобука, ни митры, сменившему и смешавшему людей, считающему и донныне важным делом выставлять неважные дела и пустоту жизни, такому человеку, не правда ли, странно предпринять такое путешествие? Но разве не бывает в природе странностей? Разве вам не странно было

встретить в сочинении, подобном Мертвым душам, лирическую восторженность? Не смешною ли она вам показалась вначале, и потом не примирились ли вы с нею, хотя не вполне еще узнали значение? Так, может быть, вы примиритесь потом и с сим лирическим движением самого автора. И как мы можем сказать, чтобы то, которое кажется нам минутным вдохновением, неожиданно налетевшим с небес откровением, чтобы оно не было вложено всемогущей волею бога уже в самую природу нашу и не зрело бы в нас невидимо для других? Как можно знать, что нет, может быть, тайной связи между сим моим сочинением, которое с такими погремушками вышло на свет из темной низенькой калитки, а не из победоносных триумфальных ворот в сопровождении трубного грома и торжественных звуков, и между сим отдаленным путешествием? И почему знать, что нет глубокой и чудной связи между всем этим и всей моей жизнью, и будущем, которое незримо грядет к нам и которого никто не слышит? Благоговение же к промыслу! Это говорит вам вся глубина души моей. Помните, что в то

время, когда мельче всего становится мир, когда пустее жизнь, в эгоизм и холод облекается всё, и никто не верит чудесам, — в то время именно может совершиться чудо, чудеснее всех чудес. Подобно как буря самая сильная настает только тогда, когда тише обыкновенного станет морская поверхность. Душа моя слышит грядущее блаженство и знает, что одного только стремления нашего к нему достаточно, чтобы всевышний милостью бога оно ниспустилось в наши души. Итак, светлей и светлей да будут с каждым днем и минутой ваши мысли, и светлей всего да будет неотражимая вера ваша в бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничем, что безумно называет человек несчастьем. Вот что вам говорит человек, смешавший людей.

Прощайте. Это письмо будет и для Ольги Семеновны вместе, но не показывайте его другим. Лирические движения души нашей!.. неразумно их сообщать кому бы то ни было. Одна только всемогущая любовь питает к ним тихую веру и умеет беречь, как святыню, во глубине души душевное слово любящего

человека. Впрочем, помните, что путешествие мое еще далеко. Раньше окончания моего труда оно не может быть предпринято ни в каком случае, и душа моя для него не в силах быть готова. А до того времени нет никакой причины думать, чтобы <мы> не увиделись опять, если только это будет нужно. Пишите мне всё, что ни делается с вами и что ни делается вокруг вас. Всё, что ни касается жизни, уже жизнь моя. Толков об Мертвых душах, я думаю, до зимы вы не услышите. Но если, на случай, кто-нибудь будет вам писать об них, вы выпишите эти строки в письме ко мне.

Прощайте. Целую вас всей силою душевного лобзания; распространите его на всех близких вашему сердцу. Деньги мне не нужны раньше октября. Адресуйте на имя банкира duc de Torlonia для передачи Гоголю. Шевыреву я написал порядок, как уплачивать по случаю возникшего несогласия насчет первенства. Нужно, чтобы эти деньги были уплочены как можно скорее. Они должны были быть отданы в первые два месяца.

Ваш Н. Г.

А. П. ЕЛАГИНОЙ <?>

**<Около 18 августа н. ст. 1842.
Гастейн.>**

Благодарю вас за то, что вы вспомнили обо мне. Я <о> вас [Далее было: часто вспоминаю] думаю часто, [часто думаю Далее начато: а. будто б. уверенно] и это доставляет мне приятные минуты. Скажите также и Катерине <Александровне>, если ее <увидите> [Скажите Катерине Александровне, если увидите с нею] или будете писать к ней, что [а если не увидите, напишите, что] я о ней думаю и что люблю очень [что очень полюбил] ее прекрасную [прекрасную и нежную] душу.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Гастейн. Августа 22/10 <1842>

Ты, кажется, употребляешь все усилия, чтобы сделать из меня великодушного человека: [Далее начато: четы<ре>] ни на одно из четырех писем, писанных мною из Москвы к тебе в Белгород и Миргород, я не получил ответа. Я послал тебе мой Рим, потом Мертвые души, просил тебя именем нашей дружбы не скрывать своих впечатлений после прочтения их, сказать всё, что ни есть на душе, указать недостатки, которых, без сомнения, там много — всё это кануло как в воду. Хотя бы двумя строками известил ты меня о получении всего этого и сказал бы: у меня теперь нет расположения писать к тебе, и потому не пишу к тебе, но я напишу после. Но и этого не было. Соображая всё это, я вижу, что одно только как<ое>-нибудь чрезвычайное событие [Далее было: могло] и препятствие могло случиться, и потому посылаю тебе решительный запрос — объяснить мне это. Я прошу даже маменьку никак не посылать тебе письма моего

[этого] с каким-нибудь подателем, а самой вручить лично в твои руки, чтобы тебе нельзя было никаким образом ускользнуть от ответа и чтобы таким образом сколько-нибудь разрешилась эта неизъяснимая загадка, а с нею вместе мое недоумение. Одной строки, одного слова твоего достаточно, чтобы получить полное примирение.

Прощай! Жду с нетерпением твоего ответа. Адресуй в Рим, *Poste restante*, или, лучше, вручи маминьке, чтобы она отправила его в своем письме. Это вернее.

На обороте: Александру Семеновичу Данилевскому.

А. А. ИВАНОВУ

<Август н. ст. 1842. Гастейн.>

Что с вами делается, милый и добрый Александр Андреевич? Известите меня о себе хотя одною строчкою. Я собирался к вам ехать со дня на день и не мог, по причине нездоровья и моего и Языкова. Ради бога, мужайтесь и будьте бодры! Болезнь ваша, конечно, тягостна для вас, но не опасна. Нагноение в глазах случилось у многих, которых я знал, и, слава богу, всё это проходило. Это не глазное ослабление, не глазная собственно болезнь, и ничего ею не может быть повреждено в глазах. Не беспокойтесь ни о чем, и боже вас сохрани предаться какому-нибудь унынию. В жизни нашей много бед, но все они даются нам как временное испытание, и верьте, что мы никогда не можем знать вначале, какое [не можем знать, какое] благодетельное следствие принесет нам то, что нам казалось жестоким несчастьем. Во имя нашей дружбы и моей искренней, теплой любви к вам, я молю вас дать веру словам сим.

Как только мне будет лучше, я сейчас приеду к вам. А до того, ради бога, будьте тверды духом! Обнимаю вас всею душою.

Вам преданный Гоголь.

А. А. ИВАНОВУ
Гастейн. Августа 30 <н. ст.
1842>

Я получил сейчас ваше письмо. Ничего плачевного я не вижу в вашем положении. Берите всё, что ни дают. Это ничего не значит. На своем мы все-таки настояим и поставим. Путей есть множество выйти из всякого положения, как бы затруднительно оно нам ни казалось. Если бы ваше положение было в двадцать раз хуже, то и тогда не следует смущаться. Скажу вам только то, что если даже всё то, что мы ни предпримем теперь по вашему делу, будет неуспешно (чего я однако ж не предполагаю, основываясь на здоровом рассудке), то и тогда это [всё это] не беда. Деньги будут во всяком случае, если уже пошло на то. Исполните только одну мою просьбу, которую я вам сейчас предложу: будьте ясны и тверды душою. Твердый и не потерявшийся человек всегда выигрывает: его взгляд не отуманен, и он сам увидит исходы из всякого лабиринфа. Нужно иметь также веру в небес-

ную силу, которая всегда сходит от бога [прямо от бога] твердому и уповающему человеку. Исполняясь этой силы, вы плюнете на то, что человек называет препятствием. Итак, не думайте ни о чем до самого моего приезда. Будьте [И будьте] веселы как только можно больше; идя по улице, подскакивайте, нужды нет, если и шлепнетесь о мостовую, — это не беда, всякий знает, что мостовая в Риме плоха, и потому извинит вас.

Я буду в Риме около 15 октября. А до того времени вот вам поручение, пока у вас теперь свободное время и вы ничем не заняты. Поищите квартиры для Языкова, которого знакомство доставит вам, верно, удовольствие. Это один из самых лучших и близких мне [ко мне] приятелей. Квартиру из двух или трех комнат, одна, если можно, чтоб была большая, чтобы были они на солнце и особенно, чтобы был при них садик, то есть, терраса, чтобы можно было ему, не делая много ступеней, сойти и сидеть там всякий день. Ему предписан воздух, а ноги у него очень слабы и не в силах делать затруднительной

прогулки. А для меня, если не случится квартиры, то я поселюсь опять в старом гнезде на Via Felice. Еще: нельзя ли вам зайти к Торлонни и сказать ему, что я по случаю смерти Валентини просил письма ко мне адресовать к нему, а потому прошу его, если таковые получатся, удержать их до моего приезда в сохранности, не передавая в посольство [никому] и не беспокоясь, что меня нет еще налицо. Прощайте же, будьте веселы и светлы духом и сохраните вечно в себе великую истину, которую я вам сейчас скажу: препятствия суть наши крылья. Они нам даются для того, чтобы сделать нас сильней и ближе к цели. Это вам говорит человек, изведавший сие по опыту. Если вам вздумается писать ко мне до приезда моего, то адресуйте в Венецию, Poste restante.

На обороте: al Signor

Signor Ivanoff Alessandro.

Roma. Piazza Ss Apostoli palazzo Sauretti
№ 49.

Per la scala di Monsignor Severoli al terzo piano dal S-r Luigi Gaudenzi.

М. И. ГОГОЛЬ

**Гастейн. Сентября 1/Августа
19 1842**

Я получил ваше письмо. Очень рад, что вы доехали благополучно и что путешествие ваше было приятно вам. Из всех подробностей письма вашего, которые, между прочим, все равно были для меня любопытны, более всех остановило меня известие наше о чиновнике, которого вы встретили в Харькове. Я не разобрал его фамилии. Всё равно, скажите или напишите ему, что его благородство и честная бедность среди богатеющих неправдой найдут ответ во глубине всякого благородного сердца, что уже есть выше многих наград. Скажите ему: что эта честная бедность есть такое качество, которым он должен быть слишком горд для того, чтобы впасть в какое-нибудь малодушное отчаяние или не уметь встретить лицом несчастье и горечь жизни; что ему говорит это тот, кому внутренняя неисповедимая сила велит сказать это. И потому пусть он будет спокоен,

как только можно быть спокойну в каком бы ни было тяжком случае жизни. Передайте ему эти слова.

Я вижу также из письма вашего, что вы уже успели съездить на богомолье в Диканьку и Будище. Молитва — святое дело, но помните, что она ничтожна, если не сопровождается святыми делами. Молитвы дел, а не молитвы слов требует от нас Иисус. Не думайте, чтобы вы были бедны для того, чтобы помогать другим. Для этого не может быть беден человек. Не богатством, не деньгами мы можем помогать другим, но гораздо более мы можем помогать сердечным чувством, душевным словом, воздвигая, ободряя падший дух. И потому, если вы услышите, что где-нибудь страждет благородный душою человек, терпит горе жизни и готов предаться отчаянью, то спешите к нему первые на помощь. Скажите ему прежде всего: он должен благословить свою бедность и несчастья. Они становятся человека ближе к богу; они доставляют ему случай совершить те подвиги добродетели, которые редко доводится совершить человеку,

ибо среди бедности, среди угнетений стать твердо, не упасть и совершить благородный подвиг несравненно выше, чем совершить таковой же подвиг среди богатства и довольства, хотя бы для этого даже вздумал человек истратить всё свое богатство. Пусть и в мысль не приходит ему, что подвиг его может быть безответен и не найдет отголоска. Везде найдется благородная душа, которая откликнется ему и осветится сама силой его подвига; ибо прекрасные подвиги сообщаются, и есть много тайн во глубине души нашей, которых еще не открыл человек и которые могут подарить ему чудные блаженства. Если вы почувствуете, что слово ваше нашло доступ к сердцу страждущего душою, тогда идите с ним прямо в церковь и выслушайте божественную литургию. Как прохладный лес среди палящих степей, тогда примет его молитва под сень свою. И тот, кто умел всё в жизни претерпеть за нас, тот вооружит твердостью и силой его душу, о которые разлетятся земные несчастья. Сделавши такое дело, укрепивши изнемогшего и обративши его к богу, вы воссылайте смело ваши молитвы. Они будут крыла-

ты и возлетят прямо на небо. Всё, чего ни попросите, дастся вам. Я уверен, что вы понимаете всю силу слов сих.

Уведомляйте меня обо всем, что ни случается с вами. Не беспокойтесь, если не вдруг я буду отвечать на ваше письмо, а мне нужно отвечать многим на письма, иногда очень нужные.

Передайте это маленькое письмецо Ал<ександру> С<еменовичу> Данилевскому, но передайте ему самому, а не через посланного. Допросите его сами, почему он не отвечал на мои письма, и получил ли книги, которые я ему послал, и об этом уведомите. Прощайте. Молю бога, чтобы сохранил вас здоровыми, покойными и светлыми душою.

Ваш сын Николай.

М. В. ГОГОЛЬ

**<Август—сентябрь н. ст. 1842.
Гастейн.>**

Я получил письмо твое. [Далее начато: В не<м>] Оно наполнено похвалами, которых я так же мало достоин, как мало был достоин тех низких упреков [похвалами, мне так же излишними, как были излишни те низкие упреки] и тех подлых поступков, которых ты мне придала в прежнем письме твоём. О воспитании твоего Коли я забочусь, потому [я потому забочусь] что это наш христианский долг образовать и воспитать душу, чтобы не пустая [Переправлено из глу<пая>] молитва, а дела означили любовь нашу к богу.

Прекрасная душа [Верь, прекрасная душа] мне дорога. И молитва ничто мне, если суежна, напротив того, она страшна даже, потому что ниспровергается на голову тех, которые всуе произносят. Если человек молится и не умеет удержаться от чувства гордости и само-

любия, и негодует, и ропщет на оскорбление, которое ему нанесли, если он молится и не умеет чувствовать любви даже и к врагам своим, то молитва его будет вопиять против его самого. [не за него, но против его самого]

Я вижу из письма твоего, что <ты> молишься и учишь даже и Колю падать на колени. Молиться прекрасно и нужно. Но послушай слово желающего тебе истинно добра и [Далее начато: утеш<ения?>] старайся молиться, как должен молиться христ<ианин>. Приходило ли тебе когда-либо живо в ум, не приступая [прежде] к молитве, произвести сердечную исповедь? [Вместо предыдущих четырех фраз было: Ты тоже часто молишься и заставляешь, как я вижу, и Колю падать на колени. Но прежде, чем начинаешь молиться, несешь ли ты сердечную исповедь?] Умеешь ли ты припомнить свои поступки и строго осудить их? Умеешь ли ты во всем обвинить себя, а не других, потому что обвинение других есть уже не христианское чувство, [Далее начато: и чуждо христи<анину>] хотя бы даже другие и точно были виноваты, а без хри-

стианского чувства нельзя молиться. Умеешь ли ты сказать вместо слов: Господи, прости таким-то, которые нанесли мне зло, — господи, прости меня за то, что мне кажется, будто они нанесли мне зло. Если ты умеешь это сделать, [достигнешь до этого] то тогда прекрасна твоя молитва, она понесется прямо к богу, она доставит много душевных глубоких утешений. У тебя, я знаю, часто в голове бродит мысль, что я тебя меньше люблю, чем других. Знай же, я говорю тебе совершенную истину в эту минуту, — я никого из вас еще до сих пор не люблю так, как бы я хотел любить. Я ту из вас могу только любить, которая будет великодушнее всех других, которая будет уметь облобызать и броситься на шею <к тому>, кто оскорбит ее чем-нибудь, которая позабудет совершенно о себе и будет думать только о других сестрах, которая позабудет о своем счастье и будет думать только о счастье других. Та только будет сестра души моей, а до сих пор такой нет между вами, и сердце мое равно закрыта ко всем вам. Вот что я должен сказать вам, чтобы объяснить, почему я зол и почему сердце мое не в состоянии никого из

вас любить так, как бы я хотел любить.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ
Гастейн, 10 сентября/29
августа <1842>

Не получая от тебя никакого до сих пор письма, я полагаю, что дела наши идут безостановочно и в надлежащем порядке. Я немного замедлил высылкою остальных статей. Но нельзя было никак: столько нужно было сделать разных поправок! Посылаемую ныне «Игроки» в силу собрал. Черновые листы так были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мне работу страшную разбирать. Но более всего хлопот было мне с остальной пиэсою «Театральный разъезд». В ней столько нужно было переделывать, что, клянусь, легче бы мне написать две новых. Но она заключительная статья всего собрания сочинений и потому очень важна и требовала тщательной отделки. Я очень рад, что не трогал ее в Петербурге и не спешил с нею. Она была бы очень далека от значенья нынешнего, а это было бы совсем нехорошо. [Далее начато: Я еще] Переписка ее еще не кон-

чена. Не сердись. Ты не понимаешь, как трудно переписывать и стараться быть четким в таком мелком шрифте. Порядок статей последнего тома ты, я думаю, <знаешь>: «Ревизор», потом «Женитьба» и под нею написать в скобках: (писана в 1833 году), п<отом> на одном белом листе: «Драматические отрывки и отдельные сцены с 1832 по 1837 год», а на другом, вслед за ним: «Игроки» с эпитафией, потом [Далее было: после этого <?>] всякая пиеса с своим заглавным листом: «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», [Далее было: Светс<кая?>] «Сцены из светской жизни», «Театральный разъезд после представления новой комедии». Получил ли хвост «Ревизора», посланный мною три недели назад? Уведомь обо всем. Всё лучше знать, чем не знать. И будь еще так добр: верно, ходят [ходят о] какие-нибудь толки о «Мертв<ых> душах». Ради дружбы нашей, доведи их до моего сведения, каковы бы они ни были и от кого бы ни были. Мне все они равно нужны. Ты не можешь себе представить, как они мне нужны. Не дурно также означить, из чьих уст вышли они. Самому тебе, понятно, не удастся много услы-

шать, но ты можешь поручить кое-кому из тех, которые более обращаются с людьми и бывают в каком бы ни было свете.

Прощай. Обнимаю тебя и целую сильно! Адресуй прямо в Рим (Poste restante). Через две недели я уже буду в Риме. Будь здоров и да присутствует в твоём духе вечная светлость, а в случае недостатка ее обратись мыслию ко мне, и ты просветлеешь непременно, ибо души сообщаются, и вера, живущая в одной, переходит невидимо в другую. Прощай.

Твой Гоголь.

На обороте: à S. Pétersbourg (en Russie).

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С. Петербурге, на Васильевском острове, между Большим и Средним проспектом, в 9 линии, в собственном доме.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
<Июль—сентябрь 1842.
Гастейн?>

Пишу к вам письмо вследствие прочтения нескольких разрозненных листков из биографии Фонвизина, которые вы прислали Языкову. Я весь [полон сего] чтения. Я читал прежде отрывки, и уже в них [и уже п<о> отрывкам многосторонность] видны следы многообъемлемости ума вашего. [Далее начато: Не го<ворю>] Теперь я прочел в большей целости — почти половину всего сочинения [Далее начато: Не скажу] (многих листков из середины недостает). Не скажу вам ничего о глубоком достоинстве [о полно<те> и достоинстве] всего сочинения: об интересе эпохи и лица и [Далее было: живости] самого героя биографии. В них меня ни один столько не занял, как сам биограф. Как много сторон его сказалось [отразилось] в этом сочинении! Критик, государст<венный> муж, полит<ик>, поэт, всё соединилось в биографе, и какая строгая многообъемлемость! Все принесли

ему дань, со всего взята <она>. Столько сторон соединить в себе [в одно<м> уме] может только один [Далее было: глубокий и] всемирный <ум>. [Вместо этого было: Соединение таких многообразных сторон может быть [в одном человеке, истина только] в таком человеке, который составляет явление всемирное] И ваше поприще другое. Простите ли вы мне дерзость указать [Позвольте мне указать] ваше назначение? Но бог одарил меня [Далее начато: чутьем узнавать и постигать] предметом многих наслаждений и благодарных молитв, чутьем узнавать человека. Назначение ваше и поприще явно. Неужели вы не видите? Вы владеете глубоким даром историка — венцом божьих даров, верх<ом> развития [Далее начато: многостор<оннего>] и совершенства ума. [Далее вторично начато: а. Бог одарил меня одним из драгоценных <даров> — чутьем узнавать и видеть б. Из всех даров, которыми бог наградил меня, глубже всего благодарю я за дар узнавать] Я вижу в вас историка в полном смысле сего слова, [Далее начато: а. Вы долж<ны> б. Грех] и вечные упреки будут на душе вашей, если вы не приметесь за ве-

ликий подвиг. Есть царствования, заключающие в себе почти [как бы] волшебный ряд чрезвычайностей, [Далее было: ряд огромностей] которых образы уже стоят пред нами колоссальные, как у Гомера, несмотря на то, что и пятидесяти лет еще не протекло. Вы догадываетесь, что я говорю о царствовании Екатерины. Нет труда выше, благодарнее и который бы так сильно требовал глубокомыслия полного, [столько глубокомыслия] многостороннего историка. Из него может быть двенадцать томов чудной истории, и клянусь — вы станете выше всех европейских историков. В этом труде вам откроется много наслаждения, вы много узнаете, чего не узнает никто и что больше всего. Вы узнаете [Далее было: в нем себя] глубже и много таких сторон, каких вы, может быть, по скромности не подозреваете в себе. Ваша жизнь будет полна!

Во имя бога не пропусти<те> без внимания этих слов моих! По крайней мере предайтесь долговому размышлению, они стоят того, потому что произнесены человеком, [В подлиннике недоисправлено: тем человеком] подвиж-

нутым [который подвигнут] к вам глубоким уважением, сильно понимающим их.

Совесть <бы> меня мучила, если бы я не написал к вам этого письма. Это было веленье [Далее было: потребность] изнутри меня, и потому оно могло быть божье веление, итак, уважьте его вы.

Если вздумаете написать мне, адресуйте прямо в Рим, в Poste restante.

ГАРТМАНУ

<13 октября н. ст. 1842. Рим.>

Nicola Gogol, essendo giunto in Romo con un suo amico incomodato ed avendo piu volte ricercato il sig<nore> Hartmann nella sua abitazione, ha saputo essere in Frascati e siccome tanto esso, che il suo amico hanno bisogna della sua assistenza, cosi lo prega a voler avere la compiacenza di recarsi in Roma al piu presto possibile, prevenendolo, che il medesimo alloggia nella solita abitazione in Via Felice № 126, persuaso que sara poi favorirlo, glie ne anticipa, li suoi ringraziamenti e si di dichiara etc.

Giovedì 13 Ottobre 1842.

Адрес: Al Sig<nore>

Sig<nore> Hartmann.

Villa Falconieri. Frascati.

ПЕРЕВОД.

Николай Гоголь, прибывший в Рим вместе со своим больным другом, посетив несколько раз квартиру г. Гартмана, узнал, что последний находится в Фраскати. А так как друг его нуждается в помощи г. Гартмана, то он просит г. Гартмана оказать ему любезность и как можно скорее вернуться в Рим. Он предупреждает, что проживает на своей обычной квартире в Via Felice № 126. Убежденный в содействии г. Гартмана, он заранее выражает ему свою благодарность и изъявляет свое почтение.

Четверг, 13 октября 1842 г.

Адрес: Г-ну Гартману.

Вилла Фальконьери. Фраскати.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ
Рим. Октябрь 22/10 <1842>

<Боле>] Вырвано.] знь моя была причи-
ной, что до сих пор не выслал тебе
<зак>] Вырвано.] лучительной пиэсы, кото-
рую теперь посылаю. Едва справляюсь
[управлюсь] <с писаньем и едва?> [Вырвано.]
мог кое-как переписать ее. Хотя она всё еще
вовсе не в том <виде, в> [Вырвано.] каком бы
желал, и хотя многое следовало бы выпра-
вить и <передела?>] Вырвано.] ть, но так и
быть. Авось либо простят и припишут време-
ни <неопытнос?>] Вырвано.] ти и молодости
автора, как оно действительно и есть, ибо пи-
сано давно. <Если> [Далее было: уди<вило?>]
мое заявление и молчание повергло тебя в
изумление и <недоумен?>] Вырвано.] ие, то, с
другой стороны, твое молчанье мне кажется
<непост>] Вырвано.] ижимо. Ну, что бы уведо-
мить меня хотя одною строчкой, как идет де-
ло и печатанье. Я послал тебе три письма, и
ни на одно ни строчки ответа. В одном пись-
ме я тебе послал конец «Ревизора», в другом

письме «Игроков», написал тебе порядок, в каком должно быть и следовать одно за другим. Писал, чтобы в «Тарасе Бульбе» удержат по-прежнему слышу, вместо — чую. Под комедией «Женитьба» выставить год, в который писана (1833). [Далее начато: По о^кончании?>] За нею особенный лист с титулом: «Отдельные сцены и драматические отрывки (с 1832 по 1837 год)». Потом такой порядок: «Игроки», «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Сцена из светской жизни», «Театральный разъезд». Всякая с особым передовым листом. Сделай милость, уведоми меня обо всем. Теперь, кажется, никакой нет уж помехи, а потому благословляю оканчивать печатанье, да и пускать книгу в продажу. Если печатанье взяло много издержек и книги вышли толще, нежели предполагалось, то можно пустить по 30 рублей. Первые экземпляры сей же час послать в Москву. Один Шевыреву. Другой Сергею Тимофеевичу Аксакову. Третий Хомякову. Четвертый Погодину. Все можно адресовать на имя Шевырева, с просьбой, чтобы он поскорее вручил им. В Петербурге первые экземпляры: гр. Вельегорскому (жи-

вет возле Михайлов<ского> театра), Александре Осиповне Смирновой (на Мойке, в собственном доме, за Синим мостом, за домом Ам<ериканской> компании), Плетневу, само по себе разумеется, Вяземскому.

Нужно распорядиться так, чтобы «Ревизор» и «Женитьба» отданы были вскоре после отпечатанья в театральную цензуру, чтобы не были там задержаны долго, ибо [и потому] <н>] Вырвано.] ужно, чтобы всё это поспе<ло> [Вырвано.] к бенефису <Ще>] Вырвано.] пкина и Сосницкого. Не дур<но буд>] Вырвано.] ет тебе съездить потом <к Сос>] Вырвано.] ницкому <и сказ>] Вырвано.] ать ему, что мое [мои] желанье таково, [Далее было: так] чтобы их бенефисы пришлись <в один> [Вырвано.] день. Чтобы «Женитьба» была представлена в один день и в <Москве> [Вырвано.] и в Петербурге. Что таким образом, как ему известно, я хотел <и преж>] Вырвано.] де. И потому, чтобы он с своей стороны постарался тоже <об уст>] Вырвано.] ранении всякого рода препятствий. Если театральная цензура <будет?> [Вырвано.] привязчива и будет вы-

черкивать кое-какие выражения, то обратись
<к Вель>] Вырвано.] егорскому и скажи ему,
что я очень просил его сказать цензору <...?>
[Вырвано.] слова два, особливо если цен-
зор — Гедеонов, которого Вельегорский знает.
<Щепкин> [Вырвано.] об этом очень просил.
Насчет этого не дурно бы также <посове>] Вы-
рвано.] товаться с Краевским, который, ка-
жется, знает все цензурные <поряд>] Вырва-
но.] ки. Я напишу от себя письмецо к Ники-
тенке, которому поклонись от меня <усерд>]
Вырвано.] но. И, пожалуйста, сию же минуту
по получении этого письма уведоми. Адресуй
мне: Via Felice, № 126, 3 piano. Будь здоров. Це-
лую тебя сто раз. <Люби меня?> [Вырвано.]
по-прежнему, люби так, как я тебя люблю. В
следующем письме поговорим <обо> [Вырва-
но.] всем, и о тебе и о мне. Спешу отправить
на почту. Перецелуй за меня всех <своих?>.
[Вырвано.] Пожалуйста, не замедли извещени-
ем обо всем. Кланяйся всем помнящим меня
<...?> [Вырвано.] Белинскому, Комарову.

Твой Гоголь.

На обороте: St. Pétersbourg, Russie.

Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

С. Петербург, на Васильевском острове, в 9
линии, между Большим и Средним проспек-
том, в дом Прокоповичевой.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
Рим. Октября 23/11 <1842>

Наконец я дождался от тебя письма. Две недели, как живу уже в Риме, всякий день наведываюсь на почту, и только вчера получил первое письмо из России. Это письмо было от тебя. Благодарю тебя за него. Благодарю также за твой отзыв о моей поэме. Он был мне очень приятен, хотя в нем слишком много благосклонности, точно как будто бы ты боялся тронуть какую-нибудь чувствительную струну. Еще прежде позволительно было щадить меня, но теперь это грешно: мне нужно скорей указать все мои слабые стороны; это<го> я требую больше всего от друзей моих.

Но в сторону всё это, и поговорим прежде всего о тебе. Твое уединение и тоска от него меня очень опечалили. Естественно — самое лучшее, что можно сделать, бежать от них обоих.

Но куда бежать? Ты хочешь в Петербург, хочешь сделаться чиновником: не есть ли это только одна временная отвага, рожденная скукой и бесплодием нынешней твоей жизни?

Тебя Петербург манит прошедшими воспоминаниями. Но разве ты не чувствуешь, что чрез это самое он станет теперь еще печальнее в глазах твоих? Прежний круг довольно рассеялся; остальные отделились друг от друга и уже предались скучному уединению. Новый нынешний петербургский люд слишком отзывается эгоизмом, пустым стремлением. Тебе холодно, черство покажется в Петербурге. После пятилетнего своего скитания по миру и невольно чрез то приобретенной независимой жизни тебе будет труднее привыкнуть к Петербургу чем к другому месту. Притом ядовитый климат его — не будет ли он теперь чувствительней для тебя, чем прежде, когда ты и в Малороссии болеешь? Я думал обо всем этом, и мне приходило на мысль, не лучше ли тебе будет в Москве, чем в Петербурге? Там более теплоты и в климате и в людях.

Там живут большею частью такие друзья мои, которые примут тебя радушно и с открытыми объятиями. Там меньше расчетов и денежных вычислений. Посредством Шевырева можно будет как-нибудь доставить тебе место при генерал-губернаторе Голицыне. Подумай обо всем этом и уведоми меня скорее, чтобы я мог тебя во-время снабдить надлежащими письмами, к кому следует.

Если ж ты решился служить в Петербурге и думаешь, что в силах начать серьезную службу, то совет мой — обратиться к Норову; он же был прежде твоим начальником. Теперь он обер-прокурор в сенате. Из всех служб, по моему мнению, нет службы, которая могла бы быть более полезна и более интересна сама по себе, как служба в сенате. Теперь же, как нарочно, все обер-прокуроры хорошие люди. К Норову я напишу письмо, в котором изъясню, как и почему следует тебе оказать всякую помощь. Я с ним виделся теперь в Гастейне. Итак, подумай обо всем этом и уведоми меня.

Но, ради бога, будь светлей душой. В минуты грустные припоминай себе всегда, что я живу еще на свете, что бог бережет жизнь мою, стало быть, она, верно, нужна друзьям души и сердца моего, и потому гони прочь уныние и не думай никогда, чтобы без руля и ветрила неслася жизнь твоя. Всё, что ни дается нам, дается в благо: и самые бесплодные роздыхи в нашей жизни, может быть, уже суть семена плодородного в будущем.

Уведоми меня сколько-нибудь о толках, которые тебе случится слышать о «Мертвых душах», как бы они пусты и незначительны не были, с означением, из каких уст истекли они. Ты не можешь вообразить себе, как всё это полезно мне и нужно и как для меня важны все мнения, начиная от самых необразованных до самых образованных.

Прощай, будь здоров и не замедли ответом.

Твой Г.

Адрес мой: Via Felice, № 126, 3 piano.

А. В. НИКИТЕНКО

Рим. Октября 30 <н. ст.> 1842

Пишу к вам, милый и добрый Александр Васильевич, вследствие искреннего душевного побуждения. Вы видите, я вас называю [Называю пря<мо>]: милый и добрый Александр Васильевич. Да, мы должны быть просты. Вы сами должны почувствовать, что связи наши стали теплее. Скажу вам откровенно: странное замедление выхода Мертвых душ при всех неприятностях принесло мне много прекрасного, между прочим оно доставило мне вас. Да, я дотоле считал вас только за умного человека, но я не знал, что вы заключаете в себе такую любящую, глубоко чувствующую душу. Это открытие было праздником души моей. Вот вам мое душевное излияние. Заплатите и вы мне тем же. Пишите ко мне и уведомляйте хотя изредка о себе. Не забывайте передавать ваши впечатления, мнения [и мнения] и суждения по поводу моих сочинений, чистосердечней как можно. И как доселе вы делали замечания относительно до-

стоинства их, так теперь скажите мне всё относительно недостатков их. Клянусь, для меня это важно, очень важно, и вам будет грех, если вы что-нибудь умолчите передо мною. Помните всегда что у меня есть одна добродетель, которая редко встречается на свете и которой никто не хочет узнать у меня. Это — отсутствие авторского самолюбия и раздражительности. Никто не знает, что я с удовольствием читаю даже пошлые статьи Северной Пчелы, единственно потому только, что там на меня глядят с недоброжелательной стороны и стараются всячески увидеть мои недостатки и пороки. Кстати о моих сочинениях. Скажите мне пожалуйста, как идет печатанье их? Я никакого не получаю [не получаю о них] известия. Прокопович ко мне не пишет. Я четыре дня назад послал ему последнюю статью: Театральный разъезд, замыкающую собрание сочинений моих. Расспросите его, получил ли он исправно и в надлежащее время. Не прошу вас о снисхождении в цензорском отношении к моим сочинениям. Надеюсь твердо, что вы без просьб моих сделаете всё.

Вы сами понимаете, что всякая фраза досталась мне обдумываньями, долгими соображениями, что мне тяжелей расстаться с ней, чем другому писателю, которому ничего не стоит в одну минуту одно заменить другим. Вы чувствуете также, что я не могу иметь столько неблагоразумия, чтобы не слышать текущих обстоятельств и не соображаться с ними относительно цензуры и что с вышины не бывает и не было на меня неудовольствия. Они идут снизу, благодаря невинному невежеству, пугающемуся только того, что выражено живо и ярко, хотя бы это были вещи, двадцать раз уже появлявшиеся в печати. Но вы сами всё это чувствуете и потому я спокоен. Прощайте! любите меня так же, как я вас люблю, и не забывайте писать. Передайте мой искренний поклон супруге вашей, хотя она, может быть, вовсе не помнит меня. Будьте здоровы.

Ваш искренно любящий вас Гоголь.

Вот мой адрес: Rome. Via Felice, № 126, 3

piano.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

Г. профессору СПбургского университета
Александру Васильевичу Никитенке.

В СПбург. В Университет, на Васильевском
острову.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Рим. Ноябрь 1 <н. ст. 1842>

Отчего же нет от вас ни строчки? Отчего не хотите вы сказать ни слова о Мертвых душах моих, зная, что я горю и снедаем жаждой знать мои недостатки? Или вы разлюбили меня? Но если не хотите ничего сказать обо мне, скажите по крайней мере о себе! Что вы? Здоровы? Где будете весной, где хотите провести лето? Уведомьте меня об этом, чтобы я [В подлиннике: что я бы] мог найти вас и не разминуться с вами. Мне теперь нужно с вами увидеться, душа моя требует этого. Будьте же добры, известите меня обо всем этом. Адресуйте в Рим. Via Felice, № 126, 3 piano.

Ваш Гоголь.

На обороте: à son Excellence Monsieur
Monsieur de Joukovsky.

à Dusseldorf.

М. П. БАЛАБИНОЙ

Рим. Ноября 2 <н. ст.> 1842

Я к вам пишу, и это потребность души. Не думайте, чтобы я был ленив. Это правда, мне тяжело бывает приняться за письмо, но когда я чувствую душевную потребность, тогда я не откладываю. В последние дни пребывания моего в Петербурге, при расставании с вами, я заметил, что душа ваша сильнее развилась и глубже чувствует, чем когда-либо прежде. И потому вы теперь не имеете никакого права не быть со мной вполне откровенной и не передавать мне всё. Вспомните, что вы пишете вашему искреннейшему другу, который в силах оценить и понять вас и который награжден от бога даром живо чувствовать в собственной душе радости и горе, чувствуемые другими, что другие чувствуют только [и не испытанные только] вследствие одного тяжелого опыта. Прежде всего известите меня о состоянии вашего здоровья и помогло ли вам холодное лечение. Потом известите меня о состоянии души вашей: что вы

думаете теперь и чувствуете и как всё, что ни есть вокруг вас, вам кажется. Это первая половина вашего письма. Теперь следует вторая: известите меня обо мне. Записывайте всё, что когда-либо вам случится услышать обо мне, все мненья и толки обо мне и об моих сочинениях, и особенно когда бранят [бранят меня] и осуждают меня. Последнее мне слишком нужно знать. Хула и осуждения для меня слишком полезны. После них мне всегда открывался яснее [открывался во мне] какой-нибудь мой недостаток, дотоле мною не замеченный. А увидеть свой недостаток это уже много значит. Это значит почти исправить его. Итак, не забудьте записывать всё. Просите также ваших братцев в ту же минуту, как только они услышат какое-нибудь суждение обо мне, справедливое или несправедливое, дельное или ничтожное, в ту же минуту его на лоскуточик бумажки, покамест оно еще не остыло. И этот лоскуточик вложите в ваше письмо. Не скрывайте от меня также имени того, который произнес его. Знайте, что я не в силах ни на кого в мире теперь рассердиться, и скорей обниму его, чем

рассержусь. Прощайте. Жму сильно вашу руку. Обнимите за меня всех ваших и попросите вашу маминьку, ради нашей старой дружбы, приписывать иногда от себя хоть несколько строчек ко мне, хоть даже на французском языке.

Вот мой адрес: Рим, Via Felice, № 126, 3 piano.

На обороте: S. Pétersboutg. Russie.

Ее превосходительству Марье Петровне Балабиной.

В С.-ПБурге. На Аглицкой набережной в доме генерал-лейтенанта Балабина.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Рим. Ноября 2 <н. ст. 1842>

Я к вам с корыстолюбивой просьбой, друг души моей Петр Александрович! Узнайте, что делают экземпляры Мертвых душ, назначенные мною к представлению государю, государыне и наследнику и оставленные мною для этого у гр. Вьельгорского. В древние времена, когда был в Петербурге Жуковский, мне обыкновенно что-нибудь следовало. Это [Это бы] мне теперь очень, очень было бы нужно. Я сижу на совершенном безденежьи. Все выручаемые деньги за продажу книги идут до сих пор на уплату долгов моих. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же, как вы знаете, кроме меня, есть кое-какие довольно сильные обязанности. Я должен иногда помогать [очень помогать] сестрам и матери, не вследствие какого-нибудь великодушия, а вследствие совершенной их невозможности обойтись без меня. Конечно, я не имею никакого права, основываясь на сих причинах, ждать вспоможения, но я имею

право просить, чтобы меня не исключили из круга других писателей, которым изъявляется царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей, присоедините ваше участие. Теперь другая просьба, тоже корыстолюбивая. Вы, верно, будете писать разбор Мертвых душ, по крайней мере мне бы этого очень хотелось. Я дорожу вашим мнением. У вас много внутреннего глубоко эстетического чувства, хотя вы не брызжете внешним блестящим фейерверком, который слепит очи большинства. Пришлите мне листки вашего разбора в письме. Мне теперь больше, чем когда-либо, нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы, будьте взыскательны, как только можно, и постарайтесь отыскать во мне побольше недостатков, хотя бы даже они вам самим казались неважными. Не думайте, чтоб это могло повредить мне в общем мнении. Я не хочу мгновенного мнения. Напротив, я бы желал теперь от души, чтоб мне указали сколько можно более моих слабых сторон. Тому, кто стремится быть лучше, чем есть, не стыдно признаться в своих проступках пред всем светом. Без сего

сознания не может быть исправленья.

Но вы меня поймете, вы поймете, что есть годы, когда разумное бесстрашие воцаряется в душу и когда возгласы, шевелящие юность и честолюбие, не имеют власти над душою. Не позабудьте же этого, добрый, старый друг мой! Я вас сильно люблю. Любовь эта, подобно некоторым другим сильным чувствам, заключена на дне души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать никакими наружными знаками. Но вы сами должны чувствовать, что с воспоминанием о вас слито воспоминание о многих светлых и прекрасных минутах моей жизни. Прощайте! не забывайте и пишите.

Ваш Гоголь.

Мой адрес: Via Felice, № 126, 3 piano.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

Г. ректору СПбургского университета его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В СПбурге. На Василь<евском> острове, в
Университете.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Рим. Ноябрь <12 н. ст. 1842>

Благодарю тебя много-много за твои обе статьи, которые я получил в исправности от княгини Волконской, хотя несколько поздно. [В подлиннике: поздно] В обеих статьях твоих, кроме большого их достоинства [Далее было: всегда есть] и значения для нашей публики, есть очень много полезного собственно для меня. Замечание твое о неполноте комического взгляда, берущего только в пол-обхвата предмет, могло быть сделано только глубоким критиком-созерцателем. Замечания об излишестве моей расточительности тоже большая правда. Мне бы очень хотелось, чтоб ты на одном экземпляре заметил на полях карандашом все те места, которые отданы даром читателю или, лучше сказать, навязаны на него без всякой просьбы с его стороны. Это мне очень нужно, хотя я уже и сам много кое-чего вижу, чего не видал прежде, но человек требует всякой помощи от других, и только после указаний, которые нам сделают другие,

мы видим яснее собственные грехи. Ты пишешь в твоём письме, чтобы я, не глядя ни на какие критики, шел смело вперед. Но я могу идти смело вперед только тогда, когда взгляну на те критики. Критика придает мне крылья. После критик, всеобщего [и всеобщего] шума и разноголосья, мне всегда ясней предстает мое творенье. А ты сам, я думаю, чувствуешь, что, не изведав себя со всех сторон, во всех своих недостатках, нельзя избавиться от своих недостатков. Мне даже критики Булгарина приносят пользу, потому что я, как немец, снимаю плеву со всякой дряни. Но какую же пользу может принести мне критика, подобная твоей, где дышит такая чистая любовь к искусству и где я вижу столько душевной любви ко мне, ты можешь судить сам. Я много освежился душой по прочтении твоих статей и ощутил в себе прибавившуюся силу. Я жалел только, что ты вровень с достоинствами сочинения не обнажил побольше его недостатков. У нас никто не поверит, если я скажу, что мне хочется, и душа моя даже требует, [требует этого] чтобы меня более охуждали, чем хвалили, но художник-критик дол-

жен понять художника-писателя. Прощай, обнимаю тебя много раз. Пожалуйста, присылай мне все критики, которые случится написать обо мне, прямо по почте, не затрудняйся тем, что письмо будет толсто и придется много платить за него. Я готов вчетверо заплатить и всё еще буду в барышах. Прокоповичу я послал всё, что следует, и потому нет никаких препятствий к скорому выходу моих сочинений. Уведомь меня, когда они получатся в Москву. Узнай также от Аксакова, Серг<ея> Тим<офеевича>, высланы ли [высланы ли им] деньги мне в Рим и каким путем посланы они. Меня очень изумляет, что их до сих пор здесь нет, тем более, что Сергей Тимофеевич хотел послать их даже раньше того срока, к которому я просил. Я просил его выслать в Рим к первому октябрю, а теперь уже слава богу 10-е ноября. [Далее зачеркнуто: Я да Языков, который при сем тебе кланяется, сидим оба на безденежьи.] Языков тебе кланяется. Адресуй: Via Felice, № 126, 3 piano.

Передай Софье Борисовне, вместе с самым искренним и душевным поклоном моим,

множество благодарностей за великодушное участие ее в хозяйственных делах по части Мертвых душ.

На обороте: Moscou en Russie.

Профессору Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве, в собств<енном> доме в Дегтярном переулке близ Тверской. А Moscou.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Рим. Ноябрь 26/14 <1342>

Вчера получил твое письмо. Благодарю тебя за него и за все старанья и хлопоты. Ты, я думаю, уже давно получил «Разъезд». Он [Он уже] более месяца, как послан к тебе. Насчет намерения твоего назвать «Светскую сцену» просто «Отрывком» я совершенно согласен, тем более, что прежнее название было выставлено так только, в ожидании другого. Насчет разных корсарств в мои владения, о которых, признаюсь, мне неприятнее всего было слышать, я пишу письмо к Плетневу, чтобы он переговорил лично с Гедеоновым обо всем этом. А между тем объяви всем и распусти слух, что я слишком задет наглостью переделывателя и намерен искать законным порядком на него управы, что уже, дескать, сочиняю закатистую просьбу к какому-то важному лицу. Это несколько устроит за-благовременно охотников. [некот<орых>] Все драматические сцены, составляющие четвертую часть, принадлежат Щепкину. Это нужно

разгласить и распространить тоже, [Далее было: везде <?>] чтобы меня не беспокоили и не тревожили другие актеры какими-нибудь письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтоб сделано было всё, что он просит. Половина драматических отрывков должна остаться ему для будущего бенефиса в будущем году, потому что для театра, вероятно, я ничего не произведу никогда. Не дурно распространить и сделать предметом разговора, что ни в одном образованном государстве не может никакой антрепренер перетащить на сцену сочинения, не испрося согласия автора, и что если автор найдет три строки, взятые целиком из его произведения и не приведенные в смысле цитаты, [как цитата] то имеет право [Далее было: обвинять уж] производить судебным порядком иск о похищении и воровстве, и вор ничем не разнится в наказании от уличного вора. Этому постановлению нужно дать [Далее было: и] гласность, и чтобы о нем все говорили. В моем деле больше значит общий голос и крик, чем частные хлопоты. Ты это сам поймешь.

В «Женитьбе», я вспомнил, вкралась важная ошибка, сделанная отчасти писцом: Кочкарев говорит, что ему плевали несколько раз, тогда как он это говорит о другом. Эта безделица может дать ему совершенно другой [а. пошлый б. подлый] характер. Монолог этот должен начинаться вот как:

Да что же за беда! Ведь иным плевали несколько раз, ей-богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щеку; до тех пор его зил и надоедал своему начальнику [Далее было: что тот] о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес: плюнул в самое лицо, ей-богу. «Вот тебе, говорит, твоя прибавка, отвяжись, сатана!» и проч. и проч.

Если уже набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать. На заглавном листке к «Женитьбе» выставлен не весь титул. Должно вот как:

ЖЕНИТЬБА

Совершенно невероятное событие, в двух действиях.

И потому [Далее было: если] прибавь это. Также в «Игроках» пропущено одно выражение, довольно значительное, именно, когда Утешительный мечет банк и говорит: «На, немец, возьми, съешь свою семерку». После этих слов следует прибавить: Руте, [Далее было: руте — Л <см. примеч. к письму>] решительно руте! просто карта-фоска!

Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства. [и, может быть, очень недурна — Л] Благодарю тебя за передачу кое-каких мнений и суждений о М<ертвых> д<ушах>. Продолжай и впредь. Это будет мне всегда лакомым подарком. [Это для меня лучший подарок. — Л] Целую тебя от всей души и жду непременно письма. [Жду письма непременно — Л]

Твой Гоголь.

На обороте: S. Pétersbourg, Russie.

Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В Спбурге, на Васильевск<ом> острове, в 9
линии, между Большим и Средн<им> про-
спек<том>, в собствен<ном> доме.

М. С. ЩЕПКИНУ

<26 ноября н. ст. 1842. Рим.>

Михайло Семенович! Пишу к вам это письмо нарочно для того, чтобы оно служило документом в том, что все мои драматические сцены и отрывки, заключающиеся в четвертом томе моих сочинений, принадлежат вам и вы можете давать их по усмотрению вашему в свои бенефисы. Относительно же комедии Женитьба: вы устройте, по взаимному соглашению, с Сосницким таким образом, чтобы она шла в один и тот же день в бенефисы вам обоим, на петербургском и на московском театрах.

Н. Гоголь.

Рим. Ноября 26. 1842 года.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Рим. 28 ноября <н. ст. 1842>

Вдогонку за первым моим письмом пишу к Вам другое. Если вы еще не употребляли вашего участия и забот относительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дело можно оставить. Во-первых, уже потому, что с моей стороны как-то неприлично это, всё же несколько корыстное исканье, а во-вторых, зачем тормозить бедного Вьельгорского, которому, может быть, вовсе неловко? Я же пока занял денег у Языкова, которому прислали. А в начале будущего года авось бог даст мне изворотиться, очиститься от долгов вовсе и получить кое-что для себя. И потому вместо прежней моей просьбы исполните вот какую просьбу. До меня дошли слухи, что из Мертвых душ таскают целыми страницами на театр. Я едва мог верить. Ни в одном просвещенном государстве не водится, чтобы кто осмелился, не испрося позволения у автора, перетаскивать его сочинения на сцену. (А я тысячи имею, как нарочно, причин не же-

лать, чтобы из Мертвых <душ> что-либо было переведено на сцену.) Сделайте милость, постарайтесь как-нибудь увидеться с Гедеоновым и объясните ему, что я не давал никакого позволения этому корсару, которого я не знаю даже и имени. [на<звания?>] Это очень нужно сделать, потому что в выходящем издании моих сочинений есть несколько драматических отрывков, которые как раз могут очутиться на сцене, тогда как на них законное право имеет один только Щепкин. Сделайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидетель, что находящееся у Щепкина письмо, которым я передаю ему право на постановку этих пиэс на сцену, писано именно мною и есть неподдельное. Что я, в самом деле, за беззащитное лицо, которого можно обижать всякому? Ради бога вступитесь за это дело. Оно слишком близко моему сердцу. Прощайте. Я слышал, что в Современнике есть [Далее начато: чт<о-то?>] очень дельная статья о Мертвых душах. Нельзя ли каким-нибудь образом переслать ее мне? я бы страшно хотел прочесть. Теперь же, вероятно, отправляются из Петербурга курьеры к вел<икой>

кн<ягине> Марье Николаевне. Здесь было пронесся слух, что вел<икая> кн<ягиня> будет в Риме, но теперь говорят, что проедет мимо. Смирнова, говорят, во Флоренции и хочет быть в Рим. Прощайте, целую вас тысячу раз и обнимаю. Жду с нетерпением от вас вестей. Прокопович пишет, что издание моих сочинений приходит к концу. Не найдете ли средство послать по выходе один экземпляр мне через курьера, который будет отправлен к вел<икой> княгине.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В СПбурге. На Васильевск<ом> острове, в Университете.

М. С. ЩЕПКИНУ

Рим. Ноября 28 <н. ст. 1842>

Здравствуйте, Михал Семенович! После надлежащего лобзанья поведем вот какую речь. Вы уже имеете Женитьбу. Не довольно ли этого на один спектакль? Я говорю это в рассуждении того, что мне хочется, чтобы вам что-нибудь осталось на будущие разы, а впрочем, вы распоряжайтесь как вам лучше. [совершенно как вам лучше] Вы тут полный господин. Все драматические отрывки и сцены, заключающиеся в четвертом томе моих сочинений (их числом пять), все исключительно принадлежат вам. Об этом я уже написал к издателю моих сочинений, Прокоповичу, и просил Плетнева объявить Гедеонову, а вам прилагаю нарочно при сем письмецо, которое бы вы могли показать всякому, кто вздумает оспаривать ваше право. Только последняя пиеса Театральный разъезд остается неприкосновенною, потому что ей неприлично предстать на сцене. Сосницкому вы напишите, что вследствие прежнего моего жела-

нья, Женитьба идет вам обоим, но с тем только, чтобы в один день был бенефис обоих вас. А между тем займитесь сурьезно постановкою Ревизора. Живокини [В подлиннике: Живокини] за похвальное поведение можно будет уступить который-нибудь из драматических кусочков. Впрочем, об этом всем вы потолкуйте прежде с Сергеем Тимофеевичем и поступите, как найдете приличным. Для успешного произведенья немой сцены в конце Ревизора один из актеров должен командовать невидимо для зрителя. Это должен сделать жандарм, произнеся, по окончании речи, тот самый звук, который издается женщинами, натурально, не открывая рта, попросту икнуть. Это будет сигнал для всех. Женитьбу, я думаю, вы уже знаете как поведут, потому что, слава богу, человек вы не холостой. А Живокини, который будет женить вас, вы можете внушить всё, что следует, тем более, что вы слышали меня, читавшего эту роль. [эту пиэсу] Да вот: исправьте одну ошибку в словах Кочкарева, где говорит он о плевании. Значится так, как будто бы ему плевали в лицо. Это [Далее начато:

непрос<тительная?>] ошибка, происшедшая от нерасторопности писца, перепутавшего строки и пропустившего. Монолог должен начаться вот как:

Да что ж за беда? Ведь иным несколько раз плевали, ей-богу. Я знаю тоже одного: прекраснейший собою мужчина, румянец во всю щеку. [лицо <?>] Егозил он и надоедал до тех пор своему начальнику, покамест тот не вынес и плюнул ему в самое лицо и т. д.

Напишите Сосницкому, что я очень просил его, чтобы он приискал хорошего жениха, потому что эта роль, хотя не так, по-видимому, значительна, как Кочкарева, но требует таланта, [большого таланта] и скажите ему, что мне бы очень желалось, чтобы вы сыграли вместе [Далее начато: то есть вы приехав] в этой пиесе, он Кочкарева, а вы Подколесина. Тогда будет славный спектакль. Вы же, я полагаю, верно будете зимою в Петербурге.

Прощайте, обнимаю вас. Сейчас вслед за этим письмом отправляю письмо к Сергею

Тимофеевичу. Вероятно, вы их получите в одно время.

Мне кажется, что я вам советовал вместе с Женитьбою дать Утро делового человека. А впрочем, распоряжайтесь по-своему.

На обороте: Moscou. Russie.

Михайлу Семеновичу Щепкину.

В Москве. Близ Каретного ряду. В приходе Спаса на Песках, в собственном доме, что на монастыре.

А. О. СМИРНОВОЙ
Рим. Ноября 29 <н. ст. 1842>

Правда ли, что вы точно во Флоренции? Я хотел было ехать тотчас к вам, но меня удержал больной Языков, бывший на руках моих, [но имел на руках больного, которого так нельзя было оставить — Ч <см. примеч. к письму>] а главное я боялся разминуться с вами, не зная наверно вашего маршрута. Уведомите меня [Напишите мне — Ч] двумя строками и как можно скорее: долго ли вы [Начато: Скоро ли я вас — Ч] будете [пробудете — Ч] во Флоренции, и куда потом, и куда весной, и куда [где — Ч] летом? Всё это мне нужно знать. [знать нужно мне. Далее начато: у меня — Ч] Видеть вас — у меня душевная потребность. Не знаю, дойдет ли это письмо к вам: мне сказали сомнительно ваш адрес, но авось бог поможет. [Далее было: Жду непременно от вас письма — Ч]

Любящий без памяти вашу душу [а. Любящий дар небес б. Любящий сильно вашу

прек<расную> душу — Ч]

Гоголь.

Адрес мой: [Мой адрес — Ч] Via Felice,
№ 126, 3 piano.

На обороте: a Firenze.

Alla sua eccellenza illustrissima signora russa
signora Smirnova.

Firenze nel palazzo Corsi non lontano dalla
palazzo Pitti.

О. С. АКСАКОВОЙ

<Около 29 ноября 1842. Рим.>

Благодарю вас, добрый друг мой Ольга Семеновна, за прекрасное письмо ваше. В нем слышны все движения души вашей. Всегда в минуты ваших душевных движений пишете ко мне. Всё, что изольется из души вашей, останется святыней и тайной в душе моей. Слышите ли вы, что в последнем слове заключается упрек вам? Да, я люблю делать упреки тем, которых люблю: я просил вас, чтобы вы только вдвоем прочитали; письмо мое, а письмо это читала вся ваша семья и кроме того вы даже дали списать с него для себя копию. Я знаю, вы любите отвечать обыкновенно, что в семье вашей нет тайны, и отчасти думаете, что такой просьбой моей водит отчасти маленький каприз. Но бог вещь, может быть, иногда не вовсе ничтожная причина двигает капризом. Но дело уже сделано. Исполните же по крайней мере теперь мою просьбу. Просьба отсутствующего должна быть священна. Позабудьте вовсе письмо мое

оное! Не читайте его, спрячьте на целые четыре года. Никто из вас пусть прежде не говорит о нем и не упоминает о нем во всё это время. Я так хочу, и больше ничего!

Еще просьба: не хвалите меня перед другими, по крайней мере, менее [В подлиннике: меньше <описка?>] сколько можно. Из письма вашего со страхом я увидел, что вы меня считаете чем-то вроде святости и совершенства. Ради бога, не думайте так, это грех. В моей душе есть точно стремление к этому, но вы слышите ли, какое страшное пространство между стремлением и достижением! Вот всё, что вы можете говорить другим: у него добрая душа и есть истинное желание быть лучше, чем он есть. Эти слова вы можете только сказать обо мне. И если услышите нападения на меня, никогда не отвергайте их. Нападения не могут быть без причины. Лучше прилежно выслушайте и передайте потом мне.

Прощайте! В минуты сильных ваших движений душевных всегда пишите ко мне. Если у вас родятся какие-нибудь упреки мне, смело

их говорите. Упреков любящего человека всегда жаждало, как святыни, мое сердце.

На обороте: Ольге Семеновне.

К. С. АКСАКОВУ
<Около 29 ноября н. ст. 1842.
Рим.>

Благодарю вас, Конст<антин> Сергеевич, за ваше письмо и за вести о М<ертвых> д<ушах>. А за статью вашу или критику не благодарю, потому что не получил ее.

Я бы хотел тоже прислужиться вам кое-какими услугами, но услуги мои будут черствы, и к тому же я знаю, что вы, любя меня, не любите однако ж слушать слов моих, если они касаются лично вас. Итак, оставя услуги и просьбы, я вам посылаю просто упрек! Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его. Мне было горько, когда лилось через край ва-

ше излишество и когда смеялись этому излишеству. Всякую мысль, повторяя ее двадцать раз, [Далее было: сряд<у>] можно сделать пошлою. Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени господа бога твоего всуе? Но вы горды, вы не хотите сознаться в своих проступках или, лучше, вы не видите их. Вы двадцать раз готовы уверять и повторять, что вы ничего не говорите лишнего, что вы беспристрастны, что вы ничем не увлекаетесь, что всё то чистая правда, что вы говорите. Вы твердо уверены, что уже стали на высшую точку разума, что не можете уже быть умнее. Не изумляйтесь, что разразилась над вами вдруг гроза такого упрека, а спросите лучше в глубине души вашей, имею ли я право сделать упрек вам. Обдумайте дело это, сообразите силу отношений и силу права этого. Войдите глубоко в себя и выслушайте сию мою душевную просьбу. Я теперь далеко от вас, слова мои теперь должны быть для вас священны: стряхните пустоту и праздность вашей жизни! Пред вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой. Пред вами громада — русский язык! Наслажденье глубо-

кое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его, в которых, как в великолепном создании мира, отразился предвечный отец и на котором должна загреть вселенная хвалой ему. Как христианин первых времен, примитесь за работу вашу. Не мыслью работайте, работайте чисто фактически. Начните с первоначальных оснований. Перечитайте все грамматики, какие у нас вышли, перечитайте для того, чтобы увидеть, какие страшные необработанные поля и пространства вокруг вас. Не читайте ничего, не делая тут же замечаний на всякое правило и на всякое слово, записывая тут же это замечанье ваше. Испишите дести и стопы бумаги, и ничего не делайте, не записывая. Не думайте о том, как записывать лучше [Далее начато: но думайте] и не обдeldывайте ни фразы, ни мысли, бросайте всё как материал. Прочтите внимательно, слишком внимательно академический словарь. На всякое слово сделайте замечание тут же на бумаге. В душе вашей заключены законы общего. Но горе вам проповедовать их теперь, они будут только доступны тем, кото-

рые сами заключают их в душе своей и то не вполне. Вы должны их хранить до времени в душе, и только тогда, когда исследуете все уклоненья, исключенья, малейшие подробности и частности, тогда только можете явить общее во всей его колоссальности, можете явить его ясным и доступным всем. А без того все ваши мысли будут иметь [Далее начато: не б<олее>.] влияние только тогда, <когда> будут произнесены [В подлиннике: произнесенные] вами изустно, сопровождаемые жаром и пылом вашей юности, и будут вялы, тощи, затеряются вовсе, если вы их изложите на бумаге. [Вместо «В душе вашей ~ на бумаге» было: <В душе вашей з>аключены законы общего. Но горе вам, если вы будете теперь <их проповедовать. Они тем> могут быть только понятны, которые сами заключают их. <Вы должны их за>ключить и затаить в себе. И должны по<мнить>, ч<то> только когда исследуете <все скрытые исключе>ния и малейшие частности, тогда только получите ясную всем <картину и узнаете?> те же самые законы. А до того на словах вы все можете <их произносить, но> если вы изложите мысли

ваши на бумага<ге>, они будут вялы, скучны и <не тронется? прочитав>ший их. — Ч <см. примеч. к письму>] Займитесь теперь совершенно стороною внутреннею русского языка в отношении к нему [к нему и] самому, мимо отношений его к судьбе России и Москвы, как бы это ни заманчиво было и как бы ни хотелось разгуляться на этом поле. Исполните эту мою просьбу; это моя последняя просьба душевного, серьезного содержания. Больше я не буду вас просить ни о чем, что относится лично к вам, и никогда не потребую, чтобы вы давали важность словам моим.

Прощайте же! обдумайте и помолитесь богу! [Вместо «русского языка ~ богу» было: русского языка во внутреннем его отношении к себе самому и оставьте [вопрос] рассмотрение его отношений к судьбе России и Москвы, [а. Еще не б. Все] <Всякий> хочет загулять об этом так заманчивом предмете. Представьте <себе на> минуту меня. Я имею право сказать вам [это], потому что я зря <2 нрзб.> Простите, но вы горды, вы твердо уверены, что вы уже стали на самую <точ>ку разума и что уже ни-

как не можно быть умнее вас. Смирите же вы самую гордость! <Запомните сло>во мое. Я должен это сделать, потому что это последняя прось<ба> моя. <Обни>ма<ю> вас. Кончаю. <Благодарю> за ваше милое письмо и за вести о М<ертвых> д<ушах>. — Ч.]

На обороте: Константину Сергеевичу.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ

<Ноябрь 1842.>

Благодарю вас, добрый, великодушный друг мой Надежда Николаевна, за ваши письма. Я их часто перечитываю. В мои болезненные минуты, в минуты, когда падает дух мой, я всегда нахожу в них утешение и благодарю всякую минуту руку промысла за встречу мою с вами. Не забывайте же меня, молитесь обо мне, пишите ко мне. Еще одна душевная просьба. Ваша жизнь так прекрасна, она отдана вся благодеяниям, вы бываете часто свидетелем многих прекрасных движений человека: извещайте же меня обо всех христианских подвигах, высоких душевных подвигах, кем бы ни были они произведены. Рассказ о прекрасных движениях нашего ближнего и брата вливает всегда чудную силу и бодрость в нашу душу и стремится ее новою, освеженною молитвою к богу. Вам кланяется знакомый вам Языков, Ник<олай> Мих<айлович>. Он до сих пор еще не может совершенно избавиться от своих недугов. Не забудьте также и

его в своих молитвах: это прекрасная душа!
Прощайте, обнимаю вас всею любовью души
моей.

Гоголь.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ <Ноябрь 1842. Рим.>

Я пишу к вам — это потребность сердца. Мои слова должны теперь иметь силу, ибо я <от> вас отдален. Они подобны голосу из-за гроба, завещанью из гроба, и должны быть священны. [Иначе нет] любви. Но от отдаленья слово получает более силы. Ему больше верят, ибо чувствуют, что если произнесено, то, верно, была потребность душевная произнести. Душа моя болела всякий раз, когда я глядел в это последнее пребыванье мое в Моск<ве> и читал в чертах лица вечное страданье ваше и ропот. Огорчаясь за вас, я пред вами молчал. Я не хотел произнести, потому что чувства и слова вообще считаются в свете ничтожными, кем бы ни был произнесший, хотя бы они прямо исходили из глубины молящейся [Далее начато: гру<ди>] и глубоко чувствующей <груди> и хотя бы произнесший имел полное право дать власть и силу словам. Когда я видел, как омрачался ваш характер, как реже и реже светлая веселость

сквозила в словах ваших, душа моя болела сильно, как будто бы читала в чертах ваших, что вы желаете пасть вместо того, чтобы возвыситься над презренным бедствием и тем низким, ничтожным, которому дают люди безумное имя несчастья. Как будто есть в мире власть, которая может исторгнуть из груди нашей то, что дороже нам всего. Так! [Итак] Разве могут хотя на время ничтожные текущие гадости жизни похитить у нас [Далее начато: а. Никто б. Мы] силою это<го> прекрасного друга сердц<а>? Не<т>, мы должны стать выше. [Далее начато: Мы] Когда <я> глядел на вас, мне казалось часто, что вас не посещает молитва. Не та молитва, которую праздно лепечет ежедневно человек, но глубокая внутренняя молитва, молитва слез, та торжественная молитва, когда благодаришь за несчастья. [Далее начато: Но я не в силах] Прости<те>.

М. С. ЩЕПКИНУ

<3 декабря н. ст. 1842. Рим.>

Только что получил ваше письмо, Михал Семенович, писанное вами от 24 октября. Отвечать мне на него теперь нечего, потому что [Далее начато: дв<а дня назад?>] <вы> уже знаете мои распоряжения; три дни тому назад я отправил к вам письмо, которое вы уже, без сомнения, получили. Не стыдно ли вам быть так неблагоразумну: вы хотите всё повесить на одном гвозде, прося на пристяжку к Женитьбе новую, как вы называете, комедию Игроки. Во-первых, она не новая, потому что написана давно, во-вторых, не комедия, а просто комическая сцена, а в-третьих, для вас даже там нет роли. И кто вас толкает непременно наполнить бенефис моими пиэсами? Как не подумать хотя сколько-нибудь о будущем, которое сидит у вас почти на самом носу, например, хоть бы о спектакле вашем по случаю исполнения вам двадцатилетней службы? Разве вы не чувствуете, что теперь вам стоит один только какой-нибудь клочок мой

дать в свой бенефис, да пристегнуть две-три самые изношенные пиэсы, и театр уже будет набит битком? Понимаете ли вы это, понимаете ли вы, что имя мое в моде, что я сделался теперь модным человеком, до тех пор, покамест меня не стонит с модного поприща какой-нибудь Боско, Тальони, а может быть, и новая немецкая опера с машинами и немецкими певцами? Помните себе хорошенько, что уж от меня больше ничего не дождетесь. Я не могу и не буду писать ничего для театра. Итак, распорядитесь поумнее. Это я вам очень советую! Возьмите на первый раз из моих только Женитьбу и Утро делового человека. А на другой раз у вас остается вот что: Тяжба, в которой вы должны играть роль тяжущегося, Игроки и Лакейская, где вам предстоит Дворецкий, роль хотя и маленькая, но которой вы можете дать большее значение. Всё это вы можете перемешивать другими пиэсами, которые вам бог пошлет. Старайтесь только, чтобы пиэсы мои не следовали непосредственно одна за другою, но чтобы промежуток был занят чем-нибудь иным. Вот как я думаю и как бы, мне казалось, надлежало посту-

пить сообразно с благоразумием, а впрочем, ваша воля. За письмо ваше все-таки много вас благодарю, потому что оно письмо от вас. А на театральную дирекцию не сетуйте, она дело свое хорошо делает: Москву потчевали уже всяким добром, почему ж не попотчевать ее немецкими певцами? Что же до того, что вам-де нет работы, это стыдно вам говорить. Разве вы позабыли, что есть старые заигранные, заброшенные пиэсы? Разве вы позабыли, что для актера нет старой роли, что он нов вечно? Теперь-то именно, в минуту, когда горько душе, теперь-то [Далее начато: и] вы должны показать в лицо свету, что такое актер. Переберите-ка в памяти вашей старый репертуар да взгляните свежими и нынешними очами, собравши в душу всю силу оскорбленного достоинства. Заманить же публику на старые пиэсы вам теперь легко, у вас есть приманка, именно мои клочки. Смешно думать, чтобы вы могли быть у кого-нибудь во власти. Дирекция все-таки правится публикою, а публикою правит актер. Вы помните, что публика почти то же, что застенчивая и неопытная кошка, которая до тех пор, пока

ее, взявши за уши, не натолчешь мордою в соус и покамест этот соус не вымазал ей и нос<a> и губ, [нос и губы] она до тех пор не станет есть соуса, каких ни читай ей наставлений. Смешно думать, чтоб нельзя было наконец заставить ее войти глубже в искусство комического актера, искусство, такое сильное и так ярко говорящее всем в очи. Вам предстоит долг заставить, чтоб не для автора пиэсы и не для пиэсы, а для актера-автора ездили в театр. Вы спрашиваете в письме о костюмах. Но ведь клочки мои не из средних же веков; оденьте их прилично, сообразно, и чтобы ничего не было карикатурного — вот и всё! Но об этом в сторону! [Но об этом дово<льно!>] Позаботьтесь больше всего о хорошей постановке Ревизора! Слышите ли? я говорю вам это очень сурьезно! У вас, с позволенья вашего, ни в ком ни на копейку нет чутья! Да, если бы Живокини был крошку поумней, он бы у меня вымолил на бенефис себе Ревизора и ничего бы другого вместе с ним не давал, а объявил бы только, что будет Ревизор в новом виде, совершенно переделанный, с переменами, прибавленьями, новыми сценами,

а роль Хлестакова будет играть сам бенефициант] Края с концами слов оборваны.] ант — да у него битком бы набилось наро^{ду} [Края с концами слов оборваны.] в театр. Вот же я вам говорю, и вы вспомните потом мое слово, что на возобновленного Ревизора гораздо будут ездить больше, чем на прежнего. И зарубите еще одно мое слово, что в этом году, именно в нынешнюю зиму, гораздо более разнюхают и почувствуют значение истинного комического актера. Еще вот вам слово: вы напрасно говорите в письме, что стареетесь, ваш талант не такого рода, чтобы стареться. Напротив, зрелые лета ваши только что отняли часть того жару, которого у вас было слишком много, который ослеплял ваши очи и мешал взглянуть вам ясно на вашу роль. Теперь вы стали в несколько раз выше того Щепкина, которого я видел прежде. У вас теперь есть то высокое спокойствие, которого прежде не было. Вы теперь можете царствовать в вашей роле, тогда как прежде вы всё еще как-то метались. Если вы этого не слышите и не замечаете сами, то поверьте же сколько-нибудь мне, согласясь, что я могу знать сколько-ни-

будь в этом толк. И еще вот вам слово: благодарите бога за всякие препятствия. Они необыкновенному человеку необходимы: вот тебе бревно под ноги — прыгай! А не то подумают, что у тебя куриный шаг и не могут все растопыриться ноги! Увидите, что для вас настанет еще такое время, когда будут ездить в театр для того, чтобы не проронить ни одного слова, произнесенного вами, и когда будут взвешивать это слово. Итак, с богом за дело! Прощайте и будьте здоровы!

Обнимаю вас.

За репетициями хорошо смотрите и все-таки что-нибудь напишите мне о том, что первое скажется у вас на сердце.

На обороте: Moscou. Russie.

Михаилу Семеновичу Щепкину.

В Москве. В приходе Спаса на Песках, близ Каретного ряду, в собст<венном> доме, на монастыре.

А. О. СМИРНОВОЙ

<17 декабря н. ст. 1842. Рим.>

По разысканиям, сделанным почтовым чиновником, оказалось, что нет действительно писем в Poste restante и что они, должно быть, засели где-нибудь в другом месте. Об этом, к великому сожалению, я должен вас уведомить письменно, ибо поезд мой во Флоренцию вряд ли совершится. Вследствие полученных известий, относительно дел моих по части издания моих сочинений в Петерб^{урге}, я должен засесть на целые две недели за самую скучную работу, именно переделать многое, заплатать прорехи, нанесенные цензурою, притом написать поскорее ответ на письма, которые жду со дня на день. Всё это должен сделать и отправить как можно скорее, а не то произойдет совершенная задержка и путаница. Это набросило на меня тень и сделало меня гадким, а до того я было просветлел душой от одной мысли вас увидеть. Ради бога, скажите, зачем вы не в Риме, а во Флоренции? Упросите себя ускорить при-

езд свой. Увидите, как этим себя самих обяжете. А обо мне я не говорю: вы должны сами чувствовать, что это светлый праздник для души моей.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Firenze. Toscana.

Alla sua eccellenza ill<ustrissi>ma Signora Smirnova.

Firenze. Nel palazzo Corsi non lontano dal palazzo Pitti.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ <Вторая половина 1842.>

Я не отвечал вам скоро после получения вашего письма, потому что был сильно болен. Теперь едва оправляюсь <...>

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

**Генваря 5 <1843>/Декабря 24
<1842>. Рим**

Я вам не могу выразить всей моей благодарности за ваше благодатное письмо от 21 октября. Скажу только, великодушный и добрый друг мой, что всякий раз благодарю небо за нашу встречу и что письмо это будет вечно неразлучно со мною. Аксаковы сказали вам не совсем справедливо. Я писал им в ответ на их беспокойства, что долго меня не увидят и что мне предстоит такое длинное и, по мнению их, соединенное с такими опасностями путешествие. Я писал им в ответ на это, чтоб их несколько успокоить, что не нужно предаваться заранее беспокойствам, что путешествие мое предпримется еще не скоро и что нет причин думать, чтобы до того времени мы как-нибудь не увиделись; но я не писал ни слова о том, что я буду или имею желание быть в Москве. И признаюсь, что только чрез Иерусалим желаю я возвратиться в Россию, и сего желания не изменял. А что я не отправ-

ляюсь теперь в путь, то это не потому, чтобы считал себя до того недостойным. Такая мысль была бы вполне безумна, ибо человеку не только невозможно быть достойным вполне, но даже невозможно знать меру и степень своего достоинства. Но я потому не отправляюсь теперь в путь, что не пришло еще для этого время, мною же самим в глубине души моей определенное. Только по совершенном окончании труда моего могу я предпринять этот путь. Так мне сказала чувство души моей, так говорит мне внутренний голос, смысл и разум, его же милосердным всемогуществом мне внушенные. Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь пред святым причащением. Вот вам в немногих словах всё. Не думайте же, великодушный друг мой, чтобы вы меня не увидели, как вы упомянули в письме вашем. Если б вы вдвое были старше теперешнего, то и тогда вы не могли бы сказать этого. Всё от бога. Вы проводили меня за московскую заставу, вы, верно, и встретите меня у московской заставы. Так, по крайней мере, мне хочется верить, так мне сладко ве-

ритель, и о том я воссылаю всегдашние мои молитвы.

Прощайте же и не оставляйте меня вашими молитвами и письмами.

Адрес мой: Roma, Via Felice, № 126, 3 piano.

Ваш Н. Гоголь.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ

Февраля 6/18. Рим <1843>

Я получил два письма ваши: одно от 19 Дек<абря> и другое от 6 января. Пишу к вам, как вы сами назначили — в Рузу. Я уже одно письмо писал к вам в Рузу: в нем был ответ на ваши мысли о моем путешествии и благодарность за ваши сердечные слова и советы. Письма ваши мне так же сладки, как молитва в храме; и таково должно быть их действие, ибо вы писали их в минуту душевной молитвы, и мне кажется даже, что я слышу самые слезы ваши, порожденные молитвою. Я свеж и бодр. Часто душа моя так бывает тверда, что, кажется, никакие огорчения не в силах сокрушить меня. Да есть ли огорчения в свете? Мы их назвали огорчениями, тогда как они суть великие блага и глубокие счастья, ниспосылаемые человеку. Они хранители наши и спасители души нашей. Чем глубже взгляну на жизнь свою и на все доселе ниспосланные мне случаи, тем глубже вижу чудное участие высших сил во всем, что ни

касается меня, и недостает у меня ни слов, ни слез, ни молитв для излияния душевных моих благодарений. И вся бы хотела превратиться в один благодарный вечный гимн души моя! Вот вам состояние моего сердца, добрый друг мой! Прощайте и не оставляйте меня вашими письмами. Языков вам кланяется и благодарит вас.

Ваш Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Рим. 26/14 февраля <1843>

Я получил вчера письмо твое. Ты не аккуратен — не выставил ни дня, ни числа, я не знаю даже, откуда оно писано. На пакете почта выставила штемпель какого-то неведомого мне места. Адресую наудалую по-прежнему в Миргород. Поговорим о предположениях твоих насчет тебя и службы, которые находятся у тебя в письме. Служить в Петербурге и получить место во внешн<ей> торг<овле> или иност<ранных> дел не так легко. Иногда эти места вовсе зависят не от тех именно начальников, как нам кажется издали, и с ними [со всем этим] сопряжены такие, издалека невидные нам отношения!..

В иностр<анной> коллегии покамест доберешься <до> какого-либо заграничн<ого> места, бог знает, сколько придется тащить ляжку. Вооружиться [Ограничит<ься>] терпением можно иногда, но меня страшит и самый Петербург<ский> климат. Ты же и теперь, и в де-

ревне находишься, как видно, в болезненном состоянии, и едва ли может удовлетворить тебя эта отдаленная цель, которую ты видишь, ехать за границу. Вряд ли твои впечатления будут те же, или подобны тем, которые чувствовал прежде. Свежести первой юности уже нет, прелесть новости уже пропала. И притом, разве ты не чувствуешь, что вовсе к тебе уже примешалась та болезнь, которую одержимо всё наше поколение: неудовлетворенье и тоска. Против них нужно, чтобы слишком твердый и сильный отпор заключился в нашей собственной груди, сила стремления к чему-нибудь избранному всей душой и всей глубиной ее, одним словом — внутренняя цель, сильный предмет, к чему бы то ни было, но всё же какая бы то ни была страсть. Стало быть, ты чувствуешь, что тут нужны радикальные лекарства, и дай бог, чтобы ты нашел их в собственной душе своей. Ибо всё находится в собственной душе нашей, хотя мы не подозреваем и не стремимся даже к тому, чтобы проникнуть [проникнуть их] и найти их. Но об этом [Далее было: еще] придет время поговорить после. Ни ты не го-

тов еще слушать, ни я не готов еще говорить.

Покамест я думаю и могу советовать вот что: если тебе будет уже невмочь жить более в деревне, тогда выезжай из нее. Выезд всё будет хорош, и нельзя, чтобы не был в каком-нибудь отношении благодетелен. Поезжай прежде в Москву, отведай прежде Москвы, а потом, если не слюбится, поезжай в Петербург. Советуя тебе в Москву, я натурально имел в виду твое состояние и служить при Голицыне, предполагал устроить так, чтоб ты мог получать жалованье. Шевырев прекрасная душа, и я на него более мог положиться, чем на кого-либо иного, зная вместе с тем его большую аккуратность. Что касается до жизни, то не думай, чтоб это было дороже [Далее было: В Москве] петербургской. Ты увидишь, что тебе совершенно не нужно будет дома обедать, и побуждения не будет для этого. Кроме того, [этого] что это очень скучно, тебя примут радушно и совершенно по-домашнему все те, которые меня любят. [Далее было: и ты увидишь, что тебе не случится даже обедать дома или в трактире.] Само собою разу-

меется, что ты должен съежиться относительно разных издержек, и слава богу, я этому рад. Значение этого слишком важно в психологическом отношении, хотя ты еще не знаешь, в каком именно. Впрочем, съежиться тебе вовсе в Москве не будет так обидно и трудно, как может быть в Петербурге. Одеваться ты должен скромно. Одеваться дурно ты не можешь, ибо одевается дурно не тот, кто беден, а тот, кто не имеет вкуса или кто слишком хлопочет об этом. Ты должен пренебречь многими теми мелочами, которыми, кажется, трудно пренебречь и которыми, кажется, как будто уронишь себя. Это обман, совершенно оптический обман, и ты увидишь, что свет потом обратится к тебе и почтит в тебе и назовет именно достоинством то самое, что ему казалось в тебе недостатком. Ты не должен ни чуждаться света, ни входить в него, сильно связываясь с ним интересами своей жизни. Ты должен сохранить всегда и везде независимость лица своего. Будь везде, как дома, свободен и ровен; это будет тебе и не трудно, потому что со всеми теми людьми с которыми я знаком особенно, можно совершенно

быть просту. Да и везде совершенно можно быть просту. Будь снисходителен вообще к людям и не останавливайся резкостью тона, иногда странной замашкой. Умей мимо всего этого найти прекрасные стороны человека, умей за два-три истинные достоинства простить десять, двадцать недостатков, умей указать ему эти достоинства, и ты будешь ему другом и можешь действовать на него благотельно, не льстя ему, но указывая ему на его прекрасную сторону, может быть, им пренебреженную. В минуту когда чем-нибудь будет уколото [Далее было: справедливо или несправедливо] самолюбие душевное или даже просто чувство и движенье душевное, какая-нибудь чувствительная струна (такие минуты могут случиться часто в свете), помни всегда, что ты пришел, как зритель и любопытный, а вовсе не так, как актер и участвующий, что тебе следует всему извинить и что ты в таком же отношении посторонний свету, как путешественник, высадившийся на пароходе из Петербурга в Гамбург, есть посторонний гамбургской жизни внутри домов и имеющимся, может быть, там сплетням. Конеч-

но, трудно сохранить такую независимость характера, не заключив внутри себя какого-нибудь постоянного труда, который бы [В подлиннике: быть] хоть на два часа в день занял в урочное время душу. Но нет человека, который бы не был создан и определен к чему-нибудь, и горе тому, кто не даст труда узнать себя, кто не испытает и не пробует себя и не просит помощи у высших сил обрести и попасть на свою дорогу. Круг велик вокруг нас и дорог множество. Как не быть им в Москве? Там издается, например, журнал. Если взглянуть пристально даже на это, то много представится совершенно новых сторон, и сторон таких, на одну из которых, может быть, даже и легко... Но довольно об этом! Может быть, тебе даже странными покажутся слова мои и в них послышится какое-нибудь ветхое нравоучение. Если так, то отложи письмо мое до другой минуты и в минуту более душевную перечти опять и вновь его. Есть те ветхие истины, которые в иную минуту бывает сладко услышать и которые бывают уже святы самой ветхостью своею. Во всяком случае помни чаще всего одну истину.

Везде, во всяком месте и угле мира, в Париже ли, в Миргороде ли, в Италии ли, в Москве ли, везде может настичь тебя тяжелая, может быть, даже жестокая тоска, и никаких нет спасений от нее. И это есть глубокое доказательство того, что в душу твою вложены тайные стремления к чему-нибудь, что беспокойно мечутся [что дрем<лют>] силы, не слышащие и не узнающие назначения своего, без сомнения не пустого и ничтожного. Иначе тебя бы удовлетворила или бы по крайней мере усыпила праздная и однообразная жизнь, бредущая шаг за шагом. Но удовлетворенья нет тебе! И ничем, никакими обеспеченьями и видимыми выгодами жизни не получишь ты его, и не приобретет торжественного, светлого покоя душа твоя. Один только тот труд, одна только та жизнь, для которой стихии заключены в нашей природе, та только жизнь в силах нас наполнить. Но как указать эту жизнь? Как мы можем указать другому то, что есть внутри? Какой доктор, хотя бы он знал донага всю натуру человека, может нам определить нашу внутреннюю болезнь? Бедный больной иногда имеет над ним по край-

ней мере то преимущество, что может чувствовать, где, в каком месте у него болит, и по инстинкту выбирает сам для себя лекарство.

Во всяком случае, поедешь ли ты в Москву или в Петербург, примись душевно за труд, какой бы ни было, не изнуряя себя, а в урочный час и время, хоть и не долго, и сделай его постоянным и ежедневным, не считай остальное и свободное и, может быть, даже лучшее время за главное, за цель, для которой предпринят труд, как необходимое средство. А считай просто это свободное и лучшее время наградой за предпринятый труд. Не ищи этого труда вдали, оглянись на всяком месте пристальнее вокруг себя: то, что ближе, то можно лучше осмотреть глазом. И если в предстоящем труде есть хотя сколько-нибудь, к чему бы хотя часть участия лежала, берись за него добросовестно и покойно совершай его. Если даже он и не тот именно, для чего вызвана твоя жизнь, всё равно, и обман может доставить хоть временное спокойствие душе, а после труда все-таки остался опыт и все-таки стал чрез то ближе к тому труду, ко-

торый определен быть нашим назначением. Во всяком случае, куда ни поедешь, или только задумаешь ехать и вообще, если тебе случится думать и представлять себе то, что ожидает тебя впереди, даю тебе одно из ветхих, старых моих правил, даю тебе его не как подарок, а просто как хозяин дает гостю свой старый, поношенный халат надеть на время, пока тот сидит у него, и потом натурально его сбросит. Представляй всегда, что тебя ждет черствая встреча, жесткая погода, холод и людей и душ их, тернистая, трудная жизнь и что для тоски будет там полное раздолье и развал и вооружись заранее идти твердо на всё это, ты всегда выиграешь и будешь в барышах. Ты все-таки ни слова не написал о том, как решился ты именно и когда. Впрочем если тебе придется, вследствие тоски или чего бы то ни было, выехать из деревни, то Москва все-таки стоит на дороге и все-таки проживи в Москве, хотя для того, чтобы иметь время хорошенько обдумать, потому что дел в Петербурге нельзя обстроить вдруг и нужно иметь в виду уже слишком верное, чтобы ехать. Ты пишешь, не имею ли каких путей пристроить к Демидову.

Решительно никаких. Слышно о нем, что он что-то в роде скотины и больше ничего. А впрочем, я об этом не могу судить, не видав и не зная его. Знаю только, что казенной должностью все-таки лучше быть заняту. Тут по крайней мере слуга правительства, а там что-то вроде лакея у капризного барина. Ты представь сам, сколько могут тут произойти таких щекотливых отношений, каких ни в какой службе не может быть. И притом место Строева кажется упразднено вовсе, тем более, что Демид<ов> живет уже в России и не совершает ученых экспедиций. Если ты примешь твердое желание остаться в Москве, тогда я тебе напишу то, что я думаю о тебе, о твоих средствах и о способности заключенных в твоей природе, натурально таким образом, как может знать об этом человек посторонний, единственно основываясь на небольшом познании природы человеческой, познании, которое мудростью небес вложено мне в душу и которое, разумеется, еще слишком далеко от того, чтобы не ошибаться, но во всяком случае оно может быть уже полезно потому, что наведет на размышление и заставит об-

смотреть глубже то, по чему только скользил доселе взор. Я уже писал о тебе в Москву, так что ты можешь прямо явиться к Шевыреву, также к Погодину. Вот еще тебе маленькие лоскуточки. Благодарю тебя за все твои известия и уездные толки; это всё для меня очень интересно. Тебе покажется странно, что для меня всё, до последних мелочей, что ни делается на Руси, теперь стало необыкновенно дорого и близко, Малинка и попы интересней всяких колизеев, и всё, что ни говорят у вас, хвалят или бранят меня, или просто пустяки говорят, я готов принять с полным радушьем и отверстыми объятьями. Ты спрашиваешь, зачем я не говорю и не пишу к тебе о моей жизни, о всех мелочах, об обедах и проч. и проч. Но жизнь моя давно уже происходит вся внутри меня, а внутреннюю жизнь (ты сам можешь чувствовать) не легко передавать. Тут нужны томы. Да притом результат ее явится потом весь в печатном виде. Увы! разве ты не слышишь, что мы уже давно разошлись, что я уже весь ушел в себя, тогда как ты остался еще вне? Но отовсюду, где бы я ни был, я буду посылать к тебе слово, всё про-

никнутое участием, и буду помогать, сколько вразумит меня бог, как обрести твою, тебе назначенную дорогу, дорогу стать ближе к себе самому; а ставши ближе к себе, взошедши глубже в себя, ты меня встретишь там непременно, и встреча эта будет в несколько раз радостней встречи двух товарищей-школьников, столкнувшихся внезапно в стране скуки и заточенья, после долгих лет разлуки.

Прощай, уведомляй меня обо всем. Не ожидай расположенья писать, но пиши сейчас после получения письма. Не гляди на то, что перо скупое сегодня, все равно, хотя три строки, не больше выдут, посылай их. Больше, чем когда-либо, ты должен быть теперь нараспашку в письмах со мною и не думать во все о том, чтоб быть интересней, занимательней, а просто со всей скукой, ленью, с заспанной наружностью, карандашом, на лоскутках, за обедом, по три, по четыре слова, можешь записывать и посылать их тот же час на почту. Ты увидишь, что тебе будет гораздо легче самому после этого. Прощай.

Твой Гоголь.

На всякий случай вот тебе адреса: Шевырев — близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собст<венном> доме. Погодин — на Девичьем поле. Прочих даст адрес Конст<антин> Сер<ге-евич> Аксаков.

О каких деньгах [Далее начато: кото<рые>] ты пишешь, которые лежат у тебя в депо? Если это остаток долга, который за тобой, то рассмотри прежде, точно ли не нуждаешься. Если же в тебе не настояит надобности, то узнай от маминьки, получила ли она из Москвы какие-нибудь деньги вследствие стесненных своих обстоятельств. Если получила, то замолчи, если же нет, то скажи, что тебе присланы от Прокоповича деньги по моему поручению для передачи ей, но не говори, что это долг твой мне.

На обороте: *Russie méridionale. Poltava.*

Александрю Семеновичу Данилевскому.

Полтавской губернии в городе Миргороде.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Февраля 28 <н. ст. 1843>. Рим

Наконец, после долгих молчаний со всех сторон я получил письмо от тебя, бесценный друг мой! Поблагодаривши тебя за него от всей души, я принимаюсь отвечать на все его пункты: 1) Ты говоришь, что я плохо распорядился относительно дел моих и, между прочим, не сказал, как и в чем плохо и относительно каких именно дел. Что я плохо распорядился — это для меня не новость, я не должен и не могу заниматься моими житейскими делами, вследствие многих глубоких душевных и сердечных причин, но о них после. Но тебе ни в каком случае не должно со мною церемониться: ты должен говорить всё напрямик, не опасаясь никаким образом задеть каких бы то ни было струн самолюбия ли авторского или просто человеческого, или чего бы то ни было, что называется обыкновенно чувствительностью и щекотливою стороною. Всё будет принято благодарно и с любовью. Это я тебе говорю раз навсегда и про-

шу, ради дружбы нашей, не заставить меня повторить это в другой раз. Сколько я могу догадываться, вероятно, плохое распоряжение относится к изданию моих мелких сочинений и, вероятно, Прокопович сделал по неопытности какую-нибудь глупость. Впрочем, вот причины, почему я печатание их предпринял в Петербурге и распорядился не так, как бы следовало, относительно разных выгод житейских. Издание всех сочинений моих непременно нужно было произвести, не откладывая и не затягивая этого дела, к новому году или сейчас после нового года: взглянувши на всё и сообразя всё, ты сам, может быть, проникнешь в необходимость этого. Признаюсь, я помышлял было обратиться к тебе, несмотря на то, что совесть кричала против этого. Но когда я увидел, что и Погдин едет за границу и что «Москвитянин» взвален на тебя, у меня не достало духу. Я думал обратиться к Серг<ею> Тимофеевичу, но Сергей Тимофеевич сказал, что он будет летом в деревне; впрочем, молодые люди (Константин Сергеевич и братья) могут, оставаясь в городе, заведывать печатаньем. Я

уже думал было поручить дело в Москве, но меня вдруг смутила мысль, что дело пойдет на страшную проволочку. Не говоря о медленности московских типографий, меня сильно остановило цензурное дело. Из всех цензоров один только Никитенко был подвигнут ко мне участием искренним, но беспрестанная пересылка мелких пьес из Москвы в Петербург (они же поступали и к цензору не в одно время), письменные объяснения и недоразумения, — всё это мне предвещало такую возню, что у меня просто не поднимались руки. И как я вспомню, чего мне стоило вытребовать и получить из Петербурга рукопись «Мертвых душ» после того как она уже целый месяц была пропущена комитетом... И притом Никитенко, при всем доброжелательстве, малороссиянин и ленив, его нужно было подталкивать беспрестанно личными посещениями. Всё это заставило меня печатание производить в Петербурге. Прокоповичу я поручил потому, что знаю его совершенно с детства, как лучшего школьного товарища: это человек во всех отношениях честный и благородный, и деятельный, когда того потребуют.

Плетнева я просил напутствовать его во всяких затруднениях. У Прокоповича было всё лето совершенно свободно, и он мог неутомимо и безостановочно заняться печатанием. Этой работой я имел отчасти намерение возбудить его к деятельности, усыпленной несколько его черствой и непитательной работой. Доходов от этого издания я не мог ожидать. Хотя, конечно, несколько неизвестных пьес (которых я имел благоразумие не печатать в журналах) могли придать некоторый интерес новости книге, но всё же она не новость. Она из четырех томов, стало быть, высокой цены никак нельзя было назначить. Большого куша вынуть из кармана при теперешнем безденежье не так легко, как вынуть пять или десять рублей. Но при том я не имею духа и бессовестности возвысить цену, зная, что мои покупатели большею частью люди бедные, а не богатые, и что иной, может быть, платит чуть не последнюю копейку. Тут это мерзкое сребролюбие подлей и гаже, чем в каком-либо другом случае. Итак, несмотря на то, что напечатание стало свыше 16-ти тысяч и что в книге 126 листов, я велел ее прода-

вать никак не дороже 25 рублей. Первые экземпляры пойдут, конечно, шибче и окупят, может быть, издание, но там медленнее. Половину экземпляров или треть я хотел было назначить, по отправке в Москву, к тебе, но не знаю, удобно ли тебе, и как это сделать, об этом меня уведоми. Итак, вот тебе все причины того распоряжения, которое сделал я относительно этого дела; конечно, можно было распорядиться и умнее, но у меня не было сил на то, не было сил потому, что я и не могу, и не должен заниматься многим, что относится к житейскому, но об этом будет речь после. Весьма может быть, что Прокопович, как еще неопытный, многое сделал не так, как следует, и потому ты, пожалуйста, извести меня обо всем. Я, натурально, не скажу Прокоповичу, что слышал от тебя, а издалика дам ему знать быть осмотрительней и благоразумней. Но довольно об этом; поговорим о 2-м пункте твоего письма.

Ты говоришь, что пора печатать второе издание «Мертвых душ», но что оно должно выдти необходимо вместе со 2-м томом. Но ес-

ли так, тогда нужно слишком долго ждать. Еще раз я должен повторить, что сочинение мое гораздо важнее и значительнее, чем можно предполагать по его началу. И если над первою частью, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидел я почти пять лет, чего, натурально, никто не заметил, один ты заметил долговременную и тщательную обработку моих частей... Итак, если над первой частью просидел я столько времени — не думай, чтоб я был когда-либо предан праздному бездействию; в продолжение этого времени я работал головой даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не делаю и живу только для удовольствия своего... Итак, если над первой частью просидел я так долго, рассуди сам, сколько должен просидеть я над второй. Это правда, что я могу теперь работать увереннее, тверже, осмотрительнее, благодаря тем подвигам, которые я предпринимал к воспитанию моему и которых тоже никто не заметил. Например, никто не знал, для чего я производил переделки моих прежних пьес, тогда как я производил их, основываясь на разумении

самого себя, на устройстве головы своей. Я видел, что на этом одном я мог только навыкнуть, производить плотное создание, сущное, твердое, освобожденное от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершенное в высокой трезвости духа. После сих и других подвигов, предпринятых во глубине души, я, разумеется, могу теперь двигать работу далеко успешнее и быстрее, чем прежде; но нужно знать и то, что горизонт мой стал чрез то необходимо шире и пространнее, что мне теперь нужно обхватить более того, что верно бы не вошло прежде. Итак, если предположить самую непрерывную и ничем не останавливаемую работу, то два года — это самый короткий срок. Но я не смею об этом и думать, зная мою необеспеченную нынешнюю жизнь и многие житейские дела, которые иногда в силе будут расстроить меня, хотя употребляю все силы держать себя от них подале и меньше сколько можно о них думать и заботиться. Понуждение к скорейшему появлению второго тома, может быть, ты сделал вследствие когда-то помещенного в «Москвитяине» объявления, и потому вот тебе насто-

ящая истина: никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово, и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в «Москвитянине» извещение, что два тома уже написаны, третий пишется, и всё сочинение выйдет в продолжение года, тогда не была даже кончена первая часть. Вот как трудно создаются те вещи, которые на вид иным кажутся вовсе не трудны. Если ты под словом необходимость появления второго тома разумеешь необходимость истребить неприятное впечатление, ропот и негодование против меня, то верь мне: мне бы слишком хотелось самому, чтоб меня поняли в настоящем значении, а не в превратном. Но нельзя упреждать время, нужно, чтоб всё излилось прежде само собою, и ненависть против меня (слишком тяжелая для того, кто бы захотел заплатить за нее, может быть, всею силою любви), ненависть против меня должна существовать и быть в продолжение некоторого времени, может быть, даже долгого. И хотя я чувствую, что появление второго тома было бы светло и слишком выгодно для меня, но в то же время, проникнувши глубже в ход

всего текущего пред глазами, вижу, что всё, и самая ненависть есть благо. И никогда нельзя придумать человеку умней того, что совершается свыше и чего иногда в слепоте своей мы не можем видеть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Верь мне, что я не так беспечен и неразумен в моих главных делах, как неразумен и беспечен в житейских. Иногда силой внутреннего глаза и уха я вижу и слышу время и место, когда должна выйти в свет моя книга; иногда по тем же самым причинам, почему бывает ясно мне движение души человека, становится мне ясно и движение массы. Разве ты не видишь, что еще и до сих пор все принимают мою книгу за сатиру и личность, тогда как в ней нет и тени сатиры и личности, что можно заметить вполне только после нескольких чтений; а книгу мою большею частью прочли только по одному разу все те, которые восстают против меня. Еще смотри, как гордо и с каким презрением смотрят все на героев моих; книга писана долго; нужно, чтоб дали труд всмотреться в нее долго. Нужно, чтобы устоялось мнение. Против первого впечатления я не мо-

гу действовать. Против первого впечатления должна действовать критика, и только тогда, когда с помощью ее впечатления получают образ, выйдут сколько-нибудь из первого хаоса и станут определительными и ясными, тогда только я могу действовать против них. Верь, что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других наслаждений. Но вследствие устройства головы моей я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений, и никакая сила не может заставить меня произвести, а тем более выдать вещь, которой незрелость и слабость я уже вижу сам; я могу умереть с голода, но не выдам безрассудного, необдуманного творения. Не осуждай меня. Есть вещи, которые нельзя изъяснить. Есть голос, повелевающий нам, пред которым ничтожен наш жалкий рассудок, есть много того, что может только почувствоваться глубиной души в минуту слез и молитв, а не в минуты житейских расчетов!

Но довольно. Теперь я приступаю к тому, о чем давно хотел поговорить и для чего как-

то не имел достаточных сил. Но, помолясь, приступаю теперь твердо. Это письмо прочитайте вместе: ты, Погодин и Серг<ей> Тим<офеевич>. С вами ближе связана жизнь моя, вы уже оказали мне те высокие знаки святой дружбы, которые основаны не на земных отношениях и узах и от которых не раз струились слезы в глубине души моей. От вас я теперь потребую жертвы, но эту жертву вы должны принести для меня. Возьмите от меня на три или на четыре даже года все житейские дела мои. Тысячи есть причин, внутренних и глубоких причин, почему я не могу и не должен и не властен думать о них. Не в силах я изъяснить вам их; они находятся в таких соприкосновениях со внутренней моей жизнью, что я не в силах стать в холодное и вполне спокойное состояние души моей, дабы изъяснить всё сколько-нибудь понятным языком. Ничего не могу я вам сказать, как только то, что это слишком важное дело. Верьте словам моим, и больше ничего. Если человек в полном разуме, в зрелых летах своих, а не в поре опрометчивой юности, человек сколько-нибудь чуждый неумеренностей и изли-

шеств, омрачающих очи, говорит, не будучи в силах объяснить бессильным словом, говорит только из глубины растроганной глубоко души, — верьте мне, тогда нужно поверить словам такого человека. Не стану вам говорить, что благодарность моя будет за это вам бесконечна, как бесконечна к нам любовь Христа спасителя нашего. Прежде всего я должен быть обеспечен на три года. Распорядитесь как найдете лучше со вторым изданием и с другими, если только последуют, но распорядитесь так, чтоб я получал по шести тысяч в продолжение 3-х лет всякий год. Это самая строгая смета; я бы мог издерживать и меньше, если бы оставался на месте; но путешествие и перемены мест мне так же необходимы, как насущный хлеб. Голова моя так странно устроена, что иногда мне вдруг нужно пронестись несколько сот верст и пролететь расстояние для того, чтоб менять одно впечатление другим, уяснить духовный взор и быть в силах обхватить и обра<ти>ть в одно то, что мне нужно. Я уже не говорю, что из каждого угла Европы взор мой видит новые стороны России и что в полный обхват ее об-

нять я могу только, может быть, тогда, когда огляну всю Европу. Поездка в Англию будет слишком необходима мне, хотя внутренно я не лежу к тому и хотя не знаю еще, будут ли на то какие средства. Издание и пересылку денег ты, как человек точный более других, должен принять на себя. Высылку денег разделить на два срока: 1-й — к 1-му октябрю и другой — к 1-му апрелю, в место, куда я напишу, по три тысячи; если же почему-либо неудобно, то на три срока по две тысячи. Но ради бога, чтобы сроки были аккуратны. В чужой земле иногда слишком приходится трудно. Теперь, например, я приехал в Рим в уверенности, что уже найду здесь деньги, назначенные мною к 1-му октября, и вместо того вот уже шестой месяц я живу без копейки, не получая ниоткуда. В первый месяц мы даже победствовали вместе с Языковым; но, слава богу, ему прислали сверх ожидания больше, и я мог у него занять две тысячи с лишком. Теперь мне следует ему уже и выплатить; ниоткуда не шлют мне, из Петербурга я не получил ни одного из тех подарков, которые я получал прежде, когда был там Жуковский. Вот

уже четвертый месяц, как я не получаю даже ни письма, ни известия, и не знаю, что делается с печатанием. Подобные обстоятельства бывают иногда для меня роковыми, не житейским бедствием своим и нищетой стеснённой нужды, но состоянием душевным. Это бывает роковым, когда случается в то время, когда мне нужно вдруг сняться и сдвинуться с места и когда я услышал к тому душевную потребность, состояние мое бывает тогда глубоко тяжело и оканчивается иногда тяжелой болезнью. Два раза уже в моей жизни мне приходилось слишком трудно... Не знаю, дадите ли вы веру словам моим, но слова мои душевная правда. И много у меня пропало чрез то времени, за которое не знаю, чего бы ни заплатил; я так же расчетлив на него, как расчетлив на ту копейку, которую прошу себе (у меня уже давно всё мое состояние — самый крохотный чемодан и четыре пары белья). Итак, обдумайте и посудите об этом. Если не станет для этого денег за выручку моих сочинений, придумайте другие средства. Рассудите сами, я думаю, я уже сделал настолько, чтобы дали мне возможность окончить труд

мой, не заставляя меня бегать по сторонам, подыматься на аферы, чтобы, таким образом, приводить себя в возможность заниматься делом, тогда как мне всякая минута дорога и тогда как я вижу надобность, необходимость скорейшего окончания труда моего. Если ж средств не отыщется других, тогда прямо просите для меня; в каком бы то ни было виде были мне даны, я их благодарно приму, и, может быть, всякая копейка, брошенная мне, помолится о спасении душ тех, которые бросили мне эту копейку. Но если эта копейка будет брошена вследствие отказа в чем-либо нужном себе, тогда не берите этой копейки; я не должен никому стоять лишенья и теперь еще не имею права. Относительно другой части дел моих, насчет матери моей и сестер, я буду писать к Сергею Тимофеевичу и Погодину и изложу им, каким образом по имению поступить наилучше, если потребуется надобность такая. Я, сделав всё, что мог, отдал им свою половину имения, сто душ, и отдал, будучи сам нищим и не получая достаточно для своего собственного пропитания. Наконец, я одевал и платил за сестер, и это делал не от

доходов и излишеств, а занимая и наделав долгов, которые должен уплачивать. Погодина меня часто упрекал, что я сделал мало для семьи и матери. Но откуда же и чем я мог сделать больше, мне не указал никто на это средств. Я даже полагаю, что в делах моей матери гораздо важнее и полезнее будет умный совет, чем другая помощь. Имение хорошо, 200 душ, но, конечно, маменька, не будучи хозяйкой, не в силах хорошо управиться, но в помощях такого рода должно прибегать к радикальным средствам, и об этом я буду писать к Сергею Тимофеевичу и Погодину, надеясь на прекрасные души их и на нежное участие их. И дай бог, чтоб я в силах был написать только; но мне кажется, что они лучше могут почувствовать мое положение, если только вникнут глубоко в мое положение. Боже! как часто недостает ни слов, ни выражений мне тогда, как толпится в душе много того, что б хотела выразить и сказать моя душа, и как ужасно тяжело бывает мне писать письмо... Есть миллионы причин, почему я не могу войти в дела житейские и относящиеся ко мне. Еще раз я должен сказать это: отнимите

от меня на три или четыре года всё это. Если Погодин и Сергей Тимофеевич найдут необходимость точно помочь иногда денежным образом моей матери, тогда, разумеется, взять из моих денег, вырученных за продажу, если только она окажется; но нужно помнить тоже слишком хорошо мое положение, взвесить то и другое, как повелит благоразумие. Они на своей земле, в своем имении и, слава богу, ни в каком случае не могут быть без куска хлеба. Я в чужой земле и прошу только насущного пропитания, чтоб не умереть мне в продолжение каких-нибудь трех, четырех лет. Но да внушит вам бог и вразумит вас. Вы всячески сделаете умнее и лучше меня. Напиши мне, могу ли я надеяться получить в самом коротком времени, то есть накопилось ли в кассе для меня денег? Мне нужны, по крайней мере, 3500; две тысячи с лишком я должен отдать Языкову, да тысячу с лишком мне нужно вперед для прожитья и поднятья из Рима. Что касается до моего приезда в Москву, то ты видишь, что мне для этого необходимости не стоит, и, взглянувши глубоким оком на всё, ты увидишь даже, что я не должен этого де-

лать прежде окончания труда моего. Это, может быть, даже слишком тягостная мысль для сердца, потому что, сказать правду, для меня давно уже мертво всё, что окружает меня здесь, и глаза мои все<го> чаще смотрят только в Россию и нет меры любви моей к ней, как нет меры любви моей к вам, которой я не в силах и не могу рассказать. Прощайте, пишите мне хоть по одной строчке, хоть по самой незначительной строчке. Письма ваши очень важны для меня и они будут после еще важнее и значительней, когда я останусь один и потребую пустыней и удалений от всего для глубокого воспитанья, душевного воспитанья, которое совершается внутри меня святой, чудесной волею небесного отца нашего. Прощай, я буду к тебе писать, может быть, скоро, вследствие другой уже моей потребности душевной. Целую и обнимаю тысячи раз... На это письмо дай немедленный ответ, чтобы я знал, что ты получил его. И если набрались деньги, то высылай их немедленно на имя Валентини, piazza Apostoli palazzo Valentini, потому что в апреле месяце мы ду-маем подняться из Рима.

Твой Гоголь.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Марта 2 <н. ст. 1843>. Рим

На прошлой неделе отправил я к тебе письмо, которое, я думаю, ты уже получил, иначе мне было бы слишком жаль, потому что оно мне стоило большого труда. О, как трудно мне изъяснить что-либо, относящееся ко мне. Много есть безмолвных вопросов, которые ждут ответов, и <я> не в силах отвечать. Как тягостно во время внутренней работы удовлетворять ответами проходящих, хотя бы близких душе. Представь архитектора, строящего здание, которое всё загромождено и заставлено у него лесом, чего стоит ему снимать леса и показывать неконченную работу, как будто бы кирпич вчерне и первое пришедшее в голову слово в силах рассказать о фасаде, который еще в голове архитектора. А между тем уже утрачена часть времени, и странным охлаждением объята голова строителя. Скажу тебе, что иногда мне очень были тяжелы безмолвные и гласные упреки в скрытности, которая вся происходила от бес-

сила сил моих объяснить многое... но я молчал. Зато какую глубокую радость слышала душа моя, когда мимо слов моих, мимо меня самого, узнавали меня глубиной чувств своих... Не могу и не в силах я тебе изъяснить этого чувства, скажу только, что за ним всегда следовала молитва, молитва, полная глубоких благодарностей богу, молитва вся из слез. И виновником их не раз был ты. И не столько самое проразуменье твое сил моих как художника, которые ты взвесил эстетическим чутьем своим, как совпадение душою, предслышанье и предчувствие того, что слышит душа моя... Выше такого чувства я не знаю, его произвел ты. Следы этого везде слышны во 2-й статье твоего разбора М<ертвых> д<уш>, который я уже прочел несколько раз. Но еще сильнее это чувство было возбуждено чтением твоей статьи об отношении семейного воспитания к государственному. Ты, без сомнения, и не подозреваешь, что в этой статье твоей есть много, много того, к чему стремятся мои мысли, но когда выдет продолжение М<ертвых> д<уш>, тогда ты узнаешь истину и значение слов этих, и ты увидишь,

как мы сошлись, никогда не говоря и не рассуждая друг с другом. Встреча в чистом начале есть выше всех встреч на земле. Дружба, почувствованная там, вечна, и если б мы, вместо стремлений сторонних, стремлений даже друг к другу, все устремились к богу, мы бы все встретились друг с другом. Души [И души] наши, как души младенцев, стали бы нам открыты и ясны во всем друг другу, все исчезли бы недоразумения, ибо недоразуменья от человека, и только одной помощью бога узнать мы можем истину. Вот [Вот всё] что я хотел сказать тебе и для чего пишу письмо это. Прощай! не забывай меня. Пиши хоть даже только два слова, хоть самых торопливых и ежедневных слова, но непременно пиши. Это мне очень нужно. Меня никак не следует забывать во всё это время. Еще хочу тебя попросить об одном: родственник мой Данилевский, которого ты отчасти знаешь, будет в Москву. Положение его требует участия. По смерти матери своей он остался без куска хлеба, по разделу ему досталась такая малость, которая даже не достала на заплату долгов. Нельзя ли как-нибудь общими силами по-

мочь ему, поместить его к кн. Дм<итрию> Владим<ировичу> на какое-нибудь место с жалованьем? У него есть способности, которые не употреблены вовсе в дело. Кроме того, что у него прекрасная душа и сердце, он умен. В школе у него показывались искры таланта, но при вступлении в свет и на поприще службы преследовали его до сих пор неудачи, и доныне не попал на дорогу. В свободное время он бы даже мог поработать и для Москвитянина. Языков теперь только принялся за перо, а потому ничего не посылает, но как только будет что-нибудь готово — сейчас вышлет.

Твой Гоголь.

На обороте: Moscou. Russie.

Г. профессору имп. Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. В собств<енном> доме близ Тверской, в Дегтярном переулке.

С. Т. АКСАКОВУ

Рим. Март 18 <н. ст. 1843>

Наконец я получил от вас письмо, добрый друг мой, и отдохнул душою, потому что, признаюсь, мне было слишком тягостно такое долгое молчание со всех сторон. Благодарю вас за ваши известия: мне они все интересны. Успех на театре и в чтении пизэ совершенно таков, как я думал. Толки о «Женитьбе» и «Игроках» совершенно верны, и публика показала здесь чутье. Относительно перемены ролей актеры и дирекция имеют полное право, и я дивлюсь, зачем они не сделали этого сами. Кто же, кроме самого актера, может знать свои силы и средства? Верстовского поблагодарите от души за его участие и расположение. А «Разъезда», натурально, не следует давать: и неприлично, и для сцены вовсе неудобно. У Щепкина спросите, получил ли он два письма мои, писанные одно за другим, так же как получили ли вы сами мое письмо, в котором я просил вас о постановке «Ревизора», — дело, которым пожалуйста позайми-

тесь. Там же я просил дать какой-нибудь отрывок Живокини, по усмотрению Мих<аила> Семен<овича>, за его усердные труды.

Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем. И вообще, чем глубже мысль, тем она может быть детственней самой мелкой мысли.

Относительно 2-го тома «М<ертвых> д<уш>» я уже дал ответ Шевыреву, который вам его перескажет. Что ж до того, что бранят меня, то слава богу; гораздо лучше, чем бы хвалили. Браня, все-таки можно сказать правду и отыскать недостатки; а у тех, которые восхищаются, невольно поселается пристрастие и невольно заслоняет недостатки. И вы

также не должны меня хвалить неумеренно никому и ни перед кем. Поверьте, что хвалится горячо, неравнодушно, то уже неумеренно. Меньше всего я бы желал, чтобы вы изменили к кому-нибудь ваши отношения по поводу толков обо мне. Я совершенно должен быть в стороне. Напротив, любите от души всех несогласных с вами во мнениях; увидите — вы будете всегда в выигрыше. Если только человек имеет одну хорошую сторону, то уже он стоит того, чтобы не расходиться с ним. А те, с которыми вы в сношениях, все более или менее имеют многие хорошие стороны. Я бы попросил вас передать мой искренний поклон Загоскину и Павлову, но чувствую, что они не поверят: подумают, что я поднялся на шуточки, или пожалуй примут за насмешку, вроде кривой рожи, и потому пусть этот поклон останется между нами.

Но поговорим теперь о самом важном деле. Положение мое требует сильного вашего участия и содействия. Я думаю, вы уже знаете из письма моего к Шевыреву, в чем дело. Вы должны принести для меня жертву, соеди-

нившись втроем вместе: вы, Шевырев и Погдин, — взять на себя дела мои на три года. От этого всё мое зависит — даже самая жизнь. Тысячи важных, слишком важных для меня причин, и самая важная, что я не в силах думать теперь о моих житейских делах. Но обо всем этом, я думаю, вы узнали уже от Шевырева. Со вторым изданием распорядитесь как найдете лучше, но так устройте, чтобы я мог получать по шести тысяч в год, в продолжение трех лет, разделив это на два или три срока, и чтобы эти сроки были слишком точны. От этого много зависит. Впрочем, распоряжение относительно этого предоставьте Шевыреву. Он точнее нас всех. Слова эти слишком важны, и, во имя бога, я молю вас не пренебрегайте ими. Сроки должны быть слишком аккуратны. Что теперь я полгода живу в Риме без денег, не получая ниоткуда, это, конечно, ничего. Случился Языков, и я мог у него занять. Но в другой раз это может случиться не в Риме: мне предстоит глухие уединения, дальние отлучения. Не теряйте этого из виду. Если не достанет и не случится к сроку денег, собирайте их хотя в виде мило-

стыни. Я нищий и не стыжусь своего звания.

А вас вместе с Погодиным я попрошу войти в положение моей маминьки, тем более, что вы уже знакомы с ней и несколько знаете ее обстоятельства. Я получил от нее письмо, сильно меня расстроившее. Она просит меня прямо помочь ей, в то время помочь, когда я вот уже полгода сижу в Риме без денег, занимая и перебиваясь кое-как. Просьба о помощи меня поразила. Маминька всегда была деликатна в этом отношении: она знала, что мне не нужно напоминать об этом, что я могу чувствовать сам ее положение. Она знала это уже потому, что я отказался от своей части имения и отдал ей (100 душ крестьян с землями), тогда как сам не был даже на полгода обеспечен (последнего обстоятельства, натурально, она не знала, иначе бы отказалась и от имения и от всякой со стороны моей помощи, и потому я должен был почти всегда уверять ее, что я не нуждаюсь и что состояние мое обеспечено). Но и в сей мысли она была, однако ж, очень деликатна и не просила меня о помощи. Теперь это всё произошло вслед-

ствие невинного обстоятельства. Ольга Семеновна, по доброте души своей, желая, вероятно, обрадовать маминьку, написала, что «Мертвые души» расходятся чрезвычайно, деньги плывут и предложила ей даже взять деньги, лежащие у Шевырева, которые, вероятно, следовали одному из ссудивших меня на самое короткое время. Маминька подумала, что я богач и могу, без всякого отягощения себя, сделать ей помощь. Я никогда не вводил маминьку ни в какие литературные мои отношения и не говорил с нею никогда о подобных делах, ибо знал, что она способна обо мне задумать слишком много. Детей своих она любит до ослепления, и вообще границ у ней нет. Вот почему я старался, чтобы к ней никогда не доходили такие критики, где меня чересчур хвалят. И признаюсь, для меня даже противно видеть, когда мать хвастается своим сыном: это всё равно, как бы хвастаться собою и своими добродетелями. Маминька должна меня знать просто как доброго сына, а судить о талантах моих не принадлежит ей. Письмо маминьки и просьба повергли меня в такое странное состояние, что вот уже скоро

третий месяц, как я всякий день принимаюсь за перо писать ей и всякий раз не имею сил — бросаю перо и расстраиваюсь во всем. В самом деле положение затруднительно: чтобы объяснить всё дело, нужно сказать правду и сделать ей ясным мое положение, а в объяснении моего положения будет уже заключаться ей упрек и беспокойство о моей участи; между тем письмо мое должно быть утешительно и заключать даже в себе умную инструкцию впредь. Но для того, чтобы разумно поступить в этом, для другого, может быть, не затруднительном деле, мне нужно взглянуть как на совершенно постороннее для меня дело, взглянуть так, как я гляжу на характер и положение лица, которое принимаюсь внести в мое творение; тогда только предмет может предо мною стать всеми своими сторонами и слово мое может быть проникнуто светом разума, а без этого слово мое будет глупее слова всякого обыкновеннейшего человека. Вот как еще мне трудно отрешиться от многих, многих страстных отношений, чтобы стать на ту высоту бесстрастия, без которого всё, что ни производится мною, есть

пошло, презренно и несет мне упреки даже от тех, которые, думая доставить мне добро, заставили произвести его! Итак, войдите вместе с Погодиным в положение этого дела и объясните его маминьке, как признаете лучше. Во всяком случае, как вы ни поступите, вы поступите в двадцать раз умнее меня. Дайте ей знать, что деньги вовсе не плывут ко мне реками и что расход книги вовсе не таков, чтобы сделать меня богачом. Если окажутся в остатке деньги, то пошлите, но не упускайте также из виду и того, что маминька, при всех своих прекрасных качествах, довольно плохая хозяйка и что подобные обстоятельства могут случаться всякий год; и потому умный совет с вашей стороны, как людей все-таки больше понимающих хозяйственную часть, может быть ей полезнее самих денег.

Я не знаю, могут ли принести мои сочинения, ныне напечатанные в четырех томах, какой-нибудь значительный доход. Одно напечатание их (листов, как я вижу по газетам, оказалось более, чем предполагалось) должно достигнуть до 17 000. Притом, как бы то ни

было, книга в 25 рублей не так легко расходуется, как в десять, особенно если она даже не новость вполне. Я думаю, что в первый год она разве только окупит издание, а потом пойдет тише. Первые деньги после окупления издания я назначил на уплату долгов моих петербургских, которые хоть и не так велики, как московские, но всё же требуют давно уплаты. Я знаю, что некоторым даже близким душе моей и обстоятельствам казалось странно, отчего у меня завелось так много долгов, и они всегда пропускали из вида следующее невинное обстоятельство. Шесть лет я живу, и большею частью за границей, не получая ниоткуда жалованья и никаких совершенно доходов (шесть лет я не издавал ничего); годы эти были годы странствия, годы путешествия: откуда же и какими средствами я мог производить всё это? Если положить по пяти тысяч в год, то вот уже до тридцати тысяч в шесть лет. Один раз только я получил вспомоществование, которое было от государя и дало мне возможность прожить год. Кроме того я в это время должен был взять моих сестер из института, одеть их с ног до головы и всякой

доставить безбедный запас хотя по крайней мере на два года. Два раза я должен был в это время помочь маминьке, не говоря уже о том, что должен был дать ей средства два раза приехать в Москву и обратно. Должен же я был всё это произвести какими-нибудь деньгами и средствами, итак, не мудрено, что у меня набрались такие долги. А вы знаете сами, я вовсе не такой человек, чтобы издерживать деньги на пустяки; желанья мои довольно ограничены, и при мне нет даже таких вещей, которые бы показались другому совершенно необходимы. Но довольно об этом.

Не забудьте моей глубокой, сильной просьбы, которую я с мольбой из недр души моей вам трем повергаю: возьмите на три года попечение о делах моих. Соединитесь ради меня тесней и больше и сильнее друг с другом и подвигнитесь ко мне святой христианской любовью, которая не требует никаких вознаграждений. Всякого из вас бог наградил особой стороной ума. Соединив их вместе, вы можете поступить мудро, как никто. Клянусь, благодеяние ваше слишком будет глубоко и

прекрасно! Прощайте. Больше я ничего вам не могу теперь писать. Да и без того письмо длинно. Напишите мне ваш адрес и, ради бога, не забывайте меня письмами. Они мне очень важны, как вы не можете даже себе представить, хотя бы даже были писаны не в минуту расположения и заключались в двух строчках небольших. Не забывайте же меня.

Ваш Г.

Посылаю душевный поклон всему дому вашему. А Ольге Семеновне грех, что она совершенно позабыла меня и не прибавила от себя ни строчки ко мне. Конст<антину> Серг<еевичу> тоже грех, тем более, что ко мне можно писать, не дожидаясь никакого расположения или удобного времени, а в суматохе, между картами, перед чаем, на запачканном лоскуточке, в трех строчках, с ошибками и со всем, что бог послал на ту минуту.

Если кто-нибудь поедет за Языковым из Москвы, не забудьте прислать мне книг, если вышло что-нибудь относительно статистики

России, известный Памятник веры, который обещала Ольга Семеновна, и молитвенник самый пространный, где бы находились почти все молитвы, писанные отцами церкви, пустынниками и мучениками.

О моих сочинениях я не имею никаких известий из Петербурга. Прокопович до сих пор не отвечал на мое последнее письмо. К Плетневу я уже писал два письма, и ни на одно из них нет ответа.

Вот вам мой маршрут: до 1 мая в Рим, потом в Гастейн, в Тироле, до 1 июня. В июне, июле и августе адресуйте в Дюссельдорф, на имя Жуковского; везде *Poste restante*.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
<Около 20 марта 1843. Рим.>

Благодарю вас за ваши три письма. Мы должны были сойтись и сблизиться душой. В том высшая воля бога. Самое это ваше участие и влечение ко мне, и молитвы обо мне — всё говорит о сей воле. Не стану вам говорить ничего более. Вы чувствуете в глубине вашей же души, каковы должны быть отношения мои к вам. В минуты торжественных минут [Так в исходном тексте.] моих я вспомню о вас! А вы — вы помолитесь обо мне... не об удачах и временных успехах молитесь (мы не можем судить, что удача или неудача, счастье или несчастье), но молитесь о том, чтобы с каждым днем и часом, и минутой была чище и чище душа моя. Мне нужно быть слишком чисто душой. Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница. Молитесь же о том, да ниспошлются с небес мне неслабнущие силы. Посылаю вам душевное объятие мое.

Гоголь.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Рим. Март 28 <н. ст. 1843>

Хотя ни разу не ответили вы мне на мои письменные расспросы относительно вашего местопребывания на будущее время, хотя не изъявили желаний видеть меня ни разу, но я все-таки и вновь вам пишу об этом. Желание вас видеть стало во мне теперь еще сильнее, я думаю [и я думаю] непременно в июле месяце быть в Дюссельдорфе. Напишите мне только два слова, будете ли в это время в Дюссельдорфе. Смирнова хочет тоже заехать к вам два раза, в июне и июле. А я думаю даже пожить в Дюссельдорфе, и мысль эта занимает меня сильно. Мы там в совершенном уединении и покое займемся работой, вы Одиссеей, а я Мертвыми душами. Напишите мне ответ, не медля нимало, потому что я скоро оставляю Рим. Обнимаю вас всей любовью души моей и с вами вместе всё то, что близко вашему сердцу. Прощайте.

Ваш Г.

Адрес мой по-прежнему: Via Felice, № 126.

На обороте: à Son Excellence Monsieur

Monsieur de Joukovsky.

A Dusseldorf (Prussie Rhenane).

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Марта 28/16 <1843>. Рим

Письмо твое и билет на 550 получил. Благодарю тебя много за всё и в теперешнюю минуту более всего за письмо, как оно ни коротко и ни поспешно. Я уже несколько месяцев без писем. Точно, как будто вдруг все стоворились не писать ко мне. Ради бога, не пропускай писать. [Далее было: ко мне] Мне не нужно длинных писем. Пиши впопыхах, наскоро и никак не ожидай расположения или свободной минуты. Двух строк самых пустых мне иногда бывает достаточно. Теперь, в минуты моих трудов, скитанья по свету и всяких суровых внутренних воспоминаний, мне нужней, чем когда-либо, слова близких душе моей; о чем бы они ни были и какие бы ни были, они равно мне живительны. Поблагодари от души всех, принимавших участие относительно дел моих, начиная с доброго цензора моего Никитенка.

Краевского и Белинского поблагодари то-

же много и не позабудь уведомить меня о [обо] толках, какие ходят во всякого рода публиках касательно моих сочинений. Прощай. Целую и обнимаю тебя. Ответ на это письмо можешь адресовать мне уже в Гастейн, в Тироле, где я буду <около> 1-х чисел мая, ибо в апреле, последних чисел, подымусь из Рима. Обними за меня жену и детей.

Твой Гоголь.

На экземпляры не скупись и раздавай, если окажется нужно; по востребованию Плетнева или Шевырева отпускаяй, сколько ни скажут.

На обороте: St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С.-Пбурге, на Васильевском остр<ове>, между Больш<им> и Средним проспектом, в 9 линии, в доме г-жи Прокоповичевой.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Апрель 7 <н. ст. 1843>. Рим

Сейчас получил я от Прокоповича 550 франков. Он не высылал их мне, ожидая накопления и пополнения денег, потому что часть из них уже употребил на некоторые необходимости по изданию мелк<их> сочинен<ий>, как-то на печатание и рассылку [В подлиннике: рассылку] всяких объявлений. Из отчета его видно, что дела все в порядке, и потому совершенно не могу постигнуть, в чем особенно заключается дурное распоряжение, о котором мне намекали из Москвы еще даже прежде твоего письма. Как жаль, что до сих пор никто не может понять, что мне нужно метить не в бровь, а прямо в глаз. До сих пор ни один человек в мире не догадается, что есть на Руси человек, которому можно всё говорить, не опасаясь ни в каком случае, никакими [и никакими] словами, нанести неудобольствие, которому можно говорить даже просто таким образом: Послушай, ты подлец и подлец вот в том-то и в таком-то твоём по-

ступке. Из положения дел касат<ельно> издания мелк<их> соч<инений> я вижу ясно, что в первый год оно только что окупит издержки печатания, впрочем, я так и предполагал. Оно никак не могло иметь расходу даже в половину против М<ертвых> д<уш>, уже потому, что книга не вовсе новость, что книга в четырех томах, и что, несмотря на всю дешевизну свою относительно издержек печатания, она требует вынуть из кармана 25 рублей. Полученные мною теперь 550 франков следует вычесть из следуемых мне денег, всё равно как и все прочие деньги, которые бы откуда я ни получил, идут в число необходимых [следующих] мне шести тысяч рублей в год, и я всякий раз буду давать об этом известие немедленно. Прокопович меня также извещает, что ты сделал ему замечание на то, что не высланы экземпляры некоторым людям, близким душе моей. Но в этом [Далее было: я совершенно] я виноват. Я не сделал совершенно никаких распоряжений, и он уже сам, догадываясь, с кем я мог быть в сношениях близких в Москве, почел приличным послать. Что до меня, я, признаюсь, не думал, чтоб так доро-

жили таким моим пустым подарком, на котором я даже не могу сделать надписи собственной рукою. Но если это так, то, ради бога, поблагодари всех за это приятное душе моей неудовольствие их [Далее было: на меня] и раздай всем по экземпляру, кому ни найдешь приличным. Я бы много прибавил к тому душевных слов, но мы живем в том веке, когда более верят мелочам и примечают скорее наружное несоблюдение мелких приличий, чем глубину чувств и души человека. Я написал Прокоповичу, чтобы он по всякому твоему востребованию высылал экземпляры в большом или малом числе, как понадобится. Старайся проникнуть сколько-нибудь в загадку толков и слухов о дурном распоряжении относит<ельно> изд<ания> моих сочинений. Я думаю, что, может быть, даже это больше ничего, как сплетни и кое-какие с намерением распускаемые слухи, ведь и это также может случиться, согласись с этим. Сколько есть мелочей, которые темнят пред нами непрерывно предмет даже и тогда, если мы вблизи [в бре<?>] от него. А между Петербургом и Москвою расстояние велико. Сколько выдумок, на-

пример, произошло при мне в Москве насчет Мертв<ых> д<уш>, когда они были в Петербурге! Прокопович человек новый, а книгопродавцы, с которыми я не хотел войти ни в какие сношения, натурально должны были напасть на него. Мне однако же очень при-скорбно, если я был причиною того, что доставил ему в чем-либо дурную репутацию. Тем более, что я насильно его втянул в это дело, умоляя именем дружбы взяться за него и имея внутренно тайный умысел чем-нибудь пробудить этого человека, исполненного больших дарований, от непостижимого усыпления, в которое он погрузился. Но это прекрасная благородная душа, которую я уже испытал не раз с детского возраста почти. А все-таки на грех мастера нет, он может случиться со всяким, и потому во всяком случае мы должны указывать смело друг другу наши заблуждения и наводить любовно на прямую дорогу, а потому ради бога говори и пиши мне всё. Я получил на днях письмо от маминьки; дела ее изворотились и пошли обыкновенным порядком, [Далее было: то есть, стало быть, в этом <году>] проценты и подати

взнесены. Я здоров и довольно бодр, но устал сильно духом. Заботы и беспокойства обо всем и об обеспечении моем [об моей участи, то есть об обеспечении ее] на эти три года удалили меня от моих внутренних занятий, и полгода похищено у меня времени слишком важного для меня. Но так угодно богу и, может быть, уже в этом заключено какое-нибудь новое, еще не узнанное мною благо. Прощай, люби меня, несмотря на все мои недостатки, [гадости] и ради бога не забывай меня письмами, хотя из двух строчек. После когда-нибудь узнаешь, как глубоко важны и значительны бывают для меня две строчки. Обнимаю тебя силою той сильной любви, которая дает мне средства быть выше моих бесчисленных недостатков. [моих гадостей] Передай это маленькое письмецо Аксакову. Обнимаю всех, кто сколько-нибудь любит меня. На это письмо ответ ты можешь уже адресовать в Гастейн Poste restante (в Тироле).

На обороте: Moscou, Russie.

Г. профессору имп. Московского универси-

тата Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. В Дегтярном переулке, что возле Тверской, в собствен<ном> доме.

С. Т. АКСАКОВУ

<7 апреля н. ст. 1843. Рим.>

Я получил письмо от маминьки. Дела ее устроились; на этот год по крайней мере она обеспечена. В письме (которое вы, без сомнения, уже получили от меня чрез Хомякова) я забыл спросить вас, получили ли вы письмо, в котором я просил вас о постановке Ревизора. В нем было вложено письмецо к Ольге Семеновне и Константину Сергеевичу. Получили ли они эти письма и отчего никто из них не отвечал ниже двумя строчками? Что касается до Щепкина, то его просто следует выбрать. Я писал два письма к нему. Я не сержусь на него, если уж у него такой обычай, чтобы не отвечать на письма. Но он должен по крайней мере сказать вам, чтобы вы уведомили меня, что письма точно получены, чтобы я не думал по крайней мере, что пропадают они. [Эти письма] Подумайте сами, что не могло прийти в мою голову, когда во время, самое трудное для меня и такое время, когда я [Далее начато: отвсю<ду>] ожи-

дал более всего писем отсюда, решительно отсюда, и в это время все будто сговорились и бросили меня на три месяца самого тягостного состояния. Не забывайте меня, бесценный друг. Вы уже знаете из письма, которое получили от Хомякова, как нужно писать ко мне. Да хранит вас бог всех в ненарушимой светлости души и здоровья. Адресуйте в Гастейн (в Тироле), Poste restante.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ

Апреля 15/3 <1843. Рим>

Сию минуту получил я ваше письмо от 13 Марта, бесценный друг мой, и отвечаю на него сию минуту. Благодарю вас за него. Оно так же было приятно душе моей, [так же мне было приятно] как и все другие ваши письма, и, кажется, даже как будто бы больше, чем другие. Благодарю вас за ваши поздравления с грядущим прекрасным праздником для всех нас. Вы не обманулись, вы первые поздравили меня с ним. Еще неделя остается до него. Но душа моя жаждет [Далее начато: зар<анее>] мысленно похристосоваться с вами первыми в ту высокую минуту, когда произнесется: Христос воскрес! Итак, будьте уверены, что поздравление мое понесется на встречу вашему, и встреча эта во Христе будет глубоко радостна душам нашим. Прощайте, будьте светлы этим светлым воскресеньем весь год до нового светлого воскресенья.

Я говел на первой неделе еще поста, и это

было прекрасное время. Бог неисчетно, сугубо награждает нас за самое даже мгновенное пребывание в нем. И много нового излилось с тех пор в мою душу, за что несу ему вечные благодарения. Если будете писать, адресуйте в Гастейн, в Тироле.

Г.

На обороте: Moscou, Russie.

Надежде Николаевне Шереметьевой.

Московской губернии в город Рузу.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Рим 17/5 апреля <1843>

В прибавление к письму моему, пущенному неделю назад, пишу другое, более деловое, потому что тогда я не мог писать о делах, будучи внутренне расстроен более моим болезненным припадком. [Далее начато: За теми] Высылкою других [остальных] 500 франков повремени; впрочем, ты, я думаю, и без того это сделаешь, смекнувши, что по таким мелочам мне не может быть полезна присылка, кроме того, что хлопотлива с обеих сторон. Шевырев, эта редкая душа, он прислал мне четыре тысячи из своих. В Москву дошли слухи, что я сижу уже более шести месяцев без копейки денег. Я, признаюсь, их обманул: пред выездом я сказал, что мне деньги не нужны, что у тебя есть деньги, и я их возьму в счет печатающих<ся> экземпляров. Мне хотелось, чтобы скорей как можно выплатилась хотя половина моих долгов из продажи М<ертвых> д<уш> и чтобы не брать оттуда для себя ни копейки до того времени. Тем бо-

лее, что я видел собственными глазами, как нуждались во многом великодушно ссудившие меня. Не могу до сих <пор> вспомнить без глубокого душевного умиления о той помощи и о тех нежных участиях, которые шли ко мне всегда из Москвы. Петербургу просто некогда подумать обо мне. Кому, например, придет в голову сделать вопрос: этот человек ниоткуда не получает ни копейки дохода, ничего не печатает в течение шести лет — чем он живет в это время при расстроенном здоровье, при частых и необходимых для него переездах из климата в климат, из земли в землю? Два раза я мог бы просто умереть от нужды и голода, и обо мне составила бы, может быть, потом довольно трогательная история, как о многих талантах, окоченевших [Далее было: от голода] во время [Далее начато: уг<ара?>] окружавших <их?> призраков славы и прочего; но великодушные друзья мои умели проникнуть то, что может только проникнуть одно нежное участие, умели предложить мне таким образом, чтобы я даже и подумать не мог, что это с их стороны какое-нибудь одолжение, и сделали это

большую часть те, которые меньше всего имели средств помочь.

Итак, если я тебе дорог и душе твоей радостно, что я живу еще на свете, то этим ты обязан им. Но это несколько отдалило нас от дел, — итак, приступим к ним. Ты, я думаю, очень удивляешься моей беспечности, что я до сих пор тебе не даю никакой инструкции относительно распределения денег и прочего. [прочих] Но я был слишком занят прежде всего скорейшим окончанием и появлением книг [их] в свет и, признаюсь, вообще мне тяжело хлопотать о моих делах: это меня утомляет страх. Впрочем, ты, как видно, тоже захлопотан. Ты не написал мне даже в письме своем, выслал ли ты Шевыреву тысячу экземпляров, как я писал [гов<орил>] тебе. Эти экземпляры непременно там нужны под боком, для уплаты остальных долгов моих и удовлетворения самых необходимых потребностей матери и сестер моих, которые находятся теперь не в очень завидном состоянии, так как уже мне много приходилось терпеть по причине невысылок своевременных денег. (Это

вещь слишком для меня теперь сурьезная и важная. От этого у меня много пропадает времени. Когда мне нужно вдруг сорваться с места и ехать в другую землю, тогда это нужно сделать вдруг. С этим слишком связана творческая моя способность, [Далее было: от] обновление, освежение и та неизъяснимая мне самому потребность, неудовлетворение которой оканчивалось тяжким состоянием и, наконец, просто моральною и физическою болезнью). Итак, я решился раз навсегда уста<но>вить постоянные сроки, два раза в год, к которым непременно были бы деньги и дожидали бы меня в городе и месяце, которые я назначу. До сих пор Шевырев, как я вижу, точней и аккуратней всех. Для него нет задержек: не наберутся деньги, он займет, а к сроку поставит. Я решил расположить дело вот как: половина дел моих — в Петербурге, а половина — в Москве. [Далее начато: За месяц о<т?>] Сроки — один к первому маю европейского стиля, другой к 1-му октябрю европейского стиля. Несколькими днями раньше — лучше. Всякая половина состоит из трех тысяч рублей. Деньги будут высылаться тобою и Шевы-

ревым. За два месяца до срока или за месяц вы должны уведомить друг друга о том, накопилось ли достаточное количество денег. Если Шевырев тебе напишет, что деньги есть и может выслать он, тогда ты должен придержать их для других распределений. А эти распределения покамест вот какие: Жуковскому послать в Дюссельдорф, в число моего долга, 4-ре тысячи рублей. У Данилевского спросить, заплатила <ли> ему маминька те деньги, которые он ей предложил. Если нет, то выслать ему немедленно. Эти деньги, я знаю, у него были последние. Одна только великодушная душа его могла сделать такой поступок и так жестоко лишиться себя. Если Шевырев напишет тебе, что он занял или выслал свои, то, натурально, тогда накопленные деньги должны поступить в уплату Шевыреву.

Вот покамест тебе распоряжение. Напиши, пожалуйста, Шевыреву отчет по книге и <о> всем относящемся к этой части, чтобы они тебя не винили в том, что я шесть месяцев сидел без денег, в чем ты не виноват ни-

сколько; но так как, сам знаешь, [В подлиннике: не знаешь] на свете не без добрых людей [Далее было: которые] и охотников сочинять всякие слухи, а Москва от Петербурга далеко, то я почти уверен, что есть уже какие-нибудь рассказы. А потому лучше всего, если ты в немногих, отчетливых словах представишь ему всю ясность дела. Затем, обнимаю тебя всей силою любви и дружбы и всю твою семью от малых до больших, поздравляю и вас всех с праздником и напоминаю тебе вновь о прежней просьбе моей — писать, хотя бы во все не было о чем писать. Двух самых ничтожных строчек уже будет с меня довольно. Еще раз повторяю: для меня слишком теперь значительны письма близких душе моей. Нельзя ли так завести, чтобы <писать?> 1-го числа всякого месяца? Это число трудно забыть, потому <что вы> все, сколько мне помнится, в этот день получаете казенное жалованье. Прощай. Ответ адресуй в Гастейн, что в Тироле. Поклонись и обними всех любящих меня.

На обороте: St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлеви-
чу Прокоповичу.

В С.-Петербург, на Васильевск<ом> острове,
в 9 линии, между Большим и Средним про-
спектом, в собствен<ном> доме.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Рим. 19 апреля <н. ст. 1843>

Едва отправил я вчера к тебе письмо, как получил твое, со вложением 300 р. серебр<ом>. Благодарю тебя не столько за присылку, сколько за готовность. Я уже уведомил тебя в предыдущем письме, что получил из Москвы деньги на франки без малого 4 тысячи, а на рубли 3500. И потому ты сделай запрос Шевыреву, надобно ли тебе выслать им эту сумму из твоих экземп<ляров> или они надеются уплатить ее из находящихся у них экземпляров, объяснивши им, что у тебя предстоят уплаты Жуковскому и Данилевскому. Прежде всего, натурально, ты пополни себя, иначе будет беспорядок. Распоряжения твои все хороши. Относительно цены на книгу как Плетнев, так и ты совершенно правы: более 25 р. никак нельзя [Далее было: было] пустить, хотя Москва и подумает, что дешево. Но лучше пусть покупатель похвалит за дешевизну, чем побранит за дороговизну. Пожалуста, пришли мне экземпляр чрез Моллера,

вместе с листками критики, бывшей в Оте-
чест<венных> з<аписках>, [Далее было:
М<ертвых> душ и Сочинений] как на М<ерт-
вые> д<уши>, так и на Сочинения, и прикажи
писцу непременно списать для меня критики
Сенковского и Полевого на то и другое. Это
мне необходимо нужно. Присовокупи также к
этому «Статистику России» Булгарина, в 4 ча-
стях, а если вышла и География его, то и Гео-
графию его. Всё это Моллер не откажется
взять, я знаю. Он мне привезет это в Дюссель-
дорф в конце июня или начале июля. Да зай-
ди в Топографическое наше депо и купи для
меня карту России. У меня слишком громозд-
ка и неудобна к тасканью, да и стара. Купи их
подклеенными и готовыми. Европейскую Рос-
сию особенно, а Азиатскую тоже особенно, ра-
зумеется, новейшие, какие и есть, с подробно-
стями; но величиною чтобы не больше того,
сколько нужно для покрытия двух ломберных
столов, сдвинутых вместе, даже меньше, сло-
вом, чтобы была емка. Азиатскую сколько
можно поменьше. Прощай. Обнимаю тебя.

P. S. Не дурно бы послать один экземпляр

моих сочинений в Харьков преосвященному
Иннокентию, приложивши от себя записоч-
ку, что, по поручению моему, ты посылаешь
ему экземпляр.

На обороте: St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлеви-
чу Прокоповичу.

В С.-Пбурге, на Васильевск <ом> острове, в
9 линии, между Больш<им> и Средним про-
спектом, в доме Прокоповичевой.

М. И. ГОГОЛЬ
<Вторая половина
марта—апрель 1843. Рим.>

<...> Лучше нам подумать обо всем серьезнее и, отбросив всякую уверенность в себе и самонадеянность, смиренно сознать себя, свои средства и уметь взглянуть сколько возможно ясными очами. Все несчастья наши происходят от ложного познания мирских вещей и дел. Я не могу скрыть перед вами, что в письмах как собственно ваших, так и в письмах сестер моих оказывается ежеминутно самое превратное понятие не только о вещах и делах, отдаленных от них, но даже о тех, которые вблизи и которыми они окружены. Начнем с ваших писем, тем более, что в них находятся такие пункты, на которые я должен вам дать самое удовлетворительное объяснение и о которых мне уже давно хотелось поговорить с вами основательно. Вот, между прочим, слова из вашего письма, выписываю, как они есть: Умоляю тебя, бесц~~енный~~ сын, беречь себя, не

рискуй в опасных местах (т. е. в путешествии моем в Иерусалим). Вспомни, сколько на тебе лежит обязанностей. На это замечание я опять отвечу вам, что уже не раз вам говорил в подобных случаях: пора вам хоть сколько-нибудь узнать мой характер; если же это вам трудно, то приучитесь хотя просто к мысли, что сын ваш не гусарский 20-летний поручик и что в голове его есть сколько-нибудь ума и здравого смысла, а лучше всего имейте более веры в бога, чем во все пустые смущения, которые приходят только в праздные минуты. Богу угодно — и я сей же час мертв в своей комнате, не пускаясь ни в какую опасную дорогу, богу угодно — и я невредим среди всех ужасов, пред которыми ничто та дорога, которая кажется вам так опасною. Итак, оставим раз навсегда об этом толки. Теперь обращаюсь к сестрам. Одна вообразила, что у ней не может быть никакой обязанности, никаких дел, что она рождена именно для того, чтобы не входить ни во что, что она бесполезна и ни на что не способна (как будто что-нибудь бесполезно из того, что создано богом), и что весь долг ее состоит только в том, чтобы

не делать ничего злого. Другая предалась мечтаниям и презрительно смотрит на действительность и на то, что вокруг нее, безрассудно думая, что только в другом месте она может быть счастлива, не заботясь о приобретении мягкой прелести поступков, без чего нельзя быть счастливу нигде, а тем более быть любимой другими. 3-я вообразила, что она глупа и способна только на маловажные дела, что она не знает ничего, тогда как, может быть, она произвела бы подвиг, угодный богу и спасительный для семейства. Так они все заняты своими обязанностями и думают, что тот, который живет за морями, тот должен заботиться о них. А как придет беда, все умеют печалиться, все мастерицы пенять на судьбу; предавались ли они когда-либо умному размышлению о делах близких, о тех, которыми окружены? Взглянула ли хоть одна из них на положение этих дел? Отчего в течение каких-нибудь 15-ти лет хозяйство идет ничуть не лучше, а все хуже? что невозможно, чтобы неудачи и несчастья преследовали в продолжение 15-ти лет сряду, что дается человеку ум для того, чтобы предвидеть, убежать и укло-

няться несчастий, что неудачи и несчастья суть учителя и посылаются на то, чтобы наводить на ум и на настоящую дорогу? Просила ли хоть одна из них, хотя раз в жизни, просила ли она бога, чтоб он вразумил ее проразуметь смысл и значение насылаемого несчастья, увидеть его хорошую и благодетельную сторону? Нет, об этом никто не заботится, но в ту же минуту и даже как можно скорее стараются позабыть это несчастье, не хотят даже вспоминать о нем и никто не хочет взглядеться в него пристально: отчего оно случилось, не сами ли были виною его, не можно ли было как-нибудь предвидеть и отвратить его прежде, и для чего оно случилось, чего хочет от нас бог этим несчастьем? Нет, думают, что оно так случилось без смысла, что бог неразумно делает. Так богу угодно, говорят обыкновенно. Для испытания, прибавляют другие — и даже не хотят размыслить, для какого испытания, в чем состоит это испытание. Знайте же, что несчастий нет на свете, что в этих несчастьях заключены глубокие наши счастья. Всякий раз, после всякого приключения, какое ни сбывалось со мною и какое на-

зывается у иных людей несчастьем, очи разума моего становились яснее и в умиленьи душевном я видел, что они суть крылья наши и приближают нас ближе к цели, от которой по-видимому, кажется, как будто отталкивают. Они суть божии глаголы к нам и все полны мудрости необъятной. Но не думают, не хотят люди вникнуть в значение их, не хотят узнать, что бог требует деятельности от ума нашего, что для пробуждения нашего посылаются несчастья и затруднения, что всякую минуту вызывает он ими нас пробудиться от лени, объемлющей нашу душу, что всякую минуту говорит он ими, что мы не бесполезно и даром созданы на свет, что строго должны мы обсудить и взвесить себя и узнать, какая есть у нас истинно полезная сторона, не обманывают ли нас очи наши, будто бы уже, точно, нет никакой у нас способности, которую бы могли употребить на благо. Нет бесполезного человека в мире, и горе тому, кто не откроет, на что он полезен, и не молит бога о том, чтоб уяснил и открыл ему очи увидеть полезность свою. Ужасно был наказан тот, кто получил от бога талант

и зарыл его в землю, а нет человека, который бы не получил какого-нибудь таланта. Тому дано пять, тому два, тому один, тому мало, тому много, но всякому что-нибудь дано на долю, и равное взыскание будет всем. Обращали ли они хоть раз внимание на значение жизни человека? Человек призван в мир, стало быть, он нужен миру. Человек поставлен на этом месте, а не на другом, стало быть, он нужен на этом месте, а не на другом. Если же бы он не был нужен ни на что, он бы не стоял уже на земле, а где-нибудь на воздухе, где бы ни один предмет вокруг него не напомнил ему, что он должен заниматься им... Глянула ли хоть одна из них на то, как вообще ведется жизнь на свете? Крестьянин вырабатывает трудом и потом средства своей жизни, а мы кушаем да поджидаем гостей, да выдумываем, куда бы поехать, где бы лучше поразвлечь себя и чем бы именно поразвлечь себя, да почитаем приятную книгу, да зеваем и жалуемся на скуку, тогда как нужно дивиться, как не задушит и не заест нас на смерть эта скука. Есть ли хоть тень какого-нибудь исполнения долга во всем том, что мы делаем? Если под-

властный создан для того, чтобы трудиться для нас и исполнять наши повеления, разве мы не созданы для того, чтобы обращать во благо труд его и уметь давать ему повеления, задавать непрерывно вопросы уму нашему, как улучшить работу рук его и удесятерить плоды от работы рук его. Разве не для того получили мы лучшее перед ним образование, чтобы быть ему вожатым и привести его к лучшему? Или, думают они, одна только половина человечества создана для серьезного труда, а другая так только для шутки, для приятного препровождения времени. Изумляли <ли> их хоть раз эти непостижимые странности, что они, например, живя в деревне, имеют такое же понятие о том, что делается у них в хозяйстве, какое я имею о том, что делается в Китайском государстве, которое отстоит от меня на 15 000 верст расстояния? Остановилась ли мысль их над странностью современного положения всех нас, как все мы отошли и отделились пустым нашим воспитаньем от жизни, среди которой живем, и как дошли наконец до того, что нам теперь трудно и даже невозможно приняться ни за какое

дело и преодолеть непостижимую лень нашу? Подумали ли они, что теперь уже до того дошло, что простая глупая женщина, которая, не вдаваясь ни в какие мечты, только просто пригляделась к делам, наживает уже безбедное состояние и слывет даже хозяйкой, тогда как умная до того отдалилась от познания вещей и практической жизни, что очутилась как будто в лесу в деревне, не знает, за что и как ей взяться, не видят ее глаза, недоумевают мысль и голова идет кругом, между тем как, по естественному ходу вещей, умная в двадцать раз должна выиграть, чем глупая, и если она только половину употребит того терпения и хладнокровного изучения и наблюдения, то уже там возьмет 10 рублей, где глупая рубль. Подумали ли они о том, что, может быть, те обязанности, которые кажутся низкими и скучными, вовсе не низки и не скучны, и что, прежде чем назвать их низкими или скучными, нужно, может быть, слишком глубоко узнать их, исследовать и рассмотреть, что они в самом деле такое, и что, может быть, после долгого всматриванья в них пристально откроется, что многое из того, что

мы считали унижающим душу, возвышает и наполняет неведомым дотоле благородством? Думали ли они о том, как пуста и праздна жизнь их и никакого душевного удовлетворения не чувствуют они внутри себя, ничего похожего на безмятежное довольство? Давали ли они когда-либо себе труд передумать обо всем этом? Не как упрек я говорю всё это, но для того, чтоб они глубоко размыслили, думали ли они серьезно, в чем состоят их собственные обязанности. Да если бы хотя один только год вошли мы в строгое познание долга нашего и выполняли бы его весь, не помышляя ни о чем, кроме его и бога, которому посвящен он и от которого назначен, если бы хотя один год такого исполнения, то уже не было бы никакого желания нашего, которого бы не исполнил бог, не было бы молитвы, которая бы не была им услышана. Но горе не умеющему ничем пожертвовать для долга, для которого он призван, горе возлюбящему что-нибудь на земле больше бога! Страшно накажется он. И, живя такою жизнью, разве можно ясными очами видеть то, что происходит вокруг, разве можно видеть действитель-

ность в настоящем виде? Закрыты очи такого человека, и он пугается действительности и бежит от настоящей минуты; всё в непонятной путанице представляется глазам его, и он старается только, как бы позабыть всё и куда-нибудь убежать от такого страшного бестолковья, и уже не старается ни о чем более, как только развлечь чем-нибудь тоску, наведенную сим бестолковьем, бежать куда-нибудь от тоски, не думая о причинах этой тоски, не разбирая, откуда произошла она, полагая, что она просто от недостатка удовольствий и развлечений, что в другом месте ее нет, позабыв, что тоска живет не в каком-либо месте, городе, деревне или ином углу земли, а живет в нашем собственном сердце, что от нее не убежишь, что она постигнет среди столичных развлечений, балов и всего, что выдумало многолюдство и мода и что можно не знать ее, живя в Камчатке. Увы, кто гонится за весельем, тот прежде всех поймает тоску. Веселье не дается нам даром, оно дается нам в награду, оно входит к нам в душу только тогда, когда довольна собою душа, когда слышит она сама, что сделала благое и полез-

ное — веселье в труде. Не в том труде, который предпринимаешь для развлечения, но в том труде, в котором убежден, что он полезен и благодетелен, трудясь над которым, чувствуем, что трудимся для благополучия других, в том труде, когда вовсе не думаем: я бы трудился, если бы был там-то, если б для меня было сделано прежде вот то-то, если б я была в таком-то положении. Нет, когда, напротив, всегда готов на дело, среди каких бы обстоятельств ни поставил тебя бог, который не оставит нас без цели нигде и ждет только, чтоб мы догадались и обсмотрели всё ясными очами. Нет, когда принимаемся за этот труд не иначе, как за богоугодное и высокохристианское дело, такой только труд святится и может дать веселье душе. После него всякая минута веселья кажется нам веселее вдвое, пляшет дух от веселья, светлеют очи, смеются веселые мысли, хорошеет и молодеет и лицом человек. Это тот разумный и покойный труд, который происходит только после глубокого обдумывания, когда принимаешься за дело не с жаром и опрометчивостью, которые скоро простывают, но взглядевшись в него при-

стально, обсмотревши его со всех сторон, узнавши совершенно весь ход дела, наблюдая сначала долго над другими, когда, зная, как делает один, еще недоволен тем и стремишься узнать, как в таких обстоятельствах делает другой, и отчего у одного лучше, нежели у другого; и когда, узнавши всё, сравнивши, какие могут быть неудачи и потери, еще не принимаешься за дело, еще обсмотришь его, и хоть покажется, что уж совсем понял дело, хоть даже сильное почувствуешь желание приняться за работу, всё еще умеряешь себя, поверяя, не отыщется ли еще чего-нибудь заметить. И когда потом во время самого совершения труда совершаешь его покойно, размеренно, отдыхаешь не тогда, когда совершенно выбился из сил, но тогда, когда чувствуешь, что еще бы хотелось заняться, дабы потом с нетерпением ожидать часа и минуты приняться за него вновь в урочное время. Такой только труд может быть вполне мудр и выгоден и может обогатить нас духовно и вещественно, ибо всё, что ни есть вокруг нас, всё создано для нашего обогащения; нет предмета, из которого нельзя бы было из-

влечь выгод, которые не дали бы потом процент на процент, нет малейшей статьи, которая бы не дала пользу, ибо ничто не создано богом без пользы. Но оступела голова наша, лишенная упражнения, омертвел ум наш, объятый дремотами лени и бездействия, лишился остроты и тонкости взгляд наш, ослепли очи и потеряли ясновидение, и в отдаленном, в безрассудном, стали мы искать теперь того, что должны были находить в близком и разумном. Только один, позабытый нами полезный труд есть родник душевного веселья, твердого стояния в мире, непоколебимого покоя душевного, ясного воззрения на мир, светлого стремления к богу. Много сокрыто в нем ныне нам неведомых наслаждений и высоких явлений, в нем ближе и доступнее к нам бог и по мере разумного стремления нашего соделывает нам ежеминутно легче и легче сей труд и потом весь его превращает нам в радость. Не с тем говорю я им всё это, чтобы каждой из них указать и назначить труд ее и определить, в чем должны заключаться ее занятия и долг ее. Не в виде также совета я говорю им всё это. Я не имею на это права и не

мое дело советовать. Для того, чтобы советовать другому, надо слишком хорошо узнать этого другого. Но это трудно, ибо для того, чтоб узнать другого, нужно прежде узнать хорошо себя, а для того, чтоб узнать себя, потребно столько времени, что некогда узнать другого, а тем более судить его и предписывать ему законы. Нет, я говорю им это для того, чтобы каждую привести в состояние дать самой себе совет, подумать самой о себе, осудить самое себя. Поговоримте лучше теперь о хозяйственных делах, тем более, что все ваши затруднительные обстоятельства проистекают отсюда. Хозяйственные дела у нас в России стали плоше прежнего, во-первых оттого, что половина помещиков не занимаются вовсе своим хозяйством, а во-вторых оттого, что половина из занимающихся, не будучи рождёны быть хозяинами, вообразили себе, что они хорошие хозяины и распоряжаются очень хорошо, а что неудачи и дурное состояние дел происходит так, само собою, больше от судьбы и божьего попущения, точно как будто грех какой сознаться, что я не рожден быть хозяином, как будто бы это

моя вина, что у меня нет этой способности. Неспособность может быть от разных причин, от нас вовсе не зависящих. Тому, например, препятствует самый характер его и темперамент, другому несчастья, потери, душевные огорчения, приведшие в вечное тревожное состояние дух его. А кто слишком тревожится от всяких случаев, кто совершенно весь растеряется в минуту неудачи и не знает, что ему делать, у кого кружится голова от всяких затруднительных случаев, тому не быть хорошим хозяином. Хозяйство, как и всё прочее в жизни, требует ясного, спокойного взгляда, совершенного хладнокровия во всем. Тот только хозяин, кого не в силах смутить ни удача, ни неудача, кто ровен всегда, везде и во всем. А кто не имеет этих качеств и не старается никогда приобрести их, тому не быть хорошим хозяином, ему не отыскать даже никогда хорошего управителя, ибо у хорошего хозяина посредственный управитель делается хорошим, а у нехозяина хороший управитель делается дурным и плутом. Такому хозяину прежде всего следовало бы сознать свой характер и силы, а потом уже по-

ступать, сообразуясь с своим характером и силами, и тогда бы бог открыл ему, как нужно поступать. Но не видящему самого себя и не желающему сознать в чем-либо свое неведение и незнание не дает бог ясных очей и средств извернуться. Сколько, например, есть таких хозяев, которые всегда надеются на чудо божие, у которых за месяц до уплаты в казну податей или в ломбард процентов нет еще ни одной копейки в кассе. Такие хозяева, если уже сами они знают, что у них теряется голова в приискании средств, хотя бы прибегнули просто к самому неголоволомному средству, откладывали бы просто, со всякой получаемой гривны по грошу в ящик, с тем, чтобы не брать оттуда ни в каком случае, хотя бы в долг на один день только понадобилось взять. Тогда бы в продолжение года могла бы накопиться хотя половина, хотя часть потребной суммы.

Иные хозяева думают также, что всё дело в том, чтоб ограничить себя во всем и не издерживать ни на что, как только разве на самое нужное, и дивятся потом, когда видят, что и

при этом состоянье их ничуть не поправляется. И не мудрено: конечно, знать, что нужно и что не нужно, может отчасти всякий, но знать, во сколько крат одно нужней другого, может только один глубоко мудрый; уметь предпочесть важнейшее не столь важному это такая высокая мудрость, какою редкий на земле может похвалиться. Такие хозяева, хотя бы при всяком предприятии, издержке, постройке, покупке делали такую посылку: это предприятие, издержка, постройка, покупка нужны в хозяйстве, и польза от них вот какая, а если я не сделаю их, как велика будет утрата и упущение? Что будет от того? пропадет ли решительно чрез то хозяйство или имение, пойду ли я чрез то по́-миру? Нет? А если нет, то сделаю я теперь другую посылку: ну, а если я не уплачу в конце года податей или не заплачу процентов, что будет тогда? Тогда пропадет всё хозяйство, отнимут у меня всё имение, и я пойду по́-миру. А когда так, лучше я не сделаю этого предприятия, издержки, постройки, покупки, а если и сделаю, так не на все деньги, а отложу от них часть, нужды нет, что год еще только в начале, бог

ведь, что будет впереди, лучше же я тогда сделаю прочее, когда обеспечу себя прежде в важнейшем. Но даже и эту простою посылкой не руководствуются такие хозяева, и к концу года или времени платежа у них вечно нет копейки в кассе. А между тем твердо уверены, что они издерживают только на то, что необходимо нужно, а ненужного ничего не делают, а что нет денег и случается беда, так это поущение божие, это уж судьба такая. Так горд всегда человек и никогда ни в чем не хочет сознать вины своей и в смешной гордости своей вечно уверен, что он прав и разумен и ни в чем не может ошибиться. Не думайте, чтоб я это метил на ваш счет, нет, это можно отнести на счет всех нас, и горе тому, кто ничего не хочет принимать на свой счет. Всякий, кому бы ни случилось читать письмо это, должен всё, что ни есть в нем, принять прямо на свой счет, взглянуть на себя, а не на другого, обвинять себя, а не другого. Когда я писал это письмо, я молился богу, чтоб оно было благодетельно всякому, кому бы ни попало в руки, хотя бы вовсе постороннему человеку. И не моему глупому разуму будет

обязан получивший благодетельное впечатление, но милости бога, направившего на благое мой разум и давшего ему силы прозреть на то, чего бы я никогда не мог проразуметь без его святой воли. О хозяйственных делах я заговорил еще потому, что это становится теперь у нас слишком важным и серьезным предметом. Многие владельцы начинают уже смекать, что расстроенные состояния их имений происходят не от каких-либо внешних и посторонних влияний и обстоятельств, а от их собственной вины. Много самых блестящих светских дам оставляют ныне столицы и переезжают в деревни, смекнув, что есть обязанности в несколько раз выше тех, каких требуют от них гостиные и частная жизнь, обязанности, которые они неразумно пренебрегли, почтя их за низкие и ничтожные.

Но в одном пороке я должен сделать вам упрек, и упрек равно всем вам. Этот порок есть малодушие и уныние, которому вы все легко предаетесь. Что, в самом деле, вы вообразили себе? Разве жизнь наша рай и должна

быть как ровная гладкая дорога, без всяких приключений, для одних только удовольствий да для наслаждений? Так зачем же тогда будущая жизнь нам? Где же вы живете, позвольте вас спросить? Или вы позабыли, что вы живете на земле? Что всякую минуту не только может, но даже должно случиться то, что вы называете несчастьем. Мудрый, по крайней мере, помнит это и ставит себе впереди, при всяком начинании всякого дела, и потому не предаётся ни излишней радости при виде того, что человек часто легкомысленно называет счастьем, ни горести при виде того, что человек так же легкомысленно называет несчастьем, но умными глазами осмотрит всякое приключение со всех сторон, прежде всего вопросив себя, не обманула ли его наружность и первое впечатление. А у вас ничего этого нет; вы все предаетесь первому впечатлению; обрадуетесь тому, чему не следует радоваться, опечалитесь тем, от чего не следует печалиться, не размыслив торопитесь ухватиться за дело, не размыслив бросаете его при первой неудаче. Не говоря о прочем, сколько в письмах ваших есть слов, выраже-

ний и мыслей, брошенных без всякого размышления, которым вы сами иногда противоречите на другой же странице. А сколько может случиться в таком же роде распоряжений и в делах хозяйственных! Не замечая о прочем, вы говорите, например, тут же в письме вашем, что восхищаетесь прекрасным временем, и что у вас нет вовсе зимы, и что вы спешите сеять в надежде будущих урожаев. А я, признаюсь, ничего тут не вижу хорошего: зима была тепла — верный знак, что после начнутся холода и морозы и могут легко вымерзнуть посевы, а если не случится этого, то будет дождливое лето, которое не даст дозреть хлебу и убрать его, а не будет дождей, будет засуха, потому что земля, не имев снега во время зимы, не напиталась и не запаслась достаточною влажностью. Конечно, дай бог, чтобы этого всего не случилось. Но мудрый, однако же, должен всё это вообразить вперед и, прежде чем торопиться бросать семена в землю, подумать заблаговременно о мерах против голода, который, может быть, уже висит на носу.

Вы пишете, что пронесся слух, что я буду скоро в Малороссии, но что вы не хотите предаваться заблаговременно радости. Последнее благоразумно: радости тут нет никакой, тем более, что я не имею никакого намерения. Я вам сказал при выезде из Москвы, что раньше пяти или, по крайней мере, четырех лет я не думаю возвратиться, но что всё зависит от воли божией: богу угодно — время отсутствия моего сократится, богу угодно — оно может продлиться на целые десять лет. И вам я советую лучше всего молиться не о том, чтобы было всё так, как хочется нам, а о том, чтобы было всё так, как угодно его святой воле. Мы в неведении своем часто сами не знаем, чего просим. Что же до меня, то мне тогда только будет радостна встреча со всеми близкими душе моей, когда они будут счастливы, а счастье наше от нас самих, от исполнения наших обязанностей и от умения возлюбить бога больше всякой светской дряни, к которой мы так охотно привязываемся. Сим одним только приводится душа наша в непоколебимое ничем стояние, и сего счастья желая вам всем, сим завершаю письмо мое. Благода-

рю бога, внушившего мне его, поблагодарите и вы также бога за то, что он дозволил излиться некоторым словам письма вашего, которые, кажется, как будто необдуманно и без большой цели вы бросили на бумагу, но которые однако же заставили меня с молитвой обратиться к нему для внушения мне разумного ответа. Не пренебрегайте сим письмом, прочтите его несколько раз со вниманием все. Может быть, я уже долго не буду писать к вам, но поверьте, что на многие душевные вопросы, которые у вас возродятся, вы уже найдете ответ в письме этом. Не пренебрегайте им, я с молитвой писал его! В минуту тоски или печали пусть каждая обратится к письму моему и прочтет его. Во всех трудных обстоятельствах жизни, хотя бы даже показалось кому, что в письме этом говорится о другом и что заключающееся в нем ничуть не относится к тем случаям, всё равно пусть прочтет его, она получит в нем облегчение себе, попросит бога, чтобы он уяснил ее очи и вразумил усмотреть то, что в письме этом применено прямо к ее обстоятельствам. Пусть даже каждая спишет с него копию, а подлинник пусть

останется у вас. Прочитавши один раз письмо это, пусть не думает никто, что он уже понял смысл его совершенно. Нет, пусть дождется более душевной минуты, прочтет и перечтет его. Всего лучше пусть каждая прочтет его во время говенья, за несколько часов перед исповедью, когда уясняются лучше наши очи. И тогда уже, отбросив всякий призрак человеческой гордости, всё, что ни содержится в письме этом, устремит прямо к себе и рассмотрит себя строго противу всякого пункта и слова письма сего. Будут услышаны богом тогда все движения души ее и ниспошлются ей разум и силы вести прекрасно жизнь свою, о чем молю всегда бога. Прощайте! Да хранит он вас от всего злого. Христос с вами!

О. С. АКСАКОВОЙ

<Апрель н. ст. 1843. Рим.>

Благодарю вас, Ольга Семеновна, за поздравление с днем рождения моего. Посылаю вам душевный поклон мой. Вы говорите, что для вас необходимо письмо мое, которое бы в минуту грусти и тревожного состояния души вознесло дух ваш превыше всего окружающего. Но какое письмо в силах это сделать? Глядите просто на мир: он весь полон божиих благодатей, в каждом событии сокрыты для нас благодати, неисчислимыми благодатями кипят все несчастья, нам ниспосылаемые, и день, и час, и минута нашей жизни ознаменованы благодатями бесконечной любви. Чего ж вам более для возвышения духа? Будьте просто светлы душой, не мудрствуя. И если это вам покажется трудно и невозможно подчас, — всё равно, старайтесь только стремиться к светлости душевной — и она придет к вам. Стремясь к светлости, вы стремитесь к богу, а бог помогает к себе стремиться. Старайтесь просто, без всякого напряжения ду-

шевного, быть светлу, как светло дитя в день светлого воскресения, и вы много, много выиграте и незаметно вознесетесь выше всего окружающего. Если же вы все-таки убеждены в той мысли, что вам нужно письмо мое, то напишите Лизе, чтобы она прислала вам копию с того длинного письма, которое я посылаю к ним в одно время с вашим. [вместе с ва<шим>] Ей нечего секретничать с вами, и она должна прислать добросовестную копию, не выпуская ни одного слова. Хотя в письме этом заключаются обстоятельства, собственно к ним относящиеся, но я молился в то время, когда писал его, и просил бога, чтобы для всякого, кому бы ни случилось читать его, было оно благодетельно, а потому, может быть, вы отыщете в нем что-нибудь собственно для себя. Вы пишете, что не смущают вас никакие толки и речи обо мне и что вы верите душе моей. Конечно, последнее благоразумно. Благоразумнее верить тому, что происходит из души, чем тому, что происходит нивесть из какого угла и баламутицы. Веря в душу человека, вы верите в главное, а веря в пустяки, вы все-таки верите в пустяки и никогда не

узнаете человека. Прощайте! Помните всё это и будьте светлы душой. Душевно обнимаю вас и всё ваше семейство.

Передайте два при сем следующие письма по принадлежности.

На обороте: Ольге Семеновне.

**НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
<Октябрь 1837—апрель
1843.>**

Визит отдадите в Риме № 126, Via Felice.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Флоренция. Мая 5-го <н. ст.
1843>

За два дни до отъезда моего из Рима получил я ваше письмо, которое принесло мне двойное удовольствие: во-первых, оно начинается давно знакомым мне: любезный Гоголек (последнее письмо пред сим неизвестно почему вздумало начаться словами Николай Васильевич, в чем, конечно, нет ничего дурного, но прежнее, бог ведает почему, нам всегда лучше нового), во-вторых: в письме вашем оказывается совершенная возможность будущего нашего прожития вместе в Дюссельдорфе. Смutilo меня несколько известие ваше о недугах много любимой мною и уважаемой супруги вашей, которую я, верно бы, любил и тогда, если бы не видал ее, как прекрасно пополнившую прекрасную жизнь вашу, но Алек<сандра> Осиповна, которую я вы-проводил в Неаполь на другой день после получения письма вашего, меня совершенно успокоила на это<т> счет, сказавши, что это

обыкновенная слабость после родов, что она сама страдала ею один раз и ездила на воды, но что это, впрочем, прошло само собою. Она просила даже сказать вам, что если придется вам ехать на воды, то чтобы по крайней мере отнюдь не в Пирмонт, куда иногда имеют обыкновение посылать доктора в подобных случаях, но которые воды всегда больше расстроивают, чем укрепляют, потому что слишком сильны. Вы уж, верно, получили от нее письмо, которое она вам давно писала в Дюссельдорф, извещая о своем намерении быть у вас около 20 июня. Что касается до моего прибытия, то я думаю даже быть в последних числах мая у вас, если не первого июня. Но во всяком случае вы никак не должны с этим сообразоваться, относительно вашего выезда. Напишите мне только письмо во Франкфурт в *Poste restante*, чтобы я сейчас по приезде туда мог уже найти его. Мне всё равно, я приеду к вам, где бы вы ни были. Впрочем, я думаю, если и пошлют вас куда-нибудь на воды, то, верно, это будет в окружностях Франкфурта. О помещении моем не хлопчите. Я найду и сам средства, как приклеиться к вам побли-

же. Благодарю вас еще за третье удовольствие, которое принесло мне письмо ваше, именно за два слова о М<ертвых> д<ушах> и за обещание поговорить при свидании об этом предмете подробно. Судя по всему, дело кажется не обойдется без ругани. Это я люблю, тем более, что я не почитаю вовсе дело конченным, если вещь [если де<ло>] напечатана, а как, отчего и почему — об этом мы поговорим с вами и вы в этом согласитесь со мною. Обещанием похерить многое вы меня сильно разлакомили. Я и прежде любил, когда меня побранивали, а теперь просто всякое слово упрека в грехе для меня червонец. Но, в ожидании сего и предварительного сему письма во Франкфурт, обнимаю вас несколько раз сильно, хотя заочно, и передаю душевный поклон мой вашей супруге.

Ваш Гоголь.

На обороте: à Son Excellence Monsieur le général Joukowsky.

à Dusseldorf. (en Prussie Rhenane), in

Germania

А. А. ИВАНОВУ

Гастейн. 17 мая <н. ст. 1843>

Относительно вызова вас для заказов в Петербург вы должны поступить, как и во всяком другом деле, по порядку и идти тем же путем, каким и к вам идет дело. Зачем же вам бросаться вкось? И притом тут нет ничего такого, от чего бы нужно приходить в отчаяние. Кривцов вам объявил об этом, — вы Кривцова и просите отвечать Волконскому или кому иному, от кого прислано извещение. Вам даже и выдумывать и хитрить никак не нужно. Вы просто попросите Кривцова сказать такими словами, что желание государя императора объявлено означенным художникам, что Завьялов и Шамшин будут немедленно, а Иванов тоже не замедлит явиться, как только получит облегчение в глазной болезни, которую он теперь страждет и для которой должен выдержать строгое и продолжительное лечение. Понимаете ли вы это? На первый раз нужно дать ответ и больше ничего. А там вы сами знаете, может быть, о вас и позабу-

дут вовсе. А не позабудут и вспомнят? Тогда [Может быть, тогда] уже можно и предпринять то, что предпринимаете вы теперь, то есть просить постороннего участия и хлопот. А теперь вы понапрасно только взбудораживаете Жуковского и Перовского, и может [может быть] случиться только что-нибудь сбоку-припеку, как помните вроде того, что Баранова извинила вас перед великой княгиней и напомнила ей таким образом, что Иванов существует на свете и ничего не сделал для нее в альбом. Притом вы знаете сами, что тут имеются другие дороги, если бы случилось что-нибудь вроде требования собственно вас, одно какое-нибудь слово, при случае, Тона или другого какого архитектора, которые уже гораздо лучше знают, что делать, тем более, что и предложение это сделано от кого-нибудь из них, а вовсе не от государя. А у Жуковского пойдет голова кругом. К этим людям уже нужно тогда обратиться, когда вы сами обдумали дело и можете указать им, как и кого нужно просить. А у вас есть тот грех, что вы никогда не обдумаете дела, да и не можете обдумать, потому что для этого нужно быть

в хладнокровном расположении духа. А вы взволнованы: это видно из письма вашего. В один и тот же день вы уже успели к трем написать письма, и письма беспокойные. [Далее начато: Стало быть] Вы будете отговариваться вашим характером, который живо принимает к сердцу всякое дело и способен волноваться. Но в таком случае вы должны сообразоваться [сообразоваться по крайней <мере>] с вашим характером, то есть не предпринимать ничего по истечении по крайней мере двух дней после всякого полученного известия. Будьте уверены, что на первый раз очень достаточно опереться [опереться нужно] на глазную болезнь. Нужно просто, чтобы в Петербурге знали, что вы больны глазами. Зная о вашей глазной болезни, будут и впоследствии к вам снисходительны. А после, если придет какой-нибудь вновь запрос, извинений мало ли каких можно набрать, тоже не задавая даже труда себе выдумывать. [труда думать?>] Одного этого достаточно, если дадут знать, что Иванов работает медленно и, по причине частых глазных болезней, принужден оставлять беспрерывно работу, стало

быть, к срочной работе не может быть употреблен. Еще мой совет тоже списаться вам в Петербурге немедленно с батюшкой вашим и узнать подробно, от кого зависит всё, что относится к Исакиевскому [Переправлено из Исакову] собору, какие тут люди, художники и чиновники в ходу и распоряжаются. Когда всё это будет вам известно, тогда, поверьте мне, вы сами смекнете как следует всё и увидите, что это дело еще меньшей важности, чем все прочие, которые вас доселе устрашали. А самое главное, советую вам не думать просто и махнуть рукой на всё хотя в продолжение вашего лечения, что необходимо для его полного успеха. А там подумаем обо всем, утро вечера мудренее. Если бы дело и точно приключилось вам какое-нибудь казусное, то есть в двадцать раз казуснее этого, то все-таки вы должны понимать, что нет вещи, которой бы нельзя поправить. Будьте только хотя в половину так умны в жизни, как умны вы в производстве вашей картины. Затем обнимаю вас от всей души, хотя и мысленно, и желаю скорейшего поправления после вашего декокта.

Скажите Шаповалову навеститься на почту, и если есть какие для меня письма в римской Poste restante, то перешлите мне в Дюссельдорф. К Моллеру я написал в Дрезден, назначая ему увидеться со мною в Мюнхене, если ему нет возможности быть в Дюссельдорфе.

На обороте: al Signor

Signor Alessandro Ivanoff.

Roma. Piazza Ss. Apostoli. Palazzo Sauretti № 49, per la scala di Monsignor Severoli al terzo piano del S-r Luigi Gaudenzi. Rome en Italie.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Гастейн, мая 17 <н. ст. 1843>

Письмо твое получил я перед самым отъездом из Рима. Благодарю за всё: за журьбу, за дружбу, словом, за всё. За неделю перед твоим письмом получил я от Прокоповича еще тысячу рублей. Стало быть, теперь я уже получил за первый год 5000 рубл<ей>, остается получить без малого тысячу. Начало я считаю с 1-го октября прошлого года, то есть с того дня, к которому я назначил еще в прошлом году первую высылку. Отныне сроки будут к 1-му октября и 1 маю нового стиля каждого года. О делах моих в настоящем виде и о проделках с типографией я узнал только из последнего письма Прокоповича. Он до этих пор скрывал, не хотя меня как видно огорчить и стараясь разделаться сам. Он пишет, что давно бы заплатил свои деньги, но его таскали по судам и не выдавали долго банковых билетов, доставшихся ему по смерти брата. Я писал ему высылать экземпляры по первому твоему требованию, в каком количестве бу-

дет вами за благо определено. Все совершенно переводить экземпляры в Москву мне кажется лишним, потому что потом нужно будет вновь их пересылать петербургским книгопродавцам, что введет в издержки. Если только все экземпляры сполна получены из типографии и находятся в руках Прокоповича, то они уже безопасны. За два месяца до срока, в который мне нужно высылать деньги, Прокопович даст тебе отчет в продаже и о том, сколько у него накопилось в наличности денег, дабы видеть, из московских ли доходов или прямо из Петербурга произвести мне высылку. Впрочем, [Впрочем, как] если окажется необходимым все экземпляры перевести в Москву, то всё это будет сделано Прокоповичем: он весь в вашем распоряжении. Ему назначено только от меня уплатить старый долг Жуковскому четыре тысячи и новый Данилевскому три тысячи, которые он так великодушно предложил моей матери, хотя они у него, может быть, последние. По уплате их, остальные деньги поступают к вам в ваше распоряжение. Я остановился на несколько дней в Гастейне отдохнуть от дороги и пого-

стить у Языкова. После этого отправлюсь в Дюссельдорф, где пробуду, может быть, долго. Во всяком случае письма [все письма] адресуйте в Дюссельдорф, хотя бы меня там и не было, на имя Жуковского. Теперь к тебе частная просьба, исполнением которой ты меня много обяжешь. Прежде всего пришли мне статью твою о воспитании, она, верно, напечатана отдельно, мне нужно ее иметь всегда при себе, а я прочел всего раз в журнале. Потом пришли мне твою новую статью Перечень русск<ой> словесности за прошлый год, напечатанную в Москвитяnine, и будь так добр: вели всякую статью свою тиснуть на особом листике, какая ни явится где-либо, в Москвитяnine или в Министерском журнале, клянусь, это мне очень нужно, верь этому слову и исполни мою просьбу. Переслать теперь очень удобно: началась весна, из Москвы выезжает, вероятно, много за границу. Вероятно, [Было начато: Невероятно] на Рейне побывает всякий, стало быть, немного труда стоит заехать [и заехать] в Дюссельдорф и передать всё это Жуковскому. Языков ничего не написал в Риме, но состоянием его здоровья я

доволен, а главное, что лучше всего, в душе его, кажется, готовится перелом и, вероятно, скоро другие звуки издаст его лира. Посылаю из старых его стихов, которые, кажется, нигде не были напечатаны, по крайней мере он уверяет, что никому не давал их.

Прощай! Обнимаю вас всех.

Твой Гоголь.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору имп. Москов<ского> университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном переулке, в собств<енном> доме.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ

Гастейн, 18 мая <н. ст. 1843>

Все ваши письма были получаемы мною в исправности, почтенный друг мой Надежда Николаевна. Но теперь на несколько времени мы должны прекратить переписку. Во-первых потому, что у меня начинается в продолжение лета разъездная жизнь, и я не могу еще сказать наверно, где доведется мне провести какое время, а во-вторых потому, что скоро приближается время, когда я засяду крепко за работу. А в это время я ни к кому не пишу. И потому не дивитесь, если получите от меня иногда одну только строчку в продолжение каких-нибудь шести месяцев. Да и что в словах, когда мы уже знаем друг друга и помолимся друг о друге во всякую душевную минуту. Прощайте! Христос с вами! Когда вам придет слишком сильное желание написать мне, то передайте письмо ваше Ольге Семеновне. Оно будет переслано мне, хотя, может быть, не так скоро. Душевно обнимаю вас.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

С. Т. АКСАКОВУ

Гастейн, мая 24 <н. ст. 1843>

Ваше письмо и деньги, бесценный друг мой. Я получил исправно и скоро и медлил ответом, выжидая писем от Шевырева и Погодина. Наконец, спустя две недели после вашего письма, получил я письмо от Шевырева, от имени вас всех. В нем видна прекрасная душа писавшего, хотя заключается, впрочем, и журьба и что-то вроде не совсем отчетливого нагоняя, который, может быть, и справедлив со стороны вашей, или лучше — со стороны Погодина, от которого, я думаю, проистек он. Но всё же таки следует подумать и то: «Однако ж мне неизвестна еще его сторона, и странно бы мне по моей натуре судить о натуре другого, когда эта натура так несходна с моею». Но оставим всё это. Смерть не люблю изъяснений. Всё это неразумная трата слов и больше ничего. Лицо я гласное, стало быть, и всё, что бы я ни сделал, будет гласно всем. Дурное если есть у меня, то уж его никак не спрячешь: шила в мешке не утаишь; оно где-

нибудь да выткнется непременно. Оправдываться значит не доверять времени, которое уяснит всё.

Вслед за вашими деньгами я получил еще от Прокоповича 1000; стало быть, за первый год мне следует получить одну тысячу. Обо всем этом я уведомил уже Шевырева. Прокоповичу я написал выслать немедленно тысячу экземпляров и в продаже находящихся у него давать отчет в Москву всякий раз за два месяца до срочной высылки мне денег, дабы видеть по накопившейся сумме, откуда произвести мне высылку, из Петербурга или из Москвы. Прокопович находится вместе с экземплярами в полном распоряжении вашем, так что если бы потребовалось и все экземпляры выслать, то он их вышлет; но в этом я не вижу надобности: после вновь их нужно присылать в Петербург для тамошних книгопродавцев. К тому же экземпляры безопасны, если они только все находятся в руках Прокоповича, а не типографии, о проделках которой я узнал только теперь из письма Прокоповича. Он скрывал от меня, не желая меня

ничем возмутить и думая расплатиться банковыми билетами покойного своего брата, выдачею которых водили его несколько месяцев в присутственных местах. Но довольно толковать. Дела мои, как видите, все теперь в ваших руках. Обратимся собственно к нам самим.

Я заехал на несколько дней в Гастейн отдохнуть от дороги и отправляюсь в Дюссельдорф, где проведу часть зимы, а остальную в Голландии; а потому письма адресуйте все в Дюссельдорф. Хорошо бы было, если бы вы прислали что-нибудь из тех книг, которых я просил. Из Москвы, вероятно, отправляются не мало этот год за границу, а так как всякий положил себе за правило побывать на Рейне, то ему немного труда будет стоить завезти посылку в Дюссельдорф и отдать ее Жуковскому.

На Константина Сергеевича я решительно теперь сердит: он мне не пишет ни строчки. Но вот лучше к нему самому записка. А вас обнимаю всюю душою вместе с милым семей-

СТВОМ ВАШИМ И ЖДУ ОТ ВАС ЛЕТНИХ ИЗВЕСТИЙ О
ПОКУПКЕ ДАЧИ И О ПРОЧЕМ.

К. С. АКСАКОВУ

<24 мая н. ст. 1843. Гастейн.>

Что ж вы, Константин Сергеевич, мне ни слова? Я нахожусь в совершенном неведении теперь обо всех делах, которые делаются на свете. Не знаю, что делает Москва, ни о чем говорит она, ни что думает, ни о чем спорит, словом — не знаю вовсе, о чем идет теперь дело. Если вы несколько смутились письмом моим, которое когда-то было писано вам, то это письмо писано не в строку текущих дел; это письмо писано так, мимо; на него ответ вы мне дадите года через четыре, а известия текущие должны идти своим чередом; а потому вы уведомите меня обо всем, что делали и что слышали с самого того дня, как перестали ко мне писать. И что Николай Филиппович, и что Каролина Карловна, и что Ховрина, и что Самарин, и какие эффекты производите вы чтением, и что говорят вообще о чтениях Мих<аила> Семеновича. Всё это, вы знаете, мне интересно. Простите, что я вас не благодарил до сих пор за присылку ваших

статей о «М<ертвых> д<ушах>». И та и другая имеют свои достоинства (писанная, как мне кажется, должна принадлежать Самарину), но в печатной, не прогневайтесь — видно много непростительной юности, и написанная кажется перед нею написанною стариком, хотя в ней и нет тех двух-трех истинно поэтических мыслей, как в вашей.

Прощайте; обнимаю вас.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Мюнхен. Мая 28 <н. ст. 1843>

Твое письмо меня еще более удивило, чем вероятно, удивило мое тебя. Откуда и кто распускает всякие слухи обо мне? Говорил ли я когда-нибудь тебе, что буду сим летом в Петербург? или что буду печатать 2 том в этом году? и что значат твои слова: [слова твои, что я от] Не хочу тебя обижать подозрением до такой степени, что будто ты не приготовил 2-го тома М<ертвых> д<уш> к печати? Точно М<ертвые> д<уши> блин, который можно вдруг испечь. Загляни в жизнеописание сколько-нибудь знаменитого автора или даже хоть замечательного. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой он отдал всего себя, и сколько времени заняла? Всю жизнь, ни больше ни меньше. Где ж ты видел, чтобы произведший эпопею произвел сверх того пять-шесть других. Стыдно тебе быть таким ребенком и не знать этого! От меня менее всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь меня знает. Во-первых, уже потому,

что я терпеливее, склонен к строгому обдумыванию и притом еще во многом терплю всякие помешательства от всяких болезненных припадков. Мертвых душ не только не приготовлен 2-ой том к печати, но даже и не написан. И раньше двух лет (если только мои силы будут постоянно свежи в это время) не может выйти в свет. А что публика желает и требует 2-го тома, это не резон. Публика может быть умна и справедлива, когда имеет уже в руках что надобно рассудить и над чем поумничать. А в желаниях публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною минутною потребностью. Да и почему знает она, что такое будет во 2 томе? Может быть то, о чем даже ей не следует и знать и читать в теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2 тома. [Далее начато: а. Приведенные тобой причины скрывают б. Над о?] Тебе тоже следует подумать и то, что мои сочинения не должны играть роли журнальных статей и что ими не нужно торопиться всякую минуту, как только заметишь, что у публики есть аппетит. Они писаны долго, в обдумывании многих из них прошли

годы, а потому не угодно ли читателям моим тоже подумать о них на досуге и всмотреться пристальней. Умный резон: потому что в продолжение одного года я выдал вдруг слишком много, так подавай еще столько же. Чем же я виноват, что у публики глупа голова и что в глазах ее я то же самое, что Поль де Кок: Поль де Кок пишет по роману в год, так почему же и мне тоже не написать, ведь это тоже, мол, роман, а только для шутки названо поэмою. Твои причины о пользе выхода 2 тома для прежних и для расхода успешнейшего вообще моих сочинений справедливы совершенно, и всё это мне весьма знакомо. Но нужно предположить иногда и то, что я могу кое-что знать еще с моей стороны и что человек, который отошел от дел и стал в стороне, то же, что на якоре, и далее может оглянуть море, чем те, которые носятся среди его и заняты беспрестанной работой с кружащимися вокруг их всякими волнами. По моим соображениям сочинения мои должны были туго идти, и об этом я писал в Москву еще за месяц до выхода их в свет на их предположение о большем их успехе. Вследствие этих же моих

соображений я знаю тоже хорошо, что эти же сочинения мои пойдут быстрее и быстрота их расхода будет увеличиваться по мере как будет исчерпываться издание, хотя это совершенно в противность законам книжной торговли. Ты подумай между прочим и то, что ещё не заговори<ли> журналы о них сурьезно. Еще не успела о них явиться ни одна дельная статья. А вот на досуге, когда им нечего будет делать, они примутся за меня, и тогда только слух о них обойдет [и тогда слух о них обойдет только] всю Россию.

Представь себе еще то, что половина России уверена, что это больше ничего, как только собрание всех сочинений моих, уже напечатанных, и нового между ними нет или очень мало. О моих соображениях я уже не говорю. [Вот тебе еще соображение, которое, не говоря о тех, которые я имею, могло бы и тебе придти.] Это потребовало бы места и времени, да и страх скучно. А ты между прочим выручаемыми деньгами прежде всего удовлетвори себя так, чтобы я тебе ни копейки не был должен, а деньги свои приберегай. В

предприятие ни в какое не пускайся, но когда будет время, наблюдай лишь внимательно за ходом всего. Ты изумишься потом, сколько у нас есть путей для изворотливого ума обогатиться, принеся пользу и себе и другим. Но об этом после. А все-таки хорошо, что ты набрал опыту и в книжном деле. [Далее начато: По поводу моих сочин<ений>] Уведоми меня, сколько ты выслал <экземпляров> Шевыреву, и сколько их осталось у тебя, и все ли они налицо, и где хранятся. Шевыреву нужно будет [Далее начато: помня обещан<ие>] высылать по всякому востребованию столько экземпляров, сколько потребуют мои дела в Москве, уплата долгов и всяких <...>

Прощай. Будь здоров. Не забывай писать ко мне и адресуй в Дюссельдорф, Poste restante. С нетерпением жду Моллера с тем, чтобы получить от него экземпляр, который ты обещал прислать мне с ним.

На обороте: St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлеви-

чу Прокоповичу.

В Спбурге. На Васильевск<ом> острове, в 9
линии, между Большим и Сред<ним> про-
спектом, в собствен <ном> доме.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Мая 28 <н. ст. 1843. Мюнхен>

Пишу к тебе из Мюнхена, где засел на несколько дней. Погода премерзкая и потому, без всякого сомнения, таковая же [таковая же она] в Гастейне: около Зальцбурга уже я встретил целый хоровод туч, который весь отправился в Гастейн, зная, [знай-ка] где раки зимуют.

Я позабыл спросить у тебя перед выездом [Далее было: что между прочим очень хотел, именно] об одном пункте письма Иванова к тебе. Он, кажется, назначает именно место и воды, на которых будет кн. П<етр> М<ихайлович> Волконский. Пожалуста напиши мне об этом. Это обстоятельство довольно [буд<ет> довольно] нужное: может быть, нужно будет к нему написать Жуковскому. Во всяком случае ты посмотри это место в письме и напиши мне в Дюссельдорф. Да от скуки во время дождей перечти еще один раз Мер<твые> души. Во второй раз дело будет очевиднее и вся-

кие ошибки яснее. Мне это слишком нужно. В течение двух лет, т. е. прежде совершенного исправления всего, мне нужно увидеть все дыры и прорухи. Особенно мне нужны теперь вот какие замечания: какая глава сильнее, какая глава слабее другой, где, в каком месте возрастает более сила всего, где устает автор, вял или, если на последнее слово, по деликатности или недальнозоркости своей, ты не согласен, то где по крайней мере он уступает самому себе, оказавшемуся в других местах. Одним словом, всё то, что относится до всего каркаса машины. И об этом деле мы должны поговорить так, как о вовсе постороннем, не соединенном вовсе ни с какими личными отношениями, так, как бы автор М<ертвых> д<уш> был Ознобишин, заклавший козленка дикого. Это ты должен сделать тем более, что я имею намерение тоже напасть на тебя без всякой пощады и только уже не между двух глаз, а публично, ибо имею в виду [я имею намерение] сказать кое-что вообще о русских писателях. Здесь узнал я довольно печальную историю о Бакунине. [Далее начато: который] Сей философ наделал просто глупостей и ны-

нешнее его положение жалко. В Берлине он не ужился и выехал, куда не помню, как мне рассказывали, по причине, что не мог иметь никакого сурьезного влияния. Вздумал он, с какою целью бог ведает, для того ли, чтобы услужить новым философам Берлина и Шеллингу, написать в каком-то журнале статью на гегелистов, которых уничтожил вовсе и обличил в самом революционном направлении. Статья произвела негодование. Прусский король запретил журнал и донес о сем русскому правительству. Бакунин должен был скрыться и теперь, говорят, в Цюрихе, всеконечно, без всяких обеспечений в будущем. Всё это узнал я от Попова, московск<ого> кандидата, слушающего в Берлине лекции, приятеля Авдотьи Петровны и всех Елагиных, [В подлиннике: Элагиных] жившего у них почти в доме. Он же сказал мне, что старик Елагин [В подлиннике: Элагин] (Василий) находится теперь в Праге и, вероятно, заедет к тебе в Гастейн.

Вот всё, что набралось сказать тебе. Затем будь здоров. Да внушит бог гастейнским во-

дам благую идею подхорохорить тебя, как выражается Скобелев, и Штраунбиргу благую мысль давать лучшую телятину. О говядине нечего уж и говорить. Не забывай писать, и чем чаще, тем лучше. Встретил я еще на улице двух немцев Барышникова, медика и живописца, которые от радости, что меня встретили, сначала не нашли слов, хотя [хотя, сколько мне известно] знакомство наше основалось на двух *buon giorno*, сказанных весьма плохим итальянским языком. Немцы объявили, что полковник четыре дня проводит в Мюнхене и едет в Дрезден. Но прощай до письма, которое надеюсь от тебя получить в Дюссельдорфе.

На обороте: A Monsieur M. de Jazykoff.

Gasteinbad [Далее зачеркнуто: (Tirol)]

Н. М. ЯЗЫКОВУ
10 июня <н. ст.> 1843.
Суббота. Вистбаден

Пишу тебе из Вистбадена. Во Франкфурте встретил я Жуковского, который посвещел, словом — в здоровье самом надлежащем, жене его также лучше. При нем тоже две песни Одис<с>еи, которой я хоть и не видал еще, но, по всему судя, должны быть очень хороши, потому что он говорит сам, что старался упростить еще более экзаметр, чтобы и ребенок мог читать Гомера, да в пятистопных стихах еще две повести без рифм. Да виды есть еще на большое сочинение. Словом, Жуковский так себя ведет, как дай бог и нам всем, которые его гораздо помоложе. Он же мне сказал, что Коп получил от тебя письмо. Коп я, к сожалению, не видал и не мог ничего о тебе узнать. Он же мне сказал, что пришло в Дюссельдорф на имя твое письмо, которое он передал Копу для отправки тебе. Отсюда я еду в Эмс, куда Жуковскому назначено с женою пробыть три недели. И потому от-

вет на это письмо ты пиши мне в Эмс. А в Дюссельдорф я всё съезжу на дни два или на один с тем, чтобы только взять там на почте лежащие мне письма, в числе которых, вероятно, найду и твое. Мне прислали несколько выданных из журналов критик на М<ертвые> д<уши>. Замечательного, впрочем, немного; больше есть по части всяких. Лучшие критики большею частию из провинции. Одна из Екатеринослава замечательнее других, но послать в письме нельзя по причине величины, а вместо того посылаю тебе листки, следуемые почти непосредственно за разбором М<ертвых> д<уш>, о капустных кочерыжках. Предмет хотя и неважный, но однако ж все-таки показывает современное стремление русской литературы. Прощай. Обнимаю тебя. Жуковский поручил также тебя обнимать. Не пишут ли чего нового из Москвы? Я, кроме листков, не имею ни строки никаких известий.

Твой Гоголь.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

18 июня <н. ст. 1843. Эмс>

15 июня я ездил в Дюссельдорф с тем, чтобы взять там на почте письма, и в числе прочих взял твое, очень небольшое, с присокуплением другого, которое я весьма жалею, что ты не распечатал и не прочел. Это письмо [письмо из Дюс<сельдорфа>] было из Греффенберга от Россети. Вследствие его я [я и его <описка?>] благословляю тебя прямо без всяких рассуждений ехать в Греффенберг, хотя бы для того просто, чтобы увидеть Признца. Прямо против твоей болезни найдешь ты средства, как будто бы именно нарочно приготовленные. В письме Россети не столько самая вода изумила меня своими действиями изумительными, сколько гений исцеляющего [владеющего] ею, пред которым мы должны все поклониться, и это просто грех на душах наших, если мы этого не сделаем. Это значит — не благоговеть перед величеством Божиим, вселившим в человека такое откровение, на благо наше, в упрек нашей гордо-

сти, и в оплевание жалких хитростей ума нашего. Россети изумляется верности взгляда и находчивости противу всякого случая и внезапного, неожиданного даже припадка. Но что самое главное, что Призниц растет и усовершенствуется изумительно. Он уже не употребляет таких сильных, как прежде, средств, но весь следует за больным и за его натурой, и от того средства его теперь бесчисленны. Ванны, аппликации и приложения мокрых <компрессов> к разным частям, холодные души, беготня по горам в холодных облачениях и неподвижное сидение на месте с погружением именно одной только части, которой по его соображению следует. Словом, водою, говорит Россети, он владеет как мячиком. Он приехал в мерзейшее время, на горах снег, холод, дожди. Призницу всё это решительно ни почем. Он находит даже, что это еще лучше, осенью и зимой у него настоящее лечение. Россети сейчас же, еще не доезжая до Греффенберга, [Россети приех<ав>] получил лихорадку, которая била и трясла его немилосердно. Призниц сказал, что это ничего и что на другой день ее не будет, и лихорадка, точно,

прошла. Россети начали потом сажать <...> в воду на целые четверть часа, до того, что он уже не чувствовал своей <...> вовсе и считал ее отмороженной. После нескольких дней он заметил, что кровь начинает у него бросаться в голову и сказал об этом Призницу. Призниц велел приставить аппликаций к спине и еще к другому месту, и голове сделалось легко, свободно, как ни в чем не бывало. Двести человек больных, и все лечатся розно. Это уже не то, что простой человек. Тот бы просто всех посадил одинаким образом в ванну и сказал бы, подобно всем докторам при водах: Пейте, купайтесь, купайтесь и пейте. Нет, это просто что-то побольше того, что думают о Признице доктора, составившие о нем мнение теоретическое, не выходя из своей комнаты и основываясь на своем рассудке собственном, умней которого ничего не может быть по их же мнению. Когда больные, страдающие сильнейшими недугами и ходившие повесивши голову и нос, поднимают голову вверх при самом начале лечения и принимают бодрый вид, и едят с такой алчностью, как будто им три дня есть не давали, — в таком случае это

совсем не то, что думают многие.

Россети рассказывает, что привезли из Петербурга при его глазах одного русского, который не в состоянии был ходить и уже осужден был на смерть самим Арендтом, нашедшим [В подлиннике: нашедшего] в нем последнее развитие спинной сухотки. Призниц, посмотревши на него, сказал, что совершенно здоровым он не может его сделать, но что однако же ему будет значительно лучше, посадил его в ванну, и когда после ванн выступили у него на спине пузыри, Призниц сказал, что он может даже и совершенно выздороветь и что Арендт не совершенно справедливо определил его болезнь. Многие из прежних почитателей Призница недовольны на него за то, что он не употребляет так сильно потрясающих средств, как прежде, и не производит такой сильной испарины в больном, и что теперь больше времени требует лечение. Но как можно что-либо [что-либо о] говорить о том, который лучше нас знает, что хорошо и что лучше? и который всё на опыте и на соображении делает? Он почитает теперь,

что больному вовсе не нужно потеть больше двух раз в неделю. Это он должен лучше знать, чем мы, почему и вследствие каких причин... Но довольно. Теперь ты видишь сам, что если и теперь [если и после этого] ты будешь колебаться, то это уже не будет знак малодушия, а просто жалкого упрямства и жалкой человеческой гордости. Ты не должен даже останавливаться мыслью, хорошо ли после Гастейна сейчас приняться за холодные ванны. Об этом нужно спросить у Призница, это он может только знать. Да и что тут остается делать, если этот человек совсем не боится простуды и плюет на нее? Тут уж нечего нам умничать. [Далее начато: Если ж] Уведоми меня, сейчас же по получении сего письма, каким образом распорядишься и когда едешь. Если Призниц (который вовсе не хвастун и не любит обещать много), если он скажет, что тебе нужно непременно остаться в Греффенберге, тогда я приеду к тебе туда поглядеть, как ты лечишься, а может быть, полечусь и сам от своих недугов. Ибо я, если решусь верить доктору, то уж верно Призницу, а не кому другому, потому что никто дру-

гой, по крайней мере доселе, не показал столько результатов. Россети советует тебе отправиться вот как: из Ольмуца в Freiwaldau и остановиться там в трактире, и послать сей же час за ним, то есть за Россети, который еще три месяца проживет в Греффенберге, послать за Россети в Греффенберг (2 версты расстояния от Freiwaldau). Россети явится к тебе для того, чтобы предварительно поучить тебя, как взяться за Призница и какую речь с ним повести. Затем прощай, и бог тебя благословит. Россети не иначе тебе говорит, как до скорого свидания. А я хоть и попозже, а все-таки надеюсь увидеться, и почему знать, может быть, вновь проведем изрядный кусок времени вместе. Ответ пиши в Эмс.

На обороте: Gasteinbad (Tirol).

à Monsieur M. de Jazicoff.

Gastein en Tirol.

А. О. РОССЕТУ

1843. 18 июня <н. ст.> Эмс

Ваше милое письмо, Аркадий Осипович, достигло до меня довольно поздно. Оно из Гастейна отправилось искать меня в Дюссельдорф и пролежало там неделю; потому что я живу покаместь еще в Эмсе для компании Жуковскому, который здесь по причине лечения жены. Об Александре Осиповне, я думаю, уже вы имеете вести. [Далее начато: Я знаю только] Ее еще нет здесь, но, вероятно, она скоро будет. [Далее было: хотя] Из Рима меня уведомлял Иванов, что она заезжала из Неаполя вновь в Рим, будучи загнана бурей в одно время с Перовским. Вследствие письма вашего я написал сейчас же к Языкову и представил ему всю справедливость причин, понуждающих его ехать в Греффенберг. Сам я, может быть, тоже как-нибудь загляну. От вашего письма так несет свежительным холодом воды, что забирает охота подвергнуть и свои грешные части аппликациям и лентухам. По крайней мере, вы этим письмом исполни-

ли совершенно долг благовоспитанного и образованного человека: за учтивство заплатили с своей стороны равномерным учтивством. Вспомните: на воду первоначально я вас навел, теперь вы наводите меня на воду. Таким образом мы благородно вывели друг друга на чистую воду. Затем душевно вас обнимаю, благодарю за дружбу и желаю вам всяких успехов. Если захотите мне сейчас написать после этого письма, то адресуйте в Емс, если же после, то в Дюссельдорф.

Ваш и пр.

Гоголь.

На обороте: à Greffenberg (Silesie Autrichienne).

à Monsieur M-r de Rossetti.

Greffenberg près Freiwaldau.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

<20 июня н. ст. 1843. Эмс.>

Не стыдно ли тебе написать такое письмо ко мне? Чем я подал повод к нему? Рассмотрим все мои прежние письма и даже то самое, которое так поразило тебя. Где в нем то, на что намекаешь ты? Не стыдно ли иметь так детски пошлые, так недостойные тебя подозрения? Посылаю тебе нарочно этот кусок письма твоего с тем, чтобы перечел его внимательно. Как видеть всё в таком превратном смысле! И что значит это? Что значит это непростительно буквальное значение, которое ты вздумал дать словам моим, как будто с умыслом, как будто нарочно? И что тут такого оскорбительного в слове мы разошлись, как будто, разойдясь образом жизни, значит разойтись душою. И что значит это превратное толкование внутренней и внешней жизни, которых значение так ясно всем нам? Внутреннюю жизнь я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живет своими впечатлениями, когда не идет отведывать уже извест-

ной ему жизни, но когда сквозь всё видит одну пристань и берег — бога и во имя его стремится и спешит употребить в дело данный им же ему талант, а не зарыть его в землю, слыша, что не для своих удовольствий дана ему жизнь, что строже ее долг и что взыщется страшно с него, если он, углубясь во внутрь себя, и спросил себя и не узнал, какие в нем сокрыты стороны, полезные и нужные миру, и где его место, ибо нет ненужного звена в мире. А внешняя жизнь само собою есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечется без борьбы потоками жизни, когда нет внутри его центра, на который опершись, мог бы он пересилить и самые страдания и горе жизни. Внешнюю может вести и самый умнейший человек, если, блуждая вечно в лабиринтах ума, меняет поминутно во мненьях и системах и не стал на неподвижном якорю. Внешняя жизнь вне бога, внутренняя жизнь в боге. И к чему тут приплетены кошки и собаки, дело идет о разумных существах, а не о них. Или ты, может быть, смешал внешнюю жизнь с чувственной, В таком случае, если

бы ты даже и смешал их дотоле в своих понятиях, тебе бы следовало вдруг отделить их, вспомнивши, что я к тебе пишу, человеку слишком близкому душе моей и близкому уж, верно, не вследствие каких-нибудь чувственных сторон, иначе тогда и я сам бы был кошка и собака вместе. И посуди после этого сам, что ж я за дурак в самом деле, чтоб сказать тебе вдруг ни с того, ни с другого: ты ведешь чувственную жизнь. Ум у меня, слава богу, все-таки есть. И тебе никак нельзя оправдаться тем, что ты слово внешний смешал с словом животный и чувственный. У тебя также есть ум видеть, что неприлично же мне написать к тебе в таком смысле, если только хотя малейшая крупица ума есть в голове моей. Письмо твое писано в каком-то странном расположении духа, точно как будто тебя кто-нибудь перед тем рассердил; в строках его слышится какая-то личная обида, тебе представляется, что я указываю тебе расстояние и говорю: «Вон твое место, стой и не подходи ко мне ближе!» И всё из-за чего? Из того, что я в ответ на запрос твой, зачем не пишу к тебе никаких подробностей о препровождении

времени, странствиях, впечатлениях и просто о всяких мелочах жизни, сказал: «что я вовсе теперь не вижу и не замечаю этого и что уже давно живу весь внутреннею жизнью, а для того, чтобы рассказать эту жизнь, нужно целые томы, впрочем ты потом найдешь ее и узнаешь без того всю из моих сочинений». Да виноват ли я в том, что у меня точно нет теперь никаких впечатлений и что мне все равно, в Италии ли я, или в дрянном немецком городке, или хоть в Лапландии? Что ж делать? Я бы от души рад восхищаться свежим запахом весны, видом нового места, да если нет на это теперь у меня чутья. В том воля бога. Зато я живу весь в себе, в своих воспоминаниях, в своем народе и земле, которые носят неразлучно со мною и всё, что там ни есть и ни заключено, ближе и ближе становится ежеминутно душе моей. Зато взамен природы и всего вокруг меня мне ближе люди: те, которых я едва знал, стали близки душе моей, а что же те, которые и без того были близки душе моей? Но полноты сих внутренних моих впечатлений я не могу передать; для этого нужно прежде создать язык. Так же

как много есть таких ощущений, которые не могут быть поняты другими не от того, чтоб они не могли понять, но от того, что не умеем передать их. Где же ты нашел в письме моем желание показать вам, что я слишком возвысился над всеми вами? — Даже смешно мне, но еще более горько. Горько оттого, что я убеждаюсь с каждым днем, что я, точно, возвысился над всеми вами. Да, между нами великое расстояние, и оно в том, что я умею верить прекрасной душе человека, и если бы он сам, имеющий такую душу, стал поперечить себе словами и не только словами, но даже сделал бы поступок противоположный тем движениям, которые должны исходить из души его, я бы и тогда не поспешил вывести о нем заключение: прекрасная душа человека не может измениться; я бы прежде всего дал себе запрос: не ошибаюсь ли я. А вы? вам одного слова достаточно, чтобы изгладить из памяти вашей всю тридцатилетнюю жизнь, противоречащую во всем такому слову. Одному слову, которое изменяется, смотря по страстным очам того, который глядит на него. Одному слову вы больше поверите, чем

душе, чем всем давним отношениям, вопреки всякого здравого смысла, вопреки всякого малейшего познания человеческого сердца, ибо невозможно никаким образом, чтобы человек, который, по нашему собственному убеждению, сделался лучше, не сделался бы равно лучше во всем, что было в нем прежде. Горько...

Но рассмотрим лучше, как случилось, что мы разошлись с тобою. Мы шли вместе, обоим нам равно было ниспослано от бога чувство наслаждаться прекрасным. Мы оба в одно время вступили на ту дорогу, по которой идут все люди. По обеим сторонам этой дороги много прекрасных видов, и ты и я, оба умели мы наслаждаться ими и чувствовать красоту их, но небесной милостью дано мне было в удел слышать раньше, что всё это еще не в силах совершенно удовлетворить человека, что вид по сторонам еще не цель и что дорога непременно должна вести куда-то. Ты более был склонен верить, что дорога эта дана нам просто для прекрасной прогулки. Я любовался видами с дороги, но не хотел для них соб-

ственно сворачивать с большого пути, чувствуя, что ждущее нас впереди должно быть и лучше и неизменной, иначе не было бы такой широкой и прекрасной дороги, и что неразумно предаваться всей душой земному и тому, что может изменить нам и дается на срок. Ты не хотел насладиться видами только с дороги, ты хотел схватить жадно руками всякий вид, войти во внутрь заманившего тебя местоположения, своротил в окрестные извилистые дороги и, не думая что впереди, отдавался всей прелести настоящих минут. Обоих нас застали годы, когда человек уже не может тем увлекаться, чем увлекается юноша. И ты и я, мы охладели оба и почувствовали равно, что уже не удовлетворяют нас окрестные виды. Но тебя эти годы застали в окрестностях, меня всё на той же дороге. Ты очутился даже в неведении, в каком расстоянии находишься от этой дороги с непонятной пустотой в душе, с нежеланием идти вперед. Мое внутреннее зрение взамен того проясняется более и более: я вижу понемногу яснее то, что вдали, бодрей продолжаю путь свой, и радостнее становится взор мой по мере того, как

гляжу более вперед, и не променяю минут этой радости ни даже на юность, ни даже на свежесть первых впечатлений. Зачем же это негодование на мою внутреннюю жизнь? И что значит это почти отчаянное выражение: мы никогда уже не сойдемся? Не дай бог! Напротив, я уверен, что мы встретимся вновь, и встреча эта будет радостней всяких встреч юности. Я, напротив того, уверен, что не только встретятся со мною все те, которые, подобно тебе, наделены прекрасными дарами, но даже и все те, которые их имеют гораздо меньше. Все сойдемся мы на одной дороге. Дорога эта слишком положена в основу нашей жизни, слишком широка и заметна для того, чтобы не попасть на нее. В конце дороги этой бог; а бог есть весь истина; а истина тем и глубока, что она всем равно понятна, и мудрейшему и младенцу. Нет, я тебе повторяю вновь те же слова: ты и не начинал еще жить внутренней жизнью. Вкусивши ее, ты бы меня больше понял и не написал бы такого письма. Нет, ты не слышал еще значения тайного и страшного слова «Христос», слова, которое сопровождало нас от колыбели и которое глу-

хо звучало нам в сонные уши наши. Может быть, кое-что и слышит твой ум, но еще не слышит твое сердце; а ум наш дрянь и не в силах даже оценить и постигнуть подобного нам человека, и этой ли дрянью, этим ли глупым умишком проразуметь что-либо, не подлежащее уму? Но горд человек: он воображает, что всё может понять, и не может вынести даже и малейшего упрека в своем незнании и несовершенстве. Чтоб испытать, можешь ли ты вынести упрек и поблагодарить за него, я тебе делаю сей же час упрек в одном весьма важном твоем недостатке и пороке. Но нет, лучше не благодари, я тебе даю его не в подарок, а в долг; ты должен заплатить мне тем же, потому что у меня, верно, побольше твоего всяких пороков и недостатков, ибо у меня более всяких отношений со светом, мне предстоит больше всякого рода искушений и соблазнов (это ты можешь и сам чувствовать). Ты слишком скор на заключенья, позабывая, что заключенья должны являться вследствие соображения. Но соображений у тебя нет. Ты не дал навыка своему уму обхватывать весь предмет, но в ту ж минуту упрешься в одну

какую-нибудь его сторону. Ты всегда был слишком привязчив к словам и часто, вырвавши вдруг из середины слово, судишь о нем отдельно от всего. С этим вместе ты соединяешь в себе, что всего хуже, самую тонкую обидчивость и свойство оскорбляться сильно знаком какого-нибудь пренебрежения или какого-нибудь превосходства. Я это говорю не вследствие письма твоего ко мне, но припоминая многие случаи твоей жизни (память у меня довольно хороша). Ты точно ищешь во всяком слове человека умышленное желание унизить тебя. Это также род человеческой гордости. Я ее знаю, потому что сам очень недавно освободился от нее. В подобных случаях я поступаю теперь вот как: если я замечаю в словах говорящего со мною желание показать мне сильно наше расстояние и что он выше меня, я всегда думаю себе: ведь это больше ничего, как невинная детская гордость. Что за нетерпимость такая с моей стороны? Разве всякий человек не имеет своей слабости? Если я ему прощу в этом, он мне простит в другом и после того я продолжаю с ним разговор совершенно в том же

тоне, как начал, так что он невольно становится потом на одну доску со мною, а если я умней его, так он очутится потом и под мной. А иногда мне приходит в ум и то: да что за уверенность смешная в безошибочности моих заключений? Как будто я не могу ошибиться и принять за мое дело то, что только похоже на него. Разве не случается нам видеть насмешливые физиономии? Думаешь, что этот человек обсмеет всё, а как узнаешь его, увидишь просто, что он сам даже боится насмешки. В последнее время я поступаю в подобных случаях еще умнее и благодарю за это бога ежеминутно. Я говорю себе: да что же я за дрянь такая? Что за сокровище, чтобы меня даже никто и оскорбить не осмелился, и что за душонка у меня такая, что я не в силах даже перенести и подобного оскорбления? — и, клянусь, у меня после этого всегда рождается жажда, чтобы мне сию же минуту нанесли тысячу подобных оскорблений в наказание за низость души моей. Заметь это. Эти правила, которыми я руководствуюсь, очень могут пригодиться тебе. Но всё это я разумею в отношении к другим людям, мне ты можешь

обнажать до последних изгибов твою душу, в этом ты не будешь раскаиваться: я стою этой доверенности. Меня ты всегда можешь осыпать смело упреками, и справедливыми и несправедливыми, я за всё буду благодарен, мне всё идет впрок, и письмо твое оскорбило меня недостатком только веры в душу мою, и меня опечалила мысль, как мало да сих пор знают и понимают меня лучшие друзья мои.

Но от врачеваний душевных перейдем к телесным. Ни Кавказ, ни Карлсбад тебе не мог помочь, те и другие воды произведут только волнение, могут расстроить еще более, а помощь вдали только предположительная и во всяком случае на время. Мой совет ехать тебе просто в Греффенберг на холодное лечение к Призницу, ибо тебе нужно просто обновление жизни и сил. Небо осенило откровением ум этого человека, и я вижу ежеминутно, как пред ним мало знают лучшие из книжников докторов. Кроме того, что у него вода производит чудеса и лечит все решительно болезни, кроме грудных и чахоточных, он имеет такой быстрый взгляд, так знает натуру чело-

века и видит его недуг и так находчив в средствах, что, признаюсь, я бы никому в мире не доверил себя в случае тяжкой болезни, как только одному ему, без опасения и без всякого сомнения. Этот человек владеет водой, как Наполеон владел солдатами. Тысячи различных средств применения воды являются у него вдруг вследствие появляющихся припадков, и тут же в виду всех исцеление. Теперь пошли везде заводить холодные заведения; они приносят также большие пользы, но доктора в них трусишки, которые в случае, если делается хуже больному, уже теряются и не знают сами, что делать, и тем-то теперь сделалось очевидно всем, что Призниц просто гений, а не простой находчик, открывший что-нибудь случайно. Призниц не глядит ни на простуду, ни на воспаление, ни на что в мире, посадит в воду тою частью, или другою, тела, навяжет на брюхо мокрую простыню и погонит с нею в горы, и всё прошло. Время для него всё равно, весной ли, зимой или летом, не глядит ни на слякоть, ни на снег, в мороз не топит комнат, а всем тепло. А что самое главное, что уже в первые дни больные, как

бы ни были тяжело больны, приобретают бодрость и глядят здоровыми; уже это одно чего стоит. С этим одним уже можно выздороветь. Итак, мой совет ехать прямо к Призницу, тем более, что болезни вроде твоей преимущественно им лечатся. Ехать, как ты уже видишь, к нему можно во всякое время. Греффенберг почти что не на русской границе. От Кракова до Ольмуца (в Силезии) нет и дня езды, а Грегфенберг возле самого Ольмуца. Там найдешь общество русских и очень приятное. Там теперь Языков, к которому ты можешь прямо явиться от меня. Почему знать, может быть, и я загляну туда, в случае если узнаю, что туда приедешь. Во всяком случае хорошо б, если б ты написал мне ответ на это письмо и адресовал бы его в Дюссельдорф (Poste restante). Прощай! Письмо я пишу 20 июня, четыре дня после получения твоего письма, которое шло очень долго, если только оно действительно отправлено тобою <в> последних числах апреля.

NB. В случае, если тебя одолевают подчас запоры, употреби средство Копа, которое

очень просто и действительно. Из добрых зерен пшеницы смолоть муку и всё так, как есть, не очищая, с шелухой, совсем претворить в тесто и напечь из него обыкновенным образом хлебцы. Эти хлебцы употреблять за обедом и за чаем. Я сам не пробовал, но Жуковский уверяет, что всякое утро выходит в свет <...> [Пропуск в тексте первой публикации.] и показал величину ее на руке от того места, где доктора щупают пульс, и до самого края среднего пальца.

Адрес: Poltawa. Russie méridionale.

Его благородию Александру Семеновичу Данилевскому.

В Миргород Полтавской губернии.

О. С. АКСАКОВОЙ
20 июня <н. ст. 1843>.
Дюссельдорф

Я получил от вас, Ольга Семеновна, письмо, присланное мне из Рима (от 22-го апреля старого стиля), на которое нахожу приличным сей же час отвечать. Вы не правы в том, что упрекаете себя за то, что предложили маминьке взять деньги, вырученные за продажу М<ертвых> д<уш>, [За Мертвые души] и разрушили, как вы говорите, деликатные семейственные отношения. Во-первых, вы не могли знать [знать вовсе] этих отношений. Во-вторых, в самом поступке вашем ничего нет неблагоприятного и никакого худого намерения. А всё то, в чем нет дурного намерения, и что вместе с тем не противно здравому рассудку, данному нам богом, не есть уже грех. Если же оно предпринято [Далее начато: потому] еще к тому с добрым намерением и желанием истинного добра, то уже оно никогда не может послужить худому. Бог направит его всегда к хорошему, хоть вовсе другим

путем, чем мы думаем. В-третьих: в отношении меня вам вовсе не следует руководствоваться ни в каком случае осторожностью оскорбить какие-либо тонкие отношения. Со мной нужно всё спроста, и к тому же все случаи жизни обращаются мне в пользу. Так по крайней мере было доселе и так, я верю, будет вперед.

Письмо ваше заставило маминьку написать ко мне два такие письма, которые заставили меня строго подумать о другой, важнейшей помощи, которой они все вправе ожидать от меня, и я написал, наконец, то письмо, которое бы мне давно следовало написать, но которого бы я не сумел никогда написать, не получивши прежде этих двух писем. Правда, обдумыванье его у меня отняло много времени, и я ничем не в силах был заняться до тех пор, пока не написал его. Но я исполнил свой долг и покоен в душе. И теперь вас благодарю за то, за что вы себя упрекаете. А лучше все поблагодарим бога за всё, что ни посылается нам. Ибо всё, что ни посылается нам, посылается на вразумление и уяснение

очей наших. Прощайте!

На обороте: Moscou en Russie.

Его высокоблагородию Антону Францевичу Томашевскому.

В Москве. В Почтамте. Для передачи Ольге Семеновне Аксаковой.

А. О. СМИРНОВОЙ
Баден-Баден <4 июля н. ст.
1843>

Каша без масла гораздо вкуснее, нежели Баден без вас. Кашу без масла все-таки можно как-нибудь есть, хоть на голодные зубы, но Баден без вас просто нейдет в горло. Как на беду, я уже давно отстал от того, чтобы наслаждаться природою и видом всяких кургаусов. Меня не останавливают теперь даже трогательные встречи между собою немецких и всяких иных фамилий, познакомившихся за табльдотами и успевших оказать друг другу бесчисленные услуги относительно передачи блюд со всеми грасами. Чтобы отвести душу, я захожу иногда к Надежде Николаевне. Здесь только в разговоре с нею о старине [в разговоре и толках о старине] находим мы некоторое наслаждение. Я нахожу, что она нимало не изменилась в чувствах своих ко мне. Встреча наша была радостна необыкновенно. Крик был с обеих сторон; поцеловались мы весьма крепко. Потом она, уже отошедши от меня,

вдруг вспомнила, что еще не всё, и подбежала к руке. Я заметил в ней [в лице] перемену, она похорошела, вышла ко мне завитая и, кажется, будет со временем, хоча и не кокетка, но модница и щеголиха.

Я получил от Аркадия Осиповича письмо из Греффенберга. Он описывает свое лечение, которое, по-видимому, идет успешно, но поступают с ним жестоким образом. Призниц сажает его на целые четверть часа бригадиршею в воду, холодную, какую только когда-либо выносил человек, до того, что он уже не чувствует, есть ли у него бригадирша или нет. После чего приказывает взять лентух, то есть привязать мокрую тряпку к животу.

И Аркадий Осипович с лентухом и отмороженною бригадиршею бежит во весь дух в горы. Там набегавшись вдоволь, возвращается с нестерпимым аппетитом и поедает множество булок. Так лечится в Греффенберге Аркадий Осипович.

Жду вас с нетерпением к субботе, как мне

объявили у вас в доме, и решился претерпеть баденское одиночество. Прощайте!

Гоголь.

На обороте: à Ems. A Monsieur M-r de Joukowsky.

Courshaus № 230, для передачи А. О. Смирновой.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Баден-Баден. 8 июля <н. ст.
1843>

Из письма твоего ко мне в Эмс вижу, что ты решительно хочешь ехать домой. Если так, то да благословит тебя бог. К Призницу можно сделать путешествие в другое время. Я хотел было ехать к тебе навстречу в Дрезден, но оробел при виде расстояния, устал сильно от поездок, да и карман стал изрядно тощеват. Впрочем, всё это меня никак бы не оставило, если бы я только услышал, что присутствие мое нужно. Но, сообразивши, вижу, что могу [могу сказать тебе] в письме, и в коротких словах даже, сказать тебе всё то, что мне хотелось сказать тебе лично, при самом расставании. Помнишь, когда я тебе один раз сказал с такой уверенностью, что ты будешь здоров и я даже буду способствовать к твоему излечению? Эти слова сказаны были не безрассудно, они сопровождаемы были внутреннею молитвою, они истекли из того источника, который находится у всех нас, хотя мы

редко стремимся к тому, чтобы найти его, из источника этого исходит один только свет, но он есть, стало быть, есть не даром. Мне хотелось провести с тобой вместе время в Риме и узнать совершенно состоянье твоей болезни. Я наблюдал за тобою и кое-что узнал, и говорю тебе вновь: ты будешь здоров, и выздоровление зависит от тебя. Средства физические могут [могут, конечно] отыскаться многие, из них, конечно, действительнее всех для тебя — Призница; но тебе нужно освежение душевное. Дай мне слово говеть, приехавши в Москву, при первом случае, если в великой пост, то на первой неделе. В продолжение говения займись чтением церковных книг. Это чтение покажется тебе трудно и утомительно, [утомительно, если ср<азу>] примись за него, как рыбак, с карандашом в руке, читай скоро и бегло и останавливайся только там, где паразит тебя величавое, нежданное слово или оборот, записывай и отмечай их себе в материал. Клянусь, это будет дверью на ту великую дорогу, на которую ты выдешь! Лира твоя наберется там неслыханных миром [светом] звуков и, может быть, тронет те струны, для

которых она дана тебе богом. Сделай также следующее заведение: всякую субботу ввечеру отслужи у себя всеночную. Тебе стоит послать только за первым попом, и он отслужит у тебя в комнате. Вот всё, что я хотел тебе сказать, бог тебе скажет сам всё, что тебе нужно. Он водрузит в твою душу ту чудную эпоху жизни, когда и разум старости, и свежесть [и сила юнос<ти>] юности, и сила мужества, и младенчество младенца соединяются вместе, и все возрасты жизни вкушает в себе разом человек. Прощай, бог да благословит тебя. Пиши ко мне всегда в Дюссельдорф на имя Жуковского. Если бы я и не был там, то письма оттуда найдут меня повсюду. Это маленькое письмецо отдай Елагиной. [В подлиннике: Элагиной]

Гоголь.

Описывай всё. Мне всё нужно знать.

Из Москвы я имею только известие, что родились три Катерины — у Хомякова, у Языкова и у Киреевского, да что Петр Васильевич

сшил себе кафтан [серт<ук>] стрельца по рисункам, которым очень доволен и ходит в нем везде.

На обороте: à Dresd<en>.

Monsieur M-г de Jazicoff.

Dresden Hotel de l'Europe am Altemarkt.

С. Т. АКСАКОВУ

Баден. 24 июля <н. ст. 1843>

Благодарю вас за книги, которые получил от кн. Мещер<ского> в исправности. Вообще все посылки доходят до меня исправно: русские встречаются между собою поминутно и имеют всегда возможности препроводить и передать туда, где я. Мне жаль, что вы не дали знать Шевыреву, он бы тоже прислал мне свою речь об воспитании и взгляд на русск<ую> слов<есность> за прошлый год. Может быть, даже накопились и кое-какие критики и разборы моих сочинений. Всего этого мне бы очень хотелось.

Какая между прочим я скотина: я написал к вам об одном пункте письма, писанного Шевыревым от вас всех. Еще недавно я прочел его вновь. Письмо это так прекрасно и такой исполнено дружбы, что я удивлялся не один раз, как гадок человек: ему достаточно увидеть одно пятнышко какое-нибудь [достаточно одно пятнышко какое-нибудь заметить] и

уж он только и видит пред собою это пятнышко, всё прочее ему нипочем. Мне просто показалось, будто до сих пор еще не верят душевному моему слову. [Далее начато: Виноват ли в <том?> Погодин] Я вспомнил одно обстоятельство Погодина относительно меня, которое просто произошло от простоты его, а не от чего другого, и в это время скользнула мне в письме одна фраза, показавшаяся намеком на то же. Но в сторону об этом. Оно послужит пусть уроком, что ни в каком случае не следует [в сурьезном деле не следует] предаваться первому впечатлению, особенно если оно сколько-нибудь беспокойно и если примешалась какая-нибудь оскорбленная мелкая страстишка. Слухи, которые дошли до вас о М<ертвых> д<ушах>, все ложь и пустяки. Никому я не читал ничего из них в Риме, и верно нет такого человека, который бы сказал, что я читал что-либо вам неизвестное. [Далее было: ему или другим] Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готового. Но, увы, ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову.

Дела, о которых я писал к вам и которые [которыми] просил вас взять на себя, слишком [Далее начато: зан<яли>] у меня отняли времени, ибо я все-таки не мог вполне отвязаться и должен был многое обработать оставшееся на мне, от которого иначе я не мог никак избавиться. Вы уже могли чувствовать по той просьбе, по отчаянному выражению той просьбы, какою наполнено было [было наполнено] письмо мое к вам, как много значило для меня в те минуты попечение о многом житейском. Но так было верно нужно, чтоб время было употреблено на другое. Может быть, и болезненное мое расположение во всю зиму и мерзейшее время, которое стояло в Риме во всё время моего пребывания там, нарочно отдаляло от меня труд, для того чтоб я взглянул на дело свое с дальнего расстояния и почти чужими глазами.

Но прощайте. Будьте здоровы. Пишите по-прежнему в Дюссельдорф, *Poste restante*. Я только на одну неделю в Бадене. Жуковский тоже не в Дюссельдорфе, а в Емсе на водах. Уведомьте, купили ли дачу? Мне кажется, что

вам поездка в Оренбургскую губернию пригодилась бы лучше всего. [очень бы пригодилась]

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Антону Францевичу Томашевскому.

В Москве. В почтамте. Для передачи С. Т. Аксакову.

С. Т. АКСАКОВУ

**Дюсс<ельдорф>. 30 августа
<н. ст. 1843>**

Письмо ваше и вместе с ним другие, приобретенные к нему, я получил. Книги получены также в исправности, как чрез к<н>. Мещер<ского>, так и чрез Валуева. Перешлите мне, если найдете оказию, Москвитянин за этот год: там есть статьи, меня интересующие очень. О благодарности за все ваши ласки нечего и заикаться. Константина Сергеев<ича> благодарю также за письмо, хотя не мешало ему быть и подлиннее. Если увидите Шевырева, то напомните ему о присылке мне остальной тысячи за прошлый год. Да если можно, вместе с тем и вперед, что есть. Ибо первого октября, как вы знаете, срок и время высылки. Душевно скорблю о недугах Ольги Сергеев<ны> и мысленно помолился о ниспослании ей облегченья.

Прощайте, душевно вас обнимаю всех.

Адрес по-прежнему в Дюссельдорф.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Антону Францевичу Томашевскому.

В Москве. В почтамте. Для передачи С. Т. Аксакову.

Н. Д. БЕЛОЗЕРСКОМУ
Августа 30 <н. ст.>.
Дюссельдорф. 1843

Мне хочется знать, что с вами делается, мой добрый Николай Данилович! Отвечайте мне на все следующие вопросы; я их все занумеровываю, потому что у людей есть всегда охота увиливать и не отвечать на всё. 1-е. Как ваше здоровье и всех вас, т. е. вашего брата и проч.? 2. Отправляете ли вы донныне судейскую вашу должность, и что удалось вам в ней сделать хорошего и полезного? 3. Насколько вообще уездный судья может сделать доброго и насколько гадостей? 4. Как идет ваше хозяйство? 5. Сколько получаете доходов, за уплатой всякой повинности? 6. Какие главные и доходливые статьи вашего хозяйства? 7. Что вам удалось, или вашему брату, сделать хорошего по этой части в продолжение вашей жизни в деревне? 8. Каковы ваши соседи и кто замечательнее вообще из борзенского дворянства и чем? 9-е. Чем каждый среди их полезен себе и другим и чем

вреден себе или другим? 10-е. Что говорят у вас о Мер<твых> душ<ах> и о моих сочинениях? (экземпляра я вам не послал потому, что с трудом даже получил один для себя). Не пренебрегайте в этом деле ничьим мнением, и кто как ни говорит, напишите мне, хотя бы это были совершенные глупости. Итак, вот вам запросы; их всех числом десять; я их нарочно записал у себя в книжке, чтобы вы которого-нибудь из них не пропустили. Хоть коротко, но на каждый вы должны отвечать по-номерно. Прощайте. Будьте здоровы и не забывайте меня.

Душевно вас любящий Гоголь.

Адрес мой: Düsseldorf, Poste restante.

Напишите о наших общих знакомых, с кем вам когда-либо случилось встретиться и видеться.

А. А. ИВАНОВУ

**Дюссельдорф. 1 сент<ября
н. ст. 1843>**

Что ж вы, Александр Андреевич, не уведомляете меня ни о чем, что делается с вами: как ваше лечение и каковы глаза, и в каком углу и месте картины вашей работаете? Напишите также Моллеру, чтоб он известил меня о себе, как он и что намерен делать, и где зимует. Я начитал в газетах, что сестры его выехали из Петербурга за границу на пароходе. Он мне ничего не сказал об этом, а это будет очень полезно для него. Вероятно, они пробудут в Италии [Далее начато: з<иму?>] и, может быть, даже с ним. Об этом меня уведомите.

О происшествиях в Петербурге ваших академических вы уже, без сомнения, знаете. <Дела при>нимают [Текст поврежден.] надлежащий ход. Лучше Лейхтенбергского никого не можно было сделать президентом академии. Она чрез это получит вновь силу. Самое

умное постановление, которое сделал Лейхтенбергский (NB — отчасти вы этому виною), это то, что художники могут брать заказы в русские церкви, не выезжая из Рима, и производить работы, постоянно живя в Риме. Итак, вы видите сами, не моя ли правда. Какое бы ни случилось неприятное известие или происшествие, стоит только переждать, из него же выйдет потом хороший результат. Держитесь только по-прежнему того, что уже я вам один раз сказал. То есть при каком бы то ни было происшествии неприятном, прежде чем предаваться тревоге, напишите всё подробно мне. Вы увидите, что это будет не совсем дурно.

Адресуйте по-прежнему в Дюссельдорф. Жуковский вам кланяется. В Бадене я виделся со Смирновой и еще с кое-какими русскими. Прощайте и будьте здоровы.

Ваш <Гоголь>. [Текст поврежден.]

На обороте: à Rome (Italie).

Al Signor S-r Alessandro Ivanoff (Russo).

Roma. Piazza Ss Aposioli palazzo Sauretti
Nº 49 per la scala di Mons<ignor> Severoli al 3
piano dal S-r Luigi Gaudenzi.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
1843. Дюссельдорф. 1
сентября <н. ст.>

Вышли пожалуста остальную тысячу за прошлый год, и если есть деньги, то вперед за текущий сколько-нибудь, ибо 1-го октября срок. Адресуй в Дюссельдорф, на имя Жуковского. Я получил разные критики от петербург<ских> журналов [на] М<ертвые> д<уши>. Замечательнее всех в Современнике. Отзыв Полевого в своем роде отчасти замечателен. Сенковского, к сожалению, не имею и до сих пор не мог достать, как ни старался. А вообще я нахожу, что нет [что мало] середины между благосклонностью и неблагосклонностью. Белинский смешон. А всего лучше замечание [притя<зание>] его <о> Риме. Он хочет, чтобы римский князь имел тот же взгляд на Париж и французов, какой имеет Белинский. Я бы был виноват, если бы даже римскому князю внушил такой взгляд, какой имею я на Париж. Потому что и я хотя могу столкнуться в художественном чутье, но вообще не могу

быть одного мнения с моим героем. Я принадлежу к живущей и современной нации, а он к отжившей. Идея романа вовсе была не дурна. Она состояла в том, чтобы показать значение нации отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущих наций. Хотя по началу, конечно, ничего нельзя заключить, но всё [всё об] можно видеть, что дело в том, какого рода впечатление производит строящийся вихорь нового общества на того, для которого уже почти не существует современность. Жажду я очень читать твои статьи. Я уже две посылки с книгами получил из Москвы, а твоих статей нет. К Сергею Тимофеевичу я писал, чтобы он прислал весь Москвитянин за текущий год. Заглавие статей меня очень завлекло, они все о тех предметах, о которых мне хочется знать, присоедини туда свою статью о воспитании... Не позабывай пожалуйста Языкова и бывай у него. Вечеру, верно, у тебя найдется несколько минут свободных. Затем обнимаю тебя. Прощай!

Твой Гоголь.

Передай письмо Языкову.

На обороте: Russie. Moscou (Russie).

Профессору Москов<ского> университета
Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном пере-
улке, в собствен<ном> доме.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

**Дюссельдорф. 1 сент<ября
н. ст. 1843>**

С нетерпением жажду от тебя известия: 1) как ты доехал, 2) какое почувствовал чувство при встрече с Русью и при въезде в Москву, 3) как и кого нашел в Москве, 4) как и где пристроился и в чем состоит удобство и неудобство пристроения, 5) что и как и где твои братья с женами и детьми и 6) какие намерения впредь. С нетерпением жду твоего уведомления. Пожалуста, не откладывай и напиши в непродолжительном времени. Адресуй в Дюссельдорф. Обнимаю тебя и да здравствуешь в свежем и бодром состоянии душевном.

Твой Гоголь.

Мой поклон передай всем твоим братьям и сестрам, которые помнят, и которые позабыли меня, и которые даже не видали меня.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ
Дюссельдорф. Сентябрь 3
<н. ст. 1843>

Благодарю вас, Надежда Николаевна, за ваше рукописание, [Далее было: и за ваш шнурок] которое всегда приятно душе моей, и за ваш шнурок, который вы послали с Валуевым. Он будет у меня храниться и сбережен в целости. Носить его не буду, потому что ношу прежний, который вы сами лично мне дали. Он хотя и заносился, но не износился и, вероятно, будет носиться долго, пока не изорвется вовсе.

Что же касается до образа, которым вы хотите наделить меня, то я не советую вам посылать его по почте, это неверно, не говоря уже о том, что заграничные почты [кроме того, заграничные почты] вовсе не устроены для принятия и доставки посылок. А потому я советую вам отложить до весны. Весною обыкновенно много русских отправляется за границу и, верно, никто не откажется при-

нять от вас такой посылки. Прощайте! благодарю вас от всей глубины души за ваши молитвы обо мне. И сильно хотел бы, чтобы мои грешные молитвы доставили тоже что-нибудь душе вашей, хотя душа ваша, может быть, в них не имеет и нужды. Прощайте!

Н. Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Дюссельдорф, сентября 20
<н. ст. 1843>

Получивши твое письмо (от 20 августа), я написал тот же час к Прокоповичу. Напишу еще к Плетневу. Не могу никак понять, что бы значила эта неаккуратность. В случае неимения денег нужно будет занять. Языков мне писал [писал, что] еще недавно, что если встретится мне надобность в них, адресоваться бы к нему без всякой церемонии. Но к этому нужно приступить не иначе, как прежде расспросив его стороною, точно ли он при лишнях деньгах, иначе он последнее обстоятельство скроет. Что ж делать? Конечно, лучше, если бы все дела мои были в Москве, и все те препятствия, о которых я писал, могли бы быть побеждены, но я думаю ты заметил, что в том же письме, где я исчислял причины, заставившие меня печатать сочинения мои в Петербурге, есть [заметно] что-то, как будто, недосказанное. Что ж делать, так уж видно на роду мне написано быть скрытным. Но зато

вот мое слово, [Переправлено из: услов<ие>] всё будет до последнего движения явно. Многого я не потому не могу сказать, чтобы не хотел сказать, но не могу потому сказать, что не нашел еще слов, как сказать. Иногда человек не от того не понят другими, что его не могут понять, но от того, что он еще глуп, невоспитан и не умеет так выразиться, чтобы его поняли. Чего не сумеешь объяснить, о том лучше молчи. Ну что, если б я сказал, например, что один из вас был невинною причиною того, что я решился утвердительно печатать сочинения в Петербурге? Воображаю, какими бы вопросами осыпали меня и ты и другие, а я бы на то не отвечал именно потому, чтобы вы меня потом похвалили сами за то, что я молчал. Но оставим всё это, это дела не важные и не ведут к делу. За письмо твое много благодарю; хотя оно и говорит только о деле, но в нем есть несколько драгоценных мне строк, показывающих твое душевное состояние. В душевном твоем состоянии, кроме другого, слышна между прочим какая-то грусть, грусть человека, взглянувшего на сов<ременное> положение [состояние] журнальной ли-

температуры. На это я тебе скажу вот что: это чувство неприятно, и мне оно вполне знакомо. Но является оно тогда, когда приглядываешься более чем следует к этом<у> кругу. [обращаешься более чем следует в этом кругу] Это зло представляется тогда огромным и как будто обнимающим всю область литературы. Но как только выберешься хотя на миг из этого круга и войдешь на мгновение в себя, увидишь, что это такой ничтожный уголок, что о нем даже и помышлять не следует. Вблизи, когда побудешь с ними, мало ли чего не вообразится? покажется даже, что это влияние страшно для будущего, для юности, для воспитания; а как взглянешь с места повыше — увидишь, что всё это на минуту, всё под влиянием моды. Оглянешься: уж на место одного — другое: сегодня гегелисты, завтра шел<л>ингисты, потом опять какие-нибудь исты. Что ж делать? уже таково стремление общества быть какими-нибудь истами. Человечество бежит опророметью, никто не стоит на месте; пусть его бежит, так нужно. Но горе тем, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общим

движеньем, хотя бы даже с тем, чтобы образовать тех, которые мчатся. Хоровод этот кружится, кружится, а наконец может вдруг обратиться на место, где огни [светильники] истины. Что ж, если он не найдет на своих местах блюстителей, и если увидят, что святые огни пылают не полным светом? [Далее начато: Они п<ылают>] Не опровержением минутного, а утверждением вечного должны заниматься многие, которым бог дал не общие всем дары. Человеку, рожденному с силами бóльшими, следует, прежде чем сразиться с миром, глубоко воспитать себя. Если ж он будет живо принимать к себе всё, что современно, он выйдет из состояния душевного спокойствия, без которого невозможно наше воспитание. По всему видно, что мода не подержится долго и будет наконец и ей нанесен сильный удар, как уже многому тому наносились удары смертельные, что считалось от мира богом и не подверженным сокрушению. Итак, мне кажется, современная журнальная литература должна производить в разумном скорее равнодушие к ней, чем какое-либо сердечное огорчение. Это просто плошка, кото-

рая не только что подчас плохо горит, но даже еще и воняет. Один предводитель дворянства, вскоре после 1814 года, дал бал своему дворянству. Внутренность [и внутренность] зала ухитрился он осветить сальными площадками в совокупности с скипидарным маслом. То есть, он более понадеялся на неприхотливость гостей. Но однако ж гости чрез несколько времени заметили, что нестерпимо воняет [Далее начато: и предводитель] — а уж куда были неприхотливы! — и предводитель приказал вынести площадки. Жуковский благодарит тебя за поклон и отвечает тем же; он трудится за Одиссеей. Две песни уже есть, я просил хоть одну в Москвитянин, но он не хочет теперь еще печатать по причине беспрестанных переправок. Единственная пиеса, которая была у него отдельная, послана им Плетневу под названием: Маттео Фальконе. Она прекрасна. Прощай, обнимаю тебя от всей души. Передай это объятие всем близким душе моей, которых люблю так же много, как и они меня любят.

Твой Гоголь.

Софье Борисовне мой душевный поклон и
Борису поцелуй.

Адрес: Moscou. Russie.

Профессору имп. Московского университе-
та Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном пере-
улке, в собствен<ном> доме.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ
Дюссельдорф. Сентябрь 24
<н. ст. 1843>

Книги я получил, посланные с Моллером, за которые благодарю тебя. Критики я прочел также все с большим аппетитом. Жаль только, что ты не исполнил вполне моей просьбы и не прислал их всех. Зачем ты не велел скорописцу списать критик Сенковского? Их бы можно было уписистым почерком вместить на двух-трех листах почтовой бумаги и прислать прямо по почте. Нам следует всё знать, что ни говорят о нас, и не пренебрегать никаким мнением, какие бы причины их ни внушили. Кто этого не делает, тот просто глуп и никогда не будет умным человеком. Мы, люди, вообще подлецы и не любим или позабываем оглядываться на себя. Издание сочинений моих вышло не в том вполне виде, как я думал, и виною, разумеется, этому я, не распорядившись аккуратнее. Книги, я воображал, выйдут благородной толщины, а вместо того они такие тоненькие. Подлец ти-

пографщик дал мерзкую бумагу; она так тонка, что сквозит, и цена 25 рублей даже кажется теперь большою, в сравнении с маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли от неправильного оригинала и принадлежат писцу или даже мне. Всё, что от издателя — то хорошо, что от типографии — то мерзко. Буквы тоже подлые. Я виноват сильно во всем. Во-первых, виноват тем, <что> ввел тебя в хлопоты, хотя тайный умысел мой был добрый. Мне хотелось пробудить тебя из недвижности и придвинуть к деятельности книжной; но вижу, что еще рано. Много еще всяких дразгов, и до тех пор, пока я не перееду совершенно на Русь, нельзя начинать многого. Сам я теперь бегу от всякого дела. Не хотел бы и слышать ни о чем, а между тем вижу, что никак нельзя увильнуть самому от того, чтобы не впутаться в свои дела. Уведоми меня поскорее, в коротких словах: 1-е — сколько продано экземпляров? 2-е — сколько послано в Москву? 3-е — сколько осталось налицо? Ты еще меня не уведомил до сих пор. От Шевырева я уже

имею подробнейший отчет. От тебя еще ни слова. Я также на тебя еще должен сердиться за то, что ты не сказал мне прежде ни слова о подлостях типографии и таил их от меня долго. И потому, ради бога, отвечай мне поскорее. Разделался ли ты совершенно с типографией, то есть я разумею не о платеже твоими деньгами, а моими? И потом на все три упомянутые запроса: 1 — сколько продано экземпляров? 2 — сколько послано в Москву? и 3 — сколько налицо? [Далее начато: Я боюсь] Всё это мне нужно знать сильно, дабы распорядиться и предотвратить заранее всё, то есть предпринять другие меры, в случае недостатка денег. Боюсь я сильно, что^{<бы>} мне не досталось бедствовать где-нибудь на дороге, тогда как я расположил сроки и сообразуюсь во всем с ними. Получаю я деньги, как я уже тебе писал, два раза в год. Три тысячи мне должны высылаться к 1-му октябрю, а 3 тысячи к 1 маю, и потому вы, за месяц до срока, должны уведомить друг друга, Шевырев тебя, а ты Шевырева, в каком положении ваши дела и деньги. Шевырев написал мне, что он уже уведомил тебя, но от тебя еще ответа не

имеет. А между тем еще в Москве не уплачена часть долгов моих, которая меня очень беспокоит. Отошли теперь же Шевыреву тысячу экземпляров в Москву сверх высланных прежде. Он с ними сделается, извернется и не потеряет копейки. Я не знаю в точности никого ему равного. С «Мертвыми душами» и с посланными ему экземплярами от тебя он распорядился прекрасно и во всем до последнего нуля прислал отчет. Теперь, сообразя все мои грядущие доходы, я вижу, что большое сделал неблагоразумие, затеяв издание в Петербурге. Восемь тысяч я потерял из собственного кармана. Сам отнял у себя. Напечатание тома «Мертвых душ» мне стало 2 тысячи. Четыре подобных тома составили бы 8 тысяч, а в Петербурге издание этих томов обошлось ровно вдвое больше. Обо всем этом я помышлял уже в Петербурге и мне хотелось перенести издание в Москву, но манила скорость печати и желание видеть прежде напечатанными в собрании те пиэсы, которым должно было играть на театре, причину чего отчасти ты поймешь и сам. Но всё пошло на выворот. [Далее было: как буд<то>] Как бы то ни было,

но что случилось, то случилось, а что случилось, то верно, случилось для того, чтобы был человек умнее и узнал бы кое-что, чего не знал. На меня не сердись за это бремя, может быть тяжкое. Как бы ни тяжело оно было, и как бы ни потерпел ты чрез это, [Далее было: и не потерял] всё будет вознаграждено. У меня всё стоит в счету, и как я ни беден теперь, как ни немощен, но возмогу потом много такого, что кажется теперь совсем невозможно. Затем целую тебя; исполни пунктуально все мои просьбы до одной, как необходимый закон, и прощай до следующего письма.

Твой Гоголь.

Адресуй в Дюссельдорф (Dusseldorf en Prussie, Poste restante), скорее сколько возможно.

На обороте: St. Pétersbourg, Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С.-Петербурге, на Васильев<ском> острове, в 9 линии, между Больш<им> и Среди<им> проспектом, в собств<енном> доме.

М. И. ГОГОЛЬ
1 октября <н. ст.> 1843.
Дюссельдорф

Поздравляю вас с наступившим днем именин ваших. От души желаю вам приобретения всех душевных благ. Это первое и единственное желание, которое мы прежде всего должны желать друг другу.

Письма ваши и вместе с ними письма сестер моих я получил. Сказать поистине, все они вообще меня несколько изумили, изумили меня именно в следующем отношении: я не ожидал ничего более насчет моего письма, как только одного простого уведомления, что оно получено. Вместо того получил я целые страницы объяснений и оправданий, точно как будто бы я обвинял кого-нибудь. Если кто ощущает желание оправдаться в чем-либо, пусть оправдывается перед своею совестью или пред духовником своим. А я не могу и не хочу быть обвинителем никого. Многие даже позабыли, что всё до последнего слова в пись-

ме следует взять на свой счет, а не одно то, что более забирает за живое. Другим вообразилось, что я вследствие неудовольствия написал это письмо. На это скажу вам, что ни одно письмо не было к вам в духе такой душевной любви, как это письмо. Но оставим об этом всякие изъяснения. Исполните теперь мою просьбу, о которой вас буду просить: оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о нем даже между собою до самого великого поста. Но зато дайте мне все слово во всё продолжение первой недели великого поста (мне бы хотелось, чтобы вы говели на первой неделе) читать мое письмо, перечитывая всякий день по одному разу и входя в точный смысл его, который не может быть доступен с первого разу. Кто меня любит, тот должен всё это исполнить. После этого времени, то есть после говения, если кому-нибудь придет душевное желание писать ко мне по поводу этого письма, тогда он может писать и объяснять всё, что ни подскажет ему душа его.

Теперь я должен еще вам сделать замечание насчет двух выражений в письме вашем.

В одном вы говорите, что я теперь истинный христианин. Прежде всего — это неправда. Я от этого имени далее, чем кто-либо из вас, и все эти упреки, которые каждая нашла в письме моем, как направленные собственно на нее, все эти упреки, собрав вместе, можно сделать одному мне, и такое действие будет справедливо вполне. В другом месте вы говорите, что редкий брат сделал столько для сестер, как я. На это я вам скажу искренно: истинно полезного я не сделал ничего для моих сестер. Одно только я сделал истинно полезное дело, написавши это письмо. Но и тут не мой подвиг: без помощи иной я бы не мог этого сделать. К тому же это письмо, в истинном смысле своем, осталось не понято. Стало быть, я ничего не сделал. Но ни слова больше об этом предмете, как бы ни зашевелился у кого-нибудь язык заговорить о нем. Только этими словами отвечайте на письмо это: Просьба насчет письма будет исполнена, и ничего более. Предметов у вас, верно, найдется поговорить, кроме этого письма.

Между прочим уведоьте меня, какими

деньгами вы заплатили Данилевскому половину занятой суммы. Мне нужно знать, кому именно и сколько я должен. Хотя я и не могу их заплатить теперь, но тем не менее должен вести аккуратно дела свои, рассчитывая копейку в копейку, а особливо в теперешнее время, когда деньги приходится так трудно.

Прощайте! Душевно обнимаю вас всех.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

**Дюссельд<орф>. Октября 5
<н. ст. 1843>**

Письмо твое меня обрадовало. Ты в Москве. Переезд и скука скитанья кончены — слава богу! Не засиживайся только в комнате, делай побольше движения. Коли нельзя кататься в случае дрянной погоды, двигайся по комнате. Движенье непременно нужно в нашем климате более, чем где-либо. Когда начнутся ясные зимние дни с небольшими морозцами — пользуйся ими и выходи на воздух, упражняясь хотя сколько-нибудь в пешеходстве. Мороза не бойся, холодно в начале, пока не расходишься. Есть ли у тебя токарный станок и хорош ли? Благодарю тебя за желание наделить меня книгами, но предлагаемые тобою уже у меня есть. Но так как ты хочешь насытить мою жажду (а жажда моя к чтению никогда не была так велика, как теперь), то вот тебе на вид те книги, которых бы я желал: 1) Розыск, Дмитрия Ростовского; 2) Трубы словес и Меч духовный, Лазаря Барановича и 3)

Сочинения Стефана Яворского в 3 частях, проповеди. Да хотел бы я иметь Русские летописи, издан<ные> Археографич<ескою> комиссией), если не ошибаюсь, есть уже три, когда не четыре тома. Да Христианское чтение за 1842 год. Вот книги, которые я хотел бы сильно достать. Переслать мне можно их порознь с русскими, едущими за границу, а их выезжает всегда почти в довольном количестве. Сведения о них можно получить особенно от докторов, которые их высылают за границу, и в этом случае Иноземцев может оказать большую услугу. А если им и не по дороге мне завезть, то всегда почти встретятся с другими русскими, которым по дороге. А у меня два депо: в Дюссельдорф Жуковскому и в Рим Иванову и Кривцову. А не то могут оставить во Франкфурте в нашем посольстве, [у тамошнего <посла?>] хотя этим путем и не так скоро меня найдут книги. Валуев был в Дюссельдорфе и привез мне также одну книгу, но меня не застал там, и я уже получил ее от Жуковского. Покупка этих книг может составить сумму, может быть, даже за 80 рублей, а потому уже это не должно быть в значении подарка,

а отнесено просто на счет. Между прочим советую тебе пересмотреть эти книги. Я никогда не думал, чтобы наше Христианское чтение было так интересно: там не только прекрасные переводы всех почти отцов церкви, не только много драгоценных отрывков из рассеянных летописей первоначальных христиан, но есть много оригинальных статей, неизвестно кому принадлежащих, очень замечательных. Ты пишешь, что Петр Василь<евич> Киреевский совершил свой великий подвиг и послал песни в Петербург в цензуру. Слава богу! Есть, стало быть, надежда, что мы лет через десять будем читать их, разумеется, если пропустит цензура и не помещает недосуг, которого так много в московской жизни. [Далее начато: Поблагодарю] Иванова глаза стали гораздо лучше, и он чувствует бодрость. Дело его совершенно устроилось, и надежда есть, что ему не будут мешать, или тревожить. Авдотью Петровну поблагодари за ее доброту и за всё. Надежду Николаевну также и передай ей эту маленькую записочку. Да не забывай писать, если можно, почаще. Ведь тебе теперь предстоит гораз-

до меньше писать писем, чем тогда, как был за границей. Уведомляй о препровождении твоего времени и что читаешь, и как о том думаешь, и что вообще делается в Москве. Мне всё это интересно знать. Обнимая тебя всею душою, говорю: до следующего письма. Адресуй мне по-прежнему на имя Жуковского.

Каких мыслей Сильвестр о Москве и вообще каков его взгляд на отечество?

На обороте: Russie. Moscou.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Дюссельдорф. 6 окт<ября н.
ст. 1843>

Началом письма уже просьба. Шевырев из Москвы известил меня о мерзком поступке типографии, замотавшей экземпляры моих Сочинений и что Прокоповичу предстоит тяжба (Прокопович не дал мне до сих пор никакого обстоятельного уведомления о положении дел моих). И потому я прошу вас помочь сколько можно вашим участием, если, точно, дело в гадком положении. Денег я не получаю [не получаю уже] ниоткуда; вырученные за М<ертвые> д<уши> пошли все почти на уплату долгов моих. За Сочинения мои тоже я не получил еще ни гроша, потому что всё платилось в эту гадкую типографию, взявшую страшно дорого за напечатание, и притом продажа книги идет, как видно, туго. Если придется к тому потерять экземпляры, то и впереди не предстоит [нет] никакой возможности на пропитание тщедушных дней моих. И потому, что можно сделать, сделайте.

В теперешних моих обстоятельствах мне бы помогло отчасти вспомоществование в виде подарков от двора за представленные экземпляры. Я, как вы знаете, не получил ни за Мертвые души, ни за Сочинения. Прежде, признаюсь, я не хотел бы даже этого, но теперь, опираясь на стесненное положение моих обстоятельств, я думаю, можно прибегнуть к этому. Если вы найдете это возможным, то надобно так, чтобы эта помощь была или от государыни или от наследника. От государя мне ни в каком случае не следует ничего, это бы было даже бесстыдно с моей стороны просить. Он подал мне помощь в самую трудную минуту моей жизни, за это я не заплатил еще ничем. От Марьи Николаевны тоже не следует ничего просить. Но если возможно от первых... Впрочем, вы сделаете, что только будет в вашей возможности, потому что видите сами мое положение и потому что разделяете его душевно. Важность всего этого тем более значительна, что не скоро придется мне выдать что-нибудь в свет. Чем более торопишь себя, тем менее подвигаешь дело. Да и трудно это сделать, когда уже внутри тебя заключил-

ся твой неумолимый судья, строго требующий отчета во всем и поворачивающий всякий раз назад при необдуманном стремлении вперед. Теперь мне всякую минуту становится понятней, отчего может умереть с голода художник, тогда как кажется, что он может большие набрать деньги. Я уверен, что не один из близких даже мне людей, думая обо мне, говорит: «Ну что бы мог сделать этот человек, если бы захотел! Ну издавай он всякий год по такому тому, как Мертв<ые> д<уши>, — он бы мог доставить себе 20 т<ысяч> годового дохода». А того никто не рассмотрит, что этот том, со всеми его недостатками и грехами непростительными, стоит почти пятилетней работы, стало быть, может назваться вполне выработанным кровью и потом. Я знаю, что после буду творить полней и даже быстрее, но до этого еще не скоро мне достигнуть. Сочиненья мои так связаны тесно с духовным образованием меня самого и такое мне нужно до того времени вынести [сильно вынести] внутреннее сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых сочинений.

Признайтесь: не показался ли я вам странным в наше последнее свидание, неоткровенным и необщительным, словом — странным? Не мог я вам показаться иначе, как таким. Захлопотанный собою, занятый мыслию об одном себе, о моем внутреннем хозяйстве, об управлении моими непокорными слугами, находящимися во мне, над которыми всеми следовало вознестись, иначе как раз очутишься в их власти, занятый всем этим, я не мог быть откровенным и светлым, это принадлежности безмятежной души. А моей душе еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не хотел говорить, но потому молчу, что не умею говорить и не нашел бы слов даже, как рассказать то, что хотелось бы рассказать. Но я заговорился, кажется... Впрочем, это слово из моей душевной исповеди. А душевная исповедь должна быть доступна всегда сердцу близкого нам друга. Прощайте. Обнимаю вас и целую от всей души. Что можно сделать по моему делу, вы сделаете, а чего не сделаете, того, верно, уже нельзя было сделать. Мне жаль, что удержался я вначале совестью навьючить вас моими делами. Мне бы

следовало просто быть нахальну, взвалить на вас одних издание моих сочинений, не путаясь самому ни во что и не затевая от себя ничего, а особливо в то время, когда мне вовсе было не до того и когда всё свернул и скомкал впопыхах. Вы бы, конечно, сказали: вот навалил обузу! — и выбрали бы только сначала, а потом всё бы таки дело сделали. А с Прокоповичем немудрено, что случилась, как с новым человеком, такая история, которой, впрочем, я до сих пор не знаю в настоящем виде. Еще раз обнимаю. Прощайте.

Получили ли Матео Фальконе от Жуковского? Я интересуюсь знать о нем. Хоть это и не мое дитя, но я его воспринимал от купели и торопил к появлению в свет. Вы заметили, я думаю, что он переписан моею рукою.

Адрес: St. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству Петру Александровичу Плетневу, г. ректору С.-Петербургского университета.

В Санкт-Петербурге, в Университете, на
Васильевском острове.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

**Дюссельдорф. Октября 6 <н.
ст. 1843>**

Вексель на 1000 рублей я получил вместе с уведомлением твоим о завладении моим добром и о предстоящей тяжбе. Конечно, всё это нехорошо, но обвинять кого-либо бесплодно и поздно. Разумеется, первоначальная причина всему я. Совет мой поступить вот как: 1) прежде всего поблагодарить бога, потому что это, точно, неприятность, особливо если я приму в соображение то, что не скоро буду в возможности напечатать что-либо новое. От неприятностей, наносимых вещественными утратами, всегда становится легче и светлей на душе. А за приобретение [такое приобретение] душевного облегчения и светлости можно заплатить. [Далее было: и даже бóльшими утратами.] Это должно быть тебе известно. Книги мы покупаем и не жалеем за них денег, потому что их требует душа и они идут ей во внутреннюю пользу, которой не может видеть никто из посторонних. По-

том 2) пришли мне самый короткий отчет в том, кому розданы и заплачены и в каком именно количестве деньги, вырученные за М<ертвые> д<уши>, также сколько получено экземпляров от Прокоповича. От Прокоповича я потребую решительное объяснение во всем ходе этих его дел, которых я до сих пор не разберу. Я дожидаю только от него ответа на запрос мой, зачем не выслана тебе тысяча экземпляров. Уведомлением об этом не замедли, потому что мне нужно теперь видеть ясно положение дел моих. 3) Приступи ко второму изданию М<ертвых> д<уш>. Поправок не нужно, кроме разве в языке и слоге, что ты можешь сделать лучше моего. Если же я теперь к чему-нибудь прикоснусь, то многое не останется на месте и займет это не мало [много] времени. Поправки могут быть произведены только тогда, когда я буду умней. [в несколько раз умней] 4) Сделай примерную смету снесясь с надобностями книгопродавцев: сколько я могу получить в год доходу от второго издания, чтобы я мог с своей стороны подумать о том, как достать недостающие мне деньги. 5) Для первой высылки деньги

нужно будет взять у Языкова, который взял с меня слово обратиться при первой надобности к нему. Но этим еще повремени до следующего моего письма. С своей стороны я употребляю всё, чтобы ограничиться и съезжиться более. К Плетневу я написал письмо, прося о приложении прилежного участия к моему делу. Итак, покаместь я вот что могу посоветовать на первый случай, а вместе с тем могу также дать тебе совет насчет тебя самого. Твое письмо беспокоино, ты принимаешь слишком к сердцу это дело. Во-первых, это денежная утрата. А когда утрачивается эта мерзость, всегда нужно прежде всего втайне обрадоваться тому, а потом, разумеется, подумать о том, как приобрести ее, потому что без этой дряни нельзя жить, благодаря нас самих которые выдумали ее [их] с помощью чорта. Обрадуясь, станешь в тот же час покойнее, а в покойном состоянии скорее придумаешь, как пособить делу. Ты говоришь, что тебе тягостно доводить до сведения моего эти известия о житейских моих делах. Но когда я просил вас о принятии на себя всех таких [сих] дел, я не потому просил, чтобы боялся хлопот, с ними

сопряженных, но потому просил, что с этими делами непостижимой какой-то властью связались душевные многие дела и трогали такие чувствительные струны, от которых потрясался весь состав. Вот почему были ненавистны они мне и, прося вас их принять на себя, я думал, что, оторвавши от себя самый предмет, я оторву от себя и все щекотливые соприкосновения с этим мерзким предметом. Но я обманулся, несмотря на то, что душа моя несколько отдохнула от вашего участия, они гнались за мною следом, эти дела, и не давали мне покоя. Прося взять мои семейственные дела, я позабыл о том, что это лежит на мне и что кроме меня никто не мог подать им той душевной помощи, которая им нужнее была всякой другой. И потому не получил успокоения. Мысль о них меня преследовала, и в то же время я чувствовал свое бессилие. Полгода писал и обдумывал я письмо к моей матери и сестрам. Трудно мне сочинение этого письма, трудно помышлять об устройении души другого, когда собственная душа неустроена. Трудно написать такое письмо, которое бы требовало бесстрастия и совер-

шенной власти над сам<им> собою. Но только с этим письмом мне показалось, что облегчилась несколько от дел душа. Даже то несвязное и неудовлетворительное письмо, которым я просил вас или, лучше, молил о принятии дел моих, где всего не более как две-три душевные причины мог привести, и это письмо даже мне стоило времени и обдумывания. [мысли] Много мне нужно было воздержания для того, чтобы не сказать какого-нибудь такого [какое-нибудь такое] слова, которое бы потребовало вновь объяснения на нескольких [В подлиннике: на несколько <описка?>] страницах или навело бы новые недоразумения на мой счет. Как трудно говорить тогда, когда слышишь внутренно, что не готов еще для того, чтобы говорить! А между тем еще два-три объяснения лежат на мне, хотя другого рода, но они не дают мне покоя. Вот от каких дел хотел [хотел бы] я убежать. Итак, не думай, мой добрый друг или, лучше, друг души моей, чтобы ты мог смутить меня известием об каких-либо утратах и потерях вещественных, о них я могу совершенно говорить так же равнодушно, как говорит обыкновен-

но человек о делах постороннего ему человека. [Далее начато: а. И потому гово<ри> б. Но если добрая душа твоя] Итак, говори обо всем, но если доброй душе твоей захочется смягчить чем-нибудь неприятность, то сделай так, чтоб письмо твое было подлиннее, и если не хватит о чем писать, вырви страницу из какой-нибудь новой статьи своей и вложи ее в письмо. Твои статьи, о чем бы ты ни писал теперь, мне дороги, потому что они проникнуты тем, чем бы я хотел, чтобы у нас всё было проникнуто в России. Потребность чтения теперь слишком сильна в душе моей. Это всегда случается со мною во время антрактов (когда я пишу, тогда уже ничего не читаю и не могу читать), и потому этим временем я стараюсь [нужно] воспользоваться и захватить побольше всего, что нужно. Иногда мне бывает так нужна какая-нибудь книга, которую именно требует душа и которая, к сожалению, часто русская, что если бы какой-нибудь плут узнал мою нужду и представил ее в ту же минуту, он бы мог взять у меня в обмен половину экземпляров моих сочинений, а может быть, и самого Жернакова в придачу. Об-

нимаю тебя, благодарю за всё и особенно за письма. Прощай. Жуковский тебе кланяется.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору имп. Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве, близ Тверской в Дегтярном переулке, в собств<енном> доме.

М. П. ПОГОДИНУ
<Около 2 ноября н. ст. 1843.
Дюссельдорф.>

Между нами произошло непостижимое событие: ту же тяжесть, какую ты чувствовал от моего присутствия, я чувствовал от твоего. Как из многолетнего мрачного заключения, вырвался я из домика на Девичьем поле. Ты был мне страшен. Мне казалось, что в тебя поселился дух тьмы, отрицания, смущения, сомнения, боязни. Самый вид твой, озабоченный и мрачный, наводил уныние на мою душу, я избегал по целым неделям встречи с тобой. Когда я видел, как с помощью какой-то непостижимой силы закрутился между нами вдруг какой-то посторонний вихрь, в каком грубом буквальном смысле принимался всякий мой поступок, какое топорное значение давалось всякому моему слову, — почти ужас овладевал моей душой. Я уверен, что я тебе казался тоже одержимым нечистой силою, ибо то, что ты приписывал мне в уединенные минуты размышлений (чего, мо-

жет быть, не сказывал никому), то можно приписать только одному подлеющему лицемеру, если не самому дьяволу. Надобно тебе сказать, что всё это слышала душа моя. Несколько раз хотел я говорить с тобой, чувствуя, что всё дело можно объяснить такими простыми словами, что будет понятно ребенку. Но едва я начинал говорить, как эти объяснения вдруг удерживались целою кучею приходивших других объяснений, объяснений душевных, но и им мешало излиться находившее вдруг негодование при одной мысли, против каких подлых подозрений я должен оправдываться и пред кем я должен оправдываться? Пред тем человеком, который должен был поверить одному моему слову. Но и негодование сменялось в ту же минуту презреньем к твоему характеру, который называл я внутренно бабьим, куриным, и, сказавши несколько бессвязных слов, которые ты все относил к моей необыкновенной гордости, я бежал от тебя. А убежавши, утешал себя злобным выражением: «Пусть его путается! Душевному слову не поверил, пусть же поверяет умом своим!» Всё это быстро сме-

нялось одно за другим в душе моей, и когда я подходил к дверям своей комнаты, всё это исчезало и на место него оставался один вопрос: что это такое, что значит всё это? Наконец, мало-помалу я начинал прозревать в этом событии справедливое себе наказание. Надобно сказать тебе, что, воспитываясь внутренно в душе моей, я уже начинал приобретать о себе гордые мысли. Мне уже казалось, что я ничем не могу быть рассержен и выведен из себя. Я старался мысленно сжиться со всеми возможными оскорблениями, несчастиями, старался их всех, так сказать, перечувствовать на своем теле и уже чувствовал, что душа моя приобретает крепость, что я могу снести то, чего не снесет иной человек. Словом, я уж чуть не почитал себя преуспевшим в мудрости человеком. И вдруг событие это дало почувствовать мне, что я еще ребенок и стою до сих пор на низших ступенях пути своего. Противу дальнейших случаев я приготовил в душе отпор, а против близких не приготовил. Все несчастия я бы, может быть, перенес, а не перенес сомнения обо мне одного из близких. И в душе моей проснулись те враги, которых я

давно считал отступившими от меня: мерзкий, подлый и гадкий гнев, которого ничего нет подлее, который подл даже и тогда, когда вспыхнет от справедливых причин. А у меня он был и несправедлив: я рассердился на то, что ты хватил сгоряча топором там, где следовало бы употребить инструмент помельче. Наконец, я сердился на себя и за то, что не в силах был перенести этого хладнокровно. Всё это естественно я должен был таить в душе и могу сказать только то, что от меня никто не узнал о том, что между нами происходили какие-нибудь неудовольствия. Но когда вырвался я от тебя, у меня была одна и та же мысль: написать тебе подробно всю мою исповедь. Но тут увидел, что наши жизни так различны, так много следовало выводить тебе объяснений для того, чтоб познакомить тебя и ввести в этот мир! Всякое слово требовало объяснений на целых страницах, чтоб не быть приняту в другом смысле. Почти отчаяние овладело мною; я видел, что и конца не будет моей исповеди, а между тем оставить ее я не мог, потому что мысль о ней мешала всякому занятию. Наконец, я попробовал написать те-

бе маленькое письмо, в котором просил просто прощения за все оскорбления, которые я нанес тебе, складывая всё на мой неровный характер, припомня, что ты иногда многое, чего не мог понять во мне, объяснял им. На это письмецо не было ответа — и поделом. Оно не было удовлетворительно. Если бы оно было удовлетворительно, то по отправлении его в душе моей настало бы спокойствие, но мысль об этом мучила меня еще целый год. Наконец, после некоторых переездов из земли в другую, я стал покойнее и почувствовал, что могу объяснить хладнокровно всё дело на нескольких страницах. Но получа твое нынешнее письмо, я отложил и эту мысль. Изъяснение будет уже походить на оправдание, а оправдание есть уже что-то подлое. Оправдывая себя, уже обвиняешь другого. Теперь же ты, как видно из письма твоего, хладнокровен и готов простить всё. Итак, разбери сам всё это дело. Не беспокойся, раны твои не оживут при этой работе, если ты точно решился простить. Тут-то и нужно представить живей все нанесенные нам оскорбления, а без того прощение ничего не значит, оно бу-

дет просто одно слабосильное забвение. Чтобы сделать это благороднее, начни обвинением самого себя, хотя бы ты и был прав. Я тебе помогу и скажу две твои первоначальные вины, от которых произошли все те поступки, на которые ты глядел, как на самобытные начала и выводил из них отдельные истории, тогда как они все были звена одной и той же цепи. Вот эти вины: первая — ты сказал верю и усомнился на другой же день, вторая — ты дал клятву ничего не просить от меня и не требовать, но клятвы не сдержал: не только попросил и потребовал, но даже отрекся и от того, что дал мне клятву. Отсюда произошло почти всё. Но не пугайся: я больше твоего виноват, и ты увидишь, что я себя не пощажу, если начну обвинять. Но если ты начнешь обвинением себя, а не меня, тогда ты увидишь и свои и мои проступки. Припомни всё. Я знаю, что ты способен забывать, но, к счастью, я памятлив и уверен сильно в том, что и добро и зло следует помнить вечно. Добро нужно помнить для того, что уже одно воспоминание о нем делает нас лучшими. Зло нужно помнить для того, что с самого того дня, как оно нам

причинено, на нас наложен неотразимый долг заплатить за него добром. Большие мои проступки ты не позабудешь; но все малые мои мерзости и оскорбления, которые я нанес тебе, советую записать, чтобы я не напал на тебя врасплох и чтоб тебе не отречься от многих твоих же слов. Я вновь тебе повторяю, что помню всё, даже угол и место комнаты, где было произнесено какое слово твое или мое. Когда я в силах буду глядеть на тебя, как на совершенно постороннего, чужого человека, у которого не было со мной никаких связей и сношений, и когда таким же самым образом взгляну и на себя, как на совершенно чужого мне человека, тогда я дам тебе на всё изъяснение. А между тем позволю себе сделать следующее замечание. Ты никогда не всматриваешься во внутренний смысл и значение происходящих событий. Все события, особенно неожиданные и чрезвычайные, суть божьи слова к нам. Их нужно вопрошать до тех пор, пока не допросишься: что они значат, чего ими требуется от нас? Без этого никогда не сделаемся мы лучшими и совершеннее. Самое это затмение, которое произошло между

нами, так странно, что его нужно помнить во всю жизнь нашу. Я уже извлек из него много для себя, советую и тебе сделать то же. Я знаю, что у тебя, за тысячью разных хлопот и забот, дергающих тебя со всех сторон, нет времени переворачивать на все стороны всякое событие и оглядывать его со всех углов. Но нужно это делать непременно, хотя в те немногие минуты, когда душа слышит досуг и способна хотя несколько часов прожить жизнью, углубленную в себя. Иначе ум наш невольно привыкает к односторонности, схватывает только то, что поворотилось к нему, и потому беспрестанно ошибается. Не дурно также, хотя по поводу этого события, руководствоваться какими-нибудь данными положениями относительно познания людей. Для этого есть, по моему мнению, два способа. Те, которые не получили от природы внутреннего чутья слышать людей, должны руководствоваться собственным разумом, который дан нам именно на то, чтобы отличать добро от зла. Разум велит нам судить о человеке прежде по его главным качествам, а не по частным, начинать с головы, а не с ног.

Прежде следует взять самое лучшее в человеке, потом сообразить с тем всё замеченное нами в нем дурное и сделать такую посылку: возможны ли, при таких-то хороших качествах, такие-то и такие мерзости? Которые возможны, те допустить, которые же сколь-нибудь противоречат возможности и спутывают нас, — те нужно гнать, как вносящие одно смущение в душу, а смущение известно откуда исходит к нам: оно исходит к нам прямо снизу. От бога свет, а не смущение. Да притом можно иногда и то себе сказать: точно ли я увидел так, как следует, вещь? Зачем такая гордая уверенность в непреложности и безошибочности взгляда? Всё же я человек, а не бог. Выгода этого способа та, что будешь, по крайней мере, покойнее, если даже и не узнаешь совершенно человека, а сделавшись покойнее, уже приложишь шаг к совершенному его знанию. Если же к беспокойству нашему да подоспеет на помощь гнев, тогда и всякие зрячие глаза ослепнут. Есть другой способ узнавать людей, гораздо действительнейший первого, но для тебя, по множеству твоих забот и беспрестанному рассеянию твоих мыс-

лей среди тысячи предметов, невозможный. Нужно прожить долгою, погруженною глубоко в себя жизнью. Там обретишь всему разрешение. Света никогда не узнаешь, толкаясь между людьми. На свет нужно всмотреться только в начале, чтобы приобрести заглавие той материи, которую следует узнавать внутри души своей. Это подтвердят тебе многие святые молчаливники, которые говорят согласно, что, поживши такую жизнь, читаешь на лице всякого человека сокровенные его мысли, хотя бы он и скрывал их всячески. Несколько я испытал даже это на себе, хотя жизнь мою можно назвать разве карикатурой на такую жизнь. Но вкусивши одну крупицу такой жизни, я уже вижу ясней; и глаз и ум мой прояснился более (доказательством тому то, что вижу в себе более, чем когда-либо прежде, мои недостатки и нахожу их скорее, чем прежде), и несколько раз мне случилось читать на твоём лице то, что ты обо мне думал. Ещё есть один способ, которым я руководствуюсь если бы оба предыдущие не всё объяснили мне. Если человек, хотя бы он был последний разбойник, но если этот человек,

не плакавший ни пред кем, никому не показавший никогда слез своих, заплакал предо мною и во имя этих душевных слез потребовал веры к себе, — тогда всё кончено: я ни глазам своим, ни уму своему, ни чувствам своим не поверю, а поверю всем словам его, произнесенным во имя этих слез. Но почему я так поступлю, этого я не обязан говорить, да и никого не склоняю следовать этому примеру, зная, что трудно отличить душевные слезы от иных слез. Но оставим все способы. А пока, если ты захочешь получше поверить и себя и меня, я тебе советую сделать вот что. У тебя будет одно такое время, в которое ты будешь иметь возможность прожить созерцательною и погруженною в самого себя жизнью, именно во время говенья. Продли это время, если можно, подолее обыкновенного, и займись в это время чтением одних таких книг, которые относятся к душе нашей и обнаруживают ее глубокие тайны. К счастью человечества такие книги существуют, и было много передовых людей, проживших такую жизнь, которая доныне еще загадка. Книги эти настроют тебя к углублению в себя. Да и что гово-

ритель об этом! В такое время сам бог помогает человеку много и просвещает его мысленные взоры.

Скажу еще о последних словах твоего письма. Ты говоришь, что готов снова ругать и любить меня. За первое благодарю тебя душевно, потому что в этом теперь более, нежели когда-либо, слышу надобность, а на второе скажу вот что: любить мы должны всегда, и чем более в человеке дурных сторон и всяких мерзостей, тем, может быть, еще более мы должны <его> любить. Потому что, если среди множества дурных его качеств находится хотя одно хорошее, тогда за это одно хорошее качество можно ухватиться, как за доску, и спасти всего человека от потопления. Но это можно сделать только одною любовью, любовью, очищенною от всего пристрастного. Ибо если подлое чувство гнева хотя на время взнесется над этою любовью, то такая любовь уже бессильна и ничего не сделает. Итак, не будем ничего обещать друг другу, а постараемся безмолвно исполнить всё, что следует нам исполнить относительно друг Друга, ру-

ководствуясь одною любовью к богу, принимая ее, как наложенный на нас закон. Ответа и наград будем ожидать от бога, а не от себя, так что, если бы кто-нибудь из нас был неблагодарен, мы не должны даже и замечать этого. Бог не бывает неблагодарен! На таких положениях заключенная любовь или дружба неизменна, вечна и не подвержена колебаниям. А если мы заключим нашу дружбу вследствие каких-либо побуждений наших собственных, хотя бы очень чистых, да вздумаем начертывать друг для друга закон ее действий относительно нас или же требовать какого-либо возмездия за нашу дружбу, то узы такие будут гнилые нитки, чорт завтра же посмеется над такою дружбою и напустит такого туману в глаза, что не только другого, но даже и самого себя не разберешь. Всё это рассуди и взвесь хорошенько!

Письмо мое писано в минуту, непричастную волнению, — стало быть, и прочесть ты его должен в минуту рассудительную и покойную. В чем я ошибаюсь, то укажи. Затем обнимаю тебя душевно.

Твой Гоголь.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Дюссельдорф. Ноябрь<я> 4
дня <н. ст. 1843>

Письмо твое от 1-го октября меня порадова-
ло душевно. Порадовало потому, что я в
нем, сквозь самые твои развлечения и даже
мази Иноземцева, прозреваю (вследствие мо-
его чутья внутреннего), что от тебя не так да-
леко время писанья и работы. Остается испро-
сить вдохновенья. Как это сделать? [Как
сде<лать>] Нужно послать из души нашей к
нему стремление: чего не поищешь, того не
найдешь, говорит пословица. Стремление
есть молитва. Молитва не есть словесное де-
ло; она должна быть от всех сил души и все-
ми силами души; без того она не взлетит.
Молитва есть восторг. Если она дошла до сте-
пени восторга, то она уже просит о том, че-
го бог хочет, а не о том, чего мы хотим. Как
узнать хотение божие? для этого нужно
взглянуть разумными очами на себя и иссле-
довать себя: какие способности, данные нам
от рождения, выше и благороднее других, те-

ми способностями мы должны работать преимущественно, и в сей работе заключено хотение бога, иначе они не были бы нам даны. Итак, прося о пробуждении их, мы будем просить о том, что согласно с его волею. Стало быть, молитва наша прямо будет услышана. Но нужно, чтобы эта молитва была от всех сил души нашей. Если такое постоянное напряжение [Далее было: сохранить] хотя на две минуты в день соблюсти в продолжение одной или двух недель, то увидишь ее действия непременно. К концу этого времени в молитве окажутся прибавления. Вот какие произойдут чудеса: в первый день еще ни ядра мысли нет в голове твоей, ты просишь просто о вдохновении. На другой или на третий день ты будешь говорить не просто: дай произвести мне, но уже: дай произвести мне в таком-то духе. Потом на четвертый или пятый, — с такою-то силою, потом окажутся в душе вопросы: какое впечатление могут произвести задумываемые творения и к чему могут послужить? И за вопросами в ту же минуту последуют ответы, которые будут прямо от бога. Красота этих ответов будет такова, что

весь состав уже сам собою превратится в восторг; и к концу какой-нибудь другой недели увидишь, что уже всё составилось, что нужно. И предмет, и значение его, и сила, и глубокий внутренний смысл, словом — всё, стоит только взять в руки перо, да и писать. Но повторяю вновь: молитва должна быть от всех сил души. Естествоиспытатели скажут, что это немудрено, что постоянное напряжение может разбудить силы человека. Но пусть будет по-ихнему, пусть это произошло именно оттого, что одна нерва толкнула другую, как оно, впрочем, и справедливо, но когда дойдешь, наконец, до результата, тогда увидишь ясно, как и в силу чего это возникло. А известное дело, что теории те только не ложны, которые возникли из опыта. Для меня удивительнее всего то, что те именно люди, которые признают бога только в порядке и гармонии вселенной и отвергают всякие внезапные чудеса, хотят непременно, чтобы тут совершилось чудо, чтобы бог вошел вдруг в нашу душу, как в комнату, отворивши телесною рукою дверь и произнесши слово во услышанье всем. А позабыли то, что [Позабывая, что] бог

никуда не входит незаконно; всюду несет он с собой гармонию и закон, нет и мгновенья беспричинного, всё обмыслено и есть уже самая мысль. Чудеса, по-видимому беспричинные, не случались с умными людьми. Они случались с простыми людьми, с теми людьми, у которых сила веры перелетела чрез все границы и через все их невеликие способности. За такую веру ниспосланы были и явления им, перешедшие все естественные границы. Но и тут, всмотревшись, можно толковать естественным образом: тоже одна нерва толкнула другую и вызвала видение. Но в том-то и дело, что одно мановение сверху — и тысячи колес уже толкнули одно другое, и пришел в движение весь безгранично сложный механизм, а нам видно одно мановение. Так, взглянув на часовой циферблат, видишь, что одна только стрелка едва приметно двинулась. Но для того, чтобы произвести это неприметное движение, нужно было несколько раз оборотиться колесам. Умный человек хочет, чтобы и с ним так же случилось чудо, как с другим, но уже за одно это безрассудное желание он достоин наказания.

Ему скажется: Тебе данум, зачем он тебе дан? Затем ли, чтобы ты с ним вместе дремал? Тот, как трудолюбивый крестьянин, работал от всех сил своих и выработал потом и слезами хлеб свой, а ты, могши наполнить им целые магазины, лежал на боку, и еще хочешь, чтобы тебе [и тебе] бросилась такая же горсть, какая дана ему. Что на это придется отвечать умному человеку? Разве отвечать такими словами: Но я был как в лесу. Я не знал даже, как и за что приняться, если бы кто подал мне руку, я бы пошел. Но такие ответы может уничтожить одно слово: А зачем существует молитва? [Далее было: Что ему отвечать тогда?] Если бы и тут нашелся умный человек сказать: но мне не молилось, я не знал даже, как молиться, — ответ будет один и тот же: а на что молитва? Молись о том, чтобы уметь молиться. Но если умный человек был еще поэт — невольный страх обнимает душу, и я сейчас изъясню тебе почему. Святые молчаливники, которые уже всё нашли для себя лишним в мире и следили только одни внутренние явления души, [души своей] на глубокую науку будущему человечеству, говорят

вот что. Приход бога в душу узнается по тому, когда душа почувствует иногда вдруг умиление и сладкие слезы, беспричинные слезы, происшедшие не от грусти или беспокойства, но которых изъяснить не могут слова. До такого состояния (говорят они же) дойти человеку возможно только тогда, когда он освобожден от всех страстей совершенно; но есть однако же такие избранники, которых бог возлюбит от детства для благих и великих своих намерений и посещает невидимо, доказательством чего служат внезапно находящийся на них восторг и тихие слезы. Свидетельство это такого рода, что во всякую минуту жизни над ним задумываешься. Вопросы себя в душе своей и добейся от нее, что она скажет на это, мне бы хотелось сильно знать это, потому что это полезно было бы и для меня. А до того времени мне всё кажется вот что: если подвергнется сильному ответу тот, кто не искал бога, то еще сильнейшему тот, кто убегал от бога.

Скажу тебе еще об одном душевном открытии, которое подтверждается более и более,

чем более живешь на свете, хотя вначале оно было просто предположение или, справедливее, предслышание. Это то, что в душе у поэта сил бездна. Ежели простой человек борется с неслыханными несчастиями и побеждает их, то поэт непременно должен побеждать бóльшие и сильнейшие. Рассматривая глупо<ко> [Далее было: которыми] и в существе те орудия, которыми простые люди побеждали несчастия, видим с трепетом, что таких орудий целый арсенал вложил бог в душу поэта. Но их большею частью и не знает поэт и не прибегает к узнанию. Разбросанных сил никто не знает и не видит и никогда не может сказать наверно, в каком они количестве. Когда они собраны вместе, тогда только их узнаешь. А собрать силы может одна молитва.

Вследствие этого я перехожу отсюда прямо к твоей болезни. Мне кажется, что все мази и притирания надобно [нуж<но>] понемногу отправлять за окошко. Тело твое возбуждали довольно, пора ему дать даже необходимый отдых, а вместо того следует дать работу духу.

На болезнь нужно смотреть, как на сражение. Сражаться с нею, мне кажется, следует таким же образом, как святые отшельники говорят о сражении с дьяволом. С дьяволом, говорят они, нельзя сражаться равными силами, на такое сражение нужно выходить с большими силами, иначе будет вечное сражение. Сам его не победишь, но, взлетевши молитвой к богу, обратишь его в ту же минуту в бегство. То же нужно применить и к болезни. Кто замыслит ее победить одним терпением, тот просто замыслит безумное дело. Такого рода терпение может показать или бесчувственный, или упрямец, который стиснет на время рот свой и сокроет в себе боль, чрез что она еще сильнее потрясет весь состав его: ибо, вырвавшись плачем, она бы уже не была так сильна. Нет, болезнь побеждать нужно высшими средствами. Как бы то ни было, ведь были такие же люди, которые страдали от жестоких болезней, но потом дошли до такого состояния, что уже не чувствовали болей, а наконец дошли до такого состояния, что уже чувствовали в то время радость, непостижимую ни для кого. Конечно, эти люди были свя-

тые. Но ведь они не вдруг же сделались святыми, вначале они были грешнее нас, они не в один день дошли до того, что стали побеждать и болезни и всё. Они стремились и стремленьем достигли до крепости духа, только постоянным пребыванием в этом вечном прощении о помощи окрепли они духом и привели его в беспрестанное восторженное, могущее всё победить в мире. Но в один день нельзя так окрепнуть. Вырастает дерево и на голом камне, но это не делается вдруг, вначале камень покрывается едва заметною плесенью, чрез несколько времени, наместо ее, показывается уже видимый мох, потом первое растение; растение сгнивши приготовляет почву для дерева; наконец показывается самое дерево. Всё стройно и причинно. Бог не то, что иной писатель, который поспешит, да всех и насмешит, как говорит Измаилов. Можно и ускорить дело, [Далее было: Сам только] потому что в нас же заключены и ускоряющие орудия. Умей только найти их. Итак с помощью [с помощью возможно] выше возможно победить всякую болезнь. Естествоиспытатели могут и это чудо изъяс-

нять естественным законом: именно, что состояние умиления и всего того, что умягчает душу, утишает и физические боли, делает [и делает] их нечувствительными, расслабляя состав наш, подобно как операция переносится легко больным, если тело его предварительно расслаблено ваннами и диетами. Всё это так, и им можно отвечать на всё это то же, что сказано прежде. Но пусть они разрешат вот какую задачу: отчего в таком человеке, который достиг до этого состояния посредством расслабления или утишения нервного, отчего в душе этого человека вырастает такая страшная сила и крепость, что, кажется, нет ужасов, которых бы он не встретил бестрепетно? И отчего сами врачи, если заметят одну искру такой крепости в больном, то уже надеются на его выздоровление, хотя бы болезнь была слишком тяжела? Но довольно. Предметы сего рода стоят того, чтобы об них подумать много и долго, и я уверен, что самые слова мои, как ни бессильны они сами по себе, но наведут тебя на полнейшее и рассудительнейшее рассмотрение об этом, [Далее было: нежели мое] потому что слова ис-

текли из наблюдения души и произвелись душевным участием. Уведомляй между прочим о том, что ты именно читал или читаешь и какого рода остался после чтения в душе результат. Мы должны помогать друг другу и делиться впечатлениями. Я так мало читал, а особливо книг духовного содержания, что мне всякое слово твое о них будет то же, что находка. Да притом хотелось бы очень знать, какие книги нужно прочесть прежде и неукоснительно. Сядясь писать ко мне, пожалуйста не задавай себе задачи написать большое письмо, а напротив пиши впопыхах и на живую нитку и что написалось, то сейчас и отправляй. Нам нужно быть совершенно нараспашку. От этого письма непременно будут чаще и даже, к обоюдному изумлению, длиннее. Затем обнимаю тебя от всей души, прощай. Дюссельдорф я оставляю. Зима в Италии для меня необходима. В Германии она просто мерзость и не стоит подметки нашей русской зимы. В Рим по разным обстоятельствам не доеду, а зазимую в Нице, куда завтра же и выезжаю. Жуковский тоже оставляет Дюссельдорф и к весне [на зиму] перебирается во

Франкфурт. Итак, если что окажется из книг послать мне, то теперь еще удобнее, ибо всякий русский не минует Франкфурта. Ему стоит всё вручить Жуковскому. А от него я получу всячески. Не помнишь ли, сколько писем, одно или два, писал ты ко мне из Дрездена? Я узнал, что на почте пропало одно следуемое мне письмо. По книге почтовой стоит: из Дрездена. Не твое ли? Пришло в Дюссельдорф оно около половины [19<-го>] сентября, а Дюссельдорф по глупости препроводил его в Баден. Кем оно съедено по дороге, бог ведает. Но из Бадена я не получил на двухкратное требование. Адресуй в Ницу, *Poste restante*.

О получении сего письма уведоми. Я бы не хотел, чтобы оно как-нибудь затерялось, или не дошло к тебе. Спроси также у Аксакова, получено ли ими письмо со вложением другого, к Погодину.

На обороте: *Moscou. Russie.*

Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в Малом Власьевском переулке, в доме кн. Гагариной.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Ницца. Суббота 2 декабря <н.
ст. 1843>

Отвечаю на ваше письмо сейчас же. Я именно ожидал его и потому не писал к вам. В Ницу я приехал благополучно, даже более чем благополучно, ибо случившиеся на дороге задержки и кое-какие неприятности были необходимы душе моей, как всё, что ни случается со мною, необходимо всегда моей душе. Ницца — рай, солнце как масло ложится на всем, мотыльки, мухи в огромном количестве и воздух летний. Спокойствие совершенное; несмотря на множество домов, назначенных для иностранцев, с трудом встретишь где-нибудь одного или двух англичан, и никого более.

Жизнь дешевле, чем где-либо, особенно дешевизна припасов. Ветров и не дует других, кроме южного, другим некуда просунуть носа, потому что горы стали подковою. Я вспомнил при первом взгляде на всё это об Рейтер-

не, которому передайте при этом душевный поклон и скажите, что если придет ему в мысль перебраться на житье в Италию со всем семейством и прожить дешевле, нежели в Германии, то для этого следует выбрать Ницу. А уже чем подарит его солнце — так этого и рассказать нельзя! За два часа до захождения оно начинает творить чудеса, превращая горы то в те, то в другие цвета. Но изумительнее всего делает оно штуки с ближними горами, то есть зелеными. [зелеными горами] Эти зеленые горы делаются [эти горы дел<аются>] пунцовыми. До сих пор не было ни одного дурного дня, жарко [и днем жарко] даже ходить на солнце, так что я выбираю дорогу в тени. Говорят, что как зимою бывает тепло, так летом прохладно и приятно.

Александра Осиповна здесь. Сологубы тоже здесь. Граф<иня> Вьельгорская тоже здесь, с сыном и с меньшою дочерью. Все кланяются вам и многие будут писать. Есть еще какие-то русские, но люди больные и потому невидимы. Никого нет из тех, которые приезжают повеселиться, потому что общений для них

не обретаётся в Нице, то есть ни балов, ни тому подобных соединений. Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание Мертвых душ. Труд и терпение, и даже приневоливание себя, награждают [Переделано из: награждаются] меня [Далее начато: Открыва<ются>] много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотопе душа. И многое в мире становится после этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного в науке создания, становишься в несколько крат доступнее к прозрению великих тайн божьего создания. И видишь, что, чем дальше уйдет и углубится во что-либо человек, кончит всё тем же: одною полною и благодарною молитвою. Но я знаю, что вы сами пребываете в таком же состоянии за Одиссею, [В подлиннике: за Оди-сею] а потому прошу только бога — да ничем не останавливается дело и да пребывает он с вами неотлучно. А где пребывает бог, там ничто не продолжается в равной силе, но идет вперед и стремится или переходит из лучшего в лучшее.

Передайте мой самый искренний и самый душевный поклон сожительнице и обнимите маленькую душку. Можете адресовать мне для большей исправности на имя здешнего банкира Авикдора, Place Victor (piazza Vittorio). Впрочем, его знает вся Ница. Или же адресуйте на имя Александры Осиповны, place de la Croix de Marbre, в доме Gilli. Затем прощайте, душа моя, обнимаю вас и мыслями и чувствами моими.

Ваш Гоголь.

Не сердитесь за неразборчивое письмо, спешил написать скорее, а перо попало скверное.

На обороте: à Son Excellence Monsieur M-r B. de Joukowsky.

à Dusseldorf (en Prusse).

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ <1837–1843.>

Нельзя ли отправить это письмо к Розенштрему <?> [Далее было: вместе с деньгами] с тем, чтобы оно было включено в пакет [Далее было: к Валент<ини>] вместе с векселем к Валентини. [Далее начато: Да я и забыл]

П. И. РАЕВСКОЙ

<1842—1843.>

До меня дошли слухи, что вы желали бы иметь письмо от меня. Но что интересного может для вас заключиться в письме моем? Не смешно ли вам будет встретить в нем какие-нибудь обыкновенные светские комплименты или, что всего пошлее, выражение благодарности за всё то, что вы сделали для сестры моей? Что благодарность моя сильна, вы это верно знаете, да и нельзя ей не быть сильной. Сестру мою я пристроил к вам, зная, что она не будет счастлива дома вследствие многих причин. Душа ее не лишена прекрасных движений и доброты, но какое-то упорное свойство отчасти сильного характера грозило ей многими несчастиями. Для умирения душевного ей просто нужно было безмятежную противоположность, и эту безмятежную противоположность нашла она в вашем доме, в семействе добрых, светлых душ. Год, проведенный с вами, послужил ей лучше всяких теорий и правил, какие бы она могла на-

читать в книгах или выслушать из уст красноречивейшего наставника. Теперь, находясь дома, она уже менее несчастлива, чем бы была прежде. В минуты скорбные она прибегает к воспоминанию о вас, и в сем воспоминании о вас уже заключился для нее твердый вожа-тый в жизни. Разлученная с вами, она теперь узнала более цену вам, и любит вас сильно, что показывают ее письма. А что любишь, то-му невольно стараешься уподобиться, и пото-му немудрено, что она становится лучше и лучше. Итак, вы видите сами, что благодар-ность моя вам не может не быть сильною и глубокою. Но это вы, верно, очень хорошо знаете, так же как знаете и то, что я не могу вас не уважать и не любить душевно. О чем же может быть к вам письмо мое? Признаюсь вам, я пишу теперь редко, и пишу только то-гда, когда я имею в ком сильную [душевную] нужду или чувствую, что кто-нибудь имеет во мне сильную нужду, словом, когда какой-ни-будь предстоит подвиг в деле или в могуще-ственном слове; в котором проливается уте-шение. Но как ни рассмотрю я вас, вижу толь-ко, что вы не можете иметь во мне никакой

нужды. Вы родились на свет уже почти с готовою душою. Ни бурь, ни сердечных волнений, ни сокрушительного мятежа страстей вы не знаете, вы светло и безмятежно переплывете [В подлиннике: преплывете] земное поприще и тихо пристанете к небесному пристанищу. Стало быть, вам не нужен никакой голос ободрения и тем более от такого человека, которому много предстоит еще душевной борьбы и суровых испытаний в жизни, чтоб вкушать то, что, может быть, вы давно уже вкушаете. Разве помолюсь во глубине души моей, чтоб вы всегда были так светлы и еще светлей, чем прежде, чтобы у вас на душе был вечный праздник, даже и в то время, если бы вам случилось как-нибудь недомогать телесно, но от последнего храни вас бог. Прощайте. Христос с вами. Помолитесь и вы иногда обо мне.

Искренно вас любящий

Гоголь.

На обороте: Прасковье Ивановне Раевской.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
Ница. Генвар<я> 1
<1844>./Декаб<ря> 20 [В
подлиннике: Декаб<ря> 21
<ошибочно?>] <1843>

Благодарю вас, добрый друг мой, за ваши два письма, которые прислал мне Жуковский из Дюссельдорфа (одно от 6 авг<уста>, другое от 21 ноября). В одном из них вы пишете, что часто вам приходит на мысль сделать для меня выписку тут же в письме из книги, которую вы читали. Ради бога, не останавливайтесь таким желаньем, посылайте мне тотчас всё, что ни выпишете для меня, — и бог вас наградит за это. Вы говорите также, что хотели бы иногда поговорить со мною совершенно просто, но чем-то останавливаетесь. На это я вам скажу, что всякое душевное движение, порожденное участием и любовью к брату, всегда должно быть ему высказано, и чем проще, тем лучше, ибо в душевной простоте сам бог говорит нашими словами. Еще вы упоминаете, что вас огорчают неприятные

слухи, рассеваемые про меня. Многие из этих слухов доходили и до меня. И, признаюсь, вначале мне хотелось сильно во многом оправдаться. Теперь я увидел, что даже и оправдываться не имею никакого права. Если бы я, положим, и оправдался во многом, то разве это послужило бы доказательством, что во мне нет других, не менее дурных качеств? Итак, оставим эти слухи, как они есть. Если бог их допустил, стало быть, они нужны. Признаюсь, мне теперь кажется странно, если бы обо мне были всё хорошие слухи. Человек так способен загордиться, если ему ничто не напоминает о его ничтожестве и мерзости, что задумает наконец точно о себе, как о добродетельном и совершенном. Если же вам горько покажется слышать что-нибудь обо мне неприятное и нехорошее, то поступите, как поступали доселе. То есть, обратитесь прямо к богу с душевною молитвою, чтобы всё рассказываемое [рассказываемое всем] обо мне дурное было в существе своем неправда. И чтобы он изгнал из души моей всё нечистое, не отступаясь от меня неотлучно, и уяснял бы ежеминутно глаза мои на мои проступки, ниспо-

сылая в то же время всесильную помощь свою на избавление от них. Этой молитвой вы окажете мне большую помощь, да и себе доставите утешения. Затем да пребудет с вами неотлучно бог! Прощайте! Разделяйте ваши письма на две половины, то есть отдавайте одну половину Аксакову, а другую Языкову. Они пишут понемногу и часто я получаю почти один пустой пакет, а между тем деньги платят всё равно что за два листа почтовой бумаги. Тогда я буду получать покойнее ваши письма, зная, что вы на них меньше издерживаетесь. Не позабывайте же прилагать в письме вашем выписки из всего, что вам ни покажется нужным для души моей.

Поздравляю вас от всей души с наступающим годом.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Ница. Генваря 2
<1844>./Декабря 21 <1843>

Я получил два письма твои, адресованные одно в Дюссел<ь>дорф, другое в Ницу. Состояние твоего здоровья меня не удовлетворяет, но кураж! Мы должны бодрить друг друга и подавать друг другу руку. Я сам тоже одолеваем разными недугами, тем более несносными для меня, что они наводят томление, тоску и мешают как следует работать. Гребу решительно противу волн, иду против себя самого, то есть противу находящего бездействия и томительного беспокойства. Сила свыше не оставляет меня, но телу моему потребно возобновление. Подумываю наконец сурьезно о Греффенберге: перекрестясь и благословясь, решусь [дума<ю>] погрузиться в холодную воду. Хотя бы даже никакой помощи противу недугов коренных не подала вода, но и освежение чего-нибудь да стоит. Чувствую, что беспокойство духа, смешанное с непонятною тоскою, есть ныне болезнь повсеместная,

следствие какого-то тягостного расположения в воздухе. Все времена года перепортились. Я насилу ушел от дождей и то, [толь<ко>] может быть, потому, что засел в Нице, где, как тебе известно, дуют ветры только с одной стороны, стало быть, весьма редко. Погода прекрасная, то есть всегдашнее солнце, но не работает так, как бы хотел. Живу я в виду небольшого хвостика моря, на которое, впрочем, хожу глядеть вблизи. Здесь нашел несколько русских знакомых, семейство Вьельгорских, Соллогуба, который тебе кланяется и который, кажется, охотник больше ездить по вечеринкам, чем писать. Кн. Мещерские московские, с которыми я познакомился недавно, и Смирнова, с которою знаком уже давно и которую знаешь и ты по пирогам, присланным некогда в Рим. Впрочем, я вижусь с ними не так часто, как бы мог. Хочу насильно заставить себя что-нибудь сделать и потому веду жизнь уединенную и преданную размышлениям. Вот всё, что пока могу сказать о себе. Теперь отношусь к тебе с просьбой. Если ты при деньгах, то ссуди меня тремя тысячами на полгода или даже двумя,

когда не достанет. Книжные дела мои, как, я думаю, тебе тоже [даже] известно, пошли весьма скверно. Если найдутся у тебя лишние деньги, [Далее начато: да<й>] то дай знать об этом Шевыреву. Он, обратив их на вексель, пришлет мне. Если же не случится, то на нет, как говорится, и суда нет. Затем поздравляю тебя с наступающим годом, дай бог, чтоб он тебе был [чтобы он как тебе так давно] плодovit во всех отношениях. А потом пожелаем того же и всем, кто только предпринял какое-нибудь дело во благо и пользу общую. Затем прощай. Душевно обнимаю. Не забывай иногда перечитывать письмо мое, которое я писал тебе пред сим, там находятся те советы, которые мне доставляли почти всегда значительную пользу, когда я их слушал. Где-то [Далее зачеркнуто: в книге одного свято<го>] я начитал, что советы всегда нужно давать и никак не следует останавливаться тем, что сам не готов. Потому что, давая советы другим, сделается [невольюно сделается] стыдно самому, когда увидишь, что всё это следует прежде обратить к себе, и кончится тем, что наконец придет [самому придет] в ум испра-

виться самому советщику. Уведоми о Петре М<ихайловиче> и всем его семействе, а равно и о других, которым всем передай мой поклон.

Нащокина поблагодари за поклон и скажи ему, что я сам тоже без денег и без места, стало быть, мы должны крепиться духом равно и прибегать к одной силе, поддерживающей человека. Надежде Николаевне передай это письмецо. Авдотье Петровне, равно как и всем Елагиным и Киреевским, передай мое душевное поздравление с новым годом и пожелай им всем от меня всякого счастья.

Твой Гоголь.

Адрес мой — в предместьи Мраморного Креста, дом Paradis.

Забирай пожалуйста от Н. Н. Шереметьевой письма в свое письмо. Письма, запечатанные в один пакет, обойдутся гораздо дешевле. Мне не хочется, чтобы для меня издерживалась она так много.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи в Малом Власьевском переулке, в доме княгини Гагариной.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Ница. Генв<аря> 8 <н. ст.
1844>

Письма в совокупности с векселем, разделенные на два пакета, получил я в исправности. Имя Авикдора я написал вам потому по-русски, что был уверен, что вы напишете [напишете по-французски] его так, как следует. Прежде всего вы скажете: Авикдор банкир, стало быть — жид. Если поставить букву к, имя получит греческую физиогномию, если g, выйдет что-то испанское, стало быть, для того, чтобы сохранилась жидовская физиогномия, нужно поставить с. Притом, как бы ни написали вы адрес, письмо дошло бы непременно куда следует. К жиду деньги всегда дойдут: они еще со времен Иуды знают своего господина, и если бы вы вместо Авикдору написали Курлепникову, то деньги пришли бы прямо в руки Авикдору. Насчет векселя уведомьте Шамбо, если только будете к кому-либо писать в Петербург, что вексель вами послан мне в Ницу и что от меня вы получили

извещение, что я его действительно получил и что, вероятно, я с своей стороны тоже уведомлю его официальным образом. А я натурально не уведомлю, потому что и прежде никогда не уведомлял, рассудивши, что от меня никак не потребуют денег назад в случае неуведомления в получении их. Да и притом Россия так стоит незыблемо и твердо, что если бы я даже и не уведомил, что вексель получен, то от этого не произойдет никакого потрясения в государственном механизме. И потому, отлагая это в сторону, благодарю вас много за ваше письмо, которое уже потому мне было приятно читать, что оно было несколько длиннее обыкновенных писем-коротушек. Хотя, впрочем, и коротушки ваши все приятно было читать. Но в этом письме кроме того все известия приятные. Слава богу, всё семейство ваше ведет себя хорошо: как супруга, так равно и обе дочери, Саша и Одис^сея. Саша по отнятии от груди, вероятно, приобрела новые наклонности и, без сомнения, веселит вас всякий день какими-нибудь сюрпризами. Я думаю, что я узнаю потом всю историю ее, если не из рассказов, то из

личных изображений, потому что, вероятно, все сюрпризы будут представлены в рисунках. Желательно также, чтобы и вторую дочь вашу, Одиссеею (я наверно не знаю, которая из них старшая, а которая меньшая) через год отлучили от авторской груди, возлелеянную и воспитанную. Пусть ее побегают на своих ножках по белу свету. Я по мере сил продолжаю работать тоже, хотя всё еще не столько и не с таким успехом, как бы хотелось. А впрочем бог даст, и я слышу это, работа моя потом пойдет непременно быстрее, потому что теперь всё еще трудная и скучная сторона. Всякий час [Далее начато: нужно] и минуту нужно себя приневоливать и не насильно почти ничего нельзя сделать.

Подумываю с удовольствием, когда мы будем читать друг другу дела свои. Затем обнимаю вас всею душою и вслед затем прекрасную семью вашу. Прощайте! Спешу отправить письмо. Все вам благодарны за поклон и воспоминание о них и посылают вам множество поклонов.

Вечно ваш Гоголь.

Поздравляю вас с наступившим немецким
и наступающим нашим новым годом.

На обороте: à Son Excellence Monsieur M-r
de Joukovsky.

à Dusseldorf (en Prusse).

А. А. ИВАНОВУ

**Ница. Генварь <10 н. ст.> 1844
года**

На ваши два письма пишу к вам уже из Ницы, где надеюсь пробыть до последних чисел марта. [до апреля] Одно из моих вы получили с казенною печатью, потому что оно не было офраншировано и потому, дошед до границ Италии, возвратилось назад в Дюссельдорф, откуда уж отправил вновь его к вам Жуковский. Но обратимся прежде всего к делу, о котором вы пишете. Я полагаю, что хлопотать, как вы говорите, через какую-нибудь особу, имеющую влияние на распределение работ Исакиевск<ой> церкви, чтобы вам дали какую-нибудь работу не к спеху, с выдачею половины денег вперед и проч. хлопотливо слишком, да и ненадежно, именно уже по самой какой-то двусмысленности дела. Вы только что просили о надавании, теперь просите о давании. Во-первых, если делу этому дать такой вид, что и они признают справедливость ваших требований, то и тогда бог весть какая

пойдет толковня и проволочка. Вы знаете сами, что значит работать за глаза. Да притом это все-таки выйдет косая, а не прямая дорога, которую хотя Кривцов и почитает успешною, но она временный обман, и больше ничего, то есть я разуме<ю> для нас, людей не придворных. Я, признаюсь, до сих пор удивляюсь нерасчету [неблагоразумию] вашему в том, что вы отказались от работ, которые вам предлагал Тон для церкви, которая бог весть когда будет кончена. И я вам говорил, и Моллер тоже повторял вам, чтобы брать, [повторял вам это] но несмотря на то вы отказались. Отказались от дела, которое не стоило никаких хлопот, для того, чтобы завести такое же дело, но только [с тем, чтобы оно] стоящее множества хлопот и подверженное неизвестности насчет успеха. Если вы хотите знать мой совет в этом деле, то он будет вот каков: писать прямо к Тону, изобразить ему со всею простотою и ясностью свое положение и требовать работы от него, сколько возможно выгодной для вас и сообразной с вашими надобностями.

Поверьте, что с художником во всяком случае лучше иметь дело: он сам бывал в подобных обстоятельствах, сам испытал многое и потому всегда более может почувствовать ваше положение, чем господа, ездящие по обедам или имеющие возню с разными производительными бумагами и обремененные кучею дел, из которых они, может быть, ни одного хорошенько не понимают, а иных даже и не хотят понять. Вы посудите только сами, сколько слов нужно употребить, чтобы вбить им в голову иногда то, что с одного слова может понять художник. Итак, взвесьте всё это и подумайте хорошенько обо всем. Напишите об этом и Моллеру, который тоже может иметь влияние в Петербурге на Тона с своей стороны. На художника все-таки легче навестить, чем на того, к которому и приступить нет и случаев, и времени, и удобства, и всего более... [Не дописано в подлиннике.] Словом, подумайте обо всем этом и дайте мне знать, а до тех пор я не решусь на что-нибудь, чтобы как-нибудь не испортить дела. Затем обнимаю вас от всей души, желая вам всякого здоровья и, ожидая вашего ответа, говорю вам:

прощайте до следующего письма!

Спокойствия духа между тем никак не теряйте, на то, что получают большие деньги другие, никак не глядите. Помните, что нельзя работать богу и мамоне вместе. Вы сами избрали трудную дорогу себе, стало быть, должны уметь [и уметь] и крепиться на ней. От голоду вы никак не умрете, а понуждаться, конечно, куда понуждаетесь. О будущем думать нужно, но не нужно тревожиться о будущем. Это говорит вам человек довольно опытный в этом деле. У вас есть впереди возможность два года прожить безнуждно, а у меня бывали такие времена, когда я не знал, как проживу завтра.

Итак, займитесь холодным размышлением, без всяких тревог, и напишите ваше решение, а записочку эту отправьте Моллеру.

Адрес мой: Faubourg de la Croix de Marbre, maison Paradis.

Не позабудьте также написать к Рихтеру.

Он вам может быть очень полезен в этом деле.

На обороте: à Rome (Italie).

Al Signor

Signor Ivanoff (Russo).

Roma. Piazza Ss Apostoli. Palazzo Sauretti
№ 49 per la scala di Monsignor Severoli al 3 piano
al Luigi Gaudenzi

**С. Т. АКСАКОВУ, М. П.
ПОГОДИНУ И С. П.
ШЕВЫРЕВУ**

Генварь, 1844-го г. Ница

Поздравляю вас с новым годом, друзья мои, и от всего сердца желаю вам спокойствия душевного, т. е. лучшего, чего мы должны желать друг другу. Мне чувствуется, что вы часто бываете беспокойны духом. Есть какая-то повсюдная нервически душевная тоска: она долженствует быть [Она будет] потом еще сильнее. В таких случаях нужна [нам более всего будет нужна] братская взаимная помощь. Я посылаю вам совет; не пренебрегайте им. Он исшел прямо из душевного опыта, испытан и сопровожден сильным к вам участием. Отдайте один час вашего дня на заботу о себе, проживите этот час внутреннею, сосредоточенною в себе жизнью. На такое состояние может навести вас душевная книга. Я посылаю вам Подражание Христу, не потому, чтоб не было ничего выше и лучше ее, но потому, что на то употребление, на которое я

вам назначу ее, не знаю другой книги, которая была бы лучше ее. Читайте всякий день по одной главе, не больше, если даже глава велика, разделите ее на-двое. По прочтении предайтесь размышлению о прочитанном. Переверотите на все стороны прочитанное с тем, чтобы наконец добратсья и увидеть, как именно оно может быть применено к вам, именно в том кругу, среди которого вы обращаетесь, в тех именно обстоятельствах, среди которых вы находитесь. Отдалите от себя мысль, что многое тут находящееся относится к монашеской или иной жизни. Если вам так покажется, то значит, что вы еще далеки от настоящего смысла и видите только буквы. Старайтесь проникнуть, как это всё может быть применено именно к жизни, среди светского шума и всех тревог. Изберите для этого душевного занятия час свободный и неутруженный, который бы служил началом вашего дня. Всего лучше немедленно после чаю или кофию, чтобы и самый аппетит не отвлекал вас. Не переменяйте и не отдавайте этого часа ни на что другое. Если даже вы и не увидите скоро от этого пользы, если чрез это осталь-

ная часть дня вашего и не сделается покойнее и лучше, не останавливайтесь и идите. Всего можно добиться и достигнуть, если мы неотлучно и с возрастающею силою будем посылать из груди нашей постоянное к тому стремление. Бог вам в помощь! Прощайте.

Ваш Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Ница. Февраль 2 <н. ст.> 1844

Благодарю тебя за письмо, за отчеты, а более всего за вести о твоём состоянии душевном. Последнее читал я с душевным любопытством. Мысли твои насчет твоей деятельности, как вне университета, так и в университете, верны, как сама истина. Они, можно сказать, исторгнуты из глубины внутреннего душевного опыта. Ты говоришь только, что не знаешь, как уйти в себя и какими силами принудить и заставить себя. Сказать на это я могу только то, что это слишком, слишком трудно. Я имею право сказать это, как человек, прошедший в борьбе с собой многие годы жизни и лишениями добившийся до этого права. В награду за настойчивость я узнал следующую истину: уходить в себя мы можем среди всех препятствий и волнений. Истину я узнал, но пребывать в ней неотлучно самому не нашел средств. Временами только и непродолжительными мгновеньями могу приводить себя в такое состояние. Но и это слишком

ком важное открытие: шаг уже сделан, а стремиться мы должны вечно. Во всяком случае всем, что ни случится нам найти, мы должны делиться братски между собою. Мне кажется, судя по письмам, как твоим, так и прочим, что вы все, то есть и ты, и Погодин, и Аксаков, терпите часто душевные беспокойства и тревоги. Они могут быть от разных причин, но могут быть приведены все к одному знаменателю. Я посылаю вам одно средство, уже мною испытанное, которое верно вам поможет уходить чаще в себя, а с тем вместе противиться всем душевным беспокойствам. При письме этом я прилагаю письмо ко всем вам. Ты прочитай его теперь же (прежде один) и купи немедленно во французской лавке четыре миниатюрные экземпляр<ч>ика Подражания Христу, для тебя, Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова. Ни книжек не отдавай без письма, ни письма без книжек, ибо в письме [в этом письме] заключается рецепт употребления самого средства, и притом мне хочется, чтоб это было как бы в виде подарка вам на новый год, исшедшего из собственных рук моих. Прислать вам отсюда книги нет средств; в

конце письма ты увидишь лаконические надписочки, которые разрежь ножницами и наклеи на всяком экземпляре<ч>ике. Подарок этот сопровождается сильным душевным желанием оказать вам братскую помощь, и потому бог, верно, направит его вам в пользу.

Вы оба поступили хорошо, что не отдавали моего письма Погодину. [Далее было: Раздражение] Меня беспокоит его нынешнее волнение и душевное беспокойство. Оно, видимо, происходит от множества забот, среди которых он никак не умеет себя умирить. Нет ли средств затащить в литературную деятельность Хомякова [Далее начато после точки: Уд<ивительно>] и заставить его действовать, хотя полемически, в Москвитянин? Удивительно, что Москвитянин не вывел ни одного нового таланта на поприще, не возбудил никого из ленивых к деятельности и опирается только на тех, которые бы действовали и без него. В Погодине есть что-то такое, что наводит уныние на молодежь. Он никак не умеет бодрить и куражить, а это необходимо для молодежи. Поощрение слишком важная вещь

для русского человека. Можно и распекать и бранить, и при всем том тебя будут молодые люди любить, если и брань и распеканье основаны сколько-нибудь на познании их природы. Но требовать, чтобы всякий человек был именно Погодин, а не другой кто — с этим ровно ничего нельзя сделать, и все даже прекрасные правила и благие намерения будут брошены на ветер. Он не ведает также различного значения сотрудников, то есть, что один создан для ежедневной работы, другой для того, чтобы в месяц или в два дать одну статью, третий — и того реже. Он без всякого сострадания готов засадить за малую работу того, кто создан для работы покрупнее, и в случае отказа будет попрекать его эгоизмом, говорить, что его приятели не чувствуют, как он выбивается из сил и ни один не хочет помочь ему. Словом, он отыщет случай создавать сам себе огорчения. А между тем нужно при всем том сколько-нибудь подтолкнуть Москву на помощь Москвитянину. Он решительно ничуть [ни на волос] не шевелится книжно-литературным образом. Москвитянина приличнее бы следовало назвать провин-

циалом, потому что большею частью из провинций, извнутри России, присылаются статьи.

Что касается до 2-го издания М<ертвых> д<уш>, то мне кажется, что это дело можно приостановить. Я не предвижу большого расхода. Деньги пока можно взять у Языкова, что я думаю, ты уже сделал, а потом... утро вечера мудренее. Теперь я так мало забочусь о том, что будет в отношении денежном, как никогда доселе. В конце прошлого года я получил от государыни тысячу франков. С этой тысячей я прожил до февраля месяца, благодаря между прочим и моим добрым знакомым, которых нашел в Нице, у которых почти всегда обедал и таким образом [Далее было: их тем] доставил некоторое сбережение деньгам. Более всего [а. этого всего б. всего этого] меня мучило болезненное состояние, которое пришло весьма некстати и повергло дух мой в бесчувственное и бездейственное состояние, несмотря на все усилия мои воздвигать его. Теперь гораздо лучше. Болезненное состояние принесло свою пользу. Из Петербурга я не по-

лучал ни от кого писем уже более полугода. Прокоповичу я написал уже весьма давно, чтобы он выслал тебе немедленно тысячу экземпляров. А впрочем, я желал бы, чтобы все эти экземпляры как-нибудь сгорели, чтоб и концы в воду. Прощай. Обнимаю тебя всею душою. Уведомляй меня о всяком состоянии души твоей. Тут я могу быть тебе полезен, потому что уже перешел весьма многое из того, что, может быть, придется тебе еще чувствовать потом. Вспомни, что я уже давно [слишком давно] веду одну внутреннюю и заключенную в себя жизнь, стало быть, должен что-нибудь испытать. Говорить мне самому и высказывать себя неприлично, да и ни к чему не поведет, кроме, может быть, к питанию какой-нибудь глупой гордости. Но [Далее начато: собран<ное>] откровенное излияние твоих ощущений и всяких душевных явлений поведет невольно и меня к тому, и такое откровение будет иметь цель, потому что обращено будет во благо и в помощь брату. Как я могу быть тебе полезен, так равно и ты можешь быть мне полезен, потому что, вероятно, уже и теперь сделал ты немало душевных откры-

тий. [Далее начато: Я могу] Ибо ты так же можешь узнать многое прежде меня, как я могу узнать многое прежде тебя, а [а потом] обмен взаимно обогатит нас. Если ж мы встретимся и один сообщит другому то, что уже другой знает — и тогда не меньшая польза: чрез то ясней и тверже будет у обоих отысканное, глубже углубится в душу и сообщит ей бодрящую силу.

Передай мой душевный поклон Софье Борисовне и поцелуй Бориса.

Письма адресуй во Франкфурт на имя Жуковского, который там поселяется.

Купи еще один экземп<ляр> для Ольги Семеновны Аксаковой. Ей во многих отношениях очень нужно это средство и потом будет еще более. Недурно, если б книжки в хорош<их> переплетах.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору имп. Моск<овского> универси-

тата Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном переулке, в собственном доме.

С. Т. АКСАКОВУ

1844. Ница. Февраль

**10/Январь 29 [В подлиннике:
Генварь 30 <ошибочно?>]**

Я очень поздно отвечаю на письмо ваше, милый друг мой. Причиной этого было отчасти физическое болезненное расположение, содержавшее дух мой [Далее начато: в мо<ем?>] в каком-то бесчувственно-сонном положении, с которым я боролся беспрестанно, желая победить его, и которое отнимало у меня даже охоту и силу писать письма. Меня успокаивала с этой стороны уверенность, что друзья мои, т. е. те, которые верят душе моей, не припишут моего молчания забвению о них. Ваше милое письмо читал я несколько раз: оно мне было так же приятно, как приятны все ваши письма. Всё, что ни рассудили вы насчет моего письма к Погодину, я нахожу совершенно благоразумным и справедливым, так же как и ваши собственные мысли обо всем, к тому относящемся. Одно мне только было грустно читать, это то, что ваше соб-

ственное душевное расположение беспокойно и тревожно. Я придумывал все средства, какие могли только внушить мне небольшое познание и некоторые внутренние, душевные опыты. И, благословясь, решился послать вам одно средство против душевных тревог, которое мне помогает сильно. Шевырев вручит вам его в виде подарка на новый год. Хотя он уже давно наступил, но я желал бы, чтобы для всех друзей моих наступил новый душевный год, прекраснейший и лучший всех прежних годов, и чтобы это обстоятельство способствовало именно к тому.

Прощайте, бесценный друг мой. Обнимаю вас и всё ваше милое семейство.

Всегда ваш Г.

Письма адресуйте во Франкфурт на имя Жуковского. Из Ницы я выезжаю через неделю от сего числа.

П. В. АННЕНКОВУ
Февраля 10 <н. ст.> Ница.
1844

Иванов прислал мне ваш адрес и сообщил мне вашу готовность исполнять всяческие поручения. Благодарю вас за ваше доброе расположение, в котором, впрочем, я никогда и не сомневался. Итак, за дело. Вот вам порученья: 1-е. Разведайте, что делается с моими книжными делами; вам, я думаю, известно, что я сделал глупость, напечатав свои сочинения в Петербурге, а не в Москве, и таким [и таки<м>] образом возвысил издержки ровно вдвое. К этой глупости я присоединил другую глупость, напечатав их за глаза, тогда как доселе таковых дел я никому не доверял, кроме себя, чрез это ввел бедного Прокоповича, человека нового в этом деле, в хлопоты и страшную путаницу, так что, я думаю, и он сам теперь сбился с толку. До сих пор ни одной копейки я не получил дохода от моих сочинений. И ни слуху, ни духу ни от кого. От Прокоповича больше полугода не имею ни

известия, ни писем. Я просил его прислать мне отчет, но не получал никакого ответа. Никогда еще так несчастливо не случилось мне издать. Никаких историй у меня не бывало ни с типографиями, ни с купцами, хотя я и не заключал с ними никаких письменных контрактов. Вы сделайте вот что: разведайте поближе, в чем дело, и так, как бы не я вас просил о том, а как бы вы сами для себя хотели узнать. Да не дурно между прочим запасть в этом случае совершенным хладнокровием и надлежащим благоразумием, наводящим нас на прямую середину и на прямое познание дела. Прокопович человек несколько страстный и увлекающийся. Все ваши приятели тоже с увлечениями, да и вообще как правые, так и неправые, как честные, так и подлецы, любят увлекаться, всё это помните [припомните] себе хорошенько. [Далее начато: Особ<енно>] Помните также, что человек никогда не бывает ни совершенно прав, ни совершенно виноват. По моему мнению, капитанская жена в повести у Пушкина совершенно права, когда послала поручика рассудить драку за шайку в бане с таковой ин-

струкцией: «Разбери хорошенько кто прав, кто виноват, да обоих и накажи». Мне кажется, если вы возьмете всё это в соображение, то узнаете совершенную истину и можете представить самую выжатую эссенцию из этой путаницы. Как [Как буд^ь] бы то ни было, но мое положение не очень завидно, [завидное] я сижу без копейки денег. Хорошо, что нашим приятелям не приходит на ум примерить иногда на себе положение другого.

2-е. Другая просьба. Уведомьте, в каком положении и какой приняли характер ныне толки как о Мертвых душах, так и о Сочинениях моих. Это вам сделать, я знаю, будет отчасти трудно, потому что круг, в котором вы обращаетесь, большею частью обо мне хорошего мнения, стало быть, от них что от козла молока. Нельзя ли чего-нибудь [что-нибудь] достать вне этого круга, хотя чрез знакомых вашим знакомым, через четвертые или пятые руки? Можно много довольно умных замечаний услышать от тех людей, которые совсем не любят моих сочинений. Нельзя ли

при удобном случае также узнать, что говорится обо мне в салонах Булгарина, Греча, Сенковского и Полевого? В какой силе и степени их ненависть, или уже превратилась в совершенное равнодушие? Я вспомнил, что вы можете узнать [много узнать] кое-что об этом даже от Романовича, которого, вероятно, встретите на улице. Он, без сомнения, бывает по-прежнему у них на вечерах. Но делайте всё так, как бы этим вы, а не я интересовался. Не дурно также узнать мнение обо мне и самого Романовича.

За всё это я вам дам совет, который пахнет страшной стариной, но тем не менее очень умный совет: тритесь побольше с людьми и раздвигайте всегда круг ваших знакомых, а знакомые эти чтобы непременно были опытные и практические люди, имеющие какие-нибудь занятия, а знакомясь с ними, [В подлиннике: с ним <описка?>] [держитесь такого правила: поостроже к себе и понисходительней к другим. А в хвост этого совета положите мой обычай не пренебрегать никакими толками о себе, как умными, так и глупыми,

и никогда не сердиться ни на что. Если вы выполните это, благодать будет над вами, и вы узнаете ту мудрость, которой уж никак не узнаете ни из книг, ни из умных разговоров.

Уведомьте меня о себе во всех отношениях. Как вы живете, как проводите время, с кем бываете, кого видите, что делают все и знакомые и незнакомые. В каком положении находится вообще картолюбие и <...>любие, и что ныне предметом разговоров как в больших, так и в малых обществах, натурально в выраженьях приличных, чтобы не оскорбить никого. Затем, обнимая вас искренно и душевно и желая всяких существенных польз и приобретений, жду от вас скорого уведомления. Прощайте.

Ваш Г.

Адресуйте во Франкфурт на Майне на имя Жуковского, который отныне учреждается там и где чрез месяц я намерен быть сам.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его благородию Павлу Васильевичу Аннен-
кову.

В С.-Петербурге. В казармах конной гвар-
дии.

М. П. ПОГОДИНУ
<14 февраля н. ст. 1844.
Ницца.>

Я долго не отвечал на письмо твое, были причины: еще до сих пор шевелилось желанье оправдаться перед тобою. Слава богу, это желанье наконец умерло вовсе. Теперь я задаю себе такие вопросы: [сужу так:] во-1-х, будет ли [ежели] мне какая-нибудь польза [выгода] из того, что в твоей душе поселится обо мне мнение выгоднейшее прежнего, лучше ли я стану от этого? во-2-х, если бы я оправдался перед тобою во всем и вышел бы белее снега в тех поступках, в которых случилось тебе обвинить меня, разве это послужило бы доказательством, что во мне нет других проступков, может быть, в несколько раз хуже первых? Итак, оставайся лучше при прежнем своем мнении: пусть я буду в глазах твоих отвратительным существом. Во всяком случае это, верно, будет ближе к истине, чем если бы ты вообразил меня противоположным тому существом. Но признавши в другом

несовершенство [глубокое несовершенство] и ничтожность характера, следует допустить и в себе самом хотя часть несовершенства. Я укажу тебе некоторые твои недостатки, которые вводили тебя в заблуждение, но с тем, чтобы ты указал мне мои. Я выведу для тебя правила из твоих же действий, но с уговором, чтобы ты вывел также правила для меня из моих же действий. Естественно, что правил для меня ты должен вывести гораздо больше, чем сколько я мог бы вывести их для тебя, потому что по собственному твоему убеждению я виноват перед тобою, а не ты передо мною.

Недостатки твои заключаются в быстроте и скорости заключений, в неумении оглядывать всякий предмет со всех его сторон и наконец в странном беспамятстве, вследствие которого ты позабываешь часто доказанные истины именно в ту самую минуту, когда нужно применить их. Ты позабываешь [позабываешь дв<е>] весьма часто две вещи: во-1-х. Два человека, живущие в двух разных мирах, не могут совершенно понять друг друга. Если один живет жизнью среди тысячи разных за-

бот и занятий, дергающих его со всех сторон и не дающих продолжительно входить в себя, а другой ведет жизнь, совершенно сосредоточенную в себе самом, то между ними будут вечные недоразумения, если они столкнутся между собою. Последний еще имеет более средств понять первого. Но редко может случиться, чтобы первый понял последнего. Увы, самые видимые признаки и подобию, из которых станет он выводить свои заключения, не послужат к разгадке. Основываясь на признаках и подобию, лучшие врачи бывали причиною смерти больного, ибо по вскрытии [раскрытии] трупа оказывалось, что эти признаки были произведены другою болезнью и потому, как бы ни казалось, [казалось ему] что больной врет и несет [говорит] вздор, но не следует врачу [ему] пропускать без внимания болезненный голос больного, когда он говорит: у меня не там болит и не в том месте, где вы думаете.

Во 2-х. Ты иногда жаловался горько на неблагодарность людей, но всегда позабывал задать вопрос: не [В подлиннике: но] во мне

ли самом заключена причина этой неблагодарности? Вот что говорит Марк Аврелий: «Во всяком случае, когда придется тебе жаловаться на человека неблагодарного или вероломного, обратись прежде к самому себе, ты, верно, был сам виноват или потому, что заключил, будто вероломный может быть верным, или потому, что, делая добро, имел что-нибудь другое в виду, а не просто делание добра и захотел скоро вкусить плоды своего доброго дела. Но чего ищешь ты, делая добро людям? Разве уже не довольно с тебя, что это свойственно твоей природе? Ты хочешь вознаграждения? Это всё равно, если бы глаз требовал награды за то, что он видит, или ноги за то, что они ходят! Как глаза и ноги действуют так для того, что сим исполняют свою должность и непременный закон относительно к строению всего тела, так и весь человек, созданный для того, чтобы благодетельствовать, должен считать это не более как за непременный долг и непреложный закон своего действия».

Я привел это мнение нарочно. Это говорит

император язычник, а мы христиане, нам на каждом шагу делается об этом напоминание. Ты часто хотел вкусить слишком скоро плоды своего доброго дела. Это было причиной многих твоих разрывов и недоразумений со многими людьми. Это было причиной многих несправедливых мнений, утвердившихся о тебе в людях, и обратно. Мне несколько раз случалось слышать, какое черное и корыстное значение придавали твоим действиям, возникшим из благородных и чистых побуждений. — Но довольно, два эти замечания и наставления я даю тебе в долг с тем, чтобы ты заплатил за них десятью нужными для меня. Это лучшие благодеяния, которые мы можем в сей жизни оказать друг другу.

Я слышал, что ты бываешь часто одержим беспокойствами и тревогами частью нервическими, частью душевными. Всё это слишком мне знакомо. Много происходило во мне таких сильных душевных потрясений, раздражавших такие чувствительные и тонкие струны, что в один болезненный вопль превращалась душа моя. Это началось в сильней-

шей степени, когда я был среди вас, но никто не был свидетелем этого, потому что я, как тебе известно, человек скрытный. Мне помогало одно средство, впоследствии оно помогало еще сильнее — и успех его возрастает по мере употребленья ежедневно. О нем я пишу в письме к вам троим. Мне кажется, что все испытываете разные душевные тревоги. Тревоги эти [Они] необходимы и глубокое значение их вы сами уведаете после. Прощай! Обнимаю тебя от всей души и вслед за тобой всё твоё семейство.

Твой Г.

Пиши ко мне в Франкфурт, *Poste restante*.

Адрес: *Moscou. Russie.*

Его высокоблагородию Михалу Петровичу Погодину.

В Москве, в Университете.

А. О. СМИРНОВОЙ
<15 февраля н. ст. 1844.
Ницца.>

Александра Осиповна! не позовете ли вы завтра, т. е. в пятницу, на блины весь благовоспитанный дом Paradis, то есть графиню с обеими чадами, что составляет, включительно со мною грешным, ровно четыре персоны. Полагая на каждую физиогномию по три блина, а на тех, которые позастенчивее, как-то на Анну Михайловну и графиню, даже по два, я полагаю, что с помощью двух десятков можно уконтентовать всю компанию. А если Мария Оливко<во>е масло присовокупит к этим блинам обед, хотя вполовину равный великолепию того обеда, которым обыкновенно потчеваете вы Гагарина и Куси, то все будут не только удовлетворенны, но даже и обремененны. Дайте на это ответ.

На обороте: à Son Excellence Madame

Madame de Smirnoff.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Февраля 15 <н. ст.>. Ница.
1844

Благодарю тебя за книги, которые ты обещаешь прислать мне с Боборыкиным. [В подлиннике: Бабарыкиным] Они именно те, какие мне нужны. О Христ<ианском> чт<ении> не заботься, но если бы случилось каким-нибудь образом достать перевод св<ятых> отцов, изд<анный> при Троиц<кой> лавре, то это был бы драгоценный подарок. Я, признаюсь, потому наиболее желал Хр<истианское> чт<ение>, что там бывают переводы из св<ятых> отц<ов>. Конец твоего письма горек. Ты уныл духом, одержим скучным и грустным расположением. Много людей, близких душе моей, чувствует в последнее время особенно грустное расположение; я сам не вовсе свободен от него. У всякого есть какие-нибудь враги, с которыми нужно бороться: у иных они в виде болезней и недугов физических, у других в виде сильных душевных скорбей. Здоровые, не зная, куда деваться от тоски и

скуки, ждут как блага болезней, болящим кажется, что нет выше блага, как физическое здоровье. Счастливей всех тот, кто постигнул, что это строгий, необходимый закон, что если бы не было моря и волн, тогда бы и плыть было невозможно, и что тогда сильней и упорней следует гребсти обеими веслами, когда сильней и упорней противящиеся волны. Всё ведет к тому, чтоб мы крепче, чем когда-либо прежде, ухватясь за крест, плыли вопреки скорбей. Есть средство в минутах трудных, когда страдания душевные или телесные бывают невыносимо мучительны; его добыл я сильными душевными потрясениями, но тебе его открою. Если найдет такое состояние, бросайся в плач и слезы. Молись рыданием и плачем. Молись не так, как молится сидящий в комнате, но как молится утопающий в волнах, ухватившийся за последнюю доску. Нет горя и болезни душевной или физической, которых бы нельзя было выплакать слезами. Давид разливался в сокрушеньях, обливая одр свой слезами, и получал тут же чудное утешение. Пророки рыдали по целым дням, алча услышать в себе голос бога, и только по-

сле обильного источника слез облегчалась душа их, прозревали очи, и ухо слышало божий голос. Не жалея слез, пусть потрясется ими весь состав твой; такое потрясение благотельно. Иногда врачи употребляют все средства для того, чтобы произвести потрясение в больном, которое одно бы только пересилило болезнь — и не могут, потому что на многое не хватает физических средств. Много есть на всяком шагу тайн, которых мы и не стараемся даже вопрошать. Спрашивает ли кто-нибудь из нас, что значат нам случающиеся препятствия и несчастья, для чего они случаются? Терпеливейшие говорят обыкновенно: так богу угодно. А для чего так богу угодно? Чего хочет от нас бог сим несчастьем? — этих вопросов никто не задает себе. Часто мы должны бы просить не об отвращении от нас несчастий, но о прозрении, о проразумении тайного их смысла и о просветлении очей наших. Почему знать, может быть, эти горя и страдания, которые ниспосылаются тебе, ниспосылаются именно для того, чтобы произвести в тебе тот душевный вопль, который бы никак не исторгнулся без этих страданий. Может

быть, именно этот душевный вопль должен быть горнилом твоей поэзии. Вспомни, что было время, когда стихи твои производили электрическое потрясение на молодежь, хотя эта молодежь и не имела большого поэтического чутья, но заключенный в них лиризм — глубокая истина души, живое отторгновение от самого тела души, потряс их. Последующие твои стихи были обработаннее, обдуманнее, зрелее, но лиризм, эта чистая молитва души, в них угаснул. Не суждено лирическому поэту быть покойным созерцателем [В подлиннике: быть покойному созерцателю] жизни, подобно эпическому. Не может лирическая поэзия, подобно драматической, описывать страдания и чувства другого. По этому одному она есть непритворнейшее выражение, истина выше всех истин, и глас божий слышится в ее восторгновении. Почему знать, может быть, томления и страдания именно ниспосылаются тебе для того, чтобы ты восчувствовал эти томленья и страдания во всей их страшной силе, чтобы мог потом представить себе во всей силе положение брата своего, находящегося в подобном положении, какого положе-

ния ты никогда бы не мог представить себе, если бы не испытал его на себе самом, чтобы душа твоя подвинулась бы всею силою нежной любви к нему, сильнейшей, чем та любовь, которую мы стремимся показывать, чтобы душа твоя проникнулась [загорелась] всею силою сострадания, сильнейшего, чем наше бледное и холодное сострадание. Голос из глубины страждущей души есть уже помощь великая другому страждущему. Нет, не медной копейкой мы должны подавать милостыню, медная копейка примется от того, кто на выработанье ее употребил все данные ему от бога способности. А мы разве употребили наши способности? где наши дела? Не часто ли, в минуты бедствий произносит человек: «Господи, за что это приходится мне терпеть столько? Кажется, я никому не сделал зла на своем веку, никого не обидел». Но что скажет он, если в душе раздадутся в ответ на это такие слова: А что сделал ты добра? Или ты призван затем, чтобы не делать только зла? Где твои прямо христианские дела? Где свидетельства сильной любви твоей к ближнему, первого условия христианина? где они? Увы!

может быть, даже и тот, который находится при смерти, и тот не избавлен от обязанностей христианских; может быть, и тогда не имеет он права быть эгоистом и думать о себе, а должен помышлять о том, как и самыми страданиями своими быть полезну брату, может быть, оттого так и невыносимы его страдания, что он позабыл о своем брате. Много еще тайн для нас, и глубок смысл несчастий! Может быть, эти трудные минутки и томленья ниспосылаются тебе для того, чтобы довести тебя именно до того, о чем ты просишь в молитвах, может быть, даже нет к тому иной дороги, нет другого законнейшего и мудрейшего пути, как именно этот путь. Нет, не будем пропускать даром ничего, что бы ни случилось с нами, и будем ежеминутно молиться об уяснении очей наших. Будем добиваться [и добиваться] ответа из глубины душ наших и, что найдем там в утешение себе, да поделимся братски. Пока мой совет вот какой: всякий раз, в минуту ли скорби или в минуту, когда твердое состоянье водворится в твою душу, или в ту минуту, когда обнимает тебя всего состоянье умиленья душевного, набрасывай

тот же час на бумагу хотя в виде одних иероглифов и кратких неопределенных выражений. Это очень важно. В трудную минуту ты, прочитавши их, уже приведешь себя сим самим, хотя в половину, в состояние того умиления, в котором ты пребывал тогда. Притом [При этом] это будут зерна твоей поэзии, не заимствованной ниоткуда и потому высоко своеобразной. Если тебе сколько-нибудь удастся излить на бумагу состоянье души твоей, как она из лона скорби перешла к утешению, то это будет драгоценный подарок миру и человечеству. Состоянье души страждущей есть уже святыня, и всё, что ни исходит оттуда, драгоценно, и поэзия, изникшая из такого лона, выше всех поэзии. Прежде, когда еще не испытал я глубоких потрясений душевных и когда силы души моей еще мало были разбужены, видел я в Давидовых псалмах одно восторженное состояние духа в минуту лирического настроения, свободного от забот и беспокойств жизни, но теперь, когда больше прояснились глаза мои, [Далее было: вижу, что всё] слышу я в каждом слове происхождение их и вижу, что всё это есть не что иное,

как излишня нежной глубоко страдавшей души, потрясаемой и тревожимой ежеминутно и не находившей нигде себе успокоения и прибежища ни в ком из людей. Всё тут сердечный вопль и непритворное восторженное к богу. Вот почему остались они как лучшие молитвы, и до сих пор в течение тысящелетий низводят утешенье в души. Перечти их внимательно или, лучше, в первую скорбную минуту разогни книгу наудачу, и первый попавшийся псалом, вероятно, придется к состоянию души твоей. Но из твоей души должны исторгнуться другие псалмы, не похожие на те, из своих страданий и скорбей исшедшие, может быть более доступные для нынешнего человечества, потому что и самые страдания и скорби твои более доступны нынешнему человечеству, чем страдания и скорби Давидовы. Всё, что ни написал я тебе здесь, перечти со вниманием, ибо оно писано с душевным сильным участием и всем стремлением сердца, и потому как бы ни слабы были мои слова, но бог, облакающий в силу всякое душевное слово и доброе стремление, верно, обратит и это на твою пользу.

Еще, мне кажется, хорошо бы было тебе разделить утро на две половины. Начало каждой половины в продолжение одной четверти часа отдай на постоянное чтение одной и той же постоянной книги, по одной страничке, не более; чтоб это было непременно закон, как послушание, наложенное на послушника, то же, что после обеда Стойкович. Для первого чтения (которое должно быть поутру, сейчас после кофия) вручит тебе книгу Шевырев, подобные которой я посылаю также им, как лекарства от разных душевных беспокойств и тревог (хотя и непохожих на твои), с присовокуплением рецепта, который должен прочесть также и ты. Для второго чтения (после 12 часов) употреби Библию, начни с книги Иова. Час такой должен начинаться в одно и то же время каждый день, минута в минуту. Через это оба разделенные пространства времени будут наполнены лучше всякими умными занятиями и размышленьями. Прощай, обнимаю тебя всею душою. Не переставай уведомлять меня о всяком состоянии души твоей, в духе ли, просто ли нападет тоска и без-

действие, или одолеет тобою совершенное нежелание писать — извещай и об этом. Нет нужды, что письмо твое будет состоять иногда из двух строчек и заключаться в таких словах: «Не хочется писать, не о чем писать, скучно, тоска, прощай!» Написавши даже и эти слова, ты верно уже почувствуешь [почувствуешь потом] некоторое облегчение.

Ответ на это письмо напиши во Франкфурт на имя Жуковского, который отныне переселяется туда, и куда я еду тоже. В Нице не пожилось мне так, как предполагал. Но спасибо и за то, [и за ин<ое>] всё пошло в пользу, и даже то, что казалось мне вовсе бесполезно.

Твой Гог<оль>.

Не прикажешь ли передать чего Копу, с которым я буду, вероятно, теперь часто видеться?

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Михайло-

вичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной.

А. О. РОССЕТУ

<Февраль (?) 1844. Ницца.>

Благодарю вас, Аркадий Осипович, за рецепт и за письмо. Рецепт остался, по примеру всех других рецептов, неупотребленным в дело. Но письмо пошло в дело, потому что я его прочел не один раз, [прочел с жадно<стью>] благодаря находившимся в нем известиям как о вас, так и о других близких душе нашей людях. Мелочные и, по-видимому, совсем не замечательные события петербургской жизни я прочел жадно, как новость, несмотря на то, что итог всего, [а. что итог б. что дух всего] по-видимому, был один и тот же, то есть: такой-то продолжает то же, такой-то живет всё так же и проч. и проч. Относительно вашей собственной петербургской жизни скажу вам то, что вы нашли [нашли сразу] ту разумную середину, до которой другой достигает одними только горькими опытами, и то не прежде пятидесяти лет. Я живу теперь в Нице. В Дюссельдорфе не высидел по мерзости климата, до Рима не доехал по бед-

ности финансов и задержался в Нице единственно по причине Александры Осиповны, Вельегурских и Сологубов, с которыми время проходило бы у меня очень весело, если бы не мешали сильно разные мои недуги, которые в этот год я слышу более, чем прежде, и решаюсь с началом лета ехать в Греффенберг. Надоело сильно мое болезненное состояние, препятствующее всякой умственной работе. Вербуйте охотников в Греффенберг. Я почти уверен, что, лечась гуртом и обществом, можно скорее выздороветь, чем поодиночке, Греффенберг же такого свойства, что нужно его сильнее усластить, чтобы он пришелся понутру. Напишите мне... но прежде передайте поклон всем, которые помнят меня и любят, а я всех люблю и помню, а потом напишите, каким образом именно всякий делает то же самое, что делал прежде? Ведь это только вообще всё кажется одинаково, а в деталях окажутся вариации: разговор и всякие поступки всё же бывают иногда с новыми эпизодами, выигрывает или проигрывает в эту неделю всякий, верно, более, чем в предыдущую. Словом, не без изменений и самый неизменный

круг. На вопрос ваш о Языкове скажу то, что он живет в Москве, в приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной, в Малом Власьевском переулке. К Призницу не поехал, потому что не дали отсрочки его пашпорту [не дали ему про<езда?>] — впрочем, чувствует в Москве себя довольно сносно покуда и, вероятно, будет очень рад, если вы ему напишете письмо. Передайте душевный поклон Василию Алек<сеевичу> Перовскому. Я собирался даже было писать к нему, сообщить несколько наблюдений по поводу Алеши, когда он имел намерение привезти его в Германию, наблюдений, впрочем, относившихся более к душевному, чем к телесному излечению. Но дела, как видно, устроились иначе. Дай бог, чтоб всё было хорошо. Затем будьте здоровы, держитесь твердо ваших правил, которыми и я со всею готовностью рад позаимствоваться, и не забывайте извещать о себе вашего слугу.

Н. Гоголь.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Ница. Март 12 <н. ст.> 1844

Письмо и деньги получены в исправности. Благодарю тебя за то и за другое. Всё, что ни пишешь ты в письме, очень умно, и я не согласен с тобою в том, что о подобном предмете следовало бы написать большое и обдуманное письмо. Обдуманное письмо должен я писать к вам, потому что еще строюсь и создаюсь в характере, а вы уже создались. Вам в двух, трех строках, самых небрежных, можно писать ко мне. Ты пишешь, что желал бы искренности более между всеми нами, но что искренность эта должна быть растворена божественной любовью, без которой нельзя и достигнуть ее. Это такая истина, которую верно чувствует каждый <из> нас в глубине души своей. И потому обращаю [поверга<ю>] я это письмо ко всем вам троим. С этих пор соединимся между собой тесней, чем когда-либо прежде: уже самое несходство наших характеров [Далее начато: и совсе<м>] и свойств, самое то, что мы с разных сторон ви-

дим иногда одни и те же вещи, говорит, как может <быть> полезно такое соединение и как мы можем пополнить друг друга. Итак, прежде всего возлюбим так друг друга, чтобы не раздражаться никаким словом, как бы жестко ни было слово, считать его порожденным силой одной любви, хотя бы и чувства наши и разум говорили тому противное. Начать вы должны с меня. [с сам<их себя?>] Между собою вам это невозможно сделать вдруг. Характеры ваши получили уже постоянное и твердое выражение, вы должны быть снисходительны друг к другу и щадить щекотливые струны друг друга взаимно. Но между вами и мной другое дело. Я именно произвожу теперь сильную внутреннюю ломку и нападаю на самые щекотливые места, какие только во мне есть. [Далее начато: Со мной нужна] Между нами должны быть простые и жесткие слова, душа моя этого требует. Словом, превратитесь в отношении ко мне все в Погодина и рубите прямо с плеча, не разбирая, прав ли я или виноват. Погодина оказал мне великое благодеяние, и я теперь в лице нас всех приношу ему душевную благо-

дарность. Думая напасть во мне на одно, он нечаянно напал на другое. Невинно, и не зная сам того, он напал на целое [на такое] сцепление таких чувствительных струн, от которых целые полтора года болела душа моя, но зато я окреп во многом том, в чем иногда не бывают крепки многие люди. Итак, пусть и мысль теперь не приходит о том, чтобы употреблять со мною какую-либо осторожность в словах и выражениях. Прежде всего исполните то, что я попрошу у вас: ведите обо мне коротенькую записку. При всяком случае, когда случится вспомнить обо мне, отметьте тут же, в коротких словах, всякую пробежавшую мысль. Почти таким образом, в виде дневника: день, месяц и число. Сегодня ты мне представился вот в каком виде... День, месяц и число. Сегодня я на тебя сердился вот за что. День, месяц и число. В твоём характере или в поступках вот что казалось мне неизъяснимо. День, месяц и число. О тебе пронесли здесь вот какие слухи, я им не поверил, но некоторое сомнение закралось мне в душу. День, месяц и число. У меня еще до сих пор таится противу тебя в душе неудовольствие на то и на то, и проч.

Когда наберется [накопится] хоть поллиста почтовой бумаги, отправьте мне в письме вашем. Если вы мне это сделаете, то вы мне окажете [окажете этим] услугу, бóльшую всех прежних услуг ваших. Помогите мне теперь, а я, как состроюсь и сделаюсь умней, помогу вам. Кроме то<го> вы этим заставите меня невольно быть откровенней с вами. Иногда я не говорю просто от того, что не знаю, с какого конца начать. В самом деле, вы рассмотрите хорошенько мое положение: человеку, который так долго вел заключенную в себе жизнь, очень естественно утратить способность и даже потребность сообщать себя другому. Конечно, может, меня утешает мысль, что и заключился в себе я от того, чтобы лучше потом и ясней сообщить себя, и скрытным сделался для того, чтобы привести себя в состояние быть откровеннее [чтобы потом быть откровеннее] и изъясниться понятнее, но тем не менее многого я не говорю [Далее начато: пот<ому>] вовсе не потому, чтобы не хотел сказать, но потому именно, что не знаю, где, в каком месте начало, с которого я должен начать. Например, в самых письмах ваших бы-

да иногда какая-то осторожность и загадочность. Я догадывался из них, что есть какие-то слухи обо мне, но какие именно и в чем именно — этого мне никто не сказал. Так что я, как ни напрягал внимание, но в иное никак не мог проникнуть и потому отвечал вам иногда, может быть, вовсе невпопад и не на такие пункты, на которые следовало. И потому рубите отныне всё напрямик и сообщайте обо мне как свои мысли, так и чужие слухи, как бы ни унижительны для меня они были, простыми и жесткими словами. Это будет полезно и для вас; увидя, что я не сержусь и принимаю всё, вы не будете сердиться и между собой ни за какое слово, не согласное с вашим мнением, оскорбительное или просто несправедливое. А может быть, зададите вопрос: нельзя ли и из самого несправедливого извлечь для себя справедливое? Затем целую вас всех и говорю вам: Христос воскрес! потому что письмо, по расчету моему, придет к вам если не в самый день праздника, то вероятно скоро после того. Да воцарится с этим словом и прямая Христова любовь между нами! Как ни различны мы характерами, свой-

ствами и занятиями своими, но дорога или, лучше сказать, цель дороги у всех одна и та же. Чем ревностнее устремится всякий из нас по пути своему, тем более мы будем потом сближаться между собою. Идите к собственной душе своей, и душа вам расскажет всё. Чем более углубитесь вы в свою душу, тем более будете узнавать душу другого, так что потом даже и слов не потребуете, а прямо будете читать, как в открытой книге, всё, что ни есть на душе. И как бы ни был скрытен человек, но ничего не в силах будет тогда утаить пред вами. Но к чему говорить? Вы сами это знаете и, может быть, лучше меня. Обнимаю вас всех от всей души и крепко, и прошу передать потом объятие это всем родным вашим и всем близким нам людям и знакомым.

Я еду говеть и встретить пасху в Штутгарт. Оттуда во Франкфурт к Жуковскому, который отныне переселяется туда на житье. Адресуйте во Франкфурт.

Ваш Н. Г.

Я хотел бы знать, отчего Языков прислал мне не 3000 р<уб.>, а две. С меня, конечно, пока довольно, но [Далее начато: хотел бы я знать в том отношении, чтобы уд<овлетворение?>] не лишил ли я его самого чего-нибудь, он, как видно, не при деньгах. Мне жаль, если я взял у него невпопад, тем более что не вижу возможности скоро вернуть. Церковь наша из Штутгарта переправляется в Дармштат, и поэтому я <не> еду в Штутгарт. Во всяком случае адресуй во Франкфурт на имя Жуковского.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору импер. Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

**Ницца. <Около 15 марта н. ст.
1844.>**

Хотя до праздника воскресенья Христова остается еще три с половиною недели, но я заранее вас поздравляю, добрый и почтенный друг мой Надежда Николаевна. На днях я еду отсюда в Штутгарт, с тем чтоб там в русской церкви нашей говеть и встретить пасху. Вы можете быть уверены, что я буду молиться и за вас, как, без сомнения, вы будете молиться обо мне, и что, после провозглашения «Христос воскрес», пошлем взаимно друг другу наши душевные и братские лобзания.

Я получил от вас два письма с того времени, как писал к вам в последний раз: одно назад тому месяц (писанное вами от 20 января), другое гораздо прежде. Не сердитесь на меня за большие промежутки. Писать письма вообще мне всегда было очень трудно; я это говорил вперед всякому, с кем только мне предстояла продолжительная переписка. Теперь

же писать мне еще трудней, чем когда-либо прежде, потому что всякий раз возникает в душе вопрос: будет ли от письма моего какая-нибудь существенная польза и что-нибудь спасительное для брата? не обратится ли оно в болтовню или в повторение того, что уже было сказано? Вам дело другое: вы имеете более времени и притом вы можете более сказать полезного. А мне иногда дорога, всякая минута, мне слишком еще много предстоит узнать и научиться самому для того, чтобы сказать потом что-нибудь полезное другому. Не забывайте, что, кроме того, мне иногда предстоит страшная переписка и отвечать приходится на все стороны, и почти всегда такими письмами, которые требуют долгого обдумывания; и потому я уже давно положил писать только в случае самой сильной душевной нужды. Всё это я считаю нужным сказать вам, потому что вы уже, как мне показалось из письма вашего, начали было приписывать другую причину моему редкописанию. Прежде я бы на вас посердился за такое обо мне заключение, как сердился некогда на друзей моих, толковавших во мне иное пре-

вратно, [Далее было: теперь] но теперь не сержусь ни на что и скажу вам вместо того вот что: друзьям моим случилось переменять обо мне мнения, но мне еще ни разу не случилось переменить мнение ни об одном близком мне человеке. Меня не смутят не только какие-нибудь слухи и толки, [Далее было: распущенные обо мне] но даже, если бы сам человек, уже известный мне по душе своей, стал бы клеветать на себя, я бы и этому не поверил, ибо я умею верить душе человека. Отсюда перейдем весьма кстати к толкам обо мне. Сказавши вам в письме, что некоторые толки дошли до меня, я, признаюсь, разумею толки, возникшие вследствие литературных отношений и некоторых недоразумений, [Далее было: а. литературных б. возник<ших>] происшедших еще в пребывание мое в Москве. Но какие могут <быть> обо мне теперь толки такого рода, которые могли бы опечалить друзей моих — этого я не могу понять. Вы говорите, что вас смущал один слух, и не рассказываете даже, какой слух. Как же я могу и оправдаться, если бы захотел, когда даже не знаю, в чем меня обвиняют? Зачем вы, почтенный

друг, употребляете такую загадочность со мною? Неужели опасаетесь тронуть во мне какую-либо щекотливую или чувствительную струну? Но на эту-то именно струну и следует нападать. Я почитал, что вы хотя в этом отношении знаете меня лучше. Вы рассудите сами: стремлюсь я к тому, к чему и вы стремитесь и к чему всякий из нас должен стремиться, именно — быть лучше, чем есть. Как же вы скрываете и не говорите, когда, может быть, во мне есть дурное с такой стороны, с какой я еще и не подозревал? Сами знаете также, что с тем, который хочет быть лучше, не следует употреблять никакой осторожности. Если бы вы, вместо того, чтобы напрасно смущаться в душе вашей, написали бы просто: «Вот какой слух до меня дошел; нужно ли ему верить?» — я бы вам тогда прямо, как самому богу, сказал бы, правда ли это или нет. Итак, вперед поступайте со мной справедливей и притом достойней и вас и меня. Еще одно слово скажу вам о ваших письмах. Как они ни приятны были мне всегда, но когда я соображался, что вам стоила почта, то я желал, чтоб они были реже, и отчасти в этом

смысле сказал вам, что, по причине частых разъездов, переписка частая бывает невозможна. Я очень хорошо знаю, что вы помогаете много бедным и что у вас всякая копейка пристроена. Зачем же вы не хотите быть экономны и не поступаете так, как я вас просил? то есть, отдавайте половину писем Аксакову и Языкову. Они мне пишут очень мало, иногда я просто получаю один пустой пакет; стало быть, они и за свое и за ваше письмо заплатят то же самое, что за одно свое.

Вот вам всё, почтенный друг мой, что хотел сказать вам. Благодарю вас за присланную в письме выписочку, но еще более благодарю, [благодарю за это] что вы обещаетесь послать с Боборыкиным молитвы св. Дм<итрия> Ростовского. Душе моей нужней теперь то, что писано святителем нашей церкви, чем то, что можно читать на французском языке. Это я уже испытал. Пишите проще как можно и называйте всякую вещь своим именем, без обиняков, не в бровь, а прямо в глаз; иначе я не пойму вашего письма.

На обороте: Прошу Сергея Тимофеевича передать Н. Н. Шереметевой.

А. А. ИВАНОВУ

Ница. Марта 18 <н. ст. 1844>

Не сердитесь, Александр Андреевич, за то что не отвечал на последнее письмо ваше. Это случилось отчасти потому, что не хотел вам наскучать повтореньем одного и того же относительно ваших беспокойств, которые вы умеете задавать себе, а отчасти оттого, что спустя дней несколько получил письмо от Моллера, в котором он жалуется совершенно справедливо на возрастание вашей мнительности и говорит, что об этом написал вам откровенно свое мнение, хотя, не знаю почему, он думает, что вы мало даете весу словам его. С моей стороны, я вам скажу еще раз, не по поводу нынешнего вашего беспокойства, но на всякий случай для будущего: пора наконец взять власть вам над собою. Не то мы будем [вечно] зависеть от всякой дряни. Вы говорите: как можно работа<ть>, когда душа неспокойна? Да когда же может быть спокойна душа? Я несколько лег уже борюсь с беспокойством душевным. Да и откуда взялись у нас

такие комфорты! Чтобы в продолжение труда нашего не смутила нас даже и мысль о том, что будет еще через два года! Смотрите, карачульте за собой и за характером своим, иначе вы дойдете, наконец, до того, что упадете духом даже тогда, если как-нибудь нечаянно Шаповалов <...> в вашей студии, всё может случиться.

Насчет картины вашей скажу вам только то, как поступал я в таком случае, когда затягивалось у меня дело и немела мысль перед множеством вещей, которые все нужно было не пропустить. Накопление материалов и увеличиванье требований от себя возрастало у меня наконец до того, что я почти с отчаяньем говорил: Господи! да тут работы на несколько лет! Наконец, потеряв всякое терпение и из боязни, что работа, может быть, совсем не кончится, решался я во что бы то ни стало кончить [решился я кончить] как-нибудь, кончить дурно, но кончить. И, решась твердо на это, собирал вдруг всего себя, работал сильно, наконец оканчивал не только лучше, чем предполагал, но даже иногда и

очень недурно. Дело в том, что пока не соберешь всего себя и не подтолкнешь себя самого, не знаешь даже, что именно в тебе есть, потому что мы никогда не принимаем того в соображение, что хотя мы и не работали руками, но мысли у нас в то время все-таки созревали, [мысли у нас зрели] наблюденье и ум совершенствовались, хотя и не на чем было их испробовать. Поверьте, что по тех пор, пока не одолеет вами досада, а может быть, и совершенное отчаяние при мысли, что картина не будет кончена, до тех пор она не будет кончена. Дни будут уходить за днями, и труд будет казаться безбрежным. Человек такая скотина, что он тогда только примется серьезно за дело, когда узнает, что завтра приходится умирать.

Притом вот вам одна очень важная истина, которой вы не поверите или, лучше, не допустит вас к тому ваша гордость: Пока не сделаешь дурно, до тех пор не сделаешь хорошо. А вы не хотите и слышать о том, что вы можете сделать дурно; вы хотите, чтоб у вас до последней мелочи было всё хорошо. Вы будете

поправлять себя двадцать раз на всякой черточке, никак не захотите, [никак не бросите] чтобы оно было и осталось так, как есть, если не дастся лучше. Вы будете мучить себя и биться несколько дней около одного места, до того, что от частностей обессилеет у вас даже мысль о целом, которое [которое, если пож<ивее?>] тогда только, когда живо носится беспрестанно пред глазами и говорит о возможности скорого выполнения, тогда только двигает работу. Ибо вдвигает в душу порыв и вдохновенье, а вдохновеньем много постигается того, чего не достигнешь никакими учеными трудами. Вот вам та истина, которую я слышал всегда в душе, откуда исходят у нас все истины, и которую подтверждали мне на всяком шагу чужие и свои опыты. Но вы [Но вы может б<ыть>] горды и с этим не согласитесь, между прочим, потому, что не взглянули еще сурьезно на жизнь. Вы легко приходите в уныние и не хотите догадаться, что у вас самих могут быть найдены средства противу всего. Еще многое [Далее начато: выд<умываете?>] почитаете вы за выдумки, принимая в буквальном смысле. Еще то, что есть самая

жизнь, для вас безгласно и мертво. Еще на многое смотрите вы остроумными глазами, а не глазами мудреца, просветленного разумом свыше. Еще вы не приобрели того, что одно могло б двинуть работу и сообщить вам ту силу, до которой не достигнешь никакими трудами и знаниями. Словом, вы еще далеко не христианин, хотя и замыслили картину на прославление Христа и христианства. Вы не почувствовали близкого к нам участия [Далее начато: и родствен<ного>] бога и всю высоту родственного союза, в который он вступил с нами. Вот что я почитал еще нужным вам прибавить для того, чтоб вы в иную душевную минуту [свободную душевную минуту] об этом подумали. Затем обнимаю вас от всей души, желаю всякого преуспеяния во всем и не унывать ни в каком случае духом. Извещайте меня, что у вас делается в Риме. Каков Бутенев, довольны ли им? и что делают наши художники? Адресуйте мне во Франкфурт на Майне, на имя Жуковского, который переселяется во Франкфурт. Уведомьте меня, где и что делает Чижов? Если он в Риме, то передайте ему самый душевный поклон и скажи-

те, что я ждал его на Рейне и написал бы ему письмо, несмотря на лень мою, если бы только знал наверно его местопребыванье.

Затем прощайте.

Ваш Гоголь.

Ничего еще не могу вам сказать наверное, где буду проводить будущую зиму. [проводить зиму] Во всяком случае письма продолжайте адресовать во Франкфурт. Завтра еду из Ницы.

На обороте: Rome en Italie.

Al Signor

Signor Alessandro Ivanoff.

Roma. Piazza Apostoli. Palazzo Sauretti № 49 per la scala di M-r Severoli al 3 piano dal S-r Luigi Gaudenzi.

А. О. СМЕРНОВОЙ

Аix. Марта 20 <н. ст. 1844>

Пишу к вам два слова из Аix. Вашу милую записочку из Фрежюса получил и благодарю вас за то, что напомнили о дне вашего рождения. Вы, верно, в этот день хорошо помолились, потому что и мы все его провели довольно весело, хотя это и было накануне моего отъезда. Простился я также с ними весело, как и с вами. Накануне мы читали то, что угодно было богу внушить мне прочесть, оно, как мне показалось, на них подействовало. По крайней мере и графиня и обе дочери дали слово быть веселы и тверды и перечитывать почаще то, что я им оставил. Но это натурально не может сделать ничего, если мы не сопроводим всё это душевною молитвою, а потому помолимся и мы с вами о них от всей души во время нашего говения, дабы бог помог, как им всем, не выключая даже и Сологубов, так и нам с вами, иметь больше любви к нему, стало быть, больше твердости и больше всего того, что составляет мудрость истин-

ную, научающую нас, как действовать и поступать истинно. Да, нужно вам сказать, что говеть я буду в Дармштадте, а не в Стутгарте, куда переносят для велик<ой> княгини церковь на время поста. Хоть это будет несколько шумно, но что ж делать, говеть мне нужно. Попробую, нельзя ли среди шуму быть уединенну. Желаю и вам также среди всякого шума пребыть так покойну, как бы шуму вовсе не существовало. Прощайте, бог да хранит вас! В Нице перед моим выездом всё было по-прежнему. Решительного еще ничего, кроме того, что Вл<адимир> Ал<ександрович> едет в Рим. Матушка дает ему денег на проезд. У ней есть свои какие-то тонкие распоряжения, которые, я думаю, еще несколько раз переменятся. Прощайте.

Ваш Гоголь.

На обороте: Paris.

À Monsieur

Monsieur le banquier Thourneysson.

Paris. Chaussée d'Antin № 22, pour remettre à
Madame de Smirnoff.

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
Стразбург. Вторник, 26 марта
<н. ст. 1844>

Никак не думал было писать к вам, не приехавши на место, но случился случай. Пароход, на который сел я с тем, чтобы пуститься по Рейну, хлопнулся об арку моста, изломал колесо [колеса] и заставил меня еще на день остаться в Стразбурге. Вопросивши себя внутренне: зачем это всё случилось, на что мне дан этот лишний день и что я должен сделать в оный, я нашел, что должен вам написать маленькое письмо. Письмо это будет состоять из одного напоминания. Вы дали мне слово, то есть не только вы, но и обе дочери ваши, которые также близки душе моей, как и вы сами, все вы дали [дали мне] слово быть тверды и веселы духом. Исполнили вы это обещание? Вы дали мне слово во всякую горькую и трудную минуту, помолившись внутри себя, сильно и искренно приняться за чтение тех правил, которые я вам оставил, вникая внимательно в смысл всякого слова,

потому что всякое слово многозначительно и многого нельзя понимать вдруг. Исполнили ли вы это обещание? Не пренебрегайте никак этими правилами, они все истекли из душевного опыта, подтверждены святыми примерами, и потому примите их как повеление самого бога. Это не простым случаем случилось, что правила эти попали к вам в руки. Тут была воля высшая. Мы все орудия божиего провидения. Оно употребляет нас для нас же. Таким образом и меня, который в существе своем есть не более как совершенная дрянь, поместило оно в доме Paradis, хотя от этого помещения не произошло, по-видимому, никому никакой пользы. Но поместило оно именно для того, чтобы правила эти из моих рук перешли в ваши. Итак, это не был простой случай. Самое несчастье, случившееся теперь на пароходе, случилось, может быть, для того, чтобы мне теперь же доставить время и удобность написать вам это напоминание. Может быть, уже ваше обещание побледнело и твердость ослабела и потому пароходу суждено было хлопнуться боком и изломаться. [Далее начато: за что благодарю] Во всяком случае,

если кто-нибудь чего-нибудь у нас требует или просит во имя бога, и если его просьба не противоречит ни в чем богу, и если он умоляет всею душою исполнить его просьбу, тогда слова его нужно принять за слова самого бога. Сам бог его устами изъясляет свою волю. Так я привык верить и подтверждение этому находил повсюду. Вы тоже найдете это во многих святых книгах, которые, верно, случится вам потом читать, а более всего еще найдете подтверждение этого в глубине собственной души вашей. Вот всё, о чем я почел необходимым сказать теперь вам. Что же касается собственно до меня, то я довольно здоров, в дороге всё было хорошо, об вас думал беспрестанно. Из Франкфурта или Дармшта<д>та напишу к вам. Затем прощайте! Обнимаю вас всех душевно и сильно и с такой любовью, что грех вам будет, если вы не исполните чего-нибудь из того, что обещали. Веселей и добрей будем все духом и докажем богу, что мы умеем надеяться на него, хотя бы и всё шло наперекор, [наперекор тому] умеем любить его не потому только, что он исполняет то, что нам нравится. Нет, докажем ему,

что мы умеем его любить, не торгуясь с ним, умеем любить [любить его] бескорыстною любовью. Если только мы это успеем доказать ему, тогда уж всё будет по желанью нашему и не будет ни одной молитвы нашей, которая бы не была услышана. Прощайте! Если будете писать, адресуйте на имя Жуковского.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: à Nice (en Italie).

à Son Excellence Madame M. la Comtesse
Wielhorsky.

à Nice. Faubourg de la Croix de Marbre.
Maison Paradis.

А. О. СМИРНОВОЙ
Вторник, 26 марта <н. ст.
1844>. Стразбург

Здравствуйте! Думал было писать к вам уже тогда, когда приеду на место. Но пароход, на который я сел, [я было сел] чтобы пуститься отсюда по Рейну до Франкфурта, хлопнулся об арку моста, изломал свое колесо, и все пассажиры выгрузились вновь в свои трактиры. Происшествие это, равно как и неожиданно данное мне лишнее время, почел я знаком, что мне нужно что-нибудь сделать, и я решился написать по небольшой записочке в Ницу Вьельгорским и в Париж вам. В записочке моей к вам будет одно напоминание и ничего больше. Но и напоминание свежит и вливает отвагу в нашу душу, и потому припомните себе все слова мои и все разговоры наши, припомните также милость божию, повелевшую нам встретиться, и наконец братское влечение душ наших помочь взаимно друг другу. И да соединится всё это в один тихий попутный ветер вам во всё время вашего

говенья. Не забывайте, среди Равиньянов и всяких новых проповедываний, старых или, справедливее сказать, вечных проповедываний. Купите теперь же, не отлагая, Боссюэта Oeuvres philosophiques, маленький томик издания Charpentier, и прочитайте теперь же две последние статьи, находящиеся в конце тома: 1-ая Elévation à Dieu sur les mystères de la religion Chretienne и 2-ая Traité de la concupiscence. Они вам могут помочь в преуспевании в любви к богу. Затем обнимаю вас всею душою, потом обнимаю детей ваших и посылаю душевный поклон m<-lle> Овербек. К Франкфурту у нас накопится много, о чем придется поговорить. Адресуйте на имя Жуковского.

Весь ваш Г<оголь>.

На обороте: à Paris.

à Monsieur

Monsieur le banquier Thourneysson.

Paris. Rue Chaussée d'Antin № 22, pour
remettre à Madame

Madame de Smirnoff.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
М<есяца> апреля 2 <н. ст.
1844>. Дармшт<адт>

Бесценное письмо твое от февраля 12 дня я получил перед самым выездом из Ницы и потому не имел времени отвечать. Оно меня обрадовало очень. Слава богу, тебе лучше. Прежнее письмо твое навело на меня печальное расположение и родило то длинное письмо, которое я послал тебе перед этим и которым я силился помочь тебе, сколько было в мочь [в мочь это сделать] бедным силам моим, сколько мой внутренний опыт научил меня и сколько угодно было богу вразумить меня. Теперь это письмо ты можешь спрятать подальше: оно не нужно тебе [Далее было: слава богу] покуда. О нем можно вспомнить в какие-нибудь трудные минуты, от которых, впрочем, да хранит тебя бог.

Я вспомнил, что позабыл в этом письме исправить одну ошибку. В одном месте я пропустил почти целую строку, и оттого вышла бес-

смыслица. Я сказал, что в твоих последующих стихах лиризм угаснул, и позабыл сказать безделицу: лиризм, стремящийся вперед не только одних поэтов, но и непоэтов, возводя их в состояние, [возводя их в достоинство поэтов. Вещь слишком важная] доступное одним поэтам, и делая таким образом и непоэтов поэтами. Вещь слишком важная, ибо из-за нее работает весь мир и совершаются все события. Всё стремится к тому, чтобы привести человека в то светлое состояние, о котором заранее предслышат поэты.

Пришли мне пожалуйста, повелев прежде хотя положим Сильверсту списать для меня, Оду твою к Давыдову, напечатанную в Московск<ом> наблюдателе, и Тригорское. То и другое мне теперь очень нужно для некоторой статьи, уже давно засевшей в голове. Хорошо бы было прислать и весь том твоих сочинений. Как мне досадно, что Боборыкин оказался пыщ и не взял тех книг, которых так сильно желала бы душа. Нельзя ли их поскорей нагрузить на кого-либо другого? Теперь же доставить их весьма легко в мои руки.

Франкфурт, как известно, есть европейский пуп, куда сходятся все дороги, стало быть, его ни в каком случае не пропустит никакой путешественник, куда бы он ни ехал. Если бы даже [Если бы он даже] и меня там не случилось, то он может оставить, просто, в посольстве, откуда всегда будет доставлено. Хорошо бы очень, если бы как-нибудь достать свят<ых> отцов, издаваемых при Академии. Не согласится ли кто-нибудь из благодетельных людей уступить мне свой экземпляр, Я бы ему был вечно благодарен. Если ж нельзя св<ятых> отцов, то купи хотя беседы Златоуста, издан<ные> в 2 томах, и присовокупи их к прочим книгам. Видишь, я совсем без церемонии и не чинюсь с тобою. Если в сочинения Иннокентия не включена книга его: Обзорение богослужебных книг греко-российской церкви, то купи также и эту книжку. За всё это тебя, конечно, возблагодарит бог, потому что это есть настоящая помощь и милостыня ближнему и брату.

А Петра Миха<й>ловича обними сильнее-шим образом за меня и скажи ему, что я мно-

го бы дал за то, чтобы сделать это самому лично. А драгоценных выписок, посланных ко мне, я не получил и не могу придумать, где бы они могли засесть вместе с письмом. Напиши мне, каким путем и чрез какие места были отправлены. Я буду здесь наводить справки повсюду. Пишу к тебе из Дармшта<д>та, куда засел говеть, где находится и Жуков<ский>, тебе кланяющийся, и где, как известно тебе, гостит ныне государь наследник, который пробудет здесь еще неделю, а потом отправится в Россию. Прощай, не забывай и пиши чаще.

Твой Г.

Обними всех Хомяковых, Свербеевых и всех близких нам, не пропуская никого. Где буду зимовать, не знаю. Лето, вероятно, пробуду где-нибудь на водах или же на морских банях. Многие недуги одолевают иногда сильно. Отсюда еду советоваться к Копу. Письма адресуй всегда во Франкфурт или на имя Жуковского, или в посольство, или прямо *Poste restante*, должны дойти всячески.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной.

М. И. ГОГОЛЬ
<6 апреля н. ст. 1844.
Дармштадт.>

Христос воскрес!

Пишу к вам накануне Светлого воскресенья, только что отговевшись в Дармштадте, где наша церковь. Обнимаю и целую вас всех и желаю так провести эти радостные дни, как повелел сам Христос проводить их. Сестре моей Марии от всей души желаю утишения болезней, как душевных, так и телесных. Я молился о ней, но спокойствие ее зависит от нее самой. Если она в силах так полюбить бога, чтобы позабыть о привязанности земной, тогда и бог ее полюбит и, вероятно, не откажет ни в чем. Сестре Анне от всей души желаю преодоления лени, сестре Елисавете терпения и веры, сестре Ольге расторопности и совершенного познания хозяйства, а всем вместе побольше занятия и труда, без которых жизнь мертва и прямых удовольствий нет. Сильно желает душа моя, чтобы вы были

счастливы все, но счастливы душою, независимо ни от каких обстоятельств. Никто из сестер моих не должна сердиться, если в письмах моих пишу я не то, о чем бы хотелось им читать. Значенье писем моих, может быть, узнается после. Но вообще я вас прошу, маминька, не давать моих писем для прочета. Это ни к чему не поведет полезному. Многое для посторонних совершенно в них недоступно и будет причиной одних недоразумений и неправильных заключений. На вопросы о том, что я пишу вам, отвечайте всегда, что пишу я весьма мало, очень редко, еще реже говорю о себе и вообще ленив на письма<...> [Пропуск в тексте первой публикации.]

<...> Упреки спасительны: чем больше живешь и чем становишься лучше, тем больше жаждешь упреков. Я бы много дал за то, чтобы слышать, как бранят меня. Даже самая несправедливая брань и оскорбление для меня теперь суший подарок, потому что всякий раз заставляет меня оглядываться на себя, а оглянувшись на себя, тотчас увидишь, что еще многого не достает в тебе.

Благодарю вас много, маминька, за последние два письма ваши, а я еще более бы возблагодарил за них бога, потому что в каждой строке этих писем уже начинает отражаться душевное спокойствие, нет и следов той рассеянности, которая была видна часто в ваших письмах: всё просто, в порядке, ни одного лишнего слова. Когда я прочел их, мне показались они даже короткими, хотя были они довольно длинны. Слава богу! Вы благодарите бога за то, что смирил вас. Эта благодарность ваша прекраснее всех прочих благодарностей. Это значит — вы далеко ушли душою. Я всякий раз делался умней, когда бог смирял меня. Мы бы все были умны, светлы, в несколько раз умнее, чем мы есть, если бы умели смириться. Тогда бы сам бог правил нашими словами и действиями, а чему коснется бог, то уже премудро<...>

А. О. СМИРНОВОЙ
Дармштадт <7 апреля н. ст.
1844.>

Христос воскрес! Пишу к вам в самый день Светлого воскресения. Письмо ваше получил. Любовь божья так безгранично безмерна к людям, что если бы мы прозревали поглубже в смысл всех совершающихся с нами событий, то, вероятно, вся жизнь наша обратилась бы в одни слезы благодарности. Но не об этом будет речь. На письмо ваше скажу вам пока то, что велит сказать душа моя: Будьте светлы и старайтесь насильно быть светлу и веселу душой. Недавно прочел я, что, стараясь засмеяться смехом души, мы уже призываем ангела на уста наши, который помогает нам по том действительно засмеяться таким смехом. Всё до последней мелочи мы должны приобретать в сей жизни насильно, и ничего не дается нам даром.

В письме вашем, несмотря на успокоение ваше, дышит что-то тревожное. Вы способны

увлекаться, это вы должны помнить беспрерывно. Берегитесь всего страстного, берегитесь даже в божественное внести что-нибудь страстное. Совершенного небесного бесстрастия требует от нас бог и в нем только дает нам узнать себя. [у себя] Впрочем, о многом следует переговорить, а не писать. Вы спрашиваете, [пишете] нет ли у меня средства для того, чтобы заставить душу пребывать в одном и том же состоянии. Но вы слишком много потребовали вдруг, самые святые люди не могли пребывать в одном и том же ровном душевном состоянии. Мне иногда помогало одно средство, которое, как я узнал, помогало и тем, которые лучше меня. [узнал потом и сам собою и от других. Далее начато: это] Средство это состоит в том, чтобы, оставя на время собственное положение и обстоятельства, как бы они тревожны ни были, заняться положением других, близких нам людей и именно таких, которых обстоятельства еще труднее наших и требуют большей работы ума. Обстоятельства их [Обстоятельства эти] следует обращать на все стороны, дабы увидеть, чем мы вследствие наших к ним от-

ношений можем быть полезны и помочь им. Ибо многое нам кажется невозможным оттого, что ум наш не приобрел привычки обращать на все стороны предмет и что страсти наши торопливо стремятся исполнить, не дождавшись, пока ум переверотит на все стороны дело. Как бы то ни было, но когда я, бросивши свои трудные обстоятельства, принимался за таковые же другого или даже за размышление о них, душа моя приобретала покой среди беспокойства и мои собственные обстоятельства представлялись потом в яснейшем виде, и я легко находил средства чрез то помочь самому себе. Так тесно мы связаны друг с другом в этом мире! Я [и я] начинаю думать, что если и чувствуем мы тоску или глупое состояние души, то это, верно, для того, [для этого] чтоб в это время вспомнить о ком-либо другом, а не о себе. Если ж тяжкое горе нам приключится или важное затруднительное обстоятельство, то помышление в это время о горе другого не только послужит отводом горя, но даже необходимым охлаждением страстных влечений наших, без чего мы в силах наделать множество самых неразум-

ных дел. Но вы сами помолившись найдете противу многого средства. Прощайте! Душа моя хочет передать вам такой поцелуй, каким только небесный брат целует своего брата. Оканчиваю письмо тем же: во Франкфурте поговорим обо всем поболее. Прощайте еще раз. Обнимаю ваших малюток и поклон M<elle> Овербек.

От графини Виельгор<ской> получил письмо. Слава богу, она покойна. Рождение внука Веневитинова на нее подействовало, как видно, благотельно. Софья Мих<айловна>, кажется, едет с Софьей Иван<овной>; впрочем, это как-то не решено... Решено ехать ей из Вены в Баден, куда прямо отправляется в конце апреля граф Виельг<орский>. Я думаю, я также поеду в Баден встретить их. Баден теперь хорош. Терраца пуста, и публики, без сомнения, не будет никакой, а потому, может быть, и вы заглянете туда. Тем более, что Жуковский раньше первых чисел мая не утверждается во Франкфурте. Он теперь в Дармшта<д>те один, по случаю наследника.

Адресуйте по-прежнему во Франкфурт.

На обороте: Paris.

à Monsieur M-г le banquier Thoumeysson.

À Paris. Rue Chaussée d'Antin № 22, pour
remettre à Madame de Smirnoff

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
Франкфурт. 12 апреля <н. ст.
1844>

Христос воскрес!

Благодарю вас, графиня, за прекрасное письмо ваше. В нем много было мне радостного. Радуюсь от всей души дарованью вам внука и тому, что вы посветлели духом, сколько можно видеть из письма. Письмо это, точно подарок, пришло ко мне тотчас после приобщения св<ятых> тайн. Видите, как неожиданно нам посылаются радости и даже с такой стороны, откуда и не думали получить. Но мы редко умеем благодарить за то, что дается нам, мы чаще умеем роптать, когда что отнимается от нас. Даяния мы чувствуем слабо, а лишения сильно. Но не об этом речь. В письме вашем есть одно несправедливое мнение: вы думаете, что я очень много способствовал к утешению вашего уныния. Вас обманула собственная доброта души вашей. Как прямой и честный человек,

я должен сказать чистосердечно: нет. Я вам более был полезен своим отъездом, нежели приездом. В последний только день, накануне отъезда моего, вы стали покойнее, и то, может быть, потому, что вам сделалось жалко не исполнить просьбы отъезжающего. Я вам оставил после себя гораздо лучшее средство для успокоения, чем мог бы доставить я сам. Я вам оставил то правило, которое сделало меня гораздо лучше, чем я был прежде. И теперь прошу вас, как может только любящий брат просить брата: не пренебрегайте им и перечитывайте со вниманием во всякую беспокойную и грустную минуту. Передайте мой душевный поклон графине Воронцовой и ее милой племяннице. Прощайте, до свидания! Приеду в Баден вам навстречу.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Nizza (en Italie).

à Son Excellence Madame M-me la Comtesse
Wielhorsky.

à Nice (maritime), faubourg de la Croix de
Marbre. Maison Paradis.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Франкфурт, 12-го апреля <н.
ст. 1844>

Я видел вашу приятельницу и вручил ей письмо. Занятый говеньем, я был с ней редко, да и не было как-то предметов для разговоров. Но я однако ж наблюдал ее и по мере, сколько вразумил меня бог слышать душу человека, не мог не заметить, что это ясная светлая душа, которая вышла как-то готовою на свет. Она светла, ровна в словах и в обращениях со всеми и потому необходимо должна быть всеми любима. Она поставлена для того, чтобы говорить: будьте безмятежны, как безмятежна я. Но в глазах моих вы больше имеете значения, не загордитесь: вы ничуть не лучше ее, но вы будете лучше. Вы будете в силах заглядывать в самую душу человека и оказывать там помощь. Ваше поприще будет даже гораздо более, чем всех ваших сестриц. Потому что, если вы обсмотрите только хорошенько вокруг себя, то увидите, что и теперь может начаться поле подвигов ваших.

Вам дано не даром имя благодать. Вы будете точно божья благодать для всего вашего семейства и всех вас окружающих. Вам не достает только хорошенько всмотреться и узнать свойства и природу всех тех, которые вас окружают, для того, чтобы найти прямую дорогу к душе каждого. Вам не достает еще спокойного размышления и воздержания от ранней готовности действовать, а вы будете иметь непременно благодетельное влияние на всех; я сужу таким образом, основываясь на тех данных, которые заключены в душе вашей и которые я потихоньку подсмотрел, хотя вы их еще не можете видеть, как часто весьма многое в себе нам доводится узнать уже после других. Иное мы и видим, [вы и видите] но еще не можем знать, чему оно служит началом, если не занимались еще наукой воспитания человека и не испытали ее на себе. Еще скажу вам одно, основываясь на признаках, которые вы обнаружили передо мною в последний день пребывания моего с вами. У вас будет очень твердый характер, тверже, чем у всех ваших и даже, чем у Михала Миха<й>ловича. Разумеется, вы этого еще

долго в себе не заметите и даже тогда, когда будете более и более укрепляться. Вот вам по-каместь всё. Прощайте, до приятного свиданья в Бадене. Да хранит вас бог!

Братски любящий Вас

Гоголь.

Христос воскрес!

Передайте от меня душевный поклон Марье Петровне вместе с приветствием Христос воскрес.

На обороте: Графине Анне Михайловне.

С. М. СОЛЛОГУБ
<12 апреля н. ст. 1844.
Франкфурт.>

Христос воскрес!

Из письма вашей маминьки я узнал, что вы чувствуете себя хорошо и веселы. Это меня очень обрадовало. Мне уже здесь становится весело при одной мысли, что вам весело. Душевная ясность и светлость слишком вам к лицу. Она просто ваше назначение и дана вам вовсе не для вас одних, но для того, чтоб ею оказывали помощь и другому. Знайте же, что уже двум человекам вы оказали помощь великую, в печальные их минуты, одной только светлостью лица вашего. Минуты так были печальны, что трудно было приискать слов для утешения; но вы влетели в комнату с душевной ясностью лица, и печаль ушла. Вот как важна светлость и ясность наша для наших близких и братьев. И потому входите в какой бы ни было круг, хотя из двух человек, ясно и весело, как дитя; мы все должны быть

дети и стараться хоть насильно быть безмятежны, как дети. Если ж вам сгрустнется, не позабудьте того правила, которое я вам оставил: оно мне очень помогло, поможет непременно и вам, если вы, усердно помолившись, прочтете его и вникнете поглубже в смысл.

Будьте также несколько снисходительны к людям, умейте простить им иное несправедливое слово, пристрастное мнение или неразумное слово. Зачем быть так строго к другим? Неужели мы сами свободны от пристрастия и умеем не выходить из себя и быть покойными? Бог знает. Я по крайней мере с тех пор, как обсмотрел себя хорошенько со всех сторон, стал гораздо снисходительнее к другим. Слава богу, я теперь не сержусь не только за слово, которое часто произносится необдуманно, но даже за самое щекотливое оскорбление, если бы только мне кто-нибудь нанес его; и это происходит вовсе не от <того>, чтобы душа моя была так великодушна, но от того, что сам собою приходит на ум вопрос: да точно ли я сам не причинил никому оскорбления и не сказал кому-либо необду-

манного и оскорбительного слова? И как только рассмотришь себя после такого вопроса получше, увидишь, что просто не имеешь даже права сердиться, хотя бы и хотел немножко посердиться. Хотя я уверен, что вы лучше меня и хотя гораздо меньше моего могли кого-либо оскорбить на свете, но вы все-таки человек, и потому весьма естественно, что то средство, которое было полезно мне, полезно и вам. Во всяком случае не лишайте меня вашей дружбы и будьте также откровенны и просты со мною, как и я с вами. Если заметите во мне что дурного (а этого добра у меня немало), говорите мне тот же час об этом, как поступают со мной все, которые меня искренно любят. Прощайте, бог да хранит вас и да поможет вам быть светлу и веселу и побольше смеяться. Ваша маминька верно меня известит о вас, если вам некогда будет написать ко мне. Без сомнения, мы летом с вами увидимся. Передайте это маленькое письмецо графине Софье Ивановне.

Весь ваш Гоголь.

С. И. СОЛЛОГУБ
<12 апреля 1844 н. ст.
Франкфурт.>

Христос воскрес!

Вы верно, графиня, не ожидали от меня письма; но разговор, который мы имели с вами пред выездом моим из Ниццы, остался у меня в мыслях и произвел в них какое-то непонятное беспокойство. Вы рассказали мне о двух снах бывших с вами, когда вы молились так, как не молились наяву, и когда душа ваша слышала такое блаженство, какого не слышала никогда в жизни. Я вам сказал тогда же об этом всё, что думал. Я ничуть не мистик; считался даже скорей положительным и холодным человеком, чем увлекающимся и страстным. Не верил и не верю снам так же, как всякого рода предчувствиям и приметам; но знаю наверно, что сны, которые подействовали не на воображение или ум, но прямо на душу, те сны святы и прямо от бога. Такие сны играли слишком важную роль в

жизни святых, служили им великими путево-
дителями, часто переломом всей жизни, и во-
обще с ними связывалась судьба всей их жиз-
ни. На днях я услышал такую глубокую, ду-
шевную историю с одним близким мне чело-
веком, который несколько лет страдал душев-
ным горем и сильнейшими телесными недуга-
ми, что я сей же час ухватился за перо, что-
бы сказать вам, что сны ваши прекрасны.
Они знаки божией милости. Приведите вашу
душу в такое состояние, чтобы помолиться
наяву так же, как помолились вы во сне, и ва-
ша душа верно вам скажет лучше всяких муд-
рецов, что значат эти сны и чего ими бог от
вас хочет.

Жуковский вам кланяется. Он еще не
утвердился совершенно во Франкфурте, при-
езжал говеть в Дармштадт и отправился в
Дюссельдорф. Наследник уехал также в Гол-
ландию и в Дюссельдорф по дороге, к Жуков-
скому на обед. От Александры Осиповны по-
лучил письмо из Парижа. Она в хлопотах по
случаю всяких наложенных на нее комиссий
и поручений. О Париже пишет слегка, так что

из слов ее видно только, что Париж в смутах и погрузнул весь в настоящее, не заглядывая ни в прошедшее, ни в будущее. Еще раз приветствую вас словом: Христос воскрес! и остаюсь, с совершенным почтением и преданностью, ваш покорнейший слуга

Н. Гоголь.

Франкфурт. 12 апр<еля>.

Я остаюсь постоянно во Франкфурте и еще колеблюсь между морскими ваннами и какими-то вновь открытыми водами близ Франкфурта. Говорю это потому, что между больными не бывает иного разговора, кроме о леченьях и недугах; а потому и вы, графиня, в оплату за такое с моей стороны учтивство, передайте хотя через Софью Михайловну известие о себе.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
Франкфурт <13 апреля н. ст.
1844>

Благодарю тебя очень за письмо от 3 марта (прежнего я не получал). Из письма твоего узнал несколько любопытных для меня подробностей о твоей жизни. Что ж? должность твоя недурна. Она может быть скучна, как может быть скучна всякая должность, если за нее мы возьмемся не так, как следует. Вопрос в том: для чего взята нами должность; если взята для себя, она будет скучна, если взята для других, вследствие загоревшегося в душе желания служить другому, а не себе, она не будет скучна. Все наслажденья наши заключены в пожертвованиях. Счастье на земли начинается только тогда для человека, когда он, позабыв о себе, начинает жить для других, хотя мы вначале думаем совершенно тому противоположно, вследствие какого-то оптического обмана, который опрокидывает перед нами вверх ногами настоящий смысл. Только тоска да душевная пустота заставляют нас, на-

конец, ухватиться за ум и догадаться, что мы были в дураках. Почему, например, взявшись за должность, какова у тебя, не положить себе сделать на этом поприще, как бы оно мало ни было, сделать на нем сколько возможно более пользы? Дети — будущие люди. Если на людей, уже утвердившихся в предрассудках и заблуждениях, можно подействовать и произвести часто благодетельное потрясение, то как не подействовать на детей, которые перед нами, что воск перед мрамором! Некоторые пути к тому уже в руках твоих: мы сами, лет пятнадцать тому назад, были школьниками и верно не позабудем долго этого времени. Припомнивши все детские свои впечатления и все обстоятельства и случаи, которые заставляли нас развиваться, можно легко найти ключ к душе другого и подействовать на устремление вперед способностей, хотя бы эти способности были заглушены или закрыты такой толстой корой, что способны даже навести недоумение насчет действительно-го существования их. Многое нам кажется невозможным, но потому, что наш ум не привык обращать на все стороны предмет и от-

крывать возможностей всякого дела. Мы так устроены, что всё должны приобретать насильно и ничего не дается нам даром. Даже истинной веселости духа не приобретешь до тех пор, пока не заставишь себя насильно быть веселым. Веселость я почувствовал только тогда, когда печали и томительные душевные расположения заставили меня устремиться к этой веселости. Минуты спокойствия душевного я приобретал, как противодействия беспокойствам; сильные беспокойства заставили меня стремиться к спокойствию и часто находить его. Вот тебе отрывок из моей душевной истории. Воспользуйся, если что найдешь тут полезного и для себя, а нет — отложи его в сторону. Я говорю это впрочем так, как говорил в Нежине грек, продававший чубуки: «Вот чубук, цена 2 рубли; такой точно у Стефанеева 8 гривен; хочешь купи, хочешь не купи!» Никто, кроме нас самих, не может так верно узнать, что нам нужно, если мы захотим только об этом сурьезно подумать.

Ты спрашиваешь: зачем я в Ницце и выводишь догадки насчет сердечных моих слабо-

стей. Это, верно, сказано тобою в шутку, потому что ты знаешь меня довольно с этой стороны. А если бы даже и не знал, то, сложивши все данные, ты вывел бы сам итог. Да и трудно впрочем тому, который нашел уже то, что получше, погнаться за тем, что похуже. Переезды мои большею частию зависят от состояния здоровья, иногда для освежения души после какой-нибудь трудной внутренней работы (климатические красоты не участвуют; мне решительно всё равно, что ни есть вокруг меня), чаще для того, чтобы увидеться с людьми, нужными душе моей. Ибо с недавнего времени узнал я одну большую истину, именно, что знакомства и сближенья наши с людьми вовсе не даны нам для веселого препровождения, но для того, чтобы мы позаимствовались от них чем-нибудь в наше собственное воспитанье, а мне нужно еще слишком много воспитаться. Посему о самых трудах моих и сочинениях могу тебе сказать только то, что строение их соединено тесно с моим собственным строением. Мне нужно слишком поумнеть для того, чтобы из меня вышло точно что-нибудь умное и дельное.

Прочитавши это письмо мое, ты скажешь опять: И все-таки я ничего не знаю о нем самом. Что ж делать? Подобные упреки я не от одного тебя слышу. Мне всегда приписывали какую-то скрытность. Отчасти она есть во мне. Но чаще это происходит оттого, что не знаешь, откуда и с которого конца начать. Весьма естественно, что хотелось бы прежде всего сказать о том, что поближе в настоящую минуту к душе, но в то же время чувствуешь, что еще не нашел даже и слов, которыми бы мог дать почувствовать другому то, что почувствовал сам. Напиши мне о гимназии. Как идет ученье, какие учителя, кто главный начальник, есть ли дети с способностями? Есть ли также в университете студенты, подающие надежды?

Передай мой душевный поклон Алексею Васильевичу Капнисту, которого я и прежде уважал искренно, а теперь еще более за его дружбу к тебе. Напиши: в чем состоит его должность. Прощай, целую тебя. Христос воскрес!

Во Франкфурте я проживу, может быть, всё лето и осень, вместе с Жуковским, в его загородном домике. Впрочем, если я уеду куда, ты всё адресуй по-прежнему во Франкфурт, оттуда письма найдут меня.

На обороте: Kiew. Russie méridionale.

Инспектору 2-го благородного пансиона при Киевской первой гимназии Александру Семеновичу Данилевскому.

В Киеве.

В. А. ПЕРОВСКОМУ
<20 апреля н. ст. 1844.
Франкфурт.>

Я к вам давно хотел писать по поводу Алеши. Об этом верно вам сказал Арк<адий> Осип<ович> Россет. [Далее начато: Это на] Хотел писать к вам именно тогда, когда вы думали отправить его за границу, не оставляя этого намерения даже и тогда, когда ему сделалось лучше и когда вы решились оставить его в Петербурге. Но всякий раз приходил в затруднение исполнить, видя, что потребны слишком умные и долгие разговоры, и не будучи уверен в себе, могу ли я представить ясно и убедительно другому то, в чем уже убежден сам.

Теперь решился, понуждаемый уже другим побуждением, сказать вам хотя главное дело прямо [сказать вам прямо хотя главное дело] в двух словах, откладывая всякое объяснение на после. Позаботьтесь о душевном, а не о телесном здравьи Алеши. Это ему слиш-

ком нужно. Переговорите с каким-нибудь умным и опытным священником, который бы был притом истинно христианской жизни, хоть например с Павским. Много есть таких глубоких тайн в душе человека, которых [о которых] мы не только не подозреваем, но не хотим подумать, [Далее было: но о которых даже не хотим и подумать] что и подозревать их надобно. Как бы ни был бесчувствен человек, как бы ни усыплена была его природа, в две минуты может совершиться его пробуждение. Нельзя даже ручаться в том, чтобы развратнейший, презреннейший и порочнейший из нас не сделался лучше и святее всех нас, хотя бы пробужденье случилось с ним за несколько дней до смерти. А потому, если вы [Далее было: когда-нибудь потеряете надежду насчет Алеши и] предадитесь безнадежности или же отчаянью насчет Алеши, то этот грех будет сильнее всех грехов. Но довольно. Я знаю, что мне следует поговорить с вами о многом и даже о вас самих. Во время говенья со мной случилось одно душевное явление, имевшее прямо отношение к вам. Вот уже два раза вы входите ко мне во время моего гове-

ния. Помните ли в Риме, когда вы нечаянно попали в переднюю церкви, где собраны были все исповедывавшиеся, в числе которых был я, и когда подошел я к вам просить по христианскому обычаю прощения, а вы в ответ на то благословили меня? Это было сделано хладнокровно и в шутку, но я заставил вас [Переправлено из: попрошу у вас] во второй раз благословить меня таким же самым образом и внутренне молился, чтоб эти благословенья обратились в истинные и чтоб вам случилось два раза в жизни благословить меня истинно. Теперь во время говенья моего в Дармштадте... но об этом мне не следует говорить. Впрочем, дело не о каких-либо видимых символах, а о внутренних душевных явлениях. В душе моей загорелось сильное желанье знать о вас, это не бывает даром. Я послал запрос о вас к Александре Осиповне в Париж. Ради бога, напишите мне хотя в немногих словах о душевном состоянии как Алеши, так и о вашем собственном. Это мне очень нужно.

Весь ваш, без всяких светских условий, кроме одних душевных

Гоголь.

Жуковский теперь утверждаетя во Франк-фурте и я с ним. Как бы было хорошо, если бы вы приехали сюда на два или на три месяца вместе с Алешей. Прожить нам всем вместе будет теперь слишком нужно. Душевный голос говорит мне, что мне удастся вам сделать какую-то услугу. Письмо адресуйте во Франк-фурт на имя Жуковского. Его еще нет, но через две недели он переезжает.

А. О. СМИРНОВОЙ

**Франкфурт. Апреля 20 <н. ст.
1844>**

Вчера получил письмо ваше и спешу отвечать. Письмо ваше писано в прекрасном движении оказать истинную помощь, но вы не взвесили весьма многого из того, что содержится в письме вашем. Вы требуете от меня того, что один только святой или, справедливее, сам бог только может исполнить. Именно вы требуете, чтобы я, не заглянувши прежде моими собственными глазами в душу другого, отвечал бы на все вопросы его души. Вы хотите, чтобы я написал Перовскому письмо, послужившее бы ответом прямо на его душевную тревогу. Я, точно, могу сказать многое полезное душе, но только тогда, когда душа эта будет предо мною открыта вся, до последних и малейших ее изгибов; а без того я, просто, глуп и как в лесу. Иногда сокрытие одного, по-видимому ничтожного, обстоятельства может ввести в заблуждение и всё дело может показать в другом виде. Если я вам мо-

гу теперь сказать что-нибудь полезное, это совсем другое дело. Вы вспомните, что для этого нужен был почти год приуготовительного занятия, что мы прочли весьма многое, что заставляет обнаруживаться душу; вспомните, что мы еще очень, очень недавно отыскиали язык, на котором можем сколько-нибудь понимать друг друга; вспомните также, что мне нужно было много терпенья, чтобы достигнуть даже того, чтобы стать именно в этих отношениях, в каких мы находимся с вами, потому что вы на всяком шагу противопоставляли мне непрерывные препятствия к тому, и на вопрос, относившийся сколько-нибудь до ваших сокровенных душевных обстоятельств и всех событий, с ними связанных, отвечали почти всегда словами: «Зачем вам знать это? Вам этого не нужно знать!» (И после того NB очень невинно хотели от меня, чтобы я угадывал прямо вашу душу и прибирал вам при случае те лекарства, которые вам нужны.) Часто мы считаем великим подвигом откровенности и доверия, когда покажем наконец врачу ту рану, которую нужно лечить; а от каких именно случаев произошла

самая рана, какие были тесно сопряженные обстоятельства, когда, в какое именно время началось зло, всё это считаем вовсе не нужным знать врачу, пусть лучше он сам присочинит и дополнит своим воображеньем. Но оттуда и ложь, и все неуспехи наши, что мы присочиняем и дополняем своим воображеньем. Исследование слишком точное нужно во всяком душевном деле. Что ни человек, то и разная природа, что ни душа, то и разная степень ее развития, а потому и разные струны, ее двигающие. Нет и двух человек, одаренных одними и теми же способностями, а потому и дороги к ним не одни и те же и почти ко всякому разные. Потому-то и поведено нам нежное снисхождение к брату, т. е. повелено снизойти прежде к его природе любовью и с участием рассмотреть всё, что у него болит, и вовсе не полагаться на голос гордости нашей, говорящей нам, что мы уже совершенно его знаем. Нет, до тех пор, пока одним путем божественной любви, а не чем-либо другим, не взойдешь, как нежнейший брат, в душу своего брата, пока не узнаешь ее, как свою собственную, пока не почувствуешь, что

находишься сам в этой душе, как бы в родном и собственном своем теле, до тех пор будет бессильна наша душевная помощь или далеко не выполнит того, что должна выполнить. Итак, я думал по всей справедливости, что ваше письмо к Перовскому будет иметь на него гораздо больше действия, чем мое. Вы несравненно более знаете его природу, качества души его и все те мелкие излучины и оттенки ее, которые обнаруживаются беспрестанно в чистосердечных и искренних разговорах. А я даже никогда не имел с ним и разговора долгого и по чему-нибудь дельного и серьезного. А вы сами можете чувствовать, что тут, в этом деле, нужно не какое-нибудь краснобайное письмо, а глубоко душевное, а в моих руках нет даже и данных к такому письму, я даже и права не имею писать. Если бы я просидел даже несколько дней над сочинением такого письма, ломая голову и изоощряя весь свой разум, и тогда мое письмо было бы глупее вашего, хотя бы ваше было написано без всякого обдумывания и в первом движеньи сердечном. Потому именно, что в нем слышится уже знакомый, уже братский, [уже

братский голос] уже доступный его душе голос, и потому всякое слово его действовать будет целительно на него.

Перовскому я буду полезен после. Я послал [я написал] к нему теперь самое коротенькое письмо (которого экземпляр черновой прилагаю вам). Это больше вызов на письмо. Если он напишет мне сколько-нибудь откровенное письмо, я уже буду знать тогда, против чего и как поступить, и бог верно вразумит меня на всё хорошее, но действовать теперь, [Далее начато: именно уже] не опираясь ни на что, именно значит плыть без воды. Об Алеше я пишу вовсе не потому, чтобы употребить это тонким и хитрым предлогом письма, но потому, что я об этом уже давно хотел писать, это знает и Аркадий Осипович. Намекаю я на обстоятельство, случившееся во время говенья, потому, что в этом, точно, есть что-то изумительное. Упомянул я о Павском, потому что это может быть для него полезно. Наконец намекнул на душевный голос, говорящий мне, что я буду ему полезен, потому что точно чувствую его в себе и уверен, что это будет и в та-

ком виде, как угодно [будет так, если угодно] богу. Вот и всё! А там, что бог даст. Вы напишите ему, что я писал к вам и делал запрос о нем [о вас] по поводу какого-то душевного события, желая знать о настоящем его [о вашем настоящем] положении душевном, что вы мне написали в одних общих и неясных фразах, как оно отчасти и в самом деле так, и сказали мне, что он теперь истинный христианин. Посоветуйте ему также переговорить кой о чем со мной, опираясь на том, что я много читал и даже [Далее было: весьма многое] не так, как читается вообще, а часто с толком, что и точно так. Мне казалось бы, что ему не худо было б<ы> проездиться за границу. Ваша боязнь насчет могущего быть с ним отчаяния напрасна: куда вошел уже бог, там нет места отчаянию. Вы напрасно сравниваете нынешнее его положение с положением в Оренбурге: эти два состояния души так далеко друг от друга, как земля от неба. Донесение Николая Миха<й>ловича должно принять в буквальном смысле, как оно и есть. Взгляд его есть взгляд всякого светского человека, в самую душу не заглядывающего. Весьма нату-

рально, что они принимают за сильную тоску одно [Далее зачеркнуто: не] желание избежать встречи, что очень [весьма] естественно в таком состоянии. Перемена, случившаяся с Перовским, есть действие божие, но, признаюсь, я всегда ожидал сего в душе, да и нет никакой причины думать, чтобы добрая и прекрасная душа не делалась еще добрее и прекраснее. Но случаются в нынешние времена события еще изумительнее, непрекрасные души подвигаются и делаются прекрасными, почти бесчувственные потрясаются. Я получил скоро после говенья моего с разных сторон письма, все исполненные свидетельств любви божией. Вот почему я вам написал в прежнем письме: Велика и беспредельна к нам любовь божия, не в силах будучи ничего сказать другого.

Благодарю вас за знак доверенности душевной, выраженной уже два раза в словах: Если сбудется что-то, тогда вы мне скажете какую-то мысль. Но если это ваша душевная тайна, зачем же вы ее полуоткрываете? Смотрите, чтоб в это не закралось не одно только

желание сказать близкой душе, что у вас есть тайна, а какое-нибудь тщеславие сказать по исполнению: Смотрите, какая я пророчица, или отгадчица, или как стою на своем слове. Если ваше намерение есть точно внушение божие, то незачем и выражаться такими словами: если или когда исполнится, оно прямо исполнится, и разница только в том, что исполнится не в том тесном и буквальном смысле, в каком мы часто его замыслиаем, но в обширном и глубоком смысле, превосходящем в несколько раз все наши ожидания, если разумеется мы сами не ленясь будем работать [содействовать к] всеми данными нам на то способностями. Еще вам одно маленькое замечание, а если хотите, и упрек вместе. Вы мне часто под большим секретом и тайной объявляли такие вещи, которые сообщали потом первому болтуну, или просто светскому человеку, если только он умел вас заставить проговориться или даже приятно занять вас. Это вам еще только передовой и легонький упрек, и потому вы им не смущайтесь, но после пойдут сильные упреки. Для души вашей настанет такое время, когда вы потребуете,

как живой воды, упреков, одних упреков и ничего более! Прощайте! напишите мне весь маршрут свой. Письмо [Письмо это] адресуйте в Баден. Если будете во Франкфурте, известите об этом, я могу приехать навстречу. Если же свиданье в Голландии, то напишите обо всем обстоятельно, где и как. Нам теперь придется много, много о чем поговорить; может быть, теперь точно я буду вам наконец полезен. Меня посылают в Остенде на морские волны, говоря, что это даже непременно нужно для нынешнего состоянья моего здоровья, а так как это по близости Голландии (на карту я еще не глядел), то, вероятно, мы будем иметь случай увидеться подолее и поговорить поболее, что будет весьма нужно прежде отъезда вашего в Россию. Бог да любит и хранит вас, прощайте!

П. В. АННЕНКОВУ
Франкфурт. Мая 10 <н. ст.
1844>

Благодарю вас за хлопоты по делу моему. [по делу и за письмо] Но о деньгах Прокоповичу я уже писал давно, он знает, что я в них нуждаюсь, и вот уже год, как никакого от него ответа. Если же денег нет в наличности, он должен был прислать отчет, которого я от него требовал. Мне нужно знать, в каком положении мои дела, чтоб приступить к мерам решительным, то есть войти в сделки с книгопр<одавцами> для получения наличных денег, мне уж предлагали и теперь, вообразите, я не знаю даже, сколько у меня налицо товару. Не пропадать же мне с голоду, это можно кажется смекнуть, вот почему я просил вас возникнуть [Далее было: для] от себя в это для меня загадочное дело. Я написал на днях упрек Прокоповичу в его бесчувственности к положению другого. Скажите ему также, что я очень беспокоюсь и просил даже вас узнать, что значит вся эта загадка.

Благодарю вас за некоторые известия о толках на книгу. Но ваши собственные мнения... смотрите за собой: они пристрастны. Неумеренные эпитеты, разбросанные кое-где в вашем письме, уже показывают, что они пристрастны. Человек благоразумный не позволил бы их себе никогда. Гнев или неудовольствие на кого бы то ни было всегда несправедливы, [несправедливы, хотя] в одном только случае может быть справедливо наше неудовольствие — когда оно обращается не против кого-либо другого, а против себя самого, против собственных мерзостей и против собственного неисполнения своего долга. Еще: вы думаете, что вы видите дальше и глубже других, и удивляетесь, что многие по видимому умные люди не замечают того, что заметили вы. Но это еще бог весть, кто ошибается. Передовые люди не те, которые видят одно что-нибудь такое, чего другие не видят, и удивляются тому, [еще тому] что другие не видят; передовыми людьми можно назвать только тех, которые именно видят всё то, что видят другие (все другие, а не некоторые), и,

опершись на сумму всего, видят то, чего не видят другие, и уже не удивляются тому, что другие не видят того же. В письме вашем отражен человек, просто унывший духом и не взглянувший на самого себя. Если б мы все, вместо того, чтоб рассуждать о духе времени, взглянули, как должно, всякий на самого себя, мы больше бы гораздо выиграли. Кроме того, что мы узнали бы лучше, что в нас самих заключено и есть, мы бы приобрели взгляд яснее и многосторонней на все вещи вообще и увидели бы для себя пути и дороги там, где греховное уныние всё тьмит [В подлиннике: тмит] перед нами, и вместо путей и дорог показывает нам только самое себя, т. е. одно греховное уныние. Злой дух только мог подшепнуть вам мысль, что вы живете в каком-то переходящем веке, когда все усилия и труды должны пропасть без отзвука в потомстве и без ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо осветились глаза наши, то мы увидали бы, что на всяком месте, где б ни довелось нам стоять, при всех обстоятельствах, каких бы то ни было, споспешествующих или поперечных, столько есть дел в на-

шей собственной, в нашей частной жизни, что, может быть, сам ум наш помутился бы от страху при виде неисполнения и пренебрежения всего, и уныние недаром бы тогда закралось в душу. По крайней мере, оно бы тогда было более простительно, чем теперь. Признаюсь, я считал вас [считал вас гораздо] (не знаю почему) гораздо благоразумнее. Самой душе моей было как-то неловко, когда я читал письмо ваше. Но оставим это и не будем никогда говорить. Всяких мнений о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу, потому что они все ложны, потому что произносятся людьми, которые чем-нибудь раздражены, или огорчены... Напишите мне о себе самом только тогда, когда почувствуете сильное неудовольствие против себя самого, когда будете жаловаться не на какие-нибудь помешательства со стороны людей, или века, или кого бы то ни было другого, но когда будете жаловаться на помешательство со стороны своих же собственных страстей, лени и недеятельности умственной. Еще: и луча веры нет ни в одной строчке вашего письма, и малейшей искры смирения высокого в нем не за-

метно! И после этого еще хотеть, чтобы ум наш не был односторонен или чтобы был он беспристрастен. Вот вам целый воз упреков! Не удивляйтесь, вы сами на них напросились. Вы желали от меня освежительного письма. Но меня освежают теперь одни только упреки, а потому ими же я прислужился и вам.

А вместо всяких толков о том, чем другой виноват или не выполнил своей обязанности, постарайтесь исполнить те обязанности, которые я наложу на вас. Пришлите мне каталог Смирдинской бывшей библиотеки для чтения, со всеми бывшими прибавлениями, он полнейший книжный наш реестр. Да присокупите к тому реестр книг всех, напечатанных синодальной типографией; это можете узнать в синодальной лавке. Да еще сделайте одну вещь, выпишите для меня мелким почерком все критики Сенковского в Библиотеке для чтения на М<ертвые> д<уши> и вообще на все мои сочинения, так чтобы их можно послать в письме. Сколько я ни просил об этом, никто не исполнил. Каталог Смирд<инский> есть, кажется, мой у Прокоповича. По-

шлите тоже с почтой, которая ныне принимает посылки. Адресуйте в Берлин на имя служащего при тамошней миссии графа Мих<аила> Мих<айловича> Виельгорского для доставки мне, если почта не возьмется доставить во Франкфурт прямо на мое имя. Вот вам обязанности покамест истинно христианские. От вас требует выполнения этого долга прямо, безвозмездно

Н. Гоголь.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

В казарме Конной гвардии. Павлу Васильевичу Анненкову.

В С.-Петербурге.

С. Т. АКСАКОВУ
16 мая <н. ст. 1844>.
Франкфурт

Я получил ваше милое и откровенное письмо. Прочитавши его, я мысленно вас обнял и поцеловал, а потом засмеялся. В письме вашем слышно, что вы боитесь, чтобы я не сел на вас верхом, и упираетесь, как Федор Никол<аевич> Глинка, когда к нему подходят с тем, чтобы обнять его. Всё это ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего приятеля, всем известного, именно — чорта. Но вы не упускайте из виду, что он щелкопер и весь состоит из надуванья. Из чего вы вообразили, что вам нужно пробуждаться или повести другую жизнь? Ваша жизнь, слава богу, так безукоризненна, прекрасна и благородна, как дай бог всем подобную. Вы сделали много такого добра и таких услуг (что и мне отчасти известно), которые стоят многих копеек, разбросанных нищим, и будут оценены справедливо; ваша жизнь ни в чем не противоположна христи-

анской. Один упрек вам следует сделать — в излишестве страстного увлечения во всем: как в самой дружеской привязанности и сношениях ваших, так и во всем благородном и прекрасном, что ни исходит от вас. Итак, глядите твердо вперед и не смущайтесь тем, если в жизни вашей есть пустые и бездейственные годы. Отдохновение нам нужно. Такие годы бывают в жизни всех людей, хотя бы они были самые святые. А если вы отыскиваете в себе какие-нибудь гадости, то этим следует не то, чтобы смущаться, а благодарить бога за то, что они в нас есть. Не будь в нас этих гадостей, мы бы занеслись бог знает как, и гордость наша заставила бы нас наделать множество гадостей, несравненно важнейших. Без них не было бы у вас и этого прекрасного смирения, которое составляет первую красоту души.

Итак, ваше волнение есть, просто, дело чорта. Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он — точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечат, рас-

кричится. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана; а в самом деле он чорт знает что. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: Хвалился чорт всем миром овладеть, а бог ему и над свиньей не дал власти. Его тактика известна: увидевши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дело, он убежит бегом и потом подъедет с другой стороны, в другом виде, нельзя ли как-нибудь привести в уныние; шепчет: «Смотри, как у тебя много мерзостей, — пробуждайся!» когда не зачем и пробуждаться, потому что не спишь, а, просто, не видишь его одного. Словом, пугать, надувать, приводить в уныние — это его дело. Он очень знает, что богу не люб человек унывающий, пугающийся, словом — не верующий в его небесную любовь и милость, вот и всё. Вам бы следовало, просто, не глядя на него, выполнить буквально предписание, руководствуясь только тем, что дареному коню в зубы не глядят. Вы бы, может быть, нашли там только подтверждение тому, чему вы ве-

руете и что в вас есть, и только установилось бы всё яснее и утвердительнее на своих местах, воцарив чрез то строгий порядок в самую душу.

О себе скажу вам вообще, что моя природа совсем не мистическая. Недоразуменья произошли оттого, что я слишком рано вздумал было говорить о том, что слишком ясно было мне и чего я не в силах был выразить глупыми и темными речами, в чем сильно раскаиваюсь, даже и за печатные места. Но внутренно я не изменялся никогда в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных, не переходил из одного положения в другое и, если встречал на дороге что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломал голову, а махнувши рукой и сказавши: «объяснится потом!» шел далее своей дорогой; и точно бог помогал мне, и всё потом объяснялось само собой. И теперь я могу сказать, что в существе своем всё тот же, хотя, может быть, избавился только от многого ме-

шавшего мне на моем пути и стало быть чрез то сделался несколько умней, вижу ясней многие вещи и называю их прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортом, не даю ему вовсе великолепного костюма à la Байрон и знаю, что он ходит во фраке из <...> и что на его гордость стоит вы<...>ться, — вот и всё!

Спросите у Языкова, послал ли он книги мне и с кем именно. Я еще не получал, а между тем он мне обещал следующие: 1) «Добролюбие», 2) Летописи, 3) Иннокентия и 4) сочинения святых отцов. Теперь, без сомнения, удобно послать, потому что из Москвы весной подымется много за границу. Да попрошу вас, если нельзя прислать «Москвитянина» всего за прошлый 1843 <год>, то хотя критики Шевырева; а Михалу Семеновичу скажите, что он надуватель, а деткам его скажите, что яблоко от яблони не далеко падает. Он сам вызвался доставить мне критики Сенковского и невинные замечания, напечатанные в «Сыне Отечества». Времени было довольно, а случая и okazji для пересылки не нужно, потому что, писавши на тонкой бумаге, можно было

легко послать во всякое время, разделив на два или на три письма, как я делаю с моими статьями, гораздо небольшими, которые ему же пригодились в бенефис. Он меня привел в неприятное и затруднительное положение писать к Сенковскому и просить его о присылке статей, потому что во многих вещах на близких людей никак нельзя полагаться и лучше писать к первому незнакомому лицу. Незнакомому человеку бывает иногда совестно показать себя в первый раз ненадежным человеком, а приятелям никогда не бывает совестно пустить дело в затяжку.

Прилагаемое письмо прошу вас доставить Надежде > Ник <олаевне>. В нем содержится объяснение насчет одного слуха, распущенного обо мне в Москве. Объяснения об этом предмете я б не сделал никому, потому что ленив на подобные вещи; но так как она прямо и бесхитростно сделала мне запрос, то мне показалось совестно не дать ей ответа. А с вами о сем тратить слов не следует. Вы человек-небаба. Человек-небаба верит более самому человеку, чем слуху о человеке; а чело-

век-баба верит более слуху о человеке, чем самому человеку. Впрочем, вы не загордитесь тем, что вы человек-небаба. Тут вашей заслуги никакой нет, ниже приобретения: так бог велел, чтоб вы были человек-небаба. Не унижайте также человека-бабу, потому что человек-баба может быть, кроме этого свойства, даже совершеннейшим человеком и иметь много таких свойств, которых не удастся приобрести человеку-небабе. Друг наш Погодин есть человек-баба, — не потому, чтобы он вел не такую жизнь, как следует, или не имел твердости или характера, но потому, что иногда вдруг понесет от него бабьей юбкой. Это можно даже довести до сведения его, потому что между нами должно быть отныне всё просто и откровенно. Михаил Семенович, например, но он вовсе не человек-баба... он не баба, но он оказался человек — <...> по поводу упомянутого ниже дела. Константин Сергеевич, например... но об этих господах не следует говорить: они совершенно в руке будущего. В русской природе то по крайней мере хорошо, что если немец например человек-баба, то он останется человек-баба на веки-веков.

Но русский человек может иногда вдруг превратиться в человека-небабу. Выходит он из бабства тогда, когда торжественно, в виду всех скажет, что он больше ничего, как человек-баба, и сим только поступает в рыцарство, скидает с себя при всех бабью юбку и одевается в панталоны.

Ваш Г.

Адрес — во Франкфурте.

Обнимаю от всей души весь ваш дом!

А. О. СМИРНОВОЙ
Франкфурт, 16 мая <н. ст.
1844>

Мне жаль, что в письме к Перовскому упомянул об вас. В таком случае вы напишите ему, что не отвечали ничего на мой запрос. Видите ли теперь сами, как много для меня значит познание самых по-видимому незначительных обстоятельств. Самого простого письма из пяти строк я не мог написать умно. Я только и могу поступить умно, когда ум мой обнимет со всех сторон решительно предмет. Потому-то теперь я более, чем-когда либо, боюсь вмешаться в какое-нибудь дело, до тех пор, пока не узнаю всех самомалейших подробностей. Мне всегда выгодней быть последним. Но оставим это и обратимся к вашему письму. В письме вашем слышится повсюду неудовлетворенное [какое-то неудовлетворенное] состояние души. Избегайте обедов и гадких разговоров, или лучше старайтесь всякий гадкий разговор обратить сколько возможно в хорошую сторону. Это не так невоз-

можно, как вам кажется. Люди, [Люди же] с которыми вы обращаетесь, не вовсе же дурные; они закружились только на светской поверхности, но не могут быть чужды душевного слова, и направление разговора очень часто бывает в наших руках. Но у вас иногда бывают крайности, [Но у вас всё крайности] вы думаете, что можно говорить или о святых вещах, или о мерзостях. Вы мне часто говорили: «О чем же мне говорить с таким человеком, как не о гадостях? он другого и понять ничего не может». Но вот вопрос, нужно ли говорить непременно [говорить с тем] о гадостях с тем человеком, который не понимает высоких [многих высоких] и прекрасных вещей? Человек все-таки не скотина, есть в нем и добрые стороны; зачем же нужно, чтобы к вам он был непременно обращен скотскою стороною? Скажите мне также, зачем утвердилось о вас всеобщее мнение, что никто столько не может рассказать соблазнительного, как вы, и что с вами нужно непременно говорить об этом? Конечно, это говорят не те, которые вас коротко знают, а светские болтуны и пустые люди, [светские люди] вы можете их назы-

вать болтунами и лгунами: они отчасти то и другое, но дыма без огня не бывает. Разберитесь-ка себя хорошенько и построже: не подстрекали ли вы их сами вместо того, чтобы унимать; не задирали ли их сами на такой разговор, не говорили ли им: смелей, вперед! Я был раза два тоже свидетелем, как вы подлили масла в огонек, который уж было совсем потухнул. Откуда в вас могло родиться такое правило: [положение] что человеку, у которого желудок слаб и неспособен к принятию крепкой пищи, не следует вовсе давать пищи? Вы сначала попробуете и ему вдруг разом в лицо столько бросите [Далее было: хорошего и стало быть] крепкого и неудобно-сваримого для него, что он и руками и ногами, и назад от вас, а заметивши, что он и руками и ногами, вы ему тот же час дряни, и стараетесь ее побольше, поувесистей, так чтобы он совершенно остался вами доволен. Смотрите, вы всё бы хотели поворотить круто, всё взять приступом, а не сдается, — вы тот же час назад, да и сами иногда давай подплясывать под дудку того, которого вы прежде хотели заставить плясать. [Далее на-

чато: В д<остижении>] Еще нужно сказать, что в достижении какого-либо дела вы видите вообще или совершенную невозможность, или какие-то иезуитские кривилизны. [какие-то крив<илизны>] Закон божией премудрости для вас мертв. Вы верите только чуду, но чудом помогает нашему бессилию в слишком важных случаях [Далее было: а от нас бог] бог, а от нас требует собственной работы, требует, чтобы мы подражали ему самому, [Далее было: мудрости требует от нас] требует той самой мудрости, которую он разлил повсюду в своих творениях. Всякий предмет в мире поставлен нам в урок [в упрек] и в упрек. Смотрите, какая глубокая постепенность в ходе всякого дела божия, [Далее начато: какой стройный закон и порядок] как одно истекает из другого. Сколько терпенья видно у бога во всяком деле! А у вас терпенья и в маковое зернышко нет, всё скачками да прыжками. Постепенности в делах не только вы не видите, даже не хотите подозревать, чтобы она была. Случалось ли вам хотя <раз задум>аться [Подлинник поврежден] серьезно над следующим вопросом: все эти разнооб-

разные качества, которые даются женщине и которые дают ей такую власть над мужчинами, остроумье разговора, любезность и ловкость его, неужели всё это дается даром? (у бога вряд ли дается что даром) или, что еще страннее, неужели всё это дается для того, чтобы дать непременно самое пустое или даже совершенно дурное направление? Не хочу разрешать тут ничего с моей стороны, а скажу только, что мне иногда случалось быть свидетелем, как женщина, даже нельзя сказать слишком умная, овладевала всеобщим разговором. Разговор вовсе не был какой-либо нравоучительный, но однако ж много было сказано такого, которое как-то невольно дошло до души; а между разговаривавшими [между слушавшими] были однако ж очень умные и очень развратные, [и умные и развратные] но никому не было скучно. И после разговора как будто невольно почувствовалось какое-то благоухание, точно как бы [как будто] в комнате покурили чем-то неприятным. Положим, это мгновенное благоухание незначащая вещь. Но хорошо, если оно [и оно] остается. Один раз, другой, третий,

такое благоухание для души не безделица. По крайней мере, уже носу становится не так ловко после этого в той комнате, где курят другим запахом и подпускают собственных шпионов. [Далее начато: Смотрите]

Много есть вещей, на которые следует взглянуть гораздо пристальнее, чем мы глядим. Многие люди смело произносят: «Этого нет», потому только, что они этого не видят. Смотрите, есть отчасти и за вами этот грех. Вы пишете мне, что «принимаете мои упреки с удовольствием, но надобно, чтобы они были справедливы». Экая штука! это может сделать всякий сколько-нибудь умный человек, даже и не христианин. А не угодно ли вам принять несправедливые упреки? Да притом позвольте вас спросить: что вы, разве святая? Одна святая может сказать, справедливы или несправедливы упреки. [Далее начато: Для] Или разве вы дошли уже до такого совершенства, что уже можете всю себя видеть, со всеми пятнышками, какие есть на душе вашей? Или зеркало вашей совести уже так стало ясно и светло, что перед ним открывается сам

собой самый малейший ваш проступок? Поздравляю вас, если вы дошли до такой мудрости, что можете разрешить вдруг не запинаясь, справедливы ли или несправедливы упреки! В таком случае научите меня тому же, потому что я всякий день отыскиваю в себе какую-нибудь новую мною не замеченную гадость и вижу, что все почти мне сделанные упреки справедливы, не только сделанные умными людьми, но даже и те, которые сделаны людьми, на которых я и вниманья не хотел обратить прежде и которые вследствие озлобления мне их сделали. Нет, извольте-ка принять и несправедливые упреки за справедливые, и всякий день в них всматриваться, как в зеркало, авось среди несправедливого отыщется что-нибудь и справедливое. А без этого вы во веки веков не уйдете вперед, то есть будете думать, что вы ушли вперед, а уходить будете только теоретически, а не практически.

Позвольте спросить также, что значит это гордое выражение в вашем письме: «Никто так не закрывает души своей, как я»? Да ведь

как же закроешь душу? для этого нужно не говорить ничего, не делать никаких дел, спрятаться от всех и даже не показывать никому своего лица. Да и как караулить за душой? Иногда закрывая открываешь и открывая закрываешь. Что значит также другое, не менее гордое выражение: «Ум мой всем доступен, а душа едва ли кому открыта, как вам»? Во-первых, ум вовсе не какое-нибудь отдельное существо, он только проводник и часто бывает наш первый предатель. Как можем [как мы можем] отделить его от всяких страстных увлечений, опутывающих нашу душу и сердце? Как держать его в независимости от души, когда он зависит весь [Далее начато: из исходящ<их>] от движений, исходящих от души, от них и он тускнеет, от них и он светлеет. Довести до бесстрастного состояния свой ум может только тот, кто сам бесстрастен, не чувствует никогда ни гнева, ни неудовольствия, ни досады. Но тогда произойдет другое явление: весь ум как бы исчезнет и останется одна душа. В нем, как в чистом, прозрачном и бесцветном стекле, выкажется душа со всеми малейшими своими оттенка-

ми, о чем бы ни касалась речь и о каком бы постороннем предмете ни были толки, так же, как в самой душе, станет отражаться сам бог. Итак, не отзывается ли гордостью и даже необдуманностью эта первая половина вашей фразы? Рассмотрим теперь другую половину: душа моя едва ли кому открыта, как вам (т. е. мне). Вы ее видели во всей черноте и наготе. Боже сохрани показать ее такую другим. Если сказать вам сущую правду, то узнал я душу вашу не тогда, когда вы мне ее открывали, а тогда, когда речь шла часто о посторонних предметах, когда вы невольно и не думая проговаривались или невинно и чисто-сердечно высказывали те стороны ее, которых, может быть, вы и сами еще не вполне оценили и узнали. В такие только минуты я отчасти узнавал вашу душу, и не вследствие каких-либо умственных выводов и заключений, а потому, что сам бог вложил в душу мою прекрасное чутье слышать душу — источник многих моих радостей и наслаждений. Вот чему я обязан, если сколько-нибудь вас знаю. А из ваших рассказов я узнал, впрочем, одни только хорошие свойства вашей ду-

ши. Вы распространялись передо мною только об одних ваших хороших поступках, а о дурных вы стали упоминать только в последние дни вашего пребывания в Нице, и то вскользь, в одних общих словах, без начала, без конца, без причин, без последствий, [без следств<ий>] в загадочных отрывках, и сжимались в ту же минуту от всякого моего запроса, так что нужно было переменить разговор и обращаться к другим предметам. Из этого вы не выводите себе упрека. Напротив, вы сделали хорошо, что не говорили, потому что говорить об этом следует тогда, когда сама душа услышит потребность. Но я привожу вам в доказательство несправедливости вашего выражения; вы обманываете себя, если думаете, что я знаю вашу душу во всей ее черноте и наготе. То, что вы сказали мне о себе, может сказать о себе публично всякий христианин. Сказать в общих словах: Я преступил против такой-то заповеди — еще небольшая вещь! От таких слов даже и раскаяния не получишь, даже и не покраснеешь. Напротив, можно сказать, что скорее другие видят в черноте вашу душу, чем я. Да развесь я только уши —

так мне с обеих сторон наговорят о вас таких подробностей, о которых вы и не подумаете, чтобы они были кому-нибудь известны.

А вот что я вам еще скажу: не считайте также, что вы стали на высокую степень христианского совершенства тем, что имеете духу сказать: у меня слишком черна душа, или же: у меня есть много мерзостей. Это еще не все, это еще иногда бывает, просто, теоретически. Мы так только говорим, а как станет кто-нибудь нас колоть этой чернотой, или которой-нибудь из этих мерзостей, мы тотчас на попятный двор и давай изворачиваться: «У меня этого нет», или: «У меня есть и хуже, но не это самое, а другое», [но не это самое, этого нет] а как дойдет дело до другого или до того, что хуже, мы и здесь [и здесь даже] стараемся увильнуть и своротить на третье. Словом, человек большой плут. Этого из виду никогда не следует опускать.

Вот что я вам почел необходимым сказать. Это еще не настоящие упреки. [Далее было: Это еще проба.] Упреки будут потом другие.

Это еще проба. Мне хочется только посмотреть, как вы принимаете упреки, да вместе с тем хочется узнать, как вы применяете к делу всё то, что читаете у апостола Павла и других, да хочется увидеть также, на какой степени христианского смирения вы стоите теперь, да в каких местах и закоулках вашей души гнездится гордость, [Далее было: Словом,] да многое другое, которое я могу узнать только из вашего ответа, хотя бы и самого коротенького. Но скажу, после всего этого в заключение, что всё будет прекрасно, и после нашего свиданья, может быть, много произойдет перемен в душе. По крайней мере, страхи ваши насчет многого исчезнут.

Может быть, вы [вы уже] не успеете дать мне ответа [на письмо это] письменного, да и зачем вам заживаться лишние дни в Париже? Лучше поживите неделю-другую во Франкфурте, ради Жуковского, себя и меня. [Далее начато: А за нами] Вот вам еще небольшие поручения на выезд: поищите Томаса Аквинтуса *Somma theologica*, если только она переведена по-французски. Читали ли вы всеобщую

историю Канту? Ее хвалят; если она стоит похвал, то привезите. Да привезите мне маленькую даге<р>ротипку всех вас: соединитесь все в группу (вы же охотники до живых картин), не выключая и Надежду Николаевну, и посидите минуты две всего. Можно даже и Пичуру туда вклеить, если посидит. Я видел многие дагерротипные группы, исполненные очень удачно.

Еще вам одна просьба, которую постарайтесь исполнить: закажите панихиду по усопшей сестре моей Марие (умершей 24-го март<а>). Будьте сами на этой панихиде и помолитесь усердно об ее душе, и ее душа помолится за это об вашей, а что я помолюсь о вас, это и без того будет, а потому об этом и не говорю.

Итак, до Франкфурта! Жуковский переезжает сюда 20 мая.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Paris.

Monsieur

Monsieur le banquier Thourneysson

à Paris Rue Chaussée d'Antin, N° 22, pour
remettre à M-me de Smirnoff.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Мая 23 <н. ст. 1844. Баден>

Если вы приехали во Франкфурт, то поздравляю вас с приездом. Если ж не приехали, то разумеется не с чем и поздравлять. Если ж приехали, то напишите об этом мне, потому что и мне хотелось бы приехать во Франкфурт, но не хотел бы в такое время, когда вы еще устраиваетесь и не уселись как следует на место. А человек еще не усевшийся на место вообще сердит, несколько любит окрыситься, а иногда даже и съездить по морде не кстати подвернувшегося человека. Не желая почувствовать на собственной своей коже всего этого и поручая выкушать все это Даниилу-пророку, я пишу вам заблаговременно об этом запрос. Я в Бадене, нахожусь в том самом отеле, где вы стояли (Hôtel de Hollande), живу порожняком и беседую с одним гр. Толстым, да иногда на две минуты вижу Викулина. О моем помещении вы не заботьтесь. Я могу в две минуты отыскать себе ночлег среди какого бы то города ни было, ибо человек

без комфорта. Главное то, что мы вновь воспитаем, побеседуем и воспитаем вместе.

Ваш <Гоголь> [Подпись вырезана.]

Всем вашим душевный поклон.

На обороте: à Son Excellence Monsieur M-r B.
de Joukoffsky.

Francfort s/M. Hôtel de Russie.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Баден-Баден. Мая 29 <н. ст.
1844>

Уведомьте меня, которого именно числа выезжаете вы в Берлин, мне бы хотелось за день до вашего отъезда приехать во Франкфурт, чтобы повидать вас. Тем более, что мне скоро уже приходит время ехать в Останд на морское купанье, куда посылает меня Коп, стало быть придется целый месяц или даже и два не видать вас, а через Франкфурт следует ехать во всяком случае. За письмо ваше очень, очень благодарю, но вы не сдержали условия. Помните? я вас просил, чтобы наследнику не заикаться насчет меня в денежном отношении. Но так как вы уже это сделали, то, в наказание, должны сими деньгами выплатить мой долг, то есть те четыре тысячи, которые я года четыре тому назад занял у вас в Петербурге. Я знаю, [я не знаю] что это вам будет немножко досадно, но нечего делать, нужно покориться обстоятельствам. Затем целую вас душою и мыслию.

Ваш Гоголь.

Гр. Виельгорские вам кланяются. Смирнова уже несколько раз в письмах повелевает обнять вас и в последнем вами присланном [присланном мне] письме выразилась об этом предмете так: «Жучка меня пенял за молчание, чрез Тургенева. Скажите ему, что я его люблю».

Во Франкфурте я по обыкновению остановлюсь в Hôtel de Russie. А здесь по-прежнему живу в Hôtel de Hollande.

Душевный поклон супруге и приветствие малютке!

На обороте: à Son Excellence Monsieur M-r B. de Joukoffsky.

Francfort s/M. Hôtel de Russie.

А. О. СМИРНОВОЙ
<30 мая н. ст. 1844
Франкфурт.>

На письмо ваше скажу вам только то, что и дорога, предстоящая вам, и даль, и север, и губернаторство, и тоска, будут очень, очень, очень нужны душе вашей; а как, и что, и почему, я каким именно образом, обо всем этом поговорим. Припомните, что я вам всегда говорил, что между нами и не начинались еще настоящие разговоры. Теперь наступило их время. Итак, веселей, тверже и отважней в дорогу жизни! За всё потом вы возблагодарите бога, и не будет конца признательным и сладким слезам вашим. Затем до свиданья. Прощайте, прекрасный брат мой!

<Весь ваш Г.> [Подпись в подлиннике вырезана.]

Адрес по-прежнему во Франкфурт.

А. В. И Е. В. ГОГОЛЬ

<Октябрь 1843—май 1844.>

Хоть одна только Лиза написала ко мне, но я пишу вам обеим. Лиза пишет, что письма ко мне не пишутся такие длинные и так охотно, как прежде. Я этому верю, но знаю также и то, что вы будете писать ко мне письма еще длиннее, чем прежде. Это произойдет само собою тогда, когда вы будете больше меня любить. А для того, чтобы вам научиться более любить меня — вот вам дорога: старайтесь отыскивать в себе как можно более недостатков, недостатки эти вы должны прежде хорошенько выбрать, а потом постараться от них отвязаться. Если вам трудно будет отстать от чего или пересилить себя в чем-либо, советуйтесь со мной, я человек опытный; мне тоже было весьма трудно отставать от многого и пересилить себя во многом; немало еще и теперь предстоит работы и борьбы с собою — и потому я могу вам подать иногда очень нужный совет. Вы пишете, что разезжаете и веселитесь — в добрый час! Но

помните, что придется по месяцам просиживать дома, умейте не скучать и тогда. Не мудрость веселиться, когда вокруг вас весело. Но уметь веселиться, когда вокруг всё скучно, вот настоящая мудрость человека. Большое мое письмо не сделало на вас того впечатления, какого я ожидал, но во всяком случае вы должны помнить о нем. Везде, у кого бы вам ни случилось проживать, старайтесь прожить это время более в трудах и занятиях, чем в увеселениях. Обратите тотчас взгляд вокруг себя и старайтесь заметить, чем вы можете быть полезны хозяевам дома. Старайтесь, чтоб везде, где бы ни случилось вам прожить, осталось о вас самое приятное воспоминание и чтобы по отъезде вашем все до последнего в доме сожалели о вас. Вносите с собою всюду примирение, храни вас бог даже от тени какой-нибудь ссоры с кем бы то ни было, хотя бы вам даже и нанесена была явная обида; напротив, если заметите где-нибудь несогласие, старайтесь всячески примирить обе стороны. Когда же возвратитесь домой к себе, давайте всякой раз самой себе отчет во всем, рассматривайте себя пристально, чтобы

узнать, что приобрели вы себе от пребывания в таком-то доме. Мы для того и окружены обществом, чтобы стараться у всякого что-нибудь украсть для нашего собственного характера. Если в ком-либо заметите какое-нибудь особенно хорошее свойство, старайтесь его в ту же минуту усвоить себе. В уединенную свободную минуту старайтесь иногда припоминать себя в прежнем виде, то есть как вы были назад тому два, три года, сравнивайте тогдашнюю себя с нынешнею и старайтесь узнать, чем именно вы сделались умней прежнего. Вот для чего советовал я вам тогда писать журнал; вы не послушали совета, потому что не поняли цели, для чего это делается, как не понимаете и доньше цели многого того, что мне случалось вам говорить. Конечно, в том человек не виноват, что не понял; но виноват сильно и даст великий ответ богу за то, что не стремился, не напрягал всех сил, не хотел понять, а махнувши рукою сказал: «Это мне непонятно», да и концы в воду. Припомните, что вам уже теперь понятно много из того, что прежде казалось совсем непонятно или незначительно; стало быть, можно до-

стигнуть того, чтобы понять. Можно достигнуть до всего, если только стремиться к тому. Смотрите: не зевайте! Я употребляю все усилия, чтобы быть лучше; старайтесь и вы также. Нужно, чтобы мы были похожи друг на друга, потому что между похожими только друг на друга может существовать прямая дружба и любовь. Я хочу вас любить всею душою, но дурно, если вы сами будете употреблять все старания, чтобы оттолкнуть меня от вас и чтобы я не любил вас. Затем прощайте и не забывайте слов моих.

Н. Гоголь.

А. В., Е. В. И О. В. ГОГОЛЬ <Январь—май н. ст. 1844.>

<...> **Т**олько познакомить меня с тем что есть, в каком виде находится всякая вещь, чтобы я понемногу наконец узнал всё. В продолжение целого года вы должны только отвечать на те вопросы, которые я вам буду задавать в письмах. О пустяках и о прочем вы [Далее было: теперь] можете говорить с своими приятельницами, мне до них [до это<го>] нет никакого дела; времена настали сурьезные, и потому [Далее было: мне] пишите об одном деле. Это не будет трудно, потому что я сам же вам подставлю лестницу и научу как сделать. Я от вас потребую не более как один час в день для такого занятия. Кажется, немного, можно пожертвовать этим временем. Прежде всего я должен узнать, что такое люди. На нравственности крестьян основывается всё: хороший человек всегда хороший хозяин. Итак, прежде всего начните сами осматривать избы. [Далее было: Ка<жда>] Разделите деревню на три ча-

сти, и пусть каждая из вас возьмет одну на свою долю. И начните по порядку, в день по избе довольно. Рассмотрите, как у них идет всё. Расспросите их каждого, во-первых, о нем самом, потом у него же о соседях, которые его окружают, и какого они рода. Мужа расспросите о жене, жену расспросите о муже. Обоих их расспросите о их детях. Потом расспросите об [о ни<х>] этой же семье у соседей. Таким только образом вы узнаете, что такое человек, а без того не узнаете. Это вы [Далее было: мне] должны сделать для меня, а если будете умны, то сумеете [будете] сделать кое-что и для себя, то есть для вашей собственной души, оказав в том и в другом месте много добра [оказав между прочим доб<ро>] мимоходом, то есть одного укоривши, если он поступает худо, другого ободривши, если хозяйствует и держит себя хорошо. Для детей [Далее начато: ко<торые>] их, которые ведут себя получше, можете взять с собою кусок белого хлеба или пирога. [Далее было: или же] А кто похуже всех прочих, о том можете сказать попу, чтобы он попрекнул его исправительным словом. И всем скажите, что теперь прибли-

жается такое время, что всем нужно жить по правде и побольше молиться. К вечеру того же дня напишите обо всем этом мне в письме, чтобы после не позабыть, и так всякий день. И когда письмо накопится и сделается длинно, отправляйте немедленно ко мне. И так пусть поступит каждая.

Порядок в записывании наблюдайте вот какой:

День, месяц и число. Изба такая-то... Хозяин такой-то, его имя, лета, каков сам видом, каков в разговоре и речах? Какие в нем хорошие качества, какие в нем дурные качества? Каков он на хозяйстве и работе, и какое он знает сверх обыкновенных работ свое особое мастерство, которого не знает другой. Потом — 1-е) каким он вообще показался вам на ваш собственный взгляд, 2-е) как отзывается о нем приказчик, 3-е) как отзываются о нем соседи.

Какова у него жена, какие ее качества? и какие ее занятия? и держит ли она в руках

своего [и имеет ли она влияние на] мужа или муж ее? Как отзывается о ней муж, как отзываются о ней соседи, как отзывается о ней приказчик. Иногда недурно расспросить и священника, каким он нашел и кого из них (если священник толковый).

Сколько у них детей, каких лет, каких качеств, как довольны ими отец и мать и, наконец, каков порядок в семье, избе и в их домашнем хозяйстве.

Все эти вопросы вы непременно должны иметь перед глазами, когда будете писать ко мне и еще более, когда будете спрашивать и узнавать. Не пропустите ни одного. И боже вас сохрани наврять что-нибудь от себя. Дело это святое, и что в глазах ваших покамест кажется безделицею, то для меня очень важно. Нужно вам так написать, чтобы не видно было вообще, т. е. в общем смысле, что такой-то хорош, а такой-то худ. Но чтобы я видел, чем именно один нехорош и чем именно один худ. Одним словом, чтобы я видел, [Далее было: их] чем каждый разнится от друго-

го. Чтобы я видел, так сказать, его личность, портрет, какими именно чертами и особенностями один хороший человек отличается от другого хорошего человека и дурной [дру<гой>] человек отличается от дурного.

Присообщите к этому и всякое доброе дело, какое вам случится кому-либо из них оказать. Его также опишите в письме. Когда кончите это дело, я вам дам потом другое, по другим частям. И когда таким образом я узнаю совершенно всё, [И таким образом будет в течение года] т. е. все стороны дел, тогда только я сделаю свои распоряжения [советы] и дам советы, и вы увидите, что я отсюда, издалека буду управляться лучше вас, хотя вы стоите лицом и даже носом к вещам. И если бог поможет, то удастся, может быть, и всё дело поправить. Но смотрите! теперь будет уже сильный грех на душе вашей, если мне не поможете! Еще раз [Далее было: я] повторяю, что за это дело вы должны взяться как за святое. [святого] Один час в дне вашем должен быть отдан всегда. Если время дурное и самим нельзя идти, призовите к себе, расспросите сидя приказчи-

ка и прочих. А визит не позабудьте в другое время.

Олинька, кроме того, должна написать мне о всех дворовых, кто они, сколько [скольких] их числом, каким делом каждый из них занят, какого свойства, характера, каких лет и какие за каждым водятся особенные достоинства [нед<остатки>] или же недостатки и пороки. <...>

На обороте: Сест<рам>

М. И. ГОГОЛЬ

**Франкфурт на Майне. Июнь
12 <н. ст. 1844>**

Получив письмо ваше, маминька, с известием о смерти сестры, я отправился немедленно в Стутгардт, где наша церковь, и отслужил по ней панихиду в один и тот же день вместе с панихидой покойной королевы Екатерины Павловны, на гробе которой выстроена наша церковь. Молясь о душе королевы, которая была прекрасна, я молил ее в то же время помолиться и о душе сестры моей. Как бы то ни было, я верю твердо в милосердие божие и вам советую также. Сестра моя выстрадала на земле свои заблуждения, и бог для того послал ей в жизни страдания, чтоб ей легче было на том свете. Итак, отгоните от сердца всякое сокрушение. Иначе это будет грех. Молитесь о ней, но не грустите. Это для вас, маминька. А вы, сестры (вся эта оставшая часть письма относится к вам одним), не забывайте ее, носите ее в сердце своем, как родную, и молитесь о ней всегда. А с тем вме-

сте не забывайте этого страшного события, эту смерть, которая случилась среди самого вашего говенья. Несчастья не посылаются нам даром; они посылаются нам на то, чтоб мы оглянулись на самих себя и пристально в себя всмотрелись. Есть среди нас неутомимый враг наш, который силится всячески иметь на нас влияние и овладеть нашей душою. Вы сами видели, как сестра ваша влеклась каким-то непостижимым потоком; как ни разу не употребляла власти над собою, не думала о том, чтобы преодолеть себя вначале, когда, еще было легко, и дошла до того, что уже было трудно и почти невозможно. Смотрите за собой бдительней: искуситель и враг наш не дремлет, вы можете впустить его себе в душу, не думая и не замечая. Он тем страшен, что будет вовсе неприметен вначале. Он не станет вас искушать сначала на какое преступное и злое дело, зная, что вы еще не испорчены в душе и [и поэтому] вмиг узнаете его и оттолкнете от себя. Нет, у него расчет вернее: он маленькими и неприметными слабостями открывает себе дорогу в нашу душу, путем лени, бездействия, так что вы даже

сначала и останавливать себя не будете, отговариваясь словами: да ведь такая уж моя природа, или: это уж что-то во мне болезненное, невольное. Он знает, что в лени и бездействии не только не развиваются наши способности, но даже притупляются, а от притупления способностей тупеет ум; а тупея, чем далее, <тем> более ум доходит до помрачения, в помраченья же ума человек способен [способен делается] сделать самое скверное дело, о котором даже и помыслить без ужаса не мог вначале. Счастливы еще бывает тот, которому бог пошлет какое-нибудь страшное несчастье, и несчастьем заставит пробудиться и оглянуться на себя. Но лучше не дожидайтесь несчастья и осматривайтесь на себя, прежде чем посетит вас несчастье. Смотрите, я уж замечая в вас кое-какие маленькие слабости, которые очень могут послужить путем и дорогой ко входу в ваши души нечистому духу. Одна из вас могла бы уже смекнуть значение этих непостижимых маленьких загадок. [что значат эти непостижимые маленькие загадки] Отчего, например, ей, принимаясь за перо писать ко мне, кажется, что не о чем даже пи-

сать и не хочется, но как только преодолеемся первое нехотение и письмо приходит к половине или концу — набираются и мысли, и предметы, о чем писать, так что уж и места не остается для строк. Могла бы, кажется, она смекнуть, что есть кто-то, который препятствует нам, и как только оттолкнешь его, слышишь тот же час, что есть кто-то другой, который помогает нам. Всё это, конечно, мелочи. Но искуситель очень знает, что тот, кто не привыкнет побеждать мелочей, не победит, наконец, и бóльшего. Многие из вас дошли до такой невинности, что вообразили себе, что только то нужно делать, что легко делается, а что трудно, то нужно оставлять вовсе. Умное рассуждение! Скажу вам о себе, что до сих пор мне не удалось ни одного полезного дела сделать, не принудив прежде к тому себя насильно. Как только уже слишком твердо на что-нибудь решишься, тогда только убежит лукавый дух, слыша, что сам бог идет к нам на помощь. А как часто лукаво шепчет он нам в уши: это не по тебе, это не для тебя, у тебя даже для этого нет и способностей! — для <того> только, чтобы мы оставались в покое, не про-

буждали бы [не пробуждали бы в себе] своих способностей и оставались бы в совершенном неведении насчет того, что в самом деле у нас есть и чем мы можем делать добро и себе и другим. Сколько, например, мною даже сказанных вам слов и напоминаний вы оттолкнули от себя вследствие этого внушения. Хотя бы раз в неделю всякая из вас пошла по деревне и заглянула бы в каждую избу, чтобы узнать, кто там живет, что делает, чем занимается именно, хорошо ли или дурно делает свое дело и как ведет себя. Нет, никто этого не сделал; а [Далее было: даже] вместо того вообразили себе, что я хочу заставить их заниматься хозяйством и наперед постарались объявить, что у них нет для этого способностей, бессмысленно позабыв, что только тогда, когда узнаешь самое дело в существе его, тогда только увидишь, есть ли к тому способности или нет; вообразили, что я хочу сделать из них хозяек! Близорукие. [Бессмысленные!] Да не узнавши прежде быта и состояния человека, нельзя даже узнать, чем и в чем именно и каким образом ему помочь. Или вы думаете, если в деревне вашей случится какое-ни-

будь преступление, погубит кто-нибудь душу свою, не лежит это [не лежит это, думаете, отчасти] и на вашей ответственности? Мы даже и за тех дадим ответ богу, с кем были в дружеских сношениях только потому, что и над ними мы могли иметь влияние, а тем более за тех, которые были в нашей власти [были в нашей власти даже] или под нашею властью. Или вы думаете, что мужик должен пропасть, как скотина? Если он дурно ведет себя, если он пьяница, вор, лентяй, так пусть его так и умрет пьяницей, вором и лентяем, ему же будет хуже, пусть его пропадет? Но если собака околет от голода, так и тогда бывает нам жалко, а тут гибнет иногда человек в глазах наших, да и пусть бы еще погибнул телом, нет гибнет душою — и состраданья даже на одно зерно не бывает в бесчеловечных душах наших. Просто становится страшно. Да одно бы просто слово с вашей стороны, один упрек, одно увещание могло бы уже спасти его. Если бы увидел простой человек такое внимание к себе, что сама госпожа, сама барышня просит его именем бога оставить дурную жизнь, изъясняет ему, какое наказание страшное ожида-

ет его за это в будущей жизни, нет, он бы наконец подвинулся и смягчился, и камень иногда смягчается, а человек — не камень. Мы часто и обыкновенно отговариваемся тем, что не знаем даже, каким языком говорить так, чтобы подействовать на другого и убедить его. И, точно, мы не умеем так говорить; а отчего? Оттого, что и не подумали об этом прежде, и не хотели даже и разузнать, что такое в самом деле есть тот человек, которому хотим говорить. Вот почему нам и необходимо познание его быта, его нужд, его трудов и занятий, вот почему необходимо узнавать и расспрашивать, как и чем кто занимается на деревне. Я всеми силами старался вас довести до средств, с которыми можно сделать какое-нибудь добро. Сделавши доброе дело, вы бы были в силах молиться, а теперь вы и молиться не в силах. Одна из вас удивлялась, что ей во всё время говенья лезла в голову всякая дрянь во время молитвы. Я бы удивлялся, если бы не лезла эта дрянь, этому я бы больше изумился. Вы думаете, легко помолиться так, как следует? Нет, не сделавши доброго дела, не сделавши ничего для своего

ближнего, не подействовавши благотельно на его характер, не обративши его истинно к богу, никогда не помолитесь вы так, как следует помолиться. Только тогда в силах помолиться человек таким образом, что неизъяснимая сладость наполняет во время молитвы его всего, так что и слов уже не следует ему прибавлять от себя, потому что он слышит, что душа собою, [Переправлено из: самую] уже без слов, молится. Такие только молитвы возлетают на небо, им только внемлет бог и дает за них не только то, что просим, но даже в несколько раз больше, чем просим, а без того хотя бы вы рыданьем наполнили всю церковь и били себя в грудь — бесплодны будут молитвы. Припомните хорошенько ваши молитвы во время говенья: исполнилось ли все то, о чем вы молились тогда? Бескрылые, не возлетев, упали на землю ваши молитвы. Рассмотрите себя хорошенько: в теперешнем вашем состоянии вы [и вы] не в силах сделать доброго дела, даже и тогда, если бы вам даны были все средства к тому, и виной всему ваше невежество: вы не знаете, в чем и как помочь человеку, вы если захотите сделать вдруг ко-

му-нибудь помощь, вы сделаете не тому, кому следует. Вам теперь миллион денег дай в руки, вы с ними не только не сделаете никому пользу, а даже можете сделать вред, потому что не знаете, кому именно и как и сколько дать, и в сопровождении какого именно наставления дать ему, ибо для этого нужно в настоящем виде знать его обстоятельства. Вот почему я и хотел, чтоб вы начали прежде с простых людей: их быт скорее можно узнать, потому что он прост [легче] и немногосложен, да и дорога к ним легче, потому что вы и без того уже имеете власть над ними. Тут бы вы сделали начало, нашли ключ к будущим важнейшим и обширнейшим действиям, проложили бы дорогу к тому, как действовать на душевные струны человека. И себя даже самих вы не можете теперь сделать лучше, потому что и этого нельзя сделать, не подумавши прежде о том, чтобы сделать других лучшими, так тесно наша собственная жизнь и наше собственное образование соединены с нашими ближними. Одна из вас мне сделала упрек, что <я> говорил о какой-то благодетельной перемене, [перемене будущей] после-

дующей с вами через два года, и спрашивает, где ж эта перемена, требуя ее как будто должного. Я сказал это, основываясь на некоторых моих соображениях, а главное основываясь на вас самих. По некоторым чертам, заключенным в вашем собственном характере, мне показалось, что вы не без ума, смекнете сами, в чем сила всего дела, и приведете себя в такое состояние, что всякая ваша молитва и малейшее желание будут услышаны. С моей стороны я употреблял все посильные средства, писал к вам письма, которые могли бы приблизить вас к вашему долгу, навести вас на ваши обязанности и помочь вам развить ваши способности, которые могли бы вас показать в лучшем несравненно виде, чем вы есть теперь, но они пропадали без исполнения: глаза ваши не раскрывались, или, лучше, вы даже не молились богу о том, чтобы раскрылись ваши глаза. Одна из вас написала мне даже: Мерсі за наставления, считая слова мои за правила, выписанные из книги, и вместо того попросила у меня описания образа жизни моей и как я веселюсь и провожу время. Но если бы я что-нибудь из этой жизни вам

стал говорить, вы бы еще более тогда имели право сказать: мерсі за наставления. О веселостях моего препровождения времени рассказать трудно, они большею частию внутренние, если же и рассказать бы, [рассказал бы вам] то это будет вам непонятно. О других же интересах жизни я не могу говорить, потому что это мне скучно и они [и потому что они] для меня уже не имеют интереса, а вы сами знаете: что у кого болит, тот о том и говорит. О вас я интересуюсь знать всё в подробности вовсе не из любопытства и не для того, чтобы мне приятно было читать ваши письма, но для того, чтобы знать, в чем можно помочь вам, потому что, не узнав до малейших оттенков души, никаким образом нельзя истинно помочь, хотя бы и от всей души хотел этого. Но довольнo о прошедшем, обращаюсь к нынешн<нему>. Итак веселитесь, потому что уныние — грех, и кто не весел, тот грешит, но веселитесь душою. Разъезжайте всюду, но вместе с тем и действуйте, а действовать можно на всяком месте, где ни будете. Старайтесь приобрести сведения, потому что вы невежи, а сведения набираются не из книг, а из самой

жизни, из практики. И потому водитесь не только с одними подругами ваших лет, но старайтесь знакомиться со всеми. Не стесняйтесь, но распространяйте круг вашего знакомства, а распространяйте для пользы, а не для чего другого. Не пропускайте ни одну замечательную женщину, светская ли она дама или из низкого сословия, чтобы не приласкать ее и не расспросить ее обстоятельно о ее жите-бытье, действиях и поступках: в хозяйственном, семейственном и светском поприще. От этого вы поумнеете, хотя и сами вначале того не заметите. Обращаясь с вашими подругами, вы старайтесь также подействовать и на них, старайтесь также и их приучить к деятельности, старайтесь также и их заставить то же самое, что делаете вы, вводите их в их же обязанности, ходите с ними на деревню, расспрашивайте и узнавайте вместе с ними, словом, образумьте, заставьте узнать, что всюду, даже на бале, даже между танцами, можно сделать добро, если только не ослеплены наши глаза до того, что не видят перед собою никакого поприща нигде. От лени бегите, как от огня, и нечего жалеть нежность свою:

можно приказать даже, если не захочется вставать с постели, облить себя ведром холодной воды. Этим средством я сам излечился от лени. Облившись водою, одевшись, да потом выпивши стакана два холодной воды, [стакан холодной воды] я начинал ходить и прогуливаться около часа, после чего чувствовал весь день свежесть. А по прошествии месяца кровь само собою стала обращаться живее и скорее, а чрез то и во всех членах почувствовалась деятельность. Вот вам чистая правда и самая жизнь и дело! Вы можете и теперь сказать: Мерсі за наставления! Но лучше будет, если вы не скажете этого, а вместо того поглубже рассмотрите самих себя. О сестре вашей не грустите, но молитесь сильно и душевно и старайтесь так помолиться, чтобы бог услышал ваши молитвы. Почему знать, может быть, душа ее [душа ваша] сильно хочет и требует от вас этих молитв, и грех будет на вашей душе, если вы будете бесчувственны к ней и позабудете ее. Еще мне не нравится, что одна из вас, извиняясь в том, что ленился писать, прибавляет: чувствую, что не так нужно поступать с братом, да еще таким,

как вы (то есть я). Если бы кто-нибудь прочитал это, то подумал бы, что сестра моя склонна к подлости. Я вовсе не какой-нибудь особенный брат, и то, что сделал для вас, сделал бы также и для других. Да не распространяйтесь обо мне ни с кем из своих знакомых. Говорите, что вы меня очень мало знаете, что не можете ничего сказать решительного и о моих свойствах, что я пишу к вам очень редко, весьма мало, несколько пренебрежительно и вообще считаю вас за двухлетних ребенков. Вот всё, что вы можете сказать обо мне. Писем моих не показывайте и не давайте никому. Впрочем, [Далее было: мне] их будет немного. Мне некогда и трудно писать, а этого письма я было не хотел вовсе писать, чувствуя, что многое будет сказано на ветер и пропадет без исполнения, но сделалось совестно, и чтобы не понести на душе греха, и решился написать его. Это всё сказано вам, мои любезные сестры, всем трем. Если вы умны, вы найдете сами, как употребить его в свою пользу. Затем до свиданья! Прощайте.

Ваш брат

Н<иколай>.

К вам, маминька, тоже одна просьба: не хвалите меня никогда ни перед кем. Еще: у вас есть мой портрет. Спрячьте его в отдаленную комнату, зашейте в холст и не показывайте никому. Говорите, что вы его отправили в Москву по моей просьбе, словом, что у вас его нет. Копии снимать с него никому не позволяйте, ни даже моим сестрам. Это мое желание.

Передайте Софье Васильевне Скалон мой душевный поклон и скажите, что мне очень чувствительны ее ласки и добродушие, которые она оказывает всем вам.

Адрес: [Адрес по-прежнему] во Франкфурт на Майне. Francfort s/M à l'hôtel de Russie. Я хоть и уеду отсюда на морские ванны, но возвращусь через месяц, для того, чтобы здесь прожить подолее вместе с приятелем моим Жуковским, здесь живущим постоянно.

На обороте: Poltava. Russie méridionale.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Го-
ГОЛЬ.

В Полтаву, а оттуда в д<еревню> Василев-
ку.

М. И. ГОГОЛЬ
Франкфурт. <15 июня н. ст.
1844>

Из письма вашего я вижу, что вы вновь неспокойны духом. Вы несколько пошатнулись в твердом упованьи на бога — и вот зато и ощутили тревогу, поверили всяким слухам и привели сами себя в колеблющееся состояние. А если бы вы твердо пребывали в боге — вас бы слухи не смутили, вы бы знали, что слухи не более как слухи, вы не пошли бы доискиваться правды у кочующего лавочника, приехавшего на ярмарку. Иногда и человек даже достойный врет. И среди самой просвещенной столицы куются и ткуются всякие нелепицы, да и весь человек есть ложь. Я не знаю, какие слухи до вас дошли, но знаю, что [Далее было: <1 нрзб.>] про меня есть всякие слухи и что они противоположны даже сами себе. Знаю также, что будет их впредь не мало, потому что есть люди, которые, видя, что другим нельзя взять, стараются очернить и запятнать хотя словами. Гневаться на это я

даже не имею права, потому что, во-первых, на всякое чиханье не наздравствуешься, а во-вторых, если слухи допущены богом, стало быть, нужно, чтоб они были, и, верно, они даже полезны, не только вредны. Из чего вы также заключили, что я непременно через год должен вновь напечатать какое-нибудь сочинение? Во-первых, я не почтовая лошадь. Пишу я, соображаясь с моими силами, средствами, не ставлю ничего на срок и не обещаю на срок, да и не люблю даже об этом предмете [Далее было: и] разговаривать с кем бы то ни было. Стало быть, никто не может сказать, чтобы я должен был [Далее начато: и] или хотел выдать к тому-то и тому времени.

Имел я, конечно, намерение через каждые три года выдавать часть; но это намерение человеческое, а потому не верно. Всё зависит от бога, как сокращение, так и продление этого времени. А потому этими делами вы и не смущайтесь, и не занимайтесь. Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора. Насчет тяжбы вашей ска-

жу то, что вместо всяких беспокойств, которые так вас охлопачивают, вам бы следовало с самого начала сказать себе так: Тяжба есть дело неверное, стало быть, на нее, как на что-нибудь верное, не следует даже и полагаться. [Далее было: Я бы вместо того, чтобы] Почему знать, может быть, бедные противники ваши не имеют ничего, и вы снимете с них последнюю рубашку, хотя ваше дело и право. Я бы, по моему мнению, давным давно [по моему мнению сделал давно] написал бы к ним самим вот каким образом: [написал к моим противникам] «Вы видите сами, дело мое право, сенат решил в мою пользу. Но напишите мне откровенно, если вы действительно так бедны, что не можете уплатить всей суммы, то я не хочу вас грабить; заплатите мне половину [то, сколько можете заплатить] и бог с вами». Вы бы, может быть, уже давным давно получили деньги, хотя и не все; но зато [Далее было: вы верно] в молитве вашей могли бы тверже произнести слова: и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим. Притом, поступая человеколюбно во всем, человек никогда не бывает в убыт-

ке и вознаграждается на другом. Но довольно. Письмо мое становится длинно. Самое главное — считайте всё за ничто, кроме одного бога, как оно и действительно есть, и ничем не смущайтесь. Поверьте, что всё это, что вас так смущает, в существе своем такая дрянь, что грех даже и думать о том много. Старайтесь лучше быть веселы и беспрестанно благодарите бога за то, что у вас уже есть; потому что и этого уже очень много, и многие бы поменялись с вами своею участью. Затем прощайте.

Ваш сын

Н<иколай>.

На обороте: *Poltava. Russie méridionale.*

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаву, а оттуда в д<еревню> Василевку.

А. В. ГОГОЛЬ
Франкфурт. 15 июня <н. ст.
1844>

Отвечаю тебе на последнее письмо твое, которое получил я вчера (числа на нем не было выставлено; я полагаю, [Было начато: д<умаю?>] что оно [они] писано или 12 мая, или около того). Скажу тебе на него в ответ: Кураж! вперед! и никак не терять присутствия духа! Письмо твое — добрый знак. Прежде всего ты должна поблагодарить бога за ту тоску, которая на тебя находит. Это предвестник скорого прихода веселья в душу твою. Тоска эта — следствие пустоты, следствие бесплодности твоего прежнего веселья. Веселье лучшее, веселье полное, вовсе незнакомое тебе доселе, ждет тебя. Письма твои будут выражать теперь всю твою душу, и всё, что хотело прежде высказаться и не умело, изольется теперь свободно. Я думаю, ты уже прочла и вникнула в длинное письмо мое, которое я послал вам три дни тому назад. Пойми его хорошенько. Если ты поймешь его, то

бодрость почувствуешь в душе. Если не поймешь, то предашься унынию, и в таком случае сильно согрешишь. Потому что более всего грешит пред богом тот, кто предается унынию: он, значит, не верит ни милосердию божию, ни любви его, ни самому богу. И потому веселей и отважней за дело! Брось все те занятия, которые заставляют тебя сидеть на месте и в комнате. Это занятия мертвые. Они еще более способны усилить только скучное расположение духа. Замени их занятиями живыми. Делай частые прогулки, но старайся, чтобы им назначить какую-нибудь цель, без того они наскучат тебе и будут похожи на что-нибудь заказанное и принужденное. Употребляй пиение воды, но только прежде ходьбы, а не после. Не пренебрегай даже и прежними увеселениями, но взгляни на них с лучшей точки. Старайся как их, так и всё, что ни делаешь, обратить в какую-нибудь пользу, потому что всё создано на то, чтоб употреблять его в пользу. Заведи так, чтоб в разных местах были у тебя дела, чтобы нужно было проходить большие расстояния, чтобы живо и деятельно от одного дела приниматься за другое. Зай-

мись хозяйством не вещественным, но хозяйством души человеческой. Там только найдешь счастье. Но ты не без ума и смекнешь сама собою многое. В письме твоём я вижу счастливые признаки и повторяю тебе вновь: вперед! всё будет хорошо.

Твой брат.

Оленьке скажи, чтоб она написала мне, что такое в самом деле есть дочь Катерины Ивановны — Марья Николаевна, каких качеств? Пусть она также напишет, как проводила [Далее было: всякий день] у нее время всякий день, каков муж и как вообще у них идут дела хозяйственные и всякие. Прибавь к этому и свое мнение. Если ей чересчур хочется иметь какое-нибудь мое письмо, то отдайте ей то, где я вам писал, что нужно повсюду вносить примирение. Если ж вам оно будет почему-либо <нужно>, то можете для себя оставить с него копию. С тем, однако ж, ей отдайте, чтобы она никому его не показывала.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Франкфурт. 15 июнь <н. ст.
1844>

Еще ни единый из гостей не добрался до Франкфурта, и книг я не получил ни единой, хотя жажду чтения. Вообще я уже заметил, что мужской пол у нас не так аккуратен и годен на поручения. Они не только бабы, но даже гораздо их бабьеватей! Дамами мне были доставлены все посылки в исправности. А куда делась эта Баба-Бабариха или Боборыкин, [В подлиннике: Бабарыкин] про то разве один чорт имеет сведение. Он, вероятно, пробирался какими-то проселочными дорогами. Письмо твое, впрочем, меня очень обрадовало. Бодрость и побуждение к перу уже есть — стало быть, слава богу, это главное, прочее всё дрянь и не стоит того, чтобы о нем много беспокоиться. Поверь, что всякий человек есть кулик, и если вытащит нос, то непременно загрузит хвост. Это даже нужно для то<го>, чтобы он не слишком подымал своего носа и помнил бы ежеминутно, что он дрянь. Наме-

рение твое перебраться на дачу есть совершенно благое; нужно только, чтобы она была подалее от города и поближе к лесу, в особенности к сосновому: запах от него и здоров [здоровый] и как-то особенно услаждает нервы. Я же еду теперь, по определению Копа, на морские воды на один месяц в Останд. Потом возвращаюсь вновь во Франкфурт и пробуду всю осень с Жуковским, и вообще в областях Рейна, а потому адрес остается на прежних основаниях, а для лучшей точности вслед за фамилией Joukoffsky прибавляй: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Если с тобой Петр Миха<й>лович, то обними его весьма крепко. Поблагодари его весьма много за те слова, которые я не получил. Жаль весьма, если они были в единственном экземпляре. Дубинные немцы заедают теперь множество писем, по причине совершенного тупоумия и глупости, превосходящей всякие меры. Отдают письмо не по адресу и потому нужно всё это иметь в виду и быть страшно аккуратну во всем. Я не знаю, зачем ты не послал мне хотя часть книг с кн. Хованским. Он был во Франкфурте назад тому месяц и мог

бы оставить их даже в посольстве.

Напиши мне адрес своей дачи. Я адресую на удалую на твою городскую квартиру, хотя, может быть, ты уже съехал оттуда. Затем, будь здоров. В письмах, как и во всем, не ленись и выпивай натощак стакана по два воды самой холодной.

Твой весь Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Баден-Баден. Середа <20
июня н. ст. 1844>

Пришлите мне, сделайте милость, письмо Смирновой, которое отправила к вам графиня Вьельгорская, но только как можно скорее, потому что оно мне очень нужно. Смирнова писала ко всем и никому не написала обстоятельно своего адреса и маршрута, то есть как и сколько времени пробудет в каждом месте. [то есть как и куда едет] Графиня Вьельгорская будет дня через два у вас во Франкфурте, проезжая в Петербург на месяц, для свидания с дочерью. Граф остается здесь. Если [Если на случай] приедет во Франкфурт Балабина, скажите ей, чтобы она непременно заехала в Мангейм. [Далее начато: для] Я нарочно пробыл в Мангейме для того, чтобы рассмотреть и расспросить, правда ли то, что говорят будто бы в Мангейме лучше и дешевле жить, и притом слаще зима, и нашел, что люди правы во многом отношении. За картинным местоположением нечего гоняться; а

нужны прежде всего удобства жизни. Дома здесь устроены очень хорошо, с комфортами, с печами и в аглицком совершенно вкусе. Это единственный немецкий город, который не воняет и в котором можно гулять зимою, потому что все улицы в тротуарах, которые весьма чисто вымощены плитами. Наконец сад великолепный, деревья высокие, иногда целую версту идешь в тени, и притом нет угощенья пылью со стороны проезжающих экипажей, как во Франкфурте. Вспомня Бинген, где нет совершенно тени, я об этом подумал серьезно. Мангейм мне самому не понравился прежде (когда я проезжал его впервой) регулярностью и опрятностью улиц, а теперь вижу, что для жизни льготной это необходимо. Притом местоположенье вокруг раздольное и горизонту много, а Рейн здесь великолепен. В Бингене он сжат. Местоположение Бингена эффектно для проходящих, а проживающие в нем соскучатся. В Мангейме из сада я нашел два пункта видов [видов таких] на отдаленные вокруг горы, каких нет во Франкфурте. Итак, вы скажите Балабиной, чтобы она все-таки не позабыла заехать в Мангейм

посмотреть. В Бингене нужно будет устроить дом, переделывать, ставить печи, здесь же всё готово. [Далее начато: при] Езда от Франкфурта тоже четыре часа. Наконец пункт железных дорог, которыми он в связи с Гейдельбергом, Баденом, Карлсру и Страсбургом, что весьма важно для Вагнера, который именно и послан для наблюдения за железными дорогами. Пока прощайте, целую вас и все Вьельгорские целуют вас также. Спешу кончить письмо. Не забудьте же как можно скорее прислать мне письмо Смирновой, потому что, может быть, вслед за ним нужно будет сейчас же ехать.

На обороте: à Son Excellence Monsieur de Joukoffsky.

Francfort s/M. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

М. П. БАЛАБИНОЙ
Франкфурт. 12 июля <н. ст.
1844>

Я к вам не писал, потому что хотел вас уведомить наверно о себе, то есть о моем поезде: куды, когда и на сколько времени. Оказывается теперь следующее: в Остенде, через неделю, на полтора месяца. Вашу порученность я исполнил тот же час по приезде во Франкфурт, последовавшем [В подлиннике: последовавшим] за нашим свиданием. Я тотчас отправил человека с письмом от вас отыскивать англицкого пастора: Пирпенфельда или Пильпентафеля, наверно [а наверное] не помню. Комиссионер, которого я посылал, доложил, что он лично видел господина Пирпенфельда и что г. Пирпенфельд или Пильпентафель обещался завтра же дать удовлетворительный ответ, чем я совершенно успокоился. Как вдруг получаю [Далее было: что] от вас известие, что на письмо ваше ответа нет. Я послал вновь к г. Пирпенфельду, но оказалось, [но его не было дома, ни в горо-

де] что господин Пирпенфельд улизнул из Франкфурта и поручил все дела какому-то Ферзениусу, или Фризениусу, или Фрузениусу, или даже Зерфуниусу (для меня все подобные фамилии несколько трудны и потому извините, если несколько ошибаюсь в правописании). Я тот же час к Фрузениусу с тем, чтобы сейчас же и тут же при человеке написал ответ. Этот ответ был взят от Фрузениуса и уже брошен не его руками в почтовую дыру во избежание всяких запутанностей, о чем обо всем вас теперь уведомляю и прошу в отплату за это уведомить о себе, то есть обо всем, что ни случилось с вами после нашего расставания. Изъясните мне также, что значит мистическая поездка ваша во Франкфурт и ваш обед в Hôtel de Russie перед самым моим носом, о чем я узнал только на другой день, живя тут же и в том же самом доме?

Если будете писать [Если вы напишете] ко мне теперь же, то адресуйте по-прежнему, если же на вас найдет ленивое расположение и в течение пяти дней вы не соберетесь писать, а предпримете это гораздо позже, тогда адре-

суйте уже в Остенде.

Затем остаюсь весь ваш

Гоголь.

На обороте: Mademoiselle M-elle de Balabine
à Schlangenbad.

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
Франкфурт. 13 <июля н. ст.
1844 г.>

Видите ли: не во вторник, а в самую даже пятницу чуть было не отважился я ехать с Михал Юрьевичем вновь в Баден, до такой степени хотелось было видеть вашу встречу. Но однако ж этого не случилось, и я, как видите, не поехал. Зато впереди Останд, наш будущий приятель, куда я поднимаюсь через три дня и куда однако ж я советую и вам не очень опаздывать, потому что доктора все советуют начинать по крайней мере не позже июля. [Далее начато: Извините <?>] Иначе мало времени. Смирнова слышно тоже намеревается пробыть в Остенде. Извините, что письмо несколько бестолково: пишу среди страшного шума и смеху, [шуму вокруг меня] затеянного на немецком языке немецкими девицами, который кончился наконец пеньем, [пеньем и еще] а потому и я, сделавши несколько чернильных капель, замазанных тут же весьма искусно моим пальцем, окан-

чиваю тоже письмо мое. Вам посылаю всем самый душевный поклон, целую все шесть ваших ручек и говорю вам до Остенда!

Весь ваш Гоголь.

Жуковский послал мне письмо, адресовавши его в Hôtel de Hollande. Повелите кому-нибудь из двух ваших вассалов, Тимофею или Петеру о нем разузнать и отправить обратно к Жуковскому во Франкфурт.

На обороте: à Son Excellence Madame La Comtesse de Wielhorsky.

М. П. ПОГОДИНУ
<Франкфурт. 13 июля 1844 г.
Н. СТ.>

Я узнал о случившемся с тобою несчастии. Бог да сохранит тебя, и да обратит всё, что ни случилось с тобою, тебе же во благо. Для христианина нет несчастия и всё, что ни сбывается с ним, имеет для него глубокий смысл. Напиши мне два слова о твоём состоянии или попроси Елисавету Васильевну уведомить, как тебе и как себя чувствуешь. Адресуй во Франкфурт на Майне, я хотя и еду на морское купанье в Остенде по причине плохого здоровья, но чрез месяц с небольшим надеюсь назад. Да споспешествует тебе бог в скорейшем выздоровлении!

Весь твой

Гоголь.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору имп. Московского университе-
та Михаилу Петровичу Погодину.

В Москве, в Университете.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

**Франкф<урт>. 14 июля <н. ст.
1844>**

Письмо твое получил со вложением Тригорского, за которое очень благодарю. Но только какой ты недогадливый! Сам уведомляешь меня, что написал несколько посланий в Москве, и хотя бы одно приложил на показ, зная, что это для меня во-первых мед, а во-вторых и просто нужно. Книг я до сих пор от тебя ни одной не получил, а между тем стограл жаждой чтения. Писать не мог по причине совершенного запрещения по поводу приливов крови к голове, а читать и прочесть мог бы много в это время нужного и полезного. И как нарочно, к вящей досаде моей, беспрестанно приезжают из Москвы и прямо во Франкфурт. Приехал Новосильцев, московский вице-губернатор, знакомый всем нашим литераторам, и хотя бы один из них что-нибудь мне догадался прислать с ним. Приехали знакомые Авдотьи Петровны, Галаховы, привезли Жуковскому хоть письмо, а мне ничего.

Приехал наконец Мельгунов. Я обрадовался, услыша о его приезде, думая, ну, по крайней мере, этот что-нибудь привез, но оказалось, что и этот приехал с пустыми руками. Словом, сделалось даже досадно. За дурным временем я должен был остаться во Франкфурте. Морских купаний нельзя было еще начинать, тем более, что я как-то сделался склоннее к простуде, чем когда прежде. Ты спрашиваешь, [спрашиваешь что] пишутся ли М<ертвые> д<уши>? И пишутся и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел, и препятствия этому часто происходят [зависят] и от болезни, а еще чаще от меня самого. На каждом шагу и на каждой строчке ощущается такая потребность поумнеть и притом так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя. Я иду вперед — идет и сочинение, я остановился — нейдет и сочи<нение>. Поэтому мне и необходимы бывают часто перемены всех обстоятельств, переезды, обращение к другим занятиям, [непохожим занятиям] не похожим на

вседневные, и чтение таких книг, над которыми воспитывается человек. Но... распространяться боюсь, чтобы не нагородить какой-либо путаницы. Притом же я не уверен, дойдет ли до тебя это письмо. Ты теперь, вероятно, на даче, а потому дело самой пересылки становится сопряжено... Вас<илий> Андр<еевич> тебе кланяется. Он, бедный, провел время жалким образом и не делал доселе ничего, по причине двухмесячной возни с столярами и печниками, занявшими всё его время на новосельи. Теперь он едва только вытаскивает из-под спуда свою Одиссею. Адресуй по-прежнему во Франкфурт, но для лучшей доставки в самые руки прибавляй следующее приписание: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

Твой Гоголь.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной, что в Власьевском пере-

улке.

С. М. СОЛЛОГУБ
**Франкфурт, 24 июля 1844 <н.
ст.>**

Письмо это к вам и к Анне Михайловне. Я хотел было вам сделать сюрприз, но вместо того болезнь мне сделала сюрприз и сюрприз до такой степени неприятный, что и рассказать не могу; такие несносные и такие тягостные припадки, каких я давно не испытывал. Больной еду я теперь по приказанию доктора поспешно в Остенде, иначе мне грозит он гораздо худшим состоянием. А между тем я уже было совершенно решился ехать с вами, и путешествие вместе меня чрезвычайно заманивало. Напишите мне несколько строк, что делаете и какие имеете известия из Петербурга. Ваше письмо меня очень обрадует в моем беспомощном положении. Его жду теперь как благотворную каплю освежающей росы. Прощайте! Будьте здоровы; более писать не в силах.

Весь ваш Гоголь.

Не медлите также отъездом, время настало прекрасное. Если опоздаете, можете пропустить выгодный месяц, каков август.

Адрес мой — в Остенде. Poste restante.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Остенде. 30 июля <н. ст.
1844>

Пишу к вам, покаместь, только два слова. До Остенде я добрался, слава богу, благополучно. На другой день после дороги почувствовал себя даже хорошо, потом опять похуже. Сегодня однако ж взял первую баню. Как пойдет дело, бог весть, покаместь трудность страшная бороться с холодом воды, больше одной минуты я не мог высидеть, и ноги сделались холодны на весь день, так что с трудом мог их согреть, хотя ходил много. В Остенде никого; и покаместь довольно скучно. Обнимаю вас крепко, крепко и посылаю душевный поклон всем вашим.

Весь ваш Гоголь.

Если набралось сколько-нибудь писем, то пришлите, адресуя покаместь в *Poste restante*.

На обороте: *à Son Excellence Monsieur de*

Joukoffsky.

Francfort s/M. Salzwedelsgarten vor dem
Schaumeinthor.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Остенде. 6 августа <н. ст.
1844>

Я получил ваше милое письмо, которое мне было однако ж грустно. Вот уже несколько месяцев и весь почти последний год всё до самых мелочей совершается мне напротив и в поперек. Я утешал себя мыслию, например, такую, что в Остенде по крайней мере мне будет предстоять прожитие с близкими моей душе людьми. Но это теперь не состоялось. Из письма вашего я вижу, что графиня Вьельгорская переменяет намерение и едет в Дувр. Об этом мне и помыслить теперь невозможно. Я уже начал купанье и понемногу как будто бы стал поправляться. Бросить я не могу уже по весьма непреодолимой для меня причине. Уже несколько лет, как дал обещанье не ехать морем, это для меня и в здоровом состоянии было невыносимо, не только теперь. Я страдал ужасно даже и во время небольшого волнения, а здесь самый бешеный переезд, какой только где есть на море. Притом зачем

я поеду? В Дувре даже и купанья нет, оттуда приезжают англичане сюда купаться. Сноснее Дувра Брейтон, куда вероятно отправятся Вьельгорские, когда увидят и попробуют на деле. При том издержки во всех этих местах в Англии вдвое дороже здешних. Это говорят те, которые купались и здесь и там, и которые кроме того купанье здешнее далеко предпочитают. Мне же во всяком случае нельзя теперь [теперь сделать] тратить денег, которых слишком в обрез. [Далее начато: меня смущает] Итак, об этом деле мне и думать теперь не следует. Их просьбы теперь меня только смутят и вновь взволнуют, и вновь произведут во мне нерешимость, которая мне теперь страшнее всего. Лучше, если бы они напротив того [скорее] убеждали остаться здесь. Потом из вашего письма я узнал другую для меня неприятность и поперечность. Я всё льстил себя надеждою, что графиня хотя привезет мне книги и оставит их мне здесь в утешение. Мне единственное [единственное оно] и осталось развлечение в книгах. Никогда так не возрастала во мне охота к чтенью, и особенно русских книг, по причинам, которые

все заключались в душе моей и которые вряд ли кто поймет. [Далее начато: В моем теперешнем состоянии] И как на беду, как нарочно, ни одна из книг мне высланных не пришла в мои руки! Я думал, что по крайней мере наверно от графини получу. И как нарочно она везла их три четверти дороги и по странному какому-то случаю оставила их во Франкфурте, когда всего два дни только оставалось, чтобы довести их ко мне. Мне бы они теперь на безлюдьи были точно благодать с неба. Как теперь их посылать сюда по почте? Во-первых дорого и тяжело, а во-вторых весьма могут легко пропасть, потому что здесь перегрузка пароходов и железных дорог, и притом это переходит через границу и в другое государство. Нет, пусть лучше остаются они у вас. Но как жаль, [отчег<0>] что вы не догадались упросить графиню Вьельгорскую довести их! Вы знали, что мне в Остенде скучно и что я перед выездом просил у вас хотя каких-нибудь русских книг, даже скучных, лишь бы нечитанных. Но как видно так уж определено, чтобы было всё мне напротив. Благодарю бога, верно, это нужно, и я решился твердо и

покорно покориться всей нынешней тоске и вынести ее как можно тверже, [великод<ушнее>] сколько достанет сил. Обнимаю вас крепко и сильно. Не забывайте меня и напишите иногда хотя несколько слов. Простите, что так дурно пишу. Если письмо мое так несвязно, то причиною не торопливость, а это скверное волнение, которое ко мне вздумало возвратиться только сегодня, вчера и третьего и четвертого дни его уже не было. Но даст бог всё пройдет, я вас вновь обниму в надлежащем здоровье. Может быть, мне это слишком нужно, чтобы я был на время оставлен именно в то время, когда не хотелось бы, и лишен всех [всех совершенно] ресурсов. Уж верно нужно, когда так сделалось. Передайте мой душевный поклон всему вашему дому и поцелуйте за меня вашу малютку.

Ваш Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
Остенде. Августа 15 <н. ст.
1844>

Письмо твое, хотя оно было и коротенькое, принесло мне большое удовольствие. Удовольствие мне принесло оно двумя сказанными вскользь словами, именно, что ты чувствуешь почти юношескую живость при одной мысли ехать на каникулы домой, как было во время оно, и боишься, чтобы не остаться всю жизнь дитятей. Но это и есть самое лучшее состояние души, какого только можно желать! Из-за этого мы все бьемся! Но только не все равно достигаем: одному дается оно как знак небесной милости и по-видимому без больших с его стороны исканий; другому дается только за тяжкие и долгие труды и непрерывные боренья с препятствиями. То и другое премудро, и не нам решить, кто имеет более права на достижение такого состояния. Дело в том, что за такое состояние должно [больше всего должно] благодарить человеку, как за лучшее, что есть в жизни.

О себе скажу покаместь то, что я на морском купанье в Остенде, куда меня послали доктора по поводу сильных нервических припадков, которые сделались невыносимыми, изволновали и измучили меня всего. После нескольких взятых ванн еще не могу сказать ничего положительного, кажется как будто несколько лучше. Успех обыкновенно чувствуется только по окончании.

На вопрос твой, когда именно в Россию, ничего не могу сказать утвердительного. Это знает один только бог. Если будет ему угодно дать мне здоровье и силы для того, чтобы совершить и кончить труд мой, я приеду скоро как возможно, потому что мне Россия и все русское стало милей, чем когда-либо прежде, но с пустыми руками я не могу ехать: мне [мне тогда] будет и родина не в родину, и радостное свиданье со всеми близкими не в свиданье радостное, а пока пиши ко мне почаще и не забывай меня. Адресуй по-прежнему в Франкфурт на Майне, но для скорейшей доставки в мои собственные руки прибав-

ляй следующеe: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Я позабыл в твоeм адресе нумерацию, то ест ь которой именнo гимназии и которoго пансионa. Означ ь то и другoe в слeдующeм письмe.

Затeм весь твой

Гоголь.

На оборотe: Kiew. Russie.

Инспектору благороднoго пансионa при Киевской гимназии Александрo Семеновичу Данилевскому.

В Киевe.

А. О. СМИРНОВОЙ
Остенде. 26 августа <н. ст.
1844>

Благодарю вас за письмецо из Берлина. Покуда вот вам два-три слова: вы уже в Петербурге. Помните, [Помните же] что вы приехали на новую жизнь и что в душе вашей отныне да воссияет совершенное возрождение. Прежде всего встретят вас всякие слухи о вас самих. Слухи эти изрядно черны и, может быть, даже гораздо хуже тех, которые бы вы могли себе вообразить и представить; но тем не менее, как бы они несправедливы и бесстыдны ни были, примите их, как должное. [Далее было: и помните] Они, точно, должное, потому что за всякий проступок следует понести наказание. А наказанья еще нет в том, если другие узнают проступок наш в таком виде, как он есть. Они могут тогда почувствовать к нам даже участие и вместо того, чтобы упрекнуть нас, упрекнут, может быть, себя за свою жестокость. Где же тут наказание? В том-то и есть наше наказание, когда наш про-

ступок перековеркают, преувеличат, истолкуют в несколько раз хуже, чем он есть, сделают его притчею и посмешищем тех именно людей, которые сами производят [которых мы сами презирали] в несколько раз хуже дела и дадут право на презрительность в обращении с нами тех людей, которых мы сами презирали. В этом-то и состоит наше наказание. И глубоко милостив к нам бог, когда посылает нам такие наказанья и попускает составляться о нас всяким слухам и сплетням. Примите их твердо и не смутитесь ничем, будьте светлы и тихи, как голубка. Обойдитесь лучше всего с теми, которые распустили о вас злейшие слухи. Какое бы вы ни встретили выражение на чьем бы ни было лице при встрече с вами, обойдитесь равно добродушно со всяким, точно как будто бы вы и не заметили этого выражения. Ваша собственная душа найдет тут самый верный такт, как быть вам, если только вы решитесь на самом деле приобретать истинную христианскую любовь. Мне в вас не нравилось не то, что не нравилось многим даже вас любящим, то есть, что вы слишком строго судили других и притом с

такими выраженьями, как может говорить только святая, не сделавшая сама ничего подобного. Не это мне в вас не нравилось, но не нравилось то, что всегда почти выходило, что тот человек, о котором вы говорили дурно, или лично чем-нибудь оскорбил вас самих, или оказал вам какое-нибудь пренебрежение, неуважение, словом что-нибудь приметалось, лично до вас относящееся. Это как-то невеликодушно. Лучше бранить человека за его дурные поступки с другими; но как только с этим вместе примешалось наше собственное против него неудовольствие, то мы должны в ту же минуту вспомнить, что чрез это самое уже лишаемся всякого права произнести суд о нем. Наблюдайте за собою пристально! Я потому вам об этом напоминаю, чтобы с тем вместе вам напомнить, что сердце ваше еще очень чувствительно к оскорблениям и что не преодолевая этих оскорблений, вы будете далеки от любви. Она загорается тогда только, когда дружишься с оскорблени<ми>, то есть не только умеешь переносить их, но даже ищешь их. Что же касается до вашего страстного гнева, то оставьте о нем всякое по-

печение, старайтесь избегать даже случаев иметь какое бы то ни было объяснение, занимайтесь такими делами, которые бы изгнали и самую мысль об этом, избегайте на долгое время всякой встречи, хотя бы даже показалось вам, что вы нужны и можете иметь благодетельное влияние: вы можете невинным образом наделать много того, что будет походить отчасти на рыцарство и на какое-то немецкое великодушие. Просто избегайте, это лучше всего, потому что раны иногда существуют еще, хотя нам кажется, что они давно зажили. Помните то, что у вас теперь новая жизнь и что вы к другим предметам должны обратиться. Прежде всего вас должно теперь привлечь семейство, погруженное в траур: там слишком нужны ваши утешения. Не думайте о том, чтобы помощь ваша была бессильна и что голос ваш не найдет доступа к самому сердцу. Хотящему и просящему ничего не откажется. «Сила моя в немощи совершается», сказал бог апостолу Павлу. Еще скажу вам вообще, относительно всякой услуги и помощи, оказываемой ближнему. Если вам случится в жизни на кого-либо сильно подей-

ствовать, иметь какое-либо влияние, укрепить, воздвигнуть дух человека, старайтесь не о том, чтобы сделаться ему нужной и необходимой, но о том, чтобы довести его до такого состояния, чтобы он не имел в вас нужды, старайтесь возвести его к нему самому, к его собственной самостоятельности, чтобы он не на вас опирался, а на что-то крепчайшее. Одним словом, не так следует поступать, как католические попы, которые доводят человека до нерешительности и бессилия ребенка и стараются только о том, чтобы показать, что они нужны, а не о том, чтобы показать истинную необходимость религии. [самой религии]

Я поступаю теперь вот как, если только замечаю, что начинаю иметь на кого-нибудь влияние и становлюсь ему чем-то необходимым, я спешу с ним тот же час расстаться, хотя бы это было и тяжело. Мое дело упрекнуть, или ободрить, или в нескольких словах указать ему его же данные и заключенные в нем самом матерьялы, а там — иди себе своей дорогой: бог вразумит и поможет. Разве вновь какой-нибудь такой случай, когда человеку

трудно без братской помощи управляться самому. Оттого-то я очень люблю снаряжать в дорогу и расставаться с близкими душе моей людьми в твердой уверенности, что бог им без меня еще лучше поможет управиться, чем со мною. Но довольно. Душа ваша сама найдет законы и определит всему надлежащую меру. А до того будьте светлы духом и не смущайтесь ничем. Если вам случатся какие-нибудь соблазнительные разговоры, не вооружайтесь против них суровостью и строгостью правил, а старайтесь лучше с детским смехом обратить разговор на что-нибудь другое, тоже пустое и светское, чтобы все видели, что вы не потому оставили этот разговор, что он оскорбил строгость ваших правил, а потому, что вы просто потеряли вкус к таким вещам. Тогда будут и волки [и волки сыты] и овцы сыты и целы. Старайтесь, чтобы во всяком случае ваш разговор походил на тот ваш разговор, который вы ведете тогда, [всегда] когда бываете окружены одними добрыми душами. Вы обыкновенно делаетесь тогда совершенно другой, какой-то веселой и умной резвухой, говорливы неистощимо и всем совершенно

приятно вас слушать, хотя бы речь шла о совершенных пустяках. Этот разговор ваш ничуть не похож на то приторное любезничанье, которое иногда у вас является тогда, когда вы беседуете с каким-нибудь истаскавшимся селадомом, рассказывающим вам свои конфиденции, куда он посадил весь ум свой. Словом, случится ли вам [если вам с кем ни случится] вести разговор с молодым ветрогоном или изношенным старичишкой, воображайте всякий раз, что с вами тут же сидит Софья Михайловна, и всё будет хорошо. Они же, кстати, вам теперь кланяются все, и все благодарят вас. Поблагодарите и вы меня также за все эти упреки, а если вам за что-нибудь из сказанного здесь захочется на меня посердиться или сказать, что всё это весьма детски и вам известно, то вы меня выберите; а письмо положите себе прочесть в другую минуту и особенно недовольную, если же и тогда что покажется не так, вы опять выберите меня, а письмо отложите на третью минуту. И так поступайте со всеми теми письмами, где есть какие-нибудь упреки. Затем бог вас да хранит! Будьте здоровы и не позабудь-

те описать подробно ваш приезд и ваше нынешнее житье-бытье. Отправьте это письмо Перовскому. Я не знаю, где он теперь живет, а потому и не выставил адреса. Здесь больше ничего, кроме три строки в ответ на его очень милое письмо. Я написал их единственно для успокоения его совести, которая упрекает его в том, что долго мне не отвечал.

Ваш Г.

На обороте: St Pétersbourg. Russie.

Ее высокородию Александре Осиповне Смирновой.

В С. Петербурге, в собственном доме на Мойке, близ Синего моста.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Остенде. 1 сентября <н. ст.
1844>

Поручение ваше относительно известия о покойной вел<икой> княгине графиня Вьельгорская обещалась выполнить. Я, слава богу, кажется начинаю чувствовать пользу от купанья, впрочем настоящее действие оно говорит ощущается потом. Еще две недели мне остается продолжать купанье, а после этого времени я уже надеюсь с помощью божией засесть с вами во Франкфурте солидным образом за работу. А потому вы меня уведомите. Если на случай у вас будет еще проживать кто: напр<имер> Тургенев или кто другой близкий вам, я тогда на время попячусь вновь в Hôtel de Russie. Затем желаю вам и всему дому всех благ и подумываю с неизъяснимым удовольствием о нашем свидании и житии, которое мне теперь будет очень, очень нужно.

Весь ваш Гоголь.

Ha o6opote: à Son Excellence Monsieur de
Joukoffsky.

Francfort s/M. Salzwedelsgarten vor dem
Schaumeinthor.

М. П. ПОГОДИНУ
Остенде. 1 сентября <1844. н.
СТ.>

Благодарю вас обоих, [Далее было: за] и тебя, и Елисавету Васильевну, за ваши милые письма и за уведомления меня обо всем. Слава богу, что помог он тебе оправиться от болезни. Но советую тебе прежде очень успокоиться и не предпринимать до времени совершенного укрепления и отдохновения никакого путешествия. Впрочем, обо всем этом нужно будет расспросить хорошенько доктора [докторов] и послушаться всех слов его. Если поедешь ты на случай за границу и чрез Берлин, то если будет у тебя место, ты бы меня очень разодолжил взятием с собою Москвитянина за прошлый и нынешний год, которого я жажду очень, и просил Языкова прислать мне, и который мне обещал его, а впрочем ты с ним увидься, и если он нашел другое средство, то есть послать с другим, то я буду рад, боясь обременить тебя. Если же случится тебе взять другую какую-либо русскую книгу для

меня, то отправь из Берлина во Франкфурт на имя Жуковского или с почтой, или через посольство, как заблагорассудишь, или же отдай Вьельгорскому.

Через две недели я оканчиваю морское купанье в Остенде, откуда теперь пишу. Кажется, как будто здоровье немного лучше. Впрочем, постоянное действие вод окажется потом после купанья. Через две недели я перебираюсь во Франкфурт, дабы провести время с Жуковским и потрудиться с ним вместе. До сих пор я ничего почти не делал, потому что запрещено было даже заниматься вовсе.

Затем обнимаю тебя со всем домом и семейством.

Твой Гоголь.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокородию Миха<й>лу Петровичу Погдину.

В Москве, в собственном доме на Девичьем
поле. Moscou. Russie

Н. М. ЯЗЫКОВУ

**<Первая половина сентября
н. ст. 1844. Остенде.>**

Письмецо это вручит тебе граф Иван Петрович Толстой, пребывающий на службе в Москве, с которым мы купались в Остенде. Он очень добрая душа и взялся не только уведомлять тебя о своих знакомых, отъезжающих из Москвы за границу, но даже исправить самому все сопряженные с этим хлопоты. И в этом я ему верю, потому что он человек весьма обстоятельный относительно дел. Я еще купанья своего не кончил. Морские воды, кажется, несколько помогли мне, и если бог поможет, то верно помогут еще более по окончании купанья. Теперь я тебе не пишу ни о чем, потому что спешу. Но в следующем письме постараюсь. Адресуй по-прежнему во Франкфурт. Всю зиму и осень я вероятно проведу с Жуковским, потому что это мне теперь весьма нужно и полезно относительно моих занятий. Но обо всем этом потом. Прощай, обнимаю тебя много раз.

Весь твой Гого<ль>.

Адрес: Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Иоанна Предтечи, в доме кн. Гагариной во Власьевском переулке.

Е. В. ГОГОЛЬ

**Остенде. Сентября 15 <н. ст.
1844>**

Адресую это письмо тебе потому, что ты хочешь непременно письма, обращенного к тебе лично. Впрочем, если я пишу к одной из вас — это значит — ко всем: я даже и не знаю, о чем бы мне можно было сказать которой-нибудь из вас по секрету, [Далее было: того] чего бы нельзя было сказать и другой. Жалобы твои на забвенье напрасны: я никого из вас не забываю. Но я слишком уже много сказал вам в прежних письмах и теперь недоумеваю, о чем еще сказать. Скажу разве вот что: если бы ты, любезный друг мой Лиза, перечитывала более мои прежние письма и перечитывала их не в обыкновенное время, а именно в то время, когда тебе сделается очень грустно, или очень скучно, тогда бы ты <может> [Вырвано.] быть более вникнула в смысл моих <писем>, [Вырвано.] а вникнувши в смысл их, ты бы уже не чувствовала ни грусти, ни скуки, не предав<алась ни> [Вы-

рвано.] мнительности, ни малодушию, не во-
обр<ажа>] Вырвано.] ла, что у тебя рак и про-
чее <...>. [Вырвано.] Сказанное мною от тебя
еще слишком <далеко,?> [Вырвано.] и ты уви-
дела в моих письмах прав<ила> [Вырвано.]
монастыря, тогда как в них правила <...>
[Вырвано.] того, как быть среди самого
мног<олюдного> [Вырвано.] света. Из писем
ваших видно, что вам опротивела Полтава и
тамошнее общество. Но зачем же прежде они
так нравились? а если прежде так нравились,
зачем опротивели теперь? В том и другом сле-
дует дать себе отчет, иначе всё, что ни случает-
ся с нами, случается напрасно и мы нико-
гда не сделаемся умней. Тогда-то и нужно ез-
дить в общество, когда оно опротивело, то-
гда-то и не опасно быть в нем. Опасно там
только, где всё нас прельщает. А где мы уже
видим большие недостатки, там мы можем
даже помочь: иногда в чем-нибудь попра-
вить, иногда в чем-нибудь поучить (разумеет-
ся, осторожно и тонко, чтобы никак не заме-
тили, что мы учим, а напротив увидели бы
дружеский совет). Не нужно отталкивать от
себя совершенно дурных людей и показывать

им пренебрежение, лучше стараться <иметь> [Вырвано.] на них доброе влияние. Наконец скажу <тебе е>ще [Вырвано.] один раз, другой Лиза, что ты очень далеко не поняла многого в письмах. Да и не ты <одна, а> [Вырвано.] все вы. А потому я вам советую <всем> [Вырвано.] особенно их перечитывать, всем решительно <...>, [Вырвано.] и потом подумать серьезно о том, <каким> [Вырвано.] бы образом применить написанное к <себе> [Вырвано.] и к самой жизни. Которая из вас поймет лучше иное, та должна истолковать <прочим>. [Вырвано.] А если покажется вам иное трудно и неудобоисполнимо, и вы не найдете как применить к делу, помолитесь тогда богу, но помолитесь усерднее, от всех сил души, а не так, как читаются обыкновенно вседневные молитвы. Бог поможет вам найти и открыть в чем дело. Стараюсь еще припомнить, о чем бы сказать тебе, но не нахожу больше предметов, всё уже сказано, но я не виноват, если не всё понято. Затем прощай! Бог да хранит тебя и напутствует во всем!

Твой брат.

Маминьку попроси, если случится ей быть в Диканьке, привезти оттуда образок Николая Чудотворца, самый маленький, который бы можно было носить на шее в виде благословения. Прежний у меня давно изломался, теперь даже и не отыщу его. Вы перешлите его Ольге Сем<еновне> Аксаковой, она найдет оказию переслать с кем-нибудь. Он должен быть самый простенький.

Адрес по-прежнему: Francfort s. M. Я <сегодня?> [Вырвано.] приехал сюда. Письмо начал в Остенде, где был на морском купанье.

На обороте: *Poltava. Russie méridionale.*

Ее высокоблагородию Елизавете Васильевне Гоголь.

В Полтаве, оттуда в д<еревню> Васильевку.

А. П. ТОЛСТОМУ

Брюссель, 16 сент<ября н. ст.
1844>

Гр. Михал Юрьевич останавливался не в трактире, но в частном доме, что выгодней и дешевле в половину. Он имел гостиную, спальню очень большую, уборную и чуланчик, с кафедрой для геморoidalных, — за всё это с прислугой вместе 3 гиней в неделю, т. е. 75 или 68 рублей. Чай с кофейями, бутербродами, муфинксами и яйцами 2 шилинга. Обед, который имеется тут же и приносится в комнату вашу, когда хотите, 4 шилинга. Как помещением, так и прислугой он очень доволен. В этом же доме вина, которые он нашел удивительными. Адрес следующий: 24 Doverstreet, Brauns private hotel. Три дома вместе, т. е. 22, 23, 24. Явиться вам нужно от имени графа Виельгор<ского>, как им рекомендован<ному>. Из клубов советует выбрать реформ-клуб, где решительно всё, так что в квартире даже не окажется надобности. Многие начинают там [там даже] день свой даже

с завтрака, т. е. с десяти часов. В великолепных комнатах, имеющих вид дворца, сидят однако ж все в шляпах и в чем попало. Рассказы об англиском китаистве преувеличены: оно есть, но не на улице, где даже и некогда никому замечать, кто как одет, всякий спешит и слишком занят своим. Гр<аф> обедал у Брюнова, но в сапогах, хотя обед большой. На всех обедах он тоже был в сапогах. Брюнов вообще имеет вид человека, который еще не совсем (что и весьма естественно) знает, как ему быть на таком poste, о жене его вы знаете. Священника граф видел и хвалит. Пальмера не видел, но потому, что о нем тогда не вспомнил, и сказать о нем ничего не может. Отказаться от всякого обеда в нашей власти, написавши натурально обыкновенное извинение перед обедом. Брюнов ожидал Несельрода на обед и на весь день, но сей не был и проехал в Брейтон. Вообще Несельрод между англичанами уважается и на обеда приглашается. На таможенных всё смотрят, но притеснений нет. Острова Байта граф не видал, но говорит, что стоит видеть. Вот всё, что узнал пока и о чем спешу уведомить вас. О себе ска-

жу, что я без моря не только как без шапки, но как без рубашки, без штанов, без сюртука, словом без всего. У гр. Виельгорских опять воспоследовала перемена. Все вместе едут во Франкфурт, где находится и Лазарева. Завтра же думают все двинуться, я также. Затем бог вас да сохранит и да укрепит на славу остающимся хвостиком моря. Будьте здоровы и при первом расположении писать откликивайтесь. А между тем вот вам точнейшее заглавие дому Жуковского: *Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.*

На обороте: *A son Excellence Monsieur M-le c-te Tolstoy.*

Ostende. Rue St. George, 19.

А. О. СМИРНОВОЙ
24 сентября <н. ст. 1844>.
Франкф<урт>

Благодарю вас за драгоценные подробности письма вашего. Бог вам да поможет во всем! Не оставляйте быть там, где вам следует и где особенно нужны ваши утешения и участия. Без сомнения, скоро после моего письма предстанет к вам наша любезная Софья Миха<й>ловна. Душа ее кажется как будто еще небеснее прежнего и ангельства в ней еще больше. Употребите всё старание, чтобы свет и общество сколько-нибудь узнали, какой прекрасный цветок поселился среди их. От этого будет зависеть и самое уважение к ней мужа, который, без сомнения, долго еще не будет в состоянии оценить сокровища, которым владеет. Нужно довести [Далее было: как] до сведения как его, так и матери его, графини Сологуб, что доктора решительно объявили, что все нездоровье Софьи Миха<й>ловны началось [произошло] от душевных тревог, что она в противность их советов

приехала в Петербург, что поэтому состояние ее очень опасно и нужно быть теперь слишком с ней осторожно, потому что она принимает близко всякие огорчения уже не потому, что в самом деле их принимает близко, но потому, что вследствие болезненного расположения ей невозможно не принять близко и не огорчиться сильно. Нужно, чтобы они не пощадили и поберегли хотя годик или два, покамест она не окрепнет и не станет равнодушной ко всяким случаям жизни. Так как теперь у Софьи Миха<й>ловны будет особенное хозяйство и много будет всего на ее руках, то вы наставляйте ее во многих вещах. Особенно, чтобы на некоторые вещи назначала предположительно более денег, имея в виду всякие непредвиденные случаи, о которых не следует и говорить мужу, чтобы хотя капля денег оставалась у ней в запасе, чтобы не было всего в обрез. Если же она теперь сделает самую строгую смету всему, назначит всему самую меньшую цену, то муж, разумеется, всё остальное приберет к себе, и ей придется терпеть во многих, даже самых бездельных и ничтожных вещах, как случалось доселе и как

может случиться потом еще более. Всё это лучше обдумать вначале, после будет трудней. Истолкуйте ей также, как много значит в доме порядок и распределение времени во всем, как в занятиях, так и в отдохновениях, и как важно всему назначить часы. Ему также сообщите об этом во сколько он в силах это понять и выполнить, чтобы виделись они друг с другом не иначе, как по окончании дела и занятия, чтобы у каждого были отдельно свои комнаты и кабинет для занятия, так, чтобы панталоны Вл<адимира> Алекс<андровича> не заходили бы в кабинет жены — отдыхать на столе или диване. Словом, много есть всяких мелочей, которые играют очень важную роль в жизни и о которых вы будете сами лучше знать, как рассказать и сообщить таким образом, чтобы было не только выслушано, но и выполнено. О многом недурно будет вам переговорить с Веневитиновыми. Между прочим не очень полагайтесь, [на это не очень полагайтесь] что Сологуб теперь не кутит и ведет себя хорошо. Поведение его, может быть, временное, как бывает всегда у нашей братии. Если предмет наших исканий

вдали от нас — мы влечемся к нему и скучаем по нем, если ж он стал близко к нам, мы уже удовлетворились им и скучаем уже от него. Это свойство находится у него в большой степени. А потому гораздо лучше, если бы между ними установилось теперь же порядочное течение жизни, покамест еще он не простыл и готов даже выполнять просьбы жены своей. Нужно, чтобы все знакомые и приятели его нападали на него теперь же с этой стороны, чтобы он хоть сколько-нибудь вошел бы в колею свою и не был бы похож на осла, который хотя и идет в своей колее, но однако ж не пропустит, чтобы не засунуть свою морду во всякую телегу с сеном, переезжающую через дорогу. Словом, вы должны о многом перетолковать как с Веневитиновыми, так и с Соболевским, который, кажется, имеет на него некоторое влияние. Старайтесь также узнать, кого он более боится в свете и кто имеет над ним какую-нибудь власть. Словом, употребите все средства, чтобы оказать благодеяние как жене, так и мужу, чтобы как он сделался бы хотя сколько-нибудь ее достоин, так и она пришла бы в состояние иметь на него благодетельное

влияние. Затем да хранит вас бог и да поможет во всем! Обнимаю вас. Прощайте. Если можете что-нибудь прислать из книг, то пришлите, мне это нужно.

Ваш Г.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ее высокоородию Александре Осиповне Смирновой.

В С. Петербурге, в собственном доме на Мойке, близ Синего моста.

С. М. СОЛЛОГУБ

**Франкфурт, 24 сентября <н.
ст.> 1844**

Здравствуйте, сестрица души моей, моя добрейшая Софья Михайловна. Посылаю вам еще одно словечко на дорогу. Я позабыл вам сказать кое-что очень нужное. Хотя это по-видимому мелочь, но от таких мелочей зависят многие большие вещи. Вы едете теперь на новоселье, на новую жизнь, на новое хозяйство. Прежде всего заведите в доме с самого начала порядок во всем и особенно порядок во времени. Чтобы часы вашим занятиям были определены, чтобы вам обоим, как вам, так и мужу вашему, было известно, когда вы должны заниматься порознь друг от друга, каждый в своей комнате, и когда вместе. Чтобы это не смешалось, чтобы не сидели вы слишком много друг с другом вместе без дела, занимающего равно обоих, а чтобы, напротив того, вы виделись только тогда, когда и он и вы окончите каждый у себя порознь занятия. Через это свиданья ваши будут гораздо лучше,

живей и веселей, и вы будете довольны друг другом. Словом, распорядитесь так, чтобы вам меньше случалось друг при друге зевать. Лучше пусть каждый из вас зеваает у себя потихоньку в комнате, чем друг при друге. И еще: положите между собою так, чтобы каждый из вас, откуда бы ни пришел и ни возвратился домой, не шел бы прямо друг другу на встречу, а зашел бы прежде в свою уборную и заглянул бы в зеркало, чтобы поправить на себе всё во внешнем и во внутреннем или душевном смысле, чтобы никак не явиться друг пред другом неряхами в том и другом отношении; но, напротив, встретить друг друга с веселым и светлым видом. Так что, если бы и случилось кому-нибудь принести досадное и скучное выражение на лице, то лучше пусть выместит досаду свою на чем-нибудь у себя в комнате. Предметов для этого много: можно швырнуть стул, высечь подушку, можно даже разбить флакон или чернильницу; словом, лучше испортить вещь, чем испортить светлое выражение лица, которое вы всегда должны показывать друг другу. Не пренебрегайте никак всем этим, что я вам теперь говорю;

как оно ни мелко, но я вновь вам повторяю, что от этого много зависит. Теперь вам всё это гораздо будет легче завести, если только вы сей же час за это приметесь, не откладывая дела; теперь же вы друг без друга соскучили, стало быть более уважаете друг друга и более склонны сделать приятное друг другу. Слова и просьбы ваши теперь будут иметь вес. Он вам не откажет и исполнит охотно то, что в другое время будет ему даже трудно исполнить. Этот по-видимому маловажный и внешний порядок спасет вас от много неприятного и поможет вам обоим выполнить много душевных и важных обязанностей. Вы этим окажете большую пользу и помощь вашему мужу. Ему трудно преодолеть самому себя, если б даже он и хотел. Я имею больше характера, нежели он, имею больше над собою власти, чем он, но и мне трудно во многом себя заставить и принудить. Вдвоем всегда легче: стоит одному только завести у себя порядок во всем, другой уже невольно станет с этим сообразоваться. Так, напр<имер>, приезжая в другую землю, мы, как ни привыкли у себя дома обедать в такое-то время, ложить-

ся спать в такое, но однако ж вдруг бросаем привычку прежнюю и обедаем в другой час, спать ложимся в другой час; словом, всё делаем иначе, что нам было бы совершенно невозможно в своей земле и что делается само собою в чужой земле. А делается отчего? От того, что другой так делает и что держаться прежнего обычая хлопотливо да и скучно одному. Такую услугу мужу может сделать одна только жена, которая для того и дана ему, чтобы освежать и ободрять его на труд, на занятие и на всё прекрасное. Итак, выполните эту мелочь ради любви к вашему душевному брату, который молит о вас беспрестанно нашего небесного родителя, любящего нас так нежно и так беспримерно, как никто и в тысячную долю не умеет любить на земле. Положите только выполнить, и вы выполните: сила вам ниспослется. А между тем по прочтении этого письма вы все-таки наградите меня улыбочкою маленькою и самую хорошенькою.

Прощайте! Целую вас мысленно.

Ваш Гоголь.

Не забывайте о милостыне, которую вы должны бросить хотя раз в месяц, если нельзя раз в неделю, известному вам нищему. Заведите маленькую расходную книжечку, в которую записывайте так: такого-то месяца и числа брошена нищему копейка.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Франкфурт. 1 октября <н. ст.
1844>

Уведомляю тебя, что наконец книги получены, если не ошибаюсь, из Любека, именно следующие: Добротолубие и Иннокентий. Хотя они и не пришли в то время, когда душа сильно жаждала чтенья [и чтенья] и было для него почти год досуга, но тем не менее я им очень обрадовался. Море по-видимому несколько помогло. Еще только что приехал сюда. Устраиваюсь и готовлюсь приняться за дело. Ко мне из Москвы никто не пишет. Скажи Шевыреву, чтобы он объявил в Москвитянине, что мне крайне было неприятно узнать, что без моего спросу и позволения в каком-то харьковском повременном издании приложили мой портрет и какие-то facsimile записки или тому подобное. Чтобы он объявил, что подобным мошенничеством не занимались прежде книгопродавцы, каким ныне занимаются литераторы. Я несколько раз отказывал книгопродавцам на их предложение награви-

ровать мой портрет, кроме того, что мне не хоте<лось> этого, [хотелось дела<ть> физиономию] я имел еще на то свои причины, для меня слишком важные. И уж ежели бы пришлось мне позволить гравировку портрета, то, вероятно, это бы сделано было только для Москвитянина, а не для другого какого-либо издания, и притом мне даже вовсе неизвестного. Попроси также Погодина, чтобы он написал письмо к Бецкому в Харьков, он его кажется знает, с запросом, каким образом и какими путями портрет мой зашел к нему в руки. Всё нужно сделать скорее. Затем прощай. Пока еще нет времени писать больше. До другого письма. Будь здоров, трезв и бодр духом и бог да хранит тебя.

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. На Арбате к Спасу на Песках, в доме Бессменова.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
1844. Октября 2 <н. ст.
Франкфурт>

На прекраснейшее письмоцо ваше, [письмо ваше ко мне] благоуханнейшая моя Анна Миха<й>ловна, имею честь ответить то, что за разными разностями и всякими житейскими суетами и отребиями не собрался я в дорогу вслед за письмом вашим, а вместо того намерен показать вам свою физиономию в субботу, в тот час, в который приходит пароход, отправляющийся в 8 часов из Майнца. Для уснащения же моей физиономии и для придания ей большего вкусу приложится к ней физиогномия Жуковского, если только он не обманет. Затем, до свидания. Не сердитесь на скверную погоду, которая настала. Ну лучше рассмейтесь, [рассмейтесь, показавши ей язык] а приятелю нашему, который в это время любит выставлять свои рожки и зазывать людей к хандре, скажите дурака.

До свиданья!

Ваш желающий вам всяких благ

Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Франкфурт. Октябрь <3 н. ст.
1844>

<Я давно> [Край листа оборван; здесь и далее в ломаных скобках текст, не сохранившийся в подлиннике.] уже не имею от тебя известий. <Здоров> ли ты, и что делаешь? Вот <уже почти> полгода, как я не получал известий ни от тебя, ни от Аксакова. Почти два года я не имел никаких известий о Прокоповиче. На два или три письма <я не> получил никакого ответа. Писал <о нем Пле>тневу, поручал узнать другим тоже <, но нет> известия и ответа. Жив [Жив ли] <он или> его нет на свете, разведай ради <бога и напиши мне?> Послал ли он тебе экзем<пляры? Я писал ему> полтора года тому назад, что<бы он выслал тебе?> тысячу экземпляров сверх <уже продан>ных. Если накопились деньги, <вышли мне, по>тому что я давно в них нуждаюсь. <На днях? п>риехал из Остенде, где долго <купался в мор>е. Недугу моему, кажется, лучше, <но писать? е>ще не могу и не велят.

<Пишу тебе> покаместь коротко и наскоро.
<В следующем пи>сьме буду подробней. Адресуй <на имя> Жуковского, приб<авляя по-
сле> Франкфурт на Майне следу<ющее:>
Salzwedelsgarten vor <dem> Schaumeinthor.

Л. К. И А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ
Франкф<урт>, 12 октября
<1844>

Здравствуйте, мои прекрасные графини: старшая и младшая. Я от вас что-то давно не получал писем. От Мих<аила> Мих<айловича> получил на днях небольшое письмецо с уведомлением, что книги он шлет мне с Кругликовым, который будет на днях во Франкфурт. Плащ я послал по почте в Берлин, присоединив к нему дуеты Мих<аила> Юр<ьевича> для отправления всего этого из Берлина при первой возможности, которую сыщет Михал Миха<й>лович.

Письмо ваше, посланное с французом, пришло наконец ко мне, но слишком поздно и в распечатанном виде. На беду завелся здесь какой-то другой Гоголь, который распечатывает все мои письма, а потому я вас прошу выставлять точнее адрес [Далее зачеркнуто: Место прек<расное>] и прибавлять следующие немецкие слова: Salzwedelsgarten vor dem

Schaumeinthor. Таким образом означается местожителство Жуковского. Уведомьте меня, как продолжается житие, занятия и гулянья ваши в Рюдестейме и умеете ли вы предаваться всему без излишества, т. е.: не доводя гуляний до усталости, а сидения на месте до охлаждения ног, и получили ли вы наконец известия из Петербурга. Затем прощайте, душевные друзья мои. Передайте мой поклон вашим племянницам и сестрицам.

Ваш Гоголь.

Жуковский кланяется.

На обороте: à son Excellence Madame la Comtesse de Wielhorsky.

Rudesheim, les bords du Rhin. Hôtel Darmstatt.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
1844. Франкфурт, 16
окт<ября н. ст.>

Благодарю вас, благодатная Анна Миха<й>ловна, за ваше письмоце и за все подробности о приезде Софьи Миха<й>ловны. Письмо ваше написано со вкусом; вам смело можно начать продолжать ваш журнал по-русски, не нужно только долго останавливаться над словом и задумываться; [задумываться над] что сначала не дается по-русски, то можно по-французски. Кругликовы здесь обретаются три дня, завтра уезжают и жалеют, что не удалось с вами видеться. Уведомьте меня, как вы едете в Висбаден, с тем ли, чтобы оставить совсем Рюдесгейм, или возвратиться еще? Ибо вы сами знаете, что 20-е октября находится уже у нас на носу. А потому пожалуйста уведомьте меня дня за два или за три, когда вы выезжаете [Далее начато: чтобы] и каким образом, в Майнц ли, или во Франкфурт, дабы я мог знать, как поступить с моей физьогномией, а по-русски лич-

ностью: тащить ли ее в Майнц, или оставить ее здесь. То и другое для меня всё равно и равномерно приятно и зависит совершенно от вас, но знать мне все-таки нужно вперед. Затем до свидания. Поцелуйте ручки вашей маминьки и поклонитесь всей Рюдестгеймской семье, начиная от Лазаря Якимовича. [В подлиннике: Екимовича]

Ваш Гоголь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

**Francf. s/M 24 октября <н. ст.
1844>**

Прибегаю к вам с двумя усиленными прось-
бами. Первая просьба: уведомьте меня,
жив ли Прокопович. Вот уже более полтора
года я не имею ни слуху ни духу о нем. На два
письма мои, в одном из которых я даже силь-
но попрекнул его в бесчувственности к поло-
жению другого (я вот уже год перебиваюсь
без денег кое-как и наделал вновь долгов, из
которых прежде в силу выбрался), не получил
я никакого ответа. Ни отчета в делах, ни де-
нег! Разрешите загадку эту и скажите мне хо-
тя то, что вам известно, если не можете разуз-
нать более. Вторая просьба; но прежде ее я
вам должен сделать сильный упрек: вы по-
ступили со мной, как светский человек, а не
как друг. Вы мною были недовольны, отчасти
я это заметил в бытность мою в Петербурге,
отчасти узнал потом. Зачем же вы ни одного
слова не сказали? Вы хотели, чтоб я сам дога-
дался и всё смекнул; но разве вы не знаете,

что человек? Из целой сотни своих проказ и гадостей он едва увидит десять, и это еще слава богу; часто бывает даже и так, что, сделавши мерзость, он уверен даже искренно, что сделал хорошее дело, а не мерзость. Вы можете обвинять меня в скрытности и в это<м> вы совершенно правы, но зачем вы сами не были откровенны? Зачем хотите вы, чтоб я был великодушнее вас, тогда как вам следовало быть великодушнее меня и сим великодушием дать мне вдвое почувствовать вину свою. Признайтесь, вы руководствовались более светскими приличиями, чем голосом истинной любви и дружбы. Кто любит, тот поступает не так: тот болит душой о любимом предмете и болезнь его приемлет, как собственную болезнь. Тот написал бы мне вот каким образом: «Послушай, любезнейший, ты сделал следующую подлость, недостойную тебя самого, а свойственную мелкому и низкому человеку. Мне это горько было слышать; но при всем том я тебя не оттолкну от себя и не уменьшу моей любви к тебе: расскажи мне всё подробно, что заставило тебя сделать ее, дабы я мог, войдя в твое положение, помочь

тебе загладить твой поступок и воздвигнуть тебя от твоего бесславного падения».

Вот как истинная любовь должна бы действовать, а не так, как она действовала в вас. Почему знать, может быть тогда не произошло бы всей этой кутерьмы, которую теперь я решительно не могу понять, и самое дело предстало бы в яснейшем для вас виде, а может быть даже и вовсе иначе. Как бы то ни было, но ведь все вы произнесли надо мною суд и подписали решение, от всех собрали голоса, а подсудимого не выслушали, даже не знаете, отделили ли действия, [действия других] мне принадлежащие, от действий, принадлежащих другим людям, которые сюда затесались и которых авторитет бог весть в какой степени верен. И что еще удивительнее: осужденному читают приговор, чтоб он видел, в чем его осудили, а мне и этого не было. Хоть убей, я до сих пор не знаю, в каком виде носят обо мне слухи. На все мои запросы я получал одни только намеки, всякий точно боится слово сказать, у всех недосказанности, какие-то странные смягченья и наконец тако-

го рода противуположности и противуречия, что я чуть не потерял совершенно голову. И потому я вас теперь прошу одного только (и это будет моя вторая просьба): изложить в немногих словах сущность моих действий и моего поступка не в том виде, в каком вы приняли сами их (вы этого не сделаете, вам трудно победить свою собственную боязнь оскорбить щекотливые стороны человека, хотя вы имеете теперь дело с таким человеком, который этого особенно ищет, но вы этому не поверите, и потому я извиняю вперед ваш отказ). Но вы можете прямо объявить: [объявить мне следующее] в каком виде мой поступок и действия дошли до слуха вашего, не объясняя, что именно вы приняли из этого как достоверное и что отвергнули как невероятное. Итак, сделайте это! Теперь, так как приговор уже произнесен надо мною, я не стану оправдываться: пускай покамест прогуляются по свету слухи о моей двуличности и подлости. Но мне нужно это для себя самого, чтобы уметь осудить себя самого. Не вечно же нам рисоваться перед светом, для этого есть время молодости; пора подумать и о бу-

душем. Итак, не медля ни мало, напишите мне ответ как можно проще, в двух-трех строках. Смирнова вам не даст покоя до тех пор, пока не напишете. [В подлиннике: напишите] Почему знать, может быть с этого письма начнутся между нами сношения откровеннее прежних, мы более оценим друг друга и узнаем истинно, что на здешней земле должен сделать друг для друга.

Ваш Гоголь.

Надпись: Петру Александровичу Плетневу.

А. О. СМИРНОВОЙ

**Франкфурт. 24 октября <н. ст.
1844>**

Ваше миленькое письмецо мною получено. Благодарен много. Состоянье ваше, как я вижу, совершенно хорошо. Вас удивляет то, что вы до сих пор не скучаете в Петербурге. Так и быть должно. Скучать должны те, которые видят, что им нечего делать, а у вас, слава богу, дел столько, что не оберешься. Нет хотя расположенья к чтенью и молитве — это знак, что следует не теорией, а практикой заниматься. Хандры не бойтесь. Помните, что в минуты уныния бог к нам ближе, чем когда-либо, если только вы не позабудете позвать его. Поверьте, что если бы вы сами не испытали уныния, то не могли бы и другому помочь в унынии. Стало быть, такие минуты если и даются или, справедливей, попускаются, то слишком недаром. Я вам советую между прочим раза два в неделю помолиться, но помолиться сильно, крепко и со слезами [Далее было: что<бы>] о близком нам человеке, что-

бы бог ниспослал в его душу всё, что нужно для истинного и душевного его счастья. Такая молитва не пропадет даром. Притом после слез такого рода просветляются наши глаза и мы видим многое, чего прежде не видели, находим средства, где прежде не находили. Но об этом предмете довольно, обратимся к другому. Не мешает, однако ж, вам сказать насчет уныния, что у Соф<ьи> Миха<й>ловны есть записочки, выбранные мною из разных мест против уныния. Может быть, вы отыщете в них что-нибудь и для себя, если будете в нем обретаться. Но лучше избегать его заблаговременно. Напрасно вы сердитесь на Сологуба за то, что он на другой день по приезде жены был на вечере у Одоевского. Тут еще нет ничего худого. Вы знаете сами его натуру. Боже сохрани даже делать ему на этот счет какие-либо замечания с чьей бы то ни было стороны. Пусть его бывает на вечерах. Неужели, думаете, это будет лучше, если он останется дома, будет ворчать и [или] развалится медведем? Не от обществ, но от совершенно дурных обществ, где картежи и прочее, следует приятелям отталкивать его. Но и тут не

другими словами они могут оттолкнуть его, как в таком <роде>: не стыдно ли тебе, брат, имея все таланты для того, чтобы быть приятну в лучшем обществе, знаться чорт знаем с кем? Словом, на такой род людей магнетическую силу имеет слово дурной тон, которого они иногда боятся. Нужно, чтобы все его приятели, т. е. те, которые любят особенно Софью Миха<й>ловну, составляли бы, напротив, у него маленькие вечера и напрашивались бы к нему. Чтобы ввечеру Софья Миха<й>ловна была не с ним одним, а вместе с вами, а вы доставляйте иногда ему случай блеснуть перед вами. Пусть его порисуется. Вы потом, со временем найдете на него средство подействовать хорошо. А вдруг сделать из него другого человека — об этом и не помышляйте. Не нужно также колоть его Софьей Миха<й>ловной, это может только отвратить его. Старайтесь таким образом устроить, чтоб их свиданья между собой хотя сколько-нибудь были взаимно интересны среди самого общества, чтобы ничего сколько-нибудь похожего на упрек не было на их лицах. Но вы в этом случае умнее [должны быть умнее] меня и сыще-

те сами, как быть. [лучше моего]

Насчет вашей сестры подумайте вот о чем: как облегчить ее участь там, на ее месте. Если вы успеете в том, что она, в смысле истинно христианского [Далее начато: во<спитания?>] испытания, проведет один только год там, то это уже будет очень хорошо. А между тем в это время вы надумаетесь, что для нее сделать. Почему знать? может быть, бог поможет вам так устроить ее советами истинно любовными, что после вам можно будет взять ее даже к себе, но этого вперед не обещайте. На публику не смотрите, помните, что она глядит на всё сверху, а во внутрь не заглядывает. Но не забывайте также и того, что с вами теперь будет легче ужиться другим, чем прежде, и что вы теперь больше можете иметь хорошего действия на других, чем прежде. Вы между прочим одного человека позабыли, на которого прежде всех вам следует обратить внимание. Вы позабыли Николая Миха<й>ловича. В нем есть много истинно доброго, а все недостатки его... но кто же другой может их так знать, как вы, вам знаком

всякий уголок души его, кто же может оказать истинно братскую помощь ему как не вы? Будьте только терпеливы. Бог вам и здесь поможет. Избегайте этой ретивой прыти, которая бывает часто у женщин, которые хотели бы вдруг, прямо из солдатов произвести в генералы, позабыв, что есть и офицерские, и капитанские, и майорские чины, и что иногда весьма туго идет производство. Стало быть, никак не нужно на то глядеть, что один скоро выскочил в чины, а пуще тем приводить в уныние дух свой. Поговорим теперь обо мне. В конце вашего письма вы сказали мне, что побраните и даже огорчите (чем же можете вы огорчить меня? Всякое огорчение в том смысле, как вы думаете, было бы мне истинное целение и прямо небесный дар). Зачем же вы не побранили и огорчили меня, зачем отложили это до другого письма? Вы говорите: «Спуститесь в глубину души вашей и спросите, точно ли вы русский или хохлик». Но скажите мне, разве я святой, разве я могу увидеть все свои мерзости? Для этого-то и существует истинно братская любовь, истинно братская помощь, чтобы указывать нам наши

мерзости и помогать нам избавляться от них. Зачем же вы не помогли мне, зачем же вы не указали их мне? Не стыдно ли вам? Я с вами не так поступал: упрекая вас, я вам объявил, в чем вас упрекаю. Основываясь на словах ваших, что Плетнев на меня досадует, я думаю, что часть упреков относится по делу издания моих сочинений. Если так, то на этот счет скажу вам только, что знаю: что это [что дело] до сих пор неразрешимая загадка, как для них, так равно и для меня. Знаю только, что меня подозревают [Далее начато: В Макиавел<левской?>] в двуличности или какой-то Макиавелевской штуке. Но настоящего сведения об этих делах не дала мне до сих пор ни одна живая душа. Вот уже два года я получаю такие странные и неудовлетворительные намеки и так противуречащие друг другу, что у меня просто голова идет кругом. Все точно боются меня. Никто не имеет духу сказать мне, что я сделал подлое дело и в чем состоит именно его подлость. А между тем мне всё, что ни есть худшего, было бы легче понести этой странной неизвестности. Скажу вам только, что самое ядро этого дела самое дет-

ское — это почти ребяческая безрассудность выведенного из терпения человека. Но около ядра этого накопилось то, о чем я только теряюсь в догадках, но чего на самом деле до сих пор не знаю. Но скажу вам также, что с этим делом соединился больший грех, чем двуличность. Всё это дело есть действие гнева и тонких оскорблений, которые грубо были нанесены мне добрым человеком, не могшим и вполнину понять великости нанесенного оскорбления, но оно тронуло такие щекотливые стороны, что [Далее было: слишком, слишком] их перенести разве могла бы одна душа истинно святого человека. Несколько раз мне казалось, что гнев мой совершенно исчез, но потом однако же я чувствовал пробуждение его в желании нестерпимом оправдаться. А оправдаться я не мог, потому что не имел в руках обвинений. Этот гнев стоил вашего гнева, хотя я за него сильно наказал себя. Теперь я положил (и уже давно) никак не оправдываться. Пусть всё дело объяснится само собою. Но мне теперь нужно знать во всей ясности обвинения, для того чтобы обвинить лучше и справедливей себя, а не кого другого.

Итак, вы поступили со мною слишком плохо, что не упомянули тогда именно, когда мне это было нужно. За мое страдание я теперь благодарю бога. Одно место было во мне такое, поражение которого трудно было вынести. Слава богу, теперь поражено и оно. Стало быть, теперь я свободен, и, мне кажется, теперь трудно человеку придумать, чем бы оскорбить меня. Вы только немножко меня оскорбили тем, что, обещавшись побранить, не побранили. Итак, смотрите, исправьтесь в следующем письме. Упреки сами по себе уже составляют теперь потребность души моей, а переданные вами и принятые от вас, они внесут еще утешенье в душу, как бы жестки ни были. Всё, что ни говорят о мне дурное, хотя бы самую нелепицу и видимую ложь, пишите всё, бог поможет мне и во лжи отыскать правду, это уж мое дело. Не скрывайте от меня также и имени того, который обо мне говорил дурно. Будьте уверены, что не только не стану питать на него неудовольствия, но возблагодарю его потом как друга, если приведет случай когда встретиться. Не скрывайте от меня ничего, что обо мне. Я слишком хорошо

знаю, что на счет мой множество также повторяется невинным образом разных вещей, и потому говорящий дурное часто совсем не виноват. Души моей никто не может знать: она доступна еще меньше вашей, потому что я даже и не говорлив. В последнее время, когда я ни бывал в Петербурге или в Москве, я избегал всяких объяснений и скорее отталкивал от себя приятелей, чем привлекал. Мне нужен был душевный монастырь. Вам это теперь понятно, потому что мы сошлись с вами вследствие взаимной душевной нужды и помощи и потому имели случай хотя с некот<орых> сторон узнать <друг> друга, но они этого не могли понять. Из них, вы сами знаете, [вы сами не знаете] никто не воспитывается; стало быть, всякий поступок они могли истолковать по-своему. Отчуждение мое от них они приняли за нелюбовь и охлаждение, тогда как любовь моя возрастала. Да и не могло быть иначе, потому что я, слава богу, их больше знаю, чем они меня. И если бы они вследствие общей превратности человеческой сделали бы, точно, что-нибудь дурное или изменились даже в характерах, я бы всё

не изменился в любви и может бог помог бы мне тогда-то именно и восчувствовать нежнейшую [небеснейшую] любовь, когда бы они очутились [когда близкий нам друг очутится] в крайности запятнать или погубить свою душу. [Далее начато: Когд<a>] Это, впрочем, так и быть должно у всех нас: когда мы видим [увидим] в болезни или даже при смерти нам близкого человека, тогда только оказывается, [узнается] как велика любовь наша к нему. Мы не жалеем ни денег, ни собственного попечения, [Далее начато: всё общ<ество>] готовы всё, что имеем, отдать доктору и сильно молимся богу о его выздоровлении. Итак, не откажите же в моей просьбе. Дурно то, что вы очень пристрастны и что вероятно не раз меня хвалили, а потому все, зная, что вы некоторым образом держите мою сторону, не будут при вас говорить обо мне дурно. Проступок этот следует загладить. Мнения ваши обо мне должны быть всегда вот каковы: «Я никак не утверждаю, чтобы он был хорош, но в нем есть одно такое свойство, которого я не находила у других людей: это желание искреннее и сильное быть лучшим, чем он теперь есть,

он один [и он один только] из всех тех людей, которых я знаю, примет [не только примет] всякое замечание, совет, упрек, от кого бы то ни было и как щекотливы бы они ни были, и умеет быть за это благодарным». Вот какие слова вы должны всегда говорить обо мне. Во-первых [Далее начато: они совер<шенная>] вы скажете этим сущую правду, потому что действительно оно так. Во-вторых словами этими вы не раздражите никого, хотя бы он и был недоброжелатель и нерасположенный ко мне. В-третьих в этих словах уже заключится упрек, необходимый душе того, который будет с вами говорить. Уменье не оскорбляться словами редким из них известно и очень его не мешает иметь побольше. Словом, вы можете тогда из похвалы мне сделать пользу другому. Итак, теперь, как вы видите сами, вам предстоит выплатить мне долг свой, если только я действительно, как [если только это действительно так] вы говорите, оказал кое-какие услуги душе вашей. То, что вы можете для меня сделать, то вряд ли может сделать другой. Вы меня все-таки больше знаете. Вы знаете, что я могу быть ближе всех других к

гордости, знаете также, что [что всех] проступков может быть у меня больше, чем у всех других, потому что я, как вам известно, соединил в себе две природы: хохлика и русского. Смотрите же! мы должны слишком заботиться друг о друге, слишком оберегать друг друга от всего порочного, чтобы потом, когда мы оба будем у небесного нашего родителя, броситься нам безукоризненно друг друг<у в> [Вырвано.] объятия и не попрекнуть бы, что на земле про<пу>] Вырвано.] стили что-нибудь сделать друг для друга.

Затем прощайте. Обнимаю вас.

Ваш Г.

Я позабыл <сделать> вам не упрек, но вроде его. Мне кажется, что вы напрасно показываете мои письма, [то есть я говорю о письмах, которые] в Париже вы показали Тургеневу. Из этого выходит что-то странное. Я получил нечто вроде комплимента за благородство чувств. Письма, особенно в роде этого, которое пишу к вам, должны оставаться меж-

ду нами. При сем прилагаю вам письмо, которое вы должны отдать Плетневу и вытребовать от него ответ без всяких изворотов. А добрейшему Аркадию Осиповичу поклон. Очень буду рад провести с ним будущую зиму в Риме. Нынешнюю же остаюсь во Франкфурте, а потому и адрес по-прежнему, ибо я остаюсь и живу по-прежнему в доме Жуковского, Sachsenhausen или иначе: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ее высокоблагородию Александре Осиповне Смирновой.

В С. Петербурге. На Мойке, близ Синего моста. В собственном доме.

И. Е. БЕЦКОМУ

**<Между 1 и 26 октября н. ст.
1844. Франкфурт.>**

Гоголь просит г. Бецкого пожаловать [прие<хать?>] к нему, что в доме Жуковско-го, или ввечеру сегодня от 8 до 9 или завтра поутру от 7 до 12 часов.

На обороте: à M-r Betzky.

А. А. ИВАНОВУ
26 октября <н. ст. 1844>.
Фр<анкфурт>

Что это о вас, Александр Андреевич, ни слуха, ни духа? Где вы и не сердитесь ли на меня, что не даете до сих пор о себе вести? Пожалуйста, напишите мне и опишите жизнь свою, и как у вас всё, и как идет работа. С вами ли Моллер? Если он с вами, то обнимите его и попрекните также за то, что не отзывается. Напишите мне обстоятельно также ваш адрес. Будучи не уверен, [Я не уверен] остались ли вы на прежней квартире или нет, я адресую в посольство. Мой же адрес следующий: во Франкфурте на Майне, Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Таким образом значится дом Жуковского, в котором мы обитаем вместе. Он вам также кланяется. Покаместь больше вам ничего не пишу, потому что еще не знаю, достигнет ли в ваши руки сие. Прощайте до следующего письма! Жду с нетерпением ответа.

Весь ваш ГОГОЛЬ.

На обороте: Rome en Italie.

Monsieur

Monsieur Alexandre Iwanoff recommandé
aux soins obligeants de l'Ambassade russe à
Rome.

Roma. Italia

Н. М. ЯЗЫКОВУ
26 октябр<я н. ст. 1844>.
Франкф<урт>

Письмо твое (числа не выставлено), при котором было приложено письмо от Н<адежды> Н<иколаевны> Шереметьевой, получил и много за него благодарю. Меня все позабыли и кроме тебя я ни от кого, вот уже более полугода не получаю писем. Назад тому две недели, я получил из Берлина четыре книжки святых отцов. Полагаю, что они от тебя, хотя и не знаю, кому ты их вручил, потому что мне переслал берлинский наш священник с проезжавшим через Берлин соотечественником. Перевод очень хорош, жаль, что мало. Нельзя ли будет переслать продолжения, не во уважение моей заслуги, но во уважение твоей доброты, ей же несть пределов? Донесение твое о состоянии текущей литературы, при всей краткости, сколько верно, столько же, к сожалению, и неутешительно, но во-первых, так было всегда, а во-вторых, кто виноват? Это уж давно известно всем, что

петербургские литераторы <...>, [Не принятые в печати слова.] а московские <...>. [Не принятые в печати слова.] Мнение [Мнение о] твое о новом журнале, имеющем издаваться в Москве, как мне кажется, довольно основательно, хотя самого журнала еще нет. Я тоже думаю, что это будет что-то в роде Отеч<ественных> Записок. Недавно мне удалось наконец прочесть одно твое послание, именно послание к Вяземскому, напечатанное в Современнике. Я заметил в нем особенную трезвость в слоге и довольно мужественное расположение, но всё еще повторяется в нем то же самое, т. е. что пора и надобно приступить за дело, а самого дела еще нет. Как бы то ни было, но душа твоя вкусила уже другую жизнь, в ней произошли уже другие явления. Если еще [уже] не испил, то, по крайней мере, уже прикоснулся устами высшего духовного источника, к которому многим, многим и слишком многим следовало бы давно прикоснуться. Зачем же в стихах своих ты показываешь доньше одно внешнее свое состояние, а не внутреннее, или разве стихи не достойны того, чтобы отражать его, или разве там мало

предметов? Но закружится голова, если станем исчислять то, что никем еще доныне не тронуто.

Смотри, чтобы нам самим не подвергнуться тем упрекам, которыми мы любим упрекать текущую литературу. Почему знать, может быть, на нас лежит грех, что завелось среди ее такое количество <...> [Не принятые в печати слова.] и <...> [Не принятые в печати слова.] Каков между прочим Погодин и какую штуку он со мною сыграл вновь! Я воскипел негодованием на Бецкого за помещение моего портрета, и надобен же такой случай: вдруг сам Бецкий является из Харькова во Франкфурт для принятия от меня личного распекаания. От него я узнаю, что Погодин изволил еще в прошлом году приложить мой портрет к Москвитянину, самоуправно, без всяких оговорок, точно как будто свой собственный, между тем как из-за подобных историй у нас уже были с ним весьма сурьезные схватки. И ведь между прочим пришипился, как бы ничего не было (и никто из моих приятелей меня об этом не уведомил!) Я не

сержусь теперь потому только, что отвык от этого, но скажу тебе откровенно, что бóльшого оскорбления мне нельзя было придумать. Если бы Булгарин, Сенко<вский>, Полевой совокупившись вместе написали на меня самую злейшую критику, если бы сам Погодин соединился с ними и написал бы вместе всё, что способствует к моему унижению, это было бы совершенно ничто в сравнении [ничто перед] с сим. На это я имею свои собственные причины, слишком законные, о чем не раз объявлял этим господам, и чего однако не хотел им изъяснять, имея тоже законные на то причины. Такой степени отсутствия чутья, [всякого чутья] всякого приличия и до такой степени неимения [от<сутствия>] деликатности, я думаю, не было [не существовало] еще ни в одном человеке испокон веку. Написал ли ты в молодости своей какую-нибудь дрянь, которую и не мыслил напечатать, он чуть где увидел ее, хватить в журнал свой, без начала, без конца, ни к селу ни к городу, без с<просу>, без позволения. Точно чушка, которая не даст <...> [Не принятые в печати слова.] порядочному человеку:

как только завидит, что он присел где-нибудь под забор, она сует под самую <...> [Не принятые в печати слова.] свою морду, чтобы схватить первое <...>. [Не принятые в печати слова.] Ейхватишь камнем по хрюкалу изо всей силы — ей это нипочем. Она чихнет слегка и вновь сует хрюкало под <...>. [Не принятые в печати слова.]

Прекрасные слухи, которые носят о моем написании множества произведений, кажется сродни тем самым, которые носились и в прошлом году о чтениях моих из второго тома, где находится остроумное сравнение Петербурга с Москвою, о котором мне и в мысль не приходило. Я бы душевно желал, чтобы нынешние слухи были справедливы хотя вполовину. О Записках Генерала в Риме я и не грезил даже, хотя нахожу, что мысль не дурна. Я подозреваю, [думаю] что в Москве есть один какой-нибудь этакой портной, который шьет сам на всю Москву. Благо есть дураки, которые ему заказывают. Зиму мне придется провести во Франкфурте, хотя мне он и не совсем по нутру, но попробую. Что ж

делать, нельзя всё делать, как бы нам хотелось, нужно уметь и потерпеть. Боюсь, чтобы как-нибудь не схандрить, при здешнем гаденьком небе и при моем гаденьком здоровье, но, во-первых, и что самое главное, бог милостив, а во-вторых, авось-либо все близкие друзья мои не оставят меня письмами. А потому и теперешнюю зиму ты особенно смотри не ленись и не оставляй писать ко мне, если можно, то даже и чаще прежнего. Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от 3 октября, и спроси также у Аксаковых, зачем из них ни один не пишет ко мне. Затем прощай! Будь здоров. Перекрестясь примись за работу и бог да сопутствует тебе во всем.

Твой Г.

Адрес по-прежнему в дом Жуков<ского>, Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

Отдай письмецо следующее Н. Н. Шер<еметевой>.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
26 октября <н. ст. 1844.
Франкфурт>

Не сетуйте на меня, добрый друг мой, за то, что давно не писал к вам. Ко мне также долго не пишут. Вот уже больше полугода, как я не получал писем от Аксаковых. От других также давно не имею известий, хотя вообще [хотя други<м>] моим приятелям следовало бы больше писать писем, чем мне, по многим причинам. Во-первых, уже потому, что у них меньше переписки, чем у меня. Вы одни меня не оставляете и не считаетесь со мной письмами. Виноват. Мой добрый Языков умеет также быть великодушным, и после вас он один пишет, не останавливаясь тем, что на иное письмо нет ответа. Образа вашего я не получил. Боборыкин мне его не доставил, и его самого я не видал и не знаю, где он. Но этим нечего сокрушаться. Не в видимой вещи дело. Образ ваш я возложил мысленно на грудь свою, принял благодарно ваше благословение и помолился богу, да и возложен-

ный мысленно, он возымеет ту силу, как бы возложен был видимым образом. А вас прошу, бесценный друг мой, помолиться о мне сильно и слезно, помолиться о том, чтобы ниспослал он, милосердый отец наш, освежение моим силам, которое мне очень нужно для нынешнего труда моего и которого недостает у меня, и святое вдохновение на то, чтобы совершить его таким образом, чтобы он доставил не минутное удовольствие некоторым, но душевное удовольствие многим, и чтобы всех равно более приблизил к тому, к чему мы все ежеминутно должны более и более приближаться, то есть к нему самому, небесному творцу нашему. Об этом молю его теперь беспрестанно и прошу вас, как брат просит брата, соединить ваши молитвы с моими и, силою ваших молений, помочь бессилию моих. Прощайте, добрый друг мой. Я знаю, вы выполните мою просьбу. Бог да благословит вас и не оставит вас ни в одном вашем молении.

Весь ваш Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

А. О. СМИРНОВОЙ
3 ноября <н. ст. 1844>.
Франк<фурт>

Вчера получил ваше письмо, сегодня отвечаю. Пишу единственно потому, что вас, как видно из письма вашего, несколько смутило замечание Самарина, с которым вы имели обо мне разговор, именно: что у вас нет того элемента, который бы нас сблизил и что я любить вас не могу по причине вашего недостойнства. Во-первых, вы должны бы вспомнить [знать] то, что вы все-таки меня знаете лучше, нежели он, который может судить обо мне только предположительно или же по моим сочинениям. Как умный человек, он прав тем, что взглянул на меня со стороны артиста, но он пропустил не безделицу, он пропустил ту высшую любовь, которая гораздо выше всяких артистов и талантов и может быть равно доступна как умнейшему, так и простейшему человеку. Он не может также знать того, что я уже давно гляжу [не гляжу] на человека не как на артиста; но милосердие бога

помогло мне глядеть на него иначе. Я гляжу на него как брат, и это чувство в несколько раз небеснее и лучше. Ремесло артиста мне пригодилось теперь только в помочь, им мне доведется только доказать на деле мою любовь, о чем молю бога беспрестанно и о чем прошу вас также помолиться. Любовь же, связавшая нас с вами, высока и свята, [Любовь, нас связавшая, слишком высока и свята] она основалась на взаимной душевной помощи, которая в несколько раз существенней всяких внешних помощей, которые обыкновенно оказываются на свете иногда весьма шумным и блестящим образом. Поверьте, что такие вещи не позабудутся никогда. Ваши слова, что я вас видел в такую минуту и с такой точки, когда любить вас невозможно, не только не имеют значения, но даже имеют противоположное значение: потому что именно с этой-то минуты и началась моя истинная любовь к вам. Если ж мы друг перед другом станем обвинять себя каждый в недостойнстве такой дружбы, то это будет похоже на комплименты. [Далее начато: Если же бог] Любовь должна возрасти тогда еще сильнее, ес-

ли бы случилось из нас кому-либо сделать низкое или почему-либо недостойное и подлое дело. Тут она и должна действовать во всей силе, потому что в такие минуты нужней и необходимей, чем когда-либо. Таковую любовь мы должны иметь. А потому просите ежеминутно у бога, чтоб он усилил ее в вас и с каждым днем возвращал ее более и более не только ко мне или к тем, которые к вам поближе, но решительно ко всем, кто ни нуждается в ней. Без нее вы никогда не сделаете столько благодеяний, сколько бы желали. Еще вы действуете часто как хирург. Не презирайте также почему-либо дурного или порочного человека, особливо если он стоит на таком месте, что может иметь дурное влияние. Почему знать, может быть, вам удастся дурное превратить в хорошее. Не удалось — не отталкивайте, будьте по крайней мере всегда и равно благоприветливы. Почему знать, у всякого могут быть внутренние тяжелые минуты, может быть, иногда слишком скорбно станет душе его и он вспомнит о благоприветливом вашем взоре и о показанном участии среди всеобщего безучастия. В такие ми-

нуты может умягчиться душа всякого и принять то, чего бы не приняла в другое время. Есть у вас еще одно мнение, которое бывает у многих истинно умных и добрых людей и руководствуясь которым они далеко не сделали того, что могли бы сделать. Чтобы исправить кого-либо или улучшить его в чем-либо, считают обязанностью отдалить от него тех людей, которые ему мешают быть лучшим или имеют на него дурное влияние. Во-первых, отстранение того человека, к которому привык человек, всегда трудно и, если бы даже в этом и успели, все-таки это не надежно: на место одного может явиться другой. Как бы то ни было, всякая связь и всякое сближение недаром. Лучше благодетельным образом подействовать на обоих, тогда они могут взаимно помогать друг другу, взаимно поощрять и взаимно ободрять друг друга. Их голос, и без того уже знакомый друг другу, будет понятней постороннего голоса. А между тем оба равно будут любить вас. Как бы то ни было, но помните всякий раз, что они оба равно — ваши братья. Зачем же отказать одному в том самом, что мы хотим так великодушно сде-

лать для другого? Если вы с таким благодушием будете смотреть на всех, вы слишком много сделаете добра всем. И добро это будет делаться само собою, почти без всякого усилия с вашей стороны. Но будьте терпеливы. Вначале слишком довольно быть ясны со всеми, незлобну и не сердиться ни на что. Если вам где случится сделать добро, то есть покажется, что можно его сделать, вы рванетесь и потом увидите, что невозможно, а только казалось с виду, что легко, не приходите [не останов<итесь>] от этого в уныние никак, оставьте это дело [его] и обратитесь к тем делам, [к де<лам>] которые можно сделать. И если после многих добрых дел, которые вам удастся сделать в продолжение некоторого времени в других местах и которые вы сделали потому, что их можно было сделать, обратитесь вновь к прежнему делу, то увидите, что то, которое вам прежде казалось невозможным, уже делается возможно. Мы все зреем и зреем незаметно. Делать добрые дела есть также наука, и прежде, покаместь не сделаем меньших, никак не сделаем бóльших. И потому боже вас сохрани долго останавли-

ваться над одним и ломать голову. Лучше, вместо этого, помолитесь усердно и горячо богу и летите на другое дело. Их много, куда ни оглянетесь. Помните только то, что никак нельзя зевать и мешкать. Времени нам дано мало, и если на случай подвернется к вам уныние, вспомните, что даже и унынию некогда нам предаваться, так у нас занято [должно быть у нас занято] всё время и так много со всех сторон ждут нас всякого рода челобитчики. Будьте в свете то же, что расторопная хозяйка в своем доме, у которой и минуты нет свободной и которая никак не спешит что-нибудь довести в один день до конца и не засидится в одной комнате или в одном месте, но всюду заглянет, зная, что и просто уже один брошенный мимоходом взгляд [уже один взгляд хозяйки] важен и что всюду ей нужно быть для того, чтобы дело со временем созрело во всех углах в свой черед и в свое время. Не пренебрегайте моими словами. Подумайте об этом не только теперь, но и в другое время. Иногда слишком хорошо [важно] перечитать то же самое при другом расположении духа и в другие минуты. Писем моих

никому не читайте, это не нужно и не принесет большой пользы другому. Но сами перечитайте и особенно те места, где есть какие-нибудь упреки, или улики. Я ваши письма часто пересматриваю, хотя в них нет вовсе ни улик, ни упреков. Один раз в предпоследнем письме вы было порадовали меня, объявивши, что будете бранить и упрекать меня во многом, и дело кончилось ничем: в нынешнем письме даже и намек нет на то. Я вам советую (и об этом прошу вас особенно), как только услышите что-нибудь о мне, записывать его в ту же минуту, иначе оно вдруг вылетит из головы и вы не вспомните потом. Но прощайте, друг мой. Обнимаю вас от всей души.

Пишите побольше и почаще. Вам нужно писать побольше и почаще много: во-первых это нужно для вас самих, а во-вторых и для меня. Не позабудьте также и то, что я хотя и хорошо поместился во Франкфурте у Жуковского, но все-таки я один и чувствую, что придется мне схандрить и приунуть духом в начинающиеся зимни<е дни>, и душа пожелает

сильно вашего утешительного и родного слова.

Получили ли вы мое письмо от 24 октября и вручили ли другое Плетневу? Уведомьте обо всем этом.

Весь ваш Г.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ее высокородию Александре Осиповне Смирновой.

В С. Петербурге. Близ Синего моста на Мойке, в собственном доме.

С. Т. АКСАКОВУ
12 ноября <н. ст. 1844.
Франкфурт>

Письмо за вами, бесценный друг мой Сергей Тимофеевич. Вы не дали мне ответа на то, которое я писал к вам назад тому четыре месяца, где посылал весьма справедливый выговор Щепкину за то, что он надул меня, то есть вызвался сам вперед и отважно вместе с сыновьями доставить мне просимые мною критики и потом вместе с ними попятился на попятный двор. Я даже не знаю, как писать к вам, и дожидался от вас адреса, и до сих пор [теперь] не знаю, где вы живете и куда следует адресовать вам. Итак, уведоьте меня как о вашем здоровьи, так и о здоровьи Ольги Семеновны, Конст<антина> Серг<еевича> и всего вашего милого семейства, и почему именно последовало такое долгое забвение? Я, видите, терпелив и долго иногда не спрашиваю, почему иные совсем [мне совсем] не пишут и не шлют даже поклона. Потом уведоьте, как вы провели всё время лета и каково состоя-

ние вашей больной. И словом, уведомьте обо всем. А [Я] пока вас обнимаю от всей души и жду вашего ответа.

Ваш Гоголь.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
<12 ноября н. ст. 1844.
Франкфурт.>

Вчера получил твое письмо (от 14 окт<яб-
Ря>), с означением адреса новой квартиры.
Предполагаю, что сия внезапная перемена
произошла от какого-либо неудобства первой,
а потому напиши, доволен ли ты нынешнею
и хорошо ли в ней уселся. А с тем вместе на-
пиши, получил ли ты два письма мои, адресо-
ванные по первому твоему указанию в дом
Бессменова на Арбате, в последнем из кото-
рых я извещал тебя о сюрпризе, который до-
ставил мне Бецкий, лично известивший ме-
ня, что портрет мой еще прежде, [прежде его]
именно в прошлом году, был выставлен в
Москвитянина. Насчет же отправки Москви-
тянина за 1843 год Погодин кажется прилг-
нул. Ибо ни Жуковский, ни я его не получали.
Мне тем более это досадно, что я два дни до
твоего письма послал кровные 15 талеров в
Лейпцих, узнавши по газетам, что у тамошне-
го книгопродавца есть кое-какие русск<ие>

книги, в числе коих и Москвитянин.

Кстати, знаком ли ты с Михаил Семеновичем Щепкиным? Познакомься с ним покороче. Этот человек чрезвычайно замечателен. У него куча воспоминаний, истории об разных углах России и собственно об его походной и непоходной жизни. Кроме того я его очень люблю за его добрую душу и за его ровный характер, не говоря уже о таланте, но за то еще люблю, что мне было всегда особенно приятно видеть его сидящим перед собою. Но ты сделай ему выговор и объяви ему в весьма коротких словах, что он человек <...>. [Не принятое в печати слово.] Как можно поступить таким образом! Сам же он вызвался доставить мне критики Сенковского. Я просил других, он вызвался сам, других отвадил, [перебил] а сам надул, а ведь немного и труда было. Я на него конечно не могу сердиться уже и потому, что и другие так поступают. Ждавши более полугода и видя, что от него нет толку, [никакого толку] я обратился к другим тоже хорошим приятелям, те также пообещали, и ни духу, ни слуху ровно полгода. А всё вместе со-

ставляет почти полтора года. А между тем мне это слишком было нужно. А между тем мои же приятели потом меня упрекают за неоткровенность и зачем, дескать, я прежде не к ним обратился, а просил людей посторонних. Словом, я думаю, русский человек тогда только аккуратен и исправен, когда и он или калека, или же такой хворой, как мы с тобою. Потому-то, я думаю, и письма он тогда станет писать, когда не будет рук или чернил, словом, когда будет ему нечем писать. [когда не будет рук и нечем писать.] Итак, Михайлу Семеновичу скажи, что он человек <...> [Не принятое в печати слово.] И если он скажет, что напишет письмо или извинение, то ты ему не верь, а заставь его тут же на твоём письме написать три строки. О Россете скажу то, что ему не помогло водяное лечение или же если помогло, то весьма мало. Он, как пишет мне сестра его, чувствует себя весьма дурно в Петербурге и намерен с первым весенним путем ехать в Италию. Впрочем, я и прежде не думал, чтобы для него было слишком полезно водяное лечение. Я скорей думаю, что ему помогло бы более морское купа-

ние, чем пресная вода. Я разумею море северное, [Далее было: межд<у>] а не южное, между которыми большая разница. Оно производило на меня то, чего я никогда не чувствовал, купаясь в южном. Кожа после него вся горит и чуть выйдешь из воды, как делается уже жарко, как в бане. В воде [Далее было: не б<олее>] сидеть не более пяти минут, чем меньше, тем лучше; чем хуже погода, чем холоднее, чем сильнее ветры и буря, тем лучше, и выходишь из воды чорту не брат. Я даже, который боялся прикосновения холодной воды и вооружен фуфайкою непосредственно на самом теле, отваживался весьма храбро и только жалею о том, что удалось мне мало купаться и не выполнить весь назначенный курс. Но, говорят, еще лучше, если оставить на следующий год, удвоив его. Как бы то ни было, но после купанья я чувствую себя лучше, ибо надо тебе сказать правду, я был слишком болен летом и так дурен, как давно себя не помню. Нервы до такой степени были расстроены, что не в силах был не только что-нибудь делать, но даже ничего не делать, то есть пребывать в блаженной на ту пору бесчув-

ственности. [Далее начато: Но] Впрочем, советую тебе меньше заботиться о том, что не так здоров, как бы хотелось. Это лучшее средство против недуга. Клянусь, мы все грешим много тем, что слишком много думаем о своем телесном здравьи, потому именно и бываем гораздо больше нездоровы. У меня есть один приятель, человек слишком замечательный, с которым ты после познакомишься. Он теперь в Париже, но весной или летом будет в Москве, именно граф Алекс<андр> Петр<ович> Толстой, брат того, которого ты знаешь. Человек, потому замечательный, что [что не] принадлежит к слишком немногочисленному числу тех людей, которые способны сделать много у нас добра при нынешних именно обстоятельствах России, который не с европейской заносчивой высоты, а прямо с русской здоровой середины видит вещь. Он много видел, был два раза губернатором, в Одессе и в Твери, умел видеть ошибки другого и даже свои собственные, и теперь стал на такую точку, что может, не распекая и не разгоняя людей, сделать существенное добро, т. е. умирить там, где иной с благородным намерени-

ем добра может произвести кутерьму и раздор, но который болен своею болезнию, то есть болеет оттого, что болен, и думает, что прежде нужно вылечиться, а потом делать. А между тем как при теперешнем всеобщем состоянии здоровый дело только и может быть лечением, т. е., само собою разумеется, дело, питающее душу, а не обременяющее одно только тело. Ради бога, молись во всякую трудную минуту, и трудная минута обратится в легкую минуту, но молись таким образом, чтобы обращаться в то же время на самого себя, взвешивать беспрестанно свои данные, то есть данные дарования, и рассматривать, как можно сделать ими добро и существенную пользу. Но я, кажется, несколько разболтался. Письмо становится длинно, а между тем захватило не мало и времени. Прощай, обнимаю тебя от всей души. Благодарю много за то, что не забываешь меня письмами. Извещаю тебя, что донине получены мною следующие книги: 1) Иннокентий, 2) Добротолубие, 3) Отцы за 1843. Уведоми меня, все ли здесь посланные тобою книги, или есть еще какие-нибудь, которые засели по углам Евро-

пы. Относительно погодинского поступка я пишу к Шевыреву маленькой ему упрек, за чем он не удержал Погодина от глупости. А Погодину напишу дружеские советы на многое, что ему слишком нужно знать в жизни и неисполнение чего было причиною всех его неудач [неудач в жизни] и успехов во всем. Я теперь вследствие его же поступка имею на это право. Если ум его не совсем ослеплен гневными ослепленьями и кучею всяких проектов, из которых ни один не успевает взреть в голове его, то он вероятно поймет их справедливость. О нем следует позаботиться. Как бы то ни было, но он жалок. Человек с искренним расположением добра действует всю жизнь во имя добра и не произвел доныне почти никакого благодетельного влияния ни на кого. Ни одного человека я не встретил, который бы любил его и который бы им был доволен. Он сам уже это видит, ожесточается, видит везде неблагодарность и не видит только того, что всему причиною он сам. И главная причина всему не та, [не тому] чтобы какие-нибудь важные недостатки, а неимение такта, чутья, отсутствие всякого понятия о ка-

ком-нибудь приличии. Не думая и не желая никого оскорбить, он оскорблял на всяком шагу и весьма часто самым щекотливым образом. Он умел оскорбить даже тех, которых ничем нельзя или по крайней мере трудно чем оскорбить. У меня только одна вещь и была — портрет, именно на ее-то он весь обломился всей своей медвежьей натурой. Но довольно. Пиши, пожалуйста, и не забывай.

Твой Г.

При сем письмо Аксакову.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного в Серебренном переулке, в доме Шидловской.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
<Между 7 и 23 ноября 1844 н.
ст. Франкфурт.>

Письмо ваше от 7 ноября мною получено. Из него вижу, что вы действуете умно и хорошо, обстоятельствами никакими не смущаетесь. Они расстроиваются и поправляются вновь. Дело и поприще предстоит нам повсюду, каковы бы ни были приходящие к нам обстоятельства. Работы нам много всегда и во всяком нашем состоянии, даже и таком, когда мы чувствуем, что и больны и бессильны и никуда и ни на что не годимся. Пишите ко мне обо всем, что ни случается с вами, до последней мелочи, мой добрый друг Анна Миха<й>ловна, и молитесь обо мне.

Весь ваш Г.

На обороте: Графине Анне Миха<й>ловне.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
Франкф<урт>. 23 ноября <н.
ст. 1844>

Благодарю вас очень за письмо и за известия (письмо от 12-го ноября). Я думал долго о вашем пациенте. Придумал одно средство, которое может с божьей помощью помочь в этом деле, но средство это несколько крепковато. Желудок больного теперь его не сварит, ему покамест полезны ваши попечения. Молитву, которую вы мне прислали, я уже получил почти за месяц прежде от Смирновой. Думаю об этом я таким образом. Если молитва пришла в наши руки, то по ней следует молиться. Вот и всё.

Я бы хотел знать, между каким классом наиболее разошлась в Петербурге эта молитва и кто ее доставил. И молится ли Петербург, помышляя в то же время о себе и рассматривая жизнь свою, или просто повторяет одни только слова молитвы, не входя в них душою и сердцем.

Я вспомнил, между прочим, о графине Толстой, находящейся ныне с вами в Париже. Она множество набрала материалов к себе в душу и держит их точно под замком, не применяя их к делу. Ей больше, чем кому-либо другому, следует молиться делами, без дел угасают сильно чувствования душевные, а без сильных чувствований душевных бессловесна молитва. Если бы вы ее могли заставить войти в положение какого-нибудь несчастливца, которому нужна помощь, и заинтересовать ее им. О себе скажу вам пока только, что нечего о себе сказать. Слава богу, нахожусь в положении обыкновенном, т. е. не сижу совершенно за делом, но не бегаю от дела, и прошу бога о ниспослании нужного одушевления для труда моего, свежести сил и бойкости пишущей руки. Вы напрасно ищите в моих сочинениях меня и притом еще в прежних: там просто идет дело о тех людях, о которых идет дело в рассказе. [в повести] Вы думаете, что у меня до такой степени длинен нос, что может высунуться даже в повестях, писанных [в повести и при том писанной]

еще в такие времена, когда был я еще мальчишка, чуть вышедший из-за школьной скамейки. Но об этом покамест до будущего времени.

Перецелуйте вместо меня маминьки вашей ручки и ваши собственные и будьте здоровы.

Ваш Н. Гоголь.

На обороте: Son Excellence Mademoiselle La Comtesse de Wielhorsky.

Paris. Place Vendôme, № 6

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
Франкфурт. Декабря 1 <н. ст.
1844>

Письмо твое было бы для меня сюрпризом, если бы дня за четыре до него не получил я от маминьки известия о твоей женитьбе. Но не совестно ли, извещая об этом, не упомянуть ни слова, как всё это случилось и каким образом вас бог свел? Но теперь пока это в сторону. Поздравляю тебя и желаю, чтобы не только все последующие дни твоей жизни похожи были на первые дни после свадьбы, но были бы еще лучше их, что и быть должно, ибо зависит от нас самих. Затем прошу тебя отвечать на следующие три запроса:

1) В каком положении находятся ваши доходы и достаточны ли они для вашего безбедного прожития вместе?

2) Дай мне понятие, сколько возможно понятное, о жене, то есть, какого рода свойства ее, собственно ей принадлежащие, ее харак-

тер, наклонности, словом — ее личность; дай мне ее портрет, но в общих чертах, чтобы я мог услышать физиогномию ее души.

3) Опиши мне, как вы проводите время. Опиши мне весь свой день по часам, не уронив ничего, до самых прозаических мелочей.

Всё это нужно мне; я теперь до такой степени сделался туп, что до тех пор, пока не пощупаю вещь собственной рукою, не могу иметь о ней никакого ясного понятия, а в письме твоём я вижу одни общие черты: видно, что его писал человек, которому некогда. Жене твоей (я не знаю даже имени ее) наговори тысячу приятных от меня вещей. Я это предоставляю тебе потому, что из уст мужа всё это будет приятнее.

О Прокоповиче я сам не имею никаких известий. Я сделал глупость, поручив ему издание, но я торопился ехать; на ту пору в Петербурге не случилось никого; притом я думал его этим расшевелить и подстрекнуть на какое-нибудь литературное дело. Вышло всё

вверх ногами: издание напечатано плохо; вместо заемн<ых> 30 тысяч я до сих пор не получил и одной тысячи, а между тем издание, как вижу из газет и журналов, продается не совсем дурно. Я бедствовал почти два года, перебиваясь кое-как новыми займами, и не получал никакого ответа ни на одно из моих писем; одно писал даже укорительное, обвиняя его в бесчувственности к положению другого, но и на него не было ответа; просил у других разведать об этом деле, разведывал сам всячески, желая хоть стороною добиться, и никто даже из обещавших написать ко мне не написал. Наконец я махнул рукою и бросил это дело. Более всего беспокоит меня неизвестность, жив ли сам Прокопович.

Ты спрашиваешь меня о мне самом, то есть, когда я буду в Россию; но об этом я написал тебе уже довольно удовлетворительно в моем прежнем письме. Видно, ты читаешь очень плохо мои письма и не до конца. Впрочем, тебе было не до того. Но теперь не позабудь исполнить мою просьбу и отвечай на три заданные вопроса. Ты сам можешь чув-

ствовать, как мне интересны на них ответы.
Затем прощай! Обнимаю вас обоих.

Весь твой Гоголь.

Приписывай не poste restante, но Salzwedelsgarten, vor dem Schaumeinthor. Под такой фирмой дом Жуковского, где живу и я. Это необходимо потому, что здесь завелось много разных Гоголей немецких, к которым весьма часто относят мои письма.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Декабря 2 <н. ст. 1844.
Франкфурт>

Благодарю тебя, друг, за письмо от 5 ноября, а еще больше благодарю за книжечку от кн. Вяземского. Благодарю еще более бога за то, что желание сердца моего сбывается. Говоря это, я намекаю на одно стихотворение твое, [разумею об одном стихотворении твоём] ты верно сам догадаешься, что на Землетрясение. Да послужит оно тебе проспектом вперед! Какое величие, простота и какая прелесть внушенной самим богом мысли! Оно верно произвело у нас впечатление на всех, несмотря на разность вкусов и мнений. Скажу тебе также, что Жуковский подобно мне был поражен им и признал его решительно лучшим русским стихотворением. Это слишком много, потому что он вообще был строг к тебе и, умея отдавать должное твоим стихам, нападал на главное, что после них (так он выражался), [так он выражался вписано] как после прекрасной музыки, всё вслед за очаро-

вавшими звуками унеслось, и никакого определенного вида не имеет оставшееся впечатление. Он говорил часто (в чем отчасти и я был с ним согласен), что везде у тебя есть восторг, который никак не идет вперед, но стоит на одном месте, именно потому, что не получил [не получивший] определенного стремления. [Далее зачеркнуто: по<тому>... оттого] Он никак и не думал, чтобы у тебя могло когда-либо это возникнуть (он не мастер проригать), и на мои замечания, что всё произойти может от душевных внутренних событий, слегка покачивал головой. И потому ты можешь себе представить, как мне радостно было его восхищение. Он [И он] несколько раз уже прочел с возрастающим удовольствием это стихотво<рение>, которое я читаю почти всякий день. Видишь ли, как в общем крике массы, в этой [и в этой] строгой современной требовательности от поэтов есть что-то законное. Едва малейший ответ на это всеобщее алканье души — и уже вдруг всё сопрягается, даже и то, что еще недавно бы не потряслось. Ради святого неба, перетряхни старину. Возьми картины из Библии или из коренной

русской старины, но возьми таким образом, чтобы они пришлись именно к нашему веку, чтобы в нем или упрек или ободренье ему было. Сам бог тебе поможет, и сила, возникшая из твоего творенья, обратно изольется на тебя самого. Недавно я нашел в Отеч<ественных> Записках выписки из книги: Выходы Царей, которые, кажется, были привед<ены> с тем, чтобы показать незначительность таких описаний. Но в них так свежи изображенья наряда и всех цар<ских> облачений и так каждое слово кажется создано на то, чтобы уложиться в стих, что мне так и представлялся царь, идущий к вечерне. В твоём стихотворении Олег, которое тоже затмило прежние, [прежние, в ряду с которыми помещено] уже проглядывают сильно черты нашей старины (хотя время по причине страшной отдаленности для нее неблагоприятно). Сочинение это однако ж у нас пройдет незамеченным именно потому, что в мысли [в нем] его нет свежего, [живого] находящего ответ теперь. Заставь прошедшее выполнить свой долг, и ты увидишь, как будет велико впечатление. Пусть-ка оно ярко высунется для того, чтобы вразу-

мить настоящее, для которого оно и существует. Выведи картину прошедшего и попрекни кого бы то ни было в прошедшем, [кого бы ни было в прошедшем вписано.] но таким образом, чтобы почесался в затылке современник. Клянусь, никогда не приходило времени [такого времени] так значительного для лирических поэтов, каково ныне, но ты сам это чувствуешь и знаешь лучше меня. Молю бога, чтобы он послал тебе бодрость и свежесть сил и умение позабыть всякие мелкие тревоги и даже болезненные припадки, если бы они вздумали к тебе наведаться. Прощай. Больше не пишу теперь ни о чем, ибо нахожусь [да и нахожусь] под влиянием тобой же внушенного ощущения.

Твой Г.

Благодарю Н. Н. Ш<ереметеву> за письмо. Поклонись Хомяковым, Авд<отье> Петр<овне> и Свербеев<ым>, если увидишь.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного в
Серебряном переулке, в доме Шидловской.

М. И. ГОГОЛЬ

**12 декабря [В подлиннике:
сентября] 1844. Франкфурт
<Н. Ст.>**

Во-первых поздравляю вас, почтеннейшая маминька, с наступающим годом, а во-вторых благодарю за все подробности письма. Жаль, что вы не описали мне молодую жену Данилевского. Не позабудьте это сделать при первом случае. Мне хочется знать, каковою вы нашли ее лицом и характером. Я получил правда письмо и от него вслед за вашим; но, как все счастливые мужья, он слов употребляет мало, торопится и, как видно, занят другим. Зачем вы хлопчете так об уплате ему денег, которых он и сам не требует? Вы напишите ему, что хотели было посылать, но что я запретил. Вот и всё. Долг этот я ему уплачу, и он должен остаться моим займодавцем, а не вашим. [Далее было: Не можете ли вы каким-нибудь образом узнать, но правда вам это трудно]

Из Петербурга пишут ко мне о происшествии, случившемся в Иерусалиме, свидетелем которого был воронежский архиерей, бывший тогда у гроба господня, именно о слышании небесного гласа во время божественной литургии, который был истолкован патриархом, как пророчащий бедствия миру, если он не покается. Мне прислали и молитву, привезенную архиереем. Судить о том не <наше> [Оборвано.] дело. Но если сами святители дали молитву и повелели по ней молиться, то, мне кажется, следует это исполнить. Но говорят, что молиться еще недостаточно: нужно слишком строго взглянуть на самого себя, рассмотреть протекшую жизнь нашу и исправить значительно настоящую. Выписываю слова этой молитвы, хотя, может быть, вы уже ее имеете, но тем не менее вы все-таки прочитайте всякий день со вниманием. То же должны сделать и сестры. Не мешает также прочесть ее и многим домашним, а особливо тем из живущих в нашей деревне, которые ленивы, нерадивы и дурно ведут себя. Душа человеческая такое сокровище, о котором нам следует всем лучше позаботиться.

ся.

При молитве приложено было также увещание передать и другим 9 и более человекам, [и другим молится<?>] а потому я передаю и вам. Так как Воронеж от вас недалеко, то я думаю, вы знаете имя того архиерея, который был в Иерусалиме. [Далее было: может быть, знаете и самую молитву.] Но, спеша кончить, советую вам тоже меньше принимать к сердцу всякие житейские огорчения. Они не стоят того, чтобы о них слишком много думать. Сам спаситель велел нам прежде всего позаботиться о главном и прибавил: Остальное всё приложится вам. Прощайте.

Ваш сын Н<иколай>.

На обороте: Russie. Poltava.

Ее высокоблагородию Марие Ивановне Гоголь-Яновской.

В Полтаве, оттуда в д<еревню> Васильевку.
Russie.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

**<Между 1 и 14 декабря н. ст.
1844. Франкфурт.>**

Письмо твое я получил. Благодарю тебя за искренность, упреки и мнения обо мне. Оправдываться не буду, это я уже сказал вперед, да и невозможно. [Благодарю тебя за искреннее мнение души твоей и за твои мнения обо мне, выраженные с такою откровенностью. Я уже дал тебе слово вперед, что не буду оправдываться. Оправданье не послужит мне ни к чему. Далее начато: Мне не следует по многим причинам] Во-первых, потому, что если бы я и оправдался в одном, [в одном чем-нибудь] то с других сторон вижу [вижу сам] столько в себе дряни и во многом другом, [столько дряни и так много дурного, что стыд взял бы и чего и ты не можешь видеть. Конец зачеркнут и вписано: чего даже никто из самых проницательных <...>] что мне становится стыдно уже при одной мысли о том. Во-вторых, потому, что для того следовало бы [чтобы оправдаться, мне для <этого> нужно]

поднимать всю внутреннюю душевную историю, которую не впишешь и в толстом томе, не только в письмах. [в строках письма] Третий, потому, что [что во мне] с некоторого времени погасло желание быть лучше в глазах людей и даже в глазах друга. Друг также пристрастен. Самое чувство дружбы уже умягчает нашу душу и делает ее сострадательной. [умягчает его душу до того] Заметив [Увидев] некоторые хорошие качества в своем друге и особенно расположение и любовь к себе, мы невольно преклоняемся на его сторону. Бог знает, может быть, ты, узнавши что-нибудь из внутренней моей истории, проникнулся бы состраданием, и я не получил бы от тебя даже и этого письма, которое получил теперь. А мне нужны [А мне теперь нужны наиболее] такие письма, как твое. Но в выражениях письма твоего слышался мне скорбный голос, голос как бы огорченного и обманутого чувства, [обманутого стремленья] и потому, [и потому вписано.] чтобы сколько-нибудь утешить, я сделаю только одни общие замечания на некоторые пункты твоего письма. Друг мой, сердце человеческое есть

бездна неисповедимая. Здесь мы ошибаемся поминутно. [Мы всегда ошибаемся в заключениях о природе другого человека и еще более тогда, когда думаем, что его узнали] Еще мне можно менее ошибиться в заключениях о тебе, чем тебе обо мне. Душа твоя больше открыта, характер твой получил уже давно оконченную форму и остался навсегда тем же. Разве один [дрязг] обычаев света и приобретаемые привычки [приобретаемые среди света привычки] могут несколько закрыть и тебя и твою душу, но это для людей близоруких, которые судят о человеке по некоторым внешним <чертам>. В глазах знатока души [человеческой] ты один и тот <же>. Он знает, что на одно душевное воззвание [на один душевный крик] встрепенется та же самая душа, которая кажется другим холодной и дремлющею. Но как судить о скрытном человеке, в котором всё внутри, которого характер даже не образовался, но который в душе своей еще воспитывается и которого всякое движение производит только одно недоразумение? Как заключить о таком человеке, основываясь по каким-нибудь ненароком из

него высунувшимся свойствам? [Далее было: Как заключить по таким его свойствам о всем его характере?] Не будет ли это значить то же самое, что заключить о книге по нескольким выдернутым из нее фразам, и не по порядку, а из разных мест ее? Конечно, и отдельно взятые фразы [и они] могут подать некоторую идею о книге, но разве из них узнаешь, что такое сама книга? Бог знает, иногда в книге [помещенные в самую книгу] они имеют другой смысл, иногда даже противоположный прежнему. Упреки твои в славолубии могут быть справедливы, но не думаю, чтоб оно было в такой степени и чтобы я до того [до такой степени] любил фимиам, как ты предполагаешь. В доказательство я могу привести только то, <что> и в то время, когда авторская слава [слава бо<лее>] меня шевелила гораздо более, чем теперь, я находился в чаду только первые дни по выходе моей книги, но потом чрез несколько времени я уже чувствовал почти отвращение к моему собственному созданию и недостатки его обнаруживались предо мною сами во всей их наготе. Я даже думаю, что ты составил обо мне [основал] такое

<мнение не> по незнанию души человеческой, а на кое-каких моих наружных поступках, неприятных ухватках и наконец неуместных и напыщенных местах, разбросанных в моих сочинениях, которые, вследствие бессилия изображать полнее [ясно] свои мысли, получили еще более какое<-то> самоуверенное выражение. Все твои замечания о моих литературных достоинствах справедливы [Далее было: и показывают твой беспристрастный взгляд, но, друг, они для меня не новы.] и отзываются знатоком, умеющим верно судить об этом. [о литер<атуре>] Но увы! и в них я не встретил ничего, что бы было неизвестно мне самому. И если бы я напечатал ту критику, которую я написал сам на Мертвые души вскоре после их выхода, ты бы увидел, что я выразился [я было в них еще] еще строже и еще справедливее тебя. На каждый упрек твой я должен сделать тебе тоже один упрек, потому что он не достоин твоей же собственной высокой души. Друг мой, не стыдно ли тебе сказать мне, что я променял тебя на другого. Скажу тебе на это одну чистую правду, хотя и знаю, что ее не примешь

ты за правду, словам моим не верят, как же [как же хотеть] мне отважиться [Далее было: что-нибудь] быть откровенным, если бы я даже был и в силах быть откровенным. Итак знай же, вот тебе чистая правда, поверишь ли ты или нет, я ее скажу. Грех будет только тому, кто солгал. Не только я не променяю тебя на никого [Переправлено из: на никак<ого>] другого, но никакого человека не променяю на другого человека. И кто раз вошел в мою душу, тот уже останется там навсегда, как бы он ни поступил потом со мной, хотя бы оттолкнул меня вовсе. [Далее было: а. чем бы не заплатил он, как слабый человек. б. хотя бы сам сделался дурным человеком по общей нам всем слабости.] Из души моей я его не изгоню. Слава богу, связь эта становится, чем далее, сильнее и уже не в моей власти сделалось даже прогнать его, [становится даже не в моей власти изгнать его] хотя бы я и захотел того. Но если слова мои эти не уверят тебя ни в чем и ты сомнительно [Переправлено из: сомнительнейша<я>] покачаешь головою, то для утешения твоего приведу такое доказательство, в котором ты и сам можешь удосто-

вериться. В Москве все, кроме, может быть, одного Языкова (который потому только несколько больше меня знает, что столкнулся [что случилось] со мной в горькие и трудные минуты жизни, в которые, как известно, узнается более человек [где как известно более испытывается и узнается человек]), все такое обо мне имеют мнение, как и ты, также упрекают меня все в скрытности и недоверчивости, еще более твоего [также] уверены, что считаю их ни во что и что тебя предпочитаю им. В оба раза [Далее начато: бывш<ие>] я отталкивал от себя всех, избегал всяких изъяснений и боялся даже и вопросов о себе самом, чувствуя сам, что я не в силах ничего сказать. Всякая проба сказать что-нибудь была неудачна, и я всякий раз раскаивался даже в том, что открывал рот, чувствуя, что моими неясными и глупыми словами наводил только новое о себе недоразумение. Друг мой, когда человек от всех бежит, всех от себя отталкивает, ищет уединения и предает себя добровольно на скитающуюся или, как ты называешь, цыганскую <жизнь>, тогда нужно его на время оставить и не мешать ему. Уточное

время пройдет, он сам явится к вам, когда же услышит в себе человек внутренний позыв, он тогда должен всё оставить, оторваться на время [от всего] от чего ему даже трудно и больно. Ты был довольно проницателен, сказавши, что главная вина всех моих недостатков [главный недостаток] мое невежество и невоспитание. Ты это почувствовал, но ты был только несправедлив, указывая мне пути, как избавиться от этого — дело, которое требует слишком большого изучения природы того человека, которому дается инструкция. Ты вызываешь невежу на брань с невежеством, требуешь, что<бы> я теперь уже указывал [требуешь указ<ать>] другим путь и прямую дорогу и, выражаясь твоими словами, указывал на заблуждение судей-самозванцев, но, друг мой, мне может всякий сказать: лекарю, вылечись прежде сам. Я слишком хорошо знаю, что я должен это выполнить. В то же время знаю и то, <что нужно> чистоты душевной и лучшего устройства себя [Но, друг мой, нужно чистоты душевной и большой обработки всего себя] и почти небесной красоты нравов. Без того не защитишь ни

самого искусства, [чтобы уметь защитить как самое искусство] ни [так и] всё святое, которому оно служит подножием. Цель, о которой говоришь ты, стоит неизменно передо мною. [Друг мой, эту цель я имею всегда у меня в виду, я для ней существов<ал>, но стремл<ения>] Она должна быть и у всех в виду, но стремления к ней различны и дорога к одному и тому же у всякого своя. [а. И всякий идет своей дорогой, которой вследствие его же б. и у всякого к нему дорога своя] И если человек уже дошел до того, что может видеть сам свои недостатки и пороки и видеть свою природу, он один только может знать, какой дорогой ему возможней идти. Для тех же самых причин одному [Для того же самого, для чего одному] потребно непрерывное столкновение со светом, другому потребна цыганская жизнь. И как сказать ему: ты делаешь не так? Животное, когда заболевает, ищет само себе [само себе внутренним инстинктом] траву и находит ее, и такое лекарство для него полезнее всех тех, какие предпишут ему [какие бы ни предписали ему] самые умнейшие врачи. Друг, я прав, что отделился на время оттуда,

где не мог жить. Ты видишь одно только безвременное прикосновение мое к свету — и какая произошла кутерьма. Крутые обстоятельства заставили меня прежде времени выдать некоторые сочинения, на которых я не имел времени даже взглянуть моими тогдашними глазами, не только теперешними, и в каком ярком виде я показал всем и свое невежество и неряшество и своими же словами опозорил то, что хотел возвысить. В делах [В отношениях] моих прозаических, в отношениях дружественных, связанных со всем этим, произошли тоже целые облака недоразумений. Друг, кто воспитывает еще себя, тому не следует и на время заглядывать в свет... Детей не пускают в гостиную, их держат в детской. Покамест я не выучусь прежде тому, без чего мне и ступить нельзя в свет, [Далее было: мне не должно являться в свете. Пока я не выучусь совершенно] <и> выносить даже всё то, что не выносят другие люди, бесполезна будет и жизнь моя среди света. Поверь: мне не будет покоя, напротив, или меня оскорбят, или я кого-нибудь оскорблю, или ты не знаешь всех тех щекотливых положений,

какие предстоят в свете писателю: сколько даже великих характеров оттого безвременно погибло. По этой-то самой причине я не могу теперь [я не могу теперь вступить] хорошо поступать и в дружеских моих сношениях. [Далее начато: Тепе<рь>] Я не в силах еще быть другом, даже если бы и захотел. Чтобы быть кому-либо другом, нужно прежде сделаться достойным дружбы. А до того времени [А до того времени полезней] едва ли не лучше бы отталкивать от себя, чем привлекать к себе. Смотри, как верно сказано в *Imitation de Jésus Christ*. *Nous croyons quelquefois nous rendre agréables aux autres par une liaison que nous formons avec eux, et c'est alors que nous commençons à leur déplaire par le dérèglement de mœurs qu'ils découvrent en nous.*

Еще скажу слова два насчет недоверчивости моей. [недоверчивости моей к людям] Меня все обвиняют в недоверчивости, но точно ли это недоверчивость? Недоверчивость происходит от незнания людей и сердца человеческого. Боится человек людей оттого, что не знает. Но неужто во мне заметны признаки

совершенного незнания людей и сердца? Но мои сочинения-то, [Далее зачеркнуто: как говорят] при всем несовершенстве, показывают, что в авторе есть некоторое познание природы человека. Это не простая наглядность, ты сам знаешь, что я во всей России [бывши в России] толкался немного с людьми, и что всегда почти не верен в том, где касался точных описаний местностей или нравов. Точно ли это недоверчивость? Ну что, если я таким же образом стану, в свою очередь, упрекать других в недоверчивости, за чем некоторые качества, слова и поступки неясные и сомнительные отнесены были скорее в худую, чем в хорошую сторону, разве это доверчивость? Зачем, признавши меня за оригинал-чудака, требовали от меня таких же действий, как и от других? [Далее начато: и как] Зачем, прежде чем вывести о мне заключение вообще по двум или трем поступкам, судящий [никто] не усумнился и не сказал в себе так: я вижу в этом человеке вот какие признаки. В других эти признаки значат вот что; но этот человек не похож на других, самая жизнь его другая, при том этот человек

скрытен. Бог вещь, иногда искусные врачи ошибались, основываясь на тех самых признаках, и принимали одну болезнь за другую. Зачем же, даже не предавшись сомнению в себе, заключили твердо быть такой-то низости, такому-то свойству и такому-то качеству. Конечно, я буду не прав, если стану обвинять. Дело было не совсем бы так, если б я был прав. Друг, ну что если бы предположить, чтобы <нашелся> один такой страдалец, над которым обрушилась такая странность, что всё, что ни сделает и ни скажет, принимается в превратном значении, что все, почти до одного, в нем усумнились, и закружился пред ним целый вихорь недоразумений, и положим, что он видит [Далее начато: А если бы душа исстрадала и изныла, видя] всё, что происходит. Если бы вместо меня попался другой с душой, более нежной, еще не окрепшей и не умеющей переносить горя, и видел бы он всё, что происходит в сердцах друзей его и ближних к нему, [Далее начато: и не в силах] и вся душа его исстрадала и изныла бы и чувствовала бы в то время, что он не может произнести и слова в свое оправдание, подобясь нахо-

дядцемуся в летаргии. [подобаясь тому а. который, находясь в летаргии, слышит и видит, что его приняли за умершего и зарывают живого в землю, и он не в силах пошевелить ни одним составом. б. которого зарывают живого в могилу, который видит всё это и не может даже знать, что он жив. Далее начато: а. Друг, не будем поспешны в заключениях о характере и душе человека из его поступков б. Еще скажу тебе в заключение одно мнение. Друг мой, будем более смиренны относительно узнания человека]

Наконец по поводу всего скажу одно мнение. Будем [Будем относитель<но>] несколько смиренны относительно заключений о человеке, о каком бы то ни было [Далее было: Не станем выводить из некоторых <поступков> заключений о всей душе его] характере и о душе чело[века]. Выскажем ему всё, что [Выскажем всё, что] ни есть в нем дурного, это будет ему нужно, но удержимся утвердить о нем мнение, пока не узнали излучин его души или пока не услышали его душевной истории. Мы все вообще слишком строги к тому

человеку, в котором нам что-нибудь не понравилось, и, узнавши в нем два-три качества, [Далее начато: глав<ных>] не хотим и узнать других, [В подлиннике: от других] от этого теперь человеку становится чем далее, <тем> труднее среди своих собратий. [Эта фраза в подлиннике перечеркнута тремя вертикальными линиями.]

Бог знает, что делается в глубине человека. Иногда положение может быть так странно, [так странно и даже страшно] что он похож на одержимого летаргическим сном, [что он может уподобиться тому больному [одерж<имому>], схваченному внезапно летаргическим сном] который видит и слышит, что его все, даже самые врачи, признали мертвым и готовятся его живого зарывать в землю. А видя и слыша всё это, не в силах пошевелиться ни одним составом своим. Не оттого ли так не знаем [а. Бог видит б. Мы оттого и не знаем] человека, что слишком рано заключили, будто [что думаем будто] его совершенно узнали. А потому и относительно меня самого ты вооружись терпением. Брани меня,

мне будет приятно всякое такое [твое] слово, даже если бы оно было гораздо жестче тех, которые в письме твоём. Но не предавайся напрасному раздумью и не досадуй на меня в душе. Ты видишь, что многое здесь ещё темно и неясно, предоставим же лучше [все это] времени: оно одно может разрешить, [разрешить всё] уяснить. Если же тебе когда-нибудь сгрустнется обо мне и будет казаться: я иду дорогой заблудшего и не той, которой мне следует, то помолись лучше так в душе своей: Боже, просвети его и научи тому, [научи всему] что ему нужно на пути его. Дай ему выполнить то именно назначение, для которого он создан тобою же, для которого вложил ты же ему орудия, способности и силы. [назначение, которое ты сам ему назначил и для которого дал ему орудия и силы.] Если же он отшатнется, [Далее было: от своего назначения, не будет внимать твоему <гласу>, не дай ему заблудиться] то пожалей его бедную душу и снеси его до срока с лица земли. Поверь, что после такой молитвы и тебе будет легче и мне полезнее: молитва от глубины души ударяет прямо в двери небесные. Но довольно об

ЭТОМ.

Поговорим теперь о прозаическом деле по поводу моих сочинений. Я думал, что письмо твое разрешит мне всё, — не тут-то было, я остался в тех же потемках. Друг мой, ты говоришь, что Прокопович хочет, чтобы я в особом дружеском письме изъяснил ему, что мне нужно знать от него. Но рассмотри ты сам мое положение. Я уже два письма писал к нему, ни на одно ответа. Я требовал отчета, [отчета и денег] что ясней этого? Требовал цифр, [я требовал одних цифр] известить меня, [Далее было: подробно, сколько уже] сколько экземпляров налицо, сколько продано, сколько отправлено, сколько у меня есть денег, просил даже до последних подробностей. Мне это нужно было, без этого я был сам связан и сам не мог поступить ясно и толково, а обстоятельства мои требуют внезапных быстрых распоряжений. Неужели всё это было принято за недоверчивость? Выведенный из терпения молчанием, я написал жесткое письмо, в котором упрекнул в бессостраданности к положению другого. Я ничем не

оправдываю своего поступка, я был виноват, но, друг, человек слаб, а обстоятельства бывают сильны, [иногда бывают сильны] я был ими стиснут крепко. С одной стороны пишет мне мать, что у ней хотят описать [описать за дол<ги>] имение, если она вскорости не уплатит долгов и процентов, с другой я сам не получаю денег, наконец, я болен и духом и телом. В письме этом, как жестоко оно ни было, но в нем хотя упомянуто, что я нахожусь в сжатых обстоятельствах. Прежде помоги, а потом выбрани. Если же я так сильно оскорбил, что даже мне нельзя было и простить, в таком случае следовало бы все-таки написать мне хотя таким <образом>: ты меня так оскорбил, что я прерываю отныне с тобою все сношения. Делами твоими не хочу заниматься, сдаю их все такому-то, относись к такому-то. Словом, чтобы я знал, что предпринять. Как вместо всего этого заплатить полугодовым молчанием. Я из журналов вижу, что в Петербурге разошлись почти все экземпляры. [Я только слышу из посторонних источников, что в [Москве] Петербурге продаются экземпляры и [скоро] успешно] (В Москве из тыся-

чи не продан ни один.) А между тем в это время терплю, нуждаюсь и ничего не могу понять из этой странной истории.

Ты говоришь: [Друг, ты говоришь] Прокопович больше прав, чем я, я тому верю, [Прокопович меня любит] мною обижен — это правда, я против этого и не спорю. Но ты говоришь, он меня любит. Друг, любовь слишком святая вещь, страшно и произносить это имя всуе. Всякий в свете разумеет по-своему любовь, и все мы далеки от ее истинного значения. Любовь умеет перенести и оскорбление, любовь великодушна, и собою же пристыжает ее оскорбившего. Согласись, по крайней мере, что вследствие таких необъяснимых для меня поступков, мог бы и я также [и я [бы точно] мог бы также] усумниться во многом. Но клянусь, я больше умею верить [верю] душе человека, чем всем его поступкам, хотя меня все упрекают в недоверчивости. Я слишком [и я слишком] хорошо знаю, что есть столько на свете разных посторонних вещей, слухов, сплетней и прочего, [и множество прочего] которые все до того опутывают

непроницаемым туманом человека, что на расстоянии двух шагов не узнают друг друга и что честный человек может поступить так, что со стороны и даже не вдалеке стоящему человеку покажется загадкой его дело. Итак, вот тебе мое честное слово, что в этом деле [Далее было: я никого] недоверие я питал только к одной аккуратности, а не к чему-либо другому. По теперешнему твоему письму я еще более уверился, что с этим [а. Но вижу с тем вместе, что с этим б. Из теперешнего письма <...>] завязалось столько [связано столько] посторонних отношений, что изъяснениям не будет <конца> до тех пор, пока я не решусь разом [покамест разом] и вдруг прекратить [не прекратить] всё это, и таким образом не развязать, а разрубить узел. [а. не развязать, а б. разрубить узел, а не развязать] Для этого есть одно средство, и потому превратим это дело разом из запутанного и глупого в благородное, умное и святое. Виноват во всем я, кроме всех прочих [кроме всех других вин<оват>] я виноват уже тем, что произвел всю эту путаницу, всех взбаламутил, людей, которые без меня, может быть, и не

столкнулись бы между собой, поставил в неприятные отношения. Виноватый должен быть наказан. Я наказываю себя лишением всех денег, следуемых за экземпляры моих сочинений. Лишенья этого хочет душа моя, потому что оно справедливо и законно, и без него мне бы было тяжело. Всякий рубль и копейка этих <денег> куплена [добыта] неудовольствиями и оскорблениями моих <друзей>, и нет человека, которого бы я не оскорбил, деньги эти тяжелели бы на моей совести. И потому, как в Москве, так и в Петербурге, [деньги эти] все отдаю в пользу бедных, но достойных студентов. Деньги эти должны им прийти не даром, но за труды. [Далее начато: Ты должен назначить] Труды эти должен им задать ты, по собственному <выбору>, найдешь что нужным для всех нас перевести или сочинить. Будут ли эти переводы полезны для всех, напечатать ли отдельно или в «Современнике», [Далее было: или сделать что иное, все это будет зависеть] как и кому сколько [что] дать, всё это лучше тебя никто другой не в силах сделать, [а. Лучше тебя никто не может б. никто не в силах сделать лучше тебя] а

потому ты не можешь отказать даже и тогда, когда бы я просил тебя не во имя дружбы. Все деньги до [последней копейки] за экземпляры, проданные в Петербурге, за вычетом, разумеется, процентов и коих <после> вычета должно быть близко 200 тыс<яч>, должны поступать вместо того, чтоб ко мне, к тебе. Прокопович поступит благородно, это я знаю, я в нем больше уверен. Его [и знаю, что душа его] душа рождена быть прекрасной, и потому он примет это дело святое, [Далее было: и не [постыдится] позабудет] отбросив и мысль о каких-нибудь личных неудовольствиях. Он будет аккуратнее, во всем отдаст <отчет> [отдаст отчет тебе во всем] до последней копейки, [Далее зачеркнуто: как приказчик. У бога хорошо быть и приказчиком. Если же ему почему-либо нельзя будет возиться с книгопродавцами, то передаст тебе все экземпляры, счета, хлопоты и деньги.] и все деньги отдаст тебе. [Далее было: Ради самого Христа, я прошу, чтобы просьба моя была исполнена во всей силе. Покажи это письмо] Прокопович ревностно] В подлиннике: но ревностно] исполнит всё, что ни падет на него по этому де-

лу. Если он и после этого еще будет питать ко мне <злобу>, тогда будет просто грех на душе его, и если, точно, любит, то чтобы как святыню принял эту просьбу. [И пож<алуйста> скажи ему, чтобы он ради этого святого дела а. простил меня во всем, чем оскорбил б. простил меня. Должно, если я его так сильно оскорбил] Всё это дело должно остаться навсегда тайной для всех, кроме вас двух. Всем говорите, что деньги за экзем<пляры> посылаются мне. [Далее было: Получившие деньги за труды и переводы никогда не должны узнать, от кого они.]

Ни ты, ни он не должны сказать о нем никому, как бы они близки ни были к вам, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Я также не должен знать [узнать] ничего, кому, как и за что даются деньги. Ты можешь сказать, что они идут от одного богатого человека, можно даже сказать государю о лице, которое хочет остаться в неизвестности. Отчет в этом принадлежит одному богу. В Москве сделают то же самое с там находящейся тысячью экземпляров. Только двое, Аксаков и Шевырев, ко-

торому отдано, введены там в это дело. Но ни они вам, ни вы [В подлиннике: они] никогда [когда бы ни случилось вам встретиться лично] не должны говорить об этом деле. Просьба эта должна быть исполнена во всей силе. Никаких на это представлений или возражений. Я жду [Я жду на это] одного слова Да и ничего больше. Воля друга должна быть священна. Вот мой ответ. Я должен сделать так, а <не> иначе, и доказательством этому служит моя совесть. Мне сделалось вдруг легко, и с души моей, кажется, свалилась вдруг страшная тяжесть. Итак, дело это решено, сдано в архив, и о нем никогда ни слова. А ты, друг, не вознегодуй на хлопоты, которые тебе здесь предстоят. [которые [могу воз<ложить>] тебе будут в этом деле] Ты получишь много внутренних наслаждений, возбуждая молодых людей к труду и к занятию. Ты откроешь между ними много талантов. Если же откроешь, будь для них тем же, чем ты был для меня, когда я выступал на поприще. Поощряй, ободряй и упрекай, но не досадуй, если заметишь в них что-нибудь похожее на неблагодарность. Это часто бывает только одно свое-

нравное движение юношеской гордости, покажи ему любовь свою и порази его новыми благодеяниями, и он будет твой на веки.

Благодарю тебя искренно и от всей души за твою готовность помочь мне собственными твоими <средствами>. Я попрошу у тебя прямо и без всяких обиняков. Теперь же покамест мы устроились кое-как на этот счет с Жуковским еще до получения твоего письма. О деньгах я теперь забочусь меньше, чем когда-л<ибо>. [Мне теперь легче.] [Самое трудное время] жизненной дороги уже перемыкано [и теперь мне даже смешно, что я об] этом хлопотал, [и теперь мне смешно, что я даже и заботился] тогда как [мне меньше] [Далее вписано: и теперь легче] всех других на земле следовало об этом заботиться, и бог всякий раз давал мне это знать очевидно. Когда я думал о деньгах, у меня их никогда не было, когда же не думал, они всегда ко мне приходили. Но прощай! Обнимаю тебя крепко! Люби меня просто, на веру и на одно честное слово, а не потому, чтобы я был достоин любви или чтобы мои поступки стоили любви, и поверь,

ты будешь потом в выигрыше.

Твой Гоголь.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
14 декабря <н. ст. 1844>.
Франкфурт

Друг, прости за глупое письмо мое. Я понимаю, как оно было некстати и как было оскорбительно твоему сердцу читать его. Несчастье Погодина меня бы поразило сильно, если б я не был уверен, что несчастий нет для христианина. Я напишу ему с своей стороны в утешение то, что в силах будет мое бессилие написать ему. Друг, не от портрета, я сказал, замедление моих сочинений, но от тех душевных внутренних моих событий, к совершению которых во мне послужили странным образом видимые ничтожные дела и вещи, последним хвостиком которых был портрет. Но да [дай] будет благословен бог! скажем прежде всего: всё, что ни произошло в душе моей, всё, что ни выстрадалось в ней в тишине и в сокрытии от других, выстрадалось для добра и для того, чтобы я действительно был в возможности быть полезну другим. Друг, не осуждай меня также за это из-

лишнее кокетство, как тебе кажется, или какую-то кропотливую мелочь относительно всякого рода появлений моих в свете. Они истекают не из того источника, которому ты приписываешь. И прежде, даже в минуты большей самонадеянности и уверенности в себе, я и тогда чувствовал, что тому, кто может иметь влияние на других и, [и особенно] говоря вообще, на свет, тому слишком нужно опасаться выходить в свет с своими недостатками и несовершенствами. Люди так умеют смешать вместе хорошее с дурным, что в том человеке, в котором заметили они два-три хороших качества (особенно если эти качества еще картинны), им кажется всё хорошим. От этого даже гении производили вред вместо пользы. Преждевременное издание моих сочинений принесло существенную пользу только одному мне, именно потому, что с ним соединились такие внутренние события, происшедшие от всей этой бестолковой путаницы, что ужас меня объемлет при одной мысли: [Далее начато: только] что бы я был без этих событий? Друг мой, многого я не умею объяснить, да и для того, чтобы объяснить

что-нибудь, нужно мне подымать из глубины души такую историю, что не впишешь ее на многих страницах. А потому по тем же самым причинам и не может быть понятно другому, почему мне так неприятно опубликование моего портрета. Одни могут отнести к излишнему смирению, другие к капризу, третьи к тому, что у чудака всё безотчетно и во всяком действии должен быть виден оригинал. Не скрою даже и того, что помещенье моего портрета именно в таком виде, то е<сть> на-литографированного [взят<ого>] с того портрета, который дан мною Погодину, [Далее было: который писан давно] увеличило еще более неприятность. Там я изображен, как был в своей берлоге назад тому несколько лет. Я отдал этот портрет [Далее начато: наде<ясь>] Погодину как другу, по усиленной его просьбе, думая, что он, в самом деле, ему дорог как другу, и никак не подозревая, чтобы он опубликовал меня. Рассуди сам, полезно ли выставить меня в свет неряхой, в халате, с длинными взъерошенными волосами и усами? Разве ты сам не знаешь, какое всему этому дают значение? Но не для себя мне прискорбно,

что выставили меня забулдыгой. Но, другомой, ведь я знал, что меня будут выдирать из журналов. Поверь мне, молодежь глупа. У многих из них бывают чистые стремления; но у них всегда бывает потребность создать себе каких-нибудь идолов. Если в эти идолы попадет человек, имеющий точно достоинства, это бывает для них еще хуже. Достоинств самих они не узнают и не оценят как следует, подражать им не будут, а на недостатки и пороки прежде всего бросятся: им же подражать так легко! Поверь, что прежде всего будут подражать мне в пустых и глупых вещах.

Друг мой, ты профессор, тебе бы следовало это прежде всего смекнуть. Нельзя пренебрегать совершенно мелочами: от мелочей многое зависит немелочное. И мне кажется, что тебе особенно надобно [а следовало бы б. следует особенно] позаботиться ныне о том, чтобы не допускать в молодых людях образоваться какой-нибудь личной привязанности к людям, [Далее было: а. для этого мне б. иначе оно] такая привязанность всегда переходит в

пристрастие. Но если вместо того мы чаще будем изображать им настоящий образец человека, [образ того] который есть совершеннейшее из всего, что увидел слабыми глазами своими мир и перед которым побледнеют сами собою даже лучшие из нас или еще лучше, если мы [мы сами] даже и говорить им не будем о нем, о совершеннейшем, но заключим его сами в душе своей, усвоим его себе, внесем его во все наши движения и даже во всякий литературный шаг наш, не упоминая нигде о нем, но употребив его мысленным мериллом всего, о чем бы ни случилось говорить нам, и под таким уже образовавшимся в нас углом станем брать всякий предмет и всякого человека, великого или малого, простого или литератора, — всё выдет у нас само собою беспристрастно, всё будет равно доступно всем, как бы эти все [как бы они] ни были противоположны нам по образу своих поступков и мыслей. Не нужно даже бывает и говорить: «Я скажу вам в таком-то духе». Дух этот будет верить сам собою от каждого нашего слова. За тобою есть так же, как и за всеми нами, этот грешок. Ты несколько пристрастен. Я перечи-

тал теперь все твои критики в Москвитянинне за 1843, который выписал на днях из Лейпциха. О достоинствах не стану и говорить: там их слишком много; но черты пристрастия кое-где сквозят, иногда даже и часто. Особенно мне показалось их много там, где говоришь ты о моих сочинениях. Иногда видно как бы напряженное усилие увидеть больше достоинств, чем есть. Я очень знаю, что я сам виноват и многими довольно неуместными [глупы<ми>] и напыщенными местами [местами в моих сочинениях] ввел в заблуждение и недоразумение всех: одних заставил их принять не в том смысле, других заставил подозревать тайно, что я большой охотник до фимиама. Говорить откровенно о себе я никогда никак не мог. В словах моих, равно как и в самих сочинениях, существовала всегда страшная неточность. Почти всяким откровенным словом своим я производил недоразумение, и всякий раз раскаивался в том, что раскрывал рот. Я сам уже начинал чувствовать в себе то, что чувствует всякий человек, не получивший полного и совершенного воспитания, именно что мне недоставало [недо-

статок] такта и верной середины в словах. [В моих словах] Я чувствовал сам, что в каждом слове моем отзывается или что-то весьма похожее на высокомерие (которого в самом деле у меня не было в такой сильной степени, как казалось) или же смирение, которое показалось тоже всем излишним и выисканным и которого, впрочем, тоже у меня было немного. Говорю тебе это не только для того, чтобы сказать о себе, но также и для того, [Говорю тебе всё это для того] чтобы ты не рассердился на меня, если найдешь [найдешь кого] в письме моем что-то похожее на желание учить; или же лучше рассердись, потому что иногда человек только в сердцах высказывает правду. Это водится за нашим другом Погодиным и, признаюсь, я иногда его нарочно сердил только затем, чтобы узнать, что он обо мне думает. А лучше всего не пренебрегай ничьим упреком и советом, но возьми из него всё, [всего] что есть в нем правды, а остальное швырни в глаза тому, кто тебе поднес его, как ненужные объедки. Если же человек этот близок тебе, как например я, то покажи ему, насколько в его упреке или совете есть высо-

комерия, насколько желания учить, насколько [и насколько] неприличия, словом — отдели всё, что перешло меру. В другом это увидится сильнее, чем в себе. А за это я тебе буду истинно благодарен. Но статья эта делается длинною... прекратим ее.

Поговорим еще раз, и уже в последний, о моих делах прозаических, по поводу собрания моих сочинений, путаниц от этого и прочее. Я [Друг, я] очень хорошо знал всегда, что в деле этом один я виноват. И если я говорил вам не о себе, [о нем и] указывал на другое и на других, то вовсе не затем, чтобы оправдаться самому, но чтобы заставить вас поверить тому, что во всяком деле может быть слишком много сторон и таких неуловимых сопряженных с ним событий, что никак нельзя произнести над преступником [над ним] совершенно суда, хотя бы всё вокруг его уличало, до тех пор, покаместь он сам не принесет полного и совершенного признания. Мне хотелось, чтобы в вас поселилось сомнение, чтобы вы сколько-нибудь задумались над тем, как [что] человек, по-видимому неглу-

пый, сделал глупость, и точно ли всё это произошло от той недоверчивости, которую все вы предполагаете во мне в таком большом запасе. Но наконец нужно же дело решить. Концу следует все-таки быть, а потому оставим необъясненное так, как оно есть, необъясненным, а решим справедливо сколько можно то, что очевидно. Виноват во всем я, кроме всех прочих вин, я произвел всю эту путаницу и ералаш. Я смутил и взбаламутил всех, произвел во всех до единого чувство неудовольствия и, что всего хуже, поставил в неприятные положения людей, которые без того не имели бы, может быть, никогда друг против друга никаких неудовольствий.

Виноватый должен быть наказан, и лучше наказать самому себя, чем ожидать наказания божьего. Я наказываю [Покаместь я наказываю] себя лишением денег, следуемых мне за выручку собрания моих сочинений. Лишение это, впрочем, мне не стоит никакого пожертвования, потому что я не был бы спокоен, если бы употребил эти деньги в свою пользу. Всякий рубль и копейка этих денег

куплены неудовольствием, огорченьями и оскорблением многих, они [и потому они] были тяготели на душе моей. А потому должны быть употреблены все на святое дело. Все деньги, вырученные за них, отныне принадлежат бедным, но достойным студентам; достаться они должны им не даром, но за труд. Полное распоряжение и назначение труда принадлежит тебе. Что признаешь полезным ныне для всех перевести [теперь перевести] на русский язык, заставь перевести, найдешь нужным задать собственное сочинение, задай. Сколько заплатить за труд и где его потом напечатать, в Москвитяnine ли, или отдельно, или совсем не напечатать — все зависеть будет от твоих распоряжений и усмотрений. Что книга, покамест, не продается, это не беда: я потом найду средство подтолкнуть и подвинуть ее продажу. Дело это должно остаться только между тобою и Серг<еем> Т<имофеевичем> Аксаковым, и я требую в этом клятвенного и честного слова от вас обоих. Никогда получивший деньги не должен узнать, от кого он их получил, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Это должно остаться-

ся тайной навсегда. Ты можешь сказать им, что деньги от одного богатого человека или правительственного сановника, который хочет остаться в неизвестности. Никто из вас никому даже в своем доме, как бы он близок к нему ни был, не должен этого открывать никогда и ни в каком случае. На все расспросы других [Далее было: можете] давайте один ответ, что деньги идут мне, и я получаю их в исправности. Я также не должен узнать, кому, как и когда идут эти деньги. Отчет в них и ответ принадлежит богу. И потому смотреть на это дело, как на святое, и употребить с своей стороны все силы к тому, чтобы всякая копейка обратилась во благо. Настоящие благодеяния будут принадлежать вам; более всего тебе, потому что всё здесь зависит от умных распоряжений. Пословица говорит: Не штука дело, штука разум. Это вы прочитайте вместе с Аксаковым. И никаких против этого возражений или представлений! Желанье мое непреложно. Только таким образом, а не другим должно быть решено это дело. Как бы ни показалось вам многое здесь странным, вы должны помнить только, что воля друга

должна быть священна, и на это мое требование, которое с тем вместе есть и моление, и желанье, вы должны ответить только одним словом: Да. То же самое сделано [Переправлено из: сделанное] в Петербурге. Там почти все экземпляры распроданы и деньги <собраны>, но я из них не беру ничего, и они все обращаются на такое же дело, с такими же условиями и вверяются также двум, Плетневу и Прокоповичу. Но ни вы им, ни они вам никогда не должны об этом напоминать, и если бы даже вам случилось когда-нибудь потом с ними встретиться, об этом ни слова, никогда и ни в каком случае. А вас молю именем дружбы, именем бога, истребить в себе всякое неудовольствие, какое только у вас осталось к кому бы то ни было по поводу этого дела. Мне вы должны простить также всё, чем оскорбил. Без полного прощения всего и без восстановления мира в душе будет бесплодно всякое ваше благодеяние, которое вы потом сделаете. Погодин также не должен узнать об этом никогда, когда он позаботится вопросами обо мне, скажите, что деньги идут ко мне исправно, и я ни в чем не имею нужды.

Вы обо мне также не заботьтесь. В течение почти двух лет я не буду иметь никакой надобности в деньгах. Во-первых, мы устроились кое-как с Жуковским, а во-вторых, мне теперь гораздо нужно меньше, чем когда-либо прежде. Из разного множества результатов, извлеченных мною из этой истории, которая была бестолкова, открыл я между прочим и то, что человеку гораздо нужно менее, чем [менее того, чем] он думает. И как бы ему ни показалось, что он ограничил себя, а в сущности выйдет, что и половины достаточно. Теперь мне смешно, когда подумаю, о чем хлопотал. Хорошо, что бог был милостив и всякий раз меня наказывал: в то время, когда я думал о своем обеспечении, никогда у меня не было денег; когда же не думал, тогда они всегда ко мне приходили, и я имел больше, чем нужно. Итак, ты видишь, что менее всех должен заботиться о деньгах я. Посему, если ты не посылаешь еще мне тех денег, о которых извещал в письме, то и не посылай, а отложи их к деньгам на дело [на известное дело] святое; если же послал, то я буду держать их в за-

пасе для себя, потому что не пересылать же их назад. Ни С. Т. Аксакову, ни Языкову не плати. Они мне подождут: так нужно. Благодарю тебя за некоторые литературные подробности. О смерти Крылова мы узнали из немецких газет. Мир душе, исполнившей на земле чисто свое дело! Но, друг, утратами не следует сокрушаться. Покойники уходя велят ревностнее и спешней трудиться живущим. Жизнь наша так коротка, что даже и сокрушаться некогда. А потому и ты [равно и ты] примись ревностно и свято за свое дело, но восстанови прежде всего мир в душе, прости всё и всем. Поверь, без этого никакой труд и никакое дело не совершится успешно. Меня порадовало, что ты наконец принимаешься за подробную историю словесности нашей. [русской словесности] Такой труд будет вполне велик. Не знаю только, каким образом добиться материалов от Жуковского о его времени. Журнала он не вел. А рассказать изустно — он даже не будет и знать, с которого конца начать, не зная, собственно, на какие вопросы отвечать. По мере того, как мне случится временами и вскользь что-нибудь узна-

вать, я тебе сообщу; но очень жаль, что ты не обобрал Тургенева, когда он был в Москве. У него множество бумаг того времени, весь протокол арзамасских заседаний; и множество стихов Жуковского, писанных в тогдашнее время, о которых никто и даже сам Жуковский не знает.

Киреевскому и всей братии отдай поклон, поздравление с новым годом и желание искреннее всяких успехов журналу. И скажи ему, что хотя я и не даю никакой статьи в Москвитянин по причине нищенства, но что Жуковский мною заставлен сделать для Москвитянина великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я. Он вот уже четыре дни, бросив все дела свои и занятия, которых не прерывал никогда, работает без устали, и через два дни после моего письма Москвитянин получит капитальную вещь и славный подарок на новый год. А потому ты скажи, чтобы он не торопился выдачею книжки, дня два-три можно обождать. Жуковский хочет в первый номер, да и для Москвитянина это будет лучше.

Стихотворение Жуковского, составляющее большую повесть с предисловиями и послесловиями, нужно пустить вперед других статей. Это ничего, если всё уже отпечатано и нумерация страниц придется не по порядку. Такое дело можно причислить к погрешностям типографическим, да на него никто внимания не обратит.

Пришли, пожалуйста, нам Москвитянин за 1844 исходящий год. Это сделать весьма легко таким же самым путем, как доставлены Погодиным русские книги лейпцигскому книгопродавцу. Ты верно знаешь имя того книгопродавца в Москве, который доставляет русские книги лейпцигскому. Ему и отдай с тем, чтобы лейпцигский книгопродавец отослал их тот же час к своему корреспонденту во Франкфурте, Югелю (Jugel) или же прямо на имя Жуковского. [Далее начато: он при сей] Если можешь к этому присовокупить две книжки Молодика за 1844 год, то обяжешь. За пересылку заплатится весьма охотно. Это не так дорого, а между тем верней и лучше, чем с оказией. Да не худо тебе прибавлять на ад-

ресе следующую припись: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor, которую я тебе уже послал один раз. Здесь к моему горю завелось множество разных немецких Гоголей и один польский Жуковский, к которым весьма часто заходят наши письма. Душевно радуюсь появлению на свет Катеньки, поздравляя с таким ее приездом и ее, и тебя, и Софию Борисовну, и самого Бориса, и обнимая вас всех.

Напиши мне слово о Ел<изавете> Гр<игорьевне> Чертковой. От нее никогда не дождешься никакого письма. Это я знаю, а потому и не жду. Что делает также Ак<саков?> и особенно уведоми меня о состоянии Погодина. Каков он сам, чем занимается и как идет у него всё в доме? В конце письма ты пишешь не сердиться на твои слова [на слова твои] и некоторые упреки. Но, друг, ведь эти слова и упреки правда, как же на них сердиться? за них следует благодарить. Как вы до сих пор меня мало знаете даже и с этой стороны! Вы все думаете, что я прикидываюсь. Если бы в письме твоём были самые жестокие слова и упреки, я бы принял их, как подарок. Мне не

нужно, чтобы они умягчались любовью или даже доброжелательством, мне нужны, просто, упреки, хотя бы они даже были и несправедливы. Это будет мое дело — разбирать, справедливы ли они, или нет. Впрочем, вряд какие-нибудь упреки могут быть совершенно несправедливы или же беспричинны. Ну что, если я когда-нибудь обвиню в недоверчивости всех тех, которые обвиняют меня в недоверчивости, и докажу им, что всё, ими принятое во мне за недоверчивость, [они приняли за недоверчивость во мне] произошло от недоверчивости ко мне и сомнения во мне? Будет и там тоже правда. Но обнимаю тебя. Извини, что пишу дурно и часто ошибаюсь. Говорят, что человек, который сам еще не устроился и воспитывается, имеет и самый почерк неутвердившийся.

Твой Н. Гоголь.

На письмо жду скорого ответа. И беспрекословно твердого: да!

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору имп. Московского университета
Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской в Дегтярном пере-
улке, в собст<венном> доме.

М. П. ПОГОДИНУ

**Франкф<урт>. 20 декабря <н.
ст. 1844>**

Я уже слышал, что бог посетил тебя несчастьем и что ты как христианин его встретил и принял. Друг, несчастья суть великие знаки божией любви. Они ниспосылаются для перелома жизни в человеке, который без них был бы невозможен; ибо природа наша жестка и ей трудно без великого душевного умягченья преобразоваться и принять форму лучшую. И потому после всякого несчастья мы должны строже, чем когда-либо прежде, взглянуть на самих себя. Что было прежде свято душе твоей, то должно быть отныне святее. Слово: Россия, для которой ты никогда не жалел трудов своих, должно быть отныне еще ближе твоему сердцу, и самые труды твои слиться с самой душой твоей. Теперь уже не должна сопровождать тебя доселе обычная торопливость: она имела свои полезные стороны, но ею уже ты сделал всё, что мог. Возьмись за свое истинное дело, но возь-

мись за него как за святое, требующее сосредоточенного занятия, не суетного и не торопящегося. Не совершай его без внутренней молитвы и освяти прежде самого себя; без того не будет свято твое дело. Блюда в то же время за своим душевным спокойствием, истребляя в себе всё, что может поколебать его; не оставляй и мелочного недостатка в себе, не говори: это пустяк, его можно допустить; истребляй его. Этого, верно, желает и просит от тебя душа, теперь ликующая на небесах, но не расставшаяся и там с земным другом своим. Я знаю, что покойницу при жизни печалили два находящиеся в тебе недостатки. Один, который произошел от обстоятельства твоей первоначальной жизни и воспитания, состоит в отсутствии такта во всех возможных родах приличий, как на литературном, так и на светском вообще поприще. Слово твое не имело в себе примиряющей середины и потому никогда не производило того, чего ты хотел. Это отсутствие такта было также причиной того, что ты огорчал людей, не думая их огорчать, раздражал, думая примирять. Отсюда произошли все неприятности, в

которых обвиняли тебя и в которых душой ты не был виноват. Друг, приобрести этого такта нельзя, как бы ты ни караулил сам за собой и как бы ты ни остерегался. Он получается ранним воспитанием, сливаясь уже с самого младенчества с нашей природой. Но к счастью всем нам есть средство достигнуть до него тем же путем, которым можно достигать до всего. Путь этот сам Христос. Кто живет уже по одним его законам и внес его во всякое дело своей жизни большое и малое — у того само собою выходит прилично. Такой человек хотя бы не знал вовсе никаких условий светских, хотя бы жил до того с зверями, а не с людьми, пустынно и удаленно от всех, но не оскорбит никого, [Далее начато сверху строки: не<чаянно?>] попавшись в соприкосновение с людьми. И даже если бы он попался в самое этикетное общество, на нем всё будет так само собою прилично, что никто не осудит в нем и малейшего движения. Друг мой, дай мне слово исполнить мою просьбу, молю тебя об этом во имя покойницы, зная, что ей будет и на небесах приятно твое исполнение такой просьбы: держи всегда у себя на

столе книгу, которая бы тебе служила духовным зеркалом. Для этого можно употребить с пользою тоже *Imitation* de Jésus Christ. Дай мне слово при всяком поступке, который будет предстоять тебе, как бы, по-видимому, незначителен он ни был: случится ли тебе писать к кому-нибудь письмо или идти к кому-нибудь с тем, чтобы объясниться с ним о деле, случится о чем-либо просить кого-нибудь или же поучать, пожурить и укорить кого, дай мне слово прежде всего подойти к столу, взять в руки свое духовное зеркало и прочесть первую главу какая попадется (почти всякая глава будет кстати) и не прежде как подумавши хорошенько о прочитанном, приниматься за дело. Другой недостаток твой, который также нередко смущал покойницу, искренно желавшую, чтобы его в тебе не было — это гнев. Друг, его также можно изгнать вовсе, и почти таким же образом. Перед тем [всяким] временем, когда тебе захочется на кого бы то ни было излить гнев твой, прочти также первую попавшуюся [В подлиннике: попавшую] страницу из своего духовного зеркала и подумай хорошенько о прочитанном.

Изгони эти недостатки на веки. Теперь это возможно тебе: душа твоя умягчена и чрез это вся природа твоя в твоей власти; она теперь как воск и ждет того напечатления, которое ты дашь ей, совещаюсь духом с самим творцом ее. Теперь тебе возможно то, что никогда не было бы возможно доселе и что никогда не будет возможно потом. Поверь, что во всяком твоём действии в этом деле будет тебе помогать та, которая, может быть, молится о тебе всякую минуту. Да и может ли быть иначе, может ли быть, чтобы та, которая делила с тобой на земле труды и утешала тебя в минуту скорби, позабыла на небесах о своём друге. Почему знать, может быть, и это письмо, которое пишу тебе, внушилось мне вследствие ее же небесных молений о тебе: все мы не более, как орудия божии. Во всем и повсюду нам могут предстать божьи повеленья так же, как некогда уста ослицы издали слово, когда он повелел. Но прощай! посылаю тебе страницу из Златоуста об утратах, которая будет тебе по душе.

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Михаилу Петровичу Погодину.

В Москве. На Девичьем поле. В собственном доме близ Девичьего монастыря.

С. Т. АКСАКОВУ
Франкфурт. Декабря 22 <н.
ст. 1844>

Наконец я получил от вас письмо, добрый друг мой. Между многими причинами вашего молчания, с которыми почти со всеми я согласен, зная сам, как трудно вдруг заговорить, когда не знаешь даже, с которого конца прежде начать, одна мне показалась такою, которую я бы никак не допустил в дело и никак бы не уважил, именно — что состояние грустное души уже потому не должно быть передаваемо, что может возмутить спокойствие отсутствующего друга. Но для чего же тогда и друг? Он именно и дается нам для трудных минут, а в минуты веселые и всякий человек может быть для нас хорош. Бог весть, может быть, именно в такие минуты я бы и пригодился. Что я написал глуповатое письмо, это ничего не значит: письмо было писано в сырую погоду, когда я и сам был в состоянии полухандры, в сером расположении духа, что, как известно, еще глупее черного, и когда

мне показалось, что и вы тоже находитесь в состоянии полухандры. Желая ободрить и вас и с тем вместе себя, я попал в фальшивую ноту, взял неверно и заметил это уже по отправлении письма. Впрочем, вы не смущайтесь, если б даже и 10 получили глуповатых писем (на такие письма человек, как известно, всегда горазд); иногда между ними попадетя и умное. Да и глупые письма, даром, что они глупы, а их иногда бывает полезно прочесть и другой, и третий раз, чтобы видеть, каким образом человек, хотевши сделать умную вещь, сделал глупость. А потому о ваших грустных минутах вы прежде всего мне говорите, ставьте их всегда вперед всяких других новостей и помните только, что никак нельзя сказать вперед, чтобы такой-то человек не мог сказать утешительного слова, хотя бы он был и вовсе не умный. Много уже значит хотеть сказать утешительное слово, и если с подобным искренним желанием сердца придет и глуповатый к страждущему, то ему стоит только разинуть рот, а помогает уже бог и превращает тут же слово бессильное в сильное.

Вы меня известили вдруг о разных утратах. Прежде утраты меня поражали больше; теперь, слава богу, меньше: во-первых потому, что я вижу со дня на день яснее, что смерть не может от нас оторвать человека, которого мы любили, а во-вторых потому, что некогда и грустить: жизнь так коротка, работы вокруг так много, что дай бог поскорей заpastись сколько-нибудь тем в этой жизни, без чего нельзя явиться в будущую. А потому поблагодарим покойников за жизнь и за добрый пример, нам данный, помолимся о них и скажем богу за всё спасибо, а сами за дело! Известием о смерти Ел<изаветы> В<асильевны> Погодиной я опечалился только вначале, но потом воссветлел духом, когда узнал, что Погодин перенес великодушно и твердо, как христианин, такую утрату. Такой подвиг есть краса человеческих подвигов, и бог, верно, наградил его за это такими высокими благами, какие редко удаётся вкушать на земле человеку.

Обратимся же от Погодина, который подал

нам всем такой прекрасный пример, и к прочим живущим. Вы меня очень порадовали благоприятными известиями о ваших сыновьях. Они все люди, созданные на дело, и принесут очень много добра, если при уме и при всех данных им больших способностях будут сметливы, то есть если заблаговременно и пораньше будут уметь смекнуть то, что следует смекнуть. Если Конст<антин> Серг<еевич> смекнет, что диссертацию, вместо того, чтобы переписывать набело, следует, просто, положить под спуд на несколько лет, а, вместо ее, заняться другим; если он смекнет с тем вместе, что тот совет, в котором сходятся люди даже различных свойств и мнений, есть уже совет божий, а не людской и, стало быть, его нужно послушаться. Ему все до единого, начиная от Погодина до меня, говорили, чтобы занялся делом филологическим, для которого бог его наградил великими и очевидными для всех способностями. Он один может у нас совершить словарь русского языка, такой, какого не совершит ни одна академия со всеми своими членами; но этого он пока не смекает. Еще также не смекает он до сих пор, что у

него слишком велика замашка и слишком горячий прием к делу. Через это дело у него само собой выходит не в ясном, а в пристрастном виде, хотя он хотел быть ясным, а не пристрастным. Через это у него одежда, в которую он одевает мысль, не только не прозрачна, но даже не по ней. Это ощутительней оказывается у него в письме и на бумаге; тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. Еще Конст<антин> Серг<еевич> не смекает, что в эту пору лет, в какой он <находится>, не следует вовсе заботиться о логической последовательности всякого рода развития. Для это<го> нужно быть или вовсе старику или вовсе немцу, у которого бы в жилах текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, как у русского человека. Поэтому-то у него оказывается в статьях одна претензия на логическую последовательность, а самой ее нет. Живая душа, русское сердце и нерасчетливая молодость пробиваются на всяком шагу и через это еще сильнее становится противоположность двух несоед-

ненных вещей. Через это самый тон слога неверен, фальшив, не имеет никакой собственной личности и не служит орудием к выражению того, что хотел писатель им выразить. Черты ребячества и черты собачьей старости будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых. Если Конст<антин> Серг<еевич> сколько-нибудь верит тому, что я могу иногда слышать природу человека и знаю сколько-нибудь закон состояний, переходов, перемен и движений в душе человеческой, как наблюдавший пристально даже за своей собственной душою, что вообще редко делается другими, то да последует он хотя раз моему совету, и именно следующему: не думать два-три года о полноте, целостности и постепенном логическом развитии идей в статьях своих больших, какие случится писать ему. Поверьте, это не дается в такие годы и в такой поре душевного состояния. У него отразится повсюду только одно неясное стремление к ним, а их самих не будет.

Живой пример ему я. Я старше годами, умею более себя обуздывать, а при всём том сколько я натворил глупостей в моих сочинениях, именно стремясь к той полноте, которой во мне самом еще не было, хотя мне и казалось, что я очень уже созрел; и над многими местами в моих сочинениях, которые даже были похвалены одними, другие очень справедливо посмеялись. Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге; а всего смешней в них претензии на то, чего в них, покамест, нет.

Итак, да прислушается Конст<антин> Серг<еевич> к моему совету. Это не совет, а скорее братское увещание человека, уже искусившегося и который хотел бы сколько-нибудь помочь своею собственною бедою, обратив ее не в беду, а в пользу другому. Теперь «Москвитянин», как я слышал, перешел к Ив<ану> Вас<ильевичу> Кир<еевскому>. Вероятно, это возбудит во многих рвение к трудам. Конст<антин> Серг<еевич> может множество приготовить прекрасных филологических

ских статей. Они будут интересны для всех. Это я могу сказать вперед, потому что я сам слушал с большим удовольствием, когда он изъяснял мне производство многих слов. Но нужно, чтобы они писаны были слишком просто и в таком же порядке, как у него выходили изустно в разговоре, без всякой мысли о том, чтобы дать им целость и полноту. То и другое выльется само собою гораздо удовлетворительнее, чем тогда, если бы он о них думал. Он должен только заботиться о том, чтобы статья была как можно короче. Русский ум не любит, когда ему изъясняют что-нибудь слишком долго. Статья его, чем короче и сжатей, тем будет занимательней. Не брать вначале больших филологических вопросов, то есть таких, в которых было бы разветвление на многие другие, но раздробить их на отдельные вопросы, которые бы имели в себе неразделяемую целость, и заняться каждым отдельно, взяв его в предмет статьи; словом, как делал Пушкин, который, нарезавши из бумаги ярлыков, писал на каждом по заглавию, о чем когда-либо потом ему хотелось припомнить. На одном писал: Русская изба,

на другом: Державин; на третьем имя тоже какого-нибудь замечательного предмета, и так далее. Все эти ярлыки накладывал он целую кучею в вазу, которая стояла на его рабочем столе, и потом, когда случалось ему свободное время, он вынимал на удачу первый билет; при имени, на нем написанном, он вспоминал вдруг всё, что у него соединялось в памяти с этим именем, и записывал о нем тут же, на том же билете всё, что знал. Из этого составились те статьи, которые напечатаны потом в посмертном издании его сочинений и которые так интересны именно тем, что всякая мысль его там осталась живьем, как вышла из головы. (Из этих записок многие, еще интереснейшие, не напечатаны потому, что относились к современным лицам). Таким образом и Конст<антин> Серг<еевич> да напишет себе на бумажке всякое русское замечательное слово и потом тут же кратко и ясно его производство, и отдаст ее Ив<ану> Вас<ильевичу> Ки<реевскому>. Журналист будет доволен; публика возбуждётся любопытством к предмету, для нее новому и незнакомому; а Конст<антин> Серг<еевич> покажет

наконец себя и скажет мне за это спасибо; ибо как ни посмотрю, приходилось мне, а не кому-либо другому, натолкнуть его на дело. «Чем ушибся, тем и лечись», говорится, а так как он опозорился в глазах света на мне (написавши статью о «Мертвых душах»), то мною же должен быть подтолкнут на прославление в глазах того же света.

Но вот беда: у Константина Сергеевича нет вовсе слога. Всё, о чем ни выражается он ясно на словах, выходит у него темно, когда напишется на бумаге. Если бы он был в силах схватить тот склад речи, который выражается у него в разговоре, он был бы жив и силен в письме, стало быть имел бы непременно читателей и почитателей. Но это ему менее возможно, чем кому-либо другому. Искусство следить за собой, ловить и поймать самого себя редко кому удается. А слог все-таки ему нужно приобрести; ему нужно непременно спуститься хотя двумя ступенями ниже с той педантской книжности, которая у нас образовалась и беспрестанно мешается с живыми и не педантскими словами. Есть один только

для него способ, и если Константин Сергеевич точно так умен, как я думаю, то он его не бросит. Что бы он ни написал, ему следует, перед тем как он принимается за перо, вообразить себе живо личность тех, кому и для кого он пишет. Он пишет к публике, личность публики себе трудно представить, пусть же он на место публики посадит кого-нибудь из своих знакомых, живо представит себе его ум, способности, степень понятливости и развития и говорит, соображаясь со всем этим и снисходя к нему, — слово его непременно будет яснее. Чем он возьмет менее понятливого человека, чем этот человек будет менее сведущ, тем он более выиграет. Лучше всего, если он посадит вместо публики маленькую свою сестрицу и станет ей рассказывать (это особенно будет полезно в филологических статьях и произведениях слов, которые требуют необыкновенной ясности слога), и если он сумеет так рассказать или написать, что во время чтения маленькой его сестрице не будет скучно и всё понятно, тогда смело можно печатать статью; она понравится всем: старикам, гегелистам, щелкоперам, дамам, профессорам,

учителям, и всякий подумает, что писано для него. Притом, зная, что пишет маленькой сестрице, Константин Сергеевич никак не зарпортуется, и если бы случилось ему написать производство слов: муж и жена (что он производит очень умно, я бы его прямо списал с его слов), он бы удержался в одних филологических границах, тогда как, если бы села на место маленькой сестрицы хоть, положим, Ховрина или кто другой, брошен бы был вдруг религиозный взгляд на брак и на высшее значение его, — дело конечно тоже в своем роде умное, но годное для другой статьи. Словом, этот способ я предлагал Константину Сергеевичу как самый действительный, как бы он ни показался ему с виду ничтожным и незначащим. Я браню себя за свою недогадливость и глупость, что не хватился за него пораньше; я бы гораздо больше сказал дела и даже больше бы написал. Этот пустяк слишком важная вещь: только от нее приобретается слог и получается физиогномия слога. Это уже давно было сказано на свете, что слог у писателя образуется тогда, когда он знает хорошо того, кому пишет. Но если Константин

Сергеевич будет сметлив, то принесет много добра, в чем помоги ему бог. Прочие ваши сыновья, если будут сметливы, то принесут тоже много добра. Жаль, что вы мне не описали, каким образом подвизался на ревизии Иван Сергеевич, хотя я уверен, что весьма умно, и внутренне обрадовался вашему прибавлению: с достоинством мужа. Но все-таки скажите и Ивану Сергеевичу, что если он будет сметлив и поступит таким образом (на какое бы ни послали следствие), что все до единого — и невинные, и даже виноватые, и честные, и взяточники — будут им довольны, то этот подвиг еще будет выше того, если бы только одни оправданные были довольны. В теперешнее время нужно слишком много разбирать и рассматривать взяточников; иногда они бывают не совсем дурные люди, даже такие, которых может подвигнуть доброе увещание, особенно если сколько-нибудь его узнаем во всех его обстоятельствах, как семейных, так и всяких других; если к тому в прибавку узнаем природу человека вообще и потом в особенности природу русского человека и если вследствие всего этого узнаем,

как его попрекнуть, пожурить или даже ругнуть таким образом, что он еще сам скажет спасибо, — и он сделает много добра. Если Иван Сергеевич смекнет (а может быть, отчасти он уже и смекнул), что действовать умирительно еще действительней, чем распекаательно, и что внушить повсюду отвагу на добрые дела впредь еще лучше, чем картинное дело свое собственное, и что заставить человека даже плутоватого сделать доброе дело еще картиннее, чем заставить доброго сделать доброе дело, — словом, если он всё это смекнет, то наделает много добра. Если Гр<игорий> Сер<геевич> смекнет всё, что нужно смекнуть в городе Владимире, то наделает также много добра. Если узнает не только самую палату, но и весь Владимир, и не только весь Владимир, но даже источники всех рек, текущих со всех сторон губернии в палату; если не пропустит никого из умных и старых чиновников и расспросит их обо всем и будет уметь расспросить обо всем, да не пренебрежет тоже и глупых чиновников, узнает и об них, что следует, да тоже и людей посторонних приберет, даже и купцов и ме-

щан и узнает таким образом и то, кто кого водит за нос, кто кого просто дурачит и, наконец, кто на кого или имеет, или может иметь влияние, — то наделает он много добра не только во Владимире, но даже и потом, где ему ни случится и на каком месте ему ни случится быть. Да, и Ивану Сергеевичу тоже не мешает вам с своей стороны обратить внимание на эти самые пункты.

За сим да будет это письмо вам поздравлением на новый год, который стоит уже перед нами, — вам, вместе с любезною вашею супругой, в сопровождении желания искреннего иметь полное утешение от ваших деток, а сыновьям вашим (ибо женский пол не наше дело) тоже поздравленье, с желаньем искренним доставить вам это полное утешение; ибо письмо собственно для них было писано. А всем, вместе желаю искренно — приносить на всяком месте бытия пользу, побольше узнавать, расспрашивать и входить всем в положение всякого страждущего, и помогать ему утешительным словом и советом (деньги же есть мертвая помощь, и помочь ими еще

немного значит: они почти всегда играют ту же роль, что жидкость, лиемая в бездонную бочку).

Затем скажу аминь и попрошу вас узнать: во-первых, от Киреев<ского> Ив<ана> Вас<ильевича>, получил он от Жуковск<ого> стихотворную повесть, которую тот послал два дни тому назад, на имя Булгакова, вместе с больш<им> письмом Авд<отье> Петр<овне> об «Одиссее»? во-вторых, получил ли Шевырев мое письмо от 14 декабр<я>, в котором, между прочим, небольшое улучшение относительно дел по книге и ее продаже, о чем он должен вам сообщить? в-третьих, получил ли письмо Языков, в ответ на присланную мне от кн. Вяз<емского> книжечку его стихотворений? в-четвертых, получил ли Погодин письмо, отправленное в одно время с вашим, хотя и написанное прежде (вам следует с ним видаться почаще: вы можете быть ему полезны во многом вашей беседою)? в-пятых, что делает мною постыднейшим образом обруганный и неисправнейший из всех доселе существовавших смертных, Михаил Семенович

Щепкин? которых всех, при этой верной оказии, поздравьте от всей моей души с новым годом.

Затем прощайте до вашего ответа на это письмо.

Ваш Гоголь.

Напишите мне всё о Погодине: как идет теперь его жизнь, каково его состояние души и вообще каковы его перемены во всём.

Л. К. И А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ
Франкфурт. 24 декабря
<1844>

Что вы, мои прекрасные душеньки, обе замолчали? Как вы смеете делать со мною такие штуки! Вот вам за это длинное письмо. Поздравляю вас от души с наступающим новым годом! Прощайте.

Ваш Гоголь.

P. S. Анне Миха<й>ловне послано от меня в подарок на новый год стихотворение Языкова под названием: Землетрясение, которое вручит ей гр. Толстой. Стихотворение это она должна прочесть несколько раз и то, что в нем говорится о поэте, должна применить к себе. Не худо, если и Луиза Карловна сделает то же.

Ю. Ф. САМАРИНУ
<24 декабря н. ст. 1844
Франкфурт.>

Благодарю вас за письмо и за усердное желание попотчевать меня вашим Феофаном, которым я однако уже попотчевал <себя> сам прежде. В книге много ума и видны большие средства, которыми наградил бог автора. Но сущность самого предмета, как сами знаете, есть дело поповское. Как из этого сочинения, так и из других писанных вами и находящих^{ся} в рукописи (если только присланное Аксаковым мне о Мертвых душах есть ваше), видно то, что автору следует писать о многом, наиболее относящемся к современным вопросам: литературным ли, политическим ли, но главное дело не останавливаться. А придиркой к этому может послужить всякая выходящая в нынешнее время книга, всякое случающееся событие и наконец вообще книга света, которая теперь бросается всякому в глаза гораздо ярче, чем когда-либо прежде. В чем помоги вам бог.

Искренно желающий вам всякого добра

Гоголь.

На обороте: Ю. Ф. Самарину.

А. О. СМИРНОВОЙ
24 декабря <н. ст. 1844.
Франкфурт>

Оба ваши письма, так же близкие душе моей, как и вы сами, получил. Что я пишу не так часто, как бы сам того желал и хотел, на это не пеняйте; я же и не обещал этого. Мне чем дальше, тем больше набирается работы, и время до того занято, что и схандрить даже некогда. Самых нужных вещей не успеваю сделать, а вы мне еще и Самарина приплетаєте. Без вас он верно бы не написал мне письма. В письме ничего, а отвечать и благодарить вследствие какого-то глупого приличия следует. Друг и душа моя, вы много заботитесь о том, о чем следует менее заботиться. Самарин человек умный. Ему нужны покамест труд, работа [и работа] и совершенное отсутствие праздного времени. Он себе пойдет [Далее было: тем] следуемым ему путем, на который натолкнут его его же собственные способности и силы, которые он узнает и испробует сам на труде же и на занятиях. И

сим только путем он доберется до тех результатов, которые вы представляете ему вперед. Вы вспомните, что вы сами добрались до этого трудами и большими внутренними потрясениями. Без труда нам ничто не дается. Один доходит до этого душевными внутренними страданиями, другой труженической работою и страданьями ума, третий доводится до того же самого страшным бичом несчастий. И благословен бог, ведущий всех такими разными путями! Нам следует пока глядеть на тех, которым нужней наша помощь, склоняйтесь более к тем, которых видимо гибнет душа. Молитесь богу больше о них и просите бога научить вас быть полезным прежде им. Где тяжелей болезнь и где больше страданий, туда прежде всего должен спешить врач. Самарин между прочим пишет, что я сделал ему даже добро, не ведая того сам. Это не так: я ведаю вообще сноровку молодых людей и знаю, как это делается: они сначала вообразят себе, что такой-то человек, который например, подобно мне, прихвастнул несколько донкишотской замашкой благородства духа в печатной книге, есть уже что-то вроде всеобщего благо-

детеля, а потом вообразят себе, что они благодетельствованы этим всеобщим благодетелем. А, на поверку, всё это существует, просто, в воображении, иногда в собственном великодушном порыве, словом, в мысли, а не в деле. Самарину вы дайте знать вот что, если он точно чего-нибудь ищет от меня и думает, что я могу быть ему чем-нибудь полезным, то ему следует решиться на то, на что светский человек обыкновенно не решится: писать ко мне письма и не ждать на них ответов. В письмах должен быть почти дневник мыслей, чувств и ощущений, живое понятие о всех людях, с которыми ему случится встретиться, мнения о них свои и мнения других о них, и наконец случаи и стычки с ними. Словом, чтобы я слышал самую жизнь. Без этого я просто глуп и не гожусь ни на что. Вы сами знаете, что я до тех пор, пока не узнаю дела даже в тех подробностях и оттенках, которые в глазах других считаются неважными и посторонними, не возьмусь ни за какое дело; таков уже у меня ум! А потому, если он будет иметь терпение писать ко мне таким образом в продолжение целого года, не ожидая ответа ни на

одно из писем, то по окончании года я, может быть, напишу ему для него точно полезное письмо. И после этого письма мы придем уже оба в состояние быть полезными друг другу. А иначе [А пока] всякая переписка будет стрельба холостыми зарядами, произойдут куриные дела и куриные умствования. Мне этого нельзя ему сказать в письме, в котором следует только поблагодарить за комплименты, а вы ему изъяснить это можете. А вам, мой друг, сделаю упрек в пристрастии, которое у вас очень сильно ко всему и ко всем, а в том числе, разумеется, и ко мне. Пристрастие так и торчит, так и выглядывает из разных углов вашего письма. Вами обладает во всей его силе то свойство, которое почти всегда бывает у лучших женщин: необыкновенный инстинкт узнавать с первого взгляда человека и, заметив в нем несколько хороших качеств, увлекаться ими до того, что уже не замечать ничего в нем дурного и позабыть вдруг все те наблюдения, которые им доставил почти никогда не обманывающий их инстинкт. Это у вас есть в изрядном количестве. Это я вам говорил всегда, и потому вы за со-

бою караульте. Когда вы заметите сами в себе, что вы слишком кого-нибудь или что-нибудь любите, постарайтесь отделить хотя маленькую частичку от этой любви и отдать ее тому, которого вы не любите. Может быть, таким образом восстановится в вас желанное равновесие. Что же касается до дел относительно Н<иколая> М<ихайловича>, то мне кажется, вы берете пока еще всё это свысока. Никаких изъяснений, по моему мнению, не следует. Изъяснениями вы не изъясните, а его собьете с толку. Он поставлен будет в недоуменья, пойдут взаимные недоразуменья, и ничего из этого не выйдет. Будьте тверды — вот для вас самих и всё! А если хотите на него подействовать и быть, точно, ему полезной и даже благодетельной, то вы можете это сделать. Поверьте, с ним не так трудно, как вы думаете, и если вы последуете моему совету, то увидите, что я не без причины вам это сказал. Старайтесь, чтобы у вас свидания были в одно и то же время и никак не более вами же назначенного времени, чтобы беседа и разговор в это время всегда были бы у вас о деле, а не о чем другом, чтобы и рот не рас-

крывался без дела. Вы должны его расспрашивать хорошенько сначала о том, что интересно покамест для него, а не для вас. Расспросите его обстоятельно о следствии, на которое он был послан, как всё это и каким образом происходило. Тут вы увидите, где он хорошо поступил и где дурно. Сначала понемногу вы даже сами увидите, в чем и как можете дать ему совет. Вы умны, и если хорошенько войдете в его должность, во все обстоятельства, сопряженные с его должностью и вообще его окружающие в свете, то найдете со временем, как его напутствовать здесь и помочь совершить ему даже с достоинством, как говорят в свете, свою карьеру. Он привыкнет во всяком сколько-нибудь затруднительном и должностном деле совещаться с вами и чрез то, само собой разумеется, поступит умно. А вы будете иметь случай (познакомясь прежде со всеми обстоятельствами [доказательствами]) поучить умно. Словом, чтобы беседа и разговор ваш был с его [с одной] стороны одно чистое донесение о деле, а с вашей стороны вначале терпеливое выслушивание и расспрашивание, а потом замечания

и советы. Если должностная часть будет маловажна, вы можете дать ему хозяйственную часть; способности его, даже торопливые, беспокойные, могут иметь свою выгоду, если поворотишь их к такой стороне дела, которую они могут доставить выгоду. Притом человек необыкновенно изменяется с тех пор, когда начинаешь иметь на него твердое и постоянное влияние и не откажешься войти в его жизнь. Но помните раз навсегда, что человек правится и совершенствуется только на деле и что, если хотите, чтобы истины высокие и христианские, которые вы скажете, со временем были приняты и поселились не на шутку, то задайте ему прежде дело, которое бы заняло его всего. А не то это значит поехать не по дороге, а по рвам, по кочкам, перелогам. Конечно всячески и повсюду и по чем бы ни поехал, [всячески и всякими способами] можно достигнуть Христа. Но посудите сами, какого нужно терпения, характера и воли, чтобы отважиться ехать не по дороге, а по рвам, кочкам, болотам, одним словом без дороги! А ведь вы почти этого требуете от многих и еще удивляетесь, что люди так глухи к

словам высоких истин. Вы говорите иногда такие вещи, что бедный слушающий вас, даже умный и добрый, слыша, что слова ваши суцая истина, не знает и не находит в себе ни сил, ни средств, как их к себе применить, как их себе усвоить. Итак, если хотите кого вести, то ведите его по дороге, да притом по той дороге, для которой даны ему уже заключенные в нем способности: это будет его прямая дорога, по которой он должен идти ко Христу, всякую же другою ему будет труднее и несравненно дальше. Ставши на деле, человек стоит на земле. [а. Дело человеку есть земля, на которой он стоит б. Дело для человека, что земля для посева] Только на земле можно сеять семена. А если он сам на воздухе, [А без этого и сам он будет на воздухе] то и семена, которые пожелаете сеять, будут бросаемы на воздух. Итак, всякого человека, на которого вы захотели бы [захотели бы прежде] подействовать благотельно, узнайте в делах его, возбудите в нем прежде охоту к тому делу, которое более всего по его способностям и силам, и думайте сначала только о том, чтобы он в этом деле, а не в других пустых и ежедневных

делах, соображался с законом Христа. Дело все-таки будет гораздо более наполнять его собою, чем пустяки. Стало быть, и Христос будет наполнять его понемногу гораздо более, чем всякие пустяки. Но и здесь вы не говорите ему, чтобы он шел ко Христу или соображался бы с законами Христа. Он вас не поймет и выпучит глаза, не постигая, как может дело прозаическое связаться с Христом, дело, каково, например, проверка счетов, возня с чиновниками, уборка хлеба или сочинения всякого рода сочинений во всяких родах. Вы сначала не произносите и имени Христа, возбуждите прежде в нем находящиеся подстрекательные его орудия, как-то честолюбие и проч., которые огадил человек и поворотил в дурное, кольните и шпигуйте его сначала ими, а Христа лучше сначала получше заключите в самих себе и заключите его так, чтоб он отразился во всяком вашем действии, мнении, поступке и даже малейшем движении. И поверьте, тогда из уст ваших будет исходить один чистый разум, и воодушевленные внутренне им, т. е. самим Христом, вы дадите самый умный и самый полезный совет. И тогда,

не произнося даже имени его пред теми, которые не в силах понять его, вы заставите их понемногу изумляться более и более великой правде ваших советов и наконец, когда придут в силы узнать, откуда и от кого пришли к вам эти советы, падут, может быть, сами в умилении и в ужасе на колени и в порыве благодарных слез [слез и молений] не найдут, может быть, ни слов, ни молений как возблагодарить бога за то, что ниспослал к ним вас. Вот вам всё, что я об этом предмете нашел теперь нужным сказать. А потому вы перечтите всё это со вниманием, обо всем этом подумайте, потом помолитесь богу и попросите у него вразумленья во всем и перечитайте еще раз.

Я душевно порадовался вашему благодатному состоянию души, которое к вам теперь приходит; но, друг мой, помните, что это не более, как знаки небесной милости божией. Они даются нам вовсе не за заслуги, но единственно для того, чтобы ободрить нас на пути нашего стремленья к нему. Это делается им из одной только небесной любви к нам, исполненной таким великим снисхождением.

И потому храни вас бог слишком упояться такими минутами. В такие минуты вы должны сильнее чувствовать свое недостойнство [достоинство] и приниматься живе́й за труды и подвиги, чтобы быть посредством их хотя сколько-нибудь достойными такой благодати. Если ж вы почувствуете в себе поползновение этим вознестись и возгордиться, то вспомните только то, что вы завтра же можете впасть в уныние, в хандру и увидеть во всем ничтожестве свое бессилие и малодушие. Поэтому-то все минуты уныния и как бы божьего оставления нас даются нам с неизреченно мудрым умыслом, именно для того, чтобы мы и на минуту не отделились от бога и чтобы узнали, как страшно быть без него. А потому во все минуты вашего уныния и глупых [Далее начато: душевных] состояний духа, вы записывайте такое состоянье. Пусть, как в зеркале, останется там всё малодушие и всё ваше ничтожество, так, чтобы потом, когда вы почувствуете, что слишком заноситесь минутами благоволения божия или, лучше сказать, его небесного снисхождения, могли бы [могли бы потом] себе же показать это зер-

кало и увидеть в себе всю свою презренность и подивиться в то же время всей неизмеримости и бесконечности божией любви.

Очень может быть и даже это неминуемо должно быть, что вы будете ощущать еще высшие состояния благодати. Но и тогда храни вас бог думать, что они вам посылаются за ваши достоинства. Старайтесь в такие минуты усилить деятельность своих подвигов и, как добрый поденщик, не оставляйте и на миг своей работы до самого захода солнца и не приклоняйте уха на то, если бы кто стал хвалить вашу работу или говорить, что вы уже сделали более, чем другие. Это один бог может решить, кто более сделал. Тот, кто в глазах людей много сделал, может быть, еще не сделал и десятой доли того, что назначено богом ему сделать, и он может [еще может] подвергнуться строжайшему суду, чем тот, кто сделал меньше его, получив меньше и способностей. Вспомните одно то, что мы не только не употребляем в дело всех данных нам способностей, но даже и не доискиваемся, какие у нас есть способности и какие

именно нам даны. Итак, всё это да предохранит вас от всякой гордости. Не упойтесь также удачею и успехом, но лучше при всякой неудаче представляйте себе живей свое слабосилие, как далеки вы еще в науке помогать и делать добро, как еще мало вразумлены светом божьего разума, как еще вам доселе кажется невозможным то, что уже возможно преуспевшему в подвигах любви и благодушия. Соображая всё это и представляя это беспрестанно пред глаза свои, вы и не просите даже у бога небесных наслаждений духа, но просите только сил быть достойным их, просите только дать возможность произвести больше подвигов и с тем вместе просите только о том, чтобы он не награждал нас за них в этой жизни, или лучше пусть только показывает нам здесь одно слабое мерцание наград своих, а не самые награды, потому что и малейшей части их не вынесет наше брренное тело. И недаром Давид восклицал не один раз: Боже, ослаби ми волны твоя благодати!

Но об этом довольно. Зачем вы не пишете мне ничего о происшествиях петер-

бург<ского> общества и даже ничего о наших знакомых и приятелях? Почему вы думаете, что это может смутить и огорчить меня, и что вместо всякого веденья о том, что делается, будет полезней моя молитва обо всем, что ни делается? Но ведь нужно также знать и то, о чем следует молиться. Я не прошу от вас каких-нибудь сокровенных историй и секретов. Мне хочется только знать, какого рода вообще дух общества и в каком состоянии его испорченность и чем оно болеет, какого рода люди теперь наиболее его наполняют, [Далее начато: какого духа людей] какие классы преобладают и какие мнения торжествуют, какого рода разврат наиболее в ходу. Об этом всем вы можете мне таким образом сказать, что не только не обидится ничья личность, но даже слова ваши могут сейчас быть напечатаны в каком хотите нашем журнале. Вам, друг мой, я наиболее теперь советую не пренебрегать никак обществом. Вам бог дал одно редкое качество, которое до сих пор вы не употребили в дело: искусство разузнавать и выспрашивать. Богом ничего не дается даром. Узнавайте, спрашивайте и разведывайте

всё, но не предавайтесь ни негодованию, ни унынию, ни пристрастию (которого у вас много и которое всё преувеличивает в ваших глазах). Словом, не гнушайтесь светом. Ведь вы же входите в больницу и как ни гадки там болезни, как ни отвратительны раны и как ни болезненны вопли больных, но вас это не устрашает, потому что вы подвигнуты истинным и христианским состраданием. Входите же с таким самым чувством и в свет, и вы там тоже много со временем можете сделать добра. Но, прежде всего терпенье! Вначале раз узнавайте и ничего более. Хотя бы вам показалось, что вы уже можете кое-что сделать, не делайте, пока не узнаете еще больше и еще лучше. Никакой искусный и гениальный врач не возьмется [не стан<ет>] лечить болезнь до тех пор, пока не узнает весь ход ее и все излучины сопровождавших ее обстоятельств. Почему знать, может быть, и я вам буду потом в возможности помочь. [буду в силах потом помочь] А пока уведомяте меня, что делают наши приятели и общие знакомые. Что делается у Карамзиных и какой сорт людей там бывает? Не пренебрегайте слыш-

ком нынешнею поверхностною пустотою людей, не спешите еще по некоторым признакам выводить общие заключения о душе человека, давайте мне покаместь самые признаки.

Но и об этом довольно. Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы [для <того>] порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в че-

ловечестве. На сочинениях же моих не основывайтесь и не выводите оттуда никаких заключений о мне самом. Они все писаны давно, во времена глупой молодости, пользуются пока, незаслуженными [недостойными] похвалами и даже не совсем [не все<гда>] заслуженными порицаньями, и в них виден покаместь писатель, еще не утвердившийся ни на чем твердом. В них точно есть кое-где хвостики душевного состояния моего тогдашнего, но без моего собственного признания их никто и не заметит и не увидит.

Жаль, что вы не прочитали между прочим письма Плетнева. Он тоже дал изрядного маху, основавшись, как кажется, на моих сочинениях. Он думал, что можно, не взявши в руки небесного светильника, опуститься в темную глубину души человеческой и узнать, что такое человек, и очутился в потемках. Я написал ему ответ, не какой-либо оправдательный или недоумительный и поучающий, а заключающийся единственно только в том, что все мы несколько поспешны в заключениях о человеке и чрез это самое не узнаём

его, что слишком рано убеждаемся, будто его узнали. Вы, не спрашивая его о самом письме, спросите только, получил ли он его.

Так как вы уже несколько раз напоминаете мне о деньгах, то я решаюсь наконец попросить у вас. Если вам так приятно обязать меня и помочь мне, то я прибегну к займу их у вас. Мне нужно будет от трех до шести тысяч в будущем году. Если можете, то пришлите на три вексель во Франкфурт или на имя банкира Бетмана или к Жуковскому и ко мне. А другие три тысячи в конце 1845 года. А может быть, я обойдусь тогда и без них, если как-нибудь изворочусь иначе. [Далее начато: Об этом] Но знайте, что раньше двух лет вряд ли я вам отдам их назад. Об этом не рассказывайте никому, особенно Плетневу. Он мне предлагал в письме своем денег сколько хочу, но мне никаким образом не следует у него взять. Вы спрашиваете, каково мне во Франкфурте. Скажу вам только то, что я и не замечаю, что я живу во Франкфурте, живу я там, где живут близкие мне люди, а наиболее живу в работе, отчасти в письмах, отчасти во внутренней

собственной работе. Хотел бы сколько-нибудь поболее жить в боге, но без людей и до этого нельзя достигнуть. Сами знаете: бога никто же виде. Один сын человеческий его ведает, а он велел нам находить его в любви к ближнему. С Жуковским мы ладим хорошо и никак не мешаем друг другу, каждый занят своим. С Елис<аветой> Евграфовной тоже ладим хорошо и, что лучше всего, ни ей нет во мне большой потребности, ни мне в ней. А это мне теперь слишком хорошо, [Далее было: Семья моя] потому что моя семья становится чем дальше больше и я не успеваю даже отвечать на самые нужные письма. А между тем грех великий лежит на душе моей, что я не помог до сих пор самым близким людям, которым следовало прежде всех помочь. Но довольно и об этом. Книг ваших я не получил до сих пор ни одной. Какого-то длинного письма, которое, как вы писали, для меня будет интересно и которое должно было придти с верной оказией, тоже не получал. Зачем вы ожидаете комиссий и хотите посылать с ними? Лучше всего посылать прямо по почте. Жуковский получает так всегда книги. Это во-первых ско-

ро, во-вторых вернее. Почты тяжелые теперь [Почта теперь] у нас устроились хорошо и доставляют прямиком во Франкфурт, а издержки совсем не дороги, что тут за утрата бросить каких-нибудь лишних 10 рублей? Но пакеты приостановите, а отправьте их с оказией. А мне, если хотите сделать теперь же удовольствие скоро, то пришлите Библиотеку для Чтения, журнал, издав<аемый> Сенк<овским> за 1842-й год, весь сполна, и не удивляйтесь тому, что мне понадобилась вдруг такая дрянь. Мне иногда именно нужна дрянь. Это вам будет стоить 40 рублей, да пересылки, может быть, вы заплатите рублей на 20. Итого всего рублей 60. А я вам скажу за это, что вы пропустили и не прочитали одной прекрасной вещи, именно стихотворения Языкова: Землетрясение. Прочтите его зато несколько раз. Оно так возвышенно, просто и прекрасно и так кстати в нынешнее время, что его многим нужно читать, особенно тем, которые рождены ободрять других, стало быть и вам. Отдайте это письмо моей прекрасной и моей умнице Софье Миха<й>ловне. Скажите ей, чтобы она подставила вам свой лобик, по-

целуйте ее и скажите ей, что это я ее целую; потом поцелуйте ее в пальчик (не форменный) и скажите ей, что это я ее целую. Потом скажите ей, чтобы она поцеловала вас в лоб, так, как целовала меня в Остенде и Ганау, и скажите ей, что это она меня целует, а не вас. А потом уже за труды пусть поцелует вас. Затем и я вас обнимаю и целую. Прощайте. Не ленитесь письмами, вы должны вчетверо более писать против меня.

Ваш Г.

Тут же письмецо и Самарину.

Поздравляю с новым годом.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

**Франкф<урт>. 26 декабря <н.
ст. 1844>**

Пишу тебе и сие письмо под влиянием того же ощущения, произведенного стихотворением твоим: Землетрясение. Друг, собери в себе всю силу поэта, ибо ныне наступает его время. Бей в прошедшем настоящее, и тройною силою облечется твое слово; прошедшее выступит живее, настоящее объяснится яснее, а сам поэт, проникнутый значительно стью своего дела, взлетит выше к тому источнику, откуда почерпается дух поэзии. Сатира теперь не подействует и не будет метка, но высокий упрек лирического поэта, уже опирающегося на вечный закон, попираемый от слепоты людьми, будет много значить. При всем видимом разврате и суетности нашего времени, души видимо умягчены; какая-то тайная боязнь уже проникает сердце человека, самый страх и уныние, которому предаются, возводит в тонкую чувствительность нервы. Освежительное слово ободренья

теперь много, много значит. И один только лирический поэт имеет теперь законное право как попрекнуть человека, так с тем вместе воздвигнуть [право попрекнуть человека и с тем вместе воздвигнуть в <нем>] дух в человеке. Но это так должно быть произведено, чтобы в самом ободрении был слышен упрек и в упреке ободрение. Ибо виноваты мы почти все. Сколько могу судить, глядя на современные события издалика, упреки падают [падают во-перв<ых>] на следующих из нас: во-первых, на всех предавшихся страху, которым, уж если предаваться страху, то следовало бы предаться ему не по поводу каких-либо внешних событий, но взглянувши на самих себя, вперивши внутреннее око во глубину души своей, где предстанут им все погребенные ими способности души, которых не только не употребили в дело во славу божью, но оплевали сами, [Далее начато: и пр<едали?>] попрали их и отлучением их от дела дали ход волчкам и терниям покрыть никем не засеваемую ниву. Ты сам знаешь, что это у нас часто происходит на всех поприщах, начиная с литературного до всякого житейского, судейско-

го, военного, распорядительного по всем частям, словом повсюду. Здесь особенный упрек упадет на тех гордецов, которые и в благих даже намерениях видели повсюду прежде себя, а потом уже других, не умели [не умеюч<и>] перенести пустяка какого-нибудь, оскорбления <...> [Не принятое в печати слово.] личности своей — и осердясь на вши, да шубу в печь. Укажи им, как сами они наказались страхом чрез самих себя, и пусть в этом страхе увидят они божье наказание себе: верный знак, что далеко отбежали они от бога; ибо кто с богом, у того нет страха. Во-вторых, громоносный упрек упадет на нынешних развратников, осмеливающихся пиршествовать и бесчинствовать в то время, когда раздаются уже действия гнева божия и невидимая рука, как на пиру Валтазаровом, чертит огнем гремящие буквы.

В-третьих, упрек, и еще сильнейший, может быть упадет на тех, которые осмеливаются даже в такие [такие как бы] святые минуты божьего посещения пользоваться смутностью времени, святокупствовать, набивать карман

свой и брать взятки. Таких беззаконников, я слышал, развелось теперь у нас немало, которые воспользовались даже всякими нелепыми распускаемыми слухами, употребляя их орудиями к грабительству. Друг! много, много есть теперь предметов для лирического поэта. Всему этому найдет соответствующие картины он в Библии, где до того всё живо, что, кажется, писано огнем, а не тростью. Посуди сам, если всё это предстанет в применении к текущему, в какую живость, уже доступную всем от мала до велика, оно облечется! Не нужно больших пиэс: чем короче и сжатей стихотворенье, тем оно будет значительней и действительней. Не нужно совокуплять всех упреков вместе и в одно, но, раздробив их на множество и сделав каждый предметом отдельного стихотворения, дать ему целость и живость и силу, совокупленную в себе. Друг! молись, да бог одушевит тебя и ниспошлет силы поработать ему же. Только одной этой дорогой, а не какой-либо другой, ты можешь к нему приблизиться. Только тем путем должен каждый из нас стремиться к нему, для которого им же самим

даны нам орудия, способности и средства: прочие все пути будут околесные и кривые, а не прямые и кратчайшие. Друг мой, авторитет твой может быть велик, потому что за тебя станет бог, если ты прибегнешь к нему. Притом вспомни и то, что благодеяния твои могут излиться только сим путем, а не другим, любовь к ближнему и брату можешь ты показать только так, а не иначе помочь страждущему, и все те христианские обязанности, которые должен каждый из нас выполнить на указанном поприще и без чего не спастись ему, тобою могут быть выполнены только сим образом, а не другим. Полюби же, как брат, всех, которые страдают и телом, и духом, и если ты еще не в силах так полюбить их, то обрати их по крайней мере мысленно в нищих, просящих и молящих о помощи. Не гляди на то, что не простираются их руки просить о милостыне, может быть, простираются их души. Притом бог ведает, кому прежде следует помогать, тому ли, кто имеет еще силы выйти на улицу, [выйти на улицу и прот<януть?>] или же тому, кто не имеет сил даже и руки протянуть, чтобы попросить. И

то уже благодеяние, когда считающему [тому, который считает себя] себя богачом докажешь и откроешь, что он нищий. Только одна та [там] помощь будет теперь действительна в России, которая будет сделана любовью. Всякая другая будет временна. Всему предстоят препятствия, везде предстанут неудачи. Одной только любви нет препятствий: ей всюду свободно и всюду открыт путь. Друг мой, да наполнится же одной любовью и душа, и сердце, и мысль твоя! и да двигнет одна она отныне пером твоим! Много-много ей предстоит поприща; нет и конца [и конца нет] ее предметам. Но не забудь прежде всего тех, которым прежде всего следует проснуться. Внуши бодрость и выведи из уныния тех, которые стоят передовыми и могут подать пример другим. Не беда, если дурак придет в уныние (это даже для него и лучше), но плохо, если умные повесят носы. Истинно же ободрить возможно только одним средством: именно, когда, ободряя кого-либо, ты в то же время напоминаешь ему, что он должен ободрять других, что он должен позабыть себя и не себя выводить из уныния, но

других выводить из уныния. Сим одним только средством может человек сам выйти из него. Мы все так странно и чудно устроены, что не имеем сами в себе никакой силы, но как только подвигнемся на помощь другим, сила вдруг в нас является сама собою. Так велико в нашей жизни значение слова: другой и любовь к другому. Эгоистов бы не было во все, если бы они были поумнее и догадались сами, что стоят только на нижней ступеньке своего эгоизма и что только с тех пор, когда человек перестает думать о себе, с тех только одних пор он начинает думать истинно о себе, и становится таким образом самым расчетливейшим из эгоистов. А потому и ты, друг мой, не думай о своей собственной хандре, хотя бы она и пришла к тебе, а думай о том, что в это время находятся другие в хандре и что следует их развеселять, а не себя — и хандра твоя исчезнет. Если же приступят к тебе какие-либо болезненные припадки, то говори им просто: «некогда! плевать я на вас, теперь мне не до вас!» Я рад между прочим тому, что Москвитянин переходит в руки Иван<а> Васил<ьевича> К<иреевского>.

Это вероятно подзадорит многих расписаться, а в том числе и тебя. Чего доброго, может быть, Москва захочет доказать, что она не баба. [не баба и не старая <...>] Я с своей стороны подзадорил Жуковского, и он, в три дни с небольшим хвостиком четвертого, отмахнул славную вещь, которую Москвитянин, вероятно, получил уже. Уведоми меня, как она ему и всем вообще читавшим ее показалась. Скажи Ив<ану> В<асильевичу>, чтобы он, как только будет выпечен первый № Москвитянина, прислал бы его прямо по почте. Это гораздо вернее всяких оказий: теперь тяжелые почты в чужие края устроены хорошо, не так, как прежде; всё приходит верно и не дорого стоит. Может быть, к тому времени выдет и твоя книга, что будет весьма кстати. Уведоми меня, посылал ли ты мне с кем-либо, или же нет, Летописцев, издан<ных> археогр<афической> комиссией? Извини, что доселе не уплачиваю тебе занятого долга. Сему виною не какое-либо небрежение, неаккуратность и неисправность, а единственно неимущество; я же знаю, что ты милостив к должникам своим и потерпишь им. Писем моих, писанных в

декабре в Москву, есть уже четыре, кроме се-го, т. е. одно к тебе, кажется 5-го числа, одно к Шевыреву, одно к Аксакову и одно к Погодину, проведай при случае, исправно ли они получены. Затем поздравляю тебя от всей души и сердца с наступающим (и, может быть, уже наступившим в то время, когда ты получишь это письмо) новым годом. И молю бога также от всей души и сердца, чтобы он внушил всё, что тебе нужно для совершения дел во славу и во спасение души твоей, и приблизил бы тебя ближе и сердцем и помышлением к нему, а письмо мое все-таки перечти; помолясь крепко богу, ты и в нем отыщешь нужное для себя, как бы оно нескладно ни было. [Далее начато: Человек, внемлющий богу, и в словах дурака смо<жет>] Прими его как усиленное поздравление с новым годом и откликнися. Затем прощай, поклонись от меня всем нашим знакомым и поздравь их всех от меня с новым годом. Пиши, [Пиши и] не лентясь, ко мне, если ж не захочешь писать, то пришли мне в пакете вместо письма которое-нибудь из новых стихотворений.

Весь твой Гоголь.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного в
Серебряном переулке, в доме Шидловской.

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
Франкф<урт>. 28 декаб<ря н.
ст. 1844>

Благодарю вас, моя прекрасная душой графиня, во-первых за ваше миленькое письмо, во-вторых за все приятные известия, которыми вы меня полакомили, как-то: о вашей Фофке со всем ее семейством, об Апол<линарии> Мих<айловне>, о Михале Михалыче и о прочем. Однако только я не понимаю, как смела моя Анна Михаловна простудиться. Этого поступка я никак от нее не ожидал. Я думал, что она гораздо умнее; это вы ей сообщите. В-третьих благодарю вас за поздравление с новым годом. Я вас также поздравил с ним от всей души. Об этом [об этом вы вероятно<но>] вам было написано в длинном письме (от 24 декабря), которое вы, вероятно, уже получили, где находятся такие же упреки в молчании вам, какие вы делаете мне. Что вы меня заманиваете Парижем, Рашелью, магазинами и прочей дрянью? Разве вы не знаете, что если бы вы жили на Чукотском носу или

в городе Чухломе и пригласили бы меня оттуда к себе, описав мне всю тоску тамошнего пребывания, то я бы скорее к вам приехал туда, чем в Париж? Ехать же в Париж во-первых мне нет надобности, во-вторых есть много к тому невозможностей, в-третьих это баловство. Вы и без того уже слишком меня избаловали: я думаю о вас гораздо чаще, чем бы следовало. Тогда как мысль о вас должна бы быть десертом и лакомством только в праздничные дни, в награду за хорошее поведение, а свидание и подавно. Прощайте же. Будем лучше вместо этого хорошо вести себя: вы с Анной Михаловной в Париже, [во Франкфурте] а я во Франкфурте, чтобы меня было за что наградить вашим свиданием, да и себе самим доставить приятность, сделав мне такое удовольствие. Целую четыре ваши ручки.

Ваш Г.

Р. S. Не смейте так долго не писать ко мне! Жуковский здоров, вас очень благодарит и вам кланяется. Жена его ведет себя как следует в ее положении: беспрестанно движется,

часто бывает на воздухе, свежа и даже пополнила в сравнении с прежним.

Оба они, кланяясь вам, посылают с тем вместе поклон и Тургеневу.

Передайте душевной поклон мой прекрасным вашим племянницам и всему их семейству.

На обороте: Paris. Son excellence Madame La Comtesse Wielhorsky.

Paris. Place Vendôme 6, № 6.

А. О. СМИРНОВОЙ
1844. Декабря 28 <н. ст.
Франкфурт>

Письмо ваше, добрейшая моя Александра Осиповна, меня несколько огорчило. Плетнев поступил нехорошо и вы поступили нехорошо. Плетнев поступил нехорошо, потому что рассказал то, в чем требовалось тайны во имя дружбы; вы поступили нехорошо, потому что согласились выслушать то, чего вам не следовало, тогда как вам бы следовало в самом начале остановить его такими словами: «Послушайте, хотя я и близка к этому человеку, но если он скрыл что-нибудь от меня, то неблагоприятно будет с моей стороны проникнуть в это. Одно только, так бы вы могли прибавить, могу я вам сказать [одно только то могу я вам сказать] в успокоение, что этот человек достоин несколько доверия, он не совсем способен на необдуманые дела, и даже, сколько я могла заметить, он довольно осмотрителен относительно всякого рода добрых дел и не отваживается ни на что без ка-

ких-нибудь своих соображений. А потому окажем ему доверие, [и ему также доверие.] особенно когда он опирается на слова: воля друга должна быть свята». Но вы так не поступили, моя добрая Александра Осиповна. Напротив, вы взяли даже на себя отвагу перерешить всё дело, объявить мне, что я делаю глупость, что делу следует быть вот как, и что вы, не спрашивая даже согласия моего, даете ему другой оборот и приступаете по этому поводу к нужным распоряжениям, позабывши между прочим то, что это дело было послано не на усмотрение, не на совещание, не на скрепление и подписание, но как решенное послано было на исполнение, и во имя всего святого, во имя дружбы молилось его исполнить. Точно ли вы поступили справедливо и хорошо, [Далее было: Если б положим мое решение] и справедливо ли было с вашей стороны так скоро причислить мой поступок к донкишотским? В обыкновенных, житейских делах [делах мира] призывается по крайней мере в таких случаях доктор с тем, чтобы пощупать пульс и узнать, действительно здрава ли голова и цел ли ум, и уже не прежде решают-

ся отвергнуть решение [его дело или решение] как безумное. А вы, поступили ли таким образом со мной? Упрек ваш и замечания, что у меня есть мать и сестры и что мне о них следует думать, а не о том, чтобы помогать сторонним мне людям, мне показались также несправедливы, отчасти жестоки и горьки для моего сердца. Друг мой, Александра Осиповна, я не почитаю себя сыном, исполнившим все свои обязанности относительно родителей, но рассмотрите сами, не сделал ли я, [не всё ли я сделал] что по возможности мне можно было сделать: мне следовала половина имения (и при том лучшая [лучшая из] 100 душ кр<естьян> и земли). Я их отдал матери и сестрам в то время, когда я сам не имел верного пропитанья. Этот поступок называли в свое время также донкишотским многие добрые люди. Кроме того, мне удалось кое-что присылать им иногда в помощь из Петербурга, добытое собственными трудами; кроме того я поместил сестер моих в институт и платил за них из своего кармана до времени, пока добрая государыня не взяла их на свой счет. Это конечно небольшое дело. Лучшим

делом с своей стороны я считаю то, что пожертвовал им своим временем и провел с ними год по выходе их из института, для того, чтобы хотя сколько-нибудь воспитать их для того места и круга, среди которого будет обращаться их жизнь, чему, как известно, не учат в институтах. Словом, с теми средствами, которые я им доставил, можно было вести безбедную жизнь; но встретилось одно мешающее обстоятельство. Мать моя добрейшая женщина, с ней мы друзья [друзьями] и чем далее, тем более становимся друзьями, но хозяйка она довольно плохая. Сестры мои умные и добрые девушки, любимые всеми в околке за радушие, простоту в обращении и готовность помогать всякому, но к хозяйству и экономическим оборотам по имению имеют естественное отвращение, и немудрено, это дело мужа, а не женщины. С ними случается то же самое, что со многими: они отказывают себе во всем иногда самом необходимом, и этим однако ж ничуть не помогают хозяйству, потому что в самом хозяйстве [Далее было: распоряжения] хозяйствуют невпопад, воздерживают и ограничивают себя невпо-

пад, издерживают и тратят в отношении к потребностям экономическим невпопад. [тоже невпопад] Оказавши не один раз вспомоществованье им деньгами, даже и в последующее время (я не оставлял их до сих пор, сколько могли мне содействовать слабые мои средства), я увидел ясней, что [увидел, что] не в деньгах сила и что они будут бросаемы как в сосуд, в котором нет дна и которого вечно не наполнишь. Я почел это знаком и определеньем Божиим, что мне следует наконец заняться самому тем, чем доселе гнушался, и взял теперь на свои руки их хозяйство. И хотя это отняло у меня много времени, но бог милостив, он помогает мне и здесь, как помогал мне во многом, и я больше ничего, как смиренно рассматриваю отчеты, распоряжения и проделки, вижу, что многое можно поправить простыми средствами, и есть надежда, что дело пойдет на лад, хотя слишком горьки, трудны и скучны для меня с первого раза эти занятия. Итак, рассудите сами, друг мой, справедливы ли были ваши упреки, и не жестоко ли было для моего сердца услышать их от вас? Еще скажу вам, что мне показалась

слишком резкою уверенность ваша в авторитет слов своих, особливо, когда вы твердо называете желание [намере<ние>] мое помочь бедным студентам безрассудным. Не бедным студентам хочу помочь я, но бедным талантам, не чужим, но родным и кровным. Я сам терпел и знаю некоторые те страдания, которых не знают другие и о которых даже и не догадываются, а потому и помочь не в состоянии. Несправедлив также ваш упрек и в желании [наме<рении>] моем помочь тайно, а не явно, несправедливо также приведены здесь в другом случае справедливые слова, что дела наши должны светить всему миру, равно как невпазд было приведено вами многое из François de Sales. На всё это я могу вам сказать только словами ап. Павла: «Кийждо своею мыслью да известуется». Поверьте, что делающий доброе дело не без разума его делает и соображается с тем, когда оно должно быть явно и когда тайно. А потому и сия тайная помощь моя бедным талантам основана [основана была] на сильном знании моем человеческого сердца, а не просто на какой-нибудь идее, принятой на веру.

Талантам дается слишком нежная, слишком чуткая и тонкая природа. Много, много их можно оскорбить грубым прикосновением, как нежное растение, принесенное с юга в суровый климат, может погибнуть от неуместного с ним обхождения не приобвыкшего к нему садовника. Трудно бывает таланту, пока [когда] он молод или, еще справедливее, пока он не вполне христианин. Иногда и близкий друг может оскорбить, оказав ему радужную помощь, может [может даже] потом попрекнуть его в неблагодарности. Это часто делается в свете, иногда даже без строгого рассмотрения, а по каким-нибудь внешним признакам. Но когда дающий скрыл свое имя, значит он верно не потребует никакой благодарности. Такая помощь приемлется твердо и неколеблемо, и будьте уверены, что незримые и прекрасные моления будут совершаться в тишине о душе незримого благодетеля вечно, и сладко будет получившему даже и при конце дней вспомнить о помощи, присланной неизвестно откуда. Итак, оставимте эти строгие взвешиванья благодетельных дел [взвешиванья дел] наших. Мы не судьи. [Да-

лее начато: Да при том] Если ж судить, то нужно судить, забравши все доказательства и аргументы. Не тяжко ли будет для вас, если бы я, увидя кого-нибудь из братьев ваших нуждающегося и сидящего без денег, стал бы укорять вас в том, что вы помогаете посторонним бедным или же даже изъявляете готовность помочь мне? Свет ведь обыкновенно так судит. Не будьте же похожи и вы на свет. Оставим эти деньги на то, на что они определены. Эти деньги выстраданные и святые, и грешно их употреблять на что-либо другое. И если бы добрая мать моя узнала, с какими душевными страданиями для ее сына соединилось всё это дело, то не коснулась бы ее рука ни одной копейки из этих денег, напротив продала бы из своего собственного состояния и приложила бы от себя еще к ним. А потому и вы не касайтесь к ним с намерением употребить их на какое-нибудь другое употребление, как бы благоразумно оно вам ни показалось. Да и что толковать об этом долго: обет, который дается богу, соединяется всегда с пожертвованьем и всегда [и есть всегда] в ущерб или себе или родным, но ни сам [Но ни

сам чело<век>] дающий его, ни родные не восстают против такого дела. А потому я не думаю, чтобы вы или Плетнев вооружили бы себя уполномочиением разрешить меня от моего обета и взять на свою душу всю ответственность. Итак, оставим в покое дело решенное и конченное; много есть и без него о чем хлопотать. О потере же моей не сокрушайтесь. Поверьте, что ни я, ни мать моя с ее семейством не много здесь потеряли. Едва-едва какую-нибудь тысячу в год и то с большой возней и хлопотами удалось бы мне получать, что всё равно для меня что ничего. При том я имею особенное предчувствие, что я ничего бы не получил из этих денег, но назначенные на благое дело, в помощь тем, которым редко помогают, они не пропадут. К тому ж, сами знаете, молодые люди с дарованиями появляются редко, а потому сумма успеет накопиться, и что мне бы приходилось безделицами в раздробь, то придется им целиком и в значительной сумме. При том сами распорядители подвигнутся большим рвением и зная, что жертвует не богач, но бедняк, который едва сам имеет чем существовать, употребят эти

деньги так хорошо, как бы не употребили денег богача, так что и полушка не утратится даром. Но довольно. Еще раз молю, прошу и требую именем дружбы исполнить мою просьбу. Не честно разглашенная тайна должна быть восстановлена. Плетнев пусть вымет из своего кармана две тысячи и пошлет моей матери; мы с ним после сочтемся. Все объяснения по этому делу со мною должны быть кончены. Вы также должны отступить от этого дела; мне неприятно, что вы в него вмешались. Всё должно кончиться между Плетневым и Прокоповичем, и поверьте оно кончится хорошо. Никто из них не будет ленивым и нерадивым в этом деле и не укорит даже в нерадении другого, хотя бы [Далее начато: обсто<ятельства>] некоторые пустые видимые признаки и говорили о том. Я слишком знаю хорошо, к чему могут быть способны души их, и даже верю тому, что они могут любить меня, а потому как дело любви ко мне это будет выполнено. Эти страницы письма вы покажите Плетневу. И во имя любви ко мне способствуйте с своей стороны в том, чтобы просьба моя была исполнена.

Отсюда письмо начинается для вас одних, не с тем, чтобы его показывать кому-либо. Не стыдно ли вам взглянуть на меня глазами Плетнева? Вы сами сказали в одном из прежних ваших писем, что у Плетнева недовольно ума для того, чтобы понять меня, а теперь сами разделяете его заблуждения и обвиняете меня в том же, в чем и он. Неужели вы до сих пор не можете почувствовать, что мы стоим с ним на двух разных полюсах и что мне гораздо с ним труднее изъясняться, чем вам с Н<иколаем> М<ихайловичем>? Требуя от меня простоты и откровенности, он сам не знает, чего он хочет, я пробовал с ним говорить всеми возможными способами и всё было равно неудачно. Поверьте, что говорить с тем человеком, который чувствует недоверчивость к каждому слову и подозрительность ко всякому нашему поступку, сомневаясь в искренности всякого нашего движения, — совершенно напрасный труд, потерянное время, себе страдание, ему тоже огорчение.

Но наиболее всего я раскаивался тогда, ко-

гда стремился быть откровенным с такими людьми. Тут всегда выходило хуже всего: ум их был вовсе не в состоянии сварить слов моих, предавался недоразумениям, толковал всё иначе и наконец так запутывался в собственных догадках и предположениях, что я горько досадовал на себя самого даже и за одну мысль быть с ними откровенным. И вполне скрытным я начинал быть в глазах их именно с тех пор, когда покусился как-нибудь на откровенность. Так как вы уже вмешались в это дело, то я вам скажу несколько слов, которые могут отчасти объяснить его, хотя признаюсь вам, мне слишком тягостно даже и несколько слов произнести: так даже одно напоминание о тех внутренних моих страданиях, которыми, незримо никому, страдала душа моя, мне [Далее начато: еще трудно и еще] (по слабосилию моему) горько. Прежде всего скажу вам о характере моих сношений с моими литературными друзьями и приятелями, к числу которых принадлежит и Плетнев. Прежде всего у меня начались знакомства и сношенья с литераторами, потому что я сам был литератор. Я всегда умел уважать их до-

стоинства и умел от каждого из них воспользоваться тем, что каждый из них в силах был дать мне. Для этого у меня был всегда ум. Так как в уме моем была всегда многосторонность и как пользоваться другими и воспитываться была у меня всегда охота, то неудивительно, что мне всякий из них сделался приятелем и близким, как имеющий в себе что-нибудь такое, чего другой собрат его не имеет. Они же все как нарочно (что может случиться только у нас в России) одарены необыкновенными и с тем вместе до крайности оригинальными и не сходными между собою достоинствами, разнообразными умами, разнообразными характерами (отсюда очевидно, почему они так часто между собой враждуют и не сходятся во мнениях). Итак, умея ценить их, я умел от каждого из них воспользоваться кое-чем, а возблагодарить их за это откладывал всегда на дальше, то есть на то время, когда поумнею сам и буду в состоянии поучить их тому, чего у них недостает. Но никогда никому из них я не навязывался на дружбу, никого не просил из них или, что еще несправедливее, ни от кого не требовал жить со

мною душа в душу, разделять со мною мои мнения и т. п. Словом, никаких никому не давал обещаний и никого не обязывал ничем относительно меня. Никому из них не поверял ни предположений, ни планов относительно меня самого и всего, что относилось лично к судьбе моей, считая это ненужным по многим причинам, во-первых потому, что я и сам бы не мог в ясном виде сказать им того, что во мне самом еще находилось в младенчестве, во-вторых потому, что сильное знание людей у меня, благодаря бога, было уже и тогда, и я мог уже и тогда чувствовать, чем какой человек мог быть мне полезен и, стало быть, что именно ему следует и что не следует говорить, наконец, в-третьих, я уже и тогда чувствовал, что любить мы должны всех более или менее, смотря по их достоинствам, но истинным и ближайшим другом, которому бы могли верить мы все до малейшего движения нашего сердца, мы должны избирать только одного бога. Это я живее и более должен был почувствовать, [Далее было: потому] чем все другие, потому что одаренный по его небесной милости многими

сторонами характера и способностей, я бы никогда не мог высказать себя всего никому, и потому что за всякую глупую попытку быть откровенным не кстати и не у места платил уже и тогда весьма дорого. Итак, я уже и в начале смекнул мое положение и вел себя в отношении к моим литературным приятелям так, как следовало себя вести, говорил с ними слегка о некоторых моих литературных предположениях, но о себе самом, относительно моего душевного внутреннего состояния не говорил ни с кем. Со всеми ими я остался приятелем. И таково было положение дел до времени выезда моего из России. Никто из них меня не знал. [не знал на самом деле] По моим литературным разговорам всякий был уверен, что меня занимает одна только литература, и что всё прочее ровно не существует для меня на свете.

С тех пор, [С тех только пор] как я оставил Россию, произошла во мне великая перемена. [началось мое внутреннее истинное воспитание] Душа заняла меня всего, и я увидел слишком ясно, что без устремления моей ду-

ши к ее лучшему совершенству не в силах я был двинуться ни одной моей способностью, ни одной стороной моего ума во благо и в пользу моим собратьям, и без этого воспитания душевного всякий труд мой будет только временно блестящ, но суетен в существе своем. Как бог довел меня до этой мысли, как воспитывалась незримо от всех моя душа — это известно вполне богу. Об этом не расскажешь. Для этого [Тут для этого] потребовались бы томы, и эти томы всё бы не сказали всего. Да и к чему рассказывать о том, какие вещества горели и перегорали во мне? Когда услышите потом раздавшееся благоухание, сами тогда догадаетесь, от горения каких веществ произошло благоуханье; если ж не услышите благоухания, то нечего и знать о том, что горело в душе моей. Скажу вам только то, что небесно милостив был ко мне бог, что святая милость его помогла мне в стремлении моем и что теперь, каков я ни есть, хотя вижу ясно неизмеримую бездну, отделяющую меня от совершенства, но вижу вместе с тем, что я далеко лучше от того человека, каким был прежде. Но всего этого, [Далее было:

не могли] что произошло во мне, не могли узнать мои литературные приятели. В продолжение странствования моего и моего внутреннего душевного воспитания я сходил-ся и встречался с другими людьми, и встречался с ними родственней и ближе, потому что уже душа слышала душу. А потому и знакомства, завязавшиеся в это время, были прочней тех, которые завязывались в прежние времена, не мудрено: я сам стал достойней знакомства прочного, а не минутного. Доказательство этого вы можете видеть на себе: вы были знакомы со мною и прежде, и виделись со мною и в Петербурге, и в других местах. Но какая разница между тем нашим знакомством и вторичным нашим знакомством в Нице! Не кажется ли нам самим, как будто мы друг друга [вы меня] только теперь узнали, а до того времени вовсе не знали? А в последнее время [Но скажу, что в последнее время] произошли такие знакомства, что с одного, другого разговора уже обоим показалось, как будто век знали друг друга, и уже от таких людей я никогда не слышал упреков в недостатке простоты или упреков в скрытно-

сти и неоткровенности. Всё само собой казалось ясно, сама душа высказывалась, сами речи говорились. Если ж что не обнаруживалось и почиталось ему до времени лучшим пребывать в сокровенности, то уважалась даже и самая причина такой скрытности. И с полным чувством обоюдного доверия друг к другу, каждый даже утверждал другого хранить [в намерении хранить] то, о чем [что] собственный разум его и совесть считает ненужным говорить до времени, изгоняя великодушно из себя даже и тень какого-либо подозренья или пустого любопытства. [Далее начато: Но обо всем этом не могу]

Итак, вот какого рода уже становились мои отношения со встречавшимися в последующее время со мною душами. Само собой разумеется, что обо всем этом не могли знать ничего мои прежние литературные приятели. Немудрено: они все познакомились со мною тогда, когда я еще был прежним человеком, [еще не начинал стремиться к тому] зная меня и тогда довольно плохо. В приезде мой в Россию они все встретили меня с раз-

верстыми объятиями. Всякий из них, занятый литературным делом, кто журналом, кто другим, пристрастившись к одной какой-нибудь любимой идее и встречая в других противников своему мнению, ждал меня как какого-то мессию, которого ждут евреи, в уверенности, что я разделю его мысли и идеи, поддержу его и защищу против других, считая это первым условием и актом дружбы, не подозревая даже того (невинным образом), что требования эти, сверх нелепости, были даже бесчеловечны. Жертвовать мне временем и трудами своими для поддержания их любимых идей было невозможно, потому что я во-первых не вполне разделял их, во-вторых мне нужно было чем-нибудь поддерживать бедное свое существование и я не мог жертвовать им моими статьями, помещая их к ним в журналы, но должен был их напечатать отдельно, как новые и свежие, чтобы иметь доход. Все эти безделицы у них ушли [выш<ли>] из виду, [Далее было: Холодность и] как многое уходит из вида людей, которые не любят разбирать [разбираться] в тонкости обстоятельства и положения другого, а любят быстро заключать о

человеке, а потому на всяком [и на всяком] шагу делают беспрестанные ошибки. Прекрасные душой делают дурные вещи, великодушные сердцем поступают бесчеловечно, не ведая того сами.

Холодность мою к их литературным интересам они почли за холодность к ним самим. Не призадумались составить из меня эгоиста в своих мыслях, которому ничто общее благо, а дорога только своя собственная литературная слава. При том каждый из них был до того уверен в истине и в справедливости своих идей и положений, что всякого с ним несогласного считал не иначе, как совершенным отступником от истины.

Предоставляю вам самим судить, каково было мое положение среди такого рода людей. Но вряд ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутренние страдания, которых начало началось отсюда. (Плетнев меньше всех был в них виновен, или, лучше сказать, он во все невинен, но зато он был смешней всех и точный ребенок доньне). Скажу вам только

то, что между моими литературными приятелями началось что-то в роде ревности. Всякий из них стал подозревать меня в том, что я променял его на другого. И слыша издали о моих новых знакомствах и о том, что меня стали хвалить люди им неизвестные, усилили еще более свои требования, основываясь на давности своего знакомства. Я получал престранные письма, в которых каждый, выставляя вперед себя и уверяя меня в чистоте своих отношений ко мне, порочил и почти неблагородно клеветал на других, уверяя, что они мне льстят только из своих выгод, что они меня не знают вовсе, что они любят меня только по моим сочинениям, а не потому, что они любят меня самого (все они до сих пор еще уверены, что я люблю всякого рода фимиам), и упрекая меня в то же время такими вещами, обвиняя такими низкими [низкими и подлыми] обвинениями, каких, клянусь, я бы не сделал самому дурному человеку, и поступков, приписываемых мне, я бы не приписал не только немного худшему меня, но даже никому бы не приписал, потому что просто безумное было бы дело приписать их ко-

му бы то ни было. Они в мыслях своих сделали из меня какую-то игрушку, бесхарактерного человека, который не знает вовсе людей, меняется в мыслях и переходит от одного к другому. И с тем вместе придавали мне такие качества, которые явно противуречат такому бесхарактерному человеку, как-то: эгоизм, славолюбие, недоверчивость, скрытность и тому подобное. Одним словом, они наконец вовсе запутались и сбились со всякого толку. Каждый из них на месте меня составил себе свой собственный идеал, им же сочиненный образ и характер, и сражался с собственным своим сочинением в полной уверенности, что сражается со мною. Теперь конечно все это смешно, и я могу, сказавши: [сказавши только с некоторым легким прискорбием] «Дети, дети!», обратиться по-прежнему к своему делу. [и обратиться вдруг к другим мыслям и занятиям] Но тогда мне было невозможно того сделать. Недоразумения доходили до таких оскорбительных подозрений, такие грубые наносились удары и притом по таким чувствительным и тонким струнам, о существовании которых не могли даже и подозревать

наносившие удары, что изныла и исстрада-
лась вся моя душа и мне слишком было труд-
но. Тем более [Всё это тем более] это было
трудно, что даже и оправдаться мне не было
возможности, как ни хотелось оправдаться.
Оправдаться мне уже потому было нельзя,
что слишком многому мне нужно было вра-
зумлять их, слишком во многом мне нужно
было раскрывать им мою внутреннюю исто-
рию. А при мысли о таком труде и самая
мысль моя приходила в отчаяние, видя пред
собою бесконечные страницы. При том вся-
кое оправдание мое было бы им в обвинение,
а они еще не довольно созрели душою и не
довольно христиане, чтобы выслушать такие
обвинения. Мне оставалось одно — обвинить
до времени себя, чтобы как-нибудь до време-
ни их успокоить и, выждав времени, когда ду-
ши их будут более размягчены, открывать им
постепенно, исподволь и понемногу настоя-
щее дело. Вот легкое понятие о моих соотно-
шениях с моими литературными приятеля-
ми, из которых вы сами можете вывести и со-
отношения мои с Плетневым.

Он бы был гораздо умнее в сношеньях со мной и справедливей ко мне, если бы на беду не затянулся сам в литературное дело. Ему вообразилось, что он, по смерти Пушкина, должен защищать его могилу изданием Современника, к которому сам Пушкин и при жизни своей не питал большой привязанности, хотя издавал его собственными руками, и хотя я тоже с своей стороны подзадоривал его на это дело. Журнал определенной цели не имел никакой даже и при нем, а теперь и по-давно. Плетнев связывает с ним какую-то пространную идею, которую имеет всякий и толкует по-своему, впрочем и сам он этой идеи в статьях своего Современника никому не дал понять. Но тем не менее он считает, что один только идет по прямой дороге, по которой должен идти всякий литератор, и всех, кто не помещает статей в Современнике, считает людьми отшатнувшимися и чуть не врагами тени Пушкина. Я это видел, а потому избегал [избегал с ним] всякого литературного разговора с ним в бытность мою в Петербурге, ибо мне [чувствуя что <мне>] предстояло или сказать: идея твоя совершенно справед-

лива, великодушна и благородна, — я твой помощник и сотрудник, или же сказать: любезный друг, ты гоняешься за тенью. Первого я бы не мог выполнить, а вторым я бы рассердил его навсегда. Вот почему я избегал с ним всяких речей о подобных предметах, что повергало его в совершенное недоумение, ибо он считает, что я живу и дышу литературой.

Я очень хорошо знал и чувствовал, что он терялся обо мне в догадках и путался в предположениях, хотя этого не давал он [и не давал он] мне заметить и хотя об этом не писал мне писем, а изредка только в разговорах с другими выражал неясно свое неудовольствие на меня. Мне захотелось узнать наконец, в каком состоянии находится он [он находится] теперь относительно себя [к себе] и относительно меня, [ко мне] и с этой целью я наконец заставил его написать откровенное письмо. Из этого письма я узнал то, что он больше ребенок, чем я предполагал. В письме юношеские упреки, юношеские стремления, смешение понятий дружбы и дружеских отношений с целями литературными. К этому

примешалась мысль о единстве церкви в каком-то безотчетном, не объяснившемся для него самого соединении с литературой, [мысль о соединении дела литературного с единством церкви] наконец, противоречия себе самому и при всем этом твердая уверенность в непреложности своих положений и в том, что он наконец мне высказал всю правду, указавши мне путь и дорогу, как человеку отшатнувшемуся. Письмо это мне было нужно, потому что, кроме суждений о мне, показало [показало мне] отчасти его душевное состояние. [Далее начато: Сверх] Но при всем том я был приведен в совершенное недоумение, как отвечать на него. Когда я показал его Жуковскому, он рассмеялся и советовал отвечать на него в шутовском тоне, объяснив ему слегка, что он несколько зарапортовался. Но я видел, что этого никак нельзя. Плетнев бы тогда рассердился на меня на веки. В письме его слишком было много уверенности в справедливости своих положений и в том, что он один может ценить меня. При том в нем отражалась какая-то черствость душевная, негодующая на других, а не размягченность душев-

ная, негодующая на себя, ищущая упреков себе. Я чувствовал, что мне слишком было нужно быть осторожным в ответе. Я ограничился только тем, чтобы сделать ему сколько-нибудь ясным: что можно ошибиться в человеке, что нам нужно быть более смиренными в рассуждении узнания человека, не предаваться скорым заключениям, приличным гордому и уверенному в себе человеку, не выводить по некоторым поступкам, которых даже и причин мы не знаем, непреложных положений [зэк<онон>] о всем человеке. Наконец [Далее начато: быть сколько] мне хотелось сколько-нибудь возбудить в нем сострадание к положению другого, который может сильно страдать, тогда как другие даже и не подозревают о его страданиях, и который через то самое еще более страдает, когда другие даже и не подозревают о его страданиях. Намерение мое было при этом и то, чтобы сколько-нибудь расположить его душу к умягчению, что одно я считал и для него и для меня необходимым, отстранив всякие объяснения на те обвинения, которые просто были даже вовсе несвойственны моей природе и

могли быть сделаны человеком, знающим плохо человеческое сердце. Но и это письмо (которое, может, было только плохо написано, потому что мне трудно писать к тому, с которым еще не завязывались душевные искренние речи, но которое однако ж в существе своем было искренно), но и это письмо навело на него только одни недоразумения.

Вы говорите, что с Плетневым произошла большая перемена в последние три года и что он сделался истинным христианином. Странно: его письмо этого не показывает. Христианин не будет говорить таким образом о чистоте души своей, как говорил он, и чем чище он будет душой, тем больше будет в силах видеть нечистоту души своей, постигая только тогда всю недоступность божественного совершенства. Христианин не будет также отзываться таким образом, как отзывается он о людях, которых считает моими друзьями, называя их промышленниками, раскольниками, врагами истины и просвещения и тому подобными именами. Против некоторых из этих людей, на которых он намекает, я более

всех других имел бы право негодовать, получив личные оскорбления от них, из коих [Далее начато: я бы по<ручился?>] бог знает вынес ли бы и десятую долю Плетнев. Но отстранив в сторону всякие личные отношения, я должен сказать истинную правду, а именно, что душа у них так же добрая, как и у него, и сердце так же прекрасное, как и у него, но что они так же, как и он, сбились несколько с толку [Далее было: на литературе] или, как говорится, зарапортовались. Так же, как и он, отчасти бредят и единственно от неведения своего произвели некоторые поступки такие, которых бы никак не произвели, если бы были побольше христианами. Наконец мне кажется, христианин не станет так отыскивать дружества, [Далее было: и вызывать на него таким образом] стараясь деспотически подчинить своего друга своим любимым идеям и мыслям и называя его потому только своим другом, что он разделяет наши мнения и мысли. Такое определение дружества скорее языческое, чем [а не] христианское. Притом же и Христос не повелевал нам быть друзьями, но повелел быть братьями. Да и можно ли срав-

нить гордое дружество, подчиненное законам, которые начертывает сам человек, с тем небесным братством, которого законы давно уже начертаны на небесах. Те, которых души уже загорелись такой любовью, сходятся сами между собою, ничего не требуя друг от друга, никаких не произнося [не произносят] клятв и уверений, чувствуя, что связь такая уже вечна и что рассориться они не могут, потому что всё простится, и трудно было бы даже им и выдумать что-нибудь такое, чем бы один из них мог оскорбить другого. Разве мы с вами давали какие-нибудь обещания друг другу, разве из нас требовал кто-нибудь от другого одинакого образа мыслей, мнений и тому подобное, напротив, каждый из нас шел своей дорогой к тому же нашему небесному виновнику нашей жизни. А встретились мы потому, что шли к нему. Но что тут говорить! Растет любовь сама собою; и поглощает [и всё поглощает] потом всё наше бытие, и любится нам уже оттого, что любится.

Итак, мне кажется, что вы не совсем справедливы, сказавши, что Плетнев теперь сде-

лался истинным христианином. Я знаю также, что очень много теперь есть истинно достойных людей, которые думают, что они христиане, [Далее было: они отчасти точно еще христиане] но христиане только еще в мыслях и в идеях, но не в жизни и не в деле. Они не внесли еще Христа в самое сердце [так сказать, в самое сердце] своей жизни, во все действия свои и поступки. Есть также и такие, которые потому только считают себя христианами, что отыскали в евангельских истинах кое-что такое, что показалось им подкрепляющим любимые их идеи. А потому вы испробуйте сами Плетнева, заговорите с ним о таких пунктах, на которых узнается, как далеко ушел человек в христианстве, испробуйте также его мнения о других людях. Отзывается ли он о них так, как христианин? И если, по словам вашим, он в вас имеет такую же нужду, как вы во мне, то сделайте для него то, что предпишет вам истинная братская любовь: уврачуйте, что найдете в болезненном состоянии, умягчите с небесной кротостью то, что зачерствело, но обо мне покамест с ним не говорите, не разуверяйте его

насчет меня, и храни вас бог показывать ему какие-нибудь мои письма, да и никому, кроме разве одного духовника вашего, их не показывайте. Поверьте, что они будут чужды для всякого: ибо писаны на языке того человека, к которому писаны. А таких языкознателей или лучше душезнателей, которые могли бы читать все языки, сами знаете, немного. О Плетневе вообще вот что можно [могу] сказать. Душа у него, точно, чистая и прекрасная, но он не сделал никакого тяжелого проступка, не был потрясен сокрушающей силой несчастья, бог не призвал его к тому, чтобы быть ближе к нему, а потому он горд своею чистотою, и в этом грех его, ибо сами знаете: богу лучше кающийся грешник, чем гордый праведник. От того и душа его обросла черствою корою всяких привычек [Далее было: набралось всей пустоты] светской жизни и не слышит, что она бывает временами далека от самой себя. Плетнев имеет ум, но этот ум не глубок и не многосторонен, а потому он не может видеть далее того горизонта, который обнимают глаза его, и естественно, что отвергает [даже отвергает] самую мысль, что есть

[что есть еще] пространства вне им зримой черты. Но довольно о Плетневе. Поговорим [Скажу] теперь вообще о тех четырех страничках выговоров и увещаний ваших, которые вы мне поместили в вашем письме. [вы поместили в вашем письме мне по поводу этого безрассудного по вашему мнению дела] Друг мой, вы видно не помолились перед тем, когда писали их. В них слышен холод, черствость и не слышна та прекрасная ваша душа, которая так часто обнаруживается во всех других строках ваших писем. Кажется, как будто бы вы в них воюете [вы сражаетесь] только с одним безрассудством моего поступка, видите только поступок отдельно от человека, а не видите самого человека, ни обстоятельств его, ни причин двигнувших, ни даже того, возможно ли приписать умному сколько-нибудь человеку в такой степени безрассудство. Я ставил на место себя опрометчивого и горячего юношу, способного [Далее начато: действовать] на то донкишотство, которое вы приписываете мне, и рассматривал эти страницы вашего письма уже не в отношении ко мне, а в отношении ко взятому

юноше, но нашел, что они и ему не придутся; они, кроме того, что невпопад, они лишены силы сердечного убеждения, в них отсутствие того, что может тронуть душу. Они как будто писаны на воздух, а не направлены собственно к какому-нибудь лицу, которого личность и природу вы видели перед своими глазами, когда писали. Друг мой, если вы будете таким образом убеждать кого-либо, то я не удивлюсь, что слова ваши не будут иметь действия и доброе стремление ваше не достигнет цели. Ради бога, перед тем как будете писать к кому-либо с тем, чтобы подействовать на него и убедить, представьте себе мысленно его всего, его поступки во всех других родах, сообразите всё, не уничтожают ли уже в нем находящиеся другие свойства того, что вы в нем предполагаете. А сообразивши всё, помолитесь богу, чтобы он <дал> вам слово убеждающее. Взгляните также на самих себя. Имейте для этого на столе духовное зеркало, то есть какую-нибудь книгу, в которую может смотреть ваша душа, хоть напри^мер Подражание Христу. Первая страница, которая вами развернется, будет кстати. Она даст душе

вашей покойное и мирное настроение. Совет ваш исполнится великим смирением духа, ни резкого, ни самоуверенного, ни самонадеянного [ни самонадеянного слова] не будет в нем, благоуханье любви только одно послышится в нем, и в совете вашем будет божий совет, и не будет человека, который бы устоял против него, хотя бы в несколько раз сильнейшую правду вы хотели сказать ему.

Все мы вообще слишком привыкли к резкости и мало глядим на себя в то время, когда даем другому упреки, потому и упреки наши бывают недействительны. Очень чувствую, что и я, говоря [говоря в этом] вам в этом письме, говорю, может быть, слишком дерзко и самоуверенно. Такова природа человеческая. Она всюду перельет, всё доведет до излишества, ей невозможно беспристрастие, и даже защищая самую святую середину, она покажет [уже покажет] в словах своих увлечение человеческое, стало быть низкое и не достойное предмета. Друг мой, добрейший и ближайший моему сердцу, будем смиренней в упреках, когда упрекаем других. Но не отно-

сительно нас с вами. Мы люди свои, мы не должны взвешивать слов своих, когда говорим друг другу; но все-таки портрет друг друга мы должны иметь пред глазами, когда мы пишем друг к другу. Иначе слово будет холодно и не всегда впопад. Но имея в виду это, мы можем упрекать и резче и сильнее, и упреки будут впопад. При том, упрекнувши другого даже, может быть, и очень сильно, из нас верно каждый потихоньку те же упреки обратит к самому себе, а потому и не будет удерживаться ни излишним смирением, ни осторожностью.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
1845. Генварь 2 <н. ст.
Франкфурт>

Письмо твое от 2-го декабря получил. Сожалею, что квартира, попавшаяся тебе ныне, не так удобна, как бы ей следовало быть. Но, сам знаешь, квартира есть всегда квартира, а становится она неудобною во всей силе тогда, когда позабудешь, что это квартира, а примешь ее за собственный дом. Мысль завести собственное гнездо в Москве недурна, совершенно прилична литератору, особенно домоседу, и я нахожу, что может быть удобно приведена в исполнен<ие>. Если через год и Жуковский переедет на жительство в Москву (как он то помышляет), то Москва получит большую значительность и степенность, какой ей недоставало. Тогда может восстановиться в ней та литературная патриархальность, на которую у ней есть только претензии, но которой в самом деле нет. Кстати о Жуковском. Ты спрашиваешь: как идет «Одиссея»? На это скажу покаместь то, что

дай бог, дабы всё остальное так же шло на свете, как идет у Жуковского «Одиссея». Перевод этот решительно есть венец всех переводов, когда-либо совершавшихся на свете, и венец всех сочинений, когда-либо сочиненных Жуковским. Половина его уже совершена. Двенадцать песен готовы. Впрочем, обо всем этом, равно как и о производстве самого перевода, написано им весьма замечательное письмо к Авд<отье> Пет<ровне> и Ив<ану> В<асильевичу> К<иреевскому>, которое ты, вероятно, уже и сам прочел или, по крайней мере, о нем знаешь. Движение по части «Москвитянина», о котором ты пишешь, меня радует, но сотрудников следует подзадоривать и, так сказать, подпекать на дело. Это, как знаешь, народ русский. Рвануться на работу — наше дело, а там как раз и съедешь напшик. У нас есть старье из литераторов, мастера только приводить в уныние молодых людей, а подстрекнуть на труд и дельную работу нет ума. Как до сих пор так мало заботиться об узнаваньи природы человека, тогда как это есть главное начало всему! Профессора у нас заняты только своим собственным

краснобайством, а чтобы образовать человека, об этом вовсе не помышляют. Они не знают, кому они говорят, а потому не мудрено, что не нашли до сих пор языка, которым следует говорить и беседовать с русским человеком. Не умея ни поучить, ни наставить, они умеют только, рассердившись, избранить кого-нибудь, а потом сами [сами же] жалуются на то, что не принимаются слова, что у молодых не соответствующее потребностям направление, позабыв, что если скверен приход, то в этом поп виноват, а не кто другой. Как в последние пять или шесть университетских выпусков (когда об ученьи гораздо больше было прилагается старания, чем когда-либо прежде, и правительство с своей стороны сделало всё, что могло) не образовалось почти ни одного деятельно-работящего таланта! И «Москвитянин», издаваясь уже четыре года, не вывел ни одной сияющей звезды на словесный небосклон! Высунули носы какие-то допотопные старики, поворотились, <...> [Не принятое в печати слово.] и скрылись, тогда как с русским ли человеком не наделать добра на всяком поприще! Да его стоит толь-

ко хорошенько попрекнуть, назвав его бабой и хомяком, загнуть ему знакомую поговорку и сказать, что вот, де, говорит немец, что русский человек ни на что не годен, — как из него уже вмиг сделается другой человек. А потому не позабудь, друг мой, что и ты, с своей стороны, можешь много ободрить русского человека. В самом стихе твоём есть уже что-то бодрое и бодрящее, и если таким стихом оденешь ты и мысль, вполне бодрящую, и если рассмотришь к тому и природу русского человека, чтобы узнать, по которому месту бить и хлестать его, то много-много можешь наделать добра. Стихи, присланные тобой в образчик духовн<ых> стих<отворений> («Блажен, кто мудрости высокой»), получил и прочел с удовольствием. В них есть простота, величие и светлость, но они далеки от «Землетрясения». Я не думаю даже, чтобы форма псалмов была прилична тем духовным стихотвореньям, какие потребны в нынешнее время. По крайней мере псалмы должны быть собственные, а не переделанные или извлеченные из Давида. Вообще же духовное стихотворение (какой бы формы оно ни было) мо-

жет быть ныне значительно только тогда (всё это я, разумеется, говорю вследствие моего мнения, которое, может быть, и ошибочно), когда оно двинуто которою-нибудь из следующих возбуждающих сил: или силою гнева, почерпнутого от самого гнева божия, стало быть, нелицемерного гнева, не в мыслях, но уже в сердце обитающего, гнева противу всего презренного и нечистого, в каком бы ни заключилось оно сосуде. (Само собою разумеется, что гнев не к самым сосудам, заключившим в себе презренное, но к презренному, заключенному в сосудах; против самих сосудов гнев может быть только за то, что они отворили двери презренному или заключили его в себе). Итак, или силою попопаляющего божьего гнева должно [должно быт<ь>] проникаться духовное стихотворение, и это пусть будет во-первых. Или же, во-вторых, оно должно быть проникнуто и подвинуто силою любви к человеку, зажженной также от небесной любви божьей к человеку, любви, измерившей всю страшную участь тех, которые воздвигают против себя гнев божий. Содрогаясь от ужаса за них и подвигнувшись небесным

ангельским состраданьем, она уже не поражает их, а молит, как брат умоляет брата, как несчастная и безотрадная мать умоляет сына, идущего на явную гибель, умоляет его такими воплями и стонами, от которых и бесчувствен<ный> камень содрогнется. И сею силою нежного моления [Итак, силою такой любви] может бы<ть> подвигнуто значительное духовное стихотворение, во-вторых. Или же, наконец, в-третьих, духовное стихотворение может быть подвигнуто силой внутреннего собственного излияния: умягченным и утопающим в блаженстве вознесеньем сердца своего к богу, внутренним гневом против собственных своих недостатков, унынья, малодушья и бессилья своего, умоляющим и горячим молением о ниспослании в душу того, чего еще нет в ней и что достается так трудно нашей черствой и неразмягченной природе. В последнем случае духовное стихотворение примет форму молитвы и может разнообразиться бесконечно, смотря по различию и разнообразию состояний душевных. Но само собою разумеется, что здесь ничего не должно быть вымышленного или вообразимого толь-

ко умом. Что не было добыто слезами и душевным внутренним сокрушением, то не должно облечься и в стихи. Иначе, при всех достоинствах поэта, на место жара, холод пребудет [останется] в стихотворении, оно останется никому не родным и круглым сиротою. Итак, сими только тремя побуждающими силами, мне кажется, должно [может] быть подвигнуто духовное стихотворение, дабы соответствовать высокому значенью своему. А что самые сии побуждающие силы пробуждаются в человеке не иначе, как от соприкосновенья с живыми, текущими, настоящими современными обстоятельствами, его обставляющими и окружающими, об этом и говорить нечего. Любви к прошедшему не получишь, как ни помогает поэту воображенье. Любовь возгорается к тому, что видишь, и, стало быть, к предстоящему, прошедшее же и отдаленное возлюбляется по мере его надобности и потребности в настоящем. Словом, вообще удача духовного стихотворения зависит от того, когда оно предпринимается как подвиг во имя божие, как искреннейшее дело, как то деяние, по которому будет судить нас

бог во пришествии своем. Вот почему так холодны попытки всех прелагателей псалмов: они их брали просто как предмет для поэзии, как поэтические игрушки.

Твое духовное стихотворение («Блажен, кто мудрости высокой») не содержит в себе ни упрека, порожденного гневом, ни сострадания, порожденного любовью, ни умоления, исторгнутого силою душевной немощи. В нем заключено восхваление, которое, как известно, само по себе всегда уступает в силе трем прочим. Гневается ли человек, любит ли, умоляет ли, он всегда тут становится сильнее, чем когда он хвалит. Итак, вследствие уже этого твое духовное стихотворение не могло [не может] произвести сильного впечатления. Притом предмет восхваления есть муж, отстранившийся от людей и от их порочного общества, тогда как люди [сами люди] теперь больше, чем когда-либо прежде, нуждаются в любви к себе. Стало быть, стихотворение еще более должно отозваться какою-то черствостью. Я не говорю, [я не отрицаю] чтобы род стихотворений в виде восхвалений был те-

перь вовсе бессилен или не нужен, но я думаю только то, что и в сем роде восхваляться должно только то, что наиболее нужно нынешнему человеку среди нынешнего века, и предметом восхвалений должен быть муж, потребный современным обстоятельствам. Если бы ты сказал, например, что блажен муж, который и среди уныния других не предается унынию, но сеет бодрость в души, подьмет повсюду падшего и воздвигает дух в человеке, или — блажен муж, отдавший всего себя на служение богу, который, взявши какое бы то ни было мирское место и звание, служит на нем не для мира и не для своей почести и не ждет ни от кого из людей за это награды, но, как святыню, обнявши долг свой, умеет перенести всё и не оставит своего места ни в каком случае, какие бы ни нанесли ему оскорбления, не переносимые для человеческой гордости, помня только то, что не для себя, не для своего счастья, а для счастья других он взял свое место, и не для удовлетворенья своей гордости, а для защиты других должен он пребывать на нем, не ради какой-либо признательности и хвалы мира, а ради Хри-

ста, представшего перед него в виде страждущих несчастливцев, молящих и простирающих изнуренные от бесплодных простираний руки. Таким образом служащего богу мужа можно ублажить [Далее начато: или же ласка<ть>] не даром и достойно, и найдутся сами собою для того сильные и восторгающие слова. Или — блажен тот, кто, оторвавшись вдруг от разврата и от подлой пресмыкающейся жизни, преданной каверзничествам, неправдам, предательствам, особачившим дни ее и заплевавшим его человеческую душу, как бы вдруг пробуждается в великую минуту и так же запоем, как способен один только русский, который с горя вдруг вдается в пьянство, так же запоем из пьянства входит в трезвость души, великодушно объявляет брань самому себе, загорается еще сильнейшей жаждой небесною, чем всякой другой, и становится таким образом возвышеннее даже того, кто всю жизнь провел в честности. Здесь можно кстати ублажить и тех тюрюков, которые от бездельной и лежебокой жизни обращаются вдруг к деятельной и таким образом вдруг превращаются из бабы в мужа.

Или же вообще — блажен тот, кто уже загорелся небесной любовью к людям и, позабывши уже все собственные страдания, всё, что ни наносилось ему в огорченье от них или в оттолкновенье от них, влечется к ним сильнейшею любовью, до того, что, уже как бы позабывши о собственном своем спасении, помышляет только о их спасении. Словом, муж, загоревшийся той любовью, которой еще и не знали во времена Давида и которую принес Христос на землю. Да и вообще много-много других, сильнейших псалмов может произвести поэт, крещенный огнем и духом Христовым, если только возрожденье свое как человека внесет в поэзию свою. [Далее начато: где уже окажется возрожденье его, как поэта] Я думаю, что если он ублажит таких мужей, которые именно нужны нашему времени, то [то такие] он произведет действие на всех, [Далее начато: и] несмотря на то, что стихотворения в виде восхвалений не могут иметь такой потрясающей силы, как упомянутые мною прежде роды духовных стихотворений.

Итак, вот всё, что я почел нужным сказать тебе о сем предмете с желаньем искренним помочь тебе, как брат хочет помочь любимейшему брату. Не взыщи, если что здесь сказано нескладно и бестолково, а лучше перечти в иное время и в другой раз: иногда и слово глупое наводит на умную мысль, и это всегда почти бывает, когда сказанное сопровождается любовью и желаньем искренним помочь. Тут всегда, как известно, помогает бог. А потому перечти, подумай, и что тебе бог внушит по сему поводу, то и сделай. Да не забудь прислать мне в образчик и мирское стихотворение. Особенно прошу тех, которые были написаны по какому-нибудь поводу и в писании которых ты чувствовал подталкивающую силу.

Это уже будет третье письмо, которое пишу к тебе после прочтенья твоего стихотворенья «Землетрясение», и с тем вместе третье, если не ошибаюсь, адресуемое в нынешнюю квартиру твою, в дом Шидловской. Затем обнимаю тебя многократно. Да воздвигаются

неослабно твои силы.

Весь твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного. В
Серебряном переулке, в доме Шидловской.

А. А. ИВАНОВУ
1845 год. Генварь <9 н. ст.>.
Франкф<урт>

Поздравляю вас, добрейший Александр Андреевич, с новым годом и от всей души желаю, да усилится в продолжение оногo ваша деятельность около картины. А насчет ваших смущений по поводу денежных недостатков скажу вам только то, что у меня никогда не было денег в то время, когда я об них думал. Деньги, как тень или красавица, бегут за нами только тогда, когда мы бежим от них. Кто слишком занят трудом своим, того не может смутить мысль о деньгах, хотя бы даже и на завтрашний день их у него не доставало. Он займет без церемоний у первого попавшегося приятеля. На свете не без добрых людей; тому же, кто занят твердо и деятельно своим делом, тому всякий поможет. Но ваша картина не потому идет медленно, что вас убивает (даже в начале получаемых денег) мысль, что их не хватит на окончанье, но идет ваша картина медленно потому, что нет подстрекаю-

щей силы, которая бы подвинула вас на уверенное и твердое производство. [уверенную и твердую работу] Молите бога об этой силе. И вспомните сие мое слово: пока с вами или, лучше, в вас самих не произойдет того внутреннего события, какое силитесь вы изобразить на вашей картине в лице подвижных и обращенных словом Иоанна Крестителя, поверьте, что до тех пор не будет кончена ваша картина. Работа ваша соединена с вашим душевным делом. А покуда в душе вашей не будет кистью высшего художника начертана эта картина, потуда [до тех <пор>] не напишется она вашею кистью на холсте. Когда же напишется она на душе вашей, тогда кисть ваша полетит быстрее самой мысли. Явление же это совершится в вас вот каким образом. Начнется оно запросом: а что, если бог в самом деле сходил на землю и был человеком и нарочно для того окружил земное пребывание свое обстоятельствами, наводящими сомнение и сбивающими с толку умных людей, чтобы поразить гордящегося умом своим человека и показать ему, как сух и слеп и черств его ум, когда стоит одиноко, не вспо-

могуществуемый другими, высшими способностями души и не озаренный светом высшего разума? Это будет началом обращения, концом же его будет то, когда вы не найдете слов ни изумляться, [что не довольно удивляться] ни восхвалить [достойно восхвалить] необъятную мудрость разума, предпринявшего совершить такое дело: явиться в мир в виде беднейшего человека, не имевшего угла, где приклонить гонимую главу свою, несмотря на всё совершенство своей человеческой природы. И это будет формальным окончанием вашего обращения. Затем прощайте. Напишите, что вы предприняли по поводу денеж<ных> обстоятельств. Мой совет не смущаться, брать отвсюду займы на время. После всё отдадите. Ведь вы не Габерцеттель. А я вам помогу потом советом, каким образом это сделать. Письмо это держите про себя и никому не показывайте. А следующее письмецо отдайте Моллеру. А Чижову поклонитесь и скажите, что я май и даже июнь месяц пробуду во Франкфурте; впрочем, он во всяком случае узнает обо мне у Жуковского. А Франкфурта ему не миновать, потому что оный есть

пуп Европы, куда сходятся все дороги.

Весь ваш Г.

На обороте: Rome. Italie.

Al Signore

signore Iwanoff Alessandro (Russo).

Roma. Via Condotti, vicina alla piazza di
Spagna, nel Caffè Greco.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

На 1845 год. <11 января н. ст.
1845. Франкфурт>

От всей души поздравляю вас с Новым годом и подношу вам лучший подарок, какой только мог придумать. Для меня из всех подарков лучший есть упрек, а потому дарю и вас упреком. Вы уже догадаетесь, что упрек будет за [в] излишнее приниманье к сердцу всех мелочей и даже самых [В подлиннике: самих] малейших неприятностей, в соединении с беспокойством и раздражительной боязнью духа. Вы сами себе делаете этот упрек, но это еще не всё. Вы должны вспомнить, что с вас этот грех взыщется строже, чем со всякого другого. Рассмотрите сами: вы так награждены богом, как ни один человек еще не был награжден. На вечере дней ваших вы узнали такое счастье, какое другому и в цветущий полдень его жизни редко достается. Бог послал вам ангела в виде любящей вас чистой, ангельской любовью супруги; он же внушил вам мысль заняться великим делом творче-

ским, над которым яснее дух ваш и обновляются ежеминутно душевные силы; он же показал над вами чудо, какое едва ли когда доселе случалось в мире: возрастанье гения и восходящую, с каждым стихом и созданием, его силу в такой период жизни, когда в другом поэте всё это охладевает и меркнет; он же сими самыми [В подлиннике: самими] трудами, возвышая и размягчая вашу душу, ведет вас видимо и постепенно ко вкушению других, еще высочайших ощущений. И как любовь его возрастает по мере нашего стремления к нему, то вас вместе с супругой вашей соединят еще высшие потом узы, и поживете вы на земле, как ангелы живут на небесах, остальное время своей жизни. Так вы награждены! И при всем этом вы не можете переносить и малейших противоположностей и лишений. Тогда как, получивши столько залогов и милостей, можно бы, кажется, встретить нетрепетно и большие неприятности, не только малые! Молю вас, подумайте об этом ныне в предстоящих вам теперь обстоятельствах по поводу приближающихся родов Елизаветы Алексеевны и всего, что с

этим связано. Я знаю, что ее нежное сердце смущается еще более при мысли, что и вы страждете. Женщина вдвое более выносит, когда знает, что близкие ее сердцу уже укрепились духом и пребывают твердой надеждой в божестве. А потому молю и прошу вас, в том ли или во многих других случаях, производящих в вас тревогу душевную, и вообще во всякую минуту душевного беспокойства, подойти прежде к столу и взять в руки это письмо, как ни глупо оно само по себе (впрочем, где двинулся человек любовным участием к брату, там уже помогает бог и обращает бессильное в сильное), взявши в руки это письмо, прочитав его, а, прочитавши его, не делайте никого свидетелем излишней досады или огорчений, не сообщайте никому тревожных беспокойств ваших, но обратитесь с ними прямо к одному богу. Его одного изберите вашим другом и поверенным ваших беспокойств, жалуйтесь перед ним, лейте слезы перед ним, просите с тем вместе прощенья у него за неблагодарность, за малодушие, просите о ниспослании сил истребить в себе то и другое и победить их — и вы их победите и

возвратитесь утешенным и твердым от вашей молитвы. Ужели вы не верите этому? Ужели тот, кто одарил вас таким множеством благ, откажет вам и в этом? Выполните же всё так, как я вас прошу, не пренебрегите моим подарком, и вы сделаете его драгоценным, как он ни мал сам по себе, и наступающий год будет вам плодотворнейший из всех дотоле бывших. И с ним поздравляю вас еще раз, мой друг, благодетель, наставник и виновник многих прекрасных минут в моей жизни!

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Франкфурт. 15 [13] <11>
генвар<я> <н. ст. 1845>

Я получил твое письмо от 2 декабря и при нем стихотворение к Киреевой. Оно очень мило. Намерение твое попробовать Призница и воды я считаю совершенно основательным и благоразумным. О сем, как помнишь ты, мы когда-то трактовали. По крайней мере, по моему мнению, следовало бы во всяком случае потолковать и посоветоваться лично с Призницей, чтобы быть потом покойну в совести и не пенять на самого себя. [Далее начато: Са<м>] Ты сам знаешь, что это единственное леченье, которому я верил, и верил потому, что оно во всё время своего производст<ва> бодрит, а не расслабляет человека, и что во время его даже не велится прекращать умственных занятий. Призниц даже особенно требует, чтобы они продолжались. А посему, если ты о сем что-либо утвердишь и остановишься на таком утверждении, то уведоми меня, дабы я мог к тебе выехать навстречу.

Весьма может быть, что и сам я примусь за это лечение, и тогда разделим вместе скуку греффенбергского местопребывания. Я Навербую с своей стороны разных ипохондриков, а ты с своей, и мы тогда заживем деятельным монастырем, в разного рода трудах и подвижаниях. Здоровье мое стало плоховато; и Копп и Жуковский шлют меня из Франкфурта, говоря, что это мне единственное средство. Нервическое тревожное беспокойство и разные признаки совершенного расклеения во всем теле пугают меня самого. Еду, а куда — и сам не знаю. Охоты к путешествию нет никакой. Пробираюсь в Италию и беру дорогу (избегая горных переездов и частых пересестов) на Францию и Париж. В Париже проживу месяц, а может быть, и более; самого Парижа я не люблю, но меня веселит в нем встреча с близкими душе моей людьми, которые в нем теперь пребывают, а именно с графинями Вьельгорскими и графом Толстым, братом того, которого ты знаешь, у которого я и остановлюсь, а потому ты адресуй следующие твои письма на имя графа Толстого в Париж: Rue de la Paix, hôtel Westminster, № 9. Прощай,

обнимаю тебя, ибо пора садиться в malleposte, которая покамест понесет в Париж.

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке, в доме Шидловской.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Париж. Генваря 12 <ст. ст.
1845>

Благодарю вас очень, очень за ваше для меня радостное письмо; а бога я уже благодарил за дарованное вам счастье и еще буду благодарить. Вы также умеете быть отныне еще более благодарным ему, чем когда-либо прежде, и молитесь у него же о ниспослании вам сил быть ему благодарным. Известие о даровании вам сына было принято радостно всеми близкими вам друзьями, а в особенности гр<афинями> Вьельгорскими. Поздравьте от меня Ел<изавету> Ал<ексеевну> и поцелуйте ее ручку, а потом поздравьте также от меня всё милое семейство Рейтернов, начиная с барона. Я их всех люблю, хотя и не изъясняюсь с ними словами и речами. О себе скажу, что дорога мне сделала добро, [хорошо] но в Париже я как-то вновь расклеился. Время гнуснейшее: мгла и совершенное отсутствие всякого воздуха. Наместо его носится какая-то густая масса человеческих испарений. Время

идет бестолково и никак не устраивается, и я рад бы в здешнее длинное утро сделать хотя в половину против того, что делывал в короткое утро во Франкфурте, хотя занятия были и не те, какие замышлял. Я не думаю в Париже пробыть более полутора месяца. Приближаясь к весне, я всегда люблю простор и вольный воздух, а здесь к весне вонь. [Далее начато: Это] Говоря вам откровенно, я во Франкфурте совсем не соскучился, но выехал единственно потому, чтобы переломить болезненное и лихорадочное состояние, которого продолжительности я опасался. А наслаждений у меня много было там внутренних и тихих, которые были достаточны разлить спокойствие на весь день. Но покамест прощайте; обнимаю и целую вас и всем вашим посылаю мой душевный поклон.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Francfort sur Main.

Son excellence monsieur m-г Joukovsky.

Francfort s/M. Salzwedelsgarten vor dem
Schaumeinthor.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
<Начало февраля н. ст. 1845.
Париж.>

Сам бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи «К не нашим». Душа твоя была орган, а бряцали по нем другие персты. Они еще лучше самого «Землетрясения» и сильнее всего, что у нас было писано доселе на Руси. Больше ничего не скажу покаместь и спешу послать к тебе только эти строки. Затем бог да хранит тебя для разума и для вразумления многих из нас. Прошай.

Весь твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, в приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке, в доме Шидловской.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Париж. Генваря 28 <ст. ст.
1845>

Письмо ваше вместе с письмом Смирновой получил и благодарю вас за то и за другое. Здоровью моему переезд из Франкфурта в Париж сделал пользу, но самое пребывание в душном Париже несколько порасстроило его, несмотря на то, что стараюсь прогуливаться в окрестностях. Последую вашему совету по мере возможности; выезжаю на днях из Парижа, с тем, чтобы объехать некоторые места Франции, держась, однако ж, франкфуртской дороги, ибо благоразумие и кошелек не позволяют делать больших крюков, да к тому ж зимой не так бывает удобно слишком много двигаться. Во Франкфурте проживу с вами великий пост, а на последней неделе поеду говеть и встретить пасху в Штутгарт, откуда уже, вероятно, направлю путь на какие-нибудь воды. Стало быть, с Тургеневым мы всячески устроимся, ибо он не раньше, как после пасхи, будет во Франкфурте, то есть или в

конце апреля, или же в начале мая. Затем обнимаю вас всей душой и сердцем и милую вашу супругу, и малюток ваших, и почтенного добрейшего Рейтерна со всем его милым семейством.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Francfort sur Main.

Son excellence monsieur m-r de Joukovsky.

Francfort s/M. Sachsenhausen.
Salzwedelsgarten. vor dem Schaumeinthor.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Париж. Февраля 12 <н. ст.
1845>

За разъездами и за всякими проветриваниями, то есть брэнного тела моего, а не духа, не успел еще написать обстоятельно тебе ничего. В Париж я попал совершенно нечаянно, как тебе известно и как я писал. Остаюсь в нем несколько дней и еду тоже проветрить себя еще несколько по Франции, направляя дорогу на старое гнездо, во Франкфурт, а потом пиши письма по-прежнему во Франкфурт и по прежнему адресу. Книги во всяком случае присылай, если случится оказия, во Франкфурт: там складочное место всему. О Париже скажу тебе только то, что я вовсе не видел Парижа. Я и встарь был до него не охотник, а тем паче теперь. Говоря это, я разумею даже и относительно материальных вещей [даже и в самых материальных вещах] и всяких жизненных удобств: нечист, и на воздухе хоть топор повесь. Никого, кроме самых [В подлиннике: самих] близких моей душе, т. е.

графинь Вьельгорских и гр<афа> Ал<ександра> П<етровича> Толстого, не видал. Тургенева видел раз и в другой мельком: он несет дичь. Противу всякого чаяния, я прожил, однако ж, эти три недели хорошо, в отношении [в житии] моральном. Жил внутренне, как в монастыре, и, в прибавку к тому, не пропустил почти ни одной обедни в нашей церкви. Священник наш хороший и умный человек и, благодаря ему, я не оставался без русских книг, которые были мне потребны и пришлось по состоянию души. Больше тебе не пишу, ибо собираюсь в дорогу и спешу дочисть очень нужные книги. Из Франкфурта напишу поболее. А на письмах не забудь прибавлять к адресу по-старому: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Причина, почему не еду в Италию: позднее время, а отчасти и ожидание решения от тебя насчет твоего прожекта лечения. Мне же, во всяком случае, придется проводить лето на каких-нибудь немецких водах; стало быть, высовывать в Италию нос на такое короткое время было бы никак неудобно. Обнимаю тебя. Поклонись всем моим знакомым.

Твой Г.

Стихи твои «К не нашим» произвели такое же впечатление, как на меня самого, на моих знакомых, т. е. на графинь Виельгорских и на графа Толстого, которые от них без ума, но Тургенев, кажется, закрутит нос, [закрутит слишком нос] а, может быть, даже и чихнет.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, в приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке. В доме Шидловской.

А. О. СМИРНОВОЙ
1845. Париж. Февраль 24 <н.
ст.>

Простите меня, прекрасный друг мой Александра Осиповна, за то, что давно не писал к вам. Но не я виноват; виновато было мое здоровье, которое расклеилось совершенно во Франкфурте в конце старого и начале нового года, вследствие этого мне велели сделать поездку куда бы то ни было для развлечения и восстановления сил, расколебленных нервическими недугами. Не зная, куда направить шаги на такое короткое время, я отправился в Париж, единственно затем, что там были люди, близкие душе моей, надеясь, что просто развлечение и разговор с ними в силах разогнать всё и что это не более, как временная хандра. Но Париж, или, лучше, воздух Парижа, [воздух Парижа наполня<ет>ся] или, лучше, испарения воздуха [собственных воздуха] парижских обитателей, пребывающие здесь наместо воздуха, помогли мне не много и даже вновь расстроили

приобретенное переездом и дорогою, которая одна бывает для меня действительнее всяких пользовании. С Вьельгорскими я видался мало и на несколько минут. Они погрузились в парижский свет, который исследывают любопытно вместе с Лазаревыми, чему я, впрочем, очень, рад. Рассеяние им необходимо нужно, как графине-матери, так и графине-дочери. Они равно наклонны к хандре, а в Париже, при его сером, гадком климате, весьма легко предаться тому, если не ведешь жизни сколько-нибудь в парижском духе. Я, однако же, провел эти три недели совершенным монастырем, в редкий день не бывал в нашей церкви и был сподоблен богом и среди глупейших минут душевного [душевного свое<го>] состояния вкусить небесные и сладкие минуты, за что много и много благодарю. На днях, то есть через два дни с небольшим, еду во Франкфурт, где оставил начатое, но прерванное недугами длинное и большое письмо к вам по поводу разных объяснений и дел, как прозаических, так и душевных. Приехавши во Франкфурт, допишу его и отвечу на кое-что из ваших писем, а вы не смотрите на то

слишком строго, что я не так часто пишу к вам, как бы сам хотел. Скажу вам только то, что всякое слово вашего письма мне дорого, как слово родного брата (а родство это идет от самого Христа), и всякая строчка вашего письма глядит [род<ством> глядит] тем родством, каким не глядит земное родство, и все те места ваших писем, где только изливалась и где изливается и выказывается ваша прекрасная и страждущая душа, целую душевным поцелуем, целуя и самое страдание, ее искушавшее, моля внутренно бога о превращении его в небесное вам наслаждение. Чего ж вам больше? Хотя я и не отвечаю вам иной раз словами, но душа отвечает. И ничто не пропадает в ваших письмах безответно. Итак, знайте это и никогда не уставайте писать ко мне: это обоюдно нужно нам. А обо мне помолитесь, и помолитесь крепко и сильно; здоровье мое слабеет, и нехватает сил для занятий. Молитесь, чтобы помог бог мне в труде, уже не для славы и не для чего-либо другого предпринятого, но в его святое имя и в утешенье душевное брату, а не в увеселение его. Я вижу ощутительней, что климат в Германии не так

для меня благотворен, как в Италии. Большая разница во всем. А потому, [а потому, если] полечившись лето на водах холодных или морских, я думаю на зиму (будущую) отправиться в Италию и оттуда, уже не откладывая надолго, ехать в Иерусалим, чувствуя, что там только обрету полное выздоровление. Покамест скажу вам [скажу вам, что] на один пункт вашего письма, именно о деньгах. Скажу вам, что мне крайне тяжело брать у вас. Я просил у вас, основываясь на ваших словах, что у вас лежат деньги для меня, данные вам на случай, когда я буду находиться в нужде, кем — вы умолчали и не сказали имени; рассчитывая это, я попросил твердо, ибо кто так благороден, что скрыл свое имя, помогая, от того [у того] можно твердо взять деньги: такие деньги берутся прямо, от кого бы они ни были, хотя бы от такого человека, которым бы мы никак не хотели одолжиться; в таком случае не исследуется даже и имя давшего, а стремятся за него душевные, искренние молитвы. Таким образом если даются деньги, то уж, верно, даются ради Христа и в его имя, а не для того, чтобы быть вправе напомнить

получившему, [получившему о том] что мы его облагодетельствовали, или укорить его в неблагодарности, как поспешно и грубо привыкли делать даже лучшие из нас. Итак, эти [гд<е> эти] деньги, о которых вы говорили мне, как о положенных для меня и вам врученных, я считал или делом любви ко мне, не рассчитывающей на какие-нибудь условия, или <они> истинно христианская, ради самого Христа данная мне помощь для продления жизни моей. Теперь, по обещанию вашему прислать мне тысячу, как только успеете собрать, и по словам вашим, чтобы я надеялся на вашу помощь и впредь, я вижу, что эти деньги ваши, и мне страх жалко взять их у вас, мой добрый, прекрасный (и увы! небогатый деньгами) друг мой! Если вы мне вышлете эту тысячу, я ее возьму и не отправлю назад, но только и возьму от вас одну ее. И объявляю вам вперед, что сверх ее я не приму от вас ничего. [ничего бо<лее>] Друг мой, вы сами посудите, рассмотревши хорошенько ваше собственное положение и разнообразные ваши обязанности, прав ли я и можно ли мне брать у вас. Но довольно. По поводу этого по-

говорим после, а теперь спешу отправить письмо, чтобы вас не тревожило молчание. Сейчас получил письмо от Иванова и при нем письмо к вам, которое он просит прежде процenzуровать мне самому, а потом отправить вам. Но я отправляю вам с тем, чтобы вы сами и процenzуровали его.

Прощайте. Обнимаю вас от всей души.

Ваш вседушевный друг Гоголь.

На обороте: A Pétersbourg. Russie.

Ее высокородию Александре Осиповне Смирновой.

В С.-Петербурге, на Мойке, близ Синего моста, в собственном доме. En Russie.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
<Конец февраля н. ст. 1845.
Париж.>

Прибегаю к вам с просьбою, моя добрейшая, любезнейшая и прекрасная Анна Михайловна! Извините меня перед Лазаревыми. Я вчера шел от вас именно с тем, чтобы зайти к ним проститься, но, наполненный множеством разных мыслей и хлопот, которые загромождали [[наполнивших] загромож~~д~~ивших] тогда мою голову, позабыл и опомнился уже дома, час целый спустя после того, т. е. когда уже было поздно даже поправить оплошность. А доказательством, что мне точно было прискорбно, что я их не увидел, служит эта записка, которой бы я не писал, если бы это не было истинно так. Передайте же им мое заочное «прощайте». И скажите, что иной раз одно заочно сказанное «прощайте» стоит многих изустно сказанных «прощайте». А принцессе Бирон, Фанни, пожмите особенно ручку за то, что не оставляла развлекать вашу маминьку во время уныния. За-

тем Христос с вами! Обнимаю вас еще раз, то
есть вас и маминьку. Не забывайте писать
ко мне, чем чаще, тем лучше.

Ваш Г.

На обороте: Ее сиятельству Анне Ми-
ха<й>ловне Вьельгорской.

Ф. Н. БЕЛЯЕВУ
<5 марта н. ст. 1845.
Франкфурт.>

Повторяю вам еще раз (чтобы вы не задавали себе двойной работы и труда), что мне литургия Василия Великого нужна только на латинском. Если ж разберет вас до такой степени неутомимое желание написать и на греческом, то не пишите в два столбца, но постранично, т. е. на правой странице греческ<ий>, на левой латинск<ий>, а формат чтобы был не больше сей осьмушки, на которой пишу вам эту записку. Попросите также священника нашего, поблагодарив его еще раз за все ласки, чтобы он списал для меня собственноручно стихи Филарета в ответ Пушкину и на том же самом листочке почтовой бумаги небольшую выписку из книги, которую я у него брал за день до моего отъезда и в которой собраны некоторые статьи относительно богослужения. Из этой книги я прошу у него выписать о фимиаме и кадиле. Заглавие статьи, кажется: каждение, а объем ее: пе-

чатная страница [Далее начато: пет<ита?>] с хвостиком. Это весьма удобно может быть мне переслано в письме или им, или вами, или графом Толстым. Затем будьте здоровы.

Желающий вам искренно всего доброго

Г.

На обороте: Федору Николаевичу Беляеву.

Л. К. И А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ
5 марта <н. ст. 1845.
Франкфурт>

Уведомляю вас, что приехал я благополучно и что, несмотря на хворость мою и на дорогу, не очень завидную, и на три ночи с четырьмя [В подлиннике: четыремя] днями, проведенными в дилижансе, не изнурился, и временами было так на душе легко, как будто бы ангелы пели, меня сопровождая. Кто-то, видно, сильно обо мне помолился... И хотя можно сказать, что до Франкfurта добрался один только нос мой да несколько костей, связанных на живую нитку жиденскими мускулами, но дух бодр, и во мне пребывает живая надежда, что если так же сильно обо мне помолятся, и еще крепче прежнего, то вместе с здравием духа воздвигнется и телесное мое здравие. Будьте же тверды и светлы душой, мои обе прекрасные графини, не забывайте меня. После буду писать больше, а теперь покамест поцелуйте за меня по пяти раз свои собственные ручки.

Ваш Г.

Сейчас получил ваши строчки из Парижа, писанные в самый день моего отъезда. Поцелуйте за них еще раз свои собственные ручки.

На обороте: Графиням Вьельгорским.

А. П. ТОЛСТОМУ
5-го марта <н. ст. 1845.
Франкфурт>

До Франкфурта добрался благополучно, хотя на четвертый, день и притом поздно вечером, а потому и пишу к вам уже на другой день. В расстоянии двенадцати часов от Парижа я встретил зиму со снегом, которым издавна <?> были покрыты постоянно все поля, а подалее мороз. Во Франкфурте постоянно с первых чисел генваря держится снег и солнце. Немцы жуируют на санках. У Жуковского в доме всё благополучно. Здесь застал я для меня книги весьма нужные, присланные мне Ив<аном> Петровичем; но от него ни строки; каким путем они дошли, того не знаю. Дорога меня (несмотря на то, что погода была не очень завидна), кажется, подкрепила. Итак, смотрите же, молитвы обо мне никак не отлагайте. Молитесь сильно и крепко, молитесь, чтобы бог не отлучился от меня ни на минуту и чтобы услышал молитвы, усиливая силу молений их: вы не будете от этого в убытке.

Всё же, что ни говорил я относительно великого поста и предстоящих вам подвигов говения и пощения, выполните с буквальной точностью, как бы она ни казалась вам не нужной или не идущей к делу. Наложите также на себя обет добровольного воздержания в слове во всё продолжение этого времени, а именно: 1) говорить более с дамами, нежели с мужчинами, 2) в разговоре с мужчинами, о чем бы то ни было, старайтесь заставлять их говорить, а не себя, 3) не спорить ни о чем сильно и не обращать никого в православие, ибо для того, чтобы обратить кого, нужно прежде самому обратиться, а для того, чтобы спорить в чем сильно, нужно быть слишком самонадеянну и уверену в уме своем, умеющем видеть одну только правую сторону вещи. То и другое во время великого поста может оказаться похожим на что-то слишком чуждое смирению и будет останавливать ежеминутно крылья души вашей, готовые распрямиться к восстанию от ревностного исполнения поста. Не пренебрегайте же и этими мелочами и выполните послушно, как ребенок, как ученик, как в монастыре умный

монах нарочно подчиняется глупейшему, дабы на время уметь покориться.

Пишите как можно чаще ко мне во всё время великого поста. Помещайте в ваших письмах статьи<?>, результаты разговоров, слушаний, чтений и, наконец, результаты душевные ваши и молитесь сильнее и крепче обо мне грешном.

Весь ваш Гоголь.

Графине душевный поклон.

Прилагаемую записку передайте графиням и уведоьте меня, как часто с ними видитеесь и о чем говорите. Видеться с ними почаще вам нужно. Познакомьтесь еще с графинею Сиркур и дайте мне сведение о ней, точно ли она так умна, как говорят, в каком роде ум и в такой ли степени, как говорит Тургенев. Еще перешлите это небольшое письмо Беляеву с Жозефом, он знает его квартиру. Жуковский вам искренно кланяется. Четыре дня назад тому он отправил вам два моих письма, воз-

вратите их немедленно во Франкфурт по известному вам адресу в особом пакете с присоединением вашего собственного. Скажите еще, отчего вы вручили мне деньги вдвойне против тех, которые мне следовало? По ошибке ли или же по предположению, что мне в них будет настоять нужда? Я обсмотрелся и увидел это только во Франкфурте, а, принимая от вас в Париже, не сосчитал.

Впрочем, об этом поговорим при первом между нами последующем свидании.

На обороте: A Paris.

Son excellence m<onsieur> le c<omte>
Alexandre Tolstoy.

Rue de la Paix. Hôtel Westminster, № 9.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ

**1845. Франкфурт. 14 февраля
<14 марта н. ст.>**

Благодарю вас, добрый друг, за ваше письмо, писанное ко мне в Париж. В Париж я ездил единственно затем, чтобы сделать куды-нибудь дорогу, и покаместь был в дороге, по тех пор чувствовал себя лучше, чем во Франкфурте. Приехавши в Париж, начал опять прихварывать. Впрочем, я провел время хорошо. Был почти каждый день в нашей церкви, которая хороша и доставила мне много утешения, и виделся только с одними близкими, немногими, но прекрасными душами. Дорогой из Парижа во Франкфурт я опять чувствовал себя хорошо, а приехавши во Франкфурт, вновь дурно. Друг мой, помолитесь как обо мне, так и о бедном моем здоровьи. Я же покаместь вывожу то заключение, что мне нужна дальняя дорога, и не есть ли это знак, что пора, наконец, отправляться в тот путь, ради которого я выехал из Москвы и простился с вами, о котором и первоначальная мысль

была, без сомненья, божьим внушеньем. А потому помолитесь прежде всего, друг мой, о моем здоровьи. Ибо, как только поможет бог мне дотянуться до будущего года, то в начале его и не откладывая уже на дальнейшее время, отправляюсь в Иерусалим. С нынешнего лета или осени отправляюсь в Италию, с тем, чтобы оттуда быть наготове сесть на корабль. А вы молитесь богу, чтобы ниспослал мне силы совершить это путешествие так, как следует, как должен совершить его истинный христианин. Молитесь об этом заранее, чтобы бог приготовил к тому мою душу и чтобы не оставлял меня отныне ни на миг. Так нужно мне его непрерывное присутствие, да и кому оно не нужно? И помолитесь о моем здоровьи, которое так плохо, как я давно не помню. А я <за> вас молюсь и молюсь о том, чтобы бог услышал все ваши молитвы.

Ваш Гоголь.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Марта 15 <н. ст. 1845>.
Франкфурт

Пишу к тебе из Франкфурта, где нахожусь хуже почти две недели и где чувствую себя совсем нехорошо. Странное дело: покамест был в дороге, чувствовал себя лучше; как только остановился на месте, вновь хуже. Жуковский тоже был болен, но, по крайней мере теперь, чувствует себя лучше. А я наоборот. [Далее начато: И что всего хуже, мало вижу средств к развлеченью духа] Изнурился как бы и телом, <и> духом. Занятия не идут никакие. Боюсь хандры, которая может усилить еще болезненное состояние. Писем от многих давно не получал. В том числе и от Аксакова. Во Франкфурте зима постоянная и продолжается до сих пор. Повсюду снег. После Парижа, где теплые дожди, мгlistая слякоть и черная земля остается обнаженной от снега, это видеть как-то стра<нно>. Немцы не запомнят такой сильной зимы. Прощай. Я еще ни на что не решился, еду советоваться к Коппу (Копп

тоже болен, а потому не выезжает). Хочу узнать, что он еще скажет: куды мне пока лучше переезжать, в зной или в холод. Странно, что я зябну и не могу согреться в самой теплой комнате. Не забывай меня и пиши почаще. А между тем помолись в душе о моем выздоровлении. [Строчкой ниже зачеркнуто: твой Г.] Книги, отданные тобою графу Толстому, получил в исправности и благодарю за них много. В пакете, присланном от граф^а Толс^{того}, находятся св. отцы за 1843 и 1844 г^{оды}, толкова^{ние} на св. п^{исание} Амвросия. Он же прислал мне сочинен^{ия} Дмитри^я Ростовск^{ого}, о которых я его просил и за которые поблагодари его очень, когда увидишь.

При сем письмо Надежде Николаевне.

Весь твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, в приходе Николы Явленного, в
Серебряном переулке, в доме Шидловской.

А. О. СМИРНОВОЙ
Франкф<урт> s/М. февраля
<марта> 15 <н. ст.> 1845

Приехавши во Франкфурт, я застал ваше письмо, бесценный друг мой Александра Осиповна, и с ним вексель. Благодарю вас за то и за другое и вновь повторяю вам: мне не нужны деньги, не присылайте мне ничего сверх посланных. Вообще не беспокойтесь насчет средств моего существования; мне было гораздо труднее прежде доставать денег, чем теперь. Не думайте также, что, говоря иногда: «Будут деньги», я говорил это в твердой уверенности на бога. Нет, в грешной душе моей недостает столько веры. Я говорил это вследствие [просто вследствие] соображений просто арифметических: складывая цифры мысленно, я говорил вам гласно сумму. Да и подумайте, точно, [также] статочное ли дело, чтобы меня допустили теперь погибнуть с голоду: я теперь нужен другим, а потому другие сохранят меня. Притом, слава богу, во мне теперь всё почти умерло то, что почитается из-

винительным честолюбием и гордостью. И, как нищий, я могу теперь попросить у первого поперечного, в уверенности, что заплачу ему, если не самым делом, то искренними молитвами. Притом для путешествия моего в Иерусалим я могу собрать вдруг себе деньги, а это самое главное. Но меня мучит теперь другое: меня мучит плохое состояние моего здоровья, которое, признаюсь, никогда еще не было так плохо. Одна только поездка и путешествие как будто помогает. От переезда в Париж я почувствовал себя лучше; приехавши в Париж, почувствовал хуже. Переезд из Парижа во Франкфурт вновь помог мне. Неделю проживши во Франкфурте, я вновь почувствовал хуже. И всё во мне до такой степени расклеилось, что не знаю, чему и приписать. Я дрожу весь, чувствую холод непрерывный и не могу ничем согреться. Не говорю уже о том, что исхудал весь, как щепка, чувствую истощение сил и опасаясь очень, чтобы мне не умереть прежде путешествия в обетованную землю. А потому прежде всего помолитесь, друг мой, о моем здоровьи, и помолитесь сильно. Крепко, как можно крепче. Богу

всё возможно, и на него только одного моя надежда, а медицина никакой никогда еще не делала пользы мне, тем более теперь. Хотя, впрочем, я готов ехать даже к Призницу, единственно ради решительности его средств, и останавливался только мыслию, не нужен ли мне теплый климат и не произошло ли зло оттого, что я остался зиму во Франкфурте, которая, как нарочно, в этом году довольно жестока и продолжается доселе, до самого сегодняшнего дни. Уведомьте меня о состоянии здоровья Аркадия Осиповича и помог ли ему хотя в чем-нибудь Призниц. А больше всего, прошу вас вновь, помолитесь обо мне, просите и других молиться. Просите и молитесь богу, чтобы он удостоил меня увидеть святую землю. Там, на гробе господнем, будут нужны, слишком нужны мои молитвы. Ибо приближается теперь время, молитв, и без бога ничего не сделает теперь никто в нынешних обстоятельствах и при нынешнем положении дел как всего мира, так и своих собственных. Итак, помолитесь же крепко и сильно. Посылаю вам письмо, давно уже написанное в ответ на ваше желание и намере-

ние перевершить решенное дело. Не сердитесь на меня за него: так мне должно было поступить. Я перечел его еще раз теперь. Многое можно было изъяснить лучше, другое короче, а о третьем и вовсе не следовало бы упомянуть. Но основанье его так и должно быть так. Страницы от 1 до 7-й покажите Плетневу. Не сердитесь на меня, друг мой добрейший и прекрасный Александра Осиповна, и помолитесь о моем выздоровлении.

Ваш Гоголь.

А. П. ТОЛСТОМУ

**Франк<фурт>. 1845. Март 29
<между 20 и 28 марта н. ст.>**

Ваше письмо от 10 марта несколько грустно. Понимаю, как трудно переносить черствость душевных состояний, но знаю вместе с тем, что велико божие милосердие. Не трудно веселиться и светлеть духом, когда с нами пребывает благодать божия и бог не оставляет нас ни на минуту. [Далее начато: Но трудней христианину в те минуты] Но зато в несколько раз выше подвиг того, кто, не получая благодати, не отстает от бога и выносит крест, тягчайший всех крестов — крест черствости душевной. Поверьте, что искать, желать, просить и молить о благодати есть уже действие и подвиг. А потому, чем меньше исполняется наше моление и замедляется ответ нам, тем сильнее и тверже должны мы быть в надежде на бога, и поступающий так не будет в убытке в будущей жизни и получит место перед многими праведниками, из которых некоторым относительно его [относи-

тельно к нему] может сказаться то же, что сказано было человеку, вкусившему удовольствие на земли, т. е. ты имел уже на земли многое. А потому, мне кажется, более из нас грешен [был бы грешен] тот, кто, возгордившись благодатным состоянием души своей, возмнил бы, что он уже достиг того, что нужно, что ему нечего уже делать, что ему можно уже покойно умереть, что он уже достоин небесного царствия. Будьте же тверды и не уставайте в молениях, исполните буквально всё, что я вам писал относительно чтения Тихона, хотя я и не знаю, получили ли вы письмо мое вместе с посланною книгою. Как вижу из письма вашего, вы не получали вовсе тех двух писем, [писем моих] которые были посланы ко мне из Франкфурта Жуковским с аккуратной выставкой адреса вашей квартиры. Убедительно прошу вас разведать и допросить самого шефа парижской почты. Весьма может быть, что они лежат там в *poste restante*, и ваша привратница [парижская портьерка] отправила почтальона лаконическим словом: «уехал». Впрочем, здешние купцы жалуются непрерывно на парижские по-

чты, сознаваясь, что неисправнее их нет в Европе. Ваше письмо, означенное 10 числом марта, получено здесь 20 марта; стало быть, оно шло ровно десять дней, если только было отправлено тотчас по написании. О себе ничего не могу сказать вам утешительного. Здоровье мое хуже и хуже. Появляются такие признаки, которые говорят, что пора, наконец, знать честь и, поблагодарив бога за всё, уступить, может быть, свое место живущим. Но да будет во всем его святая воля! Угодно будет необыкновенным чудом ему спасти и продлить жизнь мою, велика тогда будет сила его и высшая премудрость. Угодно будет прервать ее, велика также будет его сила и высшая премудрость, и это будет знак, что смерть моя, верно, была полезней и нужней самой моей жизни. Но во всяком случае не прекращайте ваших молений, сильней и сильней молитесь обо мне богу, чтобы не оставлял он меня ни на минуту, — тем более, что болезненные мои минуты бывают теперь труднее, чем прежде, и трудно-трудно бывает противустать противу тоски и уныния. Часто желалось бы иметь под боком вас или подоб-

но вам думающего только о спасении души человека, тем более, что братски и союзно-согласованное чтение книг, полезных душе, мне много помогало всегда. Самому не всё и не так читается, с человеком безучастным и не знакомым с подобным положением души тоже не так читается. Не раз случилось мне ощутительно [В подлиннике: очитительно] слышать всю силу слов Христовых: «Где вас двое, там и церковь моя». И потому я думаю, что тоскующий должен искать тоскующего и, братски подав один другому руку, молиться от всех сил ко Христу, да придет к ним. Вы теперь тоскуете. Сама природа, кажется, тоскует: зима, повергая в изумление всех, длится без конца; не стаёт уже дров в здешних лесах и продается на вес всякое полено; находят беспрерывно людей замерзших, барометр подымается беспрерывно вверх, и здешние лазареты наполняются беспрестанно больными по причине необыкновенного и вредоносного состояния воздуха. До сих пор не прекращался мороз, и беспрерывно показывался вновь снег. Благословен бог, испытующий нас, и да внушит [внушит полезно] нам сто-

ять твердо в наши нетвердые минуты. Не пропускайте ни одной обедни. Молитесь о себе и обо мне, крепко и сильно молитесь. Просите и графиню, о которой я также буду молиться, как и о вас, и которой посылаю искренний и душевный поклон и желанье сердечное благодатного говенья.

Весь ваш Г.

Пишу к вам в день пасхи лютеранской и католической, и да удостоит нас бог дождаться и нашей, и так, чтобы сказать еще с большей верой и надеждой противу прежнего друг другу: «Христос воскрес!»

А. П. ТОЛСТОМУ
Марта 28 <н. ст. 1845>.
Фран<кфурт>

Я получил ваше письмо, писанное 19 марта. Благодарю вас за него и за участие. Здоровье мое, кажется, лучше, хотя я и не смею еще предаваться надежде совершенно поправиться. Но бог милосерд. Благодарю вас и за молитвы; я чувствую, что вы молились. Не скрою, что признаки болезни моей меня сильно устрашили: сверх исхуданья необыкновенного, боли во всем теле. Тело мое дошло до страшных охлаждений; ни днем, ни ночью я ничем не мог согреться. Лицо мое всё пожелтело, а руки распухли и почернели и были ничем не согреваемый лед, так что прикосновение их ко мне меня пугало самого. Я, однако ж, крепился духом и даже скрыл всё состояние болезни от Жуковского, заметивши, что он начал обо мне беспокоиться и за меня побаиваться. Теперь с оттепелью как будто бы оттаял и я, но, вероятно, не скоро приду в возможность совершить какую-либо

дорогу, хотя бы она была мне и полезна. Притом вы, верно, уже слышали о несчастьи, постигшем всех по поводу разлития рек. Никогда никто не запомнит подобных наводнений. Пол Франкфурта в воде. Вместо улиц — каналы и лодки. Наш дом, как среди моря: всюду волны, и вода прибывает, и бедные жители уже донныне понесли большие потери. Вид водных пространств, выбирающихся из домов и переезжающих жителей грустен и поневоле надрывает жалостью. Дай бог, чтоб это продолжалось недолго. Помолитесь и вы. Помолимся все и о всех, потому что несчастных будет много и бедствовать придется многим. Но да обратит бог всё во спасенье всем! Не забывайте душеспасительных чтений во всё время поста. Покамест писать вам много не в силах, по причине слабости и изнурения душевного, от которых еле прихожу <в себя>. Притом не знаю даже, когда дойдет до вас [когда вы полу<чите>] это письмо: всюду моря и нет проезда. К графиням не пишу, но скажите им, что мне лучше. Письмо от графини, писанное 14-го марта, получе<но>. От вас я получил также вместе с вашим и то, ко-

торое вы получили на имя мое в Париже и которое, завернув в другой пакет, отправили мне. Но двух писем, отправленных Жуковским, я не получал до сих пор; что с ними сделали в Париже — не знаю. По здешним справкам из Франкфурта они точно отправлены. Посылаю вам нарочно расписку из здешней почты на Тихона, если вы его не получили, дабы могли показать ее парижским почтовым плутам. Уведомьте, отчего письмо из Брюсселя было отправлено обратно, и что значит: обратно? В Брюссель ли или во Франкфурт? Журналов русских здесь не имеется никаких, равно как и новостей, а потому, если бы вы сделали выписки, насчет которых изъявляете готовность, то это был бы подарок. Затем обнимаю от всей души вас, а графине посылаю душевный поклон.

Весь ваш Г.

На обороте: Paris.

Son excellence m-r le c<om>te Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, 9. Hôtel Westminster.

А. О. СМИРНОВОЙ
Франкф<урт>. 2 апре<ля н.
ст. 1845>

Отвечаю вам на письмо ваше от 1-го марта. Во-первых, благодарю за него. Здоровье мое как бы немного лучше. От денег не откажусь, [не откажусь, что<бы>] единственно, чтобы не спорить с вами бесполезно. Но если только милость божия будет так велика ко мне и пошлется мне освежение и силы для труда, то я вам их выплачу, и вы должны будете принять эту уплату, ибо с таким условием и с такою милостью бога у меня будет гораздо больше денег, чем можете вы думать, потому что расход тех сочинений, которые бы мне хотелось пустить в свет, [произвест<и> и пустить в свет как] т. е. произведений нынешнего меня, а не прежнего меня, был бы велик, ибо они были бы в потребу всем. [Далее начато: но милосерд<ный>] Но бог, который лучше нас знает время всему, не полагал на это своей воли, отъявши на долгое время от меня способность творить. Я мучил себя,

насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и всё выходило принужденно и дурно. И много, много раз тоска и даже чуть-чуть не отчаяние овладевали мною от этой причины. Но велик бог, свята его воля и выше всего его премудрость: не готов я был тогда для таких произведений, к каким стремилась душа моя, нужно было [Нужно было прежде] мне самому состроиться и создаться прежде, чем думать о том, дабы состроились и создались другие. Нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу, и не будет сильно и свято наше слово, если не освятим самые уста, произносящие слово. Друг мой добрый и прекрасный, помолитесь обо мне, помолитесь сильно и крепко, чтобы воздвигнул господь во мне творящую силу. Благодатью духа святого она может только быть воздвигнута, и без сей благодати пребывает она, как мертвый труп, во мне, и нет ей оживотворения. Слышу в себе силу и слышу, что она не может двинуться без воли божией. Молитесь же,

друг мой, крепко и крепко; как только можете помолиться, так помолитесь о мне. От болезни ли обдержит меня такое состояние, или же болезнь рождается именно оттого, что я делал насилие [это насилие] самому себе возвести дух в потребное для творенья состояние, это, конечно, лучше известно богу; во всяком случае я думал о лечении своим только в этом значении, чтобы [то есть, чтобы] недуги уменьшились, а возвратились бы душе животворные минуты творить и обратить в слово творимое, но лечение это в руках божьих, и ему одному следует его предоставить. Насчет Призница я с вами согласен и не думаю, чтобы мне было удобно это лечение. Призница средства могут быть мне полезны в самой малой мере, т. е. почти таким образом, как можно употреблять самому, без доктора. Лето мне следует провести в путешествиях и переездах: это действует на меня хорошо. В конце лета думаю отведать морского купанья. С вами хотелось бы подчас сильно увидеться, но ехать в Россию теперь на короткое время не могу, с этим много хлопот, особенно возня выезжать вновь и притом весьма ско-

ро. Притом проезд мой мне был бы не в радость; один упрек только себе видел бы я на всём, как человек, посланный за делом и возвратившийся с пустыми руками, которому стыдно даже [В подлиннике: и даже] и заговорить, [заговорить с сво<ими>] стыдно и лицо показать. Я слишком знаю и чувствую, [чувствую хорошо] что до тех <пор>, пока не съезжу в Иерусалим, не буду в силах ничего сказать утешительного при свиданьи с кем бы то ни было в России. А потому молитесь обо мне; вновь вас прошу и умоляю, молитесь, чтобы бог споспешествовал моему намерению, чтобы, во-первых, укрепил и послал мне возможность изготовить, что должен я изготовить до моего отъезда, и послать к вам, вместо меня, в Петербург. Это будет небольшое произведение и не шумное по названию в отношении к нынешнему свету, но нужное для многих и которое доставит мне в избытке деньги, потребные для пути. А на осень и зиму чтобы мог я переехать в Рим и провести это время плодотворно и как нужно душе моей, а с началом нового будущего года чтобы мог я изготовить<ся> к отъезду и приехать в

Иерусалим к посту и пасхе, а после пасхи, исполнивши, как следует, пребывание в Иерусалиме, [В подлиннике: Ересалиме] возвратиться в Россию. Тогда ступлю я твердой ногой на родную землю, и будет в радость и мне и вам мой возврат, и всякому буду тогда, быть может, в помощь, в каком бы положении он ни находился, в каком бы звании ни состоял и какое бы место ни занимал, и всем буду родной, и мне все будут родные... Теперь же, покамест, и мне все чужие, и я всем чужой. Приехать в Россию мне хочется таким образом, чтобы уже не уезжать из России. Дух мой жаждет деятельности и томится от бездействия, но, не совершивши этого путешествия, я приеду на бездействие и на тоску в Россию. Любовь уже есть в душе, но не оживотворена и не благословена еще силою высшею и не двинется благодетельным движением во благо братьям. Молитесь же обо всем этом. Вы уже другой раз говорите мне, чтобы я не скрывал того, что во мне, от всех, да светят дела наши миру. Но того, что есть пока во мне, еще не так много, чтобы засветить миру, да и не от меня зависит, как видите сами, обнару-

жить его и двигнуть напоказ. Но довольно. [Далее начато: Что я] Пишу для вас и не показывайте никому моих писем. Уведомьте меня теперь о себе относительно предстоящего лета. Что вы намерены с ним сделать и куда отправляетесь? Об этом напишите мне теперь же, мне это нужно знать предварительно. Жуковский совершенно здоров и бодр духом, продолжает работать; он было на два месяца несколько расклеился, но теперь слава богу, и я бы желал, чтобы состоянье моего здоровья нынешнего было сколько-нибудь похоже на его. [В подлиннике: на него.] Но мне было так трудно, что уже было приуготовился совершенно откланяться. И теперь я мало чем лучше скелета. Дело доходило до того, что лицо сделалось зеленой меди, руки почернели, превратившись в лед, так что прикосновение их ко мне самому было страшно, и, при 18 град<усах> тепла в комнате, я не мог ничем согреться. Но бог милосерд, жизнь моя не угасла; видно, она еще нужна. От вас посылку я получил доселе только одну, в ней заключалось два тома последних Тихона и «Христ<ианское> чтение» за прошлый год.

Миха<ил> Мих<айлович> оказался неаккуратным: даже не уведомил меня, есть ли у него какие-нибудь для меня пакеты с книгами. За то же, что мною получено, вам очень благодарен. Хотелось бы вам писать больше, но устаю. Я думаю, что вы уже получили весьма длинное письмо мое, написанное уже очень давно, в ответ на ваши и Плетнева распоряжения. Не позабудьте о том уведомить. [ув<ежомьте>] Письмо же, писанное мною из Парижа, вы, кажется, получили, сколько могу судить из содержания вашего, [письма вашего.] служащего как бы ответом, хотя вы и не упоминаете о получении как моего, [его] так и приложенного при нем письма от Иванова. Прощайте! Обнимаю вас от всей души!

Весь ваш Г.

На выставку академиче<скую> в Петербург прибудет, может быть, весной или летом в числе других картин из Рима головка спасителя из «Преображения» Рафаэля, копированная Шаповаловым и принадлежащая мне. Отправьте ее от моего имени преосвящ<енно>

му> Иннокентию в Харьков.

На обороте: S-t Pétersbourg. Russie.

Ее высокоородию Александре Осиповне
Смирновой.

В С.-Петербурге. На Мойке, близ Синего моста. В собственном доме.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Апреля 5 <н. ст. 1845>.
Франкф<урт>

Письмо от 10 марта получил и с ним стихотворение к Шевырь<еву>. Благодарю за него. Оно очень сильно [сильно и хорошо] и станет недалеко от «К не нашим», а, может быть, и сравнится даже с ним. Но не скажу того же о двух посланиях: «К молодому человеку» и «Старому плешаку». О них напрасно сказал ты, что они в том же духе; в них скорей есть повторение тех же слов, а не того же духа. В том же духе могут быть два стихотворенья, ничего не имеющие между собою похожего относительно содержания, и могут быть не в том духе [не в том же духе] напоминающие содержанием друг друга и, по-видимому, похожие. Это не есть голос, хоть и похоже на голос, ибо оно не двинуто теми же устами. В них есть что-то полемическое, скорлупа дела, а не ядро дела. И мне кажется это несколько мелочным для поэта. Поэту более следует углублять самую истину, чем препи-

раться об истине. Тогда будет всем видней, в чем дело, и невольно понизятся те, которые теперь ерошатся. Что ни говори, а как напи-таешься сам сильно и весь существом истины, послышится власть во всяком слове, и против такого слова уже вряд ли найдется противник. [Далее начато: Кто д<олго>] Всё равно, как от человека, долго пробывшего в комнате, где хранились благоухания, всё благоухает, и всякий нос это слышит, так что почти и не нужно [так почти об этом и не нужно ему] много рассказывать о том, какого рода запах он обонял, пробывши в комнате. Друг мой, не увлекайся ничем гневным, а особенно если [В подлиннике: есть ли] в нем хоть что-нибудь [что-нибудь есть] противоположное той любви, которая вечно должна пребывать в нас. Слово наше должно быть благостно, если оно обращено лично к кому-нибудь из наших братии. Нужно, чтобы в стихотворениях слышался сильный гнев против врага людей, а не против самих людей. Да и точно ли так сильно виноваты плохо видящие в том, что они плохо видят? Если ж они, точно, в том виноваты, то правы ли мы в том,

что подносим прямо к их глазам [носу] нестерпимое количество света и сердимся на них же за то, что слабое их зрение не может выносить такого сильного [выносить слишком сильного] блеска? Не лучше ли быть снисходительней и дать им сколько-нибудь рассмотреть и ощупать то, что оглушает их, как громом? Много из них в существе своем люди добрые, но теперь они доведены до того, что им трудно самим, и они упорствуют и задорствуют, потому что иначе нужно им публично самих себя, в лице всего света, назвать дураками. Это не так легко, сам знаешь. А ведь против них большею частью в таком смысле было говорено: «Ваши мысли все ложны. Вы не любите России, вы — предатели ее». А между тем ты сам знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у них ложным и что, к несчастью, не совсем без основания их некоторые выводы. Преступление их в том, что они некоторые частности распространяют на общее, исключения выставляют в правила, временные болезни принимают за коренные, [Далее начато: и] во всяком предмете видят тело его, а не дух, и, близоруко руковод-

ствуясь аналогией видимого, дерзают произносить свои суждения о том, что духом своим отлично от всего того, с чем они сравнивают его. Следовало бы, по-настоящему, вооружиться противу сих заблуждений, разъять их спокойно и показать их несообразность, но с тем вместе [но сохранить к ним по] поступить таким образом, чтобы в то же время и тут им самим дать возможность выйти не совсем бесчестно из своего трудного положения. Тогда, кроме того, что многие из них сами обратились <бы> на истинный путь, но самой публике было бы доступней всё это и хоть сколько-нибудь понятней, в чем дело. Теперь же [Потом что теперь <...>] она решительно не понимает, в чем дело и отчего так сильно горячатся у нас одни против других в журналах. Десяток людей сражаются между собою; те и другие говорят в слишком общем и пространном смысле; с обеих сторон крайности, не соединяющиеся никаким образом друг с другом; те и другие сражаются друг против друга уже выведенными результатами, не давая никому отчета, как они дошли до своих результатов, и хотят, чтобы всё это

понятно было всем читателям. Конечно, многое понимается инстинктивно, потому что дух идущего века [дух времени] действует своим чередом. Поэт может действовать инстинктивно, потому что в нем [потому что он] пребывает высшая сила слова. Но кто хочет действовать полемически, тут потребна необыкновенная точность, разъяснение ясное всего и ощутительное показание, в чем дело. [разъяснение ясное всего и облечение всего в простое слово] Храни бог тут быть поэтом, как раз будешь сражаться с тенью и воздухом, бросая, вместо ядер, целые беспредельные пространства мыслей, то есть мысли слишком цельные, которые можно истолковать всячески. Я бы очень хотел теперь читать лекции Шевырева. Я уверен слишком в их значительности, но знаю также, что он способен человечески увлекаться, переходить нечувствительно в излишество, и потому весьма может быть, что отчасти повредил и себе и своему предмету. Но мы не получаем здесь решительно ничего. Скажи Киреевскому, что Жуковский на него сердит за то, что он не прислал «Москвитянина». Я сам также

ехал во Франкфурт с приятной надеждой найти здесь 1 номер давно полученный, и вот с приезда моего сюда [с тех по<р>] протекло уже почти полтора месяца, а «Москвитянина» всё нет. Я всё еще нахожусь в больном и расстроенном состоянии. Временами бывает несколько лучше, времена<ми> вновь хуже. До сих пор не в силах писать и трудиться, и малейшая натуга повергает меня в болезнь, [в болезнь и в худшее состояние] а что всего хуже, с этим соединяется всякий раз тоска, и не знаешь, куда от нее деться. Но отложим обо мне речь на конец [к концу] письма. Продолжаю о тебе. В послании твоём «К плешаку» слышно военнoлюбивое расположение, вовсе неприличное твоему мирному характеру, по существу своему настроенному [вообще настроенному] к прохладам тишины, а потому я отчасти думаю, [закрываю] не вмешались ли сюда нервы? А потому советую тебе рассмотреть хорошенько себя: точно ли это раздражение законное и не потому ли оно случилось, что дух твой был к тому приготовлен [приготовлен в то время] нервическим мятежом. Эту поверку я делаю теперь всегда

над собою при малейшем неудовольствии на кого бы то ни было, хотя бы даже на муху, и, признаюсь, уже не раз подкараулил я, что это были нервы, а из-за них, притаившись, работал и чорт, который, как известно, ищет всяким путем просунуть к нам нос свой, и если в здоровом состоянии нельзя, так он его просунет дверью болезни. А потому советую и тебе также в таких случаях всякий раз обсматриваться на себя. А чтобы исполнить это успешней, перечти вновь мои письма, писанные к тебе по поводу «Землетрясения». И так как там многое, вследствие твоих же слов, согласно с твоими собственными мыслями относительно действий поэта в нынешнее время, то ты можешь весьма скоро сличить и увидеть, не отступил ли сам от собственных своих мыслей. А покамест я тебе повторяю вновь: перетряхни русскую старину, особенно времена царей. Они живей и говорящей и ближе к нам. И ты в несколько раз выиграешь более, когда те русские стихи и чисто славянские струи нашей природы, из-за которых идет спор, выставишь в живых и говорящих образах. Твои [Сами твои] герои (а в ге-

роя может обратиться и всякий бездушный предмет) ходом и действием своим защитят сильнее, чем бы ты сам защитил истину, ибо дело сильнее слова. Но довольно. Обращаюсь от твоей души к твоему телу. На днях я был у Коппа, и он, расспрашивая о тебе, сказал мне, чтобы [что] я написал тебе, чтобы ты съездил [еха<л>] непременно еще один раз, и именно в нынешнее лето, в Гастейн, и потом морское купанье на Северном море, или в Остенде, или в другом месте. В то же время прибавил, что не худо бы и мне сделать то же. А потому я и передаю это тебе к сведен<ию>. Как решишь, конечно, зависит от тебя и от твоего нынешнего состояния, но, во всяком случае, если бы тебе случилось, точно, ехать в Гастейн, то я готов тебя сопровождать и туда, ибо к Призницу я не отваживаюсь, тем более, что получил, наконец, известие от Россети, который бранит на все четыре стороны холодное свое лечение, говоря, что, кроме каторги самого лечения, никакого от него удовольствия, а пользы и на копейку <нет>, и который притом пророчит, что я никак не в силах буду выдержать курса. Я знаю только то,

что где ни случится мне протаскаться летом, но нужно протаскаться и проездиться; дорога и переезды мне делали добро. А осенью — в Рим, где встречу и начало зимы, а в конце зимы — в Иерусалим, к говенью и пасхе. А из Иерусалима — в Москву. Всё это, разумеется, в таком разе, если бог будет так милостив, что повелит прийти в порядок душевным и телесным моим силам. Пришли мне «Путешествие» к св. местам» Норова, хочу посмотреть, что за вещь. Спроси у Шевырева, писал ли он ко мне или нет в ответ на мое письмо, писанное еще в прошлом году. Вопрос этот не упрек и не напоминание, а хочу только знать, чьи были два письма ко мне, о которых я имею известие то, что они пропали между Франкфуртом и Парижем. Узнай также от Константина Сергеевича, получил ли Сергей Тимофеевич от меня письмо с некоторым поучением сыновьям его, в числе которых и ему, [есть и ему] т. е. Константину Сергеевичу, и что он думает о сем. Да распорядись, [распорядись таким образом] чтобы к нам какими-нибудь судьбами дошел «Москвитянин». Может быть, пришествие его

оживило бы сколько-нибудь литературные побуждения. Уведоми также, уехал ли Погдин в Иерусалим или отложил свою поездку на другое время. В последнем случае объяви ему о моем намерении, и если ему случится ехать на Рим, [в Рим] то, вероятно, мы отправимся тогда вместе. Намерение твое ехать в Симбирск я не одобряю, а Жуковский, как услышал, даже закричал, чтобы ты ни под каким видом сего не делал, а Копп, если услышит, вероятно, тоже подымет вопль, да вряд ли и Иноземцев тебя отпустит. Что ни говори, люди всё-таки важная вещь: хоть они подчас и надоедят, но всё же потом обратишься к ним. Хороший доктор под рукой тоже не безделица, а этого в деревне не найдешь. Мой совет уж лучше послушаться Коппа и съездить в Гастейн, а после поездки заграничной наскучившая Москва приглянется вновь. А там подъеду я, и ты увидишь, что при мне будет многое сносно, особенно если я приеду из Иерусалима таким, как хочу приехать, внося мир, а не раздор в дома. Помолись же хорошенько богу о себе, да и о мне тоже помолись, о здоровьи и о силах моих слабеющих. Восста-

ние наше в его святой воле, и всё от него.

Обнимаю тебя от всей души.

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного, в
Серебряном переулке. В доме Шидловской.

А. О. РОССЕТУ
Франкфурт. 1 мая <н. ст.
1845>

Благодарю вас, добрейший Аркадий Осипович, за ваши известия о леченнях Призница. Они изложены и толково и умно. Я и прежде уже отложил это лечение, не найдя его соответствующим со многими вновь обнаружившимися во мне недугами и собственным состоянием моральным. Впрочем, если бы я и лечился, то будьте уверены, что никак не пускался бы в крайности. Это не мое дело. Я не хлопочу из-за совершенного здоровья, и чуть только мне немного делается лучше — я подальше и от докторов и от лечения. Припомните, что я и вам советовал прежде вашего путешествия к Призницу не пускаться в такие глубины водоврачевания, [глубины премудрости] а довольствоваться просто утренним обливанием дома без потения и пением воды; советовал вам также и тогда, вместо Призница, заехать в Гастейн, который мне казался вашему слабому телу приличнее;

им же хвалятся все слабые и старики. Я сам, бывши в Гастейне с Языковым, хотел было попробовать вод, но переменял это намерение единственно от того, что почувствовал себя вдруг лучше от одного гастейнского воздуха, который (в этом надобно отдать ему честь) имеет в себе что-то бальзамическое и лучше всех воздуш, какие я обонял где-либо в летнее время во всех прочих концах Европы, чему причина заключается отчасти в необыкновенном возвышении этого места от поверхности моря. Ключевая же вода в Гастейне решительно первая в мире; подобной я нигде не пивал; ей уступит даже римская. Я бы радостно поехал и теперь в Гастейн, но, признаюсь вам, боюсь страшно одиночества, которое для меня теперь опаснее всего, хотя бы случилось оно и на самых целебнейших водах. Мне очень жаль, что вы остаетесь [остаетесь на лето] в Петербурге, на летнее время (хотя ради хандры, если не ради здоровья) следует выезжать из него. Почему знать? Может быть, вы весьма не были бы в раскаянии, если бы даже и рискнули [В подлиннике: рыскнули] призанять тысячи две для того.

Бог поможет, выплатим. Поблагодарите Ханыкова за письмо, скажите, чтобы он не сердился на мое неучтивство, то есть что не отвечаю. [и на то, что не отвечаю] Вместо ответа, [Скажите, что, вместо ответа] я вам поручаю обнять его. Вас обнимаю также, это разумеется само собой.

Затем прощайте.

Г.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Франкфурт. 1 мая <н. ст.
1845>

Не хандра, но болезнь, производящая хандру, меня одолевает. Борюсь и с болезнью, и с хандрой и, наконец, выбился совершенно из сил в бесплодном борении. Благодарить бога следует и за то, что в силах был еще и так бороться. С приходом весны здоровье мое не лучше нимало, и недуги увеличились. Тягостнее всего беспокойство духа, с которым трудней всего воевать, потому что это сражение решительно на воздухе. Изволь управлять воздушным шаром, который мчит первым стремлением ветра! Это не то, что на земле, где есть и колеса и весла. Может быть, помогла бы дорога, но дорога эта должна для этого иметь какой-нибудь интерес для души; когда же знаешь, что по приезде на место ожидает одиночество и скука, и когда сам знаешь, как страшна с ними битва, отнимается дух для самой дороги. Из русских еще никого нигде нет на водах; стало быть, нигде не предстоит мне

развлечения, котор<ое> мне теперь необходимо при употреблен<ии> вод. Порадовала меня было мысль встретиться с тобою, но теперь, как вижу из письма твоего, ты остаешься в Москве, несмотря на совет [несмотря даже на настоятельный совет] Коппа проездиться в Гастейн. Но что делается, то делается не без воли божией. Да будет его святая воля! Говоришь непрерывно и при всем том не в силах быть покойным, не в силах, сложа руки, опустить на них голову, как ребенок, приготовляющийся ко сну. Еще бы было возможно это, если бы не соединялось с недугами это глупейшее нервическое беспокойство, против которого если и понатужишься воздвигнуть дух, но самая эта натуга воздвигнуться производит еще сильнейшее колебание.

Вот какого рода вещи! При всем том, полученный на днях «Москвитянин» (два номера) доставил мне несколько приятных минут. Статьи за буквою К. все очень замечательны и дельны. О самом же обозрении словесности можно сказать только в оуждение ему то, что оно нескол<ько> длинно, а особенно во

второй половине содержан<ия> приступ к словесности русской. Многие вещи следовало бы сказать еще очевидней, осязательней, проще и короче, облечь в видимую плоть; многое довольно отвлеченно, так что повсюду философ берет верх над художником, и это обращается почти в порок в тех местах, где должен художник взять верх над философом. Кажется, как будто многие вещи слышит и чувствует критик вкусом тонкого ума, а не вкусом души и сердца. Но зато повсюду сказано много истинного, прекрасного, особенно там, где обращено <внимание> на самую идею и мысль разбираемых предметов. По поводу глупых книг сказано много дельного и умного о том, каковы должны быть умные книги. И вообще все статьи, которые, по-видимому, написаны вскользь, оказались существенно значительней тех, которые, по-видимому, обдумывались и писались с трудом. Отрывок из вступительной лекции Шевырева мне понравился очень. Шевырев вызрел и установился в надлежащие границы. Всё теперь как следует, не растянуто и не кратко, в строгом логическом ходе и порядке, и с тем вместе [но вме-

сте с тем] в живом, не похожем вовсе на мертвечину сухопарой логики немецкой. Словом, в первый раз преподает<ся> наука в том виде, в каком ей следует преподаваться в России и русским. Твои стихотворения, мне неизвестные, к Полонскому, второе к Киреевой и к какому-то живописцу (вероятно, в роде Мокрицкого), прочел с удовольствием. Хомякова тоже прочел не без удовольствия и письмо и «Спорт». Хоть первое и слишком раскинуло<сь> и разбросалось во все стороны, но в нем много ума. Затем устал. Писать долго не могу, прощай; не забывай хотя писать почаще; адресуй по-прежнему. Жуковский перешлет письма ко мне, если я куда уеду.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке, в доме Шидловской.

С. Т. АКСАКОВУ
Франкфурт. 2 мая <н. ст.
1845>

И вы больны, и я болен. Покоримся же тому, кто лучше знает, что нам нужно и что для нас лучше, и помолимся ему же о том, чтобы помог нам уметь ему покориться. Вспомним только одно то, что в его власти всё и всё ему возможно. Возможно всё отнять у нас, что считаем мы лучшим, и в награду за то дать лучшее нам всего того, чем мы дотоле владели. Отнимая мудрость земную, дает он мудрость небесную; отнимая зреньё чувственное, дает зреньё духовнее, с которым видим те вещи, перед которыми пыль все вещи земные; отнимая временную, ничтожную жизнь, дает нам жизнь вечную, которая перед временной то же, что всё перед ничто. Вот что мы должны говорить ежеминутно друг другу. Мы, еще доселе не привыкшие к вечному закону действий, который совершается для всех непреложно в мире, желающие для себя [и хотим для себя] непрерывных

исключений, мы, малодушные, способны позабывать на всяком шагу то, что должны вечно помнить, наконец, мы, не имеющие даже [даже и] благородства духа ввериться тому, кто стоит того, чтобы на него положиться. Простому человеку мы даже вверяемся, который даже нам не показал и знаков, достаточных для доверия, а тому, кто окружил нас вечными свидетельствами любви своей, тому только не верим, взвешивая подозрительно всякое его слово. Вот что мы должны говорить ежеминутно друг другу, о чем я вам теперь напоминаю и о чем вы мне напоминайте. Затем обнимаю вас от всей души и прошу вас вместо меня обнять ваше семейство. Напишите мне, куда едете или остаетесь в Москве, и что делают ваши дети; если можно — порознь о каждом. Если вам писать трудно, прошу Ольгу Семеновну. Прощайте. Бог да хранит вас.

Ваш Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

С. С. УВАРОВУ
<Конец апреля 1845.
Франкфурт.>

<Милостивый государь

Сергий Семенович!> [Ч; в К обращение опущено.]

Письмо ваше мною получено. Благодарю вас искренно [много Ч] за ходатайство [ваше ходатайство Ч] и участие. О благодарности государю ничего не говорю: она в душе моей; выразить ее могу разве одной [одной только Ч] молитвой о нем. Скажу вам только, что после письма вашего мне стало грустно. [Но мне сделалось в то же время грустно Ч] Грустно, во-первых, потому, что всё, доселе мною писанное, [сделанное Ч] не стоит большого внимания: хоть в основание его легла и добрая мысль, [и легла добрая мысль Ч] но выражено всё так незрело, дурно, ничтожно [дурно, ничтожно, незрело Ч] и притом в такой степени не так, как бы следовало, что недаром боль-

шинство приписывает моим сочинениям [им Ч] скорее дурной смысл, чем хороший, и соотечественники мои извлекают извлеченья из них скорей [скорей извлекают из них извлеченья Ч] не в пользу душевную, [души своей Ч] чем в пользу. Во-вторых, грустно мне потому, что и за прежнее я состою донныне в неоплатном долгу пред государем. Клянусь, я и не помышлял даже просить что-либо теперь [о чем-либо Ч] у государя; в тишине только я готовил труд, который, точно, был бы полезнее моим соотечественникам моих прежних мараний, за который и вы сказали бы, [сказали бы мне Ч] может быть, спасибо, если бы он исполнился [если будет выполнен Ч] добросовестно, ибо [потому что Ч] предмет его не был бы чужд [не чужд был Ч] и ваших собственных убеждений. [помышлений Ч] Меня утешала доселе мысль, что государь, которому [Далее: как я знаю Ч] истинно дорого душевное благо его подданных, сказал бы, может быть, со временем о мне так: [о мне со временем так Ч] «Этот человек умел быть благодарным и знал, чем высказать мне свою признательность». Но теперь [Теперь Ч] я

обременен новым благодеянием; в сравнении [Было: перед Ч] с тем, что сделано уже для меня, труд мой покажется бедней и незначительней, [незначительней, чем прежде Ч] мое же расстроившееся здоровье может отнять у меня возможность сделать [сделать его Ч] и таким, как бы я хотел и даже бы мог; и вот почему мне грустно. Грустно мне даже и [вместе с этим и Ч] то, что сим самым вашим письмом и вашим участием во мне вы [что нынешним письмом вашим вы Ч] отняли у меня право сказать и вам то, что я хотел. [хотел сказать Ч] Я [А я Ч] хотел вас благодарить за все, сделанное для наук, [многое, сделанное вами в пользу а. всем нам б. наук Ч] для [и Ч] отечественной старины (от этих дел перепала и мне польза наряду с другими), и что еще более — за пробуждение в духе нашего просвещения [просвещения нашего Ч] твердого русского начала. Благодарить вас за это я прежде имел право, как сын той же земли, как [и как] брат того же чувства, в котором мы все должны быть братья, и как не обязанный вам ничем лично. [за личное добро мне Ч] Теперь вы отняли от [у Ч] меня это право, [Далее начато:

благодарность моя Ч] и что [то, что Ч] было бы законным делом, может показаться теперь похожим [будет походить Ч] на комплимент. Итак, [Далее начато: вот вам вместо того Ч] примите лучше, вместо всякого выражения благодарности, [вместо его Ч] это искреннее изложение моего душевного состояния; [состояния душевного Ч] иного [другого Ч] ничего не могу сказать вам; не прибавляю даже и почтительного окончания, завершающего светские письма, потому что позабыл их все, [давно живя в удалении от него, я позабыл их вовсе Ч] а остаюсь просто вам обязанный и признательный искренно [и искренно за то признательный Ч.]

Н. Гоголь.

А. О. СМИРНОВОЙ
Франкф<урт. 11 мая н. ст.
1845>

Друг мой и душа моя, не грустите. Один только год — и я буду с вами, и вы не будете чувствовать тоски одиночества. Когда вам будет тяжело или трудно, я перелечу всякие пространства и явлюсь, и вы будете утешены, [Далее начато: буду<чи>] потому что третий будет Христос с нами. Мне не трудно будет никогда приехать к вам, несмотря даже на всякое состояние моего здоровья, но этот год надобно перетерпеть (то есть разумею о себе) и сделать то, что мне следует и без чего я не могу быть полезным никому вполне. Из вашего письма я вижу, что у вас теперь в довольно порядочной степени нервическое расстройство. Поблагодарим прежде всего за него бога. Оно не даром. В этом году особенно на всех наведено более или менее это нервическое расстройство, приведены в слезы, в унынье и в беспокойство те, которые даже никогда дотоле не плакали, не унывали и не

беспокоились. Блаженны избранники, которых посетил бог ранее других! Поверьте, что ко многому дотоле не испытанному и не узнанному приводится сими болезненными страданиями [приводится ими] человек. [Далее начато: Почему знать, может быть] Сверх всего прочего, оно приводит нас и к тому, чтобы узнать всю силу братской помощи, которую может оказать на земле человек человеку и, вследствие такой помощи, возлюбить так друг друга, что в любви этой предвкушается уже сам бог и зарождается к нему то неугасимое стремление, которого не дадут ни посты, ни молитвы, ни милостыня, раздаваемая бедным. Сколько могу судить теперь о состоянии вашего здоровья телесного, вижу, что вам необходимо прежде просто полечить и успокоить ваши нервы водами и переменой воздуха. Поезжайте налегке в Гастейн, который действует хорошо на всякие нервические расслабления и еще более живит необыкновенным своим и как бы обновляющим воздухом. Сколько же могу судить о состоянии вашего душевного здоровья, вижу, что и здесь следует дать почти тот же совет вам, ибо

встреча наша с вами будет обоюдно живительна для обоюдного нашего душевного здоровья. Нам нужно с вами о многом и о многом еще переговорить, и вряд ли без этого вы будете снабжены достаточным запасом терпения и бодрости для предстоящих вам поприщ, в Петербурге ли то будет или в губернии. И бог весть, может быть, это самое нервическ<ое> расстройство и физическая болезненность вела именно к тому, чтобы мы доставили друг другу то здоровое состояние души, которое без этого расстройства мы бы не могли и не умели доставить. Воспользуйтесь весенним временем, пока еще не жарко. Возьмите с собою деток и Аркадия Осиповича, которого никак не оставляйте в Петербурге. Поезжайте тихо, не торопясь, чтобы никак не расколебать нерв, а, напротив, успокоить их умеренным движением; на всякую гору подымайтесь пешком, но недолго, и чуть заметите в себе малейший признак усталости, садитесь в коляску. Старайтесь и мыслям, и чувствам дать дремлющее состояние и уподобить себя ребенку, которого колеблют в люльке. Не думая ни о чем, сливайтесь чувством с весен-

ним ветерком, который будет навевать на вас, прилетевши бог весть откуда, и с запахом полевого цветка, им же нанесенным, и вы приедете в благодатном состоянии в Гастейн. А мысль, что встретит вас тот, для которого так же будет благотворна и свежительна, и целительна с вами встреча, как и для вас самих, [для вас самих с ним] будет воздвигать дух ваш во всю дорогу и удалит от вас тоску и беспокойство.

Мне повелено медициной до Гастейна пить воды в Гомбурге для удаления геморроидальных, печеночных и всяких засорений, на которые, по приговору медиков, следует предварительно подействовать Гомбургом, после чего Гастейн, действующий благодетельно на всякие нервные расслабления, может оказать мне значительную пользу. В Гомбурге я должен пробыть не более трех недель. Стало быть, чрез месяц времени я уже полагаю быть в Гастейне. Рассчитывайте вашим ответом и соображайтесь, адресовать ли мне во Франкфурт или же прямо в Гастейн, в Австрийский Тироль. Впрочем, Жуковский пере-

шлет мне письмо из Франкфурта. Если ж вы едете, то дайте мне знать, да приищу для вас квартиру. Ибо в Гастейне помещений немного, и места нужно захватывать. На тесноту не пеняйте и помышляйте о том вперед, что вы не будете помещены на большую ногу. Итак, усердно помолясь богу, с молебнем в дорогу! О деньгах не говорю ничего, ибо, как сами знаете, я их считаю за самую последнюю вещь. Займите [займите их] у первого попавшегося и для себя и для Аркадия Осиповича. А не то — и я вам найду даже случай доставить деньги, если их окажется потом недостаточно.

Весь ваш Г.

На обороте: S-t Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В С. П. Бурге. На Мойке, близ Синего мосту, в собственном доме.

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
Мая 17 <н. ст. 1845>.
Франк<фурт>

Сейчас только, приехавши на одну минуту к Жуковскому во Франкфурт, нашел у него ваше письмо. Так как я уезжаю опять назад в Гомбург, где лечусь и пью воды, то и поручил ему исполнить вашу просьбу относительно письма. Вы, вероятно, получите его поздно (если только оно находится в посольстве), потому что и ваше письмо, писанное вами от 11-го мая, получено здесь только 16-го, сегодня же семнадцатое.

О себе скажу, что здоровье мое плохо; в Гомбурге пробуду три недели и потом еду в Гастейн. Благодарю вас за ваше, а Анну Михайловну за ее письмо. Рад душевно, что вам в Париже весело, и что веселость, [именно веселость] а не что другое, замедляет отъезд. Спешить вам, точно, незачем, на воды вам никуда не нужно, в Петербург рано, а потому, не торопясь, вы можете всё высмотреть.

Глядите, наслаждайтесь и даже восхищайтесь, но не давайте большой цены всякому дыму похвал и не считайте за слишком важное дело известность. Она худой пашпорт не только на том свете, но даже и на этом. В прошлом письме вашем слышался [был] мне вздох по этой известности: [[Поистине>] И самый из известнейших известностей в мире еще] храни вас бог от этого! Если бы я узнал, что вы меня полюбили несколько более ради бедной известности моей, не показался бы я вам и на глаза никогда; теперь же не без удовольствия помышляю, что покажусь вам на глаза, хотя и больной, хворый. Итак, распоряжайтесь с вашим отъездом так, чтобы хоть два дни нам с вами увидаться и провести вместе.

Весь ваш Г.

На обороте: Paris.

Son excellence madame la c-tesse Wielhorsky.

Paris. Place Vendôme, 6.

В. А ЖУКОВСКОМУ
Вторник. <20 мая н. ст. 1845.
Гомбург>

Не постигая, что делать с присланным вами письмом, посылаю его к вам. Таковой Лазаревой я отнюдь не знаю и не могу постигнуть, зачем приписано внизу: «bei G. Gogol». Лучше бы всего узнать в полиции; может быть, точно такая Лазарева существует во Франкфурте. Если же его отдать вновь на почту, то, я думаю, вряд ли она, бедная, его получит. Знаете ли, что ваше письмо я получил только сегодня? Ибо оно успело уже вновь побывать во Франкфурте за неотысканием меня, тогда как я отправил свой адрес и в полицию, и в здешний кургаус. Но почтовый чиновник, случившийся во время приема писем, так был уверен в том, что он знает всех живущих в Гомбурге, что даже одному дню не позволил письму остаться на почте и обратил того же часу вспять. А потому вот вам мой адрес: Kissileffstrasse, maison Deiainger. В Гомбурге ни души знакомой, так что тоска разбира-

ет. В четверг буду у вас обедать.

На обороте: Son excellence monsieur de
Joukowsky.

Francfort s/M. Sachsenhausen.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

**Франкф<урт>. Мая 24 <н. ст.
1845>**

Уведомляю тебя только о том, что я сильно болен, и только одному богу возможно излечить меня. Письмо, однако же, к Уварову я написал и отправил его Смирновой для передачи или ему, или тебе. Если можно, [Если возь<мешь>] возьми за первый год деньги и перешли на всякий случай к Жуковскому. От него я получу их в минуту надобности повсюду. Больше невмочь писать, прощай. Будь здоров, и бог да хранит тебя.

Твой Гоголь.

На обороте: S-t Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству г. ректору СПбургского имп. университета Петру Александровичу Плетневу.

В П. Бург. В университет.

И. И. БАЗАРОВУ
<Весна 1845. Франкфурт.>

Приезжайте ко мне причастить меня, я
умираю.

А О. СМИРНОВОЙ

Гомбург. Июнь 4 <н. ст. 1845>

Друг мой добрый и прекрасный, ваше письмо от 12 мною получено. Что его читали не глаза мои, а читало сердце, о том нечего и говорить; что всякое из страданий ваших почувствовано самой глубиной того же сердца, [самим сердцем души] о том также нечего говорить. Год этот всем труден, и не без особенных намерений промысла вышнего он проходит почти для всех во скорби душевной. Напрасно вы также думаете, что я выше всего того, что [выше всего, что есть] принадлежит слабейшему человеку, что нашел тайну побеждать страдания и живу в одном боге. Увы! даже и в первых я ничтожен, не говоря уже о последнем. Жить в боге значит уже жить вне самого тела, а это [этого] невозможно на земле, ибо тело с нами. Я даже не в силах выносить покорно моих болезненных страданий, вот уже скоро полгода нахожусь в непрерывной борьбе с моими недугами и с немощью моего духа взять власть над своим болезнен-

ным телом. Не страдая теперь ни одной душевной болезнью, происходящею от моих отношений и положений к людям (впрочем, может быть, только так это мне кажется и нашептывает [говорит] так гордость моя), я страдаю весь душою от страданий моего тела, и душа изнывает вся от страшной хандры, которую приносит болезнь, бьется с ней и выбивается из сил биться. Я, верно, исхудал не меньше вашего, и вы бы ужаснулись, меня увидев. И ни души не было около меня в продолжение самых трудных минут, тогда как всякая душа человеческая была бы подарком, и всякий страждущий, вызвавши меня на помощь себе, сим самым, [В подлиннике: самим] может быть, исцелил бы хотя на время дух мой. Здоровье мое с каждым часом хуже и хуже. Воды Гомбурга действуют дурно, и этому помогает, может быть, опасное положение совершенного одиночества. Всякое занятие умственное невозможно и усиливает хандру, а всякое другое занятие — не занятие, [тоже не занятие] а потому также усиливает хандру. — Изнуренье сил совершенное. Вот вам мое состояние. Мне казалось бы, что встреча

наша была бы нужна с вами, если богу угодно будет продлить до того времени мою жизнь. Мне казалось, что воды Гастейна вам помогли бы больше всего, и если бы вы решились хотя с одним Аркадием Осиповичем отправиться в Гастейн, оставивши детей с м^{исс} Овербек в селе Спасском, то это было бы не дорого. Из Москвы вы отправились бы прямо в Гастейн на Вену [прямо на Вену] в легком экипаже. Вы спрашиваете, как познакомиться со стариком Аксаковым. Приехавши в Москву, пошлите прямо за ним, чтобы он приехал к вам. Скажите, что это мое желание. Отыщите также старушку Шереметьеву; скажите [скажите ей] также, что я велел вам с нею познакомиться. В минуты трудные она вам будет очень полезна. Навестите также Языкова. Он без ног, а пото^{му} к вам не в состоянии приехать. Прочих всех можете увидеть у Хомякова, который даст [сделает] для вас вечер и на нем покажет вам всех. Когда вам слишком будет трудно и грусть ваша будет велика, не забудьте взять сочинения св. Димитрия Ростовского (в 5 томах) и в первом томе прочитайте (помолившись прежде креп-

ко богу) разговор между утешающим и скорбящим и не один раз потом его перечитывайте. Вот всё, что могу вам посоветовать, изнывая и скорбя сам. Затем обнимаю вас всей мыслию души моей.

Весь Ваш Г.

Если будет вам не в труд, то купите для меня книги:

1) «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита, в одном томе.

2) «О церковном священноначалии», его же, Дионисия Ареопагита, также в одном томе.

3) «Изъяснен<ие> литургии», недавно вышедшее, священн<ика> Нортова и

4) книга совершенно мирская, на днях [ед<ва>] вышедшая, что-то вроде «Петербургских сцен», Некрасова, которую очень хвалят и которую бы мне хотелось прочесть.

Письма для большей верности адресуйте по-прежнему к Жуковскому; он их мне перешлет. Книги же нужно будет [нужно будет дост<авить>] уже прямо в Гастейн. Затем прошу вас о том же, о чем вы меня просите: молитесь обо мне; здоровье мое очень плохо. Молюсь и я об вас, сколько в силах то при нынешнем бессилии моем. [то делать при моих болезненных силах]

На обороте: S-t Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В С. П. Бурге. На Мойке, неподалеку от Си-него моста. В собственном доме.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ

5 июня <н. ст. 1845. Гомбург>

Молитесь, друг мой, обо мне. Ваши молитвы мне нужны были всегда, а теперь нужнее, чем когда-либо прежде. [Далее начато: Моли<тесь>] Здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснут; от врачей и от искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно; но от бога всё возможно. Молитесь, да поможет он мне уметь терпеть, уметь переносить, уметь покоряться, уметь молить его и уметь благословлять его в самых [В подлиннике: самих] страданиях. Я слишком знаю, [Далее начато: Я вижу] что нельзя [нет] зажечь уже светильника, если не стало масла. Но знаю, что есть сила, которая и в мертвом воздвигнет дух жизни, если восхочет, и что молитва угодных богу душ велика перед богом. Молитесь, друг мой, да не оставляет меня в минутах невыносимой скорби и уныния, которые я уже чувствую и которых, может быть, [уже, может быть] целый ряд предстоит мне вперед, в степени

сильнейшей. Молитесь, да укрепит меня и спасет меня.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

**5 июня <н. ст. 1845>. Гомбург,
близ Франкф<урта>**

Твое письмо от 10 мая мною получ<ено>. Друг мой, ты всё еще принимаешь дело легко и почти в шутку, приглашая меня в Москву. Больного в таком состоянии, в каком я, не призывают, но скорее к нему едут. Бог весть, как я еще доберусь до Гастейна. Повторяю тебе еще раз, что болезнь моя сурьзна, только одно чудо божие может спасти. Силы исчерпаны. Их и без того было немного, и я дивлюсь, как, при моем сложении, я дожил и до сих еще дней. Отчасти, может быть, я обязан тому, что берег себя и не вдавался во всякие излишества; отчасти обязан тому, что бог крепил и воздвигал, несмотря на всё мое недостойнство и непотребство. Знаю, однако же, [также] и то, что повредил себе сильно в одно время тем, что хотел насильно заставить писать себя, тогда как душа моя была не готова и когда следовало бы [В подлиннике: было] покорно покориться воле божьей. Как

бы то ни было, но болез<ни> моей ход естественный. Она есть истощение [В подлиннике: источение] сил. Век мой не мог ни в каком случае быть долгим. Отец мой был также сложенья слабого и умер рано, угаснувши недостатком собственных сил своих, а не нападением какой-нибудь болезни. Я хуюеу тепеь и истаиваю не по дням, а по часам; руки мои уже не согреваются вовсе и находятся в водянисто-опухлом состоянии. Припадкн прочне все те же, которые сопровождали бедного Елима Мещерского (умершего тоже от изнуренья сил) за неделю до его смерти. Вот тебе состояние моей болезни, которой не хочу от тебя скрывать. Ни искусство докторов, ни какая бы то ни было [какая-либо] помощь, даже со стороны климата и прочего, не могут сделать ничего, и я не жду от <н>их помощи. Но говорю твердо одно только, что велика милость божия и что, если самое дыхание станет улетать в последний раз из уст моих и будет разлагаться в тленье самое тело мое, одного мановенья — и мертвец восстанет вдруг. Вот в чем только возможность спасенья моего. Если сыщется такой святой, чьи молитвы

умолят обо мне, если [и если] жизнь моя полезней, точно, моей смерти, если достанет хотя сколько-нибудь чистоты грешной и нечистой души моей на такого рода помилование, тогда жизнь вспыхнет во мне вновь, хотя все ее источники иссохли. Знай об этом сам, объяви о том и другим, да напрасной надежде и мечтам не предаются, а пусть лучше, вместо того, молятся, благоговей пред божиим могуществом, благословляя его и не осмеливаясь произносить чего-либо похожего на свои соображения, а оттолкни и на роптания, и т. п. [Далее начато: Стихи твои я читал в «Москвитяине». Элегию весь<ма>] С. Т. Аксакову и Шевыреву скажи, что напрасно они собираются писать в ответ на письмо, на которое просилось [требова<лось>] одного только дружеского: да. С тех пор прошло уже полгода, и молчанье принято, как следует, за совершенное согласие; напоминание же о чем-нибудь уже забытом будет [о чем-нибудь старом может] мне неприятно. Итак, да не приходит им в ум [и в ум] заикаться о делах, решенных и сложенных в архив.

Стихотворе<ния> я твои прочел как в «Москв<итянине>», так и в отдельн<ом изда-ни>. Из них многие мне принесли большое удовольствие. В том <числе> самое [самое прек<расное>] посвящение Авдот<ье> Пет<ровне> Елагиной. Элегию о надоедателе весьма заметил и даже сказал о ней Коппу. В Москве будет, вероятно, на днях Смирнова. Ты должен с ней познакомиться непременно. Это же посоветуй Серг<ею> Т<имофеевичу> Аксакову и даже Н<адежде> Н<иколаевне> Шереметьевой. Это перл всех русских женщин, каких мне случалось знать, а мне многих случалось из них знать прекрасных по душе. Но вряд ли кто имеет в себе достаточные силы оценить ее. И сам я, как ни уважал ее всегда и как ни был дружен с ней, но только в одни истинно страждущие минуты, и ее и мои, узнал ее. Она являлась истинным моим утешителем, тогда как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить. И, подобно двум близнецам-братьям, бывали сходны наши души между собою. Она также теперь больна, и дай бог ей выздоровление для счастья многих. Затем прощай, бог да благословит тебя! Адресуй

еще на имя Жуковского во Франкфурт.

Твой Г.

А. А. ИВАНОВУ
Франкф<урт>. Июня 18 <н.
ст.> 1845

От вас я давно не имею никаких вестей, добрейший мой Александр Андреевич. Напишите хотя два словечка. Я всё время хворал и был болен, и теперь болен, и даже очень болен. Но все-таки имею желание и намереваюсь, если бог поможет, ехать к вам на осень и зиму в Рим. А потому вы постарайтесь меня уведомить, где будете вы лето, дабы я знал, как отыскать вас, если, на случай, приеду рано. Пишите мне в Гастейн, куда я еду теперь же, и не откладыв<ая> письма вашего, дабы оно меня там застало. Гастейн вы уже знаете: он находится в Австрийском Тироле. Адресуйте в *poste restante*.

Скажите Моллеру, чтобы он хотя что-нибудь мне написал о себе: что он делает, чем занимается и как его здоровье и силы для работ? Сам же я всё еще не в силах много писать.

Прощайте! Бог вам в помощь!

Весь ваш Гоголь.

На обороте: à Rome (en Italie).

Al signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Roma. Via Condotti. Vicina alla piazza di
Spagna, nel Caffè Greco.

А. О. СМИРНОВОЙ
Гомбург. [Франкфурт] 18
<июня н. ст. 1845>

Ваше письмо (от мая 23) получил, находясь [еще находясь] на выезде в Гастейн. Как ни слаб, но во имя божие пускаюсь. Все из тех, которые желали быть в Гастейне или говорили о том, изменили [говорили мне о том, кажется, изменили] слову... но да будет лучше всего так, как богу угодно. Относительно вас я рад хотя тому, что вы будете с Вьельгорскими лето. Вот вам мой совет: позабудьте о себе и думайте о них; позабудьте о своих недугах и думайте о их недугах; позабудьте о своих огорченьях и думайте о их огорчениях. Чтобы отселе в ваших глазах как бы вовсе не существовало вас самих и вы одним сим только исцелитесь от вашего недуга. Постарайтесь сойтись поболее и потеснее с Анной Михайловной. Это вам слишком будет нужно. Вы ее доселе, сколько мне кажется, не оценили и не узнали, но [но мне <кажется>] она будет вам более всех теперь нужна, и вы будете

нужны ей, укрепляя, бодря, [бодря и] освежая ее и заставляя ее действовать. Слов ваших о векселе я не понял: вы пишете, что посылаете вексель за треть и что я буду получать по третям. Но в таком случае мне бы следовало получить тысячу с лишком франков, потому что, основываясь на письме Уварова, я получаю по тысяче рублей серебром в год, что составляет близ четырех тысяч франков в год. Но, вместо этого, я получил от вас вексель только в триста с лишком франков. А потому совершенно недоумеваю, что это значит, равно как и слова ваши: «Посылаю вексель за первую треть». Объясните мне это, написавши в Гастейн и давши в то же время об этом знать и Жуковскому. Если кто-нибудь едет в Гастейн, попросите его взять с собой те книги, о которых я вас в прошедшем письме просил. Прошу вас также, ради Христа, выставлять в ваших письмах, что мое письмо, писанное мною к вам от такого-то числа, было получено вами такого-то [от такого-то] месяца и дня. Этого вы никогда не делаете, а мне это слишком нужно. [иногда слишком нужно.] Затем бог да укрепит вас, изравнявши всё в благо.

Молюсь ему и в сию самую минуту, да, как освежающий дождь, пронесутся сквозь вашу душу все эти доселе вами испытанные изныванья и скорби, и, как земля, освещенная после бури [дождя] солнцем, будет отныне душа ваша. Крепко, твердо и бодро в дорогу, мой добрый друг! Во имя бога, вновь в дорогу жизни, и на всяком шагу да будет он с вами, и да будет бестрепетна ваша в него надежда! Прощайте! Адресуйте в Гастейн, в poste restante. А обо мне молитесь.

Ваш Г.

При сем письмо к графине Виельгорской. Уведомьте <о> их приезде и о прочем.

На обороте: S-t Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В С.-Петербурге. На Мойке, близ Синего моста, в собственном доме.

А. О. СМИРНОВОЙ

Берлин. 5 июля <н. ст. 1845>

Пишу к вам, мой прекрасный друг Александра Осиповна, из Берлина, куда притащился я больной и еле движущийся для окончательного совещания с здешним доктором Шёнлейном, [В подлиннике: Шонлейном; далее не отмечается.] ибо мнение докторов о моем лечении раздвоилось: одни советуют в Гастейн, другие решительно морское купанье как можно подольше. Приезд в Берлин вышел неудачен: Шёнлейна я не застал; он уехал за день [ровно за день] до моего приезда и возвратится нескоро. Я, признаюсь, скорее склонен к морскому. В нем есть что-то освежающее уже с самого начала, и самому брэнному телу моему как-то более желалось бы моря. Но решиться не могу. Морские купанья пока еще все пусты, а остров Эльголанд, куда предпочтительно шлют меня, особенно пустынен, и ни одна русская душа туда не езжает, тогда как он всего в четырех, или с небольшим, часах от Гамбурга. Итак, вот ка-

кого рода мое положение: за два дни до моего отъезда я еще не знаю наверно, куда еду. Знаю одно только то, что опаснее всего для меня хандра, а она, как нарочно, предстоит мне в тех местах, куда шлют меня, и, как нарочно, никогда еще не посыла<ли> меня в такие лишенные людства места, как ныне. Не раз приходит мне на ум, какое [какое бы было] утешение было бы теперь нам встретиться именно в нынешние минуты. Но это, как видно, богу неудобно покамест. По крайней мере, во всяком случае, посоветуйтесь сурьезно с докторами насчет ваших нерв, если только вам не лучше. Я уверен, что вам присоветуют или Гастейн, или море с морским купаньем. Если море, тогда переезд не станет [это не ст<анет>] вам ничего. Ни экипажей, ни громозду не нужно; на пароход взять надобно одни только сундуки и приехать только в Гамбург, а от [из] Гамбурга в нескольких шагах все притоны морских купаний. Как бы хороши были морские купанья для Софьи Михайловны также! и как бы удобно было вам сделать это путешествие вместе! Издержек вы бы сделали менее, чем в Петербурге летом,

а между тем набрались бы сколько-нибудь здоровья для зимы. Притом самое спокойное путешествие, не сопряженное ни с какими хлопотами и продолжающееся всего одну неделю, если не меньше. А для меня остров Эльголанд превратился бы тогда в рай. Я уверен, что Аркадию Осиповичу помогли бы также весьма сильно морские купанья. Ему нужны укрепляющие [укрепляющие средства] и освежающие средства. Но... буди всё по воле и милости божией! А вы все-таки дайте мне скорый ответ на это письмо, адресуйте на имя Миха<и>л<а> Миха<й>ло<ви>ча в Берлин. Он мне отправит туда, куда я потащусь. Прощайте, друг мой. Устал, не имею сил даже двигать пером, [Далее начато: придется, я думаю] а между тем много и много еще предстоит дороги вперед, если придется ехать в Гастейн. Но если и в Гастейне я узнаю, что вы едете на морс<кие> купанья, то притащусь отовсюду к вам, несмотря ни на какой переезд. Прощайте же и напишите хотя несколько строчек. Душа моя обнимает вашу душу.

Ваш Г.

Само собой разумеется, что вы должны крепко и сильно обнять за меня всех Вьельгорских.

На обороте: S-t Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Петербурге. На Мойке, близ Синего моста, в собст<венном> доме.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Берлин. Июль 14 <н. ст. 1845>

Я медлил описаньем вам моих плачевных похождений, желая написать вам что-нибудь о себе утешительное. Из Франкфурта я выехал в состоянии совершенно нерешительном насчет моей болезни. Меня смущала не самая болезнь моя, но то, что я не мог добиться от докторов, в чем именно состоит болезнь моя. Что есть во мне нервическое расстройство, это я слышал, но отчего оно произошло, это осталось для меня задачей, а непрерывное возраст<ан>ье недугов не нервических вместе с нервическими, иссушение всего тела и цвет мертвечины, который оно принимало, чем дальше, больше, — всё это запутывало еще больше задачу и не давало мне надлежащего духа отважиться на одинокое и пустынное лечение, опасное при хандрическом расположении духа, постоянно преследовавшем меня. А потому я не был спокоен во всё время путешествия, хотя и старался взять всю власть над собою. Для душевного моего спо-

койствия оказалось мне нужным отговорить в Веймаре. Граф Толстой также говел вместе со мною. Добрый веймарский священник советовал мне убедительно посоветоваться еще на дороге с знаменитым доктором в Галле, Крукенбергом. К сему склонял меня и граф Толстой, видевший усиливавши^{еся} мои припадки, исхуданье и странный, болезнен^{ный} цвет кожи. Крукенберг обратил особенное внимание на мою спину, пытаясь отыскать в ней причину этой болезни моей, исхуданья и расслабленья и прочего. Он меня раздел и щупа^л всего, перебрал и перещупал всякий позвонок в спине, испробовал грудь, стуча по всякой кости, [Далее начато: ощупал все ме^{лккие}] и, нашед то и другое в добром здоровьи, вывел [ре^{шил}] заключение, подобно Копшу, что всё дело в нервах и что мне необходимо прожить три месяца, по крайней мере, на открытом море, купаясь ежедневно, и что для этого всего удобнее мне остров Helgoland, недалеко от Гамбурга, что Гастейн меня может разгорячить. Это заключение меня не совсем утешило и не могло прогнать сомнений: во-первых, потому, что я

чувствовал [видел слишком] ясно в себе кое-что сверх нерв, а во-вторых, потому, что я не в силах был пренебречь таким сильным авторитетом, каков Коппа, присоветовавшего Гаштейн. Я решился ехать до Берлина и представить то и другое на суд Шёнлейна, рассказавши всё мое критическое положение, и с чьим мнением он будет согласней, на то решитель<но> и отважиться, основываясь единственно на большинстве голосов. Но, на мою беду, Шёнлейна в Берлине не застал; он уехал в Гомбург, и я остался, весь преданный нерешительности. А каково мое положение, это предоставляю судить всякому, кто знает, что такое нерешительность в важную минуту. Уходящее между тем время еще более увеличивало тягость моего положения. В Берлине посоветовали мне съездить, по крайней мере, в Дрезден к доктору Карусу. Я поехал в Дрезден. Карус, когда я рассказал ему всё дело, расспросил меня обо всем образе моей жизни и обо всех излишествах, каким я предавался в жизни и которые могли бы произвести во мне в такой силе нервическое расстройство. Не найдя их достаточными для произведения

совершенного расстройствa нерв и найдя жизнь мою довольно для того умеренною, он сказал, что причины должны быть иные и что он приедет ко мне на дом рассмотреть и ощупать меня всего. Раздевши меня всего, он перещупал меня также. Стучал по всем местам и костям в груди, нашел грудь здоровою, щупал живот и потом начал вновь стучать по ребрам в правом боку. Здесь он остановился и нашел, что звук гораздо повыше места печени уже становится глухим, что, по его мнению, есть ясный признак, что печень выросла, оставляя менее и менее места для легких, что дело всё в печени, что отсюда исхудание, зеленый цвет кожи, беспорядок желудочных отправлений, нервическое расстройство и дурное кровообращение крови, что лечить нужно прежде всего печень и что, не теряя времени, следует мне прежде всего ехать в Карлсбад. Итак, вот вам мое положение. Еду в Карлсбад, потому что на что-нибудь должно реши<ться>, потому что мнение это последнее, уже произнесенное по соображении всех мнений прочих докторов, потому что Карлсбад менее других пустынен и, может быть, не

так опасен в рассуждении [относительно] хандры. А благоразумно ли я это делаю, право, не знаю. Один бог знает, что для меня истинно полезно и какой из врачей менее всех других ошибся. Объявите и расскажите об этом обстоятельно Коппу. Какого он будет об этом мнения? Мне жаль только, что ни мне, ни ему не пришло в ум меня, раздевши, оцупать хорошенько всего, что было бы весьма удобно, потому что по моему телу можно теперь проходить полный курс анатомии, до такой степени оно высохло и сделалось кожа да кости. Пожмите ему крепко руку и поблагодарите в то же время за всё, и особенно за то, что он не сердился на мою нерешительность, слабодушие и сомнение. Вы сами видите мое положение: все эти слабости уже кроме того, что происходят от критического моего положения, суть в то же время неминуемые следствия самой болезни моей и, может быть, с ней вместе составляют нераздельное и единое.

А вы, мой бесценный друг и душа, мною любимая, не гневайтесь на меня ни за

то, что я доселе не давал вести о себе, ни за то, что я не в силах был действовать, как твердый муж, и не колебаться во время колебания, ни за то, что и теперь я, может быть, пишу бессвязно и уж, верно, неразборчиво и нечетко. Всё простите мне и помолитесь обо мне крепко богу, да укрепит меня и воздвигнет и обратит мне в целение и пользу предстоящее лечение. Посылаю мой душевный поклон вашей добрейшей супруге, обнимаю мысленно ваших малюток. Обнимаю также доброго бар^{она} Рейтерна и посылаю искрен^{ний} поклон всей милой семье его. Напишите в ответ только две строчки, чтобы я знал, что письмо мое получено. Адресуйте в Карлсбад, *poste restante*. Приехавши в Карлсбад, я вам пришлю тот же час свой полный адрес. Выезжаю я отсюда завтра, а послезавтра надеюсь быть в Карлсбаде.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: *Son excellence monsieur m-r de Joukowsky.*

Francfort s/M. Sachsenhausen.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

А. О. СМИРНОВОЙ

Берлин. 15 июля <н. ст. 1845>

Пишу к вам еще раз из Берлина, где должен был я прожить полторы недели в ожидании Шёнлейна, которого, однако ж, не дождался. Вместо того пришел ответ, что Шёнлейн будет не раньше, как чрез три недели. Чтобы чем-нибудь решить дело, я съездил в Дрезден к Карусу. Карус, по выслушании всего, равно как и затруднительного моего состояния насчет того, что предпринять и чему последовать, осмотрел меня всего, перещупал всё мое высохнувшее тело и кости и задал мне новую задачу: нашел, что всё дело у меня в печени, которая сильно выросла, и что мне следует ехать в Карлсбад и лечиться Карлсбадом, как единственным для того средством. Итак, я теперь, перекрестясь и благословясь, и предаясь совершенно на волю божию, еду в Карлсбад, а вас прошу помолиться обо мне, бесценный друг мой Александра Осиповна. Отправьте молебен о моем выздоровлении и попросите помолиться обо мне того из служи-

телей божиих, чьи молитвы доступнее и действительнее. Молитвы лучших из нас много могут сделать. Отправьте молебен также и о вашем собственном выздоровлении. Наше выздоровление в руках божиих, а не в руках докторов и не в руках каких-либо медицинских средств. Я думаю, что какое бы ни было предписано нам лечение, хотя бы оно даже и не вполне соответствовало нашему недугу и даже самый врач ошибся, но если мы во имя божие и верой в бога станем им лечиться, то всевышняя воля направит всё в исцеление нам. Карлсбад имеет хотя то преимущество, что там я буду не один; по крайней мере, там редко бывает без большого съезда русских, что теперь, по причине одолевающей меня непрерывно хандры, не совсем маловажно.

Адресуйте или прямо в Карлсбад, *poste restante*, или в Берлин, на имя Мих<аила> Михалини, для отправления ко мне.

Затем, обнимая вас всею душою и мыслию, молю вас не лениться писать ко мне и, хотя по две и по три строчки, но как можно поча-

ще, говорить о вашем душевном состоянии. В нем всё мне дорого, и хотя бы вы мне писали нехотя, в бессвязных отрывках, в недоконченных речах и словах — душа моя найдет в них смысл, а бог вразумит и в неполноте почувствовать дело в полноте...

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Карлсбад. 24 июля <н. ст.
1845>

Ваше милое письмо, а с ним вместе и приложенные на мое имя письма получил и благодарю вас очень за то и за другое. Вот уже пять дней, если не боле, как пью воды Карлсбада. Больше ничего не могу сказать: так слаб и в изнуренном состоянии. У Каруса я спросил обо всем; в этом отношении не беспокойтесь. Он составил описание найденного им во мне недуга в соединении с письмом к здешнему доктору. Доктора имя — Флеклес. Доктор Флеклес подтверждает всё то же, что Карус, что, впрочем, ни удивительно, ни слишком обнадеживательно, ибо так бывает и водится всегда. Что до меня, надежду более всего возлагаю на бога. Его святой воле угодно — и действие, по-видимому вредоносное, обратится в полезное. Да будет же его воля и да поможет он нам в бессилии нашем и подаст нам силы произносить ежеминутно: «Да будет воля твоя!» С водами я поступаю остo-

рожно, ибо знаю, что, сколь ни благотворны они в таком случае, если болезнь [болезнь во мне] именно та, которую определил Карус, столько вредоносны и гибельны, если болезнь не та, то есть если первоначальная причина болезни не в печени, а в нервах и во всеобщем расслаблении и изнурении сил.

Тут середины нет: либо пан, либо пропал, так, по крайней мере, гласят все медицинские описания карлсбадских вод. Но велик бог, и природа человека еще такая тайна, которая ускользает далеко во многом от глаза докторов. А потому всё клонится к тому, что во время лечения еще крепче и сильнее нужно молиться богу. Молитесь и вы, мой добрый друг. Больше писать покамест не в силах. В следующий раз и особенно, когда почувствую себя лучше, напишу пообстоятельней и подлинней. Обнимаю вас от всей души и передаю душевный поклон Елисавете Алексеевне.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Son excellence m-r de

Joukowsky.

Francfort s/M. Sachsenhausen.
Salzwedelsgarlen vor dem Schaumeinthor.

А. О. СМИРНОВОЙ
25 июля <н. ст. 1845.
Карлсбад>

Слабый и еле движущийся пишу к вам из Карлсбада. Покаместь воды меня повергнули в совершенное расслабление телесное. Вот всё, что могу сказать. Что будет потом, это известно одному богу. Карлсбад может помочь, если все мои недуги происходят от печени, и может вконец повредить, если прямо от нерв и от расслабления, соединенного с изнурением сил. Жуковский переслал мне ваши два письмеца (последнее от 19 июня). Наконец судьба Н<иколая> М<ихайловича> решилась: ему досталась на долю Калуга. Что ж, это хорошо: Калуга близко от Москвы и не так далеко от Петербурга. В Москву вам иногда наведываться для освежения, а иногда и для переговоров с людьми, которых сведения вам могут быть полезны. В Петербург вам нужно наведываться собственно для одной царской фамилии, которой вы будете необходимей и нужней, чем далее, более. К тому ж в краткое

время приезда гораздо больше обделывается и делается дел, чем в долгое прерывание. Не смущайтесь вперед предстоящими благотворительными обществами и приютами, какие ныне требуются от губернаторш. Рассмотрите прежде хорошенько место и положение настоящее тех, для которых делаются благотворения, и вы найдете потом средства, как благотворительные заведения только по имени обратить в действительно благотворительные по существу и как из приютов, оставивши им только имя и форму приютов, сделать вовсе не похожее на то, что иные принимают за приют. Словом, местные надобности и потребности в губернии укажут вам сами весьма ясно, в каком <месте> и в какой силе должно быть у вас основано какое бы то ни было заведение. Постарайтесь только узнать получше всех в губернии, умейте всех и каждого выпросить и не принимайте ничьего показания за непреложное и последнее, пока не отберете и от других таких же показаний, а отобравши, не пощупаете сами собственными руками. И тогда уже с божией помощью, благословясь, принимайтесь за дело.

Вы коснулись «Мертвых душ» и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожалением к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мерт<вых> душ». Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мерт<вых> душ». Это пока [покамес<t>] еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что это [это еще] тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора. Много, много даже из того, что, по-видимому, было обращено ко мне самому, было принято вовсе в другом смысле. Была у меня, точно, гордость, но не моим настоящим, не теми

[моими теми] свойствами, которыми владел я; гордость будущим шевелилась в груди, — тем, что представлялось мне впереди, счастливым открытием, которым угодно было, вследствие божией милости, озарить мою душу. Открытием, что [того, что] можно быть далеко лучше того, чем есть человек, что есть средства и что для любви... Но некстати я заговорил о том, чего еще нет. Поверьте, что я хорошо знаю, что я слишком дрянь. И всегда чувств<овал> более или менее, что в настоящем состоянии моем я дрянь и всё дрянь, что ни делается мною, кроме того, что богу угодно было внушить мне сделать, да и то было сделано мною далеко не так, как следует. — Но рука моя устает. Друг мой, укрепимся духом! Примем всё, что ни посылается нам богом, и возлюбим всё посылаемое, и, как бы ни показалось оно горько, примем за самый сладкий дар от руки его. Злое не посылается богом, но попускается им для того только, чтобы мы в это время сильнее обратились к нему, прижались бы ближе к нему, как дитя к матери при виде испугавшего его предмета, испросив у него сил противу зла. Итак, возрадуемся при-

ходу зла, как возможности приблизиться ближе к богу. Крестом сложивши руки и подняв глаза к нему, будем ежеминутно говорить: «Да будет воля твоя» и всё примем, благословляя и самую тоску, [тоску нашу] и скуку, и тяжкую болезнь. Не знаю, как вам дать адреса московских моих знакомых; они все, вероятно, разъехались. О квартире и местопребывании Языкова Никол^а Михайловича можете узнать на Кузнец^ком мосту в доме Хомякова. О Надежде Николаевне Шереметьев^{ой} узнаете, если нет Акс^аковых и Языков^а в городе, у Авдотьи Петровны Елагиной (в собст^венном доме, у Красных ворот), с которой вам советую тоже познакомиться. Шевырев Степан Петрович живет в собств^{ен}ном доме, в Дегтярном переулке, близ Тверской; с обоими Киреевскими, Иваном и Петром Васильевичами, познакомит вас их матушка, Авдотья Петровна. Адрес Свербеевых у Хомякова или у Елагиной. Чертова, Елисавета Григорьевна, живет на Мясницкой, близ Мясницких ворот, в приходе Егупла. Всё семейство Аксакова Сергея Тимофеевича, вероятно, переехало в деревню, если

ж в городе, то адрес их узнаете, пославши человека или к Шевыреву, или к Погодину, живущему под Девичьим монастырем в собств<енном> доме...

Но прощайте, друг мой. И руки, и ноги, и голова устали, и уже не помню, что пишу. Не позабывайте и пишите почаще.

Ваш Г.

Адресуйте в *poste restante*, Карлсбад.

Во время тоски читайте св. Дмитрия Ростовского разговор между утешающим и скорбящим, напечатанный в его сочинениях. А потом примитесь, отбросивши всякое помышлен<ие>, как ученик и как школьник, учить наизусть псалмы, как [которые] я вам когда-то назначал.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Карлсбад. 25 июля <н. ст.
1845>

Пишу к тебе, расслабленный и еле движущийся, из Карлсбада, куда наконец забросила меня судьба. Оставивши Франкфурт, я не посмел прямо ехать в Гастейн, боясь сильно одиночества и не уверенный в том, какого рода во мне болезнь и прямо ли действителен против нее Гастейн. Я решился ехать в Берлин, воспользовавшись сотовариществом графа А. П. Толстого, с тем, чтобы посоветоваться с Шёнлейном. На дороге, в Веймар<е>, говел во второй раз и приобщался. Тамошний очень добрый священник наш советовал мне непременно, едучи в Берлин, заехать по дороге в Галль, к тамошней знаменитости, доктору Крукенбергу, о котором он рассказывал чудеса. Крукенберг, осмотревши и ощупавши меня всего — спинной хребет, грудь и всё высохнувшее мое тело — и нашед всё в надлежащем виде, решил, что причина всех болезненных припадков заключена в сильнейшем

нервическом расстройстве, покрывшем все прочие припадки и произведшем все недуги. Гастейн советовал мне решительно оставить, как раздражительный, и, вместо то<го>, предписал мне провесть, по крайней мере, три месяца в открытом море на острове Helgoland на Северном море. Решение это произвело во мне только нерешимость и гадкое [страшное] состояние сомнения и в Гастейне и в море. То и другое было определено [советовано] врачами известными и прославленными и тем еще более повергало меня в нерешимость. А потому ожидал с нетерпением, что скажет Шёнлейн, положивши себе наперед последовать [последовать решитель<но>] тому, что утвердит и признает справедливейшим он. Но Шёнлейна не было уже в Берлине. Он уехал за день до моего отъезда именно: в Гомбург, откуда я выехал. Неделю с лишком в тоске ожидал я его в Берлине. По истечении этого времени пришло от него известие, что он около месяца пробудет в отлучке. Время между прочим было уже слишком подвину<то>, и я рисковал пропустить время вод. И нерешимость и настоящее состояние болезни моей

стали мне невтерпеж; я решился отправиться еще к одной знаменитости: к Карусу, в Дрезден. Карус осмотрел меня вновь всего, от головы до ног, ощупал и перестучал все мои кости и перещупал живот и нашел, что главная причина всего заключилась в печени, что печень необыкновенно выросла, оставив весьма мало [даже весьма мало] места для легких, что отсюда и нервическое расстройство, и расслабление, и прекратившееся выработка крови, что прежде всего следует излечить печень, что для этого необходим Карлсбад и что я должен как можно скорей туда ехать, дабы не упустить времени. Уставши и выбившись весь из сил, я решился последовать последнему совету, во-первых, [единств<енно>] потому, что он дан после всех, во-вторых, потому, что Карлсбад менее других грозит одиночеством, что было бы для меня совершенно опасно при хандре, порождаемой самой болезнью и увеличивающейся постепенно более, в-третьих, потому, что нужно же на что-нибудь наконец решиться. Карлсбад, по сознанию всех, может действовать благотельно, если главная причина

всех расстройств произошла в печени, и может подействовать вконец разрушительно, если главная причина в самом нервическом расстройстве или же в всеобщем расслаблении и изнурении сил. Одним словом: либо пан, либо пропал. — Итак, вот тебе мое положение. Жду полного успеха лечения только от одной милости божией! Сегодня седьмой день, как начал пить воды. Пью с осторожностью и ничего не могу еще сказать, кроме того, что слабость увеличилась и в силах могу передвигать ноги. Руки как лед и особенно холоднее не тогда, когда сижу на месте, а когда делаю движение и потею. — Но прощай. В силу мог совладеть с письмом.

Твой Гоголь.

Поблагодари Аксаковых и Надежду Николаевну за их милые письма. Отвечать же теперь совершенно не в силах, а буду, как только сколько-нибудь приду в состояние.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В доме Хомякова на Кузнецком
мосту.

М. И. ГОГОЛЬ
Карлсбад. Июля 28 <н. ст.
1845>

Пишу к вам всё еще больной из Карлсбада, куда отправлен теперь лечиться. Помогут воды или нет, это в воле божией. Мы можем только молиться, молитесь и вы. Ваше письмо, адресованное во Франкфурт (от 30 мая), я получил уже здесь. Слухи, которые до вас дошли, что я будто потому не еду в Россию, что совестно с пустыми руками показаться, не совсем справедливы. Если мне и совестно, то, верно, не кого другого, а самого себя; а до того, как кто меня примет, мне и дела нет; я даже уверен, что меня лучше примут, чем я стою. Но не в том дело, покаместь главная вещь — здоровье. Недуги мои увеличиваются, и во время всякого приезда моего в Россию я себя чувствовал нехорошо. Здесь поправлялся и чувствовал охоту к труду и занятиям. Но эту зиму (слишком дурную и здесь) стал понемногу хворать, весной даже заболел сурьезно. Но даже теперь еще не совсем вышел из нере-

пительного состояния, а потому прежде всего помолимся богу, да устроит всё по своей благодати и да будет милостив к нашему слабодушию и бессилию. Письмо это я посылаю в конверте, надписанном на имя Соф<ьи> Вас<ильевны> Скалон. На ваше имя прямо не пишу по тех пор, пока вы не уведомите меня, что два мои письма вами получены. (В одном из них запрос о причине долгого молчания, в другом хозяйственные распоряжения относительно поручения [поручения привести] Лизе вести книгу расхода и прихода вместе с хранением денежной кассы). Адресуйте в Карлсбад, *poste restante*. А о выздоровлении моем прошу вас, любезнейшая маминька, помолиться, [Далее начато: и даже] равно как и о здоровье сестер моих и всех вас. Прошу вас также отправить обо мне молебен не только в нашей церкви, но даже, если можно, и в Диканьке, в церкви святого Николая, которого вы всегда так умоляли о предстательстве за меня. [Далее начато: и бог действительно] Но, молясь богу, нужно всё простить всем и, кроме того, предаться совершенно в волю Божию и душою, и телом, и всем существованием, и

всё принять радостно, что ни пошлет он нам.

Затем прощайте.

Истинно почитающий и любящий вас сын

Н. Г.

На обороте: Ее высокоблагородию Марии
Ивановне Гоголь.

В деревне Васильевке.

А. О. СМЕРНОВОЙ
Карлсбад. 28 июля <н. ст.
1845>

Карлсбад пока расслабил и расстроил меня слишком сильно. После, может быть, не соберусь и не успею; может быть, недуг еще более помешает... а потому тороплюсь поговорить с вами теперь о предстоящей вам жизни внутри России и об обязанностях, с ней сопряженных. Намечу одни только главные пункты. Вам немного нужно говорить; недоговоренное вы почувствуете сами и пополните всё, что мною будет пропущено. Ваше влияние в губернии гораздо значительнее, [будет гораздо значительнее] нежели вашего мужа, а, может быть, и генерал-губернатора. [генерал-губернаторского] Начинаю с этих слов. [Далее начато: жена губернатора может, как бы то ни <было>] Их влияние — на чиновников, и то по мере прикосновения [их прикосновения] чиновников с должностью, ваше влияние — на жен чиновников вообще, по мере прикосновения их с жизнью городской

и домашнею и по влиянию их на мужей своих, существеннейшему и сильнейшему, [сильнейшему на своих мужей] чем все другие власти. Губернаторша как бы то ни было первое лицо в городе. Благодаря нынешнему направлению обезьянства, с вас будут брать [брать всё] и заимствовать всё до последней безделицы. Итак, вы видите сами, как вы можете быть значительны. Дамские общества в губерниях скучны до нестерпимости. В этом согласны все. Вначале вам будет слишком трудно. Во-первых, все они заражены более, чем где-либо в столицах, страстью рядиться — источник взимания взяток и всяких несправедливостей для их мужей. Смотрите, чтобы вы всегда были одеты просто, чтобы у вас как можно было поменьше платья. Говорите почаще, что теперь и государыня и двор одеваются слишком просто. Нападайте на визиты — источники всяких ссор и щекотливых раздражительностей честолюбья и самолюбья. Говорите [говорите, что вы] почаще, что вы совершенно считаете за ничто, сделает ли вам или не сделает кто визита, что принимать это за важное — грех, а выводить из того

какие-нибудь заключения — мелко. Говорите, что вы считаете [только тогда считаете] неизвинительным не сделать визита, когда визит [только в случае, когда визит] чем-нибудь может быть полезен, когда посещаемый находится в горе, в тоске, когда нужно его утешить, развеселить или поднять дух его, и докажите это делом. Как только узнаете, что какая-нибудь из дам или захворала, или тоскует, или в несчастии, или, просто, что бы ни случилось с нею, [Далее начато: не сов<сем?>] приезжайте к ней тот же час. Будьте к ней заботливы и обходительны с ней и, ободривши ее, оставляйте ее скоро, чтобы обратиться к другой или к ждущему [другому ждущему] вас благотворительному подвигу. Долго [Долго с ней] не засиживайтесь, заставляйте лучше желать вашего вторичного посещения; лучше пусть будут чаще ваши приезды для утешения, чем продолжительны. Нужно, чтобы в первый приезд ваш увидели только вашу доброту и ваше искреннее расположение любить, а потом вы уже нечувствительно будете мало-помалу приобретать над ними власть и придете в силы внушать им, как они

должны действовать благотворительно на мужей. Что же окажется слишком жестко и нельзя будет расшевелить, [расшевелить его] что, как застарелая болезнь, будет противиться умягчающим лекарствам, то до времени оставьте, не идите слишком упрямо против него, лучше покамест сообщите это духовному пастырю. Пусть избрет он его текстом проповеди, выставит резко всю черноту его и покажет, как может им погубить свою душу человек; или передайте духовнику (если он сколько-нибудь понимает, что такое духовник), пусть он обратит наиболее на это внимания при исповеди. Прежде всего познакомьтесь с теми женщинами, которые поумнее других, расспросите у них обстоятельно и хорошо о всех других, которые поглупее, [Далее начато: вы] не упуская ничего, до самых пустых привычек и мелочей. Вы же владеете искусством спрашивать и разведывать. Доселе вы употребляли это искусство суетно и на пустое; теперь следует возратить ему законное благотворительное значение. Помните теперь твердо, что все эти мелочи суть признаки тех болезней, которы^e вам следует

лечить, и, не зная которых во всей подробности, вы никак не сумеете лечить самой болезни, как бы рассудительно на нее ни взглянули и как бы ни велик был ваш талант в лечении. Склоняйте всех, которые сколько-нибудь поумнее, идти по вашим следам и делать в своем кругу и с своей стороны почти то же. Убедите их, что пора хотя сколько-нибудь, хотя понемногу заботиться о душе и среди пустых дел хотя сколько-нибудь отделять времени на занятия и обязанности важнейшие. Заставьте их также делать визиты, сколько-нибудь благодетельные. Приезжайте к ним забирать отчеты в их действиях, чтоб это сделалось нечувствительно предметом разговоров, тогда и разговор не будет скучен; тогда и разговор будет оживляющим и подталкивающим на самое дело. [Далее начато: Вы] Когда же умные начнут, глупые поневоле и наконец от скуки станут подлаживать и не так рознить в общем ладу. Вы сами увидите в непродолжительном времени, какие заведения окажутся потребными и надобными в губернии, [Далее начато: и поверьте, что все те благотво<рительные>] если подолее будете

разузнавать и расспрашивать, и действовать, и видеть, и поверьте, что даже и те [даже все те] благотворительные заведения, которые у других не достигают своей цели и считаются ничтожными, у вас достигнут. Если узнаете, что есть хорошие священники, познакомьтесь с ними, беседуйте почаще, именно о том, как они, с своей стороны, по мере и в границах определенных им обязанностей, могут подействовать благотворительно. Представляйте им живее и яснее тех людей, с которыми они имеют дело, чтобы они поняли, каким образом и как поступать с ними. Помните, что священники [эти люди] иногда, при доброте и добрых христианских качествах, лишены познания света и не знают иногда, какой стороной и как применить высокие истины христианские к ежедневно вращающейся жизни. От них вы тоже можете забрать много сведений относительно нуждающихся и бедствующих в разных сословиях низших, и бог откроет вам способы помочь им. Не оставляйте также и тех священников, которые [которые были бы] почему-либо дурны. Нужно понемногу усовещивать также их. Говорите им

при случае, что государь во время проезда у вас будет спрашивать непременно о том, каковы здесь попы. Напоминайте также почаще архиерею, чтобы он их усовецивал. Словом, чтобы хотя сколько-нибудь заставлены были и они действовать и не оставались бы в совершенной праздности. Обратите потом внимание на должность и обязанность вашего мужа, чтобы вы непременно знали, что такое есть губернатор, [его обязанности] какие подвиги ему предстоят, какие пределы и границы его власти, какая может быть степень влияния его вообще, каковы истинные отношения его с чиновниками и что он может сделать бóльшего и лучшего в указанных ему пределах. Не для того вам нужно это знать, чтобы заниматься делами своего мужа, но для того, чтобы уметь быть полезной ему благоразумным советом в деле трудном и вообще во всяком деле, чтобы исполнить <на>значение женщины — быть истинною помощницей мужа в трудах его, чтобы исполнить наконец долг, [долг супру<ги>] тот, который вами не был выполнен, долг верной супруги, который исполнить можно вам только на этом

поприще [на этом поприще, а не на каком-либо другом] и только в сем, а не другом смысле. Тогда смоется прегрешение ваше, и душа ваша будет чиста от упреков совести. Здесь вы также должны познакомиться прежде со всеми давно служащими в губернии и опытными чиновниками, расспросить их обо всем и выведать от них всю подноготную по мере их знания. Вы их можете всех, всех весьма легко расположить к себе, съездить иногда к ним на дом, обласкать их жену, детей. Словом, всё вы должны употребить к тому, чтобы вам мало-помалу открылся весь внутренний [В подлиннике: внутренний] ход дел в губернии, не только явных, [видных глазам] но и тайных. Когда узнаете многие сокровенные пружины, уведаете тогда и то, что [то, как] многое, по видимому, ничем неисправимое зло кроткими, тихими, [иногда кроткими, тихими] никому невидными и благодетельно христианскими путями может быть уничтожено вовсе, прежде чем узнают даже о существовании его. Но об этом поговорим после, когда вы станете лицом к лицу к самому делу. Теперь, пока, я вам набросил только пункты, о которых

вы должны подумать предварительно, прежде чем отправитесь на место. [Далее начато: А после вы будете учить меня тому, что должен я говорить вам] Когда же вы напишете мне с места, ясно представите положение всех ваших обстоятельств, тогда я буду уметь вам сказать толковей, ближе к предмету и удобоисполнимей, словом — вы сами тогда меня научите тому, что должен я вам говорить; ибо [а без того] вы знаете сами, бесценный друг мой, как я глуп во всяком деле, когда оно не открыто предо мной во всей ощутительной его ясности. Я не могу ходить не по дороге. Скажу вам только то, что слишком много обязанностей прекрасных вам будет предстоять на ныне открывающемся поприще. Молитесь же богу, да воздвигнет в вас дух деятельности, и в минуту лени или тоски обращайтесь вновь к нему и вслед за таким обращением тотчас же за дело. [Далее начато: Не сердитесь на меня за то, что] А я, если богу угодно будет излечить меня и продлить еще на несколько лет жизнь мою, заеду к вам, без сомнения, в Калугу, и, верно, свидание наше будет радостней и плодотворней для душ на-

ших, чем когда-либо дотолѣ. Простите меня за то, что так дурно и неразборчиво пишу: в силу движу слабой рукой моей. [Далее начато было: но] Письмо это мне хотѣлось непременно написать вам. Прощайте же, бесценный друг мой.

Весь ваш Гоголь.

Письмо это, каково оно ни есть, перечитывайте чаще и передумайте заблаговремен<но> обо всем, что ни есть в нем, хотя бы оно показалось вам и не весьма основательным.

Пишите в Карлсбад, *poste restante*.

На обороте: Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В СѢбургѣ. В собствен<ном> домѣ, на Мойке, близ Синего моста.

А. П. ЕРМОЛОВОЙ
Карлсбад. Август 3 <2 н. ст.
1845>

Посылая вам душевный поклон, прошу вас, Александра Петровна, уведомить меня тремя строками о вашей сестрице Елисавете Петровне. Я получил письмо от Николая Михайловича Языкова, в котором он говорит, что она на днях выезжает в Гастейн. А потому я бы хотел знать, едет ли она точно и прямой дорогой в Гастейн или же заедет прежде в Дрезден. Это мне тем более любопытно знать, что я сам, весьма может статься, поеду в Гастейн. Карлсбад мне не только не помог, но даже повредил и сильно расстроил и расслабил. Пишу к вам наудачу, не зная, точно ли в Дрездене или нет. Прощайте. Будьте здоровы и не забывайте искренно вас любящего

покорного слугу

Н. Гоголя.

Ha o6opote: Dresden.

À madame

madame Alex<andrine> Jermoloff (née
Iwacheff).

à Dresde recommandé aux soins obligeants de
la Mission Russe.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Греффенберг. 11 сентября
<н. ст. 1845>

Бог милостив: мне, кажется, как будто немного лучше. Во Франкфурте найдете подробное письмо. Обнимаю еще раз сильно и крепко и всею душою вас и всё ваше прекрасное семейство. Помолимся теперь сильно и слезно во глубине души нашей о здоровьи императрицы, которое, может быть, нужнее для всех нас, чем здоровье наше.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: à Nürenberg.

Son excellence monsieur m-r de Joukoffsky.
Василию Андреевичу Жуковскому.

Nürenberg. Poste restante.

А. О. СМИРНОВОЙ

**Фрейвальдау, то же, что
Греффенберг. 11 сент<ября
н. ст. 1845>**

Ваши два маленькие письмеца, адресованные в Карлсбад, я получил, бесценный друг мой Александра Осиповна, уже здесь в Греффенберге. [В подлиннике: Грейфенберге] Прежде всего благословим наши скорби и поблагодарим за них бога. Они не даром, они нужны, так как и самая болезнь и неумолимая тоска нужны нам. Утешьтесь! ваша будущность светла. В Калуге она начнется. О здравьи моем скажу вам только, что его вконец сокрушил было Карлсбад, и я, отчаянный, решился на последнее средство — приехал в Греффенберг, где до сих пор не в силах почти опомниться от холодной воды, но сквозь всю эту жестокую проделку, производимую над моим телом, слышу, как сквозь сон, какое-то освежение и доволен уже тем, что не в силах ни о чем подумать. Это для меня уже много. Я только и прошу теперь хотя минутного осве-

жения. Вот уже скоро месяц, как я здесь, и долее пробыть не намерен, довольный тем, что набираются сколько-нибудь силы для дороги. Я с будущей недели отправляюсь в Рим. Надеюсь на дорогу, которая меня всегда спасала, надеюсь на Рим, который всегда меня оживлял и воздвигал, а больше всего надеюсь на бога, который доселе не оставлял меня в мои трудные минуты и внушил, без сомнения, и вам ваши утешительные письма и заботы обо мне. Пишите мне в Рим. Деньги и прочее скажите, чтобы были адресованы в Рим. Что поважнее, то адресуйте на имя нашего посольства, прочее прямо в *poste restante*. В Риме я буду около 15 октября, по приблизительному расчету; в дороге проведу не менее месяца. Это мне нужно и полезно. Если успеете написать до того времени, адресуйте в Венецию, *poste restante*. Попросите доброго вашего священника Наумова отслужить напутственный молебен о благополучном путешествии и выздоровлении двух путешественников: вас в Калугу и меня в Рим. Обнимаю вас.

Прощайте, до писем ваших, которые наде-

юсь найти в Риме.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Александре Осиповне Смирновой.

С. М. СОЛЛОГУБ
Сентября 11 <н. ст. 1845>.
Фрейвальдау

Сам бог внушил вам ваше миленькое письмо, моя добрейшая Софья Михайловна! Оно меня утешило; оно первое пришло ко мне в Греффенберг, куда с отчаяния я убежал из Карлсбада. Карлсбад меня расстроил и разрушил вконец. Не могу сказать вам ничего теперь о моем здоровьи. Я как во сне; чувствую только судорожное прикосновение холодной воды и ничего другого не слышу и не вижу. Времени даже нет опомниться и от сажаний в ванну, обливаний, завертываний в мокрые простыни и проч. Одно могу только сказать, что мне как-то свежее, и я чувствую теперь дух пуститься в дальнюю дорогу, на которую больше всего надеюсь, потому что дорога мне всегда помогала. На следующей же неделе я полагаю сесть в дорожную телегу, заеду в Берлин переговорить с Шёнлейном, не насчет моего излечения, но насчет того только, чтобы узнать, какого рода во мне болезнь, силы

и в каком я состоянии. Оттуда же, обняв Михаила Михайловича, в Рим на зиму, где, если богу будет угодно, восстану вновь здоровьем, ибо, признаюсь, я более всего надеюсь на него и на святую милость его, которая уже не раз была мне оказана в Риме. Итак, пишите мне в Рим. Обнимаю вас.

Весь ваш Г.

Более писать не в силах, и нет минуты свободы. Передайте эти две записочки Алекс<андре> Осип<овне> и Анне Михайловне. Обнимаю всех вас от мала до велика. В Греффенберге граф А. П. Толстой, который всем вам сердечно и душевно кланяется.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Греффенб<ерг>. 12 сентября
<н. ст. 1845>

Не тревожьтесь обо мне, добрый друг мой! Во всем есть воля божия, равно как и в том, что я теперь в Греффенберге. Боюсь сказать наверно, но, кажется, мне лучше. Я давно имел тайную веру в воду и в то, что лечение ею может пособить мне, но не имел духа отважиться на эти ужасные, по-видимому, средства, которых так боится наша кожа. Нужно было, чтобы привели меня к тому все безуспешные лечения докторов, начиная от Коппа, увеличившие мои недуги, наконец, до того, что я почти в отчаянии, расстроенный во все Карлсбадом, решился, в противность всем советам, ехать в Греффенберг, не столько для излечения, которого я и не ждал, сколько для освежения сколько-нибудь моих сил, дабы быть в состоянии предпринять дорогу, которая [для предпринятая дороги, которое] одна мне помогала доселе. Еще более меня побудило самое пребывание в Греффенберге графа

Алексан<дра> Петр<овича> Толстого, получившего там значительное облегчение (который до сих пор здесь). Всюду, куда бы я ни поехал, я бы умер уже от одной тоски, прежде чем получил бы какую-нибудь пользу от лечения. В Греффенберге же я знал, что уйду не только от тоски, но даже от самого себя, предавши себя совершенно во власть не прекращающейся ни на минуту деятельности всех проделок, производимых над телом. Действительно, мне нет здесь ни одной минуты о чем-либо подумать, не выбирается времени написать двух строк письма. Я как во сне, среди завертываний в мокрые простыни, сажаний в холодные ванны, обтираний, обливаний и беганий каких-то судорожных, дабы согреться. Я слышу [Я однако же слышу, что] одно только прикосновение к себе холодной <воды> и ничего другого, кажется, и не слышу и не знаю. Это покамест всё, что мне теперь нужно, а мне нужно теперь позабыться. Сквозь все эти тягостные проделки, чем далее, тем более, слышу, однако же, какое-то живительное освежение и что-то похожее на крепость и как бы на пробуждающуюся силу.

Да будет же благословен бог, спасающий нас и внушающий иногда простому человеку то, что утаивается им от мудрых! Призниц решительно умный мужик, и многое из того, что он говорит, слишком справедливо. Много болезней наших он производит от излишнего обременения нашего желудка слишком питательною пищею, изнуряющею наше тело обилием соков, которые при сидячей нашей жизни переходят в источники болезней. Он дает пищу большею частью трудно варимую, мяса мало (и то вываренное, почти не имеющее соков), мучного много (особенно хлеба, спеченного вместе с мякиною и деревянистыми частями, и молока); требует, чтобы желудок не приучался к лени удобноваримой пищей, но, напротив, более работал; требует в то же время уравнивания сил физических и умственных в наших ежедневных занятиях; больные пилят и рубят дрова, копают землю и беспрестанно на воздухе, а что всего удивительней, от непитательной пищи полнеют, и я даже чувствую желудок свой лучше, чем тогда, когда по предписанию докторов ел сочное недожаренное мясо и легкие блюда из зе-

лени. [Далее начато: Мне остается пробыть здесь еще одну неделю] Я много уже заметил разных гигиенических средств, которые буду употреблять во всю жизнь, если богу будет угодно продлить жизнь мою. Еще одну неделю остается мне пробыть здесь, после чего отправляюсь на зиму в Рим, в надежде и на дорогу, и на самый Рим, которые мне помогали всегда. Не думайте, добрый друг мой, что с моим здоровьем трудно скитаться по белу свету, как вы пишете. Напротив, я тогда только и чувствовал себя хорошо, когда бывал в дороге. Дорога меня спасала всегда, когда я засиживался долго на месте или попадал в руки докторов, по причине малодушия своего, которые всегда мне вредили, не зная ни на волос моей природы. Благодарю вас много за ваше приглашение ехать во Франкфурт прожить с вами вновь. Просьбы, как ваши, так и добрейшей супруги вашей, меня сильно тронули. Вы меня любите как бы еще сильнее, чем прежде, несмотря на то, что я бы должен был надоесть вам сильно. Вы меня видели во всем моем малодушии, во всех невыгоднейших сторонах моего характера, со всем мно-

жеством моих слабостей и непривлекательных свойств и, наконец, в хандре, в которой бывает несносен даже и в несколько раз меня лучший человек, и при всем том вы меня любите еще более прежнего! Хотя мне очень хотелось бы взглянуть на вас теперь, но покоримся благоразумию. Климат Рима мне больше всего благоприятствовал и воздвигал; весьма быть может, что бог еще окажет надо мной милость свою. Дорога, и притом дорога в Италию, всегда мне была благотворна. Я же намереваюсь ее совершить вовсе не изнурительно, а как прогулку. Около 15-го октября полагаю быть в Риме (почти месяц на переезд). Письма и всё, что получите на мое имя, адресуйте прямо в Рим, всего лучше и вернее на имя посольства, для большей же уверенности можете присоединить несколько строк или к тамошнему посланнику Бутеневу или к секретарю посольства Скарятину. Не гневайтесь, что так дурно пишу: озяб, тороплюсь и нет минуты времени. Прощайте. Обнимаю всею силою души. С дороги буду писать. Рейтерну и всему его доброму семейству усерднейший душевный поклон, а прекрасную

Елисавету Алексеевну, которую я полюбил еще более теперь, молю молиться обо мне. Я много верю молитвам прекрасных душ, а ее душа прекрасна, и бог, верно, внимет всем чистейшим движениям ее, помилует и восстановит меня.

Весь ваш Гоголь.

Если придет вам желание или надобность известить меня о чем бы то ни было прежде приезда моего в Рим, то адресуйте в Венецию, *poste restante*, куда я намереваюсь прибыть к 5 октября.

Письма ваши мною получены исправно, хотя весьма поздно. Вчера я отправил к вам коротенькое письмо в Нирнберг.

Письмо это я пишу на другой день по получении вашего, но вы его получите поздно, [В подлиннике: поздно] потому что в Греффенберг почта не ходит прямо. Это захолустье, и письма не прежде, как обошед все австрийские города, приходят сюда. Из Карлсбада, ко-

торый в трех днях расстояния, письма иногда
идут 14 дней.

На обороте: Francfort sur Main.

Son excellence monsieur

monsieur de Joukoffsky

Francfort s/M. Sachsenhausen.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

М. И. ГОГОЛЬ
Греффенберг. 15 сентября
<н. ст. 1845>

Пишу к вам из Греффенберга, где нахожусь на холодном лечении. Карлсбад мне не помог. Но, слава богу, лечение холодною водою, несмотря на утомительность свою, действует, кажется, лучше. [Далее начато: по крайней мере, мне] Видно, чьи-то усердные молитвы доносятся до неба; по крайней <мере>, припадки мои не так теперь тяжки, как доселе, а с ними вместе и страдания духа несколько утихают. Еще около недели остаюсь здесь, дабы сколько-нибудь укрепиться для дороги, и отправляюсь на зиму в Рим. Пребывание в Риме было всегда благотворно для моего здорovia. [Далее начато: и самая дорога] Климат римский и самая дорога по Италии всегда воздвигали и восстанавливали мои силы. Помогимся же богу, да и теперь будет на то его святая воля. Адресуйте письма в Рим, в *poste restante*, ибо [где] через месяц я полагаю уже быть там. Бог да хранит вас! А обо мне, то есть

о моем выздоровлен<ии>, не переставайте
молиться крепко.

Обнимаю вас, почтеннейшая маминька,
поручая обнять за меня и сестер.

Вас любящий сын Н. Гоголь.

На обороте: Poltava. Russie Méridionale.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Го-
голь-Яновской.

В Полтаве, а оттуда в деревню Васильевку.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
<Середина сентября н. ст.
1845. Грефенберг.>

Благодарю вас, добрый друг мой, за ваши письма, которые меня утешили в моем болезненном [без<выходном>] состоянии и всегда утешали. Не могу сказать еще ничего решительного о моем здоровьи. Твердо верю, что если милость божия захочет, то оно вдруг воздвигнется. Нынешнее лечение холодной водою, по крайней мере, освежает и прогоняет печальные мысли. Я чувствую себя как будто крепче. Через неделю, а может быть и раньше, пуцусь, перекрестившись и помолвившись, в дорогу: в Рим на всю зиму. Там я чувствовал себя всегда хорошо; переезд тоже мне помогал и восстанавливал. Бог милостив и обратит, может быть, то и другое в мое излечение. Знаю, что я сам по себе далеко того недостоин, [Далее начато: но об] и не ради моих молитв, но ради молитв тех, которые обо мне молятся, в числе которых одна из первых вы, мне ниспошлется облегчение, а что еще

выше — уменье покоряться радостно его святой воле. Итак. [Итак, прощай<те>] не переставайте обо мне молиться. И покаместъ прощайте до Рима.

Искренно вам благодарный и много обязанный за всё

Н. Гоголь.

А. Г. ТОЛСТОЙ
Сентябрь 21 <н. ст. 1845>.
Греффенб<ерг>

Благодарю вас очень много, графиня, за то, что не позабываете меня и прилагаете по поклону в письме к графу. Благодарю вас также за ваши искренние желания скорейшего мне выздоровленья. Исполнение последнего зависит от бога, и если мы сильно, усердно и с верой помолимся, то оно исполнится; а потому прошу вас молиться обо мне. Я же люблю и буду молиться о вас и жалею только о том, что вы в Париже, а не в Риме, где вам в несколько раз было бы лучше и спокойней как в отношении телесного, так и душевного здоровья. И если бы вы, помолившись крепко, решились с богом и во имя божие переехать на зиму в Италию и склонить также и графа к тому, которому необходимо нужно провести зиму в климате потеплее, то ваш переезд совершился бы не только благополучно, но даже с существенной пользой для самого вашего здоровья. Дорога по Италии так же живи-

тельна, как и пребывание в ней. Может быть, и мне посчастливилось бы тогда чем-нибудь, хотя малым, быть вам полезным в отблагодарение за ваше гостеприимство, дружеское расположение и добрую память, которую вы постоянно сохраняете обо мне. А до того времени остаюсь только благодарный в душе и вас

искренно любящий слуга ваш

Н. Гоголь.

На обороте: Ее сиятельству графине Анне Егоровне Толстой.

С. Т. АКСАКОВУ

<Конец сентября н. ст. 1845.

Греффенберг.>

Благодарю вас, бесценный Сергей Тимофеевич, за ваши два письма. Они мне были очень приятны. Здоровье мое, кажется, как будто немного лучше от купаний в холодной воде, но не могу и не смею еще предаться вполне надежде. Пишите в Рим, куда я отправляюсь; от Языкова узнаете подробнее. Не имею ни минуты свободной. Обнимаю вас всей душою, а с вами вместе и всё ваше милое семейство.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

А. Г. ТОЛСТОЙ

**<Конец сентября н. ст. 1845.
Греффенберг.>**

Благодарю вас, графиня, много и много за вашу память обо мне и поклоны. Граф мне отдал также письмо ваше, которое вы писали ко мне из Парижа и которым приглашали меня ехать в Париж. Не знаю, помог ли бы мой приезд к развлечению, [к вам] знаю только, что мысль быть с вами вместе мне приятна и усладительна. [усладна] Я вас полюбил искренно, полюбил, как сестру, во-первых, за доброту вашу, во-вторых, за ваше искреннее желание творить угодное богу, ему служить, его любить и ему повиноваться. Кто питает это искреннее желание и кто не забывает при этом молиться, да поможет бог привести его в исполнение, и строго при этом смотрит на самого себя и взвешивает все поступки свои, тот успеет, наконец, выучиться науке угождать богу во всем и дойдет до того, что бог повсюду ему будет в помочь! От всей души молю, да будет он вам помочь! Я бы слишком

хотел увидиться с вами, если не теперь, то хотя наступающею зимою. Может быть, это случится. Если вы решитесь приехать на зиму в Рим, где вам будет гораздо лучше, чем где-либо, и если бог продлит жизнь мою и даст мне здоровье, то мы проведем там время душевительно и обоюдно полезно. А теперь прошу вас пока молиться обо мне. Мне слишком нужны молитвы всех молящихся, в том числе и ваши, я же с своей стороны вас помню и не забываю и в ту минуту, как ни грешны мои моления, но возношу их о вас. Прощайте же и не забывайте меня.

Вас искренно любящий Н. Гоголь.

На обороте: Ее сиятельству графине Анне Егоровне [В подлиннике: Егорьевне] Толстой.

А. П. ТОЛСТОМУ
Дрезден. 1 октября [В
подлиннике: сентября
<описка>] <н. ст. 1845>

Наконец могу вам дать известье о себе. Из Берлина не успел; пишу из Дрездена. С Шёнлейном переговорил окончательно только перед отъездом; впрочем, по его мнению, более речей тратить было незачем, а следовало поспешать в Рим. Выслушавши всё довольно внимательно, он решил, что во мне расстройство в нервической системе, так называемом *nervoso fascoloso* (в брюшной области); над Карусом, его печенью и Карлсбадом посмеялся [смеется] и определил: приехавши в Рим, поутру вытираться мокрой простыней, потом принять две капли прописанных капель, а ввечеру — две пилюли. В апреле же месяце ехать в Неаполь и начать морское купанье в Кастелламаре и пить в то же время там обретающуюся воду [обретающиеся воды] *Aqua Media*. Когда же сделается слишком жарко, переехать на северное море [Далее начато:

словом, как можно если и] и воспользоваться, сколько можно, побольше морским воздухом и купаньем. Словом, почти то же, что и я думал. В пище есть побольше мясного и зелени и поменьше мучнистого и молочного. Когда я изъявил ему спасенье насчет кофию, сказал, что это вздор, что кофий для меня даже здоров и лучше, нежели одно молоко, и когда я объявил ему, что выпивал трактирную порцию, он сказал, что это немного, что если бы даже и две, но с молоком и хлебом, и поутру, а не после обеда или ввечеру, то это для меня имеет укрепляющее свойство. Сему бы, вероятно, я обрадовался прежде. Но теперь от кофия отстал и принял холодно такое разрешение. Впрочем я, в противность вашего мнения, всегда был уверен, что кофий мне не вреден, и это узнал из опыта. Как нарочно именно в то время, когда я пил кофий покрепче, у меня нервы были хороши. Именно [только именно] в Остенде да в первый раз в Риме (после великого нервического расстройства в Вене) пил я кофий в большом количестве (оба раза непосредственно вслед за нервами) и оба раза был здоров. — Итак, вот вам отчет. Обсу-

дивши и подумавши обо всем строго, я решил внутренне [внутренно так] последовать по словице: [сове<ту>] «Людей расспрашивай, [расспрашивай побольше] а держись своего разума». Умными советами воспользуйся, а изучай [уз<най>] в то же время свою собственную натуру для того, чтобы уметь применить к ней умные советы. — Совещением с Шёнлейном я доволен, и оно отныне да будет последнее мое совещание с доктором насчет главного свойства болезни. Его мнение уже потому для меня значительно, что не противоречит мнениям других докторов, на его стороне большинство. [Далее начато: и стало быть я могу быть больше уверен в том, что знаю, что во мне есть] Болезнь пояснена, и стало мне открытей, чего следует мне придерживаться, в главном я уже знаю, а потому спокойней и с божьей помощью буду уметь обходиться с собой. Затем уложим это дело, как решенное, в архив и не будем больше никогда заикаться о моих недугах. Мы слишком грешили, что часто говорили о таких предметах, т. е. я. Государыню все в Берлине нашли в хорошем состоянии; она взбежала весьма ско-

ро на лестницу, так что видевшие ее незадолго до того в Петербурге почти не узнали. В Палермо ей никто не советовал из докторов, но она сама ее избрала. Решение это произошло во время сильного жару, который сделался вдруг в Петербурге и в продолжение которого она значительно почувствовала <себя> лучше. Шёнлейна на совет в Берлин не призывали. Не знаю, получили ли вы письмо, которое послано было на мое имя в Фрейвальдаугр<афом> Мих<аилом> Мих<айловичем> Вьельгорским, — я его, по крайней мере, обратно не получал. Мне жаль, если вы не догадались его распечатать. В этом письме было приложено письмо к вам от графини Апраксиной, выехавшей из Берлина в Рим за несколько дней до моего приезда (кстати: отныне не чинитесь относительно писем на мое имя, распечатать всегда можете, ибо, во-первых, секретов в письмах ко мне не бывает, а, во-вторых, если бы и было написано [и случилось] что, о чем не всякому следует знать, то в вашей скромности я уверен). Виельгорскому Апраксины очень понравились, и он, кажется, с ними хорошо познакомился. Рим,

как вы видите, наполняется вашими родственниками и близкими людьми, [или вашими близкими людьми,] а потому вам и графине будет теперь почти непростительно не побывать в нем. [Далее начато: чего вам от]

Затем до следующих писем! Жду с нетерпением описанья вашего приезда в Париж и всего, что ни случилось с вами на пути, что всё надеюсь узнать в Риме.

Ваш Н. Гоголь.

На обороте: Son excellence monsieur
monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, № 9.

А. А. ИВАНОВУ
Верона. 9 октября <н. ст.
1845>

Пишу к вам, Александр Андре<евич>, с до-
роги. О вас я не имею никаких известий;
от вас писем уже с полгода я не получал. В Га-
стейне (куда, вероятно, вы писали) я не был.
Всё время я таскался по водам и докторам и
находился в совершенном неведении насчет
моей участи, по причине страшной разного-
лосицы их [разноголосицы насчет моей бо-
лезни] в моей болезни. Не мог [Почему не
мог] никому дать наверное адреса и всё еще
думал, что буду в Гастейне и заберу всё отту-
да. Теперь спешу вас уведомить только о том,
что участь моя определилась. После холод-
ных лечений мне сделалось лучше, и я еду те-
перь к вам в Рим, и по собственному жела-
нию, и по медицинскому совету. Имейте в ви-
ду для меня квартирку или в Via Sistina и
Felice, или Грегориана, — две комнатки на
солнце. Можно даже заглянуть [даже взять] и
к Celli, моему старому хозяину, хотя он своею

безалаберностью и непрерывной охотой занимать деньги смущает меня, но если, кроме его, не найдется в тех мест<ах>, то можно будет и у него: я привык к этим местам, и мне жалко будет им изменить. Моллеру скажите, что я его обнимаю и надеюсь это сделать лично через три-четыре дня после этого письма или много — через неделю. Пока же до радостной минуты обнять вас обоих лично, довольствуйтесь оба лобзаньем заочным. Иордану передайте также мой поклон.

Затем до свидания!

Ваш Н. Гоголь.

На обороте: Александру Андреевичу Иванову.

Л. К. И А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ
Октября 24 <н. ст. 1845>. Рим

Спешу вас уведомить, мои прекрасные [мои три прекрасные] графини, что я в Риме. Мне лучше; переезд в Италию и теперь, как всегда, подействовал хорошо. В *poste restante* я нашел письмо от Анны Миха<й>ловны, за которое весьма ее благодарю. Всех вас прошу выполнить всё то, о чем вас просил, и всех вообще и порознь каждую из вас, и что вы обещали мне выполнить ради братской любви ко мне. Не забывайте также писать ко мне, мне это теперь очень нужно. К вам же я покамест ни о чем не пишу и спешу послать эту передовую записку. Прощайте, до следующего письма.

<Ваш Гоголь> [Подпись вырезана.]

Адрес мой: *Via de la Croce, № 80, 3 piano.*

На обороте: *S. Pétersbourg. Russie.*

Ее сиятельству графине Вьельгорской,
урожденной принцессе Бирон.

С. Петербург. В доме графа Вьельгорского
на Михайловской площади, возле Ми-
хайл<овского> дворца.

М. И. ГОГОЛЬ

Октября 24 <н. ст. 1845. Рим>

Спешу вас уведомить, маминька, что я в Риме. Длинный переезд и дорога подействовали на меня и на сей раз, как и всегда, благотворительно. Не сомневаюсь, что в этом участвовали и усердные ваши молитвы. Я чувствую себя и крепче и лучше. В Риме я нашел (в *poste restante*) ваше письмо, адресованное в Карлсбад, которое меня очень ободрило, [утешило] освежило и заставило твердо верить в то, что вы так пророчески мне говорите, что бог продлит мою жизнь и подаст силы действовать на прославление его. Обо всем прочем поговорим в следующих письмах. Теперь же спешу отправить поскорей это коротенькое и боюсь, чтобы не постигла его такая же участь, как и тех писем, которые таким необъяснимым и непостижимым для меня образом не дошли до вас, — тем более, что на почте письма у нас никогда почти не пропадают.

Сестры не пишут мне ни слова о том, что мне приятно знать, и зная, что мне нравятся письма дельные, не упоминают ни слова ни о каком деле.

Затем остаюсь всегда вас

любящий сын

Н. Гоголь.

На обороте: Poltava. Russie.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаву, а оттуда в д<еревню> Васил<ь>евку.

А. О. СМИРНОВОЙ

Октября 24 <н. ст. 1845>. Рим

Друг мой Александра Осиповна, не беспокойтесь обо мне. Мне гораздо лучше. Анна Миха<й>ловна мне писала, что вы тосковали о том, что не со мною и что не можете ухаживать за моею болезнью. Благодарю вас от всей глубины вас любящей души; но всё делается не без воли божией. Иногда хорошо, чтобы мы потерпели кое-что и остались одни, и всё идет впрок и во благо! Я вновь в Риме, длинная дорога мне вновь помогла. Вечный Петр вновь перед мною; Колизей, Монте-Пинчио и все наши старые друзья со мною. [теперь со мною] Бог милостив, и дух мой оживет, и сила воздвигнется! Жду с нетерпеньем<ем> описанья вашего приезда в Калугу, до малейших подробностей, которые все до единой мне нужны.

Обнимаю вас всею мыслью и душою.

Ваш Гоголь.

Адрес мой: Via de la Croce, № 80. 3 piano.

На обороте: Александре Осиповне Смирновой.

С. М. СОЛЛОГУБ
<Около 24 октября 1845.
Рим.>

Узнав налету о существовании Александра Владимировича, спешу вас поздравить и прошу поцеловать его лишней раз за меня. Уведомьте меня обо всем и напишите в Рим о том, каков он.

Затем обнимаю вас со всеми вместе.

Ваш Н. Гоголь.

А. О. СМИРНОВОЙ

Октября 27 <н. ст. 1845>. Рим

Я получил ваше письмо, писанное от 19 сентября из Петербурга (так должны всегда начинаться наши письма, еще один раз вас о том прошу). Благодаря вас за всё, моя добрая Александра Осиповна, за ваши прекрасные новости, особенно о цесаревне, я приказываю вам не грустить. Во имя бога повелеваю вам это. Позабудьте о себе, как бы вас и не было вовсе на свете; помышляйте и думайте только о других. Когда перед нами страждут и вопиют о помощи, грех помышлять о своих недугах и не лететь на помощь. Все, [больные все вокруг вас] что ни вокруг вас, суть больные, и, если всмотритесь пристально, всяк требует вашей помощи. Вся Калуга будет лазарет ваш. Если ж придут такие минуты, в которые вы будете с одною собою, будьте в это время с богом, а не с собою: молитесь. Если ж вам не молится, учите буквально наизусть, как школьный ученик, те псалмы, которые я вам дал, и учите<сь> произносить их с силою,

значеньем и выраженьем голоса, приличным всякому слову. Если почувствуете, что вы устали от занятий и дел, и услышите приход тоски даже и в Калуге, не оставайтесь на месте, но отправляйтесь тот же час на неделю в Москву или в Петербург. Это вас освежит, и вы с новыми силами возвратитесь в Калугу. Часа, посвященного мне, не забывайте. Теперь вам нужно будет почти каждый день назначить для меня собственно несколько минут, в которые могли бы записать всё, что ни делается с вами. Мне нужен подробный журнал, как ваш, так и того, что вокруг вас. Не забывайте также благодарить бога сильно за тоску и грусть, которые вам были даны. [которая вам была дана] Вы еще не знаете им цены, но благодарите вперед на веру, зная только то, что всё, что ни дается нам, дается во благо. После вы узнаете смысл всего и подивитесь необъятной бездне божией премудрости. О прочем всем до следующего письма!

Обнимаю вас мыслью и душой моей.

Ваш Гоголь.

Адресуйте или в посольство (которое довольно ко мне благосклонно), или на мою квартиру, Via de la Croce, № 81, 3 piano.

На обороте: Александре Осиповне Смирновой.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Рим. 28 октября <н. ст. 1845>

Я в Риме. Передо мною опять Monte Pincio и вечный Петр. Здоровье мое от дороги и переезда поправилось значительно. Молитвы молившихся обо мне услышаны милосердным богом. Ваше приятное и милое письмо мною получено. С Бутеневым я познакомился и, кажется, мы с ним сойдемся близко. Всем моим добрым друзьям я послал мой адрес, который я прилагаю и вам: Via de la Croce, № 81, 3 piano. Впрочем, вы можете адресовать прямо на имя посольства, что особенно нужно сделать, если случатся деньги. В Риме я нашел некоторых прежних приятелей и весьма милую сестру графа А. П. Толстого, графиню Апраксину. Все вести, заключенные в вашем письме, как о вас самих, так и о милой вашей хозяйке с прекрасными малютками, были мне радостны. О франкфуртском уголке не жалейте; [Далее начато: если пр<идется>] спокойствие будет повсюду с вами, и в России вы будете радостнее, чем где-либо. Благодарю вас

еще раз за ваше прекрасное письмо. От него дышит чем-то освежающим и бодрящим. Возношу от всей души богу благодарственные мольбы за то, что здоровье императрицы поправилось. Из Петербурга я имею утешительные вести о цесаревне. Она, чем далее, обворожает более и более всех. Понемногу открывается, что это сокровище, которым подарил бог Россию. Государь ее любит более и более, а что всего важнее, наследник считает прекрасным тот вечер, который ему удастся провести глаз на глаз с нею. Всё это, я знаю, вам слишком приятно услышать. Не забывайте меня и пишите. Обнимаю вас всею мыслию и душою, обнимаю таким же образом вашу супругу и всё ваше семейство.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Francfort sur Main.

Son excellence monsieur

monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Sachsenhausen.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

С. Т. АКСАКОВУ
Рим. Октяб<ря> 29 <н. ст.
1845>

Уведомляю вас, добрый друг мой Сергей Тимофеевич, что я в Риме. Переезд и дорога значительно помогли; мне лучше. Климат римский подействует, если угодно богу, так же благосклонно, как и прежде. А потому вы обо мне не смущайтесь и молитесь. Уведомьте об этом также и маминьку мою. Я хотя и написал к ней письмо сей же час по приезде в Рим и к ней первой, но вообще за письма мои к ней я сильно беспокоюсь. Двух или трех писем моих сряду она не получила. Два из этих писем были очень нужны. Это для меня неизъяснимо. Пропасть на почте, пожалуй, еще может одно письмо, но сряду два, писанные одно за другим, — это странно. У маминьки есть неблагоприятели, которые уже не раз ее смущали какими-нибудь глупыми слухами обо мне, зная, что этим более всего можно огорчить ее. Подозревать кого бы то ни было грешно, но всё не худо бы об этом разведать

каким-нибудь образом, дабы узнать, как руководствоваться вперед; последние письма я даже не смел адресовать прямо на имя маминьки, [прямо к м<аменьке>] но адресовал на имя одной ее знакомой, С<офьи> В<асильевны> Капнист. Письмо, однако же, из Рима было послано [я адресовал] на ее собственное имя. Оно отдано мною здесь на почту 25 октября здешнего стиля. Об этом прошу вас, друг мой С<ергей> Т<имофеевич>, уведомить маминьку немедленно или поручить кому-нибудь из ваших, кто с ней в переписке.

О себе, относительно моего здоровья, скажу вам, что холодное лечение мне помогло и заставило меня, наконец, увериться лучше всех докторов в том, что главное дело в моей болезни были нервы, которые, будучи приведены в совершенное расстройство, обманули самих докторов и привели было меня в самое опасное положение, заставившее не в шутку опасаться за самую жизнь мою. Но бог спас. После Греффенберга я съездил в Берлин, нарочно с тем, чтобы повидаться с Шёнлейном, с которым прежде не удалось посоветоваться

[вид<еться>] и который особенно талантлив в определении болезней. Шёнлейн утвердил меня еще более в сем мнении, подивился докторам, пославшим меня в Карлсбад и Гастейн. [Далее начато: Подкре<пил>] По его мнению, сильней всего поражены были у меня нервы в желудочной области (в так называемой системе nervoso fascoloso), одобрил поездку в Рим, предписал вытиранье мокрой простыней всего тела по утрам, всякий вечер пилюлю и две какие-то гомеопатические капли поутру, а с началом лета и даже весной — ехать непременно на море, преимущественно северное, и пробыть там, купаясь и двигаясь на морском воздухе, сколько возможно более времени, — ни [и ни] в каком случае не менее трех месяцев. Затем, обнимая как вас, так и всё ваше милое семейство, остаюсь

ваш Гоголь.

Адресуйте письма так: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

В Троицкий Посад.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

29 октября <н. ст. 1845>. Рим

Едва я получил ваше письмо, добрый друг мой Анна Михайловна (от 21 сентября), как вслед за ним пришло другое, от Жуковского из Франкфурта, писанное от 28-го августа. Благодарю от всей души бога за то, что у вас всё хорошо и что бог внушает вам так действовать умно, как вижу из вашего письма. Не забывайте, повторяю вам, вновь того, которого я вам поручил. Вы будете ему нужны, особенно теперь, по возвращении его. Начало, сделанное вами, прекрасно, и слова, которые вы ему сказали, именно те, которые нужны. Да встречает он в вас нежную душу сестры и твердый взор верующей в бога, да дышит от ваших слов надежда несокрушимая и укрепление — бог вам помогает, в том не сомневайтесь. Имейте только его, всемогущего, в своих мыслях присутствующим несомненно и произносите ваше слово, как бы имели его самого об руку вашу, а без него не произносите вашего слова. И будет слово ваше разумно

и облечется силою, вам неведомою. А пока молитесь заблаговременно о том, чтобы было так. Я рад также тому, что вы ближе и ближе сходитесь с Софьей Миха^йловной и что она в вас видит свою потребность душевную. Ей вы много можете сделать добра и в ее собственном положении, и в воспитании детей, и во многом прочем. Вам нужно будет также сойтись и непременно поближе с Марие^й Алекс^{андровной}: всё, что ни слышу я о ней, говорит о многих сокровищах, в ней заключенных, за что должны [мы должны] также благодарить бога. И вы ей, и она вам может быть очень полезна. Александре Осиповне передайте это письмецо, которое, если она прочтет, [Далее начато: и] помолившись сильно богу, то я уверен, что грусть ее минет, как тень от скоропреходящего облака. [Далее начато: Она очень, очень благодарна за все ва^{ши}] Она, вероятно, уже в Калуге; если так, то письмо ей перешлите туда немедленно. Она вам всем очень, очень благодарна за все ваши ласки и дружбу, оказываемую ей в Павлине, и, не умея ничем выразить своей признательности, просит, бедненькая, меня

сказать вам это. Но я, вместо слов с моей стороны, выписываю вам строки ее самой из письма ее, которые вы передайте маминьке и Софье Михайловне: «Из Павлина меня отпустили с сожаленьем; не умею вам пересказать, сколько я им благодарна за милые их ласки; я не умею никак благодарить; есть слова, которые похожи на комплименты, я их не терплю. Прошу вас, когда вы будете писать им, передать им всю мою благодарность». О себе скажу вам, моя добрая Анна Миха<й>ловна, что бог ко мне бесконечно милостив, чему, без всякого сомнения, способствовали не мои грешные молитвы, но молитвы молившихся обо мне, которых всех, а в том числе и вас, благодарю всею благодарностью души моей. Я чувствую себя после дороги лучше; климат римский, кажется, по-прежнему благосклонствует ко мне. И милосердный бог, может быть, вновь воздвигнет меня на труд и подаст силы и высшую всего на свете радость служить ему. Поцелуйте Софию Миха<й>ловну, обнимите вашу маминьку и прощайте до следующего письма.

Ваш Гоголь.

Адресуйте или в посольство, или на мою квартиру: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

К ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

С. П. Бург. На Михайловской площади в доме графа Вьельгорского.

С. М. СОЛЛОГУБ

<Лето—октябрь 1845. Рим.>

Здравствуйте, миленькая моя сестрица! Правда ли то, что вы уже несколько раз бросили копейку нищему? Мне, по крайней мере, так сказала Анна Михайловна. Не оттого ли мне часто было так легко и светло на душе, когда вспоминал об вас? Благодетельствуйте и вперед. Вы много можете сделать. Помогайте также и другим понемногу, особенно тем, которых вы увидите в унынии: тут вы можете помочь, потому что бывали сами в унынии и знаете, что такое уныние. Вы можете даже проще всех нас помогать в сем случае и на это одни только имеете право. Помогите особенно Александре Осиповне, когда увидите ее в хандре. Погрозите ей только вашим пальчиком и скажите, что вы запрещаете ей быть в хандре и чтобы она сию же минуту рассмеялась; но скажите это твердо, и хандра вмиг исчезнет. Напишите мне о вашем собственном душевном состоянии, о беби, о В<ладимире> А<лександровиче> и о прочем

хотя два слова. А нищего всё-таки не забывайте. Усмехнитесь же немножко таким образом, как я люблю.

Прощайте, сестрица вовеки и всюду.

Брат ваш Г.

Расскажите мне также какую-нибудь сказочку.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
Окт<ября> 30 <н. ст. 1845.
Рим>

Уведомляю вас, добрый друг мой Надежда Николаевна, что я приехал в Рим благополучно. Молитвы молившихся обо мне услышаны милосердным богом: мне гораздо лучше, и не нахожу слов, чем выразить ему благодарность. Всё было во благо: и страдания и болезни. [Далее начато: как всё, что ни исходит от него] А вас благодарю также, моих грешных молитв не достало бы. Молитесь же, друг мой, теперь о том, чтобы вся жизнь моя была ему служение, чтобы дана мне была высокая радость служить ему и чтобы воздвигнуты были его всемогущею десницею во мне силы на такое дело.

Адрес мой в Риме: Via de la Croce, № 81, 3 piano. Впрочем, вы можете по-прежнему прилагать ваши письма при письмах Языкова и Аксакова. Будьте здоровы душевно и телесно. Христос с вами!

Обнимаю вас мысленно.

Н. Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Рим. 30 окт<ября н. ст. 1845>

Уведомляю тебя, что я в Риме, куда приехал благополучно. Дорога меня поправила значительно, и хотя не могу еще сказать, что стал совершенно на ноги, но по крайней мере питаю надежду. Слабость и запоры, которые произвел во мне Карлсбад, подействовавший на меня совершенно противоположно, отчасти прогнаны холодной водой, отчасти остаются. Но оставим все эти гадости, надоело говорить о себе. Из письма, при сем приложенного, к Сергею Тимоф<еевичу> узнаешь остальное о моих недугах: мнение Шёнлейна и весь лечебный маршрут, мне предстоящий. Надеюсь на бога, на Рим и на питательный здешний воздух. Адресуй письма в Via de la Croce, № 81, 3 piano. Уведомля<й> почаще и побольше о себе, о нынешнем состоянии своем душевном, о наших близких и о всем, что ни движется вокруг тебя, всё это мне нужно, и прощай до следующего письма.

Твой Г.

Уведоми о Смирновой, если она уже про-
еха<ла> Москву. Надежде Ник<олаевне> от-
дай при сем прилагаемое письмецо. Иванов и
Иордан здравствуют и тебе кланяются.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. На Кузнецком мосту, в доме Хо-
мякова.

А. П. ТОЛСТОМУ

Октябрь 31 <н. ст. 1845. Рим>

Что с вами делается, бесценный Александр Петрович? и отчего до сих пор от вас ни строчки? Я справлялся и на почте, и в посольстве... а между тем я думал, что тот же час по приезде в Рим найду от вас письмо. О себе скажу, что дорога мне сделала пользу. Рим и общество, которое я здесь нашел, в числе которого ваша сестрица (с которою я, разумеется, сей же час познакомился), — всё это подействовало хорошо на дух мой, и хотя я еще не осмотрелся, не уселся плотно и ничего еще не начинал доброго, но надеюсь на милость бо-
жью, что она оживит меня вновь охотой и ревностью к труду, для которого, как известно, призван со времени своего грехопаденья человек и без которого ему тоска. Вы, без сомнения, уже знаете, что государь в Палермо. Говорят даже, что он будет в Рим на два дни, вследствие этого много русских проезжает через Рим. Я видел пока еще весьма немногих. Бутенев отправился вчера в Палермо; я не ви-

дал его перед его выездом, известно только то, что он вызван туда государем. Ваша сестрица вам уже писала письмо, вероятно, с самым убедительным приглашением ехать в Рим. Я же для вящего к тому соблазну вашему скажу только, что здесь не осень, а лето, все в летних панталонах, а народ без курток. Солнце просто голубит своею теплотою и дышит материнскою любовью ко <всем> здесь пребывающим людям. Таковых дней, каковы здесь постоянно весь месяц (ни одного еще дни не было дурного, или дождливого, или холодного), мы не видали ни разу в Греффенберге. Солнце и солнце, а воздух — суцая благодетельность и благодеяние. В течение двух недель [В течение месяца] все русские, приехавшие в Рим проездом, разъедутся, и Рим останется наполнен только теми, которых вам приятно видеть. Впрочем, и теперь нет никого из тех ваших знакомых, с которыми вы бы хотели не видаться. Прилагаю к вам письмо от вашей сестрицы, которая, узнав, что я пишу к вам, присовокупляет от себя несколько строк и некоторое письмо, по словам ее, для вас интересное. Ожидаю от вас от-

клика, времени известиями о прочем и спешу отдать на почту сие небольшое передовое послание. Ради Христа, не молчите, но пишите. Адресуйте в Via de la Croce, № 81, 3 piano. Можете прибавить еще для большей точности: palazzo Roniatoffsky. Графине передайте мой душевный поклон.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Paris.

Son excellence monsieur le comte Alexandre de Tolstoy.

à Paris, rue de la Paix, № 9. Hôtel Westminster.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Рим. Ноябрь 20 <н. ст. 1845>

Письмо твое от четвертого октября я получил уже в Риме, где теперь нахожусь. Бог еще раз спас меня, когда я уже думал, что приближается конец мой. Теперь мне несравненно лучше, хотя слабость и изнуренье сил еще не прошли. Письмо твое было мне приятно и с тем вместе грустно. Киреевский болен также. Ты говоришь: «Неужели нет молитвы, которая бы могла вас спасти?» и отвечаешь: «Она есть, но вы плохо ее призываете». Один бог может знать, [знать то] кто как молится. Но если определено его святой волей кому-нибудь из нас страдать, то да будет его святая воля! И если его святой воле угодно, чтобы моя жизнь или жизнь кого другого, которому бы следовало принести много добра на Руси, была снесена с лица земли, то, [то не нашим] верно, это лучше, чем если бы она длилась, и не нашим малым умом судить об уме великом. Меня смутило также известие твое о Константине Аксакове. Борода, зипун и

проч... Он просто дурачится, а между тем дурачество это неминуемо должно было случиться. Этот человек болен избытком сил [Далее начато: и телесными] физических и нравственных; те и другие в нем накапливались, не имея проходов извергаться. И в физическом и в нравственном отношении он остался девственник. Как в физическом, если человек, достигнув 30 лет, не женился, то делается болен, так и в нравст<венном>. Для него даже лучше <бы> было, если бы он в молодости своей, по примеру молодежи, ходил раз, другой в месяц к девкам. Но воздержанье во всех рассеяниях жизни и плоти устремило все силы у него к духу. Он должен был неминуемо сделаться фанатиком, так я думал с самого начала. Благодарю тебя за теперешнее известие о нем. Я напишу к нему: он от меня иногда выслушивал те горькие истины, которые от других не хотел выслушивать. Может быть, бог вразумит и меня дать совет ему, и его — извлечь из моего совета для себя полезное. Что же касается до диссертации его, то, еще не читая ее, советовал ему не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе, напечатав из нее од-

ни только отрывки, как отдельные статьи. [места] Известие твое о таланте Ив<ана> Аксакова меня порадовало, и я пожалел, что ты не прислал мне его стихов.

Наконец я тебе сделаю упрек: ты заговорил о том предмете, о котором я просил всю жизнь мою никогда мне не говорить. Ты позабыл содержание моего письма, говоря, что я требовал решительного да на мое предложение. Не предложение я послал к вам на решение. [Далее начато: Во глубине души моей был] Я просил только во имя дружбы выполнения моего решенья, моего обета, данного богу. Именем дружбы и всего святого просил я одного только да. [В подлиннике курсива нет.] И не ожидал такого ответа. Нужно было хотя каплю веры или хотя тень доверия иметь ко мне. Без них не может существовать никаких отношений. Зачем же спешить так скоро заключеньем и называть мою просьбу нелепой и несправедливой, когда я слишком ясно, как здесь, так и в других местах, сказал, что половины причин моих я не могу сказать. Зачем же думать, что я лгу? Зачем, потому

только, что уму твоему показалось [не увид<елось>] глупым, называть глупым дело того человека, который всё же не признан тобою за глупого человека? Зачем такая гордость и такая уверенность в уме своем, будто бы он обнял уже все стороны? Мне было горько, слишком горько всё это. Знаю только то, что я бы не поступил так, и если бы у меня потребовал кто святым именем дружбы выполнить то, чего выполнить требует сама душа его, и молил бы <об> этой просьбе, как молит умирающий о последнем своем желании, я бы выполнил ее, молясь только богу о том, как лучше и умней ее выполнить, и если бы еще при этом потребовал он от меня веры к себе, [Далее начато: я бы не стал] и ради самого Христа потребовал бы веры к себе, никаким бы я не предавался тогда рассуждениям, и хотя бы ум мой и признавал кое-что неблагоприятным, я бы выполнил эту просьбу и выполнил бы ее честно, как святыню, моля бога только о том, чтобы помог он мне ее выполнить.

И к чему эти толки о том, что тому и тому

нужно прежде уплачивать? Будто я уже ребенок и не взвесил ничего прежде! Во-первых, Аксаков (которому за уплаче<нными> тобою 5605 р. осталась безделица) не возьмет ни копейки из этих денег, если бы даже оставалась и не безделица, и если бы он сам находился в несравненно затруднительнейшем состоянии, чем теперь, во-вторых... Но зачем об этом толковать, когда тут можно сказать еще в-третьих, четвертых, в-пятых и даже в-шестых? Довольно, если совесть меня не упрекает в моем поступке и если внутренний голос требует, чтобы я так поступил. Если ж тебе тяжело выполнить мою просьбу, [выполнить всё] сдай всё дело Аксакову. Бог ему поможет выполнить ее. Но ради самого Христа, с этих пор мне ни слова об этом деле. Ответит мне Аксаков. Я еще не совсем освободился от моей болезни, а ответ твой сокрушил меня; а чтобы тебе сколько-нибудь было это понятно, скажу тебе только, что причиной самой болезни моей было отчасти душевное [сильное душевное] потрясение и сокрушение, в котором сыграл также роль и бедный Погодин, [сыграл важную роль бедный Погодин] которому

судьба наносить неумышленно горчайшие оскорбления всем тем, которые имеют или слишком нежную и чувствительную душу, или которых бог еще не укрепил достаточно для подобных битв. Но это да останется втайне между нами; об этом ни слова Аксакову и никогда — Погодину.

Теперь о тебе. Я прочел отрывок из нынешних твоих лекций, напечатанный в 1-м номере нынешнего «Москвитянина», отрывок, служивший как бы проспектом и указанием на то, чем [что] должны быть твои лекции. Прочитавши его, я благодарил бога, благословившего тебя. В этом отрывке ты вовсе другой, чем был доселе; в нем всё полно и каждое слово полновесно. Слышен человек, созревший и разумом и душой, и сам дух божественный, изгоняющий всё лишнее, неуместное и пристрастное, в нем слышится. Скажу тебе, что после него становишься [я стал] еще светлей насчет будущего, и верится тому, что всё, что ни должно сказаться миру, будет сказано, хотя бы смерть и унесла [и унесла из нас того, который уже возгорелся] кого-нибудь из

тех, который бы мог сказать. В другой, может быть, форме, но возвестятся те же истины. Затем прощай!

Твой Г.

Я еще устаю и не могу писать [много писать] писем так обстоятельных и длинных, как бы хотел, а между тем ко многим писать даже необходимо. Передай здесь прилагаемые Аксакову и напиши мне обстоятельно его адрес. Мой же адрес: Via de la Croce, № 81, palazzo Poniatowsky, 3 piano.

К. С. АКСАКОВУ

**<Около 20 ноября н. ст. 1845.
Рим.>**

Пишу к вам и с тем вместе посылаю мою убедительнейшую просьбу, мой добрый и мною любимый искренно Конст<антин> Сергеевич! Ко мне дошли слухи, что вы слишком привязались к некоторым внешностям, [к разным некоторым внешностям и к мелочам] как-то: носите бороду, русский кафтан и проч. Это, как водится, истолковывают в неблагоприятном духе и в виде самом неблагоприятном для вас. Я слишком понимаю, в каком значении вы носите это, и дай бог побольше государю таких истинно русских душ и таких верных подданных, [В подлиннике: потданных] каковы вы. Я сам питаю отвращение к нашему обезьянскому европейскому наряду и глупому фраку и чувствую, что скоро мы все начнем носить наш наряд; но знаю, что до времени от многого следует воздержаться и наложить на себя самого запрет. У нас, в русском царстве, или, лучше, в сердце тех людей,

которые составляют истинно-русское царство, водится так, что царь — глава, и [и что] только то, что передастся [перейдет] через него и из его уст, то облекается в законность. Он первый подает знак [сигнал] — и всё вмиг облечется и во внешнюю Русь, не только во внутреннюю. А что он медлит, на то он имеет законные причины, и мы должны терпеливо дожидаться. А потому я вас прошу убедительно и сильно, как только может просить вас больной человек, у которого уже немного сил, исполнить мою просьбу: не быть отличну от других своим нарядом и не отделять себя [не отделять себя до времени] от общества, с которым вы должны быть еще связаны, и подумать слишком о той добродетели, которой у всех нас слишком мало; добродетель эта называется смирение.

Искренно и много вас любящий

Н. Гог<оль>.

Еще вас прошу об одном: вы слишком увлекаетесь красотой тех мыслей, которые к

вам приходят, [[Это видно] Говорю о ваши<x>] но еще не всё умеете живо чувствовать, умеете живо, ясно передавать (я говорю о ваших писаньях). Там у вас много-много лишнего и многословного. Изберите себе какого-нибудь строгого и неумолимого литературного судью, который бы крестил и марал у вас безжалостно целые страницы. Это жестоко, но спасительно; я говорю вам по опыту. Я бы много теперь дал за то, чтобы найти такого смелого и отважного человека. Многих бы глупостей я не сделал. Изберите Шевырева; он более всех вам будет полезен. Затем бог вас да благословит! Послушайтесь хотя один раз моего совета. Иначе грех вам будет, и всю жизнь [всю жизнь потом] будете раскаиваться.

На обороте: Константину Сергеевичу Аксакову.

С. Т. АКСАКОВУ

Рим. 25 ноября <н. ст. 1845>

Письмо Шевырева меня огорчило. Он заговорил вновь о том, о чем я просил, как о деле конченном, никогда не говорить мне. Вы меня все-таки больше знаете (вы утвердили обо мне свое мнение не из дел моих и поступков, а благородно поверили мне в душе своей, почувствовавши той же душой, что я не могу обмануть, не могу говорить одно, а действовать иначе); словом, вы меня все-таки больше знаете, а потому объясните Шевыреву, что всё то, что я уже положил и определил в душе своей и произношу твердо, то уже не переменится мною. Это не упрямство, но то решение, которое делается у меня вследствие многих обдумываний. Если ж он найдет исполнение моей [это<й>] просьбы несообразным своим правилам, то пусть передаст всё в одни ваши руки. А вас прошу тогда выполнить, как святыню, мою просьбу. Не смущайтесь затруднительност<ью>: бог вам поможет. Помните только то, что деньги не для бедных

студентов, но для бедных, слишком хорошо учащихся студентов, для талантов. Имя дающего должно быть навсегда скрыто, потому что у талантов чувствительней и нежней природа, чем у других людей. Многие может оскорбить <их>, хотя и не кажущееся другим оскорбительным. Когда же дающий скрыл свое имя — дар его [дар такой] примется твердо и смело, благословится во глубине благодарной души его неизвестное имя, ибо тот, кто скрыл свое имя, верно, не попрекнет никогда своим благодеянием и не напомним о нем. [Далее начато: Если вам что-нибудь захочется иметь в пояснение сей инструкции, то при случае и пр<и>] Не заботьтесь о том, что книга идет тупо, не хлопчите о ее распространении и берегите только экземпляры. Она пойдет потом вдруг; деньги тоже пока не нужны: таланты редки и не скоро один после другого появляются. Нужно только, чтобы ни одна копейка не издержалась [не издержалась бы] на что-нибудь другое, а собиралась бы и хранилась бы, как святая: обет этот дан богу. Объявите также Шевыреву, сколько я вам остался должен. Не бойтесь, я вам не за-

плачу этих денег, потому что я взял у вас их таким образом, как бы взял из моего собственного кармана. Но Шевыреву нужно объявить: он, кажется, подозревает, что я вам должен гораздо больше. Хотел было попенять вас за то, что пишете весьма мало о Константине Сергеевиче, но вижу в то же время, что это более следует сделать ему, нежели вам; до меня доходят только временами слухи, которые, как известно, даже и тогда бывают нелепы, когда бывают основательны. Передайте ему это маленькое письмецо и пришлите мне что-нибудь из стихов Иван Сергеевича. Мне хвалили очень его «Зимнюю дорогу». Пришлите ее и всё то, что ни было им написано в последнее время. Прилагаю вновь письмо к маминьке и вновь прошу вас переслать к ней; я всё еще боюсь пропажи писем. Ольгу Семеновну благодарю много за ее милую приписку. Здоровье мое хотя и стало лучше, но всё еще как-то не хочет совершенно устанавливаться. Чувствую слабость и, что всего непонятнее, до такой степени зябкость, [зябкость, которой никогда не ощущал так] что не имею времени сидеть в комнате: дол-

жен ежеминутно бегать согреваться; едва же согреюсь и приду, как вмиг остываю, хотя комната и тепла, и должен вновь бежать согреваться. [Далее начато было: и] В такой беготне проходит почти весь день, так что не имеется времени даже написать письма, не только чего другого. Но о недугах не стоит, да и грех говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь и всю вашу семью попросите помолиться, и все, кто ни молились обо мне, да помолются вновь, да обратится всё в добро и да пошлет господь бог попутный ветер моему делу и труду. Затем прощайте, обнимаю вас!

Ваш Г.

Адрес мой: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Ноябрь 28 <н. ст. 1845>. Рим

Ваше милое письмо (от 5—17 ноября) получил. Благодарю вас за него очень, а весь ваш дом за воспоминание обо мне и дружбу. Вексель через Бутенева я также получил в исправности. Мыслью о переезде своем в Россию не смущайте себя и не считайте это дело важным. Там или в ином месте, всё это не больше, как квартира и ночлег на дороге. Думает слишком много о месте, где [о том, где] ему придется переночевать, только тот ездок, который мало думает о том, куда и зачем едет. У кого же неотлучно перед глазами цель его путешествия, тот не заботится о том, где и как ему придется переночевать и не слишком глядит на comforts. С неоконченным делом приехать на родину невесело — это я знаю, но знаю также, что бог милостив, что по его святой воле попутный ветер сходит на вдохновение наше, и то, для чего, казалось бы, нужны годы, совершается иногда вдруг. Будьте же покойны и светлы при мысли о будущем, ибо

будущее в руке того, кто сам есть свет. О государе покамест известия, что он весел, весьма доволен Палермой и приемом короля; погода там стоит удивитель<ная>, не бывает меньше 20 градусов тепла. Спят с открытыми окнами, [Далее начато было: широко од<нако же>] постоянно продолжающийся широко начинается государыне однако же надоедать, она чувствует тяжесть, но это его обыкновенное действие; с переменой ветра она почувствует себя вдруг лучше и освежится. Государя ожидают в Рим на днях; Бутенев для этого уже съехал с своей квартиры и переехал в гостиницу. Но я не думаю, чтобы приезд государя был так скоро, как думает посланник и как думает он сам: в Палерме они хотят прежде дожидаться Конст<антина> Никол<аевича>. Константин<ин> Николаевич едет морем, море — не земля, и рассчитывать и полагаться [и рассчитывать особенно] на самое кратчайшее время, в которое может прибыть корабль, нельзя. Разница тут не в часах и днях, а в неделях, месяцах; к тому ж ему, как говорят, предписано избегать французских портов. В Риме всё католичество, как, я думаю,

вам известно, вооружено против государя. Недавно здесь произвела шум бежавшая из России полячка-униатка рассказами о мучительствах, ею претерпенных, и пытках за непризнание православия. Все чувствительные и нечувствительные сердца были этим вначале возмущены сильно, но, так как униатка сама довольно здоровая и бойкая женщина и притом уже чересчур стала изображать картинно и прибавлять, то начинают уже сомневаться и в том, что вначале казалось похожим на правду. Папа был в недоумении, как принять государя, и собирал для этого совет кардиналов. Кардиналы советовали избежать [В подлиннике: избежать] этого свидания и сказаться больным, но папа отвечал достойно своего звания: «Я никогда не притворялся и теперь не буду. Я употреблю с своей стороны слезы, моления, — это всё, что считаю для себя дозволенным». Говорят, однако ж, что государь, узнав еще в Генуе и потом в Палерме о всяких слухах, [о нерасположении] по поводу гонений, послал Перовскому и Протасову запрос, отчего разнеслись такие слухи, чтобы они разведали хороше<нь-

ко», что такое происходило внутри России, что у него и в мысли не было притеснять каким бы то ни было образом католическую веру. Слово об «Одиссее». В «Северной Пчеле», уже не помню, в каком номере, попавшемся в мои руки, напечатана статья о Крылове, написанная каким-то его сослуживцем, Быстрым. В числе немногих анекдотов сказано там, между прочим, о занятиях Крылова греческим языком и о попытке переводить «Одиссею», причем приложена была и самая попытка, составляющая начало 1 песни, которую я, разумеется, сей же час списал для вас и при сем посылаю. [Далее начато было: Труд этот пр<едставляет>] Сделав попытку, Крылов бросил самое [это самое] дело, назвавши гекзаметр (по словам Быстрова) Голиафом, с которым ему не сладить. От гр<афинь> Вьельгорских я получил известия, для меня самые приятные, то есть, что они здоровы, веселы и много вкушают наслаждений истинных и внутренних. Софья Мих<айловна> и Анна Мих<айловна> написали мне милые [так<ие> милые] письма. В письмах этих видно в каждой строчке, как хорошеют с каждым днем и

часом прекрасные их души. Вы, я думаю, уже знаете, что у Софьи Миха<й>л<овны> родился сын Александр. Она вся теперь всей душой погружена в мысли [погружена в воспитанье] о воспитании своих детей. Здесь Анна Михайл<овна> ей большая помощница. [Далее начато: Она это чувствует] Кроме того, она сама хочет писать для них, [детей] будучи недовольна тем, что написано, и ее простодушно чистые мысли похожи на мысли ангелов, заботящихся о воспитаньи людей. Нельзя, чтобы под такие мысли, как под колыбельные песни, не воспитались нечувствительно и сами собою дети.

От Смирновой я жду письма из Калуги. Вьельгорские пишут, что она с ними простилась 21 окт<ября>, весьма растроганная. Она уже, верно, получила мое письмо, содержащее напутствие ей в Калугу. [Далее начато: Поезд этот будет нужен ее душе] До получения от ней известия из Калуги я не считаю нужным ей писать. Я за нее не боюсь; состояние души ее хотя и переходное и тяжкое, но для нее не опасно. Бог не оставляет тех, кото-

рые уже умеют прибегать к нему. О себе скажу покаместь только то, что здоровье мое хотя и лучше, но как-то медлит совершенно установиться. Но я решился меньше всего думать о своем здоровьи. Что посылается от бога, то посылается в пользу. Уже и теперь мой слабый ум видит пользу великую от всех недугов: мысли от них в итоге зреют, и то, что по-видимому замедляет, то служит только к ускорению дела. Я острою перо, помолитесь же обо мне сильно и крепко богу. Обнимаю вас, а вместе с вами вашу милую супругу и всю семью вашу.

Весь ваш Г.

Помните, что адрес мой: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

На обороте: Francfort sur Main.

Son excellence monsieur m-r Basile de Joukowsky.

Francfort

s/M.

Saxsenhausen.

Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Рим. 28 ноябрь <н. ст. 1845>

Посылаю тебе свидетельство о моем существовании на свете. Государственное наше казначейство право, что так заботится об этом свидетельстве. [заботится о нем] Существование мое, точно, было в продолжение некоторого времени в сомнительном состоянии. Я едва было не откланялся, но [но теперь] бог милостив, я вновь почти оправился, хотя осталась слабость и какая-то странная зябкость, какой я не чувствовал доселе. Я зябну, и зябну до такой степени, что должен ежеминутно выбегать из комнаты на воздух, чтобы согреться. Но как только согреюсь и сяду отдохнуть, остываю в несколько минут, хотя бы комната была тепла, и вновь принужден бежать согреваться. Положенье тем более неприятное, что я через это не могу, [не могу ничем еще заняться] или, лучше, мне никогда <нельзя> ничем заняться, тогда как чувствую в себе и голову и мысли более свежими и, кажется, мог бы теперь засесть за труд, от

которого сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояние. Скажу тебе только то, что много, много в это трудное время совершилось во глубине души моей, и да будет благословенна вовеки воля пославшего мне скорби и всё то, что мы обыкновенно приемлем за горькие неприятности и несчаст<ия>! Без них не воспиталась бы душа моя, как следует, для труда моего. Мертво и холодно было бы всё то, что должно быть живо, как сама жизнь, прекрасно и верно, как сама правда.

Прощай! Обнимаю тебя! Пиши ко мне и не забывай. Вексель можешь послать на имя посольства для большей верности, а меня уведомить письмецо<м> на мою квартиру. Адрес ее следующий: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

Твой Г.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству г. ректору С. Петербургского университета Петру Алексан-

дровичу Плетневу.

В С. П. Бурге. На Васильев<ском> О<стро-
ве>. В университете.

М. И. ГОГОЛЬ

Декабрь 8 <н. ст. 1845>. Рим

Благодарю вас, моя добрая и почтенная ма-
минька, за всё, за ваши молитвы и за мо-
литвы тех святых и угодных богу людей, кото-
рых вы просите обо мне молиться. Молитвы
обо мне нужны, их не следует прекращать и
теперь, хотя здоровье мое сделалось лучше.
Дорога и переезд мне очень помогли, так что
первые две недели по приезде в Рим я чув-
ствовал себя как бы совершенно здоров<ым>,
и потом, по прошествии месяца, начали
вновь возвращаться многие припадки. Чув-
ствую, что нужно молиться. Молитесь и вы о
том, чтобы дал бог мне силы переносить лег-
ко все мои недуги. Донныне они еще не так
тяжки, но я боюсь за то, чтобы они не были,
чем дале, тяжеле. Покамест несноснее всего
то, что я не могу никакими средствами со-
греться. Я зябну до такой степени, что должен
бегать без отдыха [что не нахожу себе места,
должен бегать без отдыха, дабы согреться] и
при всем том не согреваюсь. Даже здесь, где

так тепло, мне кажется холодно. Не могу даже писать писем, потому что руки костенеют. Но да! будет благословен бог, посылающий нам всё, и да будет во всем его святая воля! Что посылается нам, то, верно, нужно нам, верно, во благо и, верно, во спасенье души нашей, а потому мы должны молиться о том, чтобы уметь покоряться, уметь любить его и благословить его в минуты скорби. [Далее начато: А потому помолитесь] Помолитесь же и попросите других помолиться о том, чтобы всё им ниспосылаемое принимала с радостью душа моя. Одно письмо мое из Рима вы, я думаю, уже получили через Аксаковых. Письмо же прежнее, которое писано мною с дороги, потому дошло к вам скоро, что вы позабыли порядок числ. Я выставляю на письмах числа по здешнему [новому] штилю (этого не забывайте), т. е. двенадцатью днями вперед. Государя я так же, как и все, видел мельком, но раза три. Он пробыл в Риме только четыре дни; ему дел и занятий была здесь куча и во все не до того, чтобы принимать всякую [еще и всякую] мелузгу, подобную мне. Я был рад душевно, что он здоров и весел, и молился за

него искренно. Следовало бы мне отвечать на многие пункты ваших прежних писем, а также [и особенно] писем сестер моих, но еще не в силах. Вот, однако же, на следующем при сем листе прилагаю, что мог записать на первый раз. Тут предметы более [более касающиеся] для сестер моих; но однако ж прочитайте и вы. Всё это писано мною гораздо прежде, но я в силу теперь только мог окончить.

Адрес мой: Roma. Via de la Croce, № 81, 3 piano.

А. В., Е. В. И О. В. ГОГОЛЬ <Октябрь—начало декабря 1845. Рим.>

Относительно поручения кассы и счетной части Лизе скажу вот что: вы бы не изумлялись никто такому распоряжению, если бы, по несчастию, не пропали мои письма, в которых всё было пояснено и сверх того [между прочим] находилось много того, что было бы полезно сестрам. Мне скучно повторять всё это сизнова, да и времени нет. Нужно иметь хотя каплю веры ко мне и верить мне на слово. И если сестрам моим кажется иное не умным, то это еще не знак, что оно точно не умно, но знак, что еще ум их не достигнул того, чтобы видеть, почему именно оно умно. [то действие, которое им кажется глупым, умно] Странно, что мне более верили те, над которыми я не имел никакого права, чем родные, над которыми я имел небольшое право. Первые исполняли буквально слово в слово мой совет и не были потом в раскаянии, но благодарили бога, внушившего мне такой совет,

который вначале был непонятен. Касса не потому вручалась Лизе, что [чтобы] она могла лучше сохраниться у нее, такие глупости мне не приходят в голову. Она у всех вас [Здесь она у всех из вас] может быть в безопасности, красть для себя, верно, никто из вас не станет, и не потому также, чтобы поучить маминьку, но чтобы поучить Лизу, чтобы понемногу привести ее к тому, для чего у нее есть наклонности и что будет потом слишком ей нужно, хотя она теперь и подозревать не может. Лизе поручено было ввести самый точный и подробнейший счет. Было сказано так: чтобы ни одна копейка в хозяйстве не тратилась и не издерживалась, не побывав прежде в руках Лизы, хотя бы полученные деньги сию минуту следовало вносить куды-нибудь. Лиза должна их взять, записать на одной странице приход: получено столько такого-то числа [Далее начато было: а на д<ругой>] и ту же минуту выдать, записав: выдано столько, день и число. Всё до последней мелочи должно быть также внесено в приход и расход, как и большие суммы. В приходе должно быть означено, за что и откуда получены деньги, в

расходе на что и куда отпущены деньги. Когда же кончится месяц, Лиза должна из книги своей списать и расход и приход на тоненьком листике бумаги и переслать мне. Это делается вовсе не из того, [не для того] что у меня поселилась мысль, что вы много тратите или беспорядочно тратите или что я подозреваю кого-либо из вас, как показалось из вас кому-то, уже не помню. Стыдно вам иметь такое подлое мнение обо мне. Прежде, чем выводить какое-нибудь свое заключение из моей просьбы, следовало бы иметь хотя каплю доверия ко мне. И сестрам моим следовало бы сказать так: «Хотя мы и не понимаем, зачем это и к чему, но так как это просьба нашего брата, который любит нас и который во имя любви требует, чтобы просьба была выполнена, то просьба его будет выполнена». Одна из сестер моих имела неблагоприятное [глупость] написать: «Надо бы приехать и увидеть, над чем тут быть казначеем: приход самый маленький и тот же час разойдется на долги, прочее надо уплачивать каждый год в казну и в частные руки». На это я скажу ей, что не тогда важно видеть приход и расход подроб-

нейший всему, когда всего довольства и в избытке, но тогда именно, когда во всем терпят-ся недостатки. И не тогда, когда деньги в большом количестве лежат в сундуке, но тогда, когда они быстро бегут и расплываются, приходят и вдруг уходят. [Далее начато: Ска-завши такое замечание] Сестра моя, кажется Лиза, начала тут же оправдываться в том, о чем [в том, что] я и намека даже ей не сделал, и говорит, что все [все они] вместе живут слишком умеренно, что отказывают себе во всем, что она не имеет вовсе никакого щегольства, что чувствует отвращение к тряпкам, точно как будто бы я во всем этом возводил на нее обвинение. Знайте же (это я вам говорю, как чистую правду), что, напротив, [уже] с давнего времени у меня живет мысль, что вы уже черес<чур> отказываете себе в том, что вам именно необходимо и именно нужно. И вы увидите, что к концу года я, может быть, вам сделаю упрек за то, что вы слишком обрезывали себя в ином, разумеет-ся, если только [если только всё будет] с полным доверием ко мне представите мне пол-нейший и подробнейший отчет во всем. Ка-

ким образом и почему это будет полезно для Лизы, этого я теперь не скажу, это длинная история; каким образом и почему это будет полезно потом для всех, этого я тоже не скажу и [и теперь] требую веры ко мне. Скажу только, [только несколько] каким образом это нужно и полезно для меня, а это покамест первое. Если сестры мои хотят остаться невежами в хозяйстве, то из этого не следует, чтобы я остался невежей. Напротив, тогда-то именно, когда сестры мои [Напротив, если сестры мои] признают себя бессильными принести пользу, [пользу в этом отношении] тогда именно следует мне подумать о том, как быть полезным. Я хочу помочь; для того, чтобы помочь, мне нужно узнать. А мне отвечают, что мне не нужно знать, что всё, что ни есть, не стоит того, чтобы узнать, что это ни к чему не послужит. Это даже забавно! Что ж это? Комедию что ли они хотят играть со мною? Я тогда только и бываю умен, когда всё до последней, до малейшей вещицы рассмотрю и узнаю, тогда только бог и вразумляет меня и дает мне силы развязать дело и выйти из трудных обстоятельств, а без того я

глуп и в несколько раз глупее всякого другого человека. [Далее начато было: Мне нужно] Я не прошу моих сестер сделаться хозяйками, если это им не нравится или нет у них для того склонностей, но я прошу их по крайней мере помочь мне сделаться самому хозяином. [В подлиннике: хозяином] Я их просил помочь мне хорошенько узнать, что такое Васильевка и в каком положении находятся дела [дела в подробностях] хозяйства, а не хозяйничать самим. Им и это тяжело! Я [Я просил их] даже указал им, каким образом они могут меня познакомить. Просил сделать перебор всем избам и посетить до единого мужиков, сделав мне короткое описание характера каждого, и так как сестрам было невозможно [Сестрам моим показалось] трудно ходить в избы самим, я писал в следующем письме, чтобы по крайней мере каждая записа<ла> у себя имена их и, призвавши к себе приказчика в комнату хотя на 10 минут, расспросить его о том, каков такой-то мужик, какие за ним добрые свойства, какие недостатки, к какому делу более способен, в чем успевает, каков в общих экономических работах и каков

в работах для себя, хозяин ли в доме своем, каков с жен<ою> и детьми, и таким же образом [и тоже я просил] расспросить о жене и детях. Это легко было сделать за чаем и за завтраком и тут же записать, хотя по одной семье в день, не больше. Но и это им было трудно, и я до сих <пор> (хотя уже скоро год пройдет со времени моей просьбы) не получил даже и одного листика от них об этом, и только одна меньшая сестра прислала перечень дворовых людей (довольно порядочный и удовлетворительный, хотя по странной какой-то рассеянности позабыла назвать всех по именам). Итак, я вновь прошу и молю обо всем этом еще один раз. [хотя еще один раз] Авось-либо хотя теперь, [теперь, когда] зная, что я больной, что мне трудно даже писать, исполнят они мою просьбу. [Далее начато: Расспроси приказчика]

Вот вопросы, на которые в таком порядке должны быть ответы.

1) Изба такая-то. Имя мужика, его жены, детей, их число и лета каждого.

2) Какие за ним хорошие свойства и какие недостатки.

3) Каков с женой, с детьми и каков хозяин в доме.

4) Каков в работах экономических и какое знает [за ним] особенное ремесло, сверх [сверх тех, которые] обыкновенных работ.

5) Какого свойства жена, какие недостатки у ней. Какое знает ремесло, как с детьми и каковы дети качествами.

Каждая должна эти вопросы списать и иметь всегда перед глазами и в письмах ко мне выписать каждый из них и тут же под ним написать ответ. Если и не успела чего расспросить, вопрос все-таки должен быть выставлен, а под ним причина, почему нет ответа. Пропускать ничего не нужно.

Всякий день положить себе непреме<нно> составить описание одной семьи, для этого

немного понадобится времени. Лиза может делать через день, потому что сверх того нужно записать приход и расход.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову для отправления маминьке в д<еревню> Васил<ь>евку, близ Полтавы.